

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2016. № 413. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2016. № 413. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потексаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сушенко, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.С. Янушкевич,
д-р филол. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasily P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Aleksandr S. Yanushkevich,
Doctor of Philology, Professor

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Андросова С.В., Гусева С.И., Деркач С.В., Морозова О.Н. К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи (на материале английского языка)	5
Баженова Я.В. Поэтика рассказа И.А. Бунина «Веселый двор»: имя – художественная деталь – нарратив	14
Банкова Т.Б., Угрюмова М.М. Дialekтный «Словарь детства»: в поисках лексикографического формата (на материале говоров Среднего Приобья)	22
Демешкина Т.А. Трансформация диалектной коммуникации под воздействием СМИ	29
Исакова А.А. Русские заимствования в Словаре диалектов сибирских татар Д.Г. Тумашевой	34
Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в интерпретации социокультурно маркированного дискурса на основе дискурсивно-когнитивного подхода	38
Смирнова Е.А. Функционирование отсубстантивных глаголов в бизнес-дискурсе (корпусный анализ текстов «The Financial Times»)	46
Gillespie D.Ch., Gural S.K. Film adaptation and cultural politics: the Russian approach to screening literature	52
Régnier J.-C., Bello S.E.L., Kuznetsova E.M. Normative approach to ethnomathematics: linguistic and philosophical grounds	57

ИСТОРИЯ

Афанасова Е.Н. Формирование кадрового состава дошкольных учреждений Восточной Сибири в 1920–1930-х гг.	64
Бадиков Р.А. Застарелая «болезнь» предубежденного отношения к партизанам. Взаимоотношения командующего 5-й армией РККА Г.Х. Эйхе и повстанческого контингента Западной Сибири (1919–1920 гг.)	70
Брум К.А. Реализация основных направлений государственной политики по поддержке предприятий транспортного машиностроения Алтайского края на примере открытого акционерного общества холдинговой компании «Барнаултрансмаш» в 1999–2008 гг.	76
Буриakov В.А., Буриakov А.А., Цыденова Д.Ц. Из истории изучения культа фетишей – <i>tös'ov</i> у хакасов в отечественной этнографии (конец XVIII – вторая половина XX в.)	81
Гергилев Д.Н., Дурева Н.С. Роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью	88
Дмитриенко Н.М. Императорский Томский университет и сибирское купечество: опыт взаимодействия	94
Ермеkbay Ж.А. Формирование и развитие науки Советского Казахстана	103
Зиновьев В.П. Этапы хозяйственного освоения Северной Азии. Демографический аспект	111
Кичера В.В. Источники социальной истории греко-католической церкви Чехословакии (1918–1939 гг.)	115
Кладова К.Ю. «Дефицитные товары – злоба дня»: к вопросу об обеспеченности курганцев товарами легкой промышленности в 1920–1930-х гг.	123
Матвеева Е.В. Институционализация экологических движений Европы: от появления общественных организаций до политических партий	129
Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935)	138

CONTENTS

PHILOLOGY

Androsova S.V., Guseva S.I., Derkach S.V., Morozova O.N. Elision in spontaneous speech (based on English)	5
Bazhenova Ya.V. Poetics of I.A. Bunin's "Happy House": proper noun – art detail – narrative	14
Bankova T.B., Ugriumova M.V. Dialect "Dictionary of Childhood": in search of a lexicographical format (a case study of the Middle Ob dialects)	22
Demeshkina T.A. The transformation of dialect communication under the mass media influence	29
Isakova A.A. Russian loanwords in the <i>Dictionary of the Dialects of Siberian Tatars</i> by D.G. Tumasheva	34
Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. The study of the role of context in sociocultural discourse interpretation through the discursive-cognitive approach	38
Smirnova E.A. Functioning of denominal verbs in business discourse (corpus-based analysis of texts from the <i>Financial Times</i>)	46
Gillespie D.Ch., Gural S.K. Film adaptation and cultural politics: the Russian approach to screening literature	52
Régnier J.-C., Bello S.E.L., Kuznetsova E.M. Normative approach to ethnomathematics: linguistic and philosophical grounds	57

HISTORY

Afanasova E.N. The formation of the personnel of preschool institutions in Eastern Siberia in the 1920s–1930s	64
Badikov R.A. "Inveterate "illness" of prejudice against partisans". Relationships between G. Eiche, Commander of the 5th Army of the Workers' and Peasants' Red Army, and the insurgent forces of Western Siberia (1919–1920)	70
Brumm K.A. Implementation of the state policy to support the Altai Krai transport engineering enterprises (a case study of the holding company Barnaultransmash, 1999–2008)	76
Burnakov V.A., Burnakov A.A., Tsydenova D.T. The study of the cult of fetishes – <i>tös</i> of the Khakas people in Russian ethnography (late 18th – second half of the 20th centuries)	81
Gergilev D.N., Dureeva N.S. The role of M.M. Speransky's reforms in the administration of Siberia	88
Dmitrienko N.M. Imperial Tomsk University and Siberian merchants: the experience of co-operation	94
Ermekbay Zh.A. The formation and development of the Soviet Kazakhstan science	103
Zinoviev V.P. Periods of economic development in North Asia. The demographic aspect	111
Kichera V.V. Social history sources of the Greek-Catholic Church of Czechoslovakia (1918–1939)	115
Kladova K.Yu. "Scarce goods as the topic of the day": on consumer goods supply of Kurgan residents in the 1920s–1930s	123
Matveeva E.V. Institutionalization of environmental movements in Europe: from the emergence of non-governmental organizations to political parties	129
Morozov S.V. On military-political cooperation between Poland and Japan against the Soviet Union (1931–1935)	138

Скочилова В.Г. Динамика ценностно-идеологического измерения политической жизни России 1990-х гг. (к 25-летней годовщине путча ГКЧП)	145	Skochilova V.G. Dynamics of the axiological and ideological dimension of Russian political life of the 1990s (the 25th anniversary of the 1991 Soviet coup d'état attempt)	145
Хаминов Д.В. Научно-организационная деятельность историков второй половины XX в. по подготовке фундаментальных трудов по истории Сибирского региона	149	Khaminov D.V. Research and organizational activities of historians of the second half of the 20th century on the preparation of fundamental works on the history of the Siberian region	149
Храмцов А.Б. Реформирование органов местного самоуправления в городах Томской губернии (март–октябрь 1917 г.)	157	Khramtsov A.B. Reforms of local governments in the cities of Tomsk Province (March–October 1917)	157
Шашкова Я.Ю. Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990–2000-е гг.	162	Shashkova Ya.Yu. Dynamics in the elite of the south-west Siberian regional branches of Russian political parties in the 1990s–2000s	162

ПРАВО

Ахмедшина Н.В. Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником	172
Гладун Е.Ф., Захарова О.В. Этические основы международного экологического права	177
Кочетов Р.М. К вопросу о необходимости государственной регистрации обременения права собственности на объект недвижимости правом ссуды	182
Макарова Н.А. Сущность и значение категорий «реализация функций права» и «формы реализации функций права»	187
Пилюк А.В. Роль суда в установлении истины: собрать доказательства самому или возратить уголовное дело для дополнительного расследования?	193
Татаринов С.А. О формах взаимодействия между Конституционным Судом Российской Федерации и органами государственной власти Российской Федерации	198
Григорьев В.Н., Зайцев О.А. Новый инструмент правового регулирования статуса участников уголовного производства	205
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	210

LAW

Akhmedshina N.V. The mechanism of interaction between the victim of the crime and the criminal	172
Gladun E.F., Zakharova O.V. Ethical foundations of international environmental law	177
Kochetov R.M. On the necessity of the state registration of real estate encumbrance by loan rights	182
Makarova N.A. The essence and meaning of the categories “law function implementation” and “forms of law function implementation”	187
Piyuk A.V. The role of the court in establishing the truth: to collect evidence or to return a criminal case for further investigation?	193
Tatarinov S.A. The forms of cooperation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the bodies of state authority of the Russian Federation	198
Grigoryev V.N., Zaitsev O.A. A new instrument of legal regulation of the status of participants in criminal proceedings	205
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	210

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'34

С.В. Андросова, С.И. Гусева, С.В. Деркач, О.Н. Морозова

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЛИПСИСЕ И ЭЛИЗИИ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена тенденциям эллипсиса и элизии в спонтанной английской речи. В американской (АЕ) речи эллипсис /d/ и /t/ – самый частотный. В АЕ и в канадской речи (СЕ) элизии часто подвергались /ə/, /ɒ/, /ɪ/, а /i/ – редко. Элизия /u/ имела второй ранг частотности в СЕ, но не встретила в АЕ. Эллипсис чаще происходил по типу апокопы, а элизия – синкопы. При соответствующих перцептивных задачах носители АЕ осознавали факты эллипсиса и элизии.

Ключевые слова: английский язык; спонтанная речь; эллипсис и элизия; апокопа; синкопа; консонанс; слог; фонологическое выпадение; восприятие.

Введение

В разных фонологических школах отношение к подвижности фонемного состава морфем слов¹ неодинаково. Согласно Московской фонологической школе такая подвижность возможна, прежде всего, в связи с историческими чередованиями фонем, в том числе чередованием с нулём звука. Щербовская фонологическая школа предполагает большую подвижность, поскольку признаёт независимость фонемы от позиции в морфеме и, следовательно, допускает наличие живых фонетических чередований (согласно В.Б. Касевичу, автоматических чередований [1. С. 47–48]), например, в предлоге *c*: /s/-/sʰ/-/z/-/zʰ/-/ʃ/-/ʒ/ (*c Олей, c Семой, c Зоей, c Зиной, c Шурой, c Женеи*), а также выпадений звуков, связанных с действующими фонетическими законами. Следствием этого является признание возможности сосуществования канонических² и неканонических моделей морфем и слов (см. подробнее об этом в [6]). В настоящей статье речь пойдёт о подвижности фонемного состава морфем и слов, связанной с эллипсисом и элизией³.

Эллипсис, элизия и перестройка структуры слогов: причины и описанные факты

Эллипсис (иными словами – эллиптирование, или выпадение согласных), элизия (выпадение гласных или полная редукция) и выпадение целых слогов и слов являются своего рода радикальными модификациями, часто происходящими в речи (особенно спонтанной) на разных языках. Причины, определяющие эллипсис и элизию, общеизвестны: экономия речевых усилий как общая причина, фонетические особенности организации звуковой цепи и большая степень избыточности отдельных высокочастотных элементов [7. С. 65, 176; 8. С. 68; 9. С. 3–4; 10]. Эллипсис и элизия характерны для разных языков мира в разные периоды их развития (см., напр., об элизии гласных, связанной с безударностью, в работе М. Тэйлор на материале разных языков в диахронии [11. С. 12–13]). Как известно, выпадение звуков бывает двух видов: в конце слов (апокопа) и не в конце (синкопа) (см. об этом, напр., в работе Ю.С. Маслова [12. С. 43–44]).

В настоящем исследовании рассматриваются эллипсис и элизия на материале английского языка в его американском и канадском вариантах (соответственно АЕ и СЕ). Нами намеренно были выбраны варианты одного языка – в них ожидалось проявление немалого сходства тенденций выпадения сегментов наряду со специфическими для каждого варианта чертами.

Большое количество случаев эллиптирования в английском языке неудивительно, учитывая высокий консонантный коэффициент частотных (одно-сложных) слов. По результатам исследований Т.Н. Чугаевой [13. С. 57], он в данном языке равен 2,43, что существенно выше, чем, например, в русском, немецком и французском языках. Эллипсис приводит к перестройке структуры слогов. В одних случаях эти изменения способствуют упрощению структуры консонантной периферии, которое имеет место не только при большом для английского языка скоплении согласных, но и в особенно характерных для данного языка двучленных консонансах, таких как, например, *-nd*, *-st*.

Нередко встречаются и случаи усложнения периферии слога. Этому чаще всего способствует элизия. В.Д. Бальд, А.С. Гимсон, Ф. Нолан (ссылаясь на неопубликованные материалы по докторской диссертации Р.М. Далби), П.У. Най и К.А. Фаулер приводят целый ряд характерных примеров: элизия гласного⁴ из предупредительной позиции в словах типа *believe* [bl] (= «верить, предполагать»), *police* [pl] (= «полиция»), *correct* [kr] (= «исправлять») [14. С. 317; 15. С. 235; 16]; выпадение нейтрального гласного из контекстов типа *particular* [pt] (= «тот самый, определённый»), *confuse* [km] (= «путать»), *bestow* [pst] (= «даровать») [17. С. 301]; элизия заударного гласного в таких примерах, как *difficult* [fɪklt] (= «сложный»), *preferable* [frɪəbl] (= «предпочтительный») [14. С. 317; 15. С. 235].

К. Джонсон [18. С. 29–54] на материале разговорной речи АЕ обнаружил, что в 25% слов выпадает, по крайней мере, один сегмент, а целый слог отсутствует как минимум в 6% слов. Результаты исследования Д. Джурафски с соавт. [19. С. 229–254], проведённого на материале большого корпуса телефонных разговоров, говорят о сокращении длительности и выпадении согласных /t/, /d/ в высокочастотных словах. В ходе

изучения 8 тыс. реализаций десяти самых частотных английских слов в разговорной речи А. Беллом с соавт. [20. С. 1001–1024] подтверждено, что предсказуемость этих слов, относительно быстрый темп речи – 7,5 слогов в секунду – приводят к частой редукции гласных, в том числе и полной.

По данным К. Колера, в немецкой речи, независимо от её стиля, в 59% случаев имеет место элизия заударных гласных, а элизия гласного из глагольного окончания *-en* составляет 93% от всех случаев его употребления [10]. Колер также выяснил, что в служебных словах в спонтанной речи процент элизии несколько выше по сравнению с чтением [21]. В немецкой спонтанной речи (по результатам исследования на материале диалогов) элизия – явление весьма частотное: из массива в 23 тыс. слов элизия нейтрального гласного имела место в 2 843 случаях, элизия других гласных, включая закрытый /i/ как в слове *vielleicht* (= «может быть»), – в 828 случаях [9].

В немецком языке часто отмечается эллиптирование /n/ в глаголах, неопределённом артикле и местоимениях [22. С. 26; 23. С. 7].

Несмотря на немалое количество упоминаний о выпадении тех или иных сегментов, исследования таких случаев носят все же отрывочный характер. Цель настоящей работы – провести комплексный анализ эллиптирования и элизии на материале спонтанной речи, в которой эти явления максимально частотны, с точки зрения спектра вовлеченных согласных и гласных, позиции в слове и информативной нагрузки, которую несет то или иное слово, что, среди прочих факторов, обусловлено и тем, является слово служебным или знаменательным.

Эллипсис и элизия по данным настоящего исследования

Материал и методика исследования

Материалом для анализа послужили образцы спонтанной монологической английской речи шести так называемых наивных носителей указанных языков (далее – дикторов: трёх американцев, трёх канадцев с высшим образованием в возрасте 34–50 лет), полученные нами ранее [24–27]. Дикторы, по оценкам экспертов, являются носителями соответствующих произносительных стандартов. Записи производились в лабораторных условиях в звукоизолирующих помещениях с микрофона через микшерный пульт на звуковую плату компьютера. В задачи дикторов входили ответы на вопросы, которые были предложены им непосредственно перед записью; при этом времени на подготовку дикторам не давалось. Ни один из дикторов не сослался на нарушения речи и слуха. Дикторы не проявляли боязни микрофона и вели себя естественно. Слуховому и акустическому анализу были подвергнуты 33 368 реализаций американских согласных, 8 021 реализаций американских гласных и 9 995 канадских гласных.

Анализ экспериментального материала позволяет констатировать, что в спонтанной речи на исследуемых

вариантах английского языка действуют две противоположные тенденции. Первая заключается в упрощении двух- и трёхчленных консонансов за счёт эллипсиса: *and I* [ɛn(d)ai] (= «и я»). Вторая тенденция – элизия и образование двух- и трёхчленных консонансов: *correct* [k(ə)ʃɛkʰ(t)] (= «исправлять, наказывать»), *family* [fæm(ə)li] (= «семья»). Нельзя не отметить, что аналогичные тенденции были зафиксированы и в немецком языке: соответственно *sondern* [zɔn:(d)ɐn] (= «а»), *sagen* [za:g(ə)ŋ] (= «говорить, сказать») [27].

Количественная обработка звукового материала позволила выявить процент выпадения того или иного звука по отношению к общему количеству случаев его употребления. Полученные данные представлены в табл. 1–3.

Эллипсис

Выпадение согласных изучалось на материале АЕ. Результаты представлены в табл. 1, 2. Как видно из табл. 1, в АЕ наибольший процент составляет эллиптирование /d/, при этом наибольшее количество случаев приходится на эллиптирование /d/ из союза *and*. Всего было проанализировано 556 реализаций данного союза. Из них лишь в 151 сохранялся шумный согласный, в остальных 405 он эллиптировался. Обращает на себя внимание широкий спектр комбинаторно-позиционных условий, в которых имел место эллипсис шумного из указанного союза – практически в любом фонетическом окружении: перед согласными, как шумными, так и сонантами, а также перед гласными, перед паузой или между паузами. Следует подчеркнуть, что сочетание /d/ с гомоганным /n/ уже является достаточным условием для эллипсиса. Из данного сочетания /d/ выпал в 110 случаях из знаменательных слов; при этом наличие следующего согласного было необязательным.

Т а б л и ц а 1
Эллиптирование в спонтанной речи АЕ

Фонема	d	t	v	h	r	ð	l	w
Эллипсис, %	25,5	9,2	5,5	2,0	1,0	0,9	0,4	0,2

Т а б л и ц а 2
Элизия в спонтанной речи АЕ

Фонема	ə	ʊ	ɪ	iə	ε	aɪ	i
Элизия, %	16,3	13,2	1,2	1,2	1,0	0,3	0,3

Приведём типичные примеры (знаком | обозначена пауза, подчёркиванием – выпавший сегмент): *inquisitive and |* (= «любопытный и»), *in the automobile | and | we* (= «в автомобиле и мы»), *and of course* (= «и, конечно»), *and be* (= «и быть»), *and so* (= «и, таким образом»), *and then* (= «и затем»), *and helping* (= «и помогаем»), *and* (= «и»), *hundred* (= «сто»), *and we* (= «и мы»), *and I* (= «и я»), *and all* (= «и все»), *and every* (= «и каждый»), *a thousand and four* (= «тысяча четыре»), *kind of / kinds of* (= «вид» / «виды»), *second question* (= «второй вопрос»), *a friend*

of mine (= мой друг) и многие другие. Как видно из примеров, практически все выпадения данного согласного, за редким исключением, происходили по типу апокопы.

На втором месте по частотности эллиптирования находится фонема /t/. Наибольшее количество случаев выпадения (306) приходится на сочетания гоморганных -st-, -nt-. Во многих случаях, хотя и не всегда, причиной было скопление согласных. Так же как и при эллиптировании /d/, эллиптирование /t/ имело место как в служебных, так и в знаменательных словах. Большая часть эллиптирования была по типу апокопы, хотя синкопа также имела место. Отмечались случаи, где апокопа и синкопа происходили одновременно. Приведём типичные примеры: *the biggest part* (= «наибольшая часть»), *most shopping* (= «большинство покупок»), *most American* (= «большинство американских»), *important that* (= «важно, что»), *didn't go* (= «не ходили»), *strict college* (= «колледж со строгими правилами»), *difficult part* (= «сложная часть»), *presents* (= «подарки»), *artifacts* (= «артефакты»), *projects* (= «проекты»), *gifts* (= «подарки»), *correctly* (= «правильно»), *winter* (= «зима»), *adjustment* (= «адаптация»), *want to* (= «хотят»), *go to the mall* (= «ходят в огромный торговый центр»).

Другие согласные⁵ эллиптировались реже и только из служебных слов: выпадение /v/ и /f/ по типу апокопы, /h/ (разумеется, только синкопа). Приведём некоторые типичные примеры: *of course* (= «конечно»), *lot of happy* (= «много счастливых»), *and her* (= «и её»), *God has given* (= «Бог дал»), *put his* (= «(он) возлагает свою (веру)»), *who has* (= «у кого есть»), *I have* (= «у меня есть») и ряд других.

Элизия

Выпадение гласных рассмотрено на материале двух вариантов английского языка – АЕ и СЕ. Как видно из табл. 2, в АЕ самый высокий процент всех зафиксированных случаев элизии – 16,3% (191 случай) – приходится на нейтральный гласный или «шва». Практически во всех указанных примерах имела место синкопа. Апокопа в случаях типа *written* (= «письменный») нами не рассматривалась, поскольку это явление уже носит скорее диахронический характер⁶. Приведём типичные примеры.

1. Выпадение «шва» из союза *and* (= «и»), находящегося в сверхслабой фразовой позиции – просодически немаркированное слово на участке с быстрым темпом произнесения: *rice tends to colloidal and become a massive yuck* [k^h(ə)lɔɪdʒək^hei(ə)n(d)] (= «рис часто слипается, превращаясь в клейкую противную массу»), *weeks and weeks* [wɪks(ə)n wɪks] (= «неделями»); *and that was* [(ə)n(d)ðæʔwəz] (= «и это было»).

2. Выпадение «шва» из *some, can, to, from* (соответственно = «некоторый, уметь / мочь, частица инфинитива / предлог в, из») в сверхслабой фразовой позиции: *some means of discipline* [s(ə)m:ɪnz] (= «некоторые средства воспитания»); *so I can say* [k^h(ə)n] (= «таким образом я могу сказать, что»); *go to speak with my thesis adviser* [t(ə)spɪk] (= «иду поговорить с

научным руководителем»), *had fights from time to time* [fɪ(ə)m] (= «периодически дрались»).

3. Выпадение нейтрального гласного из сочетания глухой взрывной + «шва» + сонорный в начале знаменательных слов: *complete* [k^h(ə)mp^hlɪt] (= «завершить», «полный»), *continual* [k^h(ə)ntɪnuəl] (= «постоянный»), *colloidate* [k^h(ə)lɔɪdʒək^heiʔn] (= «превращаться в клейкую массу»), *corporal* [k^hɔrp(ə)rəl] (= «физический (о наказаниях)»), *curriculum* [k^h(ə)rɪkjələm] (= «учебный план», «расписание»). При этом предыдущий согласный, по слуховым впечатлениям, сохраняет сильное придыхание, как если бы гласный не выпадал. Аналогичный процесс происходил и в конечной позиции: *customs* [kʌst(ə)mz] (= «традиции», «таможня»), *second* [sek(ə)(d)] (= «второй», «секунда»).

Типичные случаи выпадения гласного /ɪ/ сводятся к следующим.

1. Выпадение в начальной позиции знаменательных слов *but instead* [bʌt^h(ɪ)nstəd] (= «но вместо этого»), *especially* [(ɪ)speʃ(ə)li] (= «особенно»), *impressions* [(ɪ)mpreʃnɪz] (= «впечатления») – в постпозиции всегда сонант или /s/.

2. Выпадение из служебных слов, например из предлога *in* (= в): *interested in* [ɪn(t)ərestɪd(ɪ)n] (= «заинтересованный в»), а также из *it's* (= «это (есть)»).

3. Выпадение из суффикса -ity в слове *university* [junəvɜːs(ɪ)ti] (= «университет») и из сочетания -ily в словах типа *family* [fæm(ɪ)li] (= «семья»), *happily* [hæp(ɪ)li] (= «счастливо»).

Выпадение монофтонга /ɪ/ отмечено в сочетании слов *possibility to* [p^has(ɪ)bɪl(ə)t(ɪ)ʊ] (= «возможность (иметь)») – единственный случай апокопы.

Выпадение /ʊ/ было зафиксировано только в слове *education* [ɛʃ(ʊ)keɪʃn] (= «образование»). В таких случаях за элизией следовали полное оглушение предыдущей аффрикаты и реализация /ʃ/ вместо /dʒ/.

Отдельно следует отметить выпадение глайдов ряда дифтонгов (приводящее к их монофтонгизации), которое не охватывается классическим пониманием элизии. Кроме того, встречалось выпадение ядра из дифтонга /ʊə/ в суффиксе -ual в словах *actually* (= «вообще-то»), *usually* (= «обычно») и скольжение из дифтонга /əʊ/ в словах *don't* (= «не (+ глагол настоящего простого времени)»), *almost* (= «почти»), *also* (= «также»), *so* (= «таким образом»). Выпадение глайда дифтонга /ei/ приводило к монофтонгизации дифтонга, например, в слове *e-mail* (= «электронная почта»). Отмечено сравнительно большое количество примеров элизии ядра дифтонга /eə/ чаще в словах *their* (= «их» (притяжательный падеж)) и *there* («там»). Зафиксированы единичные примеры выпадения дифтонгов /iə/ и /ai/ целиком.

Общий процент элизии в АЕ и в СЕ полностью совпадает (3%). Однако спектр фонем, подвергшихся элизии, и ранги частотности элизии отдельных фонем отличаются (ср. табл. 2 и 3). В обоих вариантах чаще всего выпадает нейтральный гласный.

Таблица 3

Элизия в спонтанной речи СЕ

Фонема	э	ɪ	ʊ	ʊ	э	о	а	ei	i
Элизия, %	28,8	7,4	11,3	10,1	5,0	4,8	6,7	2,6	0,6

Как показывает проведённый акустический анализ, одной из важнейших причин выпадения звуков является быстрый темп. Однако и медленный темп не является препятствием для эллипсиса и элизии. В этом плане проявляется определённая общность с русским языком, о чём ранее писал С.В. Кодзасов: сокращённые формы высокочастотных слов в какой-то момент перестали быть жёстко связанными с быстрым темпом, превратились в самостоятельные явления; в результате образовались независимые от темпа речи сокращённые дублетные формы высокочастотных слов, которые стали принадлежностью разговорной речи [28. С. 111].

Особенности восприятия сегментов с эллипсисом и элизией

Особенности восприятия слов и их сочетаний, в которых имели место эллиптирование и элизия, в настоящем исследовании рассматривались на материале АЕ. Общей целью перцептивного эксперимента было выявить, в каких случаях произошло фонологическое выпадение, т.е. воспринимаемое носителями языка (восприятие, как известно, носит фонологический характер), а в каких имело место фонетическое выпадение, когда носители языка в ходе восприятия смогли восстановить утерянные сегменты.

В ходе акустического анализа было выявлено немало случаев сокращения количества слогов в слове. Сокращению подвергались в основном двух- и трёхсложные слова (после односложных слов они самые частотные). Именно такие слова вошли в блок для перцептивного анализа (в квадратных скобках приведена акустическая транскрипция, отражающая реальное звучание в спонтанной речи): канонически двусложные *being* [bɪŋ] (= «будучи»), *very* [və] (= «очень»), *believe* [blɪv] (= «верить / полагать»), *correct* [kʰɛk] (= «верный»), канонически трёхсложные *popular* [pʰaplə], *probably* [pʰəli], *example* [zæm] (соответственно = «популярный», «возможно», «пример»), а также сочетания *they had (done)*, *(ac)tually I had* [ʃlɛd] (соответственно = «они сделали», «вообще-то у меня было»), в которых выпали гласные и согласные сегменты. Эти слова (далее – стимулы) в трёхкратном повторении были записаны в отдельные файлы формата MP3 и в случайном порядке предъявлены аудиторам. В эксперименте участвовали две группы аудиторов: 23 носителя АЕ в первом эксперименте и 10 носителей АЕ во втором. В ходе предварительной беседы 1) никто из них не сослался на нарушения речи или слуха, 2) ярких диалектных черт в их речи нами обнаружено не было.

Эксперимент 1

Цель первого эксперимента – выяснить, как носители языка воспринимают сокращение количества слогов как следствие выпадения сегментов, если им неизвестно, какое слово / сочетание реализовано. Аудиторы, участвовавшие в первом эксперименте (L1–L23), были проинформированы, что стимулы могут быть взяты из любого места в слове (начало, конец, середина), а также из рядом находящихся слов. Перед аудито-

рами ставилась задача с помощью букв английского алфавита записать услышанное в одной колонке, если аудитор считает, что стимул – не целое слово, то в другой колонке было предложено дать примеры слов или сочетаний слов, где бы мог встретиться данный стимул. Результаты изложены в табл. 4.

Сокращение количества слогов до одного в канонически двусложном слове *being* подтверждается при исследовании восприятия носителей АЕ (см. табл. 4): полученная фонетическая оболочка – [bɪŋ] при длительности гласного звука 99 мс – подавляющим большинством аудиторов интерпретируется как содержащая один гласный монофтонг (20 из 23–87%), в основном /ɪ/: *bing* / *bin*.

Частотное слово *very* в своей фонетической оболочке [və] в условиях ограниченного контекста воспринимается 91% аудиторов как содержащее один слог, вершина которого – ретрофлексный гласный [ə] (см. табл. 4). Слабая выраженность акустических характеристик первого согласного обусловила большое количество разночтений относительно его опознания: /v/, /h/, /f/, /b/, /p/ и даже в трёх случаях – отсутствие согласного.

В слове *correct* носители АЕ не опознали присутствия гласного между первым смычно-взрывным и /r/ (см. табл. 4): 100% аудиторов интерпретировали стимул как начинающийся с сочетания смычно-взрывного с плавным сонорным, преимущественно /kr/ (91% – 21 аудитор из 23). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с полным (фонологическим) выпадением гласного без оставления каких-либо следов (придыхание, которое реализуется у /k/, в данном случае не должно рассматриваться как «след» от гласного, поскольку оно характерно для /k/ и в сочетании с последующим плавным сонорным).

Похожие процессы происходят и в словах с большим количеством слогов в канонической модели. Один из примеров – образование кластера без какой-либо гласной вставки в слове *corporations* вследствие выпадения безударного гласного после /p/. В результате выпадения слово реализуется не как четырёх-, а как трёхсложное. Стяжение второго и третьего канонических слогов в слове подтверждается особенностями восприятия (см. табл. 4): стимул, оставшийся после удаления первого и последнего слогов, всеми аудиторами был интерпретирован как начинающийся с сочетания взрывного согласного и плавного ретрофлексного /r/. Взрывной согласный большинством был опознан как губно-губной – 70% (16 из 23 аудиторов). Признак фонологической глухости / звонкости не был надёжно опознан: 9 аудиторов опознали взрывной как /p/, 7 – как /b/, что, вероятно, связано со слабой выраженностью придыхания⁷. Ни один участник эксперимента не указал на присутствие гласного между взрывным и /r/.

Стимул, сегментированный из слова *popular* (были удалены первый согласный и следующий гласный), воспринимался подавляющим большинством как слова *blur* / *blurb* / *blurt* (см. табл. 4). Этому способствовало выпадение плавного среднеязычного /j/ и заударного гласного, а также реализация второго губно-

губного фонологически глухого /p/ слабым глухим – [pɫə]. Данный результат объясняется отсутствием важных для восприятия фонологической глухости ключей: повышенной амплитуды и сравнительно большой длительности турбулентного шума, следующего за импульсом (о перцептивной разнице фонологически глухих и звонких по этим параметрам см. работу Б. Реппа [29], выполненную на материале синтезированных и естественных стимулов). Таким образом, восприятие, лишённое более широкого контекста, адекватно реагировало на произошедшие акустические изменения. При предъявлении слова целиком оставшихся в нем сегментов – [ˈpʰapɫə] – оказалось недостаточно для узнавания слова и, таким образом, для восстановления утраченных и видоизменённых сегментов.

Другое трёхсложное в канонической модели слово *probably* в своей наиболее частотной в спонтанной речи фонетической оболочке [ˈprali], где первый согласный – слабый глухой, а плавный латеральный – вокализованный, у носителей языка ассоциаций со словом *probably* практически не вызывало (слово узнал 1 из 23 носителей АЕ). Изменение слоговой структуры слова зафиксировано абсолютным большинством – 96% (22 из 23). Таким образом, оставшихся сегментов, два из которых подверглись ослаблению, оказалось явно недостаточно для восстановления слова вне более широкого контекста.

Сочетания слов *example for* и *they had* (см. табл. 4), состоящие в канонической модели из четырёх и двух слогов соответственно, реализуются как дву- и односложное образования соответственно и аналогично воспринимаются аудитором в 96% для обоих сочетаний. В первом сочетании «лишними» оказались первый гласный и слог /pl/ с вершиной плавным латеральным. В стимуле, предъявленном без первого гласного, на присутствие второго слога указал только один носитель АЕ, употребивший двусложное квазислово; остальные восприняли стимул как односложный. Во втором сочетании гласный, образованный в результате стяжения *they* и *had*, воспринимается в основном как монофтонг /ɪ/ либо перцептивно близкий ему /ε/.

Т а б л и ц а 4

Изменение количества слогов в слове
(результаты перцептивного анализа)

№ п/п	Поданный сегмент	Наличие изменений, %	Варианты ответов
1	<u>being</u>	87	bing / bin / bimbo / been
2	<u>very</u>	91	virgin / heard / bird
3	<u>correct</u>	100	crack / crab
4	<u>corporations</u>	70	bray / pray
5	<u>popular</u>	100	blur / blurb / blurt
6	<u>probably</u>	96	pravi / private / pride
7	<u>example for</u>	96	lef / laugh / zef
8	<u>they had</u> done	96	did / din / dead / ted / ten
9	<u>actually I had</u>	100	shled / pshled / sled / pled

Примечание. Подчёркиванием обозначен поданный сегмент.

Потеря слогов сочетания *actually I had*, фактически реализованное как [ækɫed], также нашла отражение в

восприятии носителей АЕ: все аудиторы опознали сочетание, предъявленное без первого гласного, как образование, содержащее только один гласный (табл. 4). Все аудиторы, кроме одного, предпочли односложные слова или квазислова.

Нельзя не согласиться с мнением Ф. Либермана и К. Фаулера, что слабость артикуляции описанных слов, безусловно, оказывает влияние на восприятие, если предъявлять их в условиях ограниченного контекста [30. С. 451–454; 31. С. 501]. Сомнительны в этом плане утверждения Дж. Уэлза и Л. Дейвидсон [32. С. 402; 33. С. 97] о том, что выпадение нейтрального гласного не будет иметь фонологического характера и что при выпадении, например, нейтрального гласного из таких слов, как *finally*, *Hungary*, они действительно не будут восприниматься как *finely*, *hungry*. Результаты проведённого эксперимента свидетельствуют об обратном. Однако в условиях широкого контекста вероятность такого влияния минимальна [31. С. 501].

Таким образом, стяжения нескольких слогов в один в рамках одного слова или соседних двух-трёх слов как следствие выпадения сегментов в условиях ограниченного контекста находят отражение при восприятии таких сегментов в ограниченном контексте. Поскольку выпадение фиксируется акустически и перцептивно, речь может идти о фонологическом выпадении и подвижности фонемного и слогового состава слов.

Эксперимент 2

В данной ситуации не мог не вызвать интереса вопрос о том, как носители языка воспринимают сокращение количества слогов, если им известно, какое слово / сочетание реализовано. Чтобы ответить на поставленный вопрос, был проведён дополнительный пилотный эксперимент на материале семи единиц, включая некоторые из рассмотренных выше девяти примеров (шесть одиночных слов и одного сочетания: *being*, *very*, *correct*, *believe*, *popular*, *probably*, *they had*), в котором приняли участие 10 носителей АЕ (L1–L10) без ярких диалектных черт в речи. Эксперимент проводился с каждым аудитором индивидуально. Аудиторам была предложена анкета, в которой в орфографии были даны слова, задействованные в эксперименте. Задание состояло в прослушивании слов и указании, сколько слогов в них услышал аудитор. Согласно заданию было необходимо выбрать из трёх предложенных вариантов (1 слог, 2 слога, 3 слога) либо дать свой вариант. Количество прослушиваний не ограничивалось. Результаты выполнения задания аудитором приведены в табл. 5.

Согласно полученным данным: 1) ни один аудитор не указал своего варианта ответа, помимо предложенных в анкете; 2) один из 10 аудиторов указывал только каноническое количество слогов (L2), что может быть связано с неверным пониманием задания; 3) в 40 случаях из 70 (57% аудиторов) было указано меньшее количество слогов, чем предусмотрено канонической моделью.

Явное преобладание (70–80%) выбора меньшего количества слогов по сравнению с каноническим от-

мечалось для *being* (1 слог – 7 из 10 аудиторов), *very* (1 слог – 7 из 10 аудиторов), *popular* (2 слога – 8 из 10 аудиторов), *probably* (2 слога – 8 из 10 аудиторов), *they had* (1 слог – 7 из 10 аудиторов). В подавляющем большинстве в словах *correct*, *believe* были выбраны ответы с каноническим количеством слогов (9 из 10 и 8 из 10 соответственно) – 80–90%. Примечательно, что слово *correct*, предъявленное в том виде, в котором оно было реализовано в спонтанной речи ([kʁɛk]) без опоры на написание, в 100% случаев было воспринято как односложное (см. табл. 4).

Т а б л и ц а 5
Восприятие сокращения количества слогов в словах

По- дан- ный сег- мент	Being предл. кол-во слогов			Very предл. кол-во слогов			Cor- rect предл. кол-во слогов			Believe предл. кол-во слогов			They had предл. кол-во слогов			Popu- lar предл. кол-во слогов			Proba- bly предл. кол-во слогов		
Ау- дитор	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
L1	+			+			+			+			+			+			+		
L2		+			+			+			+			+			+			+	
L3	+			+			+			+			+			+			+		
L4	+			+			+			+			+			+			+		
L5	+			+			+			+			+			+			+		
L6		+			+			+			+			+			+			+	
L7	+			+			+			+			+			+			+		
L8	+			+			+			+			+			+			+		
L9	+			+			+			+			+			+			+		
L10		+			+			+			+			+			+			+	
Итого «+»	Количество аудиторов из 10, выбравших один из предлагаемых вариантов количества слогов, абс. ед.																				
	7	3	0	7	3	0	1	9	0	2	8	0	7	3	0	0	8	2	0	8	2

Полученные результаты позволяют предположить, что влияние знания о каноническом слоговом составе слов, который определённым образом отражается в их написании, усугубляется, если предъявляемая звуковая оболочка не соответствует ожидаемой. Выявить причины указанного несоответствия на данном этапе не представляется возможным. Для этого необходимо отдельное исследование с большим количеством примеров, аудиторов и анкет с вариативными постановками задач.

Закключение

Не претендуя на полноту описания случаев эллипсиса и элизии для АЕ и СЕ, проведённое исследование позволило прийти к следующим в ы в о д а м .

В исследованном материале английского языка – американском и канадском – отмечались общие тенденции выпадения сегментов. В обоих вариантах выпадения происходили как по типу апокопы (преимущественно согласных), так и синкопы (преимущественно гласных); отмечались случаи, когда апокопа и синкопа происходили одновременно. И в АЕ, и в СЕ элизии часто подвергались /ə/, /o/, /ɪ/, а элизия /i/ в обоих вариантах имела последний ранг. Вместе с тем были зафиксированы специфические черты, касающиеся спектра выпадения звуков, частотности их выпадения и позиции в слове. Так, элизия /u/ имела второй ранг частотности в СЕ и не встретила в АЕ и т.п.

В АЕ выпадения согласных /d/ и /t/ были среди самых частотных.

Выпадение сегментов имело место как из служебных, так и знаменательных слов, при этом нельзя сказать, что количество последних было небольшим.

Было также сделано предварительный вывод относительно особенностей восприятия носителями АЕ сегментов с эллиптированием и элизией, взятых из американского материала. В абсолютном большинстве изученных случаев эллиптирования и элизии при восприятии в ограниченном контексте канонический фонемный состав носителями АЕ не восстанавливался. При соответствующей постановке задачи носители АЕ были в состоянии осознать сокращение слогов в словах, явившихся результатом эллиптирования и элизии.

Перспективу исследования составит дальнейшая балансировка данных (получение данных по согласным канадской спонтанной речи) и их систематизация. Особое внимание следует уделить изучению особенностей восприятия слов с эллипсом и элизией в канадском варианте английского языка, для чего будут проведены перцептивные эксперименты и выполнены соответствующие описания данных по типу тех, что представлены в настоящей статье. Кроме того, было бы полезно сравнить полученные данные с современным немецким материалом. По крайней мере, более ранние исследования немецкой спонтанной речи [27] указывают на возможность схожих результатов: выпадения смычно-взрывных переднеязычных /t/, /d/ так же, как и в нашем английском материале, были самыми частотными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду, что одна и та же морфема и одно и то же слово в разных ситуациях речепроизводства (произнесение изолированных слов, чтение, спонтанная речь и т.д.) могут быть представлены разным фонемным составом.

² Под каноническим произнесением, вслед за Дж. Охала, мы понимаем чтение текста, изолированных слов, бессмысленных сочетаний в лабораторных, строго контролируемых условиях, когда экспериментатор намеренно добивается от испытуемых гиперартикуляции [2. С. 419]. Фонемные и аллофонные модели морфем и слов, построенные на основании фонетических знаний, полученных таким образом и зафиксированных в произносительных словарях, мы называем каноническими. Соответственно, остальные фонемные модели мы называем неканоническими. Канонические и неканонические модели во многом соотносятся с понятиями полного и неполного типов произнесения (см. об этом в известной статье Л.В. Бондарко и соавт. «Стили произношения и типы произнесения» [3] и ещё раньше, в 1957 г., у Л.В. Щербы [4. С. 21–25]), однако полного совпадения нет. Например, распространённое в потоке русской речи произнесение слова *получать* как [pɒloʃʲatʲ] вместо [pəlɒʃʲatʲ] или слова *журналист* как [ʒɪrɪnɪlɪst] вместо [ʒɒrɪnɪlɪst], в потоке английской речи союз *as* как [• •] и так далее вряд ли можно отнести к неполному типу, но, безусловно, следует отнести к неканоническому произнесению. Эллипсис и элизия – это всегда неполный тип; эти явления чаще всего приводят к образованию неканонических моделей, поскольку и то и другое редко фиксируется в словарях (см., например, словарь Дж. Уэлла за 2008 г. [5]).

³ Как известно, в английской фонетической терминологии термин ‘elision’ относится к выпадению любого сегмента – гласного, согласного, слога, в отличие от русского языка.

⁴ Вольф-Дитрих Бальд в приведённых примерах не уточняет, какой гласный выпал. Остаётся предположить, что это нейтральный, хотя в предупредном слоге в слове *believe* вариантность, как известно, даёт возможность выбора между /ɪ/–/ə/.

⁵ В АЕ выпадение /j/ в таких примерах, как *education, during, new, suit* (соответственно = *образование, во время, новый, костюм*) и подобных следует отнести к диахроническому аспекту. Поэтому такие случаи в настоящем исследовании не рассматривались.

⁶ В современных словарях приводится только вариант без второго гласного, также как и, например, русское слово *провода* не предполагает варианта с гласным в третьем слоге, в отличие от английского слова *and*, в котором возможны варианты как с гласным, так и без него, как с конечным согласным, так и без него, а также в отличие от русского слова *человек*, которое на современном этапе реализуется как в полной форме со всеми гласными и согласными, так и в форме [ʃɛːk].

⁷ По результатам акустического анализа экспериментального материала придыхание у /p/ чаще, чем у /t/ и /k/, могло не реализоваться либо реализоваться крайне слабо даже в ударной позиции (разумеется, при слабом ударе).

ЛИТЕРАТУРА

1. Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания // Труды по языкознанию. СПб. : Филол. фак. СПб. гос. ун-та, 2006. С. 10–238.
2. Ohala J.J. The Marriage of Phonetics and Phonology // *Acoustic Science and Technology*. 2005. Vol. 26, № 5. P. 418–422.
3. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В., Зиндер Л.Р., Касевич В.Б. Стили произношения и типы произнесения // Вопросы языкознания. 1974. № 2. С. 64–70.
4. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Избранные работы по русскому языку. М. : Аспект Пресс, 2007. С. 21–25.
5. Wells J.C. *Longman pronunciation dictionary*. 3rd ed. Pearson Education Limited, 2008.
6. Андросова С.В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 5–15.
7. Мартин А. Принцип экономии в фонетических изменениях. Проблемы диахронической фонологии / пер. с фр. А. А. Зализняк. М. : Ком-книга, 2006.
8. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Зиндер Л.Р. и др. Фонетика спонтанной речи. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
9. Kohler K.J. Articulatory reduction in German spontaneous speech // First ETRW on speech production modeling. Autrans, France, May 1996. URL: http://www.isca-speech.org/archive_open/spm_96/papers/sp6_001.pdf
10. Kohler K. Vowel deletion in the Kiel Corpus of Spontaneous Speech // *Sound Patterns in Spontaneous Speech* / K. Kohler, C. Rehor, A. Simpson (eds.). Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung Universität Kiel. 1996. № 30. P. 115–157.
11. Taylor M. The interaction of vowel deletion and syllable structure constraints : PhD Thesis. Simon Fraser University, 1994.
12. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1998. 272 с.
13. Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка. Екатеринбург ; Пермь : ПИЦ УрО РАН, 2007.
14. Bald W-D. An Example of phonological reduction in English // *Studies in the pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson. Ramsaran S. (ed.)*. Routledge, 1990. P. 317–322.
15. Gimson A.C. An Introduction to pronunciation of English. Bristol : J.W. Arrowsmith, 1973.
16. Nye P.W., Fowler C.A. Shadowing latency and imitation: The effect of familiarity with the phonetic patterning of English // *Journal of Phonetics*. 2003. Vol. 31. P. 63–79.
17. Nolan F., Kerswill P.E. The description of connected speech processes // *Studies in the Pronunciation of English. A Commemorative Vol. in Honour of A.C. Gimson / ed. by S. Ramsaran*. Routledge, 1990. P. 296–316.
18. Johnson K. Massive reduction in conversational American English // *Spontaneous speech: Data and Analysis : Proc. of the 1st Session of the 10th Intern. Symposium*. Tokyo, Japan, 2004. P. 29–54.
19. Jurafsky D., Bell A., Gregory M. Probabilistic relations between words: Evidence from reduction in lexical production // *Frequency and the Emergence of Linguistic Structure*. Amsterdam, 2001. P. 229–254.
20. Bell A., Jurafsky D., Fosler-Lussier E. Effects of Disfluencies, Predictability and utterance position in word form variation in English conversation // *Journal of the Acoustical Society of America*. 2003. Vol. 113. P. 1001–1024.
21. Kohler K. Variability of opening and closing gestures in speech communication // *Sound Patterns in German Read and Spontaneous Speech: Symbolic Structures and Gestural Dynamics* / ed. by K. Kohler. Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung Universität Kiel, 2001. № 35. P. 33–96.
22. Meinhold G. *Deutsche Standardausprache*. Jena, 1973.
23. Лысенко Г.Л. Фоностилистическая вариативность слога в немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
24. Андросова С.В. Акустические и перцептивные корреляты цельнооформленности слога (экспериментально-фонетическое исследование на материале американской спонтанной речи) : дис. ... д-ра филол. наук. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2012.
25. Гусева С.И. Фонетические характеристики консонантизма в разговорной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Л. : Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова, 1985.
26. Деркач С.В. Фонетические свойства гласных в спонтанной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале американского варианта английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2003.
27. Морозова О.Н. Аллофонное варьирование гласных (экспериментально-фонетическое исследование на материале канадского варианта английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2004.
28. Кодзасов С.В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М. : Изд-во Московского ун-та, 1973. С. 109–133.
29. Repp B.H. Relative amplitude of aspiration noise as a voicing cue for syllable-initial stop consonants // *Language and Speech*. 1979. Vol. 22, part 2. P. 173–189.
30. Lieberman P. Some effects of semantic and grammatical context on the production and perception of speech // *Lang Speech*. 1963. № 6. P. 172–187.
31. Fowler C.A., Housum J. Talkers' signaling of "new" and "old" words in speech and listeners perception and use of the distinction // *Journal of Memory and Language*. 1987. Vol. 26. P. 489–504.
32. Wells J.C. New syllabic consonants in English // *Studies in General and English Phonetics: Essays in Honour of Professor J.D. O'Connor* / ed. by J.W. Lewis. Routledge, 1995. P. 401–415.
33. Davidson L. Schwa elision in fast speech: Segmental deletion or gestural overlap? // *Phonetica*. 2004. Vol. 32, № 3. P. 79–112.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 ноября 2016 г.

ELISION IN SPONTANEOUS SPEECH (BASED ON ENGLISH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/413/1

Svetlana V. Androsova, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: androsova_s@mail.ru

Svetlana I. Guseva, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: sguseva_s@mail.ru
Svetlana V. Derkach, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: svetich_d2000@mail.ru
Olga N. Morozova, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation). E-mail: morozova_olga06@mail.ru
Keywords: English language; spontaneous speech; elision; apocope; syncope; consonant.

The current paper focuses on flexibility of phonemic patterns of morphemes and words as a result of elision in English. Spontaneous speech of 6 subjects, male, aged 34–50, was analyzed: 3 speakers of American English (AE) and 3 speakers of Canadian English (CE) without any notable features of belonging to a particular dialect within the US and Canada. The total of 51,384 occurrences of consonants and vowels were studied: 33,368 American consonants, 8,021 American vowels and 9,995 Canadian vowels. The following common patterns of consonant and vowel elision were found. Both in AE and CE there was predominantly syncope-type vowel elision. In AE /t/ and /d/ consonant elisions were among the most frequent. /d/-elision was mostly of apocope type with very rare exceptions. Both apocope and syncope type elision of /t/ occurred in AE with the former being more frequent; sometimes apocope and syncope occurred in one word simultaneously. Other typical elision cases in AE included apocope of /v/ and /f/, syncope of /h/; other cases were much less frequent. Compared to earlier studies of German spontaneous speech where fore-lingual /n/, /t/, and /d/ accounted for 80 % of all consonant elision cases that occurred to a great extent in high frequency function words (cf. Guseva, 1985), in AE more notional words were involved in consonant elision. In addition, in AE syncope of consonants turned out much more frequent than in German. Both in AE and CE /ə/, /ʊ/, /ɪ/ were elided most frequently, all syncope-type, while /i/ was elided much less frequently and turned out the only case of apocope. Besides common tendencies, there were certain specific features noticed concerning the spectrum of sounds elided and the frequency of their elision. For instance, /u/-elision ranked number two in CE was not found in AE. The perceptual study of segments with elision was performed using the material of American English only. Two experiments were carried out with two different discrimination tasks: first, listen to the stimuli and write them down using the English alphabet, second, listen to the stimuli and choose the number of syllables really pronounced. During the first task, in most cases in limited contexts (parts of words of CVC or VCV type mostly with only two words given as a whole: *probably* and *popular* with 3 sound syncope in each) the canonical phonemic pattern was not perceived by the native speakers. When given the second discrimination task, the native speakers could generally perceive the reduction of the number of syllables in the words as a result of elision.

REFERENCES

1. Kasevich, V.B. (2006) Fonologicheskie problemy obshchego i vostochnogo yazykoznaniya [Phonological problems of general and Oriental linguistics]. In: Kleyner, Yu.A. (ed.) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University.
2. Ohala, J.J. (2005) The Marriage of Phonetics and Phonology. *Acoustic Science and Technology*. 26:5. pp. 418–422.
3. Bondarko, L.V. et al. (1974) Stili proiznosheniya i tipy proizneseniya [Styles of pronunciation and utterance types]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 64–70.
4. Shcherba, L.V. (2007) O raznykh stilyakh proiznosheniya i ob ideal'nom foneticheskom sostave slov [On different styles of pronunciation and on the perfect phonetic structure of words]. In: Shcherba, L.V. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works in the Russian language]. Moscow: Aspekt Press.
5. Wells, J.C. (2008) *Longman pronunciation dictionary*. 3rd edition. England: Pearson Education Limited.
6. Androsova, S.V. (2015) Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 1:1. pp. 5–15. (In Russian).
7. Martine, A. (2006) *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh. Problemy diakhronicheskoy fonologii* [The principle of economy in phonetic changes. Problems of diachronic phonology]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. Moscow: Komniga.
8. Bondarko, L.V. et al. (1988) *Fonetika spontannoy rechi* [Phonetics of spontaneous speech]. Leningrad: Leningrad State University.
9. Kohler, K.J. (1996) Articulatory reduction in German spontaneous speech. *First ETRW on speech production modeling*. [Online] Available from: http://www.isca-speech.org/archive_open/spm_96/papers/sp6_001.pdf.
10. Kohler, K. (1996) Vowel deletion in the Kiel Corpus of Spontaneous Speech. In: Kohler, K., Rehör, C. & Simpson, A. (eds) *Sound Patterns in Spontaneous Speech. Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung Universität Kiel*. 30. pp. 115–157.
11. Taylor, M. (1994) *The interaction of vowel deletion and syllable structure constraints*. PhD Thesis. Simon Fraser University.
12. Maslov, Yu.S. (1998) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. 3rd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Chugaeva, T.N. (2007) *Pertseptivnyy aspekt zvukovogo stroya angliyskogo yazyka* [Perceptual aspect of the sound system of English]. Ekaterinburg: Perm: PNTs UrO RAN.
14. Bald, W.-D. (1990) An Example of phonological reduction in English. In: Ramsaran, S. (ed.) *Studies in the pronunciation of English*. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson. Great Britain: Routledge.
15. Gimson, A.C. (1973) *An Introduction to pronunciation of English*. Bristol: J.W. Arrowsmith.
16. Nye, P.W. & Fowler, C.A. (2003) Shadowing latency and imitation: The effect of familiarity with the phonetic patterning of English. *Journal of Phonetics*. 31. pp. 63–79.
17. Nolan, F. & Kerswill, P.E. (1990) The description of connected speech processes. In: Ramsaran, S. (ed.) *Studies in the pronunciation of English*. A Commemorative Vol. in Honour of A. C. Gimson. Great Britain: Routledge.
18. Johnson, K. (2004) Massive reduction in conversational American English. *Spontaneous speech: Data and Analysis*. Proc. of the 1st Session of the 10th Intern. Symposium. Tokyo, Japan. pp. 29–54.
19. Jurafsky, D., Bell, A. & Gregory, M. (2001) Probabilistic relations between words: Evidence from reduction in lexical production. In: Bybee, J.L. & Hopper, P.J. (eds) *Frequency and the Emergence of Linguistic Structure*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI: 10.1075/tsl.45
20. Bell, A., Jurafsky, D. & Fosler-Lussier, E. (2003) Effects of Disfluencies, Predictability and utterance position in word form variation in English conversation. *Journal of the Acoustical Society of America*. 113. pp. 1001–1024.
21. Kohler, K. (2001) Variability of opening and closing gestures in speech communication. In: Kohler, K. (ed.) *Sound Patterns in German Read and Spontaneous Speech: Symbolic Structures and Gestural Dynamics. Arbeitsberichte des Instituts für Phonetik und digitale Sprachverarbeitung Universität Kiel*. 35. pp. 33–96.
22. Meinhold, G. (1973) *Deutsche Standardausprache* [German standardization]. Jena.
23. Lysenko, G.L. (1982) *Fonostilisticheskaya variativnost' sloga v nemetskoy razgovornoy rechi* [Phonostylistic variability of syllables in the German colloquial speech]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

24. Androsova, S.V. (2012) *Akusticheskie i pertseptivnye korrelyaty tsel'noofornlenosti sloga (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskoy spontannoy rechi)* [Acoustic and perceptual correlates of non-separable syllable (experimental phonetic research of American spontaneous speech)]. Philology Dr. Diss. Blagoveshchensk: Amur State University.
25. Guseva, S.I. (1985) *Foneticheskie kharakteristiki konsonantizma v razgovornoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale nemetskogo yazyka)* [Phonetic characteristics of consonantism in colloquial speech (experimental phonetic research of the German language)]. Philology Cand. Diss. Leningrad: Leningrad State University.
26. Derkach, S.V. (2003) *Foneticheskie svoystva glasnykh v spontannoy rechi (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale amerikanskogo varianta angliyskogo yazyka)* [The phonetic properties of vowels in spontaneous speech (experimental phonetic research of the American variant of the English language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
27. Morozova, O.N. (2004) *Allofonnoe var'irovanie glasnykh (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale kanadskogo varianta angliyskogo yazyka)* [Allophonic variation of vowels (experimental phonetic research of the Canadian variant of the English language)]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
28. Kodzasov, S.V. (1973) *Foneticheskiy ellipsis v russkoy razgovornoy rechi* [Phonetic ellipsis in Russian colloquial speech]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Teoreticheskie i eksperimental'nye issledovaniya v oblasti strukturnoy i prikladnoy lingvistiki* [Theoretical and experimental research in the field of structural and applied linguistics]. Moscow: Moscow State University.
29. Repp, B.H. (1979) Relative amplitude of aspiration noise as a voicing cue for syllable-initial stop consonants. *Language and Speech*. 22:2. pp. 173–189.
30. Lieberman, P. (1963) Some effects of semantic and grammatical context on the production and perception of speech. *Language and Speech*. 6. pp. 172–187.
31. Fowler, C.A. & Housum, J. (1987) Talkers' signaling of "new" and "old" words in speech and listeners perception and use of the distinction. *Journal of Memory and Language*. 26. pp. 489–504.
32. Wells, J.C. (1995) New syllabic consonants in English. In: Lewis, J.L. (ed.) *Studies in General and English Phonetics: Essays in Honour of Professor J.D. O'Connor*. Routledge.
33. Davidson, L. (2004) Schwa elision in fast speech: Segmental deletion or gestural overlap? *Phonetica*. 32:3. pp. 79–112.

Received: 02 November 2016

ПОЭТИКА РАССКАЗА И.А. БУНИНА «ВЕСЕЛЫЙ ДВОР»: ИМЯ – ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ – НАРРАТИВ

На материале рассказа «Веселый двор» показано использование И.А. Буниным смыслопорождающего потенциала имени собственного. Глубокое понимание писателем мифопоэтических свойств имени исследуется в ходе нарратологического анализа. Такой подход дает возможность выявить взаимосвязь имени с системой персонажей, композиционной и сюжетной организацией текста. Анализ ономастопэтики проявляет дополнительные семантически значимые мотивы повести, их связи и трансформации, выводящие исследователя к основным проблемам творчества писателя.

Ключевые слова: И.А. Бунин; ономастопэтика; нарратология; мифопоэтика; метатекст.

Как известно, нарратологическая перспектива в исследованиях бунинской прозы была открыта статьей В.С. Выготского, посвященной повествовательной организации рассказа «Легкое дыхание»¹ [1]. Позднее определяющий вклад в понимание особенностей этой стороны творчества И. Бунина внесла своими работами О.В. Сливичкая, обратившая внимание на соотношение вещи и подробности, фабулы и сюжета, единство формальных и содержательных категорий, одновременную уникальность и универсальность детали [3–5]. Однако в целом в фокус внимания нарратологов И.А. Бунин попадал нечасто. К числу знаковых исключений относятся раздел в книге «Теория литературы», посвященный рассказу «Телячья головка» [6. Т. 1. С. 33–36], монография А.Ф. Зверева, в которой исследователь анализирует роман «Жизнь Арсеньева» [7].

В прозе Бунина структура повествуемого контрастно сочетает две принципиально разные стратегии наррации, которые О.В. Сливичкая называет сюжетным и описательным полюсами художественной системы писателя.

С одной стороны, мы всегда ощущаем характерную для стремящейся к «миметическ[ой] вероятност[и] изображаемого мира» [2. С. 263] динамичность событий, создаваемую благодаря линейному разворачиванию мотивной структуры текста, которое свойственно реалистическому повествованию.

С другой стороны, налицо подтверждающий наблюдения Л.С. Выготского кризис хронологического принципа повествования [1. С. 186–191], который сильно сказался на произведениях модернистов. Особую роль в них начинают играть внесюжетные элементы, неявные внутритекстовые смысловые переключки, названные В. Шмидом эквивалентностями – тематически или формально равноценными мотивами, связанными вневременными отношениями сходства или оппозиции [2. С. 240–241]. Помещаемая О.В. Сливичкой на противоположном полюсе сюжетности «внешняя изобразительность» бунинского повествования, ослабляющая значение событийности и обильно заполняющая текст статичными описательными элементами, служит формированию многочисленных эквивалентных связей внутри структуры рассказа.

Возможностью объединения описательного и повествовательного начал располагает один из важнейших типов художественных знаков – имя собствен-

ное². Известно, что эпоха модерна отличалась повышенным интересом к мифу и наиболее древней стадии бытования слова – эпохе синкретизма³. Базисом, на котором строились философия и эстетика ряда поэтических школ Серебряного века [11. С. 47–49], стал принцип мифологического тождества, т.е. изоморфизма слова и вещи, который на материале искусства архаических эпох анализировали Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, С.Н. Бройтман и др. Нерасчлененность знака и референта породила особый «номинативный» тип семиозиса: когда любой словесный знак становится «аналогичен собственному имени» [12. С. 60].

Если слово является единицей естественного языка, то, согласно И. Силантьеву, единицей повествовательного языка является обладающий предикативностью *мотив* [13. С. 78]. О.М. Фрейденберг задолго до появления специальных структурно-семиотических исследований указывала на заключенную в имени героя «свернутую» сюжетность, отмечая, что «<...> значимость, выраженная в имени персонажа и, следовательно, в его метафорической сущности, разворачивается в действие, составляющее мотив: герой делает только то, что семантически сам означает» [14. С. 223]. В преобладающем в архаическую эпоху кумулятивном типе сюжета, как отметил С.Н. Бройтман, каждое звено событийной цепи является неким «место-имением», заместителем героя [6. Т. 2. С. 64]. Обозначенное нами русло исследований за последние годы обогатилось несколькими ключевыми трудами, продолжающими освещать проблему имени собственного в различных аспектах [15–17].

В рамках изучения функционирования имен собственных в литературном тексте важно обратиться и к такой их разновидности, как прозвища. Имя имеет тенденцию с течением времени утрачивать семантическую прозрачность своей внутренней формы. И тогда именно прозвище, кличка оказывается семантическим ядром, определяющим суть персонажа. Такое прочтение делает имя уже не знаком-символом, связанным с обозначаемой вещью на основании некоей договоренности, но знаком-иконой, точной копией означаемого.

В намеченной перспективе интересен рассказ Бунина «Веселый двор», над которым писатель начал работать в деревне Глотова летом 1911 г., а закончил уже на Капри в конце того же года. Произведение неоднократно причислялось исследователями к серии

так называемых крестьянских рассказов писателя, начало которой было положено повестью «Деревня», опубликованной годом ранее «Веселого двора» и вызвавшей вокруг фигуры Бунина множество острых споров. Основанием для объединения в едином контуре таких рассказов, как «Ночной разговор», «Худая трава», «Древний человек», «Будни», «Игнат», «Хорошая жизнь», «Сверчок» и др., является их сходная проблематика. Резкое понижение культуры и гуманистических начал русской жизни, напряженная и неустойчивая атмосфера рубежа веков переживались Буниным не просто как исключительно общественные кризисы, но как глубоко личные. Круг вопросов, поставленных в «Деревне», стал для Бунина предметом осмысления на протяжении всей жизни. В «крестьянских» рассказах он пытается решить эти вопросы «через стремление выявить “вечные”, устойчивые и характеристические черты русского человека, русского крестьянина» [18. С. 8].

Н.М. Кучеровский отметил, что история судеб семьи Минаевых, находящейся в центре внимания читателя «Веселого двора», явилась «художественно-логическим завершением <...> тех Красовых, которые стали Серыми и которые были идейным центром повествования о Дурновке» [19. С. 116].

В «Деревне» действительно есть символический эпизод о матери и сыне, который, как пишет Н.М. Кучеровский, со временем развернется в тему «гибели мужицкого мира» [Там же. С. 69]. Когда Кузьма проходит мимо ярмарочного гуляния, он видит мать, тянущую руки к пьяному разбушевавшемуся сыну. В финале «Веселого двора» фигура Егора, танцующего на могиле матери, почти полностью повторяет описание «желанного сынка» из «Деревни»:

«Деревня»:

<...> молодым высоким малым, который, склонив картуз, дьявольски *вывертывал сапогами* и, вывертывая, *сбрасывал с себя*, с новой ситцевой рубахи, черную *поддевку*. Лицо малого было мрачно, бледно и потно <...> [20. С. 68]

«Веселый двор»:

<...> засыпав мать землею, ел и пил до отвалу. А под вечер, тут же, у могилы, *плясал*, всем на потеху, нелепо *вывертывал лапти*, бросал картуз наземь и хихикал, ломал дурака <...> [20. С. 271]

По наблюдениям исследователей, сюжетно-фабульная организация «Деревни» основывается на параллели Тихон – Кузьма: в первой части повести в центре ставится жизнь Тихона, во второй – Кузьмы, а в третьей подведены итоги жизни братьев [21. С. 40]. Та же схема применима и к «Веселому двору», что подтверждается произведенным автором делением рассказа на три части. С самого начала повествования Анисья и ее сын ставятся в отношения противопоставления: в первой части рассказывается о предсмертном пути Анисьи, во второй – параллельный путь Егора, а в третьей – их общий итог, смерть.

В письме брату Юлию, рассказывая об опыте чтений у Горького еще не опубликованного «Веселого двора», Бунин пишет: «Кончил и расширил рассказ про Егорку-печника и его мать, назвал так: “Мать и

сын, будничная повесть”» [22. С. 407]. Наиболее сильное место текста – его заглавие, *имя* – было изменено автором. Известно, что в процессе создания произведения Бунин особенно тщательно работал над его началом, прежде всего – над первым абзацем. Судя уже по двум доступным нам редакциям, начало «Веселого двора» также претерпевало неоднократные изменения.

Для большей наглядности приведем первую из них, которая в дальнейшем подверглась редукции. В первой публикации повести 1912 г. в журнале «Заветы» начало выглядит так: «Мать Егора Минаева, печника из Пажени, так была суха от голода, что соседи звали ее не Анисьей, а Ухватом. Прозвали и двор ее – окрестили в насмешку веселым. И она не обижалась. Хорошо понимала она, что не может не раздражать соседей нищета, бесхозяйственность ее двора, вечный голод и даже самое существование ее на свете» [24. С. 279]. Составляя собрание сочинений, Бунин вносил правки, намеренно сокращая текст, скрывая от читателя очевидные смыслы. От приведенного фрагмента он оставляет только два первых предложения и тем самым, словно ножницами, отрезает ясное освещение образа Анисьи и мотивировку ее поступков. В фокусе внимания теперь оказывается не сама героиня или связанные с ней события, но описательный фрагмент о деталях внешности в одном ряду с двумя фигурирующими в повести прозвищами.

Для наблюдения за связями мотивов как единиц повествовательного языка необходимо обратить внимание на лингвистический пласт текста. Так, интересно, что в отношении наименования двора Минаевых и его хозяйки Бунин использует два глагола: «прозвать» и «окрестить». При этом у последнего из них реализуется в повести не прямое, а переносное значение со снижающей иронической вставкой «в насмешку». Кроме того, далее, в изображении супружеских отношений Минаевых, мы находим однокоренное этому глаголу прилагательное: «Во хмелю Мирон бывал буен. <...> Бьет стекла, гоняется за сыном и женой с дубинкой. “Ну, опять у Минаевых *крестный* ход пошел! – говорили соседи, *радуясь* такой забаве. – И веселый же двор, ей-богу!” (здесь и далее курсив наш. – Я.Б.)» [20. С. 246].

К.И. Чуковский замечает: «Кто-то околдовал ту Дурновку, в которой он (Бунин. – Я.Б.) издавна живет вместе со своими героями. Недаром же ее название – Дурновка. Все в ней ни к чему, все в ней зря: сила, красота, долголетие. Всякое благословение Божие превращается в проклятие дьявола. <...> Если это *Веселый двор*, – значит, там уныние и скорбь» [25. С. 337–338]. «Веселье» двора Анисьи, совпадая с иронической интенцией создателей насмешливого прозвища, оказывается демонически вывернутым, искаженным.

Рассматривая проблему имени, принципиально важно указать на «инициатора», того, кто эти прозвища раздает. Повествователь обозначает именователей сразу, уже в первом предложении «Веселого двора»: это соседи Анисьи и Егора. Поэтому следует обратить особое внимание на функционирование в

повести точки зрения «добрых людей», народной молвы. Жизнь Минаевых будто протекает под непрерывным наблюдением соседей, которые неоднократно дают критическую оценку их семейному укладу. В нарративной структуре повести через слово «третьих лиц» читатель узнает, кому Егор больше обязан в своей наследственности – матери или отцу, а семейные ссоры и пьяные побои Мирона приносят соседям радость как забавное представление. Анисья слышит разговоры людей, но ее саму, замкнутую на своей внутренней догорающей жизни и единственно важной тревогой о сыне, они никак не могут затронуть: когда соседские мальчишки обзывают ее «кривой кандалой» [24. С. 281], она «смирненно переноси[т] и крики их и горе свое» [Там же]. Егор же, напротив, живет с постоянной оглядкой на чужое мнение, играет роли, желает в глазах людей быть не тем, кто он есть. Возвращаясь из неудачной поездки в Москву, он заранее готовится «к тому отпору, который он даст всякому, кто будет называть его золотарем» [20. С. 257].

Данное соседями прозвище – Ухват – хозяйка «веселого двора» получила за буквально внешнее сходство: Анисья была «суха, узка, темна» [Там же. С. 245]. Ухват, или рогач, – это предмет кухонной утвари, представляющий собой длинную деревянную палку с металлической рогаткой (полукольцом) на конце. Обычно он используется в хозяйстве для того, чтобы безопасно ставить и извлекать горячую чугунную посуду из русской печи. Анисья же, чье тело иссохло от голода, непричастна к исконно женскому и материнскому процессу приготовления пищи. Семья Минаевых слишком бедна для покупки пропитания, их земля сдана в залог, и единственной заботой в старости для старухи становится «необходимость стеречь, сохранять для Егора избу» [Там же]. В этом бездеятельном занятии остаток жизни ее проходит в вечном сидении на лавке с пустым желудком: как ухват, не применяемый по прямому назначению, стоит без надобности.

Помимо простого внешнего сходства, в повести отмечена напоминающая рогатку ухвата телесная пластика Анисьи: «<...> очень слаба была она, да и крива вдобавок. <...> она сидит и думает, *подпирая тонкой рукой щеку* <...>» [Там же]. По пути в Ланское к сыну умирающая от голода Анисья долго блуждает и, стремясь сократить путь, понимает, «<...> что дала *крюку*» [Там же. С. 250]. Мотив кривизны находим и в описании дома Анисьи: разваливающийся, трухлявый, нескладный, с «*кос[ым]* простен[ком]» [Там же. С. 244], который Егор залепил безногим бумажным солдатом.

Указывая на кривизну Анисьи, повествователь рассказывает историю ее слепоты, точнее – одноглазости: «Много лет ходил по лавке возле нее <...> старый черный с золотом петух <...> Раз сунулась она к окошку, – кто-то ехал по деревне с колокольчиками, – а петух как стукнет в левый глаз ее! И глаз вытек, впалые веки стянуло, осталась одна серая щелочка...» [Там же. С. 245].

Наиболее важным в дальнейшем влиянии семантики прозвища на героиню оказывается появление ее

местоименного атрибута, который Анисья оставляет вместо себя для охраны избы, решившись идти в Ланское. «Изнутри приперла она дверь в сенцах *однозубым рогачом*, воткнув его в землю» [20. С. 249]. Снова обращаясь к лингвистическому аспекту текста, мы видим, как писатель организует переплетения этимологических и звуковых сочетаний, в частности – используя синонимичные обозначения одного и того же предмета. При этом оба слова имеют достаточно прозрачную этимологию: в словаре М. Фасмера «ухват» происходит от основы «хватать» [26. С. 178]. Слово «рогач» этимологически связано со словом «рога». Сесть созвучий логично дополняется, когда Анисья в самом начале своего пути встречает Машку *Бычок*. Семантика прозвища Машки усиливается повествователем благодаря описанию ее внешности, характерной скорее для быка, чем человека: эта «конопатая, здоровая девка, навалив по свернутому, мокрому, тяжелому холсту на каждый конец коромысла, шла навстречу, вся виляясь, мелко перебирая белыми крепкими ногами по зелени» [20. С. 250]. Анисья оценивает эту встречу как благоприятное напутствие: встретила бабу не с пустым ведром. Машка не просто имеет внешнее сходство с быком, но и приобретает, с точки зрения Анисьи, судьбоносный, символический смысл. Мы видим, как Бунин организует текстовую ткань повести в соответствии с поэтическим принципом ритмизации слова, повторов семантически и / или формально сходных элементов.

Горячая русская печь, для которой и предназначен ухват, – это не просто источник домашнего тепла и средства приготовления пищи, но средоточие жизни дома. Судьба Анисьи неизменно связывается с печью. Печниками по профессии были и ее муж Мирон, и сын Егор. Жизнь ее охарактеризована как «печно-й> голод» [Там же. С. 247]. Анисью постоянно тянет прикоснуться к печи, причем как в своем доме: «<...> легла на большие голые нары возле большой треснувшей печки <...>» [Там же. С. 249], так и в пустой, заброшенной обители Егора в Ланском: «сонно глядела на гнилые стены, на полуразвалившуюся печку» [Там же. С. 254]. Ветхий и изломанный снаружи дом «веселого» двора разрушается и в своей сердцевине: в негодность приходит домашний очаг, который должен поддерживать хозяйка дома – жена и мать.

Обращая внимание только на сюжет, прочитывая поверхностный уровень повести, очевидным может показаться, что образ Егора явно противопоставлен матери в пользу отца. Уже во втором абзаце рассказа мы читаем: «Егор, как говорили в Пажени, весь выдался в Мирона, покойного отца своего» [Там же. С. 244]. Предсмертный путь Мирона отождествляется с неожиданным решением Егора податься в золотари: «Всего могли ждать от него, но только не того, что вдруг бросит он свое дело, и ни с того ни с чего, – *вот как Мирон* за чужим обозом, – уйдет, всем на посмешище, в золотари в Москву» [Там же. С. 246]. В повествовании снова возникает точка зрения неких «случайных прохожих», посторонних людей, от тяги к которым Анисью оберегает петух. Связь отца и сына усиливается и в эпизоде из первоначальной редак-

ции повести, в котором была обозначена единственная причина решения помещика Гурьева нанять Егора для бесполезной охраны давно вырубленного леса – не столько кровная, сколько сословная преемственность по отношению к старшему Минаеву: «Мирон-то был гурьевский дворовый» [24. С. 283].

Связь с матерью повествователь, напротив, постоянно обрывает, ставя под сомнение даже само их родство: <...> не верилось, что бывают матери у таких хрипунов и сквернословов. Не верилось, что Анисья мать его.

Да и нельзя было верить. Он белес, широк, она – суха, узка, темна, как мумия <...> Он никогда не разувается, она вечно боса. Он весь болен, она за всю жизнь не была больна ни разу. Он пустоболт, порой труслив, порой, с кем можно, смел, нахален, она молчалива, ровна, покорна. Он бродяга, любит народ, беседы, выпивки <...> А ее жизнь проходит в вечном одиночестве <...>» [20. С. 245].

От родной земли Егор постоянно уходит, сбегает; Анисью, сохраняющую для него избу, он считает своей обузой, остается бездомным, не признавая «ни семьи, ни собственности, ни родины» [Там же].

Связь Егора с матерью обнаруживается скрыто – сообразно стратегии Бунина по усложнению задачи читателя – в проявлении внутреннего схождения у не связанных, на первый взгляд, мотивов. Их источником в повествовательной структуре повести является не что иное, как прозвище хозяйки «веселого» двора.

Во-первых, к образу Егора присоединяется акцентированные в фигуре Анисьи характеристики кривизны. Решаясь идти к сыну в Ланское, она вспоминает пословицу: «Дитя-то хоть *криво*, а матери родной все мило» [Там же. С. 248].

Во-вторых, судьба Егора прочно связывается с печью. Печник по профессии, как и его отец, он, по молве соседей, в деле своем «хороший, а мужик дурак, рубаха: ничего нажить не может» [24. С. 279]. Его неудачная попытка уйти в *золотари* получает ироническое освещение через слова матери: «Руки у него *золотые*» [Там же. С. 246]. Егор отрекается от семейного ремесла, не следует пути своей профессии. Несмотря на всю сметливость и умения, у него не хватает «догадочки» для самого необходимого: исправить печку в собственном доме, поэтому зимой в нем стоит стужа.

Мотив, связанный с уходом тепла, автором не раз повторен: в отличие от Анисьи, которая, собираясь к сыну, с ночи думает о том, чтобы «уходя не забыть *запереть* укладку, *закрыть* трубу на случай грозы» [Там же. С. 249], Егор, оказываясь в любой избе, наоборот, открывает, выхолаживает печь. В его караулке Анисья видит, как «на загнетке *раскрытой* печки, на куче золы лежала сковородка с присохшими к ней корочками яичницы» [Там же]. В ранних редакциях дважды почти дословно повторяется сцена, где Егор использует печь не для согревания дома или приготовления пищи, а для розжига табака: он «постоянно сосал трубку, до слез надрываясь мучительным кашлем, и откашлявшись, блестя запухшими глазами, долго сипел, носил своей всегда поднятой грудью» [Там же. С. 255]. Первая сцена, которую Бунин

позднее убрал из текста рассказа, появляется в связи с описанием нужды Егора и нехватки денег: «А что такое *для бездомного* человека три рубля? То купи, другое купи... на спички даже не хватает: поминутно, будучи в селе, заходишь то в ту, то в эту избу, а зайдя, посидев, поболтав для видимости, *открываешь заслонку и по пояс залезает в печку* – поискать в золе горячих угольков...» [24. С. 283]. Егор действительно проделывает это в доме мельника Лаврентия по прозвищу Шмарок и его жены Алены. Несложно заметить, что действия Егора оказываются тождественными работе ухвата:

«<...> сошмыгнув с нар, подошел к загнетке, *открыл заслонку и по пояс залез в темную жаркую глубь печки*.

– Нуждишка есть, – глухо крикнул он оттуда, *вытаскивая* своими култышками *раскаленный уголь из золы* и забивая его в трубку.

Алена <...> через плечо покосилась на Егора. «Всю печку *выстудит*, родимец!» – подумала она. Но Егор, хорошо знавший такие думы, принял, *выбравшись из печки*, самый беззаботный вид» [20. С. 261–262].

Большая часть правок повести, отмечает Л.В. Крутикова, связана именно со сложным образом Егора: писатель раз за разом отвергает ясные объяснения его поступков и мыслей, стремясь избежать детализации, которая объясняла бы его характер более определенно [23. С. 98]. Бунин, напротив, вносит в его характер все больше неопределенностей: он пишет, что с детства Егор был «лжив, без всякой надобности» [20. С. 256].

Из-за желания жить не своей жизнью, из-за отстраненности от самого себя, от дома и профессии Егор ходит в «облезлом, голубом от времени и тяжелом от пота, *гимназическом картузе*» [Там же. С. 244], хотя никогда не был гимназистом. Слушая разговоры других, он часто сам хочет «спора, в котором он вышел бы и умнее, и толковее, и бывалее» [Там же. С. 264]. Он выдумывает историю о себе как о некоем печнике, который «обольстил генеральскую дочь» [Там же. С. 265], но не рассказывает, потому что снова «что-то, чего он *не мог определить*, связывало его» [Там же. С. 264]. Егор очень избирательно относится к своим собеседникам. Так, он сознательно дистанцирует себя от Шмарка и Салтыка, ставит себя над ними, жестко ограничивает мужиков-крестьян (из числа которых происходил вольноотпущенный Мирон) от печников, плотников, маляров. С кузнецом же – своим двойником – Егор, напротив, сидит «рядом с бутылкой и горшочком холодной пшенной каши, *за оживленной беседой* о том, можно ли, питаюсь одной редькой, попасть во святые, можно ли заохладить свое тело, чтобы не тлело оно после смерти» [Там же. С. 269].

В ранних редакциях находим выразительную самохарактеристику героя, которой тот пытается объяснить свою непостижимую тягу к самоубийству. Когда печник Макар, называя Егора *дьяволенком*, спрашивает, зачем он «взял манеру болтать, что удавится» [Там же. С. 256]. Егор, «подумав, смущенно и *неумело попытался высказаться*:

– Да ай я знаю, почему... Живешь, живешь... А иной раз деться не знаешь куда... Весь вроде как *раздеребуженный* какой...» [24. С. 295].

Словом «раздеребуженность» Егор описывает состояние, когда не может никакими иными словами определить свои намерения, причины мыслей и действий. Он не может ни понять для себя, ни объяснить другим своей тяги к смерти, самоубийству, однако постоянно говорит о том, что удавится: задушит себя – уже не табаком и трубкой, а настоящей петлей. Даже в первом описании внешность Егора уже маркирована напоминанием следа от петли: «<...>когда дышал, все раскрывалась, показывалась в продольную прореху ворота *бурая полоска загара, резко выделявшаяся на мертвенно-бледном теле*» [20. С. 245]. И однажды нечто демонически неуловимое, необъяснимое действительно толкает его выполнить свое намерение: «работали они в пустом *барском* доме, и вот, оставшись один в гулком большом зале с залитыми известкой полом и *зеркалами*, воровски оглянувшись, он, в одну минуту захлестнул ремень на *отдушнике* – и, закричав от страха, повесился» [Там же. С. 256]. Значим в этой сцене образ зеркала, семиотическая природа которого давно была замечена литературоведами [27].

С одной стороны, зеркало часто становится предметным индикатором саморефлексии героя благодаря возможности посмотреть через него на себя, увидеть свое лицо. С другой стороны, это отражение, иконическое изображение в зеркале воспринимается одновременно как Я и не-Я, кто-то *другой*, копия: так зеркало оказывается источником порождения хорошо известного из литературной традиции двойника.

«Раздеребуженность» Егора – это его постоянное раздвоение, неопределенность в словах, мыслях, в бытовом поведении. Он не только лжет, играет несвойственные себе роли, но также «часто шли в нем сразу *два ряда чувств и мыслей*: один обыденный, простой, а другой – тревожный, болезненный» [20. С. 263]. Бездомная, голодная, пьяная жизнь в Ланском развила болезни Егора до того, что «он чувствовал теперь нечто вроде того, что чувствовала последнее время Анисья: *зыбкость* во всем теле, *неопределенную тревогу* и особенную *беспорядочность* в мыслях. В сумерки он *стал плохо видеть*, стал *бояться* приближения сумерек <...> всюду, где реял вечерний сумрак, представлялся еле видный, неуловимый в очертаниях, но оттого еще более страшный, *большой сероватый черт*. И *черт* этот *не спускал с Егора глаз*, поворачивал за Егором голову, куда бы ни шел Егор. И так как казалось, что это он, *черт*, *заставлял вспоминать о петле* <...>» [Там же. С. 259]. Серый черт, рожденный «большим» ходом мыслей Егора, панически пугающий и путающий его – это тот самый двойник, рожденный отражением в зеркале. Снова скрыто, через двойника, усиливается связь Егора с Анисьей: «стары[м] черт[ом]» [Там же. С. 246] называют ее девки помещика Панаева, а сам Егор, как и мать, начинает слепнуть.

Важнейшая для нашего поиска эквивалентных созвучий деталь в сцене первого, «безуспешного» само-

убийства Егора – это стихийно выбранное для повешения место. Отдушник, на котором он затягивает петлю, – это не что иное, как часть печи: отверстие для выхода из нее нагретого воздуха. Здесь источник жизни, домашний очаг не просто затухает и рушится, как в доме Анисьи, а становится местом и инструментом *смерти*.

Егор не теряет возможности рассказать посторонним людям о непрестанной опеке над матерью и своих хлопотах по дому. В действительности же единственное, что когда-то сделал Егор для их семейной избы, вправду считая это жестом заботы, – налепил на ее косой бок «большую солдатскую мишень – черной краской напечатанное на белом бумажном листе туловище, с ружьем на плечо, в фуражке набекрень, с вытаращенными глазами» [20. С. 259]. Этим туловищем кажется себе Анисья перед смертью, когда в караулке в Ланском ей «казалось, поминутно *виснет она в воздухе*, что нет у нее ног, есть только *туловище*» [Там же. С. 256].

Давно не существующая для мира Анисья спокойно умирает во сне, лежа на лавке у печки. В обстоятельствах ее смерти ясно видны намеки на тему вечной жизни. Внешне она похожа на мумию – забальзамированное и потому не разлагающееся тело. Анисья чувствует, что «виснет в воздухе», невесомо парит. Этот мотив вновь возникает, когда она вытаскивает из проема окна полушубок, запускает в караулку вместе с воздухом и весь мир. Ее душа получает возможность улететь через это окно «без стекла, без рамы» [Там же], продуваемое теплым ветром.

Тело Анисьи, мумифицированное еще при жизни, после смерти становится только еще суше, обескровленной. В сцене похорон она выглядит так же смиренно и просто, как при жизни. «Черный, с оранжевым ободком по краям» [Там же. С. 270] гроб напоминает о сопровождавшем Анисью черно-золотом петухе. Тело старухи уже не связано с миром органами чувств: веко ее единственного глаза закрыто, губы сомкнуты, и церковных песен на древнем, забытом языке она не слышит.

Тема вечной жизни возникает и в другом эпизоде повести – во время беседы в доме мельника. Н.М. Кучеровский замечает: «Крестьянин в бунинских повествованиях о деревне вообще отстранен от своего прямого дела, от своей “профессии”, от труда: если он печник, то *не* кладет печи, если кузнец, то *не* кует; “пустоболт” – он только “философствует”, рассуждает о жизни, поучает <...>» [19. С. 123].

Так, в доме Шмарка и Алены разговор о девках перерастает в фантастическую дискуссию о преодолении смерти. Разговор о случаях необычного человеческого долголетия, неожиданно заставивший Егора вспомнить мать, продолжается обсуждением слухов о способах того, как человек может быть не «причинен ни тлению, ни прению» [20. С. 265]. Мельник передает слова начитанного медика-барчука, «будто каждый человек может свое тело заохладить, и, как помрет, *тело* тлеть не будет, а будет *в воздух улетучиваться*» [Там же]. В сакральном образе воскрешения крестьяне видят только его плотский аспект: из

их рассуждений оказывается, что можно стать связным, ныряя в холодную воду, как рыба, и просто «лопая редьку».

В связи с этим противопоставлением тела и духа смерть Егора, бросившегося под поезд, описана в совершенно противоположных Анисье координатах. Интересно, что после первой попытки самоубийства *на печи* в барском доме мысли об этом снова возвращаются к Егору именно на железной дороге: «в мотающемся, мутном от дыма *вагоне*» [20. С. 257]. В поздних изданиях писатель убрал страшные натуралистические подробности финальной сцены. После не доведенной до конца мучительной попытки самоубийства еще живого «фельдшер и кондуктор <...> подхватили ноги, лежавшие в рельсах, подхватили и *туловище*, кинули то и другое *в вагон*, на пол, грязный и загаженный скотом» [24. С. 314]. Изуродованное поездом и сильно окровавленное тело Егора буквально становится похожим на фигуру солдатской мишени: «Тяжелое, широкое и *короткое туловище* лохматого мужика *плоско* лежало вниз животом в углу» [Там же. С. 315]. В отличие от Анисьи, тело ее сына после смерти окружено не простором, природой и благодатью, а душными, спертými, дымными помещениями вокзала. На два дня его оставляют в запертом красным буром товарняке, а когда его открывают, «в глубине <...> были сумрак и вонь – вонь гнилого и точно поджаренного мяса» [24. С. 314–315].

Итак, в повести Бунина семантическая основа прозвища Анисьи обнаруживает не только его иконическую, но и метатекстовую природу. Семантически прозрачное, восходящее к крестьянскому бытовому обиходу, оно обнаруживает свою символическую власть над образом героини, определяя важнейшие грани его смысловой структуры. В этом отношении второе имя Анисьи становится важным фактором организации повествования в целом, ритмизуя его и неоднократно возвращая читателя к локусам, связанным с ухватом, и свойствам, присущим ему. Отношения пары персонажей Анисья – Егор, с одной стороны, устанавливаются на сюжетно-фабульном уровне, но с другой – детализируются в многочисленных переплетениях мотивов, вытекающих из семантики прозвища Анисьи. Два ядерных мотива – это, во-первых, мотив кривизны, который, с одной стороны, реализуется в чисто материальных, вещных воплощениях (телесные увечья, искривленная тропа, скособоленность избы), с другой – в неосознанных, духовных вариантах (кривость души, ложь, двойничество, самоубийство как результат ухода с прямой дороги). Второй центральный мотив – это домашняя печь, которой причастен ухват: она может быть закрыта, сохранять тепло, давать жизнь, а может быть «вечно расхоленной», заброшенной и становиться, в конце концов, орудием окончательной смерти, без надежды на вечную жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Показательно, что В. Шмид посвящает этой статье Л. Выготского отдельный параграф своей книги «Нарратология» [2. С. 150–154].

² М. Фуко в одной из своих работ пишет: «<...> нельзя свести имя собственное к чистому упоминанию. <...> Когда говорят “Аристотель”, используют слово, которое является эквивалентом одному или целой серии определенных *описаний*... (курсив наш. – Я.Б.)» [8. С. 29–30].

³ Неосинкретизм рубежа XIX–XX вв. касался не только поэтических систем, это был способ восприятия мира, обусловленный особенностями эпохи. Именно поэтому возражение о разрыве связей поэтики Бунина с модерном, основанное на клишированном тезисе о нелестных высказываниях Бунина о модернистах, его открытая манифестация ненависти к их эстетике, будет в отношении наших выводов не актуально. Этот тезис продуктивно преодолевался в работах позднесоветского и постсоветского времени – прежде всего в статьях О.В. Сливичкой [5], монографии Ю. Мальцева [6] и в диссертации Т.М. Двинятиной [7]. В результате анализа поэтики оказывается, что постреалистическая система Бунина и художественные системы разных направлений модернизма обладают некоторым набором совпадающих свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л.С. Легкое дыхание // Психология искусства. Ростов н/Д, 1998. С. 186–207.
2. Шмид В. Нарратология. М., 2003. 312 с.
3. Сливичкая О.В. Повышенное чувство жизни: мир Ивана Бунина. М., 2004. 270 с.
4. Сливичкая О.В. Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина. Воронеж, 1995. С. 5–34.
5. Сливичкая О.В. О концепции человека в творчестве И.А. Бунина (Рассказ «Казимир Станиславович») // Русская литература XX века (до октябрябрьский период). Калуга, 1970. С. 155–162.
6. Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. М., 2004.
7. Zweers A.F. The Narratology of the Autobiography: An Analysis of the Literary Devices Employed in Ivan Bunin's «The Life of Arsen'ev». New York, 1997. 190 p.
8. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. 448 с.
9. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Москва ; Франкфурт-на-Майне, 1994. 433 с.
10. Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина и акмеизм: сопоставительный анализ поэтических систем : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 187 с.
11. Кихней Л.Г. Онтологический статус слова в поэтическом дискурсе Серебряного века // Modernités russes 11. L'unité sémantique de l'Âge d'argent. Lyon, 2011. С. 47–63.
12. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Избранные статьи. Таллин, 1992. Т. 1. С. 58–75.
13. Силантьев И.В. Поэтика мотива. М., 2004. 296 с.
14. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 449 с.
15. Мароши В.В. Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности. Новосибирск, 2000. 348 с.
16. Семантика имени (Имя-2). М., 2010. 264 с.
17. Имя в литературном произведении: художественная семантика. М., 2015. 504 с.
18. Михайлова О.Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. Иван Бунин : в 2 ч. М., 1973. Т. 84, ч. 1. С. 7–56.
19. Кучеровский Н.М. И.А. Бунин и его проза (1887–1917). Тула, 1980. 319 с.
20. Бунин И.А. Собр. соч. : в 6 т. М., 1987–1988. Т. 3.

21. Иезуитова Л.А. Роль семантико-композиционных повторений в создании символического строя повести-поэмы И.А. Бунина «Деревня» // Иван Бунин и литературный процесс начала XX века (до 1917 года) : межвуз. сб. науч. тр. Л., 1985. С. 38–59.
22. Нинов А.М. Горький и Ив. Бунин. История отношений. Проблемы творчества. Л., 1984. 560 с.
23. Крутикова Л.В. В мире художественных исканий Бунина (как создавались рассказы 1911–1916 гг.) // Литературное наследство. Иван Бунин. Т. 84 : в 2 ч. М., 1973. Ч. 2. С. 90–120.
24. Бунин И.А. Веселый двор // Бунин И.А. Полн. собр. соч. : в 6 т. Пг., 1915. Т. 5. С. 279–315.
25. Чуковский К.И. Смерть, красота и любовь в творчестве И.А. Бунина // И.А. Бунин: Pro et Contra. СПб., 2001. С. 335–343.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 4.
27. Зеркало. Семиотика зеркальности // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 831: Труды по знаковым системам. Тарту, 1988. Т. 22. 168 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 ноября 2016 г.

POETICS OF I.A. BUNIN'S "HAPPY HOUSE": PROPER NOUN – ART DETAIL – NARRATIVE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 14–21.

DOI: 10.17223/15617793/413/2

Yana V. Bazhenova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: 54955594@mail.ru

Keywords: I.A. Bunin; onomatopoeics; narratology; mythopoeics; metatext.

The article examines the features of the proper noun in its interaction with the narrative organization and motif structure of a literary text on the material of I.A. Bunin's "Happy House". The analysis considers the mythopoetic aspect of the proper noun problem that it received in the second third of the 20th century. In her research of 1936, O.M. Freydenberg was first to identify the connection between the name, the motif and the character in a literary text. Later the features of the proper noun as a specific type of a sign, allocated in the ancient period of the poetic word, were shown in the structural and semiotic research of Yu.M. Lotman and B.A. Uspensky, and then in the historical poetics of S.N. Broytman. Despite the fact that the narratological approach was not used very often to analyze Bunin's prose, such works are fundamental in all studies of Bunin's oeuvre. L.S. Vygotsky first paid attention to the narrative organization of the writer's texts. O.V. Slivitskaya used more narrative techniques in her works. She made a fundamental observation about the overabundance of things in Bunin's texts. Detailed descriptions of objects in his fictional world often dominate over the plot and dynamic elements. To construct such a dense, tactile art world, the writer should select word signs whose structure implies identity between the word and its referent. The most suitable type of such a sign is a proper name. It can make the text much more objectified and also denotes an event. In Bunin's novel "Happy House", the nickname, a type of the proper noun, is in the focus of attention. Two focal characters of the story were analyzed: Anisya and Egor Minaev, and, respectively, two lines of equivalent motifs that are connected with them. One source for all these motifs is the semantics of Anisya's nickname: *Ukhvat* [Oven Fork]. Anisya's motifs are parallel with the motifs that create her son's image. On the one hand, relations between characters are shown on the plot level and in the perspective that Russian formalists called "fabula". On the other hand, they are detailed in the numerous tangles of motifs that arise from the meaning of Anisya's nickname. Consequently, when the narratological approach is used, the similarity of the characters' fates is identified. Therefore, relationships between them become much more ambiguous and tangled, which shows how Bunin deepens the problems of this short story. If to attract the narratological analysis for solving the proper noun problem, it shows not only the socio-historical side of the novel, but deeper questions and ontological focuses of Bunin's prose.

REFERENCES

1. Vygotskiy, L.S. (1998) *Legkoe dykhanie* [Light Breathing]. In: Vygotskiy, L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Schmid, V. (2003) *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
3. Slivitskaya, O.V. (2004) *Povyshennoe chuvstvo zhizni: mir Ivana Bunina* [The increased sense of life: the world of Ivan Bunin]. Moscow: RSUH.
4. Slivitskaya, O.V. (1995) Kosmos i dusha cheloveka (O psikhologizme pozdnego Bunina) [Space and the soul of man (about psychologism of late Bunin)]. In: *Tsarstvennaya svoboda. O tvorchestve I.A. Bunina* [Regal freedom. On the works of I.A. Bunin]. Voronezh: Kvadrat.
5. Slivitskaya, O.V. (1970) O kontseptsii cheloveka v tvorchestve I.A. Bunina (Rasskaz "Kazimir Stanislavovich") [On the concept of man in the works of I.A. Bunin (story "Kasimir Stanislavovich")]. In: *Russkaya literatura XX veka (dooktyabr'skiy period)* [Russian literature of the 20th century (pre-October period)]. Kaluga: [s.n.].
6. Tamarchenko, N.D. (ed.) (2004) *Teoriya literatury: v 2 t.* [Theory of Literature: in 2 vols]. Moscow: Akademiya.
7. Zweers, A.F. (1997) *The Narratology of the Autobiography: An Analysis of the Literary Devices Employed in Ivan Bunin's "The Life of Arsen'ev"*. New York: Peter Lang.
8. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: Beyond knowledge, power and sexuality. The works of various years]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal'.
9. Mal'tsev, Yu. (1994) *Ivan Bunin. 1870–1953*. Moscow; Frankfurt: Posev. (In Russian).
10. Dvinyatina, T.M. (1999) *Poeziya I.A. Bunina i akmeizm: sopostavitel'nyy analiz poeticheskikh sistem* [Poetry of I.A. Bunin and Acmeism: comparative analysis of poetic systems]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
11. Kikhney, L.G. (2011) Ontologicheskii status slova v poeticheskom diskurse Serebryanogo veka [The ontological status of the word in the poetic discourse of the Silver Age]. *Modernités russes*. 11. pp. 47–63.
12. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1992) Mif – imya – kul'tura [Myth – Name – Culture]. In: Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Vol. 1. Tallin: Aleksandriya.
13. Silant'ev, I.V. (2004) *Poetika motiva* [Poetics of the motif]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Freydenberg, O.M. (1997) *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and the genre]. Moscow: Labirint.
15. Maroshi, V.V. (2000) *Imya avtora: istoriko-tipologicheskie aspekty ekspressivnosti* [The name of the author: historical and typological aspects of expressivity]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
16. Nikolaeva, T.M. (ed.) (2010) *Semantika imeni (Imya-2)* [The semantics of the name (Name-2)]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Sazonova, L.I. (ed.) (2015) *Imya v literaturnom proizvedenii: khudozhestvennaya semantika* [Name in a literary work: artistic semantics]. Moscow: Institute of World Literature, RAS.
18. Mikhaylova, O.N. (1973) Put' Bunina-khudozhnika [The way of Bunin the artist]. In: Shcherbina, V.R. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 ch.* [Literary legacy. Ivan Bunin: in 2 parts]. Vol. 84. Pt. 1. Moscow: Nauka.
19. Kucherovskiy, N.M. (1980) *I.A. Bunin i ego proza (1887–1917)* [I.A. Bunin and his prose (1887–1917)]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

20. Bunin, I.A. (1987–1988) *Sobr. soch.: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
21. Iezuitova, L.A. (1985) Rol' semantiko-kompozitsionnykh povtoreniy v sozdanii simvolicheskogo stroya povesti-poemy I.A. Bunina "Derevnya" [The role of semantic and compositional repetitions in the creation of the symbolic system of I.A. Bunin's "The Village"]. In: Semenova, M.L. (ed.) *Ivan Bunin i literaturnyy protsess nachala XX veka (do 1917 goda)* [Ivan Bunin and the literary process of the beginning of the 20th century (until 1917)]. Leningrad: Herzen Leningrad State Pedagogical Institute.
22. Ninov, A.M. (1984) *Gor'kiy i Iv. Bunin. Istoriya otmosheniy. Problemy tvorchestva* [Gorky and Ivan Bunin. The history of relations. Creativity problems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
23. Krutikova, L.V. (1973) V mire khudozhestvennykh iskanii Bunina (kak sozdavalis' rasskazy 1911 – 1916 gg.) [In the world of artistic quests of Bunin (how the stories of 1911–1916 were created)]. In: Shcherbina, V.R. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 ch.* [Literary legacy. Ivan Bunin: in 2 parts]. Vol. 84. Pt. 2. Moscow: Nauka.
24. Bunin, I.A. (1915) *Veselyy dvor* [Happy House]. In: Bunin, I.A. *Poln. sobr. soch.: v 6 t.* [Complete Works: in 6 vols]. Vol. 5. Petrograd: izd. t-va A.F. Marksa.
25. Chukovskiy, K.I. (2001) *Smert', krasota i lyubov' v tvorchestve I.A. Bunina* [Death, love and beauty in the works of I.A. Bunin]. In: Averin, B.V. *I.A. Bunin: Pro et Contra*. St. Petersburg: RKhGI.
26. Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Translated from German by O.N. Trubachev Moscow: Progress.
27. Mints, Z.S. (ed.) (1988) *Zerkalo. Semiotika zerkal'nosti* [Mirror. Semiotics of reflection]. *Uch. zap. Tartuskogo gos. un-ta.* 831:22.

Received: 06 November 2016

ДИАЛЕКТНЫЙ «СЛОВАРЬ ДЕТСТВА»: В ПОИСКАХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ФОРМАТА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 16-18-02043).

Рассматривается опыт отечественной лексикографии по составлению словарей культуры. В центре внимания – сфера бытия, относящаяся к детству. Отмечается, что создание этнолингвистических и лингвокультурологических словарей – эффективная универсальная форма представления знаний о мире. Показаны особенности словарной интерпретации лексических единиц, заключающих в себе семантику детства. Подчеркивается, что создание лингвокультурологических словарей, построенных на материале говоров, дает возможность представить культурную сферу в ее локальной традиции.

Ключевые слова: словари культуры; энциклопедия детства; среднеобские говоры; томские диалектные словари; диалектный словарь детства.

Современные гуманитарные исследования все активнее обращаются к феномену детства, что объясняется поиском ответов на диктуемые временем вопросы об истоках уникальности человека, о детстве как периоде, когда закладывается весь последующий жизненный путь. Попытки осмыслить этот сложный феномен привели к созданию ряда исторических, философских, культурологических работ¹.

Идея всеохватного изучения детства закономерно считается сложнейшей для воплощения. Возможно, именно поэтому исследователями ведется поиск формата для осуществления разноаспектного описания этого культурного явления. Уже несколько столетий одной из форм универсального представления фрагмента человеческих знаний в какой-либо области выступает словарь.

Исследование сферы «детского» и презентация его результатов в формате словаря было осуществлено несколькими отечественными учеными и научными коллективами. Обращение к этому пласту культуры и появление сразу нескольких вариантов «словарей детства» свидетельствуют об актуальности, о «назревании» вопроса и необходимости его решения. К настоящему моменту в науке уже имеются лексикографические работы, посвященные описанию детства в культуре, среди которых как собственно лингвистические, так и энциклопедические исследования.

Энциклопедические словари русского детства. Попытка описания русского детства XIX–XX вв., его социально-культурной и культурно-антропологической среды была предпринята С.Б. Борисовым, автором «Энциклопедического словаря русского детства», выдержавшего несколько переизданий². Масштабный труд представляет собой опыт систематизации эмпирической информации о разнообразных социокультурных явлениях, составлявших в совокупности «мир русского детства» в его историческом развёртывании. В словаре представлены следующие тематические группы реалий, которые являются сферами жизни детства и которым посвящены отдельные статьи: одежда, пища, предметы учебы, праздники, игры, круг чтения, детская периодика, жанры детского фольклора, детские болезни, детские мифологемы, жаргонизмы и детские идиомы, поведенческие сте-

реотипы и т.д. По мнению С.Б. Борисова, «словарь – это концентрированный “всеобщий опыт” индивидуального детства» [2. С. 8]. В предисловии автором оговаривается энциклопедический принцип, положенный в основу работы: «если главной целью лингвистического словаря является толкование слов, то цель автора энциклопедического словаря – систематизация элементов определенной ипостаси (аспекта, среза) действительности с её вещами, обладающими пространственно-временными и прочими характеристиками» [Там же]. Труд С.Б. Борисова – первая попытка представить русское детство в его детальной прорисовке (что отражено в названиях словарных статей) и колоссальном временном охвате.

Еще одним вариантом описания русского детства стала подготовленная сотрудниками Российского этнографического музея энциклопедия «Русские дети: Основы народной педагогики», в словарных статьях которой описываются система воспитания в русском традиционном обществе (XIX – первая четверть XX в.), обряды, народные и религиозные праздники, детский фольклор [3]. Фундаментальный труд сосредоточен на изучении мира детства через традиции семейной педагогики (это подчеркивает и название работы) крестьянского коллектива, поэтому словник представляет собой лексические единицы и словосочетания, за которыми закреплены взгляды русского народа на воспитание. Это номинации детей, имеющих, по мнению коллектива, отступление от нормы: *недоношенный ребенок, незаконнорожденный, некрещёный* и пр.; названия игр: *баини, лапта, лён* и пр.; обязательные обрядовые и бытовые ситуации, через которые должен пройти ребёнок: *имянаречение, посадение на коня, развязывание ума* и пр. Через содержание словарной статьи составители воссоздают представления крестьян о детстве, которые связаны с народным восприятием такого сложнейшего бытийного понятия, как жизненный путь.

Детство и «детское» в лингвистических словарях. Как было отмечено, энциклопедические работы, посвященные детству, не преследуют цели «толкования слов», хотя в них помещаются, часто последовательно, лингвистические данные, необходимые для сохранения «энциклопедичности» исследования. Так,

в рассматриваемом нами словаре «Русские дети: Основы народной педагогики» составители сопровождают заглавное слово статьи всеми возможными диалектными наименованиями предмета или явления, относящегося к сфере «детского», и тем самым воссоздают полную картину территориального варьирования номинации. Например, в словарной статье ИСПУГ ‘название детского нервного заболевания’ авторы, кроме энциклопедического истолкования единицы, актуализирующего проявления болезни, которые выражались ‘плачем, плохим сном, дрожью, судорогами, страхом, заиканием и прекращением роста’, сопровождают заглавное слово рядом его территориальных вариантов, без указания на ареал распространения: *вытолох, исполах, исторопъ, ляк, ополох, отороп, переполох, уполох* [3. С. 150].

Последние десятилетия развитие лингвистической науки отмечено появлением целого ряда работ, в которых реализована магистральная идея современного языковедения описать факты взаимодействия языка и культуры. Попытки выявить в семантике языковых единиц культурный компонент, который в исследовательской практике называется *культурная коннотация, национально-культурный компонент значения, ассоциативно-культурный фон, культурологическая компонента значения слова* и т.п.; зарегистрировать его, а затем реализовать в толковании значения словарной единицы привели к созданию ряда «словарей культуры». Отличительная черта таких лексикографических работ – соединение энциклопедического и собственно лингвистического подходов в описании лексических единиц. Их задача – вскрыть механизмы трансляции культурной информации в языке, выяснить характер отражения и закрепления в нем традиций, обрядов, бытовой жизни национального коллектива. По мнению ученых (М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, В.Н. Телия и др.), культурный компонент значения может быть семантизирован и включен в толкование лексических и фразеологических единиц в словарях антропоцентрической направленности.

Как правило, авторы-составители словарей подобного типа отмечают их специфику в определениях типа: «словарь этнокультурной лексики» (Т.Н. Бунчук, Т.И. Дронова) [4], «этнолингвистический словарь» (И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов) [5], «словарь этнолингвистического типа» (Т.А. Агапкина [6], М.М. Валенцова [7], Е.Е. Левкиевская [8], А.А. Плотникова [9]), «лингвокультурологический словарь» (И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных [10], М.Л. Ковшова [11]). Все эти работы объединяет использование комментария (лингвокультурологического или этнолингвистического) в качестве основного приема словотолкования, заключающегося в фиксации и интерпретации специфических значений языковых единиц, не фиксируемых толковыми словарями, но объективно существующих в языковом сознании членов лингвокультурной общности.

Одним из самых масштабных проектов, реализованных в последние десятилетия, является фундаментальный труд «Славянские древности» [12], задачей

которого еще на стадии проектирования было выделение инвентаря основных значимых элементов культуры [13. С. 9]. Во внушительном словнике словаря отведено место и «детской» тематике. Это общие статьи: *ребенок, роды, крестины* и др., а также частные, заглавное слово которых – номинации предметов, связанных с миром детства: *колыбель, пеленка, свивальник* и др. Несмотря на то что количество словарных статей, посвященных «детству», не велико, в других, напрямую не связанных с миром детства, последовательно включается информация, отсылающая к этому культурному пласту. Например, в статье *кожух* ‘шуба, тулуп’ указывается, что наряду с календарными и свадебными обрядами предмет широко используется в родинных и крестинных ритуалах, так как имеет культурную семантику богатства и жизненной силы [12. С. 9].

Примечательно, что значительное количество словарей культуры (или их проекты) созданы на диалектном материале, собранном в полевых условиях. В качестве примера можно привести «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [3], проект «Словаря полесской этнокультурной лексики» [6], проект «Демонологического словаря Пермского края» [12] и др.

Неизбежность и необходимость использования диалектного материала в качестве источника лексикографической практики, описывающей мир детства, обусловлены «представлением о диалекте не только как о лингвистической и территориальной единице, но и одновременно как о единице этнографической и культурологической» [14. С. 21]. В этой связи лексикографами подчеркивается особая важность внесения «энциклопедических элементов» при словотолковании единиц словаря, в основе которого языковые данные говоров: «Некоторые современные диалектные словари становятся не только сводами диалектной лексики, но и подлинными энциклопедиями народной жизни» [15. С. 302].

Между тем лексикографическое описание «детского» в лингвокультурологическом или этнолингвистическом ключе в настоящий момент представлено достаточно скупой.

Идея представить мир детства через слово диалектного лексикона фигурирует в работах Т.Н. Бунчук. Ею рассматриваются материалы по этнографии детства одной из севернорусских традиций (Усть-Цилемский район Республики Коми), которую репрезентируют говоры Низовой Печоры. В материалах автора развернуто семантическое поле «Детство», разделенное на тематические группы с указанием их лексического состава [3]. Исследование Т.Н. Бунчук демонстрирует попытку описать мир детства через слово в локальной традиции.

Отчасти «детской» теме посвящен раздел «Родины» в проекте «Словаря полесской этнокультурной лексики»: «Материал представляет большое разнообразие лексики, относящейся к беременности, и фразеологии, которую использовали для объяснения детям, откуда берутся (появляются на свет) дети» [9. С. 305].

Итак, можно заключить, что необходимость описания мира детства в словаре как наиболее скрупулёзном формате собирания знания возникла давно и имеет несколько разнообразных подходов воплощения. Однако к настоящему моменту не предпринято попытки описать детство какой-либо локальной традиции в формате лингвистического (лингвокультурологического или этнолингвистического) словаря.

«Детское» в лексиконе говоров Среднего Приобья. Томская диалектологическая школа исследует среднеобские говоры с 1946 г. до настоящего момента. За это время накоплен уникальный диалектный материал, который стал фундаментом для томских диалектных словарей (ТДС): «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (СРСГ) (1964–1967), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)» (СРСГД) (1975), «Мотивационный диалектный словарь» (МДС) (1982–1983), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (СС) (1983–1986), «Полный словарь сибирского говора» (ПССГ) (1992–1995), «Вершининский словарь» (ВС) (1998–2002), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (СОС) (2001), «Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСЯЛ) (2006–2012).

Материалы ТДС содержат значительный пласт лексики, относящейся к детской сфере традиционной культуры. Среди них немало единиц, которые повсеместно причисляются исследователями к миру детства:

1. Лексические единицы, называющие предметный мир, окружающий ребенка: вещи, организующие «детское» пространство, предметы, манифестирующие его возрастные изменения и т.д. «Детское» в предметном мире представлено очень широко. К лексическим единицам, репрезентирующим предметную сферу «детского» мира в ТДС, относятся:

а) названия видов детской одежды и обуви: ПОЛЗУНКИ. Одежда для детей грудного возраста в виде штанишек с лямками и чулок, соединённых вместе. – *Она с ей прислала [одежду ребенку]: ползунков там, и всяки-то...* (ПСЯЛ); ШЕПТУНКИ. Пинетки. – *Я говорю, надо лёгоньки купить шептунки* (СРСГД).

Сюда же относятся номинации «первой» одежды новорожденного, предметов ухода за ним: ПЕЛЁНКА, ПЕЛЁНОЧКА. Детская простынка. – *Заматают этой пелёнкой, а пеленишником завяжут. Пелёнок таких-то не было, а раньше-то всяки были, стары и всяки* (ПСЯЛ); Надежда сгребла его [ребенка], завернула, пелёночку чистеньку взяла (ВС); ПЕЛЕНИШНИК. Особым образом сшитое одеяло, предназначенное для пеленания ребёнка. – *А раньше пеленишники шила: от так от это, от такой ширины матерьял и от так прошьют его так, так вилюшками, так стежит, ваты маленько подложит туды, и два ряда матерьял* (ВС) и др.;

б) наименования бытовых предметов, используемых при уходе за ребёнком.

Названия кроватей: ЗЫБОЧКА. Люлька, колыбель. *Нарви её (травы), в зыбочку положи, в голову, ребёнок как убитый спать будет* (СРСГ); КУЛЫБЕЛЬКА, КУЛЫБЕЛКА, КОЛЫБЕЛОЧКА.

Детская кровать, предназначенная для качания. – Кулыбелька – *зыбка называется* (СРСГД); *А из материала колыбелка. Обшита, да и всё, полка, вочеп, это раньше качали* (СРСГ); *Колыбелочка была, на лесинку подвесили* (СС); *На полу стоит зыбка, вон колыбелочка, поперёк – палочка* (СРСГД).

Предметов для сидения: СИДУШКА. Стул для ребенка. – *В сидушке сидит ребёнок. В сидушке сидела внучка* (СРСГД).

Предметов, используемых при кормлении: ПИКУЛЬКА. Соска. – *Молока согреем сейчас. Пикулька-то где?* (СС); РОЖОК. Предмет для кормления младенца в форме рога. – *И сосят [кормят ребенка]. Дай-ка прикурнусь. И вот сосёт, потеряет рожок ребёнок, ходил рожок мыть...* (СРСГД); СОСКА. То, из чего или то, что дают сосать ребенку. – *Он ничё не хотел, ни хлеб, никого не сосал. Он взял эту соску; Кажный год по три рожатся. У всех соски сосут; А у коровы титьки эти это брали. Их на рог наденут – вот и соска. Туды молочка подливаешь, он и сосёт себе [ребенок]* (МДС).

Предметы для перевозки детей: КОЛЯСКА. Маленькая ручная повозка для катания детей. – *Дак он [ребенок] – повезу его в коляске – он: «Не няня, не няня, не няня!» [не надо]* (ПСЯЛ); КАЧЕЛЬКА. Коляска для катания детей. – *В качельках ребятишек маленьких таскают и качают. Качелька для неходящих ребятишек делается, она на колесах* (СС) и др.

2. Лексические единицы, номинирующие детские игры и их атрибуты, а также игровые действия. В ТДС большое количество единиц, называющих разные виды игр, в их числе объединяющие взрослых и детей. Например, В КРУГ, В РАЗЛУКУ, В ОГОНЬКА: *В девчонках-то были, в разны игры играли. Горочка у нас тут была така. И в круг играли, и в разлуку, и в огонька. Все собирались, и ребята, и взрослые* (ВС).

а) К лексическим единицам, номинирующим собственно детские игры, относятся те, в словарном толковании которых присутствует компонент «детская» (игра): ОГОНЬКИ. Устар. Вид детской игры. – *Играли в огоньки. Посодишь кого-нибудь тут-ка одного, огонёк был. А ты тут стоишь. И вот бежит, кто к этому огоньку подбежит вперёд. И насают человек десять, может, там посадят, ребятишек маленьких, поменьше. «Это мой огонёк, это мой огонёк». Опоздал прибежать, не успел, другой обогнал, значит, уж этот огонёк погорел, другому передал, так играли всегда, щас как-то не играют* (ПСЯЛ); ЧИЖИКИ. Детская игра, в которой заостренная короткая палочка загоняется в круг ударами другой палки. – *Чижики [игра]. Вот такой колушек, такой чижик, это палочка в палец бы, например. И вот так наденем на колушек, ручки таки, кто угодит, вот кидашь, тоже он летит вот куда, догоняшь бегаешь* (ВС) и др.

К лексическим единицам, называющим детские игры, но не имеющим в словарном толковании компонента «детская» (игра), относятся также лексемы, в иллюстрации к которым содержится указание на детей как субъектов игры (через единицы *мальчишки*,

дети, ребяташишки) или указание на время (в детстве, поменьше были): В БАБКИ. Игра с костями сустава ноги домашнего животного: свиньи, овцы и пр. – Мальчишки в бабки играли, в копыляски [городки] (СРСГД); В МЯЧИКИ, В МЕЧИКИ. Игра с использованием мяча. – Как поменьше-то были, в мячики играли. Переводисся, в одну группу переходит, в другую группу [игрок]. Одна голит, другая бьёт группа (ВС) и др.

б) В эту группу также входят названия игровых действий: ВАДИТЬ. В игре искать, ловить; то же, что галить. – Кого первого найдут, тот *вадит* (СРСГ); ГАЛИТЬ, ГОЛИТЬ. Быть водящим в детской подвижной игре. – *Вадить, говорят, галить в игре* (СРСГ); *Кто угадал по мячику, тот и будет голить, а ты туда и обратно беги, у нас так играли* (ВС); САЛИТЬ, ОСАЛИТЬ. Попасть мячом при игре в салки. – *Девка куда начнёт убежать [в игре], её сальят [мячом] в спину* (ВС); *Салить? Это бежишь, другой тебя жиганёт – осалит* (ПССГ); КРЕПИТЬ. Бить по мячу при игре в лапту. – *А ещё лаптушку крепили; мячики из кожи шили. Кто крепит, бегают, угадаешь в него – засалишь, они крепят. Ты подбрасываешь, а я креплю, а оттуль ежели крепить, туды бежать надо* (СРСГ) и др.;

– названия игровых атрибутов: ШЛЮШКА. Кость надкопытного сустава, употребляемая для игры. – *Бабки – большой биток, шлюшка – маленька* (СРСГД); ПАНОК. Бита для игры в бабки. – *Ребятишки в мячик играли, в бабки. Бабки поставят, а панком сшибают, панок из конской ноги, она больше* (СРСГД) и др.;

– названия участников игры: БИТНИК. Тот, кто бросает биту в игре. – *Раньше мы в городки играли... били бабки – такие кости. Когда режут скот, берут ногу, тёплую ешиш, чистят, сверливают дырочку... это биток будет. И ка-ак навернёт им битник, так все бабки разобьёт* (СС) и др.

3. Лексические единицы, называющие детские болезни. В данную группу попадают лексемы, в дефиниции которых содержится компонент «детский», «у детей» и пр.: ЗОЛОТУХА. Своеобразное проявление у детей туберкулезной инфекции, сопровождающееся общим истощением, сыпью на теле и т.д. – *Череда, она хорошо, в пользу череда, детям от золотухи ладят* (ВС); КОРЬ. Детская заразная болезнь, сопровождающаяся сыпью и лихорадкой. – *Вот также маленький в коре болел; Здесь корь ходит. Все ребяташишки болеют* (ВС); РОДИМЕЦ. Припадок с судорогами у детей. – *Падуча бьёт, если взросло, а если маленького, то родимец бьёт* (СРСГ); *Его забиват родимцем* (СРСГ); РОДИМЧИК. Болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей). – *А я мальчиком последние время ходила. От мальчика-то и повлияло, родимчик-то, в утробе испугала; А сына мово родимчик хватил. Так он измучил родителей...* *Родимчик, как припадки, стал его бить* (ВС); ИСПУГ, СПУГ. Нервно-психическое расстройство, появившееся в результате испуга. – *От испуга детей поят – чертополох, цвет светло-синий* (ВС); ШЛАБОЛЬНИК, он высокий растёт, для детей хорошо от

испугу (СРСГ); Лекарка-бабушка ребяташишек от спугу лечит (СРСГД); ДЕРГАЧ. Болезнь эпилепсия. – *Это дергач у малолеток быват* (СРСГ); МЛАДЕНЕЦ, МЛАДЕНСКАЯ (МАЛОДЕНСКАЯ) (БОЛЕЗНЬ), МЛАДЕНСКИЙ, МОЛОДЕНЧЕСКИ. Болезнь эпилепсия. – *Парнишка двух лет, младенец пристал и забил его* (СРСГД); *Раньше мёрли дети. Щас не мрут. Раньше забила малоденска ребёнка – и всё* (СС); *Кого припадки бьют, младенска болезнь называется* (СРСГД); *Младенский у его* (СРСГД); *Молоденчески – это припадки бьют куда ребёнка маленького* (ПСЯЛ) и др.

4. Лексические единицы, употребляющиеся только при общении с детьми или использующиеся при передаче детской речи (в ТДС они имеют помету «детское»): БОЛЬКА. Детск. Болячка. – *Слово «боляшки», «больки» употребляются среди детей* (СРСГД); БОЖЕНЬКА. Детск. Божья коровка. – *А вы боженьку видали? Вот ползёт* (СРСГД); ЖИГА. Детск. О чем-либо горячем, обжигающем. – *Не лезь к печке: жига* (СРСГД); КОКОНЬКА. Детск. Яичко. – *На коконьку ляг* (СРСГД); КЫКА. Детск. Кошка. – *А кыка-то, кыка-то мякат* (СРСГД); ТИТЯ. Детск. Грудь. – *Мама, титю!* (СРСГД); БАБА. Дет. Мать отца или матери. – *Дети говорят: «Баба, ты така старенька стала». А как же? Ново нарождается, старо умирает* (ПССГ); ПОПА. Дет. Задняя часть тела человека ниже спины. – *О-о! Чтобы она [внучка] – поволитесь на спинку, чтобы так вот полежала – нет. Ей надо на попу садиться* (ПССГ) и др.

5. Лексические единицы, номинирующие детей безотносительно пола или возраста, с корнем -дет- и -реб- (в единственном и множественном числе): ребятаёнок, робёночек, детёнок, детушки, ребятунышки, ребяташонки и др.: Сама шкроду рубашонки, штанишки ребятаёнкам (ВС); Поносом заболел Шура, в Самуську повезла, он ещё робёночек был (СРСГД); На печку, значит, сделают два порога, чтобы это... залазить можно. А то ребяташонки маленькие, не могут залезти (ПССГ), а также номинирующие детей с учётом пола: а) мальчиков: МАЛЬЧИШОНКА. – *Что за мальчишонка такой вредный растёт! Я б ему дала баню, да сама себя жалею: мне ведь врач сказывал, никак нискоко нельзя нервничать* (СС); МАЛЬЧОНЧИШКА. – *И мальчончишка тоже называют. Ну, это, конечно, маленький; И девчончишка, и мальчончишка – вот они худеньки, малыньки вот и зовут. Это и не ласково, и не ругательно. Просто так. Для них-то обидно, да* (СС), ПАРНИШОНКА. – *Она бы пошла на работу, парнишонка один* (СРСГ); б) девочек: ДЕВЧОНЧИШКА. – *Девка она, а ее назвать девкой нельзя, девчончишка. Конечно, малынька девчончишка, большу-то не назовёшь* (СС) и др. К этой группе относятся собирательные наименования детей: АРДА. Дети. – *Арда шибко непослушна; Мать-то разошлась с мужиком уж давно. Арда осталась одна; Арда собралась, мешаются, бегают тут* (СРСГ); ЧЕЛЯДЬ (ЧЕЛЕДНЯ, ЧЕРЕДНЯ). Собир. Дети. – *Челядня под окнами всё вырвала* (СРСГ); *Челядь – маленьких зовут. Челядь наберётся – это ребята; Всяко зовут: ребяташишки и арда и челядь*

(СРСГ); *Ндравится ему, да чередня-то – мелочь; он и боится ехать* (СРСГД); **САРЫНЬ**. Устар. Дети. – *Сарынь собралась мешаться тут* (СРСГ); *Ну, мамато всё «сарынь» звала; Сарынь, тоже, перво слово было, сарынь, раньше же. Ну, сарынь. «Сарынь много» скажут. Теперь от говорят: «ребятишек много» или «детей много», а раньше «сарынь». «Сарынь много. Сарынь там дополна»* (ПСЯЛ) и др.

6. Лексические единицы, обозначающие детей младенческого возраста: **КУВЯ** (КУВА), **КУВЯЧКА**, **КУВЯКА**. Новорожденный, младенец. – *Сын пока ходил в армии, служил. Приходит, а она нажила кувя, дитё. Нихто не виноват* (СС); *Родилась у меня маленька кувячка, а его взяли в японску войну, а я осталась. Поехала его провожать в Харбин, уж да простудила дочку* (СРСГД); **ПISКУЛЬ**, **ПISКУЛЬКА**. Младенец, ребёнок, который издаёт звуки, похожие на писк. – *Вон у меня пискуль пишишит* (СРСГД); *Пока зыбка туды-суды ковыляется, я корову подою... Он приезжат, сидит с ребёночком, пискулька у меня кака* (СРСГД); **ВОРКУН**. Маленький ребенок, который произносит неясные звуки, лепечет. – *Воркун – так у нас на маленьких говорят. Он ешио говорить не умеет, а всё воркует, воркует что-то. Воркун – воркует, это маленький ребёнок только. Говорит себе, воркует что-то* (СОС); **ГРУДНИК**, **ГРУДНИЧОК**. Грудной ребенок. – *Когда грудь сосёт – грудник, грудничок и сосунок, раньше ведь больше сосали* (СС); **ПЕЛЕНИШНЫЙ**, **ПЕЛИНОШНЫЙ**. Маленький, в том возрасте, когда пеленают. – *Пеленишная она у меня ешио была* (СС); *Я от деда пеллиношный, зыбошный остался* (СС).

7. Лексические единицы, номинирующие детей, которые имеют какие-либо отклонения в развитии: **СЕДУК**. Ребенок, который долго не становится на ноги, не начинает ходить. – *Седук – ребёнок, сидит, год-два не ходит* (СРСГД); **НЕМТЫРЬ**. Ребенок, который долго не начинает говорить. – *Такой рослый мальчик, такой здоровый, а говорить ничё не говорит. Сватья говорит, он в отца немтырь, тот долго не разговаривал. А этот всё понимает, а немой и всё* (МДС); **ЗАСКРЁБОК**. О новорожденном ребенке с физическими параметрами ниже нормы. – *Заскрёбок – езли маленький ребёнок родится, говорят, это заскрёбок* (ВС) и др.

8. Лексические единицы, номинирующие детей по признаку очередности появления в семье: **ПЕРВАЧОК**, **ПЕРВЕНЕЦ**. Первый ребенок в семье. – *Первый ребёнок – первачок, последний – последыш* (СС); *Первенец – первенький ребёнок* (ПССГ); **ПОСЛЕДОЧЕК**. Последний ребенок в семье. – *[Как последнего ребенка в семье называют?]* – *Последочек* (ПССГ); **ПОСКРЁБЫШ**. Последний, самый младший ребенок у родителей. – *Поскрёбыш – когда последнего ребёнка принесёшь* (СС); **ЗАСКРЁБЫШ**. Последний ребенок в семье. – *Последня, дык – заскрёбыш* (СРСГД) и др.

9. Лексические единицы, номинирующие детей по признаку семейной иерархии: **БОЛЬШАК**. Старший сын в семье. – *Большак – это старший из ребятников, из челядни, дорогу так не зовут; О, говорят, у*

нас большак. Еслив у нас пять-шесть, так старший большак зовётся (СРСГ); **БОЛЬШУХА**. Старшая дочь. – *Большуха на меня похожа; Издесь тоже это называют: это, говорят, большуха моя* (СРСГ); **БРАТКА** (**БРАТЬКА**), **БРАТАН**. Старший брат. – *Братка звали все старшего брата. Братан так же, всё равно, что братка, что братан* (СС); *Брат и братька, сестра и нянька – младший называет старшего* (СС); *Меньшими были и старшего брата звали братька* (МДС); **НЯНЯ**, **НЯНЬКА**. Старшая сестра. – *Нянька. Так у нас сестра старшая называется* (СРСГД); **СЕСТРЁНКА**. Младшая сестра. – *Старшую сестру ласково няней [звали], младшую – сестрёнкой, брата – братькой, а маленького братишкой* (СС) и др.

10. Лексические единицы, называющие семейный статус ребенка: **ВМЕСТНЫЙ**, **МЕСТНЫЙ**. Общий, совместный (о детях от второго брака). – *У них местных детей не осталось. Они поженились. Одну девочку вместе нажили, а ешио у каждого по ребёнку было* (ПСЯЛ); *А потом вместе родился у их [ребёнок], Юра* (ПСЯЛ); **ПРИЁМУШКА**. Приёмный ребёнок. – *Детей у них не было. Приёмушку взяли от деверя, от мужнина брата* (СРСГД); **ПРИВОДНЫЙ**. Приёмный (о детях). – *Семья у него небольшая: трое у него ребятников да приводный один; Это его дочь приводная в семой класс пошла* (СРСГД) и др.

11. Лексические единицы, называющие детей, рожденных вне брака: **СУРАЗ** (**УРАЗ**, **СУРАЗОК**, **СУРАЗКА**, **СУРАЗЁНОК**, **СУРАЗЮШКА**). – *Она ихних суразов вынянчиват, а там в избе живым не пахнет* (СС); *Суседка, что ходит сюды шиньгать шерсь, намеднях что была, дак у ей Васька сейчас в армии, он суразок* (СРСГД); *У которых девок родители сурьёзны, шибко строги. Отец строгий был у меня, не велел ходить, суразёнка чтоб не принесла* (СРСГД); *Суразка у ней умерла* (СРСГ); *[А если внебрачный ребёнок – девочка?]* *Всё равно сураз. Суразюшка* (ПСЯЛ); *Была девка, так суразёнка принесла. Да ит кого? От отца. Нискорюзник был* (СРСГД); **ПОДКРАПИВНИК** (**ПОДКРАПИВНИЦА**, **КРАПИВНИК**). – *Подкрапивник – незаконнорожденный, в школу ходит, хороший, здоровый* (СРСГД); *У меня сноха Марфа родила девочку, в Каргаске. Написала. «У меня мама подкрапивницу нашла»* (СРСГД); *Дед Семен на своих внуков только и знает, что кричит: «Крапивники!»* (СОС) и др.

Итак, лексический состав, относящийся к сфере «детского» говоров Среднего Приобья, представленный в томских диалектных словарях, охватывает практически всю её тематическую панораму, намеченную в имеющихся лексикографических источниках. При этом не были освещены ни в одной из рассмотренных работ лексические единицы, номинирующие детей по признаку семейной иерархии, употребляющиеся только при общении с детьми, использующиеся при передаче детской речи. Материалы томских словарей дают разноплановые сведения этнографического, культурологического, исторического характера. Лексемы, значение которых интерпретировано составителями ТДС в качестве единиц «детско-

го» словарного фонда, называют явления материальной и духовной жизни сибирских крестьян, в которую вовлечены дети, являющиеся главной ценностью сельской общины. Таким образом, словники, заглав-

ное слово, его толкование, иллюстрации, сопровождающие описание в ТДС, являются бесценным источником лексикографической интерпретации «детской» составляющей традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Подробнее см. М.В. Ромашова [1].

² Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства. Шадринск : Исеть, 2006. 548 с.; Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2008. Т. 1: А–Н. 520 с.; Т. 2: О–Я. 520 с.; Борисов С.Б. Русское детство XIX–XX вв.: культурно-антропологический словарь : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2012. Т. 1: А–М. 832 с.; Т. 2: Н–Я. 832 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВС – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
МДС – Мотивационный диалектный словарь / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982–1983. Т. 1, 2.
ПССГ – Полный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. Т. 1–4.
ПСЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
СОС – Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964–1967. Т. 1–3.
СРСГД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. Т. 1, 2.
СС – Среднеобский словарь (Дополнение) / под ред. В.В. Палагиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983–1986. Ч. 1, 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ромашова М.В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. История. 2012. Вып. 3 (20). С. 172–179.
2. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. Шадринск : Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2008. Т. 1: А–Н. 520 с.; Т. 2: О–Я. 520 с.
3. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов [и др.]. СПб. : Искусство-СПБ, 2006. 566 с.
4. Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева ; науч. ред. Т.Н. Бунчук. Сыктывкар : Изд-во ГОУ ВПО «Сыктывкарский госуниверситет», 2008. С. 27–36.
5. Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. Пермь, 2004. 359 с.
6. Агапкина Т.А. Хлеб. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 337–355.
7. Валенцова М.М. Родины. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 305–314.
8. Левкиевская Е.Е. Демонология. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 379–432.
9. Плотнокова А.А. Введение. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М. : Индрик, 2001. С. 300–304.
10. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. М. : Гнозис, 2004. 318 с.
11. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.
12. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 1995–2004. Т. 2.
13. Этнолингвистический словарь славянских древностей. Предварительные материалы. М. : Наука, 1984. 172 с.
14. Русинова И.И. Проблема лексикографического описания лексических и фразеологических единиц семантической сферы «Народная магия» (по данным говоров и мифологических рассказов Пермского края) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 15–21.
15. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 ноября 2016 г.

DIALECT “DICTIONARY OF CHILDHOOD”: IN SEARCH OF A LEXICOGRAPHICAL FORMAT (A CASE STUDY OF THE MIDDLE OB DIALECTS)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 22–28.

DOI: 10.17223/15617793/413/3

Tatiana B. Bankova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatabank@mail.ru

Maria M. Ugriumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maria_ugr@mail.ru

Keywords: dictionaries of culture; encyclopedias of childhood; Middle Ob dialects; Tomsk dialect dictionaries; dialect dictionary of childhood.

Modern humanitarian studies more and more actively refer to the childhood phenomenon, which is the reaction to the current questions about the unique character of human life, about childhood as the period when this uniqueness is being founded. A dictionary is one of the forms of universal representation of human knowledge fragments. Several Russian scholars and research teams

made research in the “children’s” area in dictionary forms. The appearance of multiple versions of “dictionaries of childhood” at once proves how topical this question is. The Monumental work *Entsiklopedicheskiy slovar’ russkogo detstva* [Encyclopedic Dictionary of Russian Childhood] introduces the experience of systematization of empirical data about a variety of sociocultural phenomena, which all together represent the “world of Russian childhood” in its historical development. The work of the Russian Museum of Ethnography *Russkie deti: Osnovy narodnoy pedagogiki* [Russian Children: The Basics of Folk Pedagogy] describes the educational system in Russian traditional society (19th – first quarter of the 20th centuries), rites, folk and religious feasts, children’s folklore. One of the most large-scale projects being implemented in the recent decades is a fundamental work called *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities] that aimed to identify the main valuable elements of culture since it was designed. The impressive glossary of the dictionary also covers the “children’s” theme. The need of using dialect material as the source of lexicographical practice describing the world of childhood is determined by the idea that a dialect is not only a linguistic and geographical phenomenon but also ethnographic and culturological; this is why lexicographers emphasize the importance of using encyclopedic elements when interpreting units of a dictionary compiled on dialect material. The data of Tomsk dialect dictionaries contain a significant number of lexical units referring to the “children’s” cultural sphere. They are units which researchers traditionally refer to this cultural layer. These lexemes name the world of subjects surrounding a child, children’s games and their attributes, game actions, children regardless their gender or age, children with deviations; they are used when communicating with children only or when reproducing children’s speech, when indicating the order of appearing in a family, highlighting the family status of children and their birth out of wedlock. Words relating to the “children’s” sphere in the Middle Ob dialects that are represented in Tomsk dialect dictionaries cover almost all subjects outlined in the existing lexicographical sources, they contain diverse ethnographic, culturological, and historical information. Some of them have not been covered in the lexicographical practice yet.

REFERENCES

1. Romashova, M.V. (2012) Entertaining Studying of Primary Sources: History of Childhood. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald, series “History”*. 3 (20). pp. 172–179. (In Russian).
2. Borisov, S.B. (2008) *Entsiklopedicheskiy slovar’ russkogo detstva: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary of Russian Childhood: in 2 vols]. 2nd ed. Shadrinsk: Shadrinsk Pedagogical Institute.
3. Baranov, D.A. et al. (2006) *Russkie deti: Osnovy narodnoy pedagogiki. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Russian children: The Basics of Folk Pedagogy. Illustrated Encyclopedia]. St. Petersburg: Iskustvo-SPB.
4. Bunchuk, T.N. (2008) Yazykovoe vyrazhenie predstavleniy o rozhdenii rebenka v Ust’-tsilemskoy narodnoy kul’ture [Linguistic expression of ideas about the birth of a child in Ust-Tsilma folk culture]. In: Bunchuk, T.N. (ed.) *Deti i detstvo v narodnoy kul’ture Ust’-Tsil’my: issledovaniya i materialy* [Children and Childhood in the folk culture of Ust-Tsilma: research and materials]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
5. Podyukov, I.A., Khorobrykh, S.V. & Antipov, D.A. (2004) *Etnolingvisticheskiy slovar’ svadebnoy terminologii Severnogo Priam’ya* [Ethnolinguistic wedding terminology dictionary of Northern Kama region]. Perm: Kn. izd-vo.
6. Agapkina, T.A. (2001) Khleb. Materialy k slovaryu polesskoy etnokul’turnoy leksiki (Opyt komp’yuternoy obrabotki vostochnoslavlyanskoy dialektnoy leksiki) [Bread. Materials for the dictionary of Polesye ethnocultural vocabulary (computer processing experience of the Eastern Slavic dialect vocabulary)]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavlyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [Eastern Slavic ethnolinguistic collection. Research and Materials]. Moscow: Indrik.
7. Valentsova, M.M. (2001) Rodiny. Materialy k slovaryu polesskoy etnokul’turnoy leksiki (Opyt komp’yuternoy obrabotki vostochnoslavlyanskoy dialektnoy leksiki) [Homeland. Materials for the dictionary of Polesye ethnocultural vocabulary (computer processing experience of the Eastern Slavic dialect vocabulary)]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavlyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [Eastern Slavic ethnolinguistic collection. Research and Materials]. Moscow: Indrik.
8. Levkievskaya, E.E. (2001) Demonologiya. Materialy k slovaryu polesskoy etnokul’turnoy leksiki (Opyt komp’yuternoy obrabotki vostochnoslavlyanskoy dialektnoy leksiki) [Demonology. Materials for the dictionary of Polesye ethnocultural vocabulary (computer processing experience of the Eastern Slavic dialect vocabulary)]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavlyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [Eastern Slavic ethnolinguistic collection. Research and Materials]. Moscow: Indrik.
9. Plotnikova, A.A. (2001) Vvedenie. Materialy k slovaryu polesskoy etnokul’turnoy leksiki (Opyt komp’yuternoy obrabotki vostochnoslavlyanskoy dialektnoy leksiki) [Introduction. Materials for the dictionary of Polesye ethnocultural vocabulary (computer processing experience of the Eastern Slavic dialect vocabulary)]. In: Plotnikova, A.A. (ed.) *Vostochnoslavlyanskiy etnolingvisticheskiy sbornik. Issledovaniya i materialy* [Eastern Slavic ethnolinguistic collection. Research and Materials]. Moscow: Indrik.
10. Brileva, I.S. et al. (2004) *Russkoe kul’turnoe prostranstvo. Lingvokul’turologicheskiy slovar’* [Russian cultural space. Cultural linguistic dictionary]. Moscow: Gnozis.
11. Gudkov, D.B. & Kovshova, M.L. (2007) *Telesnyy kod russkoy kul’tury. Materialy k slovaryu* [Body Code of the Russian culture. Materials for the dictionary]. Moscow: Gnozis.
12. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995–2004) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar’*: v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
13. Tolstoy, N.I. (ed.) (1984) *Etnolingvisticheskiy slovar’ slavyanskikh drevnostey. Predvaritel’nye materialy* [Ethnolinguistic Dictionary of Slavic Antiquities. The preliminary materials]. Moscow: Nauka.
14. Rusinova, I.I. (2012) Problema leksikograficheskogo opisaniya leksicheskikh i frazeologicheskikh edinit semanticheskoy sfery “Narodnaya magiya” (po dannym govorov i mifologicheskikh rasskazov Permskogo kraya) [The problem of the lexicographic description of lexical and phraseological units of the semantic sphere “folk magic” (by dialects and mythological stories of the Perm region)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 4 (20). pp. 15–21. (In Russian).
15. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul’tura: Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Received: 28 November 2016

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ СМИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

Рассматривается влияние средств массовой коммуникации на организацию диалектной речи, проявляющаяся в смещении акцентов традиционного сельского общения. Изменения касаются, в первую очередь, набора речевых событий, характера прецедентных текстов, расширения лексического состава, функциональных сфер общения, смены традиционного кода передачи знаний и некоторых других. Анализируется степень влияния разных видов СМИ на традиционное сельское общение: радио, телевидения, газетных текстов.

Ключевые слова: диалект; коммуникация; трансформация; СМИ; высказывание.

Исследователи неоднократно фокусировали внимание на взаимном влиянии диалекта и литературного языка, выбирая разные векторы и аспекты такого влияния. Диалект неоднократно рассматривался и как источник пополнения словарного запаса современного литературного языка (см., например, работы А.И. Горшкова [1], Е.В. Вьюковой [2]), и как способ сохранения древних форм, утраченных в литературном варианте национального языка (работы Л.И. Шелеповой [3], Л.П. Дроновой [4] и др.).

Проблема вхождения диалектных слов в разные жанровые и стилевые разновидности языка с привлечением данных русского национального корпуса проанализирована в работе Н.Д. Голева и Н.Б. Лебедевой [5].

Не менее пристальному изучению подвергаются процессы, связанные с противоположным вектором влияния литературного языка на диалект. Исследователи отмечают утрату диалектных особенностей под воздействием школьного образования, литературы, а также различных видов СМИ и предлагают заменить термин «диалект» на «полудиалект» [5].

Вместе с тем в последнее десятилетие в мировой и отечественной науке активно формируется новая отрасль знания – региональная лингвистика, фокусирующая свое внимание на специфике региональной речи, включающей не только сельскую, но и городскую коммуникацию. Исследователи отмечают, что формируется новый лингвистический феномен – региональный язык как некое «переходное, неустойчивое языковое состояние, проявляющееся в определенных языковых ситуациях и находящееся между литературным языком и диалектом: **литературный язык – региональный язык – диалект**» [6. С. 7; 7]. В ряде работ используется термин «региолект» ([8, 9] и др.). А.И. Горшков употребляет в своих работах понятие «общий разговорный язык» и считает, что «полудиалект правильнее понимать как промежуточное явление не между территориальным диалектом и литературным языком, а между территориальным диалектом и общим разговорным языком» [1. С. 219].

Развитие новых научных направлений, в основе которых лежат идеи лингвокультурологического, когнитивного, дискурсивного анализа языковых явлений, актуализировало значимость диалекта как компонента национальной речевой культуры, без учета которого невозможно полное ее описание. Образцы описания диалекта в русле названных подходов про-

демонстрированы в серии статей и монографий представителей томской диалектологической школы, рассматривающих диалект как выразитель национальной культуры, в котором более последовательно, чем в литературном языке, сохраняются и проявляются культурные и ментальные доминанты языковой картины мира [10]. Используемый диалектологами подход позволяет объяснить тот факт, что исчезновение диалектов, предсказанное исследователями еще в семидесятые годы прошлого столетия, так и не произошло. Так, широко известно высказывание Ф.П. Филина, который, со ссылкой на исследования диалектологов, писал о том, что «...местные говоры как цельные речевые единицы со своей особой системной организацией, известные по учебникам русской диалектологии и прежним диалектологическим описаниям, теперь уже не существуют» [11. С. 139].

В данной статье вектор анализа задан в направлении влияния средств массовой информации на организацию диалектного общения. В задачи входят рассмотрение зон и аспектов такого влияния, а также выяснение роли отдельных видов СМИ в трансформации традиционной сельской коммуникации. Работа выполнена на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

В качестве источника материала используются записи диалектной речи, хранящиеся в лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета, диалектные словари, составленные томскими диалектологами на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья, а также сборник текстов «Живая речь русских старожилых Сибири», составленный Е.В. Иванцовой по материалам экспедиций в село Вершинино [12].

В статье анализируется диалект как форма коммуникации, включающая лексику разной системной принадлежности (общерусскую, просторечную, диалектную). Для решения поставленной задачи наиболее репрезентативными источниками материала являются диалектные словари полных типов, а также записи диалектной речи, отражающие фрагменты устного текста.

Коммуникативное пространство рассматривается применительно к заданной проблематике как сфера коммуникации, включающая в себя место, время, адресата, адресанта, ситуацию общения, тематику, набор речевых жанров. Под взаимодействием комму-

никативных пространств понимается взаимное проникновение элементов разных форм коммуникации, в результате чего происходит трансформация той или иной формы коммуникации.

Основной метод анализа, используемый для разработки решаемой проблемы, – метод научного описания, включающий приемы наблюдения, обобщения, контекстуального анализа, количественных подсчетов. Частично применяется метод дискурсивного анализа.

Влияние СМИ на диалектную форму коммуникации анализируется по нескольким параметрам.

1. Частотность лексем, обозначающих СМИ и функционирующих в диалектной коммуникации.

Частотность употребления лексем, называющих разные виды СМИ, выявляется в рамках одного говора села Вершинино Томской области, на материале которого создано два словаря полного типа. Это «Вершининский словарь» в семи томах (гл. редактор О.И. Блинова) [13–15] и «Полный словарь диалектной языковой личности» в четырех томах (гл. ред. Е.В. Иванцова) [16, 17].

По данным «Вершининского словаря», степень распространенности в диалекте анализируемых лексем и их вариантов примерно одинакова. Так, *телевизор* в значении «телевизионный приемник» отмечен 37 раз, диалектный фонетический вариант *телевизер* – 34, по одному разу фиксируются *келевизер* и лексема *телевидение*. Слово *газета* в значении «периодическое издание, освещающее текущие события», отмечено 34 раза, *газетка* четыре, *газеточка* один, *радио* в значении «передача текстовых и музыкальных программ; вещание» и его вариант *радиво* 23 и 8 раз соответственно.

Как принадлежащий диалектной системе зафиксирован фразеологизм «*сарафанное радио*» в значении «слухи, сплетни, передаваемые из уст в уста». Приблизительно такая же картина наблюдается в речи одной языковой личности этого же села – Веры Прокофьевны Вершининой. *Газета* отмечено 27 раз, *газетка* 5 раз, *телевизер* / *телевизор* 8 / 28 раз, *радио* / *радиво* 14 / 41. Наличие вариантов и уменьшительно-ласкательных форм общерусских лексем, частотность употребления, вхождение во фразеологизмы – все это свидетельствует об их активном вхождении в диалектную речь.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все три вида СМИ (газета, телевизор, радио) являются объектами повседневной коммуникации и отражают зоны ее актуальности. Наиболее распространенными являются лексема «телевизор» и ее варианты. На втором месте по частотности находится лексема «газета». Несколько меньше фиксаций имеет слово «радио». Все это свидетельствует о различной степени предпочтительности в выборе того или иного источника информации, а также о разных предпочтениях в выборе досуга сельскими жителями в целом и отдельным человеком в частности. Так, например, материалы показывают, что основным источником информации для В.П. Вершининой является не газета и не телевизор, а радио, что позволяет рассматривать данные лексемы как одну из характеристик диалектной языковой личности.

Кроме того, в записях диалектной речи, сделанных в последние годы в селах Томской и Кемеровской

областей, фиксируются лексемы *Интернет* и *компьютер*: *А кто его знает, не знаю* (про погоду). *По этому, по интернету никак смотрят-то, чё-нибудь знают* (Нестерово, Парабельский район, Томская область); *По компьютеру посмотрит* (внук), *сразу срисует и начинает вырезать, всё* (Шестаково, Чебулинский район, Кемеровская область). Актуализация в речи данных лексем является показателем того, что происходит расширение словарного состава носителей диалекта за счет введения в коммуникацию слов, называющих разные виды и формы СМИ. Вместе с тем диалект, осваивая новые слова, адаптирует их к своим законам и к своей системе, что проявляется в образовании диалектных вариантов, грамматических форм, изменении и расширении лексической семантики слов литературного языка.

2. Место и статус анализируемых лексем в семантике диалектного высказывания. Лексемы, обозначающие разные виды СМИ, формируют объективный и субъективный «слои» семантики диалектного высказывания. В качестве материала анализа использованы записи диалектной речи, сделанные в селе Вершинино, поэтому материал не сопровождается локальными пометами.

Информация о видах СМИ эксплицируется в модусе высказывания и представляет собой ссылку на источник полученной информации, а также маркирует визуальный или аудиальный способ получения информации: *Вчера по телевизору вон мы смотрели, у-у, какие церква; Незнакомому солдату венок положили, цветы положили – по радио же слышали*. Авторизационные смыслы формируют квалификативную часть модусной семантики. В диалектной коммуникации отмечается наличие положительной оценки СМИ с точки зрения достоверности. Средства массовой информации оцениваются в сельском общении как достоверный и авторитетный источник информации, который не подвергается сомнению. Это явление отражают высказывания диалектоносителей, содержащие прямую оценку достоверности информации, полученной из какого-либо вида СМИ: *Я чё по радио передают, я всё верю*. На это указывают и отсутствие маркеров персуазивности в анализируемых высказываниях, а также наличие в них средств экспрессивного утверждения: *Клещ укусил и увозили. Маленько прекратили бы, помогло бы. Как не поможет? По радиву говорят*. Нарушение этого правила воспринимается как отклонение от нормы: *Таку заметку, совсем пустиковину – и в газету помещают*.

Эти наблюдения свидетельствуют не только о том, что в диалектной коммуникации последовательно проявляется более высокая оценка литературной речи, книжной, официальной, письменной по сравнению с устной речью, но и о том, что также положительно оцениваются источники этой речи. Они определяют правила поведения, задают этические и эстетические нормы, способствуют повышению социального статуса того или иного человека: *Я хотела в газету, чтоб его похвалить за его уважение; Его в газету, в «Красну знамя» написали, как он работал*.

Указание на СМИ как источник информации совмещается с обозначением субъекта – носителя рече-

вого действия. Формы представления субъекта широко варьируются по шкале определенности / неопределенности. Наиболее частотная форма – это неопределенно-личная структура с главным членом-глаголом, обозначающим различные виды передачи информации: *по телевизеру говорили, кажут, показывают, передают, по радио передают (передавали), писали же в газете*. Субъект представлен как неопределенный, часто с семантикой обобщенности, и это позволяет сфокусировать внимание на самом факте передачи информации и усилить ее значимость.

Диктумное содержание, сопровождаемое подобной модусной рамкой, являет собой свод незыблемых истин, систему ценностей, стандартов, которых следует придерживаться. Наиболее часто в высказываниях такого типа содержатся приметы, рецепты, прогнозы: *Кору крушины пью, вычитали на газетав <...> В газете было пропечатано про неё; По радио передают, шибко полезна она (трава) ото всего; Цыплятам нужна (скорлупа). Ну я не знаю, я по газетке читала, знаю, что нужна; А вообще-то нынче в газете вычитала, что этот гриб есть нельзя; Без дров будут, газом отопляться. По радио передавали*.

С ориентацией на СМИ формируются предпочтения в выборе одежды: *Щас они (пальто) модны таки. Всё передают с Москвы всё: дублёнки, да всяки эти... польты да дохи да... В кинe показывают платья широки, в телевизере тоже*.

Наблюдения показывают, что происходит трансформация традиционного кода передачи информации в диалектной среде. Идут утрата знания и разрушение устной (обыденной) формы трансляции информации, играющей важную роль в сельском укладе жизни: *Примет-то я не знаю. По радиу же говорят. А ласточки что? Счас их, ласточек, ни птичек, ничего нет*.

Диктумное содержание включает в себя разные виды событийных пропозиций. Одной из частотных является реализация пропозиции восприятия, состоящей из предиката восприятия, субъекта и объекта восприятия. Лексемы – наименования разновидности СМИ занимают позицию объекта: *Мы теперь радио, телевизер слушаем; Вечер все телевизер смотрят; Цё-то он (сын) цитат газету*.

Кроме пропозиции восприятия распространенной является пропозиция действия, отражающая различные манипуляции с материальными носителями информации, представляющими собой конкретные предметы и включенными в повседневный быт. Наиболее часто в высказываниях актуализуется предметная семантика лексемы *телевизор*, что обусловлено техническими возможностями именуемого прибора, а также его большими габаритами, высокой ценой по сравнению с радио и газетой. Телевизор-предмет воспринимается как элемент обстановки, убранства дома и как показатель материального достатка и состоятельности и является основной пропозиции обладания: *У них и телевизер, и комод, вся обстановка, стулья, столы. Шифонёр – одёжу хранят; Во всем селе уже телевизоры есть; Чё буду хвастаться – телевизора не бывало*. При оформлении пропозиции актуализуется временная оппозиция «прежде и те-

перь», оцениваемая с точки зрения качества жизни: *Все очень бедно жили: ни у кого ни телевизора*.

Как предмет телевизор можно купить, сломать, починить. Все названные виды действия формируют пропозицию действия с различным количеством актантов и сирконстантов. Лексемы, обозначающие телевизор как прибор, занимают место объекта или субъекта: *Давным-давно сгорел телевизер – всё-то ишо не белила; Это получила деньги... пятьсот рублей и говорю: добавлю две сотни, куплю телевизор цветной*.

Меньшее количество манипуляций можно совершать с радио как предметом. Оно не имеет той материальной ценности, которой обладает телевизор, и не включается в пропозиции действия. Основная позиция лексемы радио – это вхождение в модусную часть высказывания. Обсуждению подлежат события, информация о которых получена аудиальным способом. События, которые попадают в зону коммуникации, являются разноплановыми и лежат преимущественно в бытовой сфере. Они касаются сельского хозяйства, аварий на дорогах и других новостей, передаваемых на радио: *Ишь по радио передают, как авария бывает, не дай бог; По радио передают на много намолачивают*.

Газета в качестве материального носителя используется широко для хозяйственных нужд, и этим ее свойством обусловлено большое количество высказываний, в которых актуализованы пропозиции действия. Лексема *газета* замещает позицию средства действия либо приспособления, материала для выполнения действия: *А мать её по ишкеам газетой хлопнат; Я тебе говорила, газетой заверни (мясо)*.

Итак, анализ показал, что лексемы, обозначающие разные виды СМИ, формируют модусную и диктумную семантику диалектного высказывания. В модусе и в пропозиции восприятия актуализуется семантика источника информации, в диктумной части через пропозицию действия и пропозицию обладания реализуется предметная семантика лексем, называющих различные виды СМИ в Вершининском говоре. Присутствие СМИ в диалектной коммуникации определяет конкретное наполнение смысловой организации высказывания.

3. Изменение коммуникативных характеристик диалекта под воздействием СМИ. Воздействие СМИ на диалект как форму коммуникации проявляется по нескольким параметрам, определяющим специфику диалекта:

1. Расширяются тематика обыденного дискурса, а также набор речевых событий за счет обсуждения увиденного по телевидению, услышанного по радио, прочитанного в газете. Меняется тематическая доминанта бытовых разговоров. Наряду с традиционными темами: здоровье, погода, виды на урожай, обсуждение ситуаций и жизни односельчан – активно обсуждаются события социальной жизни, телесериалы, фильмы. Показательны в этом отношении названия устных текстов, представленные в сборнике, составленном Е.В. Ивановой по материалам экспедиций в село Вершинино: «Выборы», «Интересны ихны картины», «Эти наши несчастны депутатышки», «Чечня». В центре обсуждения старожил

находятся события, получившие освещение в СМИ. Ссылки на источник информации выполняют роль авторизационного ключа, служат сигналом для начала беседы, приглашением к диалогу: *Вчера-то смотрели (по телевидению) «Мушнина и женищина»?*

2. Меняется характер прецедентных текстов за счет использования цитат, крылатых фраз, клише из рекламных передач. В проанализированном материале встретились тексты только из телевизионного источника: *Вера, всё красиво, это как это, «Сникерс» ли кто ли он... ли «Твикс». А сын мой приехал и привёз эту «сладку парочку-то». Ой! Ну никакого вкуса нет! Ой. Вера. Милая моя, это за чёт око рекламу делают?* (Вершинино, Томская обл.).

3. Возрастает количество элементов делового, официального дискурсов, что приводит к появлению разностилевых высказываний в рамках диалектного дискурса: *Года три или четыре (назад) писали же в газете, что при перелете их (ласточек) сильно много погибло. Мороз-то был; Да, референдум тоже большо дело. Да хоть и... мы стоко и понимаю, а просто...; У меня на столе не хватало, я на полу раскладывала всё, всякие издания, всяки-всяки издания, мне не хватало, ночью сижу, всё сорти... сортирую, чтобы к Новому году уже. К первому числу, была вся таблица сортировочная заготовлена. Гыт, одного набили Зубарева, говорят. Налупили, гыт, эти комоновцы-то (ОМОН).* Смешение стилей проявляется на лексическом уровне, когда в пределах одного высказывания употребляются разговорная лексика (*налупить, стоко, всяки-всяки*) и лексика официально-делового стиля (*референдум, издания, сортировочная таблица* и др.) и на уровне построения высказываний, что проявляется в наличии клише, штампов.

4. Формируется антропонимический и топонимический блок диалектной коммуникации, включающей личные имена, фамилии государственных, общественных деятелей регионального и российского масштаба: *Неизвестных (депутат), я слыхала тоже, то ли по радио, то ли по телевизору, да, да; А этот Андрей Мурашов (телеведущий) говорит: дискать, Кресс (губернатор области) уступал каждый час, приглашал всё; Так даже передавали по телевизору ли... ну, по телевизору передавали: Черномырдин пошёл в отставку – тридцать семь триллиона исчезли, да разе один Черномырдин? Чубайс от, Гайдар от – про всех говорили.*

5. Происходит трансформация традиционного кода передачи информации в диалектной коммуникации, а также осуществляется формирование новых ценностных ориентиров и стандартов поведения (примеры были приведены выше).

Таким образом, анализ показал, что диалект как форма коммуникации подвергается определенной трансформации под воздействием СМИ. Изменения касаются набора речевых событий, характера прецедентных текстов, расширения лексического состава, функциональных сфер общения, смены традиционного способа передачи знаний и некоторых других параметров.

В то же время отметим, что диалект как адаптационная система «перерабатывает» элементы иной культуры в соответствии с целями, условиями коммуникации, спецификой адресата и адресанта, облекая полученную информацию в свойственные ему речевые жанры, сохраняя общий повышенный эмоционально-оценочный и экспрессивный фон речи, проявляемый в бытовых диалогах и полилогах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике. М.: Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2000. 272 с.
2. Вьюкова Е.В. Местные диалекты как источник пополнения словарного состава современного русского литературного языка (40–80-е гг. XX в.): Методическая разработка по курсу «Русская диалектология». Томск, 1985. 27 с.
3. Шелепова Л.И. Источниковедческие возможности региональных этимологических словарей (на материале «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3 (5). С. 65–70.
4. Дронова Л.П. Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 256 с.
5. Голев Н.Д., Лебедева О.Б. Лексика регионального словаря в Интернете // Язык, литература и культура в региональном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. пам. проф. И.А. Воробьевой / под ред. Л.И. Шелеповой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 9–22.
6. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. М., 1979.
7. Маслова В.А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы // Филологические науки. 2015. № 6. С. 3–8.
8. Герд А.С. Основные тенденции и параметры формирования региональных типов языка // Севернорусские говоры. 2014. № 13. С. 249–264.
9. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 119–136.
10. Томская диалектологическая школа: Историографический очерк / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. 392 с.
11. Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
12. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007. 104 с.
13. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 2: Г–З. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. 317 с.
14. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 6: Р–С. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 451 с.
15. Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 7: Т–Я. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. 526 с.
16. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1: А–З. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. 355 с.
17. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 4: С–Я. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 363 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 декабря 2016 г.

THE TRANSFORMATION OF DIALECT COMMUNICATION UNDER THE MASS MEDIA INFLUENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 29–33.

DOI: 10.17223/15617793/413/4

Tatyana A. Demeshkina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demeta@rambler.ru

Keywords: dialect; communication; transformation; mass media; statement.

The article examines the impact of mass media on the organization of dialectal speech, which is manifested in a shift of emphasis of the traditional rural communication. The first part of the article presents a brief history of the issue relating to the mutual influence of the dialect on the literary language and the literary language on the dialect. The dynamics of research representations of dialect development and its place in the system of the national language is briefly analyzed. Names of scholars working in this direction are given. The problem definition and characteristics of the material are given after the review. The tasks of the article include consideration of areas and aspects of mass media influence on the dialect, as well as clarification of the role of different types of mass media in the transformation of traditional rural communication. The work is done on the material of Russian old resident dialects of the Middle Ob region. The main part of the work discusses the results. It has been identified that all three types of media (newspaper, TV, radio) are the objects of everyday communication and reflect its relevance area. The most common lexeme is “TV” and its variants. The second highest frequency lexeme is “newspaper”. The word “radio” is less frequent. These indicate the different degrees of preference in choosing sources of information, and the different preferences in the choice of leisure by villagers in general and an individual in particular. The role of the lexemes in the semantic organization of dialectal speech is analyzed. The changes of the communicative dialect characteristics under the influence of the media are identified. They include the expansion of the subjects of ordinary discourse, the changing nature of precedent texts, the increasing number of elements of media discourse, the formation of the anthropological and toponymic unit of dialect communication, the destruction of the information transmission code in the dialect. At the same time it is noted that a dialect as an adaptive system “recycles” the elements of a culture in accordance with the objectives, terms of communication, the specifics of the recipient and the sender, vesting information in its characteristic speech genres while retaining the overall increased emotional, evaluative and expressive background of speech in everyday conversations and polylogues.

REFERENCES

1. Gorshkov, A.I. (2000) *Lektii po russkoy stilistike* [Lectures on Russian stylistics]. Moscow: Gorky Institute of Literature.
2. V'yukova, E.V. (1985) *Mestnye dialekty kak istochnik popolneniya slovarnogo sostava sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (40–80-e gg. XX v.): Metodicheskaya razrabotka po kursu “Russkaya dialektologiya”* [Local dialects as a source of replenishment of the vocabulary of modern Russian literary language (1940s–1980s): Methodological aid to the course “Russian dialectology”]. Tomsk: [s.n.].
3. Shelepova, L.I. (2011) Source study capabilities of regional etymological dictionaries (based on The Historical-Etymological Dictionary of the Russian Dialects of the Altai). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (15). pp. 65–70. (In Russian).
4. Dronova, L.P. (2006) *Stanovlenie i evolyutsiya modal'no-otsenочноy leksiki russkogo yazyka: etnolingvистический аспект* [Formation and evolution of the modal evaluative lexicon of the Russian language: ethno-linguistic aspect]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Golev, N.D. & Lebedeva, O.B. (2007) [Regional dictionary vocabulary online]. *Yazyk, literatura i kul'tura v regional'nom prostranstve* [Language, Literature and Culture in the regional space]. Proceedings of the conference. Barnaul: Altai State University.
6. Kogotkova, T.S. (1979) *Russkaya dialektnaya leksikologiya* [Russian dialect lexicology]. Moscow: Nauka.
7. Maslova, V.A. (2015) Regional linguistics: problems and perspectives. *Filologicheskie nauki – Philological Sciences*. 6. pp. 3–8. (In Russian). DOI: 10.20339/PhS.6-15.003
8. Gerd, A.S. (2014) Osnovnye tendentsii i parametry formirovaniya regional'nykh tipov yazyka [Major trends and parameters of the formation of regional types of language]. *Severnorusskie govory*. 13. pp. 249–264.
9. Oglezneva, E.A. (2008) Dal'nevostochnyy reģiolekt russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya [Far Eastern regional dialect of the Russian language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language and Linguistic Theory*. 2. pp. 119–136.
10. Blinova, O.I. (ed.) (2006) *Tomskaya dialektologicheskaya shkola: Istoriograficheskiy ocherk* [Tomsk Dialectology School: a historiographical essay]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Filin, F.P. (1981) *Istoki i sud'by russkogo literaturnogo yazyka* [The origins and destiny of the Russian literary language]. Moscow: Nauka.
12. Ivantsova, E.V. (2007) *Zhivaya rech' russkikh starozhilov Sibiri: sb. tekstov* [Live speech of Russian old residents of Siberia: texts]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Blinova, O.I. (ed.) (1999) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
14. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 6. Tomsk: Tomsk State University.
15. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar'* [Vershininsky Dictionary]. Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
16. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the Dialect of the Language Personality]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
17. Ivantsova, E.V. (ed.) (2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of the Dialect of the Language Personality]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 06 December 2016

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛОВАРЕ ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР Д.Г. ТУМАШЕВОЙ

Исследована русская заимствованная лексика в диалектах сибирских татар на материале Словаря диалектов сибирских татар Д.Г. Тумашевой. Выявлены 93 лексемы, заимствованные из русского и посредством русского языка из западноевропейских языков. Кратко описаны особенности фонетической и просодической систем татарского языка. Изучены фонетические особенности выявленных русских заимствований, приводятся примеры позиционных изменений звуков и субституции гласных и согласных.

Ключевые слова: русские заимствования; Словарь диалектов сибирских татар Д.Г. Тумашевой; татарский язык; диалекты сибирских татар; тоболо-иртышский диалект.

Русские заимствования в языке сибирских татар являются результатом длительных языковых контактов русских и сибирских татар на территориях совместного компактного проживания (Тюменская, Омская, Новосибирская, Томская и Кемеровская области). В татарской диалектологии этому вопросу посвящены научные труды Д.Г. Тумашевой, Х.Ч. Алишиной, Д.Б. Рамазановой, Г.Ч. Файзуллиной, О.Н. Гауч и др.

Д.Г. Тумашева в работе «Особенности тобольского говора» рассматривает фонетическое освоение русских заимствований в диалектах сибирских татар [1].

В научных трудах Х.Ч. Алишиной «Русский язык и изменение лексической системы тоболо-иртышского диалекта сибирских татар» [2], «Русские заимствования в антропонимике сибирских татар» [3], «Русские заимствования в частушках сибирских татар» [4], «Этнолингвистические контакты русских и татар на территории Западной Сибири» [5] исследованы особенности взаимодействия русского языка и тоболо-иртышского диалекта сибирских татар на лексическом уровне. «Иноязычные слова, проникая в диалектную систему татарского языка, постепенно ассимилируются, устраняются иноязычные особенности звукового оформления слова. Свое отражение в русских заимствованиях находят такие особенности татарского вокализма, как явление сингармонизма, лабиализирующее влияние гласного заднего ряда верхнего подъема, различные мены согласных» [6. С. 7].

Д.Б. Рамазанова изучает фонетическую, грамматическую и семантическую адаптацию русских заимствований в диалектах сибирских татар [7].

В кандидатской диссертации Г.Ч. Файзуллиной «Русские заимствования в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар» представлены результаты исследования особенностей образования новых слов на базе русских заимствований [8].

О.Н. Гауч и Г.Ч. Файзуллина, исследуя заимствования в архивных документах и словарях сибирских татар, отмечают, что «в результате межэтнических контактов народностей, проживающих на территории Западной Сибири, в частности в г. Тобольске, наблюдается обогащение и пополнение словарного запаса заимствованными лексемами, которые прочно вошли в лексикон русского и татарского народов» [9. С. 50].

Цель настоящего исследования – изучить русские заимствования в диалектах сибирских татар в фонетическом и просодическом аспектах.

Первый словарь сибирских татар под названием «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и Юртовскими муллами свидетельствованные» был издан в 1801 г. в качестве приложения к грамматике татарского языка. Первый крупный русский тюрколог И. Гиганов зафиксировал в словаре большой лексический материал местных говоров сибирских татар, расположив его по тематическим группам: «Слова помещены в трех столбцах: в первом – татарские, набранные арабским шрифтом; во втором – в соответствии с законами орфоэпии, с помощью русских букв дано татарское слово, в третьем – русское» [10. С. 30]. В словаре содержится 1 700 слов, среди которых только 14 – заимствования из русского языка.

Продолжая традиции И. Гиганова, в 1992 г. в Казани был опубликован «Словарь диалектов сибирских татар», составленный академиком АН Татарстана Д.Г. Тумашевой. В словарь включена также лексика из следующих источников: «Образцы народной литературы тюркских племен» (1872) В.В. Радлова, «Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище учителем татарского языка Иосифом Гигановым и муллами юртовскими освидетельствованный» (1801) И. Гиганова, «Сравнительный анализ турецко-татарских наречий» (1869–1971) Л.З. Будагова, «Язык Барабинских татар» (1981) Л.В. Дмитриевой, «Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смешении» (1959, 1964) М.А. Абдурахманова, «Диалект западносибирских татар» (1963) Г.Х. Ахатова. Д.Г. Тумашева выделила в диалектах и говорах сибирских татар, проживающих на территории Тюменской, Омской, Новосибирской, Томской и Кемеровской областей, три диалекта: тоболо-иртышский (с тюменским, тобольским, тевризским (курдакским), тарским и заболотными говорами), барабинский и томский (с эуштино-чатским, калмакским говорами и орским подговором чатов). Словарь диалектов сибирских татар является «результатом сорока лет кропотливой работы Диляры Гарифовны Тумашевой по исследованию диалектов сибирских татар» [11. С. 10].

В словаре диалектов сибирских татар мы выявили 93 лексемы, заимствованные из русского и посредством русского языка из западноевропейских языков: **минасийә** – ненастье; **ыстан** – гумно; **пүләүэй им** – конопля; **кәләгә** – брюква; **куланук** – колонок; **куна-**

пил – скамья; **набулат** – полук; **палатпаш** – полати; **путпал** – подвал; **кәткә** – кадушка; **коромисло** – весы; **пинкә** – веялка; **рәгәц** – жердь; **ыснас** – снасти; **упшыр** – обжора; **мулатук** – молоток; **бичир** – вечер; **шыфанир** – обои; **балат** – сарай, палаты, дворец; **ба-струк** – острог; **забыр** – псалтырь; **кәртүкә**, **картапка** – картофель; **картубисге** – пестик; **кәсэнкә** – чолан, кладовая, чулан; **кәткә** – кадушка; **керәслә** – розвальни; **кийрә** – весы; **көлкә** – кочерга; **көпкә** – хлев для мелкого скота, коровник, хлев, землянка, место в помещении для наседки; **күпкә** – коровник, хлев; **көрчин** – невеселый, грустный; **күк-фирас** – купорос; **күләсә** – колесо; **писур** – стекло керосиновой лампы, пузырь; **ләтум** – хорошенько, ладом; **алабатан**, **алабытан** – лебеда; **мазилка** – кисть; **мунасыр** – христианская церковь; **маншик** – манок; **мәнтә** – мотня; **мейец**, **мийец** – печь; **мелек**, **мелтке** – молодежь; **пүцкә** – бочка; **мүцкә** – бочка, безрогий; **онучка** – внук, внучка; **остоган** – труп; **устуган** – сарай, дом, где ставятся трупы; **өстәл** – стол, стул; **балас** – палас, ковер; **палатпаш** – полати; **манар** – фонарь; **паранә** – борона; **парасә** – борозда; **пәстүкләү** – пасти скот; **пәтнә** – метка; **пәтрә** – ведро; **пигәүешкә** – розвальни; **пукәс** – скошенный луг; **пүпса** – совсем, очень, вовсе; **пусалану** – беспокоиться; **путпал** – подполье, подвал; **пүкерәп** – погреб; **богрәп** – погреб; **буранә** – бревно; **писур** – стекло керосиновой лампы, пузырь; **пыртлану** – щеголять; **сауаснай**, **сауәсна** – кладовая; **сугабаш** – сошник; **суслан** – снопы, составленные в небольшие кучки, суслон; **сүлитләү** – сулить; **талбийя** – лоток на лодке для рыбы; **торба** – труба; **торуттин** – трудодень; **үсләү** – науськать, натравить; **цәтпәр** – четверть; **цәрәт** – очередь; **цәйгүн** – чайник, рукомойник; **цишнәк**, **чишнәк** – лук; **шыпшашу**, **шыпшау** – шептаться; **ысмулла** – смола; **ыштанбуыр** – пояс, ремень; **еретнек** – рыбный пирог, рыба в тесте [12].

Звуковой состав татарского языка не совпадает со звуковым составом русского языка. «Заимствование слов из одного языка в другой всегда сопряжено с фонетической модификацией. Несомненно, что в заимствованных словах должны встречаться такие звуки или особенности акцентуации, которые не подходят под фонетические нормы заимствующего языка и подвергаются изменению, чтобы свести к минимуму существующие между ними расхождения» [13. С. 82]. В татарском литературном языке двадцать шесть исконных согласных ([б], [п], [м], [w], [ф], [т], [д], [с], [з], [ш], [ж], [ч], [к], [р], [л], [й], [к], [г], [кә], [һ], [н], [ʔ]) и девять исконных гласных ([а], [ә], [ы], [э], [и], [о], [ө], [у], [ү]). Кроме того, в заимствованиях и диалектах употребляется еще пять согласных ([ц], [ч], [ш], [в] и [х]) и три гласных ([о], [ы] и [э]).

В татарском литературном языке не допускаются сочетания согласных в начале и в конце слов, поэтому при фонетическом усвоении заимствованных слов, имеющих в начале или в конце стечения согласных, прибавляется добавочный гласный, облегчающий произношение группы согласных.

В исследуемых заимствованиях мы выявили следующие позиционные изменения звуков:

– **эпентезу** – **торба** – труба, **торуттин** – трудодень;

– **протезу** – **ыстан** – стан, **ыснас** – снасти, **алабатан** – лебеда, **өстәл** – стол, **бурана** – бревно, **ысмулла** – смола, **ыштанбуыр** – штаны;

– **эпитезу** – **сүлитләү** – сулить;

– **диэрезу** – **үпшыр[-]** – обжора, **балат[-]** – палата, **мунасыр[-]** – монастырь.

«Сингармонизм, или гармония гласных, который характерен для всех тюркских языков, в татарском языке проявляет себя двояко – гармония бывает небная и губная. Небная гармония заключается в употреблении гласных по признаку ряда, т.е. в слове могут употребляться гласные или только переднего, или только заднего ряда. Если в корне слова гласный переднего ряда, то в следующих за ним аффиксах употребляется гласный переднего ряда, и наоборот» [13. С. 76]. Мы выявили ассимиляцию русских заимствований в следующих словах: **путпал** – подвал, **кәткә** – кадушка, **мулатук** – молоток, **кәртүкә** – картофель, **күләсә** – колесо и др.

В области консонантизма наблюдаются мены согласных, обусловленные заменой звуков русского языка звуками, близкими родному языку:

в-п: подвал-путпал; веялка-пинкә;

б-п: бочка-пүцкә; палас-балас; борона-паранә;

з-с: пузырь-писур; борозда-парасә;

ж-ш: обжора-упшыр;

ф-п: фонарь-панар;

г-к: острог-баструк;

х-к: хлев-көпкә;

ф-м: фонарь-манар;

ч-ц: чайник-цәйгүн, четверть-цәтпәр;

ж-ш: обжора-упшыр.

В системе вокализма наблюдаются следующие мены гласных:

В первом слоге:

е-ә: ведро-пәтрә, метка-пәтнә, четверть-цәтпәр, очередь-цәрәт;

е-у: беспокоиться-пусалану, бревно-буранә;

о-и: розвальни-пигәүешкә;

о-а: фонарь-панар;

о-ү: бочка-пүцкә;

о-у: подвал-путпал; колонок-куланук, обжора-упшыр, молоток-мулатук.

Во втором слоге:

а-ә: метка-пәтнә;

о-у: полук-набулат, острог-баструк;

о-а: гумно-ыстән, колонок-куланук;

е-и: вечер-бичир;

е-ә: очередь-цәрәт; колесо-күләсә.

В конце слова:

а-ә: брюква-кәләгә, веялка-пинкә;

о-ә: бревно-бүрәнә.

Просодическая система любого языка имеет свои специфические особенности. В татарском языке, как правило, ударение фиксированное, одноместное, нестрогое, ставится на последний слог (кроме исключений и заимствований), в русском – подвижное, которое может передвигаться на другой слог. Г.Ч. Файзуллина отмечает, что «ударение в некоторых русских заимствованиях ставится на последний слог, в других случаях не меняется» [Там же], т.е. соответствует

ударению в языке-источнике. У большинства исследуемых русских заимствований (набулът, палатпаш, муцкә, манар, паранә, парасә, богрәп, буранә и др.) ударение ставится на последний слог, хотя имеются лексемы с постановкой ударения на первый и второй слоги – ләтум, пұпса, сауәсна (ударение соответствует словам-источникам – ладно, вòвсе, завòзня).

Таким образом, мы выявили 93 русизма в Словаре диалектов сибирских татар. Русские заимствования

под воздействием фонетических норм языка сибирских татар изменились графически и подчинились закону сингармонизма. Были отмечены следующие комбинаторные изменения звуков: эпентеза, протеза, эпитеза и дизреза. Постановка ударения в исследуемых заимствованиях осуществляется по нормам просодической системы татарского языка. В то же время имеются случаи постановки ударения на первый и второй слоги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тумашева Д.Г. Особенности тобольского говора // Вопросы татарского языка и диалектологии. Казань, 1959. С. 68–95.
2. Алишина Х.Ч. Русский язык и изменение лексической системы тоболо-иртышского диалекта сибирских татар // Русский вопрос: история и современность : сб. науч. тр. Омск, 2000. С. 185–187.
3. Алишина Х.Ч. Русские заимствования в антропонимике сибирских татар // Славянские духовные традиции Сибири. Тюмень, 1999. С. 45–47.
4. Алишина Х.Ч. Русские заимствования в частушках сибирских татар // Экология культуры и образования: филология, философия и история. Тюмень, 1997. С. 58–62.
5. Алишина Х.Ч. Этнолингвистические контакты русских и татар на территории Западной Сибири // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2009. С. 21–26.
6. Алишина Х.Ч. Говоры сибирских татар юга Тюменской области : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1992.
7. Рамазанова Д.Б. Взаимовлияние и взаимодействие сибирско-татарских диалектов и русских говоров Сибири // Русские старожилы. Тобольск, 2000. С. 100–104.
8. Файзуллина Г.Ч. Русские заимствования в тоболо-иртышском диалекте сибирских татар : дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2006. 141 с.
9. Гауч О.Н., Файзуллина Г.Ч. Заимствованная лексика как результат языковых контактов русского и татарского народа г. Тобольска XVIII в. // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 45–52.
10. Юсупова А.И. Словари Иосифа Гиганова – диалектологические словари татарского языка // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 355. С. 30–33.
11. Алишина Х.Ч. «Словарь диалектов...» Тумашевой Д.Г. – сокровищница языкового богатства сибирских татар // Тумашевские чтения: Актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар. Тюмень, 2008. С. 10–19.
12. Тумашева Д.Г. Словари диалектов сибирских татар. Казань, 1992. 255 с.
13. Закиев М.З., Ганиев Ф.А., Зиннатуллина К.З. Татарская грамматика. Т. I: Фонетика / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Казань, 1995. 583 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 ноября 2016 г.

RUSSIAN LOANWORDS IN THE *DICTIONARY OF THE DIALECTS OF SIBERIAN TATARS* BY D.G. TUMASHEVA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 34–37.

DOI: 10.17223/15617793/413/5

Anna A. Isakova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: annatelem@gmail.com

Keywords: Russian loanwords; Dictionary of the Dialects of Siberian Tatars by D.G. Tumasheva; Tatar language; dialects of Siberian Tatars; Tobol and Irtysh dialect.

The article analyzes Russian loanwords in the dialects of the Siberian Tatars on the material of *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of the Dialects of Siberian Tatars] by D.G. Tumasheva published in 1992 in Kazan. D.G. Tumasheva identified three subdialects in the dialects of the Siberian Tatars living in Tyumen, Omsk, Novosibirsk, Tomsk and Kemerovo Oblasts: the Tobol and Irtysh (with Tyumen, Tobolsk, Tevriz (Kurdak), Tarsk and Zabolotny dialects), Barabinsk and Tomsk (with Eushtino-Chatsk, Kalmak dialects and Orsk Chat subdialect). The dictionary included the vocabulary D.G. Tumasheva collected during field expeditions in the 1940s–1960s and words from the following sources: *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen* [The Samples of Folk Literature of Turkic Tribes] (1872) by V.V. Radlov, *Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobrannyy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche uchitelem tatarskogo yazyka Iosifom Giganovym i mullami yurtovskimi osvidetel'stvovanny* [Russian-Tatar Dictionary collected in Tobolsk by I. Giganov and certified by Yurtov mullahs] (1801) by I. Giganov, *Sravnitel'nyy analiz turetsko-tatarskikh narechiy* [Comparative Dictionary of the Turkish-Tatar Dialects] (1869–1971) by L.Z. Budagov, *Yazyk Barabinskikh tatar* [Dialect of the Baraba Tatars] (1981) by L.V. Dmitrieva, *Osobennosti razvitiya slovarnogo sostava pri dialektno-yazykovom smeshenii* [Features of the vocabulary of the language with mixed dialects] (1959, 1964) by M.A. Abdurakhmanov, *Dialekt zapadnosibirskikh tatar* [Dialect of West Siberian Tatars] (1963) by G.Kh. Akhatov. There are 93 lexemes in the dictionary borrowed from the Russian language, including European loanwords that entered the Siberian Tatar dialects through the Russian language: **minasya** – bad weather; **ystan** – threshing floor; **pylyay im** – cannabis; **kalega** – rutabaga; **kulanuk** – Siberian striped weasel; **kunapil** – bench; **palatpash** – loft; **putpal** – basement, etc. The article briefly describes the features of the phonetic and prosodic systems of the Tatar language. The phonetic features of the identified Russian loanwords are studied, examples of positional changes of sounds and substitution of vowels and consonants are given. Russian loanwords changed graphically under the influence of synharmonism and the phonetic rules of the Tatar language. There is an exchange of consonants due to the replacement of the Russian language sounds with sounds close to the native language (v-p, b-p, z-s, zh-sh, f-p, g-k, kh-k, f-m, ch-ts, zh-sh). There is an exchange of the following vowels (the first syllable: e-ə, e-u, o-i, o-a, o-y, o-u; the second syllable: a-ə, o-u, o-a, e-i, e-ə; and at the end of the word: a-ə, o-ə). The following Russian loanwords were assimilated: putpal – basement, kətkə – small tub, mulatuk – hammer, kərtəkə – potatoes, kyləşə – wheel, etc. The following combinatorial sound changes were noted: epenthesis, prosthesis, epithesis and dieresis. The stress falls according to the rules of the Tatar prosodic system. At the same time, there are cases of putting the stress on the first and second syllables.

REFERENCES

1. Tumasheva, D.G. (1959) Osobennosti tobol'skogo govora [Features of Tobolsk dialect]. In: M. Zakiev, M. & Afletunov, A. (eds) *Voprosy tatarskogo yazyka i dialektologii* [Issues of the Tatar language and dialectology]. Kazan: Kazan State University.
2. Alishina, Kh.Ch. (2000) Russkiy yazyk i izmenenie leksicheskoy sistemy tobolo-irtyshskogo dialekta sibirskikh tatar [Russian language and change in the lexical system of Tobol and Irtysh dialect of the Siberian Tatars]. In: *Russkiy vopros: istoriya i sovremennost'* [Russian question: history and modernity]. Omsk: Omsk State University.
3. Alishina, Kh.Ch. (1999) [Russian borrowings in the anthroponyms of the Siberian Tatars]. *Slavyanskije dukhovnye traditsii Sibiri* [Slavic spiritual traditions of Siberia]. Proceedings of the conference. Tyumen: Tyumen State University. pp. 45–47. (In Russian).
4. Alishina, Kh.Ch. (1997) Russkie zaimstvovaniya v chastushkakh sibirskikh tatar [Russian borrowings in the chastushkas of the Siberian Tatars]. In: Frolov, N.K. (ed.) *Ekologiya kul'tury i obrazovaniya: filologiya, filosofiya i istoriya* [Ecology of culture and education: philology, philosophy and history]. Tyumen: Tyumen State University.
5. Alishina, Kh.Ch. (2009) [Ethnolinguistic contacts of the Russians and the Tatars in Western Siberia]. *Tumashevskie chteniya: aktual'nye problemy tyurkologii* [Tumashev Readings: topical issues of Turkic Studies]. Proceedings of the 3rd all-Russian conference. Tyumen: Tyumen State University. pp. 21–26. (In Russian).
6. Alishina, Kh.Ch. (1992) *Govory sibirskikh tatar yuga Tyumenskoy oblasti* [Dialects of the Siberian Tatars the south of Tyumen Oblast]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
7. Ramazanova, D.B. (2000) [Interference and interaction of Siberian Tatar dialects and Russian dialects of Siberia]. *Russkie starozhilye* [Russian old-timers]. Proceedings of the symposium. Tobolsk; Omsk. pp. 100–104. (In Russian).
8. Fayzullina, G.Ch. (2006) *Russkie zaimstvovaniya v tobolo-irtyshskom dialekte sibirskikh tatar* [Russian loans in the Tobol and Irtysh dialect of the Siberian Tatars]. Philology Cand. Diss. Tobolsk.
9. Gauch, O.N. & Fayzullina, G.Ch. (2015) Loanwords as a result of contacts of the Russian and Tatar population in eighteenth century Tobolsk. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 4 (42). pp. 45–52. (In Russian).
10. Yusupova, A.Sh. (2012) Dictionaries by Joseph Giganov – dialectology dictionaries of the Tatar language *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 355. pp. 30–33. (In Russian).
11. Alishina, Kh.Ch. (2008) [The Dictionary of Dialects by D.G. Tumasheva: A treasure trove of linguistic riches of the Siberian Tatars]. *Tumashevskie chteniya: Aktual'nye problemy razvitiya yazyka, fol'klora, literatury, iskusstva sibirskikh tatar* [Tumashev Readings: topical issues of the development of language, folklore, literature and art of the Siberian Tatars]. Proceedings of the 3rd all-Russian conference. Tyumen: Pechatnik. pp. 10–19. (In Russian).
12. Tumasheva, D.G. (1992) *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of the Dialects of Siberian Tatars]. Kazan: Kazan State University.
13. Zakiev, M.Z., Ganiev, F.A. & Zinnatullina, K.Z. (1995) *Tatarskaya grammatika* [Tatar grammar]. Vol. I. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Received: 02 November 2016

ИССЛЕДОВАНИЕ РОЛИ КОНТЕКСТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННОГО ДИСКУРСА НА ОСНОВЕ ДИСКУРСИВНО-КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

Публикация подготовлена в рамках научного проекта НИР 8.1.38.2015 «Когнитивные, социолингвистические и прагматические аспекты иноязычного дискурса в теоретических и прикладных исследованиях в обучении иностранным языкам».

Рассмотрена успешность когнитивно-дискурсивной деятельности русских студентов при восприятии англоязычного аутентичного устно-речевого дискурса. Особый акцент делается на инференции смысла высказывания, содержащего социокультурно маркированные лексические единицы. Выявляются группы факторов, оказывающих воздействие на процесс коммуникации и успешность восприятия иноязычного аутентичного дискурса. Приводятся методология и результаты экспериментального исследования когнитивных процессов интерпретации значений языковых средств английского языка русскими студентами, изучающими английский язык как иностранный. Делается вывод о роли контекстуальных факторов и социокультурной информации для успешности понимания аутентичного иноязычного дискурса и причинах коммуникативных неудач в условиях коммуникации между представителями разных культур.

Ключевые слова: аутентичный иноязычный дискурс; дискурсивно-когнитивный подход; межкультурная коммуникация; контекст; прагматика использования языка; инференция.

Введение

Опора на дискурсивно-когнитивный подход при обучении межкультурной коммуникации фокусирует внимание на актуализации иностранного языка как объекта изучения и понимания, сопряженного с контекстом коммуникации, а также на изучении когнитивных процессов, осуществляемых «в коммуникативной деятельности» и поддерживаемых «особыми когнитивными структурами и механизмами в человеческом мозгу» [1. С. 406]. В рамках данной статьи будет рассмотрена когнитивно-дискурсивная деятельность русскоязычных студентов при восприятии англоязычного аутентичного устно-речевого дискурса; будут выявлены группы факторов, оказывающие воздействие на успешность восприятия иноязычного аутентичного дискурса реципиентами, относящимися к иному лингвосоциуму.

Когнитивно-ориентированная парадигма предпосылает рассматривать языковые явления в единстве выполняемых ими функций – когнитивной и коммуникативной, а также в совокупности с человеческим фактором, проявляющимся в субъекте коммуникации. В основе процесса коммуникации находится дискурс, который предстаёт образцом реализации определенных коммуникативных интенций в контексте конкретной коммуникативной ситуации с её социокультурным фоном и собственно коммуникативной реализацией. Дискурс, как лакмусовая бумага, проявляет, какие отношения имеют партнёры по общению и какие языковые средства являются уместными в определенной ситуации. В данной работе дискурс рассматривается и как языковая форма коммуникативного содержания интеракции между собеседниками, лингвистическим компонентом которого является текст, и как экстралингвистический феномен, компонентом которого выступает контекст.

Постановка проблемы

В контексте межкультурной коммуникации процесс понимания опосредуется дополнительными спе-

цифическими условиями, в которых реципиентами выступают представители иного лингвосоциума. Являясь субъектами когнитивно-дискурсивной деятельности по восприятию иноязычного дискурса, их целью является, в первую очередь, понимание смысла референтной ситуации общения. Результат такой деятельности определяется успешностью процессов, составляющих когнитивно-рецептивную деятельность. Рецепция и перцепция, согласно общепсихологической концепции речевой организации человека, – это «совокупность процессов, посредством которых формируется идеальная модель (субъективный образ) объективно существующей реальной действительности» [2]. Рецепция – первичное восприятие на уровне сенсомоторных рецепторов, проявляющее себя как поток нервных импульсов. Перцепция, или собственно восприятие (вторичное восприятие), – это не только чувственное отображение определённого явления действительности, но и осознание выделенного объекта [3]. Как отмечал С.Л. Рубинштейн, восприятие всегда сопровождается установлением смысла воспринятого и «нормально включает акт понимания, осмысления» [4. С. 297].

Перцепция в обучении межкультурной коммуникации рассматривается в данном исследовании в широком смысле – как приём и смысловая переработка иноязычной информации в рецептивных видах речевой деятельности (чтении и аудировании), поскольку эта деятельность реализуется посредством данных психических процессов. В реальном процессе коммуникации изолировать друг от друга два уровня восприятия – рецепцию и перцепцию – не представляется возможным. Их взаимосвязь можно выразить следующим образом: рецепция подразумевает «вижу-слышу-воспринимаю», а перцепция – «осознаю-понимаю-истолковываю». Поэтому перцептивный компонент иноязычной когнитивно-дискурсивной деятельности обуславливает эффективность иноязычной коммуникации и зависит от успешности протекания каждого из процессов «восприятие-переработка-понимание-инференция».

Проведённый анализ работ по проблемам дискурса позволил установить группы факторов, влияющих на

протекание иноязычной коммуникации в учебном процессе. Первая группа факторов связана с феноменом «иноязычный дискурс»; вторая – с когнитивной личностью; третья соотносится с социокультурным фоном исследуемой ситуации общения; четвертая связана непосредственно с процессом передачи информации, т.е. с коммуникацией; пятая группа опосредуется прагматикой использования языка его носителями. Они находятся в непосредственной взаимосвязи друг с другом и обуславливают процессы когнитивно-дискурсивной деятельности личностей, участвующих в коммуникации в процессе обучения иноязычному общению в условиях межкультурного взаимодействия. Дискурс выступает центральным элементом коммуникации, являясь одновременно ее единицей, средством обучения межкультурной коммуникации и объектом анализа.

Иноязычный дискурс при проведении данного экспериментального исследования взят за образец реализации определенных коммуникативных интенций в контексте конкретной коммуникативной ситуации с ее социокультурным фоном и собственно коммуникативной реализацией. Являясь категорией естественной речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого высказывания [5. С. 14], дискурс не только представляет собой акт продуцирования определенного текста, но и отражает зависимость создаваемого высказывания от значительного количества экстралингвистических обстоятельств, таких как знания о мире, идентичность, мнения, установки и конкретные цели коммуниканта как создателя данного текста и носителя коллективного сознания. Коллективное сознание, являясь вместилищем знаний и представлений о правилах, нормах и законах, существующих в рамках данной языковой или национальной общности [6], характеризуется этноспецифичностью и проявляется в процессе межкультурной коммуникации в разности (неконгруэнтности) языковых сознаний коммуникантов, принадлежащих к разным лингвосоциумам. При изучении иностранного языка индивид сталкивается с проявлениями иной культуры, которые он воспринимает сквозь фильтр смыслообразующего контекста родного языка. Как полагают многие психолингвисты (И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин [7], Е.Ф. Тарасов [8], Н.В. Уфимцева [6] и др.), главная причина непонимания в контексте межкультурной коммуникации заключается не в различии языков, а в несовпадении национальных сознаний коммуникантов, социокультурных особенностях, проявляемых в языке.

Понимание иноязычного текста, выступающего носителем информации и образцом использования конкретного языкового материала в конкретных речевых ситуациях [9], невозможно без инференции, которая в большей степени является выводом на уровне семантизирующего понимания. Согласно концепции Г.И. Богина [10], семантизирующее понимание является пониманием слов, предполагающим анализ и синтез отдельных элементов высказывания с опорой на значения языковых знаков. Такой вид понимания типичен для реципиента информации и является необходимым базовым (начальным) уровнем смыслоизвлечения. Если информация представлена на родном языке, семантизирующее понимание выступает авто-

матизированной деятельностью, часто не осознаваемой, которая приводит человека к пониманию сообщения, содержащего те или иные сведения. Семантизирующее понимание приближает человека к «пониманию всего» (основного смысла понятия), поскольку из поля внимания реципиента выпадают некоторые грамматические признаки использованного языкового явления, что не даёт человеку объективного знания.

Истолкование семантизирующего понимания можно продемонстрировать на примере употребления высказывания *Get out of here*. Реципиенту, в первую очередь, становится понятной только предикация, указывающая на движение благодаря глаголу *get*. Когда реципиент знает о том, что этот глагол относится к фразовым глаголам и может сочетаться с различными предлогами, меняя свое значение, при восприятии он может улавливать разный смысл. Поскольку, будучи фразовым глаголом, глагол *get* имеет множество значений, являясь одним из самых распространенных глаголов в английском языке, его значение меняется в зависимости от лингвистического окружения, которое создает определенный ситуативный контекст. Можно также встретить идиому *Get out of hand* в значении «выйти из-под контроля», в котором изменяется лишь одно слово, привносящее иной ситуативный контекст.

Таким образом, для инференции даже на уровне языковой формы реципиент вовлекает комплекс лингвистических знаний об этом глаголе. Основные значения глагола представлены в английском толковом словаре Macmillan Dictionary for Advanced Learners [11]. Если выражение *Get out of here* используется в своем прямом значении, то его смысл согласуется с русским эквивалентом «Выйди отсюда / Убирайся». Однако с учетом другого ситуативного контекста оно может приобрести иное значение, в частности «Не может быть! Не могу поверить!». В таком случае оно выступает ситуативно обусловленным выражением, значение которого детерминируется более широким социокультурным контекстом и приобретает фигуральный смысл.

Таким образом, для извлечения конкретного смысла высказывания необходимо определить его значение в совокупности языкового и ситуативного контекста, который наполняет смысл благодаря скрытым факторам коммуникации, имеющим экстралингвистический характер. Для этого реципиенту требуется проделать большую когнитивно-дискурсивную деятельность по осмыслению значения фразы с учетом языкового и более широкого ситуативного контекста.

Исходя из вышесказанного, гипотезой исследования выступило предположение о том, что если речевое выражение обладает социокультурно-детерминированным значением, то инференция становится еще более сложной когнитивной задачей в ситуации межкультурного общения. Задачи исследования – установить, от чего зависит успешность интерпретации русскоговорящими обучающимися речевых единиц, имеющих тесную связь с социокультурным контекстом аутентичного употребления, что представляет наибольшую трудность для понимания иноязычного аутентичного дискурса при его восприятии в аудиальной модальности, и какие факторы могут послужить причиной сбоев в межкультурной коммуникации.

Методология

В данном исследовании использовались корпусный метод, когнитивно-дискурсивный анализ фрагментов устно-речевого дискурса, контент-анализ результатов интерлингвального перевода речевых выражений и интерпретации коммуникативных ситуаций, статистические методы подсчета результатов.

Было предпринято экспериментальное исследование когнитивных процессов интерпретации значений языковых средств английского языка русскими студентами, имеющими разный уровень владения иноязычной компетенцией. Испытуемыми стали 66 студентов первого и второго курсов бакалавриата, относящиеся к подгруппе студентов «нелингвистического профиля подготовки», и 75 студентов-лингвистов, изучавших английский язык как первый или второй иностранный язык.

Материал

В качестве материала в экспериментальном исследовании были использованы лексические единицы и когнитивно-дискурсивные фрагменты устно-речевого дискурса современного английского языка в его американском варианте.

Собранный материал включал различные речевые выражения, служащие образцами аутентичной речи носителей современного варианта английского языка. Выборку составили лексические единицы, характерные для устного академического и разговорного дискурса, несущие в себе специфику данной сферы употребления, аутентичность использования в речи в виде «отмеченности» (salience) или дополнительную нагрузку значения, проявляющуюся в зависимости от контекстуальных факторов – социокультурного контекста и конкретной коммуникативной ситуации общения. С учётом сказанного в поле внимания были включены ситуативно обусловленные выражения.

Выборка производилась из корпуса современного американского английского языка [12]. Электронный корпус текстов был использован как банк примеров, обеспечивающих репрезентацию языкового материала в современном национальном разговорном американском варианте английского языка, а также как поисковый инструмент, который даёт возможность выборки интересующих примеров и служит эмпирической поддержкой лингвистической части исследования.

Собрав базу текстов в виде когнитивно-дискурсивных фрагментов устной речи, в которых используются целевые речевые выражения (более 50), тяготеющие к устному академическому и разговорному дискурсу, были отобраны те лексические единицы, которые сохраняют частотность использования в современном национальном языке с помощью функции Frequency. Например, выражение «*Tell me about it*», как можно видеть из приведённого скриншота страниц сайта корпуса, представляющих результаты поиска, не потеряло своей актуальности до последнего времени: из 124 примеров, имеющихся в корпусе, это выражение используется в разговорной речи на протяжении периода с 1994 по 2012 г., поскольку он

является последним годом, по которому создана полная база текстов (рис. 1).

Рис. 1. Примеры использования выражения «Tell me about it» в современном американском английском языке

Для отбора симулятивного материала были использованы статистический, методический и лингвистический принципы. На основании анализа частотности, употребительности в современном американском устно-речевом дискурсе, а также с учётом их функционирования в разговорном академическом дискурсе и контекстуальной ценности [12] в список отобранных для опытно-экспериментальной работы вошли следующие 10 ситуативно-обусловленных выражений (табл. 1).

Таблица 1
Частотность ситуативно обусловленных выражений в современном национальном корпусе американского английского языка

Выражение	Частотность
You bet	1 197
Here you go	262
Give me a break	20
Get out of here	556
Come again	169
Take a seat	33
How are you doing?	1 008
No problem	1 508
Be my guest	45
What's up?	39

Материалом для исследования послужили не только отдельно взятые лексические единицы, максимально способствующие раскрытию социокультурных аспектов коммуникации между носителями англоязычного лингвосоциума в разговорном дискурсе, а именно ситуативно обусловленные выражения, но также и когнитивно-дискурсивные фрагменты, в которых они употреблены. Эти выражения составляют особую группу лексических единиц, представляющих собой «в высшей степени условные (стереотипные) устойчивые (готовые) прагматические единицы» (И. Кечкеш) [13], которые в данном исследовании выступили средствами погружения в аутентичный контекст общения носителей изучаемого лингвосоциума. Данные речевые выражения выявлены в качестве средств устно-речевого дискурса, употребление которых в речи привязано к стандартным коммуникативным ситуациям в сфере разговорной речи, но при этом тесно связано с конкретным ситуативным контекстом.

Таким образом, критериями отбора предложенных 10 ситуативно обусловленных выражений и когни-

тивно-дискурсивных фрагментов для восприятия реципиентов явились: 1) частотность употребления в современном американском английском языке, подтверждающая отнесенность данных выражений к современному языку, отраженному в языковом сознании его носителей, и 2) соответствие типу дискурса, выбранному для изучения (устно-речевой дискурс в его разговорном и академическом стилях).

Отобранный и организованный для исследования указанных проблем материал был направлен:

- на выявление влияния контекстуальной ценности на понимание студентами лексических выражений;
- определение факторов, детерминирующих процесс интерпретации и его успешность;
- установление лексических единиц, представляющих наибольшую трудность для понимания студентами, являющимися носителями русского языкового сознания.

Исследование

Поскольку в данном исследовании важное место отводится не только коммуникативной природе языка, но и когнитивно-дискурсивной специфике его бытования, особую актуальность приобретает изучение когнитивной основы языковых явлений в связи с их функционально-коммуникативными свойствами и особенностями контекста, охватывающего собой языковое окружение, ситуацию речевого общения и социокультурную среду, в которой существует объект – носитель языка.

В первой серии эксперимента исследовалась когнитивно-дискурсивная деятельность студентов при аудитивном восприятии ситуативно обусловленных выражений, представленных без поддержки широкого ситуативного контекста. Во второй серии эксперимента студенты воспринимали на слух эти же речевые выражения, инкорпорированные в микродиалоги, что приращивало новые смыслы, детерминированные экстралингвистическими факторами коммуникации. Было предъявлено 10 диалогов с аудиозаписи, выполненной носителями американского английского языка. Голоса принадлежали мужчинам и женщинам разного возраста. Предъявление образцов дискурса проходило в два приема.

Примеры диалогов:

#1

- Are you going to grill this weekend?
- Oh, **you bet**.

#2

- I once went for 50 hours without sleep.
- Oh, **give me a break**; that's impossible!

#3

- She and Ben, the lead guitarist, have fallen in love.
- **Get out of here** with that.

#4

- Overturned water doesn't return to the tray.
- **Come again?**

- No use crying over spilt milk.
- Right.

#5

- Mind if I take a look?
- **Be my guest**.

Реципиентам предлагалось прослушать запись и интерпретировать смысл услышанного средствами родного языка в письменной форме. Для интерпретации лексических выражений использовался интерлингвальный перевод, для интерпретации когнитивно-дискурсивных фрагментов следовало передать смысл сообщения на родном языке. Результаты интерпретаций студентов были подвержены контент-анализу с целью выявить адекватность понимания как отдельных речевых выражений, так и дискурсивных фрагментов с их участием.

Результаты и их интерпретация

В табл. 2 приведены результаты, показывающие соотношение верных и неверных ответов студентов при аудировании 10 отобранных речевых социокультурно обусловленных выражений при их восприятии в ситуативном контексте и без него.

Таблица 2
Соотношение правильных ответов студентов при аудировании ситуативно обусловленных выражений

Восприятие без контекста (Экспериментальное задание 2)			Восприятие в контексте (Экспериментальное задание 3)			Δ, %
	Правильные ответы			Правильные ответы		Приращение критерия успешности
Категория студентов	Количество ответов	Доля, %	Категория студентов	Количество ответов	Доля, %	
Студенты-лингвисты	405	54,0	Студенты-лингвисты	699	93,2	39,2
Студенты-нелингвисты	276	41,9	Студенты-нелингвисты	564	85,5	43,6

Как можно видеть, выражения, воспринятые в контекстуальном окружении, повышали успешность понимания их значений. Показатель успешности понимания у студентов-нелингвистов возрос с 276 верных ответов (без контекста) до 564 (в контексте). Причём для этой категории обучающихся процент правильных ответов при восприятии ситуативно обусловленных выражений в контексте вырос в значительной степени, с 41,9 до 85,5%, т.е. наблюдается приращение критерия успешности понимания на 43,6%.

Студенты-лингвисты повысили показатель успешности с 54,0% правильных ответов при восприятии целевых выражений без поддержки социокультурного контекста до 93,2% в контексте на уровне микродиалога. Это говорит о значимости имеющегося более богатого лингвистического опыта у студентов данной категории, который способствовал узнаванию ими большего количества лексических единиц и их адекватному пониманию с учетом ситуативного контекста коммуникации в референтной ситуации общения.

Однако следует отметить, что при восприятии социокультурно и ситуативно обусловленного фрагмен-

та аутентичного дискурса на слух даже при поддержке контекста студенты продолжали испытывать определённые трудности в понимании языковых явлений и их интерпретации.

Анализ параметра «глубина понимания» в случае с ситуативно обусловленными выражениями показал, что у студентов, пользующихся стратегиями смыслоизвлечения с опорой на дословный перевод, понимание не выходит на уровень когнитивного и смыслового, позволяющих раскрыть имплицитное значение целостной фразы как «обобщённое понимание» или «совокупный смысл» (Г.И. Богин) [10]. Их понимание оставалось на уровне семантизирующего, когда экспликация проходит в той или иной степени на вербальном уровне: понял только отдельные слова или все слова, составляющие фразу, но не понял смысла самой фразы или не понял фразу полностью.

Как показало данное исследование, большинство студентов-нелингвистов при восприятии и переработке аутентичного иноязычного разговорного дискурса до опытного обучения не имели представления о разных характеристиках контекста, отличных способах выражения значения языковыми средствами в результате их динамического взаимодействия в коммуникативно-прагматическом пространстве общения. Контент-анализ письменных работ студентов показал, что у большинства обучающихся превалировала опора на буквальное значение слов при понимании высказывания.

На рис. 2, 3 представлены соотношения правильных и неправильных ответов при интерлингвальном переводе каждого из 10 целевых ситуативно обусловленных выражений, предъявленных без актуального контекста и с поддержкой ситуационного актуального контекста. Используемый статистический метод обработки (с помощью критерия χ^2 Пирсона) показал значимость в расхождении полученных результатов эксперимента. Как известно, при использовании данного метода различие считается значимым, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ превышает $\chi^2_{0,05}$, и тем более достоверным, если $\chi^2_{\text{Эмп}}$ достигает или превышает $\chi^2_{0,01}$. Вычисленное $\chi^2_{\text{Эмп}}$ значительно превышало $\chi^2_{0,05}$ и $\chi^2_{0,01}$, и это даёт нам право утверждать, что имеется статистически значимая разница в значениях, полученных в эксперименте, проведенном в разных условиях.

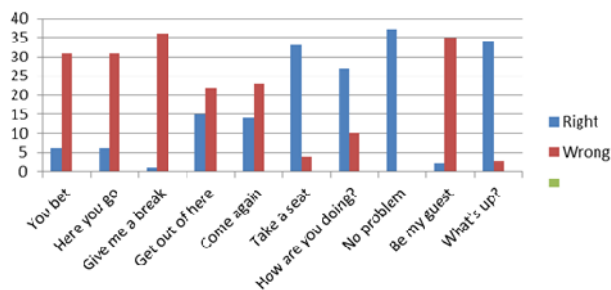

Рис. 2. Соотношение правильных и неправильных интерпретаций ситуативно обусловленных выражений без контекста

Диаграмма показывает, что правильные и неправильные интерпретации целевых выражений большинством студентов находятся приблизительно в одинаковой пропорции. Было допущено большое ко-

личество ошибок при интерпретации 6 лексических выражений из 10 большинством студентов.

На рис. 3 можно видеть, как возросла успешность восприятия тех же выражений при их подаче в контексте как по отдельным выражениям, так и по всему спектру выражений в целом, о чём свидетельствует превалирование высоких столбцов в приведённой ниже диаграмме.

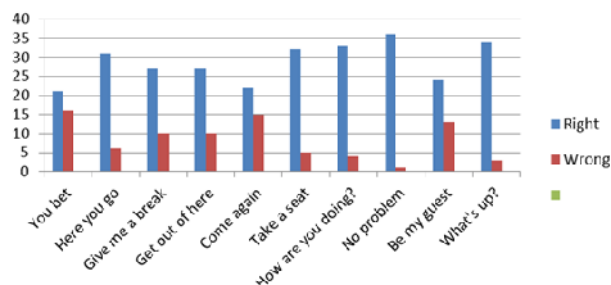

Рис. 3. Соотношение правильных и неправильных интерпретаций ситуативно обусловленных выражений с поддержкой контекста

Количественный анализ показывает, что только 4 выражения из 10 (*No problem*, *What's up?*, *Take a seat* и *How are you doing?*) не вызвали затруднений у большинства студентов даже при предъявлении их без контекста. Мы объясняем это тем, что студенты были знакомы с данными фразами в курсе обучения иностранному языку.

В частности, выражение *No problem* также не вызывает трудностей в понимании ни у одного студента, поскольку полностью совпадает с русским эквивалентом «Нет проблем». Однако на последующих занятиях на этапе тренировки и рефлексии по изучаемой теме важно пояснить разницу между прямым и фигуральным значением этого ситуативно обусловленного выражения. В прямом значении, когда у человека действительно всё хорошо и нет проблем, слово *problems* может иметь форму множественного числа (например, *He has no problems*), тогда как в фигуральном смысле оно означает ответную реплику на выражение благодарности и имеет только форму единственного числа. Типичный диалог с этой фразой выглядит следующим образом: “*Thanks.*” – “*No problem.*” – «Спасибо». – «Не за что».

Остальные три фразы (*How are you doing?*, *What's up?*, *Take a seat*) входят в обязательный лексический минимум курса английского языка в университете как фразы речевого этикета, изучаемые в связи со стандартными коммуникативными ситуациями. К типичным коммуникативным ситуациям относятся: обращение, приветствие, знакомство, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, соболезнование и др. Такие фразы являются лексическими средствами речевого контакта и представляют собой функциональный класс языковых единиц, объединённых общностью коммуникативного назначения – служить средством установления, поддержания и завершения контакта в диалогическом общении.

Оставшиеся 6 ситуативно обусловленных выражений вызвали трудности при восприятии и переводе у большинства студентов-нелингвистов при их подаче без

контекста: (1) *Give me a break*, (2) *Come again*, (3) *Get out of here*, (4) *Be my guest*, (5) *You bet*, (6) *Here you go*.

Результаты интерпретации выражения *You bet*, например, таковы:

– не дали никакого ответа – 11 человек в подгруппе нелингвистов и 8 человек в подгруппе лингвистов;

– дали следующие варианты интерпретации (приводим наиболее частотные случаи): *будь / будьте уверены* – 16 человек в группе нелингвистов и *будь уверен* – 13 человек в группе лингвистов; *ты прав* – 6 студентов-нелингвистов и *ты прав / зришь в корень* – 12 человек; *да, конечно / конечно, да* – 12 студентов-лингвистов.

Были также даны и такие варианты интерлингвального перевода студентами обеих категорий реципиентов, как, например: *ваши ставки, держу пари, ты обещал / спорил*.

Мы объясняем эту ситуацию тем, что студентам не хватило ни лингвистических навыков (знание слов, выражений, сочетаемости слов, многозначность и др.), ни навыков извлечения смысла целевых лексических единиц с опорой на контекстуальные, социокультурные, экстралингвистические характеристики коммуникации (знание социокультурных особенностей языка при его использовании носителями изучаемой лингвокультуры, аудитивные навыки и умения, навыки перцептивно-смысловой переработки иноязычной информации в совокупности с факторами конкретного ситуативного контекста).

Данная ситуация говорит о том, что ситуативно обусловленные выражения являются реалиями иной лингвокультуры для студентов, изучающих иную картину мира посредством овладения иностранным языком. Они несут в себе непонятную для них социокультурную и контекстуальную информацию, репрезентируют иноязычную реальность в языке, отражая иную картину мира (чужеродную действительность) для студентов. Следовательно, такие языковые явления служат средством привнесения этой иной реальности в учебный процесс, представляют собой когнитивно-коммуникативные акцентуации, направляющие внимание студентов на лингвопрагматические, социокультурные, ситуативные, дискурсивные факторы реализации значений слов в иностранном языке и активизирующие речемыслительную деятельность по адекватному извлечению смысла исходного иноязычного сообщения.

Полученные эмпирические данные однозначно говорят о том, что ситуативно обусловленные выражения представляют собой сложный тип лексических единиц для восприятия и понимания. Причём в данном случае эта трудность оказалась приблизительно одинаковой: 59 против 63% для студентов неязыкового профиля подготовки и студентов-лингвистов соответственно. Полученные количественные значения при выполнении задания на интерпретацию восприятия иноязычной информации, заложенной в устный речевой дискурс, показывают, что сложность идентификации ситуативно обусловленных выражений представляет собой когнитивную задачу высокого порядка для студентов всех категорий, поскольку из

общего числа ответов самое большое количество ошибок в этом сегменте пришлось именно на ситуативно обусловленные выражения.

Контент-анализ и частотный анализ результатов интерлингвального перевода, выполненного студентами, показал, что у подавляющего большинства обучающихся превалировала опора на буквальное значение слова при его восприятии, например были даны следующие варианты интерлингвального перевода студентами в обеих подгруппах: *Here you are* было переведено «Вот ты где»; *Give me a break* – «Дай мне отдохнуть», «Дай мне перерыв»; *Come again* – «Вернись / Возвращайся», «Приходите еще»; *Be my guest* – «Будь моим гостем».

Следовательно, в большинстве вариантов интерпретации русскоязычными студентами наблюдалось расхождение в отмеченности значения с носителями изучаемого языка, являвшимися субъектами анализируемой коммуникации в предъявленных на слух коммуникативных ситуациях.

Таким образом, по результатам, представленным в табл. 2, можно сделать вывод, что предъявление ситуативно обусловленных выражений в контексте способствует оптимизации процесса восприятия, актуализирующего анализ и синтез всех свойств слова как материального языкового средства и его окружения (актуального ситуационного контекста). Причём для студентов-нелингвистов процент правильных ответов при восприятии ситуативно обусловленных выражений в контексте вырос в значительной степени, с 41,9 до 85,5%, что ярко свидетельствует об определяющей роли ситуативного контекста при восприятии культурно-маркированных выражений, имеющих социокультурные особенности.

Заключение

Восприятие аутентичной речи на слух, содержащей ситуативно обусловленные выражения, в аутентичном предъявлении носителями американского английского языка оказалось более сложным для когнитивно-дискурсивной деятельности без ее опосредования социокультурным и экстралингвистическим контекстом.

Выражения, воспринятые в контекстуальном окружении, позволили улучшить восприятие и повысить его адекватность. Успешность понимания ситуативно обусловленных выражений в мини-диалогах оказалась значительно выше, чем без контекстуального окружения. Однако при восприятии ситуативно обусловленных выражений в микродиалогах некоторые студенты продолжали испытывать определённые трудности в понимании этих языковых явлений и их интерпретации. Это объясняется сложной природой лексических единиц данного типа. Акцентуация внимания обучающихся на таких лексических единицах и особенностях их употребления в иноязычных ситуациях общения при сравнении с подобными ситуациями в родной лингвокультуре позволила раскрыть студентам лингвистические и экстралингвистические особенности коммуникации между носителями одной и разных лингвокультур на минимальном объёме

учебного материала при максимальном погружении обучающихся в различные факторы коммуникации [14–16]. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что ситуативно обусловленные лексические выражения являются эффективным дидактическим средством обучения когнитивно-дискурсивным и межкультурно-коммуникативным аспектам межкультурной коммуникации, а иноязычный аутентичный дискурс (определенного типа) – средством выявления разности языковых сознаний носителей, представителей разных лингвосоциумов в условиях межкультурной коммуникации.

Эмпирические данные продемонстрировали важную роль контекстуальных факторов и социокультурной информации для успешности понимания аутентичного иноязычного дискурса. Необходимо отметить тот факт, что именно при предъявлении лексических выражений в контексте успешность понимания возрастала. Объяснение видится в том, что за счёт подключения контекстуальных факторов у воспринимающего дискурс реципиента к системе переработки входящей информации на уровне языкового кода появляется дополнительное знание о конкретной коммуникативной ситуации, которая расширяет языковую информацию, поступающую в мозг непосредственно при восприятии, подключая когнитивные процессы переработки всего комплекса входящей ин-

формации. Предъявление ситуативно обусловленных выражений в ситуативном контексте способствовало оптимизации процесса восприятия, актуализирующего анализ и синтез всех свойств слова как материального языкового средства и его окружения (актуального ситуационного контекста).

Как подтвердило данное исследование, причинами коммуникативных неудач в ситуации межкультурной иноязычной коммуникации выступают: 1) неадекватное восприятие языковых и экстралингвистических факторов общения; 2) несовершенство механизмов восприятия, осмысления и понимания иноязычного дискурса; 3) недостаточный запас культурно-маркированной лексики в пассивном и активном запасе обучающихся; 4) недостаток перцептивного опыта; 5) нехватка опыта дискурсивно-когнитивной деятельности, актуализирующей осознание разности культур и языков, а также различных способов речевой деятельности по извлечению адекватного смысла речевого иноязычного сообщения.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу и раскрывают интересные особенности когнитивно-дискурсивной деятельности в условиях межкультурной коммуникации, однако в силу сложности феномена начатое исследование требует дальнейшей разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
2. Психология : учеб. / под ред. А.А. Крылова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2007. 752 с.
3. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2002. 720 с.
4. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. Москва : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2001. 432 с. (Серия «Психологи Отечества»).
5. Орлов Г.А. Современная английская речь. М. : Высш. шк., 1991. 240 с.
6. Уфимцева Н.В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. М. : Наука, 2002. С. 152–170.
7. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. 138 с.
8. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7–22.
9. Попова Е.С. Текст и дискурс: дифференциация понятий // Молодой ученый. 2014. № 6. С. 641–643.
10. Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин : Гос. ун-т, 1986. 158 с.
11. Macmillan Education. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition. 2nd ed. Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2009. 1749 p.
12. Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (access date: 04.03.2016).
13. Kecskes I. Intercultural Pragmatics. Oxford, UK : Oxford University Press, 2013.
14. Soboleva A.V., Obdalova O.A. Strategies in Interpretation of Culture-Specific Units by Russian EFL Students // Journal Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. № 154. P. 155–162. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.016.
15. Obdalova O. Intercultural Component in Non-Linguistics Students Teaching / O. Obdalova, E. Gulbinskaya // Journal Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. № 200. P. 53–61. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.113.
16. Минакова Л.Ю. Влияние ситуативного контекста на адекватность понимания аутентичной речи при обучении иноязычному дискурсу // Язык и культура. 2016. № 1 (33). С. 160–170.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 ноября 2016 г.

THE STUDY OF THE ROLE OF CONTEXT IN SOCIOCULTURAL DISCOURSE INTERPRETATION THROUGH THE DISCURSIVE-COGNITIVE APPROACH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 38–45.

DOI: 10.17223/15617793/413/6

Olga A. Obdalova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o.obdalova@mail.com

Ludmila Yu. Minakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ludmila_jurievna@mail.ru

Aleksandra V. Soboleva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alex_art@sibmail.com

Keywords: authentic foreign language discourse; discursive-cognitive approach; intercultural communication; context; language pragmatics; inference.

This paper explores the process of comprehension within intercultural communication; the factors that affect the success of the authentic discourse interpretation by Russian learners of English; and the causes of communicative failures in interaction between representatives of different cultures. The discursive-cognitive approach focuses on a foreign language as an object of study and

comprehension, as well as on the study of cognitive processes responsible for communication activity. The paper presents an experimental study of the cognitive processes of English lexical expressions and discourse fragments interpretation by Russian students. The hypothesis of the study is the assumption that if the verbal expression has a socio-cultural load, the inference becomes an even more complex cognitive challenge in the situation of intercultural communication. The experimental study was carried out on lexical units and cognitive-discursive fragments of the contemporary American English language. The research aimed at studying the substantive aspects of foreign language authentic spoken discourse acquisition; identifying the impact of context on the students' understanding of lexical units; identifying the factors that determine the interpretation process and its success. Empirical data have shown the important role of contextual factors and socio-cultural information for the success of an authentic foreign language discourse comprehension. Situation-bound utterances given in the situational context contributed to the optimization of the perception process that promotes the analysis and synthesis of all the characteristics of a word as a means of language and its environment (the actual situational context). The study proved that the causes of communication failure in a situation of intercultural foreign language communication are the following: 1) inadequate perception of linguistic and extralinguistic factors of communication; 2) imperfect mechanism of perception, interpretation and comprehension of the foreign language discourse; 3) insufficient volume of culture-loaded receptive and productive vocabulary of students; 4) lack of perceptual experience; 5) lack of discursive-cognitive experience that promotes awareness of the difference of cultures and languages as well as different / varied ways of speech activity to infer an adequate meaning of a foreign language utterance. These data confirm the hypothesis and reveal interesting features of the cognitive-discursive activity within intercultural communication; however, due to the complexity of the phenomenon the study requires further development.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie* [Language and Knowledge]. Moscow: Yazyaki slavyanskoy kul'tury.
2. Krylov, A.A. (ed.) (2007) *Psikhologiya* [Psychology]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
3. Rubinshteyn, S.L. (2002) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter.
4. Zimnyaya, I.A. (2001) *Lingvopsikhologiya rechevoy deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: NPO "MODEK".
5. Orlov, G.A. (1991) *Sovremennaya angliyskaya rech'* [Modern English speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Ufimtseva, N.V. (2002) Vzaimodeystvie kul'tur i yazykov: teoriya i metodologiya [Interaction of Cultures and Languages: Theory and Methodology]. In: Neshchimenko, G.P. (ed.) *Vstrechi etnicheskikh kul'tur v zerkale yazyka* [Meetings of ethnic cultures in the mirror of the language]. Moscow: Nauka.
7. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2008) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and text. Introduction to the study of lexical gaps]. Moscow: GEOTAR-Media.
8. Tarasov, E.F. (1996) Mezhekul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya [Intercultural communication: a new ontology of linguistic consciousness analysis]. In: Ufimtseva, N.V. (ed.) *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness]. Moscow: IL RAS.
9. Popova, E.S. (2014) Tekst i diskurs: differentsiatsiya ponyatiy [Text and Discourse: the differentiation of concepts]. *Molodoy uchenyy*. 6. pp. 641–643.
10. Bogin, G.I. (1986) *Tipologiya ponimaniya teksta* [Typology of understanding of the text]. Kalinin: State University.
11. Macmillan Education. (2009) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. International Student Edition. 2nd ed. Oxford: Macmillan Publishers Limited.
12. *Corpus of Contemporary American English*. [Online] Available from: <http://corpus.byu.edu/coca/>. (Accessed: 04th March 2016).
13. Kecskes, I. (2013) *Intercultural Pragmatics*. Oxford, UK: Oxford University Press.
14. Soboleva, A.V. & Obdalova, O.A. (2015) Strategies in Interpretation of Culture-Specific Units by Russian EFL Students. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 155–162. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.08.016
15. Obdalova, O. & Gulbinskaya, E. (2015) Intercultural Component in Non-Linguistics Students Teaching. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 53–61. DOI:10.1016/j.sbspro.2015.08.113
16. Minakova, L.Yu. (2016) The Influence of a Situational Context on the Adequateness of Authentic Speech Comprehension in Foreign Language Discourse Teaching. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 1 (33). pp. 160–170. (In Russian).

Received: 28 November 2016

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОТСУБСТАНТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ (КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ «THE FINANCIAL TIMES»)

Рассматриваются функциональные свойства английских отсубстантивных глаголов в бизнес-дискурсе. Для изучения отсубстантивных глаголов, функционирующих в корпусе текстов британской деловой газеты «The Financial Times», привлечен комплекс исследовательских методов: корпусный анализ, лексикографический анализ, дискурсивный анализ. Делается вывод об увеличении числа отсубстантивных глаголов, приводится их классификация по типу пропозиции, а также анализируются причины широкой распространенности в бизнес-дискурсе глаголов с метафорическим значением.

Ключевые слова: бизнес-дискурс; корпусный анализ; отсубстантивный глагол; пропозиция; метафора.

Лингвистическая сторона коммуникации в сфере экономики и бизнеса в последние годы все чаще привлекает внимание языковедов, поскольку обладает рядом специфических свойств (см., например, [1–9]). Бизнес-дискурс определяется как открытая совокупность текстов, связанных бизнес-тематикой (в узком смысле), и как вербальная сторона делового общения (в широком смысле) [5. С. 136]. Важной частью бизнес-дискурса является деловая пресса. Деловые газеты и журналы играют ключевую роль в формировании информационно-среды в данной сфере, поскольку служат средством накопления и распространения информации, а также создания новой информации, что позволяет им отражать изменения, происходящие в языке деловой коммуникации. Деловая пресса является непрерывно обогащающимся типом дискурса. Анализ функциональных свойств языковых единиц, реализующихся в текстах деловой прессы, позволяет проследить определенные тенденции в сфере языка экономики и бизнеса, выявить содержательные характеристики и закономерности деловой коммуникации, что определяет актуальность настоящей работы. Мы полагаем, что проведенное исследование внесет вклад в изучение бизнес-дискурса в контексте функциональной грамматики, корпусной лингвистики и дискурсивного анализа.

В данной статье мы рассматриваем отсубстантивные глаголы, функционирующие в бизнес-дискурсе, на материале корпуса текстов британской деловой газеты «The Financial Times» (далее – FT) – одной из самых читаемых и престижных газет британского делового мира.

Корпус определяется как конечный набор текстов, которые могут быть подвергнуты компьютерной обработке, максимально полно отражающий особенности языка или его варианта (в оригинале: «a finite collection of machine-readable texts, sampled to be maximally representative of a language or variety» [10. P. 197]).

Отсубстантивные глаголы, образованные по версии от имен существительных, составляют значительный класс английских глаголов, но их функционирование в бизнес-дискурсе не было предметом специального исследования, что также обуславливает новизну и актуальность нашей работы.

Анализ функциональных свойств отсубстантивных глаголов проводился на материале созданного нами корпуса, в который вошло 690 статей из газеты «The

Financial Times», отобранных методом случайной выборки за двухлетний период (с января 2014 г. по декабрь 2015 г.). Объем корпуса составил 621 427 слов.

На первом этапе был проведен количественный анализ для определения числа отсубстантивных глаголов, функционирующих в нашем корпусе, а также для сравнения полученных результатов с данными корпуса Lancaster-Oslo-Bergen (LOB). Затем обнаруженные отсубстантивные глаголы были проанализированы с применением лексикографического и контекстного методов с целью их последующей классификации. Контекстный метод применялся для анализа примеров функционирования отсубстантивных глаголов с метафорическим значением.

В корпусе текстов FT было выявлено 163 отсубстантивных глагола, которые составили в совокупности 1 074 случая употребления.

В табл. 1 представлены 10 наиболее употребительных отсубстантивных глаголов и количество случаев их использования в корпусе.

Таблица 1

Глагол	Кол-во случаев употребления
plan	145
target	57
trade	48
fund	42
trigger	39
signal	30
place	29
head	25
price	25
risk	25

Как видно из таблицы, в число самых часто употребляемых отсубстантивных глаголов вошли глаголы, относящиеся к пласту деловой лексики, – *to target*, *to trade*, *to fund*, *to price*, а также слова, которые можно считать общеупотребительными, – *to plan*, *to place*. Глаголы *to trigger*, *to head* и *to risk*, по нашему мнению, занимают промежуточное положение, так как в зависимости от контекста употребления могут занимать место как ближе к центру терминосистемы, так и на периферии.

Для анализа динамики употребления отсубстантивных глаголов в британской прессе материал корпуса текстов FT был сравнен с данными корпуса LOB, созданного специалистами из университетов Ланкастера (Великобритания), Осло и Бергена (Норвегия) в

1961 г., т.е. временной промежуток между двумя корпусами составил более 50 лет. Корпус LOB включает 1 млн слов британских текстов, относящихся к 15 различным категориям. Нами использовался субкорпус британской прессы, насчитывающий около 180 тыс. слов. Чтобы избежать искажения результатов, для оценки частотности употребления отсубстантивных глаголов в корпусах проводилось нормирование данных, поскольку объемы корпусов существенно различались. Для оценки динамики частотности употребления отсубстантивных глаголов в корпусах мы использовали общепотребительные и периферийные единицы, обнаруженные в корпусе FT, так как корпус LOB включает тексты не только деловой периодики, что априори позволяет предположить более низкую частотность употребления деловой лексики по сравнению с первым корпусом. Результаты сравнения частотности употребления отсубстантивных глаголов в британской прессе на примере 10 наиболее употребительных глаголов представлены в табл. 2. Частотность в таблице приводится на 1 000 слов.

Таблица 2

Глагол	Корпус FT	Корпус LOB
plan	0,233	0,066
trigger	0,063	0
signal	0,048	0
place	0,047	0,050
head	0,040	0,050
risk	0,040	0,017
damage	0,024	0,017
link	0,021	0,028
name	0,021	0,016
test	0,021	0,016

Результаты сравнения данных двух корпусов позволили сделать вывод о том, что в британской прессе в настоящее время наблюдается тенденция к использованию большего количества отсубстантивных глаголов. Все рассмотренные нами отсубстантивные глаголы, за исключением *to place*, *to head* и *to link*, стали употребляться чаще. Этот вывод соотносится с результатами исследования К. Мейера и др., которые сравнивали частотность употребления различных частей речи в корпусе LOB, относящемся к 1961 г., и в корпусе F-LOB, в котором содержатся тексты 1990-х гг. Авторы обнаружили рост числа глаголов на 7,3% в подкорпусах прессы 1990-х по сравнению с 1961 г. По мнению исследователей, данный факт не является прямым свидетельством произошедших за этот период грамматических изменений в языке прессы, но может служить признаком стилистических изменений. За данный период газетные статьи стилистически приблизились к другим жанрам, для которых характерно использование большего количества глаголов, – разговорной речи и художественной литературе [11. С. 254].

На следующем этапе исследования обнаруженные в корпусе FT отсубстантивные глаголы были классифицированы.

Существуют различные классификации отсубстантивных глаголов, основанные на их семантике (см., например, [12–14]). Наша классификация основывает-

ся на тезисе Ю.Г. Панкраца о том, что значение отсубстантивного глагола определяется пропозицией, поскольку он «всегда обозначает некую деятельность, связанную и в каком-то смысле ограниченную обозначенным именем существительным предметом / субстанцией, его функцией в структуре деятельности» [15. С. 229]. При анализе структуры пропозиции в центре внимания оказывается не предикат, а актанта, который определяется исходным существительным. Нами было выделено шесть групп отсубстантивных глаголов по типу актанта: глаголы с инкорпорированным субъектом; глаголы с инкорпорированным объектом; глаголы с инкорпорированным локативом; глаголы с инкорпорированным инструментом; глаголы с инкорпорированным результатом; глаголы с инкорпорированным дескриптивом. Чтобы иметь основания отнести глагол к той или иной группе, мы проанализировали их дефиниции в одноязычном словаре, перевод, данный в двуязычном словаре, контекст употребления, а также в некоторых случаях их этимологию по этимологическому словарю. Рассмотрим данные группы и относящиеся к ним примеры отсубстантивных глаголов из корпуса FT.

1. Глаголы с инкорпорированным **субъектом** действия (всего 13). Структуру пропозиции, в центре которой стоит такой глагол, можно представить следующим образом: выступать в роли, выраженной исходным существительным, или выполнять действие, характерное для исходного существительного. Данная ситуация отражается как в толковании глагола в англо-английском словаре, так и в его переводе в двуязычном словаре. Например,

to host – *to act as a host for an event (host – a country, a city or an organization that provides the space, services, etc. for a special event and may also arrange it)* [OBE: 268] – *выступать в роли хозяина, принимающей стороны* [ABBY Lingvo];

*Morgan Stanley last week **hosted** US investor meetings with Tesco finance director Alan Stewart* (FT. 24.11.2015);

to pioneer – *when a person or an organization pioneers sth, they are one of the first to do, discover or use sth new* [OBE: 408] – *быть пионером, первооткрывателем* [ABBY Lingvo];

*He drafted in , the investor who heads Yale's endowment, as an adviser – but has avoided many of the techniques Mr. Swensen **pioneered** at Yale, such as big allocations to private equity, forestry and hedge funds* (FT. 27.01.2014).

К данной подгруппе также можно отнести глаголы *to chair*, *to head*, *to champion*, *to engineer*, *to rival*, *to sponsor*, *to witness*, *to doctor*, *to partner*, *to spy* и др.

2. Глаголы с инкорпорированным **объектом** действия (всего 17). Структура пропозиции глаголов, относящихся к данной группе, имеет следующий вид: субъект воздействует на предмет или манипулирует предметом, обозначаемым исходным существительным. Например:

– *to fund* – *to provide money for* [OBE: 238] – *финансировать, субсидировать* [АРЭС];

Streep recently drew attention to the cycle whereby young women study film, graduate and then can't find

work as directors; she has also **funded** a programme for female writers over the age of 40 (FT. 10.10.2015);

– **to bill** – to send a bill for sth [OBE: 48] – *выставлять счет* [ABBY Lingvo];

*The costs, which will be **billed** to the banks themselves, have been estimated at between €42.5m and €61.7m* (FT. 21.08.2014).

К данной подгруппе также относятся глаголы *to target, to fund, to trigger, to tag* и др.

3. Глаголы с инкорпорированным **локативом** (всего 18) – субъект перемещается сам или помещает объект в место, обозначенное исходным существительным / субъект выполняет какое-то действие сам или с объектом в месте, обозначенном исходным существительным. Например:

– **to auction** – to sell sth at an auction [OBE: 30] – *продавать с аукциона* [APЭС];

*More and more people work for virtual platforms instead of companies; work is **auctioned** to pools of contractors; median wages stagnate while returns on capital rise; some duties of doctors and lawyers may soon be done by machines* (FT. 22.01.2015);

– **to queue** – to wait in a line to do sth, buy sth, go somewhere и др. [OBE: 444] – *стоять в очереди* [APЭС];

*Big Russian companies have been **queueing** up for funds from the national wealth fund ever since the sanctions hit* (FT 13.11.2014).

Глаголы, относящиеся к данной подгруппе: *to warehouse, to file, to shop, to house, to jail, to market* и др.

4. Глаголы с инкорпорированным **инструментом** (всего 25): субъект воздействует на объект или бенефициарив при помощи инструмента (предмета, вещества, транспортного, вербального или технического средства), выраженного исходным существительным. Например:

– **to phone** – to make a telephone call to sb [OBE: 406] – *звонить по телефону* [НБАРС];

*The first time I **phoned** Sergei Tsekov, Crimea's bombastic representative to the Russian Federation Council, he hung up on me* (FT. 24.05.2014);

– **to ship** – to send or transport sth by ship [OBE: 504] – *перевозить, отправлять (груз), отгружать по воде* [НБАРС];

*The ugly side of the recovery is epitomised by the car transporter lorry at the gates of the port, laden with British-built Minis ready to be **shipped** abroad* (FT. 18.06.2014).

К группе отсубстантивных глаголов с инкорпорированным инструментом также относятся *to signal, to cycle, to e-mail, to pen, to ferry* и др.

5. Глаголы с инкорпорированным **результативом**: субъект воздействует на объект, в результате чего возникает предмет / образование, выраженное исходным существительным. Например:

– **to profit** – to get money or sth useful from a situation [OBE: 431] – *получать пользу / выгоду* [APЭС];

*At that time, some politicians were pushing for a ban on short selling because they were angry that some investors were **profiting** as banks teetered on the brink of collapse* (FT. 21.11.2014);

– **to rank** – to give smb / sth a particular position on a scale according to quality, importance, success и др.

[OBE: 446] – *классифицировать, относить к какой-л. категории, давать оценку* [НБАРС];

*Employees are **ranked** from Grade 8 – for example factory production line workers – to 30* (FT 28.02.2014).

К данной группе также можно отнести такие глаголы, как *to level, to picture, to clone, to draft, to progress* и др.

6. Глаголы с инкорпорированным **дескриптивом** (всего 47): субъект выполняет действие подобно существу / предмету, выраженному исходным существительным, или таким образом, как описывает исходное существительное – действия субъекта сравниваются с поведением человека, мифического существа или с характеристиками предмета. В основе данных глаголов лежит метафора. Например:

– **to axe** – to take strong measures to reduce costs, such as removing workers from their jobs, closing parts of a company и др. [OBE: 34] – *резко сокращать (бюджет, ассигнования, штаты); увольнять, отправлять в отставку; закрывать (например, школу)* [ABBY Lingvo] (*om an axe – a tool used for chopping wood, typically of iron with a steel edge and wooden handle* [OD] – *монор, колун* [НБАРС]);

*Designed more than 20 years ago at a cost of more than €15bn, the A380 programme could be **axed** if new customers are not found to keep production running after 2020* (FT. 09.11.2015);

– **to balloon** – (of an amount of money spent or owed) to increase rapidly [OD] – *быстро увеличиваться, распух* [APЭС] (от *a balloon – a small coloured rubber bag which is inflated with air and then sealed at the neck, used as a child's toy or decoration* [OD] – *воздушный шар* [APЭС]);

*Severe belt-tightening is necessary after the budget deficit **ballooned** to 6.3 per cent of GDP in 2014, but it comes at a time when economic growth has ground to a halt* (FT. 02.11.2015).

К данной подгруппе также можно отнести глаголы *to mirror, to parachute, to hammer, to flock, to thunder, to blanket* и др.

Интересно отметить, что некоторые глаголы одновременно могут входить в две группы в зависимости от значения. Например, глагол *to rain* используется в корпусе как в своем прямом значении – *rain falls* (OALD):

*It doesn't **rain** all the time so when the heavens close, head out for an evening stroll along Chowpatty Beach at the far end of Marine Drive, where you might even be lucky enough to see a hint of sun set through the monsoon clouds* (FT. 13.06.2015), так и в переносном – *to fall or cause to fall in large or overwhelming quantities* (OALD):

*These included fearsome Uragan rockets, which can **rain** red-hot shrapnel in precision strikes from 35 km away* (FT. 13.09.2014).

Таким образом, данный глагол будет одновременно относиться к группе глаголов с инкорпорированным субъектом и к группе глаголов с инкорпорированным дескриптивом.

Нами также был выделен ряд отсубстантивных глаголов (всего 11), семантика которых не позволяет

отнести их ни к одной из вышеприведенных групп, поскольку тип инкорпорированного актанта сложно определить однозначно. К таким глаголам относятся, например, *to risk*, *to rage*, *to caution*, *to defect*, *to panic* и др.

На рис. 1 представлено распределение отсубстантивных глаголов по группам.

Рис. 1. Распределение глаголов по группам в корпусе FT

Как видно из приведенной диаграммы, наименьшее число глаголов входит в группу глаголов с инкорпорированным субъектом. Практически третья часть отсубстантивных глаголов приходится на группу глаголов с инкорпорированным дескриптивом, поскольку многие глаголы функционируют в бизнес-дискурсе не в прямом, а в переносном, метафорическом значении.

Распространенность метафоры в бизнес-дискурсе, а именно в рассматриваемом нами корпусе текстов деловой газеты «The Financial Times», на наш взгляд, можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, для СМИ характерно наличие «оценочных коммуникативных актов, которые определяют тактико-стратегическое поведение коммуникантов» [16. С. 11]: СМИ участвуют в формировании общественного мнения в отношении различных событий, происходящих в мире, а также людей, заслуживающих внимания общества [17. С. 260]. Например:

Russia, the Assad regime's main ally apart from Iran, stormed into the region in September (FT. 16.11.2015).

Глагол *to storm* – (of troops) suddenly attack and capture (a building or other place) by means of force (OALD) – *штормовать, атаковать* (ABBY Lingvo), образованный от существительного *storm* – a violent disturbance of the atmosphere with strong winds and usually rain, thunder, lightning, or snow (OALD) – *буря, гроза, ураган, шторм* (ABBY Lingvo), вызывает ассоциации с угрозой и опасностью. Использование данного глагола, по нашему мнению, указывает на неодобрительную оценку действий России в сирийском конфликте, анализу которого посвящена статья.

Рассмотрим еще один пример:

To get the message across, Chinese leaders parroted slogans such as «peaceful rise» and «harmonious world» (FT. 01.09.2015).

Глагол *to parrot* – to repeat exactly what someone else says, without understanding it or thinking about its

meaning (CALD) – *болтать или повторять как попугай* (НБАРС) – переносит на человека признаки животного, следовательно, несет четкую оценочную коннотацию. Как отмечает В.Н. Телия, сами животные не несут никакой оценки, но соответствующие признаки животного, примененные к человеку, почти всегда носят оценочный характер [18. С. 59]. В данном примере этот глагол явно служит для выражения негативной оценки политики Китая.

Во-вторых, в мире экономики и бизнеса происходят достаточно сложные процессы, возникают новые реалии, и метафоры используются для их обозначения и осмысления. В этом заключается концептуальная функция метафоры, которая проявляется наиболее полно для обозначения непредметных сущностей [Там же. С. 66]. Метафора не просто отражает существующую объективную реальность, она способна создавать эту реальность путем отделения существенных признаков от менее существенных [19. С. 155]. Это свойство метафоры делает ее необходимым компонентом языка и мышления [20]. По мнению Дж. Лакоффа, многие абстрактные темы сферы нашей жизни поддаются осмыслению исключительно через метафоры [21]. Главным принципом такого познания является соотношение через метафору сложных, непосредственно ненаблюдаемых концептов с более простыми и конкретными вещами [22. С. 9]. Данный тип познания основан на аналогии *as ob* (как если бы) [18. С. 68]. Например:

Chief financial officer, says the company had hedged its rate exposure and investment returns had offset part of the increase in liabilities (FT. 09.02.2015).

Глагол *to hedge*, образованный от существительного *hedge* – a line of bushes or small trees planted very close together, especially along the edge of a garden, field, or road (CALD) – *ограда, забор* (НБАРС), в контексте экономики и бизнеса означает *to protect yourself against the risk of losing money in the future because of changes in the value of shares, currencies, raw materials, etc* (OBE) – *фин. хеджировать (заключать срочный контракт для страховки от рисков неблагоприятного изменения цен)* (ABBY Lingvo). То есть так же, как и ограда, защищает что-то владения от посторонних, действие, выраженное данным глаголом, направлено на защиту интересов субъекта от рисков, возникающих на рынке.

Рассмотрим еще один пример:

In 2003, when the Sars epidemic hit Beijing, Mr Wang was parachuted in as mayor to deal with the crisis and when the 2008 financial crisis struck he was again put in charge of China's response (FT. 06.08.2014).

Глагол *to parachute* в данном предложении используется в значении *to appoint or be appointed in an emergency or from outside the existing hierarchy* (OALD) – *нанимать топ-менеджера извне для решения вывода компании из кризиса* (перевод авт. – Е.С.). В значении данного глагола можно выявить две семы, ассоциирующиеся с исходным существительным: во-первых, человек попадает в компанию извне (как будто спускается на парашюте), во-вторых, данная стратегия применяется в экстренных ситуациях, как и при использовании парашюта.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в бизнес-дискурсе функционирует достаточно большое количество отсубстантивных глаголов, причем частотность их употребления за последние 50 лет увеличилась. Анализ структуры пропозиции 163 отсубстантивных глаголов из корпуса текстов газеты «The Financial Times» позволил классифицировать их на шесть групп по типу актанта. Самой многочисленной оказалась группа глаголов с инкорпорированным дескриптивом. Широкое распространение глаголов, входящих в эту группу, в основе которых лежит метафора, можно объяснить наличием оценочных суждений в данном типе дискурса, а также важной ролью метафоры в формировании концептов ввиду сложно-

сти процессов и явлений, характерных для данного типа дискурса.

Изучение особенностей функционирования отсубстантивных глаголов в бизнес-дискурсе позволило выявить важные особенности языка бизнес-коммуникации. К ним относятся, во-первых, тенденция к экономии языковых средств (очевидно, что отсубстантивные глаголы являются более лаконичным средством выражения мысли, по сравнению с обычными глаголами), а также образность языка делового общения, о чем свидетельствует большое количество отсубстантивных глаголов с метафорическими значениями в исследованном нами корпусе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарова Т.Б. Современный англоязычный бизнес-дискурс: семиотический аспект // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 150–155.
2. Томашевская К.В. Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе. СПб., 1998. 134 с.
3. Аксютенкова Л.Г. Деривация как способ терминологической концептуализации экономической когнитивной сферы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: филология и искусствоведение. 2010. № 4. С. 68–72.
4. Гурьева З.И. Бизнес-текст как явление культуры // Язык. Этнос. Сознание : материалы междунар. науч. конф. (24–25 апреля 2003 г.). Майкоп, 2003. Т. 2. С. 38–46.
5. Данюшина Ю.В. Бизнес-лингвистика – новое синергетическое направление прикладной лингвистики // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 2. С. 133–140.
6. Колтунова М.В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М., 2000. 271 с.
7. Bargiela-Chiappini F., Nickerson C., Planken B. Business discourse. Palgrave Macmillan. 2007. 282 p.
8. Bhatia V.K. Genre analysis, ESP and professional practice // English for Specific Purposes. 2008. № 27. P. 161–174.
9. Charles M. Business negotiations: Interdependence between discourse and the business relationship // English for Specific Purposes. 1996. № 15 (1). 1996. P. 19–36.
10. McEnery T., Wilson A. Corpus linguistics: An introduction. Edinburgh University Press. 2001. 235 p.
11. Mair C. et al. Short term diachronic shifts in part-of-speech frequencies: A comparison of the tagged LOB and F-LOB corpora // International Journal of Corpus Linguistics. 2003. Vol. 7, № 2. P. 245–264.
12. Rose J.H. Principled Limitations on Productivity of Denominal Verbs // Foundations of Language. 1973. Vol. 10, № 4. P. 509–526.
13. Jackendoff R. Semantic Structures. MIT Press, 1990. 322 p.
14. Clark E.V., Clark H.H. When Nouns Surface as Verbs // Language. 1979. Vol. 55, № 4. P. 767–811.
15. Панкрац Ю.Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 333 с.
16. Гричин С.В., Демешкина Т.А. Аппликативный потенциал когнитивно-дискурсивной модели авторизации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 6 (32). С. 5–16.
17. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М. : Флинта ; Наука, 2003. 432 с.
18. Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1988. 176 с.
19. Goatly A. Critical Reading and Writing. London : Routledge, 1997. 364 p.
20. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : Chicago University Press, 1980. 276 с.
21. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor / ed. by A. Ortony, Metaphor and Thought. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
22. Маругина Н.И. Метафора в процессе текстопорождения (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с.

СЛОВАРИ

Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/index.php>
 OBE = Oxford Business English Dictionary for learners of English. Oxford, N.Y., 2008.
 Электронный словарь ABBY Lingvo. URL: <http://www.lingvo-online.ru/>
 APЭС = Англо-русский экономический словарь. URL: http://economy_en_ru.academic.ru/
 НБАРС = Новый большой англо-русский словарь / Ю.Д. Апресян. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-3174.htm>
 OALD = Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://oxforddictionaries.com>
 CALD = Cambridge Advanced Learner's Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org/>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 31 октября 2016 г.

FUNCTIONING OF DENOMINAL VERBS IN BUSINESS DISCOURSE (CORPUS-BASED ANALYSIS OF TEXTS FROM THE *FINANCIAL TIMES*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 46–51.

DOI: 10.17223/15617793/413/7

Elizaveta A. Smirnova, Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: cmelizaveta@yandex.ru

Keywords: business-discourse; corpus-based analysis; denominal verb; proposition; metaphor.

The paper is devoted to the examination of functional properties of English denominal verbs in business discourse. Although denominal verbs formed via transmutation from nouns make up a significant class of English verbs, their functioning in business discourse remains understudied. This justifies the novelty and relevance of the work. The study is based on the data of the British business newspaper the *Financial Times*. The corpus of the *Financial Times* articles referring to 2014–2015 and comprising more than 621,000 words was collected. A number of research methods were employed. At the first stage a quantitative analysis was conducted to determine the number of denominal verbs functioning in the corpus and to compare the data gained with that of the LOB corpus. The comparison of the *Financial Times* corpus and the subcorpus of press of the LOB corpus, which refers to 1961, allowed the author to draw a conclusion that the quantity of denominal verbs in the British press increased over the 50-year period. In the FT corpus 163 denominal verbs were found and analysed with the lexicographical and contextual methods for further classification. In the paper the classification of denominal verbs based on the type of proposition is given. When analysing the type of proposition the attention is focused not on the predicate but on the actant which is determined by the parent noun. To have reasons to put a verb into a particular group, their definitions in an English-English dictionary, their translation given in an English-Russian dictionary, the context the verb is used in and, in some cases, the etymology of the verb were analysed. The classification includes six groups of verbs: verbs with incorporated subject (e.g. to witness, to doctor), verbs with incorporated object (e.g. to bill, to tag), verbs with incorporated locative (e.g. to shop, to house), verbs with incorporated instrument (e.g. to e-mail, to pen), verbs with incorporated resultative (e.g. to clone, to draft) and verbs with incorporated descriptive (e.g. to axe, to balloon). The final group of verbs, whose meaning is based on metaphor, turned out to be the most numerous in the corpus (29 % of all the denominal verbs). The author believes it can be explained by the presence of evaluation in this type of discourse and by the important role metaphor plays in the formation of concepts because of the complexity of processes and phenomena business discourse is characterised by.

REFERENCES

1. Nazarova, T.B. (2013) Sovremennyy angloyazychnyy biznes-diskurs: semioticheskiy aspekt [Modern English-language business discourse: the semiotic aspect]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*. 8:1. pp. 150–155.
2. Tomashevskaya, K.V. (1998) *Leksicheskoe predstavlenie yazykovoy lichnosti v sovremennom ekonomicheskom diskurse* [The lexical representation of language personality in the modern economic discourse]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics and Finance.
3. Aksyutenkova, L.G. (2010) Derivatsiya kak sposob terminologicheskoy kontseptualizatsii ekonomicheskoy kognitivnoy sfery [Derivation terminology as a way of conceptualizing the economic cognitive sphere]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: filologiya i iskusstvovedenie – Bulletin of the Adyghe State University, the series "Philology and the Arts"*. 4. pp. 68–72.
4. Gur'eva, Z.I. (2003) [Business text as a cultural phenomenon]. *Yazyk. Etnos. Soznanie* [Language. Ethnos. Consciousness]. Proceedings of the international conference. 24–25 April 2003. Vol. 2. Maykop. pp. 38–46.
5. Danyushina, Yu.V. (2010) Biznes-lingvistika – novoe sinergeticheskoe napravlenie prikladnoy lingvistiki [Business Linguistics: a new synergistic direction of applied linguistics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1:2. pp. 133–140.
6. Koltunova, M.V. (2000) *Yazyk i delovoe obshchenie: Normy, ritorika, etiket* [Language and business communication: Standards, rhetoric, etiquette]. Moscow: Ekonomicheskaya literatura.
7. Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C. & Planken, B. (2007) *Business discourse*. Palgrave Macmillan.
8. Bhatia, V.K. (2008) Genre analysis, ESP and professional practice. *English for Specific Purposes*. 27. pp. 161–174.
9. Charles, M. (1996) Business negotiations: Interdependence between discourse and the business relationship. *English for Specific Purposes*. 15 (1). pp. 19–36.
10. McEnery, T. & Wilson, A. (2001) *Corpus linguistics: An introduction*. Edinburgh University Press.
11. Mair, C. et al. (2003) Short term diachronic shifts in part-of-speech frequencies: A comparison of the tagged LOB and F-LOB corpora. *International Journal of Corpus Linguistics*. 7:2. pp. 245–264.
12. Rose, J.H. (1973) Principled Limitations on Productivity of Denominal Verbs. *Foundations of Language*. 10:4. pp. 509–526.
13. Jackendoff, R. (1990) *Semantic Structures*. MIT Press.
14. Clark, E.V. & Clark, H.H. (1979) When Nouns Surface as Verbs. *Language*. 55:4. pp. 767–811.
15. Pankrats, Yu.G. (1992) *Propozitsional'nye struktury i ikh rol' v formirovaniy yazykovykh edinit raznykh urovney* [Propositional structures and their role in the formation of linguistic units of different levels]. Philology Dr. Diss. Moscow.
16. Grichin, S.V. & Demeshkina, T.A. (2014) The applicative potential of a cognitive-discursive authorization model. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (32). pp. 5–16. (In Russian).
17. Matveeva, T.V. (2003) *Uchebnyy slovar': russkiy yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Learner Dictionary: Russian language, speech culture, style, rhetoric]. Moscow: Flinta; Nauka.
18. Teliya, V.N. (ed.) (1997) *Metafora v yazyke i tekste* [The metaphor in language and text]. Moscow: Nauka.
19. Goatly, A. (1997) *Critical Reading and Writing*. London: Routledge.
20. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press.
21. Lakoff, G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In: Ortony, A. (ed.) *Metaphor and Thought*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Marugina, N.I. (2005) *Metafora v protsesse tekstoporozhdeniya (na materiale povesti M.A. Bulgakova "Sobach'ye serdtse" i ee perevodov)* [Metaphor in text generation (based on M.A. Bulgakov's Heart of a Dog and its translation)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

DICTIONARIES

- Online Etymology Dictionary*. (n.d.). [Online] Available from: <http://www.etymonline.com/index.php>.
- Parkinson, D. & Noble, J. (eds) (2008) *Oxford Business English Dictionary for learners of English*. Oxford: Oxford University Press.
- ABBY Lingvo*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.lingvo-online.ru/>.
- Anglo-russkiy ekonomicheskii slovar'* [English-Russian Dictionary of Economics]. (n.d.). [Online] Available from: http://economy_en_ru.academic.ru/.
- Apresyan, Yu.D. (ed.) (n.d.) *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [New big English-Russian Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-3174.htm>.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.). [Online] Available from: <http://oxforddictionaries.com>.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. (n.d.). [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org/>.

Received: 31 October 2016

D.Ch. Gillespie, S.K. Gural

FILM ADAPTATION AND CULTURAL POLITICS: THE RUSSIAN APPROACH TO SCREENING LITERATURE

The adaptation of works of literature has been a staple part of film production in all countries of the world. Western theories of adaptation have focused on the relationship of the film to the original text, and the vision of the director. Essentially these theories can be reduced to one question: who owns the film version: the author or the director? In Russia, the relationship between authors and director is further complicated by time, as the genre of literary adaptation has much in common with the historical film: both tell us as much about the times in which these films were made, as about the source material. Russian film adaptations of literature have consistently referred to the source text with great respect but also with an eye to their contemporary relevance. The Russian classical and Soviet literary heritage provides a rich repository of cultural values that can be celebrated in any era, but which can also comment on the mores of that era, sometimes to satirical effect. What distinguishes the Russian approach to literary adaptation is its espousal of periodization, wherein a film adaptation may reveal more about the time in which it was produced than develop the actual literary original itself.

Key words: film adaptation theory; genre; Russian literature; cultural politics; periodization.

Introduction

The history of Russian film has always been interconnected with cultural politics. Nowhere is this more evident than in the Russian historical film, where ‘history’ is explored, interpreted and presented not so much in the past, as in the time when the film was made [1, 2]. Thus, Sergei Eisenstein’s 1938 film *Alexander Nevskii* foregrounds the heroism of Russian soldiers in defeating the Teutonic Knights in the thirteenth century under the command of the wise and charismatic Prince Nevskii. But there is another narrative embedded, one that provides a contemporary resonance given the threat to Europe and the Soviet Union by Nazi Germany in the 1930s. Even more obvious is the dual narrative of Eisenstein’s next film, *Ivan the Terrible* (Parts One and Two, 1944–45), an explicit apologia for the use of terror as a form of government, and therefore viewed and received very much as an allegory of Stalin’s rule. Other historical films made under Stalin were ‘an attempt to use historical references to justify and compare Stalin’s dictatorship with other historical periods’ [3. P. 97].

A similar paradigm can be seen in the Russian approach to screening its literary heritage. In Western film criticism the issue of literary adaptation focuses on the ‘fidelity’ of the film to its literary predecessor, and to what degree of ‘reverence’ the director holds for the source material [4; 5. P. 8]. Whereas in Russia the fundamental question ‘Who does the film belong to, the director or the author?’ has always also been valid, other concerns have predominated, in particular periodization. Just as with the historical film, the Russian literary adaptation tells us more about the times in which it was made, and the cultural politics defining those times, than actually telling a story. In short, both the Russian historical film and the literary adaptation were fundamentally concerned with reinterpreting the past from the point of view of ‘today’ [6, 7].

Adaptation as Film Genre

The early years of Russian cinema were marked by films that appealed to the box-office, with themes revolving around sex, murder, suicide, and as such were criticised in the press and by the Orthodox Church. Film ad-

aptations of the Russian literary heritage were viewed by producers and entrepreneurs as giving this relatively new art form ‘respectability’ [5. P. 63], and between 1910 and 1917 film version of works by Alexander Pushkin, Lev Tolstoy, Fyodor Dostoevsky, Nikolai Gogol all appeared [8]. The Russian literary heritage, therefore, helped the new art form of cinema achieve a degree of prestige among a public that had long regarded theatre, opera and ballet as the purest art forms.

The 1920s are commonly referred to as the ‘Golden Age’ of Soviet cinema, with the emergence of key directors such as Sergei Eisenstein, Vsevolod Pudovkin, Dziga Vertov, Lev Kuleshov, Alexander Dovzhenko, Abram Room, Fridrikh Ermler and Boris Barnet, the return from emigration of Yakov Protazanov, and the development of ‘montage’ for both entertainment and educational purposes. Gogol’s *The Overcoat* was filmed by the Leningrad-based FEKS group in 1926, the grotesqueness and absurdity of the story emphasised by the eccentricity of the acting and unsettling photography for which FEKS was renowned [3. P. 60]. Perhaps the most famous literary adaptation of the ‘Golden Age’ was Pudovkin’s 1926 film version of Maxim Gorky’s 1908 novel *The Mother*. Pudovkin’s adaptation is bold and innovative, making the ending of the film much more tragic than in the original novel, and therefore emphasising the revolutionary credentials of both the book and the film. The film, moreover, allows Pudovkin to develop his approach to ‘montage’, and to show how this technique of editing and assembling frames and shots can be used in a fundamentally different way from the violent and shocking images of Eisenstein. Instead, *The Mother* contains metaphors and symbols based on Russian literary traditions that Russian viewers would instinctively recognise, created not through Eisenstein’s ‘collision of images’ [Ibid. P. 56] but through continuity and the juxtaposition of man and the natural world.

The arrival of sound cinema in the 1930s rendered the importance of ‘montage’ in silent film essentially redundant, and the adoption of socialist realism as the ‘basic method’ of Soviet art defined all areas of artistic and cultural production. Consequently, through reinterpretation and visual representation, the classical corpus becomes

'integrated into socialist realism' [9. P. 115]. Political priorities in the 1930s and 1940s were very different from those of the 1920s, and the literary heritage had to play its part: 'Screen adaptations in the Stalin era were unique in that their goal was never to reproduce the literary source-text or the writer's artistic world, but to use the text solely with the aim of creating images of the past, to bring a visual perspective on history' [Ibid.].

Given that the Russian classics were expected to make their ideological contribution to Stalinist historiography, it is not surprising that so many adaptations were made under Stalin. Particular favourites were Anton Chekhov, with noted adaptations of *The Man in a Case* (1939), and *The Wedding* (1944), both directed by Isidor Annenskii with some of the leading actors of the day, and Alexander Ostrovsky, whose plays about the venality of the nineteenth-century merchant class and the hopelessness of the 'little man' (and woman) are reflected in adaptations of *Without a Dowry* (1937), directed by Protazanov, *The Storm* (1943), and *Guilty Without Blame* (1945), the latter two directed by Vladimir Petrov. In 1936 Alexander Ivanovskii gave Pushkin's unfinished novella *Dubrovsky* a revolutionary ending by showing the peasant masses preparing for all-out rebellion. All of these films were given an ideological dimension obviously missing from the literary original, but were nevertheless used to legitimize Stalinist culture and cultural history.

Adaptations of Soviet literature were also prominent in the 1930s. Films such as *Chapaev* (1934), directed by the Vasilev brothers and based on a 1923 Civil War novel by Dmitrii Furmanov, was the first Soviet 'blockbuster' and promoted by the Party itself as a model to be emulated in other films as showing the socialist realist development of the 'heroic' biography. Similarly, Mark Donskoy's trilogy of the life of Maxim Gorky (*Childhood, My Apprenticeship, My Universities*, 1938–1939), based on Gorky's own autobiography, was to serve as the official 'hagiography' of the 'father of socialist realism' and the 'forefather of Soviet literature' [Ibid. P 149–150].

The post-Stalin period is also characterized by the recruitment of the classical literary text into cultural politics, only this time de-Stalinization and the return of 'humanist' values. Chekhov's short stories remained popular, with adaptations of *Anna around the Neck* (1954), directed by Annenskii, *The Grasshopper* (1955) directed by Samson Samsonov, and most notably *The Lady with the Lapdog* (1960), directed by Iosif Kheifits and winner of a special prize at the 1960 Cannes Film Festival. These years also saw ambitious adaptations of some of the 'heavyweight' Russian classics, such as Ivan Pyrev's version of Dostoevsky's *The Idiot* (1958), Turgenev's *Fathers and Sons*, directed by Adolf Bergunker and Natalia Rashevskaiia in 1958, and Mikhail Schweitzer's adaptation of Lev Tolstoy's *Resurrection* (two parts, 1960, 1962) [2, 10]. Schweitzer sees the Tolstoy text about social injustice and the corruption of the Tsarist judicial system as a means for exploring the recent Soviet past of mass arrests and arbitrary imprisonment, to the extent of adding text to Tolstoy's original on the expediency of political repression to make the analogy clear to a contemporary audience. In the *glasnost*' years Shveitser's adaptation of another Tolstoy's work, *The Kreutzer Sonata*

(1987), was notable for its contribution to the increasing cultural freedoms becoming available at the time, in particular its use of 'frank' language (the first time in a Russian film an obscenity was clearly spoken) and a remarkably open and honest discussion of homosexuality.

The 1960s saw the literary heritage given the 'epic' treatment, no more so than in Sergei Bondarchuk's 6-hour version of *War and Peace* (1965–1967) [11]. The film is not only grandiose in terms of its scale (with over 120,000 extras, and the Battle of Borodino lasts one and a half hours, almost a film in itself), but also in its patriotic message. Russian troops are filmed against the backdrop of a church, with choral and orchestral music in the background, Natasha Rostova's dance shows that she is at one of the common people, Moscow is the 'holy' capital and Russia is invaded not by France but the 'forces of Western Europe'.

The 1960s and 1970s were also a period in Soviet cultural history that saw a rise in Russian nationalist sentiment, especially in literature and film. 'Village prose' celebrated the virtues of living and working on the land, its heroes usually men and women of the older generation who had lived by simple and honest values that were seen as intrinsic to the Russian village. The films of Vasily Shukshin, such as *Pots and Pans* (1972) and *Red Guelder Tree* (1973), were adaptations of his own stories, and were of great social relevance at the time as they revealed the countryside not so much as idyllic as fundamentally separate from the town, thus revealing the social dichotomy of those years.

The nationalist sentiment inherent in these adaptations was also evident in the 'big-screen' treatment given to other great works of literature. *The Brothers Karamazov* was adapted by Ivan Pyrev in 1968, *Anna Karenina* [8] was directed by Alexander Zarkhi in 1967, and Lev Kulidzhanov adapted *Crime and Punishment* in 1970. All these adaptations, including *War and Peace*, starred the leading actors of the day, and so were clear signs of the confidence of the Soviet film industry, and the pride it had in the Russian literary heritage.

In this context the films of Nikita Mikhalkov are of particular interest. In one of his first films as director, *Unfinished Piece for Mechanical Piano* (1977), Mikhalkov showed great innovation in synthesizing Chekhov's play *Platonov* and several short stories to produce a picture of Russian middle-class spiritual malaise in the nineteenth century, shot against a backdrop of the peace and quiet of the Russian countryside. *A Few Days in the Life of I.I. Oblomov* (1979) is another 'loose' adaptation, this time of Goncharov's 1859 novel *Oblomov*. The titular character is indeed indolent, unfocused and lethargic, but his childlike simplicity and seeming innocence are favourably contrasted with the drive and energy of his neighbour Stolz, of German extraction. The novel reflected the debate between the Slavophiles and Westerners in the mid-nineteenth century as to where Russia's future lays, and the film 'updates' that debate as the camera lovingly lingers over the green fields, woods, rivers and valleys of the Russian countryside, a real celebration of Mother Russia [3. P. 177].

Also relevant here are the literary adaptations of Mikhalkov's elder brother Andrei Konchalovsky, whose

themes are diametrically opposed. In *A Nest of Gentlefolk* (1969), based on the Turgenev novel, and his adaptation of Chekhov's *Uncle Vanya* (1970) he shows a *fin-de-siècle* world of doomed aspirations and fallen hopes, with a clear analogy with the morally compromised intelligentsia of the 1960s.

Literary adaptations of the glasnost period and early post-Soviet years reflected the new freedoms allowed in art and culture, with Roman Balayan's *Lady Macbeth of Mtsensk* (1989) fully expressing the latent eroticism of Nikolay Leskov's 1865 novella, and Yuri Grymov's *Mu-Mu* (1995) reimagines Turgenev's story as a tale of a sado-masochistic relationship between a serf and his land-owning mistress. Other adaptations to exploit the new-found permissiveness and display on screen sex and violence, were *Horses Carry Me* (1996), an adaptation of Chekhov's *The Duel*, Alexander Proshkin's *Russian Rebellion* (1999), an adaptation of Pushkin's *The Captain's Daughter*, and Valery Todorovsky's adaptation of the same Leskov story, this time entitled *Katya Izmailova* (1995). Todorovsky's film, however, deserves some discussion because it updates the setting to post-Soviet Russia, incorporates elements from other literary works (in particular, *Crime and Punishment*) as well as aspects from Western *film noir*. Todorovsky's film is notable in its embrace of the new cultural freedoms available since the collapse of the Soviet Union, but also in its affirmation that the nineteenth-century literary canon can have relevance for the modern world. In particular, Todorovsky uses Leskov's text and themes to subject the venality and spiritual corruption of the 'new Russians' to satire and scorn.

Another bold and innovative approach to the classical heritage was demonstrated by Sergey Bodrov in his film *A Prisoner of the Caucasus* (1996). The literary antecedent is Lev Tolstoy's 1872 short story of that name, though it also bears the same name of poems by Alexander Pushkin (1822) and Mikhail Lermontov (1828). Both poems focus on the relationship between a Russian officer and a local girl, whereas Tolstoy's story explores the difference in cultures between the 'European' Russian army officers Zhilin and Kostylin, and the 'primitive' mountain tribesmen of the Caucasus. Bodrov takes Tolstoy's subject and characters, but sets his story in the modern period, most specifically the Chechen War of the mid-1990s.

Bodrov's adaptation is a bold and innovative one, showing the Russian military as a brutal occupying force with little respect for local people or customs; moreover, the Chechens are more humane and 'civilized' at the end of the film. Bodrov's was one of several films of the post-Soviet period that explored Russia's relations with its non-Christian neighbours (for instance, Ivan Khotinienko's *The Muslim*, 1995, and Andrei Konchalovsky's *House of Fools*, 2002), and showed that the Tolstoyan text can be adapted and remoulded to articulate contemporary anxieties.

The twenty-first century shows no let-up in filmmakers' desire to make the literary canon relevant to a modern audience. Recent adaptations include Kira Muratova's *Chekhovian Motifs* (2002), which draws together two narratives from various Chekhov texts (rather like Mikhalkov did in *Unfinished Piece for Mechanical Pi-*

ano), to satirize the coldness and cynicism of the 'new' Russians and their relationships [12. P. 102]. Alexander Proshkin's *Live and Remember* (2008) candidly and quite graphically expresses the dilemma of an army deserter returning to his Siberian home, based on a 1974 novella by Valentin Rasputin, exploiting freedoms that were not available to directors when Rasputin wrote what many critics still regard as his finest work. Karen Shakhnazarov's *Ward No. 6* (2010) updates Chekhov's short story to the modern world to show that world perilously close to descending into insanity. Vladimir Bortko's *Taras Bulba* (2009) gave Nikolai Gogol's novel the full Hollywood 'epic' treatment, thus showing a domestic audience that Russian cinema can equal its American rival in the blockbuster department [7]. Bortko has also been responsible for the TV serial adaptations of Bulgakov's *Master and Margarita* (2005) and Dostoevskii's *The Idiot* (2003), and Alexander Proshkin directed the TV serial adaptation of Boris Pasternak's *Doctor Zhivago* (2006). These TV adaptations in particular show reflect the confidence in the Russian cultural media of being able to bring large projects to the screen, and attract a modern audience by making the classics relevant to modern life, and reminding that audience of the greatness of its literary culture.

Science Fiction and Adaptation

One of the first Soviet full-length feature films was an adaptation of a work of science fiction. Yakov Protazanov filmed Alexey Tolstoy's novel *Aelita* in 1924, focusing on an imaginary journey to Mars, and provided the Soviet viewer with an astonishing array of visuals in the sets and costumes designed by the Constructivist artist Alexandra Ekster, thus celebrating the possibilities of what was still a relatively new art form, and which became 'the most famous Russian film of that period' [13. P. 46].

A film that was also very much of its time was *The Amphibious Man*, directed in 1961 by Gennady Kazansky and Vladimir Chebotarev and based on a 1928 novel by Alexander Belyaev. Filmed in colour and with exotic and sensuous visuals, and starring the stunningly beautiful teenager Anastasiya Vertinskaya, the film provided the Soviet viewing public that had largely never travelled abroad with glimpses of exotic lands, replete with sunshine, rugged coastlines and impressive seascapes. In its portrayal of a scientist trying to improve the lot of mankind by developing underwater breathing apparatus, moreover, it also hinted at individual inner freedom and personal choice at a time when Stalin's legacy was still being publicly debated [Ibid. P. 48]. Another of Belyaev's novels, *The Head of Professor Dowell*, written in 1925, was adapted in 1984 by the director Leonid Menaker (as *The Testament of Professor Dowell*), and fully chimes with the anti-imperialist rhetoric of the Cold War at its height.

The most popular and enduring Russian writers of science fiction whose works have been adapted for the screen are the Strugatsky Brothers (Arkady and Boris). Russia's greatest *auteur* Andrei Tarkovsky adapted their 1972 novel *Roadside Picnic* as *Stalker* in 1979, with a screenplay written by them. The film, however, most certainly 'belongs' to Tarkovsky and not the Strugatsky Brothers, as the adaptation features only the bare bones of the original plot (and

relocates it in Russia), but focuses much more on Tarkovsky's perennial themes of family, love and faith: the fate of 'man in the world of a dead God' [14].

Tarkovsky's film was an important statement at a time when Soviet society was at the officially-trumpeted stage of 'advanced socialism', and a bold assertion in an atheistic society that man's materialist progress is doomed if it is not accompanied by his spiritual and moral development (also the central theme of Tarkovsky's earlier foray into science fiction, his adaptation of the Polish author Stanislaw Lem's 1961 novel *Solaris*, released in 1972). In all his films Tarkovsky consistently challenged the ethos of his times, and would assert the primacy of the individual artistic consciousness over totalitarian priorities, but *Stalker* was to be the last film Tarkovsky directed in his homeland.

It can be argued that thematically the most significant literary adaptations in the post-Soviet period have been of works by the Strugatsky Brothers. *Roadside Picnic* may have provided Andrey Tarkovsky with an intellectual broadside against the prevailing relativist ethos of his times, but their 1969 novel *Prisoners of Power* became a 2008–09 cinematic blockbuster intended to put Russian cinema back on the filmgoer's map. Renamed *The Inhabited Island* in a direct reference to Daniel Defoe's *Robinson Crusoe* and directed by Fyodor Bondarchuk, it con-

tained state-of-the-art special effects that would not look out of place in a Hollywood sci-fi spectacular. With its themes of totalitarianism, political repression and rebellion, however, the film can be seen as a subversive call to arms. Alexei German's adaptation of their 1964 novella *Hard to be a God* (2013), a satire on Soviet aspirations towards social perfection, foregrounds physical and material detritus as it explores a dystopian future of failed hopes and distorted ambitions, leaving the viewer with an unambiguous misanthropic vision of human endeavour and potential.

Conclusion

Russian film adaptations of literature have consistently referred to the source text with great respect but also with an eye to their contemporary relevance. The Russian classical and Soviet literary heritage provides a rich repository of cultural values that can be celebrated in any era, but which can also comment on the *mores* of that era, sometimes to satirical effect. What distinguishes the Russian approach to literary adaptation is its espousal of periodization, wherein a film adaptation may reveal more about the time in which it was produced than develop the actual literary original itself.

REFERENCES

1. Gillespie, D. (2003) *Russian Cinema*. London: Longman.
2. Gillespie, D. (2015) Filming the Classics: Tolstoy's Resurrection as 'Thaw' Narrative. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 200. pp. 11–19. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.003
3. Beumers, B. (2009) *A History of Russian Cinema*. Oxford; New York: Berg.
4. Hutchings, S. & Vernitski, A. (eds) (2005) *Russian and Soviet Film Adaptations of Literature, 1900–2001: Screening the Word*. London; New York: Routledge.
5. McFarlane, B. (1996) *Novel to Film: An Introduction to the Theory of Adaptation*. Oxford: The Clarendon Press.
6. Gural, S.K. (1985) *N.V. Gogol' v sovremennom amerikanskom literaturovedenii (Problemy khudozhestvennogo metoda i povestvovaniya)* [N.V. Gogol in contemporary American literature studies (problems of literary technique and storytelling)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
7. Gillespie, D. (2014) Evgenii Popov: a new Gogol' for a new Russia? *The Modern Language Review*. 109:2 (April). pp. 447–461. DOI: 10.5699/modelangrevi.109.2.0447
8. Gillespie, D. (2014) The Art of Literary Adaptation and English-Language Film Interpretations of Russian Literature ('Anna Karenina'). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 30–36. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.107
9. Dobrenko, E. (2008) *Stalinist Cinema and the Production of History: Museum of the Revolution*. New Haven; London: Yale University Press.
10. Gillespie, D. (2014) Mikhail Shveitser's Resurrection: literary adaption as thaw narrative. In: Fitzsimmons, L. & Denner, M.A. (eds) *Tolstoy on Screen*. Evanston, USA: Northwestern University Press.
11. Gillespie, D. (2015) War and patriotism: Russian war films and the lessons for today. In: Branganca, M. & Tame, P. (eds) *The Long Aftermath*. Berghahn Books.
12. Taubman, J. (2005) *Kira Muratova*. London; NY: I. B. Tauris.
13. Kharitonov, E. & Shcherbak-Zhukov, A. (2003) *Na ekrane – chudo* [Miracle on screen]. Moscow: NII Kinoiskusstva; V. Sekachev.
14. Evlampiev, I. (2001) Khudozhestvennaya filosofiya Andrey Tarkovskogo [Artistic philosophy of Andrey Tarkovsky]. St. Petersburg: Aleteya.

FILM ADAPTATION AND CULTURAL POLITICS: THE RUSSIAN APPROACH TO SCREENING LITERATURE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 52–56.

DOI: 10.17223/15617793/413/8

David Ch. Gillespie, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); University of Bath (Bath, United Kingdom). E-mail: d.c.gillespie@bath.ac.uk

Svetlana K. Gural, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: svetlana.gural@mail.ru

Keywords: film adaptation theory; genre; Russian literature; cultural politics; periodization.

Received: 28 November 2016

ЭКРАНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ:

РУССКИЙ ПОДХОД К ЭКРАНИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО МАТЕРИАЛА

Гиллеспи Д.Ч., Гураль С.К.

Издание подготовлено в рамках научного проекта НИР 8.1.38.2015 «Когнитивные, социолингвистические и прагматические аспекты иноязычного дискурса в теоретических и прикладных исследованиях в обучении иностранным языкам».

Экранизация русской литературы всегда достоверно отражает темы, мотивы и персонажи литературного оригинала. Однако они также имеют непосредственное отношение к современному периоду. Русская и советская литература представляет собой богатейшее наследие духовных ценностей, которые могут быть воспроизведены в различных культурных воплощениях в любые времена. Фильмы, снятые по мотивам литературных произведений, также могут затрагивать социально-политические процессы соответствующего периода и показать эти времена с оттенками сатиры. К тому же русский подход к экранизации литературного материала существенно отличается от англоязычного подхода, поскольку он воспроизводит и освещает не только само литературное произведение, но и социально-политический контекст того времени. Следовательно, в дореволюционном русском кино особое значение в популяризации этой «новой» формы визуального искусства имеет экранизация произведений Александра Пушкина, Льва Толстого, Николая Гоголя, Федора Достоевского. Экранизация в советском кинематографе вносит весомый вклад в становление и развитие «Золотого века» советского кино в 1920-е гг., причем фильмы «Аэлита» (1924 г.), «Шинель» (1926 г.), «Мать» (1926 г.) выделяются как шедевры киноискусства мирового масштаба. В 1930-е и 1940-е гг. в экранизациях классических литературных произведений, в частности пьес Александра Островского, литературные героини XIX в. были «завербованы» в ряды положительных героев социалистического реализма. В период хрущевской «оттепели» такие фильмы, как «Дама с собачкой» (1960 г.) и «Воскресение» (1960–1962 гг.), освещали нормы общечеловеческих ценностей и нравственности, которые особо подчеркивались в постсталинский период. В 1960-е и 1970-е гг. экранизации остались по-прежнему популярными и получали положительные критические отклики, но и показали, что советские кинорежиссеры могут воплотить на экране шедевры классической русской литературы («Война и мир», 1965–1967 гг., «Братья Карамазовы», 1968 г., «Анна Каренина», 1968 г., «Преступление и наказание», 1969 г.) так же крупномасштабно и качественно, как их голливудские коллеги. Экранизации постсоветского периода вполне отражают новые свободы тех времен, особенно в области интимных человеческих отношений, и многосерийные телевизионные экранизации последних лет («Идиот», 2003 г.; «Мастер и Маргарита», 2005 г.; «Доктор Живаго», 2006 г.) делают русское литературное наследие доступным молодому поколению. Особое место в истории и типологии русского отношения к экранизации имеет научная фантастика. Такие фильмы, как «Человек-амфибия» (1961 г.) и «Завещание Профессора Доуэля» (1984 г.), продвигают понятия советских научных инноваций, так же как «Солярис» (1972 г.) и «Сталкер» (1979 г.) Андрея Тарковского представляют собой наглядное пророческое предупреждение о пагубных последствиях для человеческой цивилизации безбожного мира, мира, где отсутствует любовь к ближнему.

Ключевые слова: теория экранизации; жанры; русская литература; политика; периодизация.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 ноября 2016 г.

NORMATIVE APPROACH TO ETHNOMATHEMATICS: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL GROUNDS

The article presents the results of a theoretical analysis of linguistic and philosophical grounds of ethnomathematics. The authors focus their attention on the basic mechanisms involved in the process of acquisition of scientific concepts – their perception and putting them into practice. The specific features of perception of scientific terms are treated according to Luria's theory, and the practical aspect is analysed in connection with Wittgenstein's theory of language games that describe the normative potential of language.

Keywords: ethnomathematics; normative approach; concepts; perception; language; practice.

The 21st century seems to have put an end to the tendency of opposing different subjects and spheres. Globalization of the majority of world processes leads to global integration of knowledge. This assumption forms the basis of the present research that is aimed to treat the rapidly developing sphere of ethnomathematics from the point of view of some basic psycholinguistic and philosophical ideas by L. Wittgenstein, A. Luria and other researchers.

The term “ethnomathematics” was introduced to the American Association for the Advancement of Science by the Brazilian scientist U. D'Ambrosio, since then it has evolved into a sphere that covers a wide range of ideas and research results on the interrelation of mathematical concepts with cultural phenomena. Naturally, such an understanding of mathematics opens new perspectives for mathematical research and teaching of mathematics [1. P. 44].

It should be underlined that ethnomathematics became widely known due to its positive contributions to the spheres of philosophy, history and pedagogy of mathematics. According to A. Pais the prefix “ethno” has modified the value of mathematics for social sciences by putting it in the world of people, practices and languages and established an unprecedented social, historical, economic and political criticism aimed at today's hegemony of mathematical knowledge that has served as a resource for various practices of domination [2. P. 33].

In fact, it is convenient to remember that ethnomathematics program of D'Ambrosio emerges not only from the general discussion on ethnoscience, but also from the conception that appeared in the United States in the form of the so-called multiculturalism. According to Stathopoulou, ethnomathematics embraces along with the strengths and weaknesses of the variety of ethnosciences the practices that arise from an appreciation of the cultural contexts of human experience [3. P. 27].

In fact, whatever the sense granted to the “etno” prefix, it refers to the human being as a planetary identity characterised by a unity of its cognitive and biological process. The anthropological structuralism of Levi Strauss with his thesis of permanence of symbolic functions, combined with the linguistic structuralism of Saussure in relation to the meaning of words, were both used by Jean Piaget in the organization of his thesis of cognitive structuralism of the human species. On the other hand, by following in a certain way social structuralism in a Marxist perspective, Vygotsky looks for the social and cultural origin of basic cognitive processes in the so-called historical-cultural approach. In his conception the structure of thinking depends on the structure of activities that are

typical for different cultures. Furthermore, language has a very important cognitive and communicative function; that is why language performs a mediator role in the act of knowing. Thus, the meaning of the words is actually a generalization, a concept, a referent that allows us to get to know objects and phenomena by means of their correlation with our experience.

At this point we turn to the conception of the socio-cognitive structuralism with a focus on individual and collective processes. For both, albeit the existing diversity, there is a consideration of human beings as possessing something in common, some universal features. Therefore, if the human being is unique and universal in his mental process, but extremely diverse in what he produces, we should get closer to the social and cultural reality of the other person to interpret his / her cultural production different from ours though subject to the universal mental processes common for any human being [4. P. 48].

This “rapprochement” with socio-cultural reality is in the spirit of contemporary multiculturalism: different cultures would be the result of different ways in which several human groups submitted to different environmental and historical conditions develop their creativity, which is a common characteristic of the whole humanity [5. P. 57]. In this way we see that “culture” as a concept becomes a tool, a resource used to think of mathematical ideas and the process of their learning and teaching. Terms and notions such as mathematical acculturation, mathematical enculturation (Bishop, 1988), family background, and socio-cultural reality gain space in discussions about pedagogical situations. According to Stathopoulou, culture provides a lens for understanding concepts with their variations [3. P. 31].

Therefore, D'Ambrosio believes culture to be a condition of ethnomathematics: “the mathematics which is practiced among identifiable cultural groups such as national tribe societies, labor groups, children of certain age brackets and professional classes” [1. P. 45]. A number of ethnomathematical studies focus on the study of relationships between mathematics in and out of schools, by looking for methodological and didactic possibilities through a critical position about school curriculum and teacher training programs [6–9]. Likewise, their conclusions suggest that teachers should develop their classroom practices by recognizing knowledge and strategies from cultural environment in relation to institutionalised mathematical knowledge. In addition to this, discussions about social practice, identity, diversity and difference have also been prominent.

For years now, several criticisms have been built on ethnomathematics [2, 10–14] mainly those that address the issues of contextualised teaching; use and application of mathematics via modeling process, search of sense and meanings for mathematical concepts in the experience of students, etc. Most of these studies are focused on the relationship between mathematics and culture. We agree with Stathoupoulou that culture in anthropological and sociological sense has carried along with it very important political implications. However, under this understanding, ethnomathematics has not sufficiently helped students learn mathematics. According to Stathoupoulou “It might be more accurate to say that the concept of culture has functioned more as an obstacle to learning” [3. P. 34].

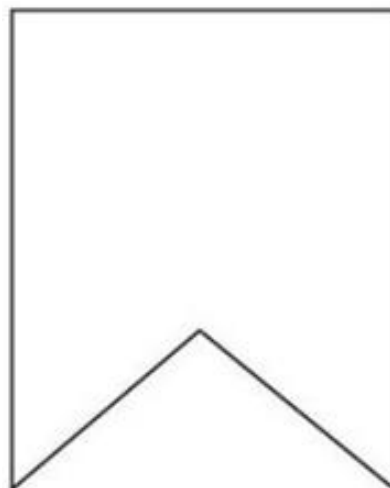
At the moment we think of reconsidering what has been said by cognitive sciences mainly with respect to the structure of thought and its relation with culture as well as the premises of multiculturalism about diversity and identity. In a global world that operates multiple intra- and intercultural contacts, how can we define borders or cultural categories of identity from which some senses can be given to mathematical concepts? Why should a teacher look for empirical support in cultural environments of meanings of mathematical terms, why not search for those meanings in mathematical science itself? After all, why does the human mind become the source of meaning and action?

Stathoupoulou [Ibid. P. 36] believes that the borders between categories and even identity categories are permeable. For example, a Catholic Latina girl in a North American classroom may or may not have an experience coinciding with what her teacher might expect of a learner of a different origin. Each learner is likely to be determined by a set of cultural contexts that form part of his / her life; at the same time, being individuals, learners have a repertoire of behaviors and ways of making meaning out of experiences that are specific to them. In this respect we should better investigate into the sphere of relation between learner’s cultural and social context, his / her experience and ways of making out meaning.

By taking a multicultural point of view we also notice how the notion of cultural context transforms the concept of culture, making it more general. Some inquiries about the cultural context require us to revisit studies not only about cognition and practice, but also about language. For this purpose, we will be taking into account some ideas developed by Wittgenstein in his “Philosophical investigations” and other authors referring to language and its constitutive characteristic of reality. From our point of view, it is important to assume a normative approach.

Conditioned perception and formation of theoretical knowledge

The close interrelation between linguistic and cultural background of learners and their cognitive abilities may be illustrated by a simple example from teaching practice. In a class of geometry in a graduate course of pedagogy in the Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil) a professor showed figure on Picture 1 and asked his students: (1) “What is the name of this figure?”.

Picture 1

Immediately all students answered: “It’s a St. John’s flag” (Picture 2).

Picture 2

Midsummer, also known as **St. John’s Day**, is the period of time in north hemisphere centred upon the summer solstice. Celebrations take place on a day between June 19 and June 25 and the preceding evening. The exact dates vary between different cultures. In Brazil even as a country to the south is not different. The Christian Church designated June 24 as the feast day of the early Christian martyr St. John the Baptist, and the observance of St. John’s Day begins the evening before, known as St. John’s Eve. In Brazilian schools this party is part of the curriculum.

Right after this answer the professor reformulated the question and asked them: (2): If I consider the number of sides, what is the name of this figure?” Among different mathematical terms somebody said: “Pentagon”.

It seems interesting to find out why students were not able to say “Pentagon” in the first place, considering the a context of a mathematics classroom and most of them are planning to teach mathematics in future? What was the change in question 2 that made the expected answer finally arrive? What was provided by the question (2) that the concrete object-oriented perception changed for a geometrical abstract perception? Incidentally, was it more related to the context of language or to that of the kind of activity?

In his research about perception, Luria tells us that the extent to which the perception of subjects who attended school where they mastered abstract geometrical concepts (triangles, squares, circles) differs from that of subjects grown up under the influence of only concrete, object-oriented, practical activities by referring to the names of figures as mountains, doors and coins. Even though he also warns us that it is possible that culturally advanced subjects give concrete object names in isolated instances, the author does not give any explanation whatsoever [15]. Thus, Luria's conclusion did not answer our questions, but it led us to examine his research about deduction and inference on the use of syllogisms. This is because the described situation of naming "a pentagon" seemed to refer much more to how language was involved than to the question of practical activity or attending school.

Syllogisms are sets of individual judgments of varying degrees of generality in certain objectively necessary relationships to one another, e.g.: "Precious metals do not rust, gold is a precious metal; hence, does it rust or not?" [Ibid. P. 104]. According to Luria, a human being whose theoretical thought processes are well developed would perceive the first and second premises as a completed logical relation implying the conclusion, which does not require any personal experience: it happened through a syllogism created objectively by historical experience [Ibid. P. 101]. Most of the subjects investigated by him with little or no school experience seemed not to accept the syllogisms as unified logical systems and very few of them perceived their universal character. They refused to make any inferences about them if they did not correspond to their own experience and cultural context of their lives. On the other hand, subjects with some regular schooling activities or systematic instruction yielded gradually to assume universal judgements with features of abstract verbal and logical deduction. Once more it shows that school activity has its importance in developing the so-called theoretical thought.

But Luria suggests also that this non-acceptance is in relation to "following rules". "For the illiterate subjects, the process of reasoning and deduction associated with immediate practical experience follows well-known rules. These subjects can make excellent judgements about facts of direct concern to them and can draw all the implied conclusions, displaying no deviation from the "rules" and revealing much worldly intelligence" [Ibid. P. 114]. Rules such as: "one could only judge / speak what one has seen"; or "one should not lie" were followed by subject not only to show that the answer to a syllogism should result from their own experience, but also to underline that following these rules has a moral or religious connotation for them. Even though, when those subjects were asked: "What do my words suggest?" they agreed to draw a conclusion answering: from your words it should be that <...> [Ibid. P. 110].

We should point out Luria's perception of practical activity dissociated from school activity, which leads us to opposing of theoretical reasoning to practice-based reasoning. He also attaches the key role to the linguistic aspect, i.e. to the words. Luria's perception in this respect coincides with the conclusion that school activity is perceived as an element outside of cultural life. When the students answered the professor's question about penta-

gon "It's a St. John's flag" they were referring to something from their "practical activity". When the question was reformulated, the professor suggested that they follow a new set of rules to follow.

It should be highlighted that according to Luria, "our intellectual operations involve verbal and logical systems, which comprise the basic network of codes along which the connections in discursive human thought are channelled" [15. P. 101]. If theoretical thought develops, the system of codes will consequently become more and more complex by including not only words (more precisely, meanings, which have a complex conceptual structure) and sentences (whose logical and grammatical structure allows them to function as the basic tools of judgment) but also more complex verbal and logical "devices" that make it possible to perform different operations of thinking without reliance on direct experience.

In other words, theoretical thought would reveal a universal cognitive process that would be discursively focused on certain meanings of words and grammatical structures. Here, the discourse formation process is assuming the role of reflecting our way of thinking, as a mirror that describes it and represents it. In this case, the syllogisms present to Luria, first of all, a way of thinking in which language is exclusively a means of communication. Indeed, syllogisms could be a manner of speaking, a game of words, where structuration follows certain rules and conditions such as accepting the universality of premises, establishing logical hierarchies between them, and not really requiring any empirical correspondence.

Regulation of activity by language rules: Wittgenstein's language games

According to Wittgenstein, speaking a language is a part of an activity, of a way of life. Speaking is an activity regulated by rules connected with extralinguistic factors; following rules is a part of our speech production practices related to their background [16]. Thus, imagining a language is also imagining a way of life. According to Wittgenstein, the way of life embraces all our habits, manners, lifestyles, actions, behaviors, institutions on which our activities are based. And the way of life is closely interrelated with language. Thus, the notion of the way of life – without borders and cultural limitations – is drawn near to the notion of practice in a large sense [17. P. 23].

For this purpose, Wittgenstein coins the term "language games" not only to establish the ruled character of linguistic activities, but also to understand how people interact according to their forms of life and practices that they carry out [18]. Thereby, cooking, farming or business as well as explaining, imagining, describing, questioning, reporting, are all practices, language games and they can take place within and across different domains or subfields. It is also because of this rule-governed character of language games that the meanings of words emerge from uses we make of them in certain situations.

What is the meaning of a word? Wittgenstein would tell us this question is wrong since it suggests just one and definite answer. It depends on which language games are in use and their corresponding set of activities. If we treat the following example: what is the meaning of the word

“two”? “Two” could be a quantity, the second after the first, a pair number, and a prime number. “Two” could mean the second position in a competition or a second choice. “Two” also means a couple, a complement, and an opposition. Indeed, there are many possible interpretations of the word “two”. All these meanings are possible, according to Wittgenstein, we need a language game to choose the right one [17. P. 96].

This pragmatic approach allows us to consider the relation of language to thought not only in performative and communicative functions, but also in a constitutive one regarding everything we know as reality. Thinking is something like speaking to oneself. The way one understands the world is the own-way of being in the world. Language is the own lived and practiced world, simultaneously tool and construction [19. P. 43]. As much as a game, language guides us to understanding of different objects of the world, e.g. what’s the meaning (or reality) of word “two”? In Wittgenstein’s conception, the structure of a language is the structure of reality. Hence, choosing the more adequate meaning is the result of following a rule in relation to a system of references, which works as a horizon of intelligibility.

This point of view also demands for human activities to be considered as complex ruled-governed dynamic and inter-related games, and the culture is not represented as a system of structures but the variable result of interchanges between different activities. Likewise, there is no priority of theory over practice. Neither there is, in the case described by Luria, a priority of school activity over practical experience, as it is impossible to establish any relationship between mathematics learning and of school.

To Wittgenstein, practice is a priority conceived in relation to our actions, forms of life and language accordingly [20. P. 105]. Here, we should highlight the interpretation given by T. Schatzki to Wittgenstein’s words. To him, practices are, first of all, organized nexuses of activity, open-ended sets of doings and sayings organized by understandings, rules, and teleoaffective structures. Teleoaffective structure is a linking of ends, means, and moods appropriate to a particular practice or set of practices and that governs what it makes sense to do beyond what is specified by particular understandings and rules [21. P. 56].

Moreover, the actions that compose a practice are either bodily doings and sayings or actions that these doings and sayings constitute. By ‘bodily doings and sayings’ he means actions that people directly perform bodily and not by way of doing something else. To say that actions are ‘constituted’ by doings and sayings is to say that the performance of doings and sayings equals carrying out the actions [22. P. 53].

People, however, are always carrying out a definite practice. Indeed, actions presuppose practices. We may conclude that both people’s actions and the order of their actions are subject to rules of practice organization. Thus, practices establish social order, first, because they help to mold the practical intelligibility that governs their practitioners’ actions and thereby help to determine the arrangements that people bring about [Ibid. P. 62].

According to A. Miguel, combination of organized activities and bodily doings and sayings, resembles how

Wittgenstein described his “language games” and their rule-following features. We always practice the language with the whole body and not just with culturally ruled vibratory sounds emitted by our vocal cords. In this sense, to perform a practice is the same as to perform a ruled language game; that is, both attempts involve disciplining the body in order to make it follow the rules of that game [23. P. 20].

It is important to remember that the Greek words *praxis* [practice] and *pragma* [action] refer to the same ancient Greek verb *prasso*, which meant: “to perform,” “to carry out”, “to act”, “to stage”, and “to represent”. Thus, language treated as *praxis* suggests that practicing a language game resembles directly performing a stage play; that is, participating directly in a scenic bodily representation. In short, Wittgenstein meant the word “practice” as a direct symbolic-bodily performance of rules that are not open to interpretation because they are based on common ways of doing and saying by human beings [24. P. 621].

We may illustrate this idea by the case of postmen involved in the “world of post” based on the “number” of postal codes. They realize their bodily practices of spatial orientation and localization in a way so that a letter can arrive unequivocally to the addressee. This is because, in the normatively ruled “game” of the Postal Code, the rules governing the meaning that should be given to the “number” that participates in that game are the same rules that should also guide the rule-governed bodily performances of the postman so that a letter can arrive, unambiguously, at the address indicated on the envelope [24. P. 625]. But what if at the end of the process the letter got lost? If that problem occurs, we should investigate the empirical grounds that have nothing to do with the meaning of postal code which has governed the rule-governed game of that practice.

This reflection led us to the idea that the meanings of figures (such as in the case of pentagon), numbers (like the number 2) and actions (such as these of a postman) may be conditioned rather by the performative practices and specific rules than by cultural background or empirical conditions. Obviously, there is a material base in any performed action but it makes sense and produces meanings in relation to a language game.

In that sense, we can also consider mathematics as practices, as language games or at least as a set of rules that govern our ways of doing and saying in composing practices. “Why should I not say that what we call mathematics is a family of activities with a family of purposes?” [18. P. 273]. No more as a static domain of knowledge with fixed meanings, mathematics can also be treated as a domain of propositional and conceptual knowledge. In this context we can say at least that mathematics is a set of rules that govern our ways of doing and saying certain scientific and school practices.

Thereby, Wittgenstein offers us an understanding of mathematics in action. According to him, in one sense, mathematics is a body of knowledge, but still it is also an activity [Ibid. P. 238]. That is, mathematics comprises heterogeneous and dynamic sets of rule-governed symbolic representations.

Many contemporary readings [25–27] of Wittgenstein’s reflections about mathematics have pointed out

that the originality of these reflections has been, primarily, their contribution to the emergence of a normative conception of mathematics that cannot be made compatible with logicist, intuitionistic, formalistic, or conventionalist conceptions, or even with some recent anthropological conceptions like ethnomathematics. In addition, we can see primarily numbers, pentagons, or algorithms as being invariably mathematical objects but they are, first and foremost, signs whose meanings are assigned in relation to performances and actions guided by rules and purposes.

Normative approach to ethnomathematics

As we said previously, normative approach points out a series of developments on issues such as language, practice, culture, mathematics, rules-following and subjects, which modify not only our understanding of ethnomathematics research, but also that of mathematics education as a whole. This is a way of explaining arguments for ethnomathematical research in the future.

First of all, we consider that the concept of culture could yield its place to the Wittgensteinian notion of practice which is related also to the notion of forms of life, breaking down every universal and structural feature of the human being, its social and cultural experience and its thought. This conception of practice does not allow us to accept the notion of cultural context as it is treated by multiculturalism, i.e. as “the place” or environment where the process of meaning happens. Although Wittgenstein admits the interpretation of the cultural context, suggested by the multiculturalism, he uses the notion of “forms of life” to refer to different fields of human activity which are open, socially established and historically situated forms of organization of human interactions.

In the philosophical investigations, Wittgenstein did not speak of language games and forms of life in a unique way. The normative feature of language games guides senses, meanings for all the actions we carry out and different objects we manipulate. According to the activity of rule-following, any existence of essential and universal concepts is impossible to be constructed, discovered or applied. Thus, a question of the type “What is X?” makes no sense. Attribution of meaning as symbolic activity is in accordance with the rules of language games that guide performances and actions. With respect to “mathematical objects”, mathematical signs, or even to the term “mathematics”, there is a need of a practice regulating and guiding their conditions, properties, and understandings. Due to their symbolic nature, mathematical concepts condition

the rules of their interpretation and application, thus, forming “mathematical games” that we believe to be a type of Wittgenstein’s language games.

It is important to point out that in Wittgensteinian understanding of practice the difference between “to know” and “to know how to do” does not exist. This is because there is no distinction between theoretical thought and empirical practice. The normative condition of language imposes a normative condition of knowledge. Hence, practicality and knowledge are both constitutive of the unique process. Such reasoning would also help us to problematize the conception of mathematical knowledge such as “pure” versus “applied” and “theoretical” versus “practical”, as well as the issue of the very conception of learning associated to them. Besides, all these ideas may significantly affect current uses of empirical contexts or cultural environments in teaching mathematics.

Finally, we can say that in the context of ethnomathematics, knowledge will not be seen anymore as mathematical knowledge practiced among identifiable cultural groups but as a group of knowledge that in normative condition constitute actions and models of behavior involving permeable identities. According to Wittgenstein, practices establish social orders, their capacity to create rules mold the intelligibility horizon that governs their practitioners. Thereby, we can differentiate between “practice of subjects” and “subjects of practice”. The difference between these two concepts is fundamental. The first one considers that subjects are the origin of actions whose features are intrinsic. The existence of the “subjects of practice” suggests that the subjects are results of practices, i.e. I am a cooker when cooking; teacher when teaching; learner when learning, etc.

We would like to conclude that all these ideas serve to think and open new paths of research. They are not immediately new solutions for old problems, they merely pretend to contribute to the debate. According to Bloor, it is dangerous to give too quick and easy assent to Wittgensteinian ideas without an adequate appreciation of the underlying arguments [20. P. 112]. The arguments alone mark the difference between depth and superficiality in this area. For example, notice that the conclusion is not that rules are institutions merely in the sense of them being widely accepted. The point is that rules are socially constituted, where the manner of constitution can be identified in terms of self-referential processes. The very ontology of rules is social and grounded in patterns of interaction. The detailed arguments have been worked through in order to make this deeper reading available and to prevent the trivialization of Wittgenstein’s conclusion.

REFERENCES

1. D'Ambrosio, U. (1985) Ethnomathematics and its place in the history and pedagogy of mathematics. *For the Learning of Mathematics*. 5(1). pp. 44–48.
2. Pais, A. (2012) A investigação em Etnomatemática e os limites da cultura [Research in Ethnomathematics and the Limits of Culture]. *Revista Reflexão e Ação*. 20:2. pp. 32–48.
3. Stathopoulou, C. & Appelbaum, P. (2016) Dignity, recognition and reconciliation: forgiveness, Ethnomathematics and mathematics education. *RIPEM*. 6:1. pp. 26–44.
4. Campos, M.D. (2002) Etnociência ou etnografia de saberes, técnicas e práticas? [Ethnoscience or ethnography of knowledge, techniques and practices?]. In: Amorozo, M. C., Ming, L.C. & Silva, S.M. *Métodos de Coleta e Análise de Dados em Etnobiologia, Etnoecologia e Disciplinas Correlatas* [Methods of Data Collection and Analysis in Ethnobiology, Ethnoecology and Related Disciplines]. Rio Claro: UNESP/CNPq.
5. Silva, T.T. (2010) *Documentos de identidade: uma introdução às teorias do currículo* [Identity papers: an introduction to curriculum theories]. 3ed. Belo Horizonte: autêntica.

6. Powell, A.B. & Frankenstein, M. (1997) *Ethnomathematics – Challenging Eurocentrism in Mathematics Education*. Albany, NY: State University of New York Press.
7. Ribeiro, J.P.M., Domite, M.C. & Ferreira, R. (2004) *Etnomatemática: papel, valor e significado* [Ethnomathematics: role, value and meaning]. São Paulo: ZOUK.
8. Knijnik, G., Wanderer, F. & Oliveira, C. (2004) *Etnomatemática: Currículo e Formação de Professores* [Ethnomathematics: Curriculum and Teacher Training]. Santa Cruz do Sul: Edunisc.
9. Monteiro, A., Sena, E.G. & Santos, J.A. (2007) Etnomatemática e prática social: considerações curriculares [Ethnomathematics and social practice: curricular considerations]. In: Mendes, R.J. & Grando, R.C. *Múltiplos olhares matemática e produção de conhecimento* [Multiple views on mathematics and knowledge production]. São Paulo: Musa Editora.
10. Bampi, L.R. (2003) *Governo Etnomatemático: tecnologias do multiculturalismo* [Ethnomathematical Government: technologies of multiculturalism]. Thesis (Doctorate in Education). Porto Alegre: Faculty of Education, Federal University of Rio Grande do Sul.
11. Bello, S.E.L. (2000) Etnomatemática: entre o discurso Acadêmico e a produção social do Conhecimento [Ethnomathematics: between the Academic discourse and the social production of knowledge]. *Anais do Primeiro Congresso Brasileiro de Etnomatemática – CBEmI* [Annals of the First Brazilian Congress of Ethnomathematics – CBEmI]. São Paulo: FE-USP. p. 95–103.
12. Bello, S.E.L. (2004) Identidade Cultural ou culturas: contribuições ao campo teórico da Etnomatemática [Cultural Identity or cultures: contributions to the theoretical field of Ethnomathematics]. *Anais do II Congresso Brasileiro de Etnomatemática* [Annals of the II Brazilian Congress of Ethnomathematics]. Vol. 1. Natal: EDUFN. pp. 153–158.
13. Bello, S.E.L. (2010) Jogos de linguagem, práticas discursivas e produção de verdade: contribuições à educação (matemática) contemporânea [Language games, discursive practices and production of truth: contributions to contemporary (mathematics) education]. *Zetetike*. 18 (3). pp. 549–592.
14. Vilela, D.S. (2007) *Matemáticas nos usos e jogos de linguagem: Ampliando concepções na Educação Matemática* [Mathematics in the uses and games of language: Extending conceptions in Mathematics Education]. Thesis (Doctorate in Education). FE- UNICAMP.
15. Luria, A.R. (1976) *Cognitive development: its cultural and social foundations*. Cambridge, MA: Harvard University press.
16. Wittgenstein, L. (1998) *Culture and value*. Oxford (UK): Blackwell Publishers.
17. Wittgenstein, L. (2005) *Investigações Filosóficas* [Philosophical Investigations]. 4 ed. Petrópolis: Vozes.
18. Wittgenstein, L. (2009) *Philosophical investigations*. Rev. 4th. ed. UK: Blackwell Publishing Ltd.
19. Paltrinieri, L. (2011) Pratique et Langage chez Wittgenstein et Foucault [Practice and Language in Wittgenstein and Foucault]. In: Gros, F. & Davidson, A. *Foucault et Wittgenstein: de possibles rencontres* [Foucault and Wittgenstein: possible encounters]. Paris: KIME.
20. Bloor, D. (2001) Wittgenstein and the priority of practice. In: Schatzki, T.R., Cetina, K.K. & Savigny, E. von. (eds) *The practice turn in contemporary theory*. London, New York: Routledge.
21. Schatzki, T.R. (1996) *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. New York: Cambridge University Press.
22. Schatzki, T.R. (2001) *Practice minded orders*. In: Schatzki, T.R., Cetina, K.K. & Savigny, E. von. (eds) *The practice turn in contemporary theory*. London, New York: Routledge.
23. Miguel, A. (2014) Is the Mathematics Education a problem for the school or is the school a problem for the mathematics education? *RIPEM*. 4:2. pp. 5–35.
24. Miguel, A. (2015) Deconstructionist grammatical therapy as a (Historiographical) Research Attitude in (Mathematics) Education. *Perspectivas da Educação Matemática*. 8. pp. 607–647.
25. Gottschalk, C.M.C. (2004) A natureza do conhecimento matemático sob a perspectiva de Wittgenstein [The nature of mathematical knowledge from the perspective of Wittgenstein]. *Cadernos de História e Filosofia da Ciência*. 14(1). pp. 1–32.
26. Gottschalk, C.M.C. (2007) Três concepções de significado na Matemática: Bloor, Granger e Wittgenstein [Three conceptions of meaning in Mathematics: Bloor, Granger and Wittgenstein]. In: Moreno, A.R. *Wittgenstein: aspectos pragmáticos* [Wittgenstein: pragmatic aspects]. *Coleção CLE*. 49. pp. 95–133.
27. Shanker, S.G. (1987) *Wittgenstein and the turning-point in the Philosophy of Mathematics*. New York: State University.

Received: 12 December 2016

NORMATIVE APPROACH TO ETHNOMATHEMATICS: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL GROUNDS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 57–63.

DOI: 10.17223/15617793/413/9

Jean-Claude Régnier, Lumière Lyon 2 University (Lyon, France); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jean-claude.regnier@univ-lyon2.fr

Samuel Edmundo Lopez Bello, Federal University of Rio Grande do Sul (Porto Alegre, Brazil); Lumière Lyon 2 University (Lyon, France). E-mail: Samuelbello40@gmail.com

Ekaterina M. Kuznetsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evoinel@gmail.com

Keywords: ethnomathematics; normative approach; concepts; perception; language; practice.

НОРМАТИВНЫЙ ПОДХОД К ЭТНОМАТЕМАТИКЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Рень Жан-Клод, Белло Самюэль Эдмундо Лопес, Кузнецова Екатерина Михайловна

Издание подготовлено в рамках научного проекта НИР 8.1.38.2015 «Когнитивные, социолингвистические и прагматические аспекты иноязычного дискурса в теоретических и прикладных исследованиях в обучении иностранным языкам».

Изменения, произошедшие в науке в XXI в., фактически положили конец традиции противопоставлять различные науки и их отрасли. Глобализация основных мировых процессов привела к глобальной интеграции знания. Это предположение лежит в основе данного исследования, направленного на анализ активно развивающейся сферы этноматематики в контексте некоторых основных психолингвистических концепций Л. Витгенштейна, А. Лурии и других ученых. Термин «этноматематика» был впервые введен бразильским ученым Д'Амброзио. Сегодня этноматематика стала широкой сферой исследований о взаимосвязи между математическими понятиями и явлениями культуры. В настоящее время требуется переоценка сложившихся представлений о структуре сознания, взаимосвязанного с культурой, так как в условиях глобализации размываются границы идентичности, которые, по мнению Д'Амброзио и его последователей, определяли особенности усвоения математических понятий. По мнению Статулу, границы идентичности в настоящее время проницаемы, и в образовательном контексте особенности восприятия учащихся определяются целым набором культурных контекстов их жизни и, в то же время, набором моделей поведения и выявления смысла, усвоенным из личного и социального опыта. А. Лурия проводил

экспериментальное исследование особенностей восприятия математических понятий и формирования теоретического знания у респондентов, освоивших основные понятия в школе, и респондентов, не посещавших школу. В результате исследования было выявлено, что школьные занятия способствуют формированию теоретического знания. Однако неверным был бы вывод, что респонденты, не прошедшие школьного обучения, не имеют способностей к теоретическим рассуждениям и обобщениям. По мнению А. Лурия, отличие их результатов обусловлено тем, что они руководствовались другими правилами и моделями речемыслительного поведения и им сложно было мыслить без опоры на практический опыт. Следование правилам лежит в центре концепции языковых игр Л. Витгенштейна. Речь в его концепции воспринимается как деятельность, регулируемая правилами, связанными с экстралингвистическими факторами. Следование правилам, связанным с системой культурных, социальных и личных контекстов, является частью продуцирования речи человеком. Таким образом, значение речевых единиц и, вместе с ними, знаков и понятий возникает из их употребления в конкретных ситуациях. В то же время языковая игра регулирует систему правил для деятельности. Любая деятельность имеет материальную сторону, но значение этой деятельности может быть усвоено только во взаимосвязи с языковой игрой. Опираясь на концепцию Л. Витгенштейна, мы можем заключить, что в контексте этноматематики основные понятия больше не могут рассматриваться как элементы математического знания, соотнесенные с определенными культурными группами, но как подчиненная определенным правилам система знаний, которая включает действия и модели поведения, пути речемыслительной и материальной деятельности в условиях пронизываемых идентичностей.

Ключевые слова: этноматематика; нормативный подход; концепты; восприятие; язык; практика.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 декабря 2016 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(571.5)192

Е.Н. Афанасова

ФОРМИРОВАНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА ДОШКОЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-х гг.

Проанализировано формирование кадрового состава дошкольных учреждений в 1920–1930-х гг. в Восточной Сибири. На основе использования материалов центральных и региональных архивов изучены механизм и уровень подготовки персонала детских учреждений, особенности формирования кадрового состава в национальных регионах Восточной Сибири. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что для кадрового состава дошкольных учреждений изучаемого периода были характерны невысокий уровень профессиональной подготовки ввиду массового использования краткосрочной курсовой подготовки, высокая интенсивность смены кадрового состава, неудовлетворительная оплата труда.

Ключевые слова: дошкольные учреждения; Восточная Сибирь; кадровый состав.

Одним из мероприятий государственной социальной политики в отношении материнства и детства в 1920–1930-х гг. стало создание и развитие системы дошкольных учреждений. Введение всеобщей трудовой повинности и, как следствие, необходимость сочетания материнства с участием в производственных отношениях, а также идея массового общественно-политического воспитания детей превратили дошкольные учреждения в важнейший социальный институт.

Первые работы, посвященные созданию и развитию системы дошкольных учреждений в советский период, появились в 1920–1930-х гг. Среди авторов можно отметить С.А. Бахмутскую [1], О.Д. Соколову-Пономареву [2], А.Б. Генса [3, 4], Н.В. Мананникову [5, 6]. Они были современниками описываемого ими исторического периода и находились под влиянием действующей политической идеологии. Труды 1920–1930-х гг. в большинстве случаев носили практический характер. На региональном уровне проблема развития дошкольного воспитания затрагивалась в работах С.И. Кошкиной [7] и Г.А. Савенковой [8]. На современном этапе изучение создания дошкольных учреждений в Восточной Сибири отражено в работах З.Б. Лопсоновой [9], Г.Г. Филиппова [10], О.В. Папиной [11], Л.В. Афанасьевой [12]. Несмотря на представленные исторические исследования малоизученным остается вопрос кадрового обеспечения учреждений дошкольного воспитания на территории Восточной Сибири в 1920–1930-х гг.

Кадровый состав выступал в качестве одного из факторов, определяющих эффективность функционирования дошкольных учреждений. Советское государство, отказавшись по идеологическим причинам от активного использования педагогического персонала, подготовленного в предыдущий период, столкнулось с проблемой необходимости формирования кадрового состава.

Полное отсутствие подготовленных сотрудников ввиду пребывания системы дошкольного воспитания в состоянии начального организационного оформления в 1920-х гг. на территории Восточной Сибири вынуждало региональные органы народного образо-

вания искать механизмы, позволяющие в короткий срок подготовить педагогический персонал для создаваемых дошкольных учреждений.

Основной формой обучения в 1920–1930-х гг. были краткосрочные курсы, предполагающие возможность подготовки в течение нескольких месяцев воспитателей и заведующих.

В начале 1920-х гг. нередко процесс подготовки персонала опережал создание дошкольных учреждений, и обученные воспитатели были призваны стать организаторами детских садов. Так, в 1920 г. по предложению уполномоченного Сибревкома М.К. Аммосова группа якутов в составе семи человек проявила желание организовать в Якутии детские площадки [13. Л. 17]. Для предварительного ознакомления с теоретическими основами и практическим опытом дошкольной работы они были отправлены на трехмесячные курсы в г. Иркутск. 10 июня 1920 г. после возвращения в Якутск была образована дошкольная секция, состоявшая вначале из одного инструктора и шести заведующих детскими площадками. Имея ограниченный штат работников секции, было решено начать работу в городском масштабе, открыть на летний сезон три площадки. На них работали 12 руководители, из них шесть не имели практического опыта, но прослушали курсы, и шесть не имели теоретической подготовки и практического опыта.

Начало 1920-х гг. характеризовалось высокой интенсивностью смены кадрового состава. Так, с 1920 по 1922 г. сменилось девять заведующих дошкольной секцией в Якутии, не было постоянного состава воспитателей и заведующих детских садов [Там же].

Образовательный уровень сотрудников дошкольных учреждений Восточной Сибири в 1920-х гг. был недостаточно высоким. Так, в трех созданных детсадах в г. Якутск в первой половине 1920-х гг. отсутствовали воспитатели с высшим образованием, всего два человека из девяти имели специальное образование, у семи сотрудников было среднее образование [14. Л. 118].

На качестве воспитательной работы сказывалось количество педагогического персонала, которое в течение 1920-х гг. оставалось недостаточным. Так, в

детском саду «Детский труд» Якутской АССР на 60 детей в 1926 г. приходилось только два воспитателя, что снижало качество воспитательной работы [15. Л. 7].

Отсутствие грамотных кадров со специальным образованием препятствовало организации качественной работы в дошкольных учреждениях, созданию новых детских садов. Невысокие заработки, которых не хватало на оплату жилья и приобретение продуктов питания (63 руб. по 9-му разряду), препятствовали появлению в системе дошкольных учреждений образованных специалистов.

С целью преодоления кадрового дефицита значительную часть будущих работников для детских учреждений выдвигали местные женотделы. Так, в 1927 г. в Якутске были организованы трехмесячные курсы сестер для яслей и руководительниц детских площадок, которые закончили 34 человека, 10 из них были выдвинуты Горженотделом [16. Л. 3].

Курсовая подготовка дошкольных работников в 1920-х гг. осуществлялась в условиях серьезного финансового дефицита, что оказывало влияние на качество учебного процесса. Так, в Бурят-Монгольской АССР в 1926 г. были запланированы двухмесячные курсы по подготовке заведующих детскими яслями из жительниц аймаков, однако ввиду отсутствия финансовых средств продолжительность подготовки была сокращена до одного месяца [17. Л. 15]. Качественная подготовка дошкольных работников не могла быть проведена в такие короткие сроки, особенно учитывая низкий начальный образовательный уровень обучающихся.

Рост сети дошкольных учреждений в течение 1920-х гг. обусловил увеличение количества воспитателей. Так, в Якутской АССР количество персонала в детских садах выросло с 12 до 22 человек, а общее число служащих во всех дошкольных учреждениях – с 19 до 33 человек [16. Л. 8].

Государственные мероприятия по подготовке кадрового состава дошкольных учреждений в национальных регионах носили гибкий характер. Местные органы власти, учитывая потребность в национальных кадрах, осуществляли квотирование мест на курсах для представителей коренных национальностей. Так, в одном из протоколов заседания секции подотдела охраны материнства и младенчества при Бурятском народном комиссариате здравоохранения от 15 февраля 1929 г. было обозначено решение организовать курсы ясельных работников на 25 человек [18. Л. 1]. При распределении мест по отдельным районам четко обозначалось предоставление мест представителям бурятской национальности. В большинстве случаев из двух мест одно предоставлялось бурятке. В 1928 г. в Хакасии были организованы курсы ясельных работников. Из 22 человек, прошедших курсы, 50% были хакасской национальности [19. Л. 1]. Квотирование мест для представителей коренных национальностей было попыткой решения проблемы незнания национального языка русскими работниками, повышения авторитета и доверия к дошкольным учреждениям местного населения.

Активно практиковалось командирование окончивших курсы воспитателей в другие районы. Так, в

докладе о деятельности подотдела охраны материнства и младенчества Забайкальского губернского отдела здравоохранения за апрель–июнь 1925 г. обозначалось, что курсы подготовки ясельных работников окончил 21 человек, делегированные отделами работниц г. Читы, из них 8 были направлены в городские учреждения охраны материнства и младенчества, а 13 – в уездные ясли [20. Л. 281]. В 1927 г. в Читинском округе для работы в сельских летних яслях из города были отправлены 11 работниц [21. Л. 5].

Ввиду краткосрочности подготовки и преимущественно низкого общего образовательного уровня окончившие курсы дошкольных работников и командированные в регионы не всегда могли осуществлять деятельность на высоком уровне. Так, в отчете о работе детгнздышек Читинского округа за 1926 г. обозначалось: «Опыт показал, что работники из местных жительниц пользуются большим доверием, но совершенно не подготовлены, что отражается на работе» [22. Л. 281].

Показательными являются требования к уровню подготовки поступающих на курсы дошкольных работников. Так, в циркуляре Дальневосточного краевого отдела здравоохранения, адресованном Читинскому окружному отделу здравоохранения (1927) в качестве требований подчеркивалась необходимость отдавать предпочтение молодым крестьянкам, достигшим возраста 18 лет, умеющим читать, писать и считать, при отсутствии у них заболеваний трахомой, туберкулезом, сифилисом, гонореей и др. [23. Л. 2]. Анализ анкет слушательниц курсов показывает преобладание крестьянок с уровнем образования в 3–4 класса, беспартийных, в возрасте 20–25 лет.

В объяснительной записке к программе краткосрочных курсов работников для детгнздышек 1927 г., сохранившейся в фонде Читинского окружного отдела здравоохранения Государственного архива Забайкальского края, содержится информация о содержании курсов, специфике их проведения. Так, программа была рассчитана на 60 часов. Теоретический курс предполагал изучение анатомии и физиологии человека с анатомо-физиологическими особенностями детского организма, вскармливания и ухода за детьми раннего возраста, детских и заразных болезней, мер борьбы с ними, охраны материнства и младенчества и работы летних сельских яслей, педагогической работы в деревенских яслях [24. Л. 7]. Практические занятия в яслях должны были познакомить с режимом дня в яслях, приемами ухода, кормления, занятий с детьми, оборудованием яслей, приготовлением детской пищи, медицинской и хозяйственной отчетностью, ознакомить с проведением игр в детском саду [25. Л. 4].

Курс обучения заведующих яслями был более содержательным, рассчитан на 1,5 месяца обучения и 222 часа. Программа включала изучение таких разделов: профилактика как основа советской медицины, охрана материнства и младенчества, анатомия и физиология человека, общие основы гигиены, заразные болезни, социальные болезни (венерические, туберкулез, сифилис), краткое понятие по акушерству и гинекологии, детские болезни, особенности раннего

детского возраста, гигиена, вскармливание грудью, правовое положение женщин в СССР, очередные задачи работы среди крестьянок, инструктирование по отчетности, практические занятия в доме ребенка, яслях, консультациях, практические занятия в инфекционной больнице [26. Л. 21]. Курсанткам предоставлялись жилье за счет Читинского окружного отдела здравоохранения, пособия для занятий, оплата проезда до Читы и обратно, питание за счет районного исполнительного комитета.

В административных центрах кадровая обеспеченность была на более высоком уровне, а функциональное распределение обязанностей носило более конкретный характер, организационная структура имела оформленный вид. Так, материалы о работе детского сада № 1 г. Красноярска за 1925 г. свидетельствуют о наличии отдельных должностей заведующей, выполнявшей административные функции, руководительниц, осуществляющих педагогическую работу, учителя пения и музыки, технического персонала (няня-кухарка, няня – дежурная по коридору, няня – дежурная по кухне) [24. Л. 63]. Уровень подготовки персонала был значительно выше, чем в удаленных от центра региона районах. Так, анализ списка педагогического и технического персонала детского сада № 1 г. Красноярска за 1924 г. показывает, что заведующая Зыкова Елизавета Федоровна окончила гимназию, московские центральные дошкольные курсы, имела 17 лет стажа. Руководительницы групп Смирнова Нина Дмитриевна и Дементьева Надежда Димитрова имели шесть классов образования, по 18 и 10 лет стажа соответственно, окончили краткосрочные дошкольные курсы. Учитель пения и музыки Брагина Елизавета Ивановна окончила гимназию и музыкальную школу [25. Л. 2]. Среди персонала детского сада не было ни одного партийного работника.

В течение 1930-х гг. кадровый потенциал дошкольных учреждений оставался невысоким. Продолжали сказываться трудности организационного периода, который сопровождался нестабильностью количественных показателей системы дошкольного воспитания, в целом невысокий уровень образования населения, не позволявший сформировать высокообразованный кадровый состав, условия дефицита всех ресурсов, в которых проходил процесс создания и развития дошкольных учреждений.

Показательными являются материалы Постановления Президиума ЦК Союза работников просвещения «По вопросу о подготовке дошкольных кадров» от 14.06.1931 г., в которых отсутствие точного учета потребности в кадрах дошкольных учреждений связывалось с непроведением учета детей дошкольного возраста, отмечалось, что вопросом подготовки дошкольных кадров в плановом порядке с учетом хозяйственного строительства органы народного образования не занимались. Программы для краткосрочных курсов создавались без учета длительности курсов и дифференцированного подхода к общеобразовательному уровню учащихся [26. Л. 4].

В качестве основного способа подготовки кадров для дошкольных учреждений в течение 1930-х гг.

продолжали использовать краткосрочную курсовую подготовку. Сохранялся невысокий начальный уровень образования курсанток. Так, средний уровень образования поступивших на областные курсы дошкольных работников 1930 г. БМАССР составил 5,5 лет [27. Л. 42].

Ввиду активного процесса коллективизации к работе в дошкольных учреждениях широко привлекались колхозницы, прошедшие курсы дошкольных работников. Например, курсы 1934 г. в Якутской АССР закончили 35 курсанток, из которых 85% были колхозницами [28. Л. 9].

Краткосрочная курсовая подготовка не всегда позволяла преодолеть низкий уровень образования, в результате нередко сохранялся невысокий уровень подготовки кадрового состава дошкольных учреждений. Так, акт обследования детского сада «Октябренок» ЯАССР 1933 г. содержит сведения о малограмотных педагогах средней группы без специальной педагогической подготовки [29. Л. 290]. В отчете о работе отдела охраны материнства и младенчества БМАССР 1931 г. указывалось, что детские ясли также не смогли обеспечить педагогическую работу, так как не имели сестер-воспитательниц, а заведующие яслями, прошедшие краткосрочные курсы, не были способны руководить учреждениями [30. Л. 94].

Как и в 1920-х гг., сохранялся мобильный подход к подбору и расстановке кадров, использовался метод командирования работников, окончивших дошкольные курсы. Из 48 человек, прошедших курсовую подготовку в 1934 г. в г. Якутске, 41 был отправлен на работу в районные дошкольные учреждения [28. Л. 9].

Несмотря на трудности формирования кадрового состава дошкольных учреждений, его численность в общегосударственных масштабах постепенно увеличивалась. Так, в 1930 г. в детских садах РСФСР работали 13 623 человек, а в 1933 г. – 40 500. Из них высшее образование имели только 2,6% сотрудников, законченное среднее – 25, неполное среднее – 32,4, не окончили начальную школу 40%. На начало 1934 г. количество персонала дошкольных учреждений возросло до 46 016 человек [31. Л. 45 об.].

Тем не менее активно проводимая курсовая подготовка не удовлетворяла кадровые потребности дошкольных учреждений и не всегда соответствовала плановым показателям. Так, в БМАССР в 1931 г. необходимо было подготовить 1 371 работника дошкольных учреждений, а было подготовлено только 598, в 1932 г. из 3 200 требуемых сотрудников было подготовлено 2 200 [30. Л. 79].

Обеспеченность педагогическими кадрами дошкольных учреждений в городах была значительно лучшей, чем в сельской местности. Так, в 1934 г. 19 245 детей, посещающих стационарные дошкольные учреждения Восточно-Сибирского края, обслуживали 747 педагогов, т.е. на одного педагога приходилось примерно 25 детей [31. Л. 182]. В городах на 9 176 детей приходилось 457 педагогов (20 детей на одного педагога), а в сельской местности на 10 069 детей приходилось 290 педагогов (34 ребенка на одного педагога).

В течение 1930-х гг. внимание уделялось формированию национальных кадров для дошкольных учреждений, обслуживающих детей коренных национальностей. В отчетах о курсовой подготовке явно прослеживается акцентирование на формировании национального кадрового состава. Процент представителей коренных национальностей был достаточно высоким. Так, в первой половине 1930-х гг. в Хакасии на районных курсах было подготовлено 533 человека, из них хакасов – 220 человек (41,28%); областных – 84, из них хакасов – 20 (23,8%); на краевых курсах – 8, из них хакасов – 3 человека (37,5%) [32. С. 98]. В Якутской АССР в 1933 г. курсы окончили 129 человек, большинство (98,7%) были якутами [33. Л. 207].

Во второй половине 1930-х гг. для решения кадрового вопроса дошкольных учреждений продолжали использовать кратковременную курсовую подготовку воспитателей непосредственно на местах открытия детских яслей и садов. Обычно курсовая подготовка длилась 3–4 месяца. На курсы записывались женщины в возрасте от 18 до 35 лет, которые проходили теоретическую подготовку и прикреплялись к дошкольным учреждениям для отработки практического опыта.

Существовала и более короткая подготовка, рассчитанная на один месяц, в содержании которой отсутствовала теоретическая часть. Однако такое кратковременное обучение не могло эффективно обеспечить дошкольные учреждения высококвалифицированными кадрами, нередко подготовка преподавателей курсов была на недостаточно высоком уровне ввиду отсутствия у них специального образования, большая часть курсантов была абсолютно неграмотной. Однако по сравнению с первой половиной 1930-х гг. возросло количество обучающихся на курсах. Так, в 1935 г. в Красноярском крае были организованы курсы ясельных работников для колхозных яслей в 20 районах с количеством обучающихся 801 человек [34. Л. 13]. За 1937 г. годовые курсы в Иркутской области закончили 150 человек, трехмесячные – 60, для летней работы – 200 человек [35. Л. 8].

Тем не менее массовая курсовая подготовка не могла окончательно решить проблему недостаточного количества квалифицированного персонала. Средний уровень воспитателей был невысоким. В докладной записке о состоянии дошкольного воспитания в Иркутской области за 1937 г. указывалось крайне неудовлетворительное состояние кадров. Так, из 529 дошкольных работников высшее образование имели только 7 человек, среднее – 195, незаконченное среднее и низшее – 327 человек [Там же]. Отмечалось, что из 45 заведующих детсадами г. Иркутска только 30% соответствовали своему назначению, выполняли свои обязанности. В районах большинство заведующих имели начальное образование, не проходили специальной подготовки, поэтому не могли оказывать помощь воспитателям и контролировать их [35. Л. 9]. Значительно лучшей кадровой обеспеченностью была в Читинской области, где в 1940 г. на 5 476 детей детских садов приходилось 805 заведующих и воспита-

телей. Из них высшее образование имели 405 сотрудников, среднее – 143, не имели среднего образования – 257 [36. Л. 4].

Улучшению показателей кадрового состава должно было способствовать принятие 29 апреля 1939 г. Постановления СНК СССР № 584 «О повышении заработной платы воспитателям детских садов». В соответствии с этим нормативным актом воспитатели, имеющие среднее или средне-специальное образование, в городах должны были получать 230 рублей при стаже до пяти лет и 260 рублей – имеющие стаж выше пяти лет. В сельской местности – 180 и 210 рублей соответственно. Не имеющие среднего или среднего специального образования в городах должны были получать 180 и 210 рублей, а в сельской местности – 150 и 175 рублей соответственно [37. Л. 10]. Ставки воспитателей, имеющих высшее образование, были выше на 15% ставок воспитателей, имеющих среднее образование. Для заведующих была установлена надбавка в 20% [Там же]. На местах это постановление не всегда реализовывалось. Так, сохранилось письмо Е.И. Кистеневой, воспитателя детского сада № 3 г. Черемхово, адресованное Иркутскому обкому союза работников дошкольных учреждений и детдомов, в котором сообщалось о невыплате заработной платы по новым нормам «даже в августе 1939 г.» [37. Л. 43]. Особенно остро кадровый вопрос стоял в сельской местности, где вопрос оплаты труда воспитателей оставался нерешенным. Так, на совещании инспекторов охраны материнства и младенчества Красноярского края в марте 1939 г. инспектором Рудых отмечалось: «Работники яслей от нас уходят ввиду того, что нет стимула в работе. Стахановки к нам не идут. На поле она может заработать 10 трудовых, а у нас один. Кухаркам начисляют 1,5 трудовых» [38. Л. 55].

Таким образом, в течение 1920–1930-х гг. была предпринята попытка формирования кадрового состава дошкольных учреждений Восточной Сибири. Основным способом подготовки сотрудников дошкольных учреждений в условиях ограниченных финансовых возможностей стали краткосрочные курсы, которые проводились в административных центрах Восточно-Сибирского региона. Для равномерного распределения специалистов активно использовалось командирование сотрудников. Целенаправленное формирование национального кадрового состава стало одним из факторов, способствующих активному созданию дошкольных учреждений в регионах с преобладанием коренного населения. Однако краткосрочная курсовая подготовка при низком общем образовательном уровне, высокая интенсивность смены персонала, низкая заработная плата препятствовали формированию стабильного высокопрофессионального кадрового состава. Сохранение в течение 1920–1930-х гг. невысокого кадрового потенциала снижало эффективность реализации государственных мероприятий по созданию и развитию дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахмутская С.А. Сезонные ясли в колхозе. М. ; Л. Медгиз, 1939. 40 с.
2. Соколова-Пономарева О.Д. Детские ясли в колхозах. Омск : Омская правда, 1937. 76 с.
3. Генс А.Б. Деятельность постоянных яслей за 1923 год в СССР. М. : Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава, [1925]. 6 с.
4. Генс А.Б. Ясли в условиях коллективного села // Охрана материнства и младенчества. 1930. № 2. С. 17–19.
5. Мананникова Н.В. Ясли на новостройках. М. ; Л. : Огиз-Госмедиздат, 1931. 23 с.
6. Мананникова Н.В. Как организовать ясли в колхозе. М. : Упр. агротехпропаганды НКЗ РСФСР, 1933. 36 с.
7. Кошкина С.И. Организация охраны материнства и младенчества в колхозах Восточно-Сибирского края. Б.м. : Восточносибиркрайиздат, 1936. 59 с.
8. Савенкова Г.А. Становление и развитие советского общественного дошкольного воспитания в ЯАССР (1917–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972. 22 с.
9. Лопсонова З.Б. Дошкольное образование в Бурятии (1930-е гг.) : учеб. пособие. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2003. 78 с.
10. Филиппов Г.Г. Развитие образования на территории Читинской области (1937–1997 гг.) // Народное образование в Забайкалье: история и опыт : сб. материалов науч. конф. Чита : Изд-во ЗабГПУ, Поиск, 2000. С. 5–11.
11. Папина О.В. Участие женщин в развитии системы охраны материнства и детства в Хакасии в 1920–1930 гг. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сб. науч. тр. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2010. Вып. 11. С. 40–52.
12. Афанасьева Л.В. Охрана материнства и детства на Дальнем Востоке в 20–30-х гг. XX в. Комсомольск-на-Амуре : КнАГТУ, 2010. 163 с.
13. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НАРС (Я)). Ф. 56. Оп. 1. Д. 34.
14. НАРС (Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 75.
15. НАРС (Я). Ф. 57. Оп. 1. Д. 127.
16. НАРС (Я). Ф. 60. Оп. 1. Д. 1908.
17. Национальный архив Республики Бурятия (далее – НАРБ). Ф. Р. 251. Оп. 1. Д. 1.
18. НАРБ. Ф. Р. 251. Оп. 1. Д. 18.
19. ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. Р. 19. Оп. 1. Д. 12.
20. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. Р. 1393. Оп. 1. Д. 119.
21. ГАЗК. Ф. Р. 623. Оп. 1. Д. 3.
22. ГАЗК. Ф. Р. 1393. Оп. 1. Д. 151.
23. ГАЗК. Ф. 693. Оп. 1. Д. 51.
24. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. 137. Оп. 1. Д. 66.
25. ГАКК. Ф. 93. Оп. 1. Д. 321.
26. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5462. Оп. 13. Д. 342.
27. НАРБ. Ф. Р. 60. Оп. 2. Д. 33.
28. ГАРФ. Ф. Р. 5207. Оп. 1. Д. 1105.
29. НАРС (Я). Ф. 58. Оп. 3. Д. 131.
30. НАРБ. Ф. Р. 251. Оп. 1. Д. 31.
31. ГАРФ. Ф. А. 2306. Оп. 75. Д. 2296.
32. Папина О.В. Становление и развитие системы детских дошкольных учреждений Хакасии в 1920–1930 гг. // Хакасия и Россия: 300 лет вместе : матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства (12–13 декабря 2007 г.). Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2007. Т. 1. С. 97–98.
33. НАРС (Я). Ф. 58. Оп. 3. Д. 19.
34. ГАКК. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 38.
35. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (далее ГАНИИО). Ф. Р. 1914. Оп. 1. Д. 16.
36. ГАЗК. Ф. Р. 17. Оп. 1. Д. 32.
37. ГАНИИО. Ф. Р. 1914. Оп. 1. Д. 10.
38. ГАКК. Ф. Р. 1384. Оп. 1. Д. 429.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июля 2016 г.

THE FORMATION OF THE PERSONNEL OF PRESCHOOL INSTITUTIONS IN EASTERN SIBERIA IN THE 1920S–1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 64–69.

DOI: 10.17223/15617793/413/10

Elena N. Afanasova, Irkutsk State University of Railway Engineering (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: lebeden81@mail.ru

Keywords: preschools; Eastern Siberia; personnel.

The aim of the research is to study the formation of the personnel of preschool institutions in Eastern Siberia in the 1920s–1930s based on the funds of central and regional archives: circular notes of local authorities, reports on the activities of preschool institutions, acts of inspection, minutes of meetings of trade union organizations. The establishment of a system of preschool institutions in the territory of Eastern Siberia in the 1920s–1930s gave rise to the need for the development and implementation of staff formation. In view of the limited financial and material resources necessary to provide established companies with staff as soon as possible, the main forms of pedagogical employees training in Eastern Siberia in the 1920s–1930s were short-term courses, their average duration was two to three months. A significant portion of future employees for children's institutions came from local women departments, collective farms, public education bodies. In Eastern Siberia, the training courses were held in Irkutsk, Chita, Verkhneudinsk, Yakutsk, Krasnoyarsk. The low educational level of the trainees of the course and its shortness did not allow to provide well-prepared preschool employees. Insufficient theoretical knowledge could be compensated by practical training. The trainees were sent to preschool institutions to gain practical experience. In the national regions in Eastern Siberia, the solution of the problem of personnel for preschool institutions was connected with the formation of the teaching staff from indigenous nationalities as Russian workers did not know the national languages, with the need to enhance the credibility of and confidence in preschool institutions among the local population. Educational quotas were actively used for specific nationalities in Buryatia, Khakassia and Yakutia. Preschool institutions lacked educated, well-trained specialists because salaries were low, not enough to cover housing and food costs, the social status was low, the housing issue was not solved. Thus, the undertaken measures on the formation of the personnel of preschool institutions showed higher results in the administrative centers of Eastern Siberia: by the end of the 1930s they had a higher level of the

number of personnel and their qualifications. However, most preschools in Eastern Siberia in the 1920s–1930s had staff flow, staff shortage and predominance of staff without special training.

REFERENCES

1. Bakhmutskaia, S.A. (1939) *Sezonnye yasli v kolkhoze* [Seasonal nursery at collective farms]. Moscow; Leningrad: Medgiz.
2. Sokolova-Ponomareva, O.D. (1937) *Detskie yasli v kolkhozakh* [Nurseries at collective farms]. Omsk: Omskaya pravda.
3. Gens, A.B. (1925) *Deyatel'nost' postoyannykh yasley za 1923 god v SSSR* [Activities of permanent nurseries in 1923 in the USSR]. Moscow: Otdel okhrany materinstva i mladenchestva Narkomzdrava.
4. Gens, A.B. (1930) Yasli v usloviyakh kollektivnogo sela [Nurseries in a collective village]. *Okhrana materinstva i mladenchestva*. 2. pp. 17–19.
5. Manannikova, N.V. (1931) *Yasli na novostroykakh* [Nurseries at new building sites]. Moscow; Leningrad: Ogiz-Gosmedizdat.
6. Manannikova, N.V. (1933) *Kak organizovat' yasli v kolkhoze* [How to organize a nursery at a collective farm]. Moscow: Upr. agrotekhpropagandy NKZ RSFSR.
7. Koshkina, S.I. (1936) *Organizatsiya okhrany materinstva i mladenchestva v kolkhozakh Vostochno-Sibirskogo kraia* [Organization of protection of motherhood and childhood in the collective farms of the East Siberian region]. [s.n.]: Vostochnosibirskiy izdat.
8. Savenkova, G.A. (1972) *Stanovlenie i razvitiye sovetskogo obshchestvennogo doshkol'nogo vospitaniya v YaASSR (1917–1941 gg.)* [The formation and development of Soviet public preschool education in Yakut ASSR (1917–1941)]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
9. Lopsonova, Z.B. (2003) *Doshkol'noe obrazovanie v Buryatii (1930-e gg.)* [Pre-school education in Buryatia (the 1930s)]. Ulan-Ude: Buryat State University.
10. Filippov, G.G. (2000) [Development of education in Chita Oblast (1937–1997)]. *Narodnoe obrazovanie v Zabaykal'e: istoriya i opyt* [Education in the Trans-Baikal region: history and experience]. Proceedings of the conference. Chita: Zabaykalsky State Pedagogical University, Poisk. pp. 5–11. (In Russian).
11. Papina, O.V. (2010) [Women's participation in the development of maternity and childhood protection in Khakassia in the 1920s–1930s]. *Aktual'nye problemy istorii i kul'tury Sayano-Altaya* [Topical issues of the history and culture of Sayan-Altai]. Proceedings of the conference. Vol. 11. Abakan: Katanov Khakas State University. pp. 40–52. (In Russian).
12. Afanas'eva, L.V. (2010) *Okhrana materinstva i detstva na Dal'nem Vostoke v 20–30-kh gg. XX v.* [Maternity and childhood protection in the Far East in the 1920s–1930s]. Komsomolsk-on-Amur: Komsomolsk-on-Amur State Technical University.
13. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 56. List 1. File 34. (In Russian).
14. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 70. List 1. File 75. (In Russian).
15. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 57. List 1. File 127. (In Russian).
16. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 60. List 1. File 1908. (In Russian).
17. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund R. 251. List 1. File 1. (In Russian).
18. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund R. 251. List 1. File 18. (In Russian).
19. National Archive of the Republic of Khakassia. Fund R. 19. List 1. File 12. (In Russian).
20. State Archive of Trans-Baikal Krai (GAZK). Fund R. 1393. List 1. File 119. (In Russian).
21. State Archive of Trans-Baikal Krai (GAZK). Fund R. 623. List 1. File 3. (In Russian).
22. State Archive of Trans-Baikal Krai (GAZK). Fund R. 1393. List 1. File 151. (In Russian).
23. State Archive of Trans-Baikal Krai (GAZK). Fund 693. List 1. File 51. (In Russian).
24. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 137. List 1. File 66. (In Russian).
25. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 93. List 1. File 321. (In Russian).
26. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 5462. List 13. File 342. (In Russian).
27. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund R. 60. List 2. File 33. (In Russian).
28. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R. 5207. List 1. File 1105. (In Russian).
29. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 58. List 3. File 131. (In Russian).
30. National Archive of the Republic of Buryatia (NARB). Fund R. 251. List 1. File 31. (In Russian).
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A. 2306. List 75. File 2296. (In Russian).
32. Papina, O.V. (2007) [Formation and development of the kindergarten system of Khakassia in the 1920s–1930s]. *Khakasiya i Rossiya: 300 let vmeste* [Khakassia and Russia: 300 years together]. Proceedings of the international conference on the 300th anniversary of the inclusion of Khakassia in the Russian State. 12–13 December 2007. Vol. 1. Abakan: Khakas. kn. izd-vo. pp. 97–98. (In Russian).
33. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya)). Fund 58. List 3. File 19. (In Russian).
34. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 1384. List 1. File 38. (In Russian).
35. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund R. 1914. List 1. File 16. (In Russian).
36. State Archive of Trans-Baikal Krai (GAZK). Fund R. 17. List 1. File 32. (In Russian).
37. State Archive of Contemporary History of Irkutsk Oblast (GANIIO). Fund R. 1914. List 1. File 10. (In Russian).
38. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund R. 1384. List 1. File 429. (In Russian).

Received: 26 July 2016

ЗАСТАРЕЛАЯ «БОЛЕЗНЬ» ПРЕДУБЕЖДЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К ПАРТИЗАНАМ. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМАНДУЮЩЕГО 5-й АРМИЕЙ РККА Г.Х. ЭЙХЕ И ПОВСТАНЧЕСКОГО КОНТИНГЕНТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1919–1920 гг.)

Рассматриваются особенности взаимодействия командующего 5-й армией РККА, красного латыша Генриха Христофоровича Эйхе и контингента повстанцев (партизан) Западно-Сибирской равнины в период ликвидации антибольшевистской диктатуры адмирала А.В. Колчака. Временные границы статьи соответствуют времени пребывания Г.Х. Эйхе в должности командарма – с ноября 1919 г. по январь 1920 г. Особое внимание автор уделяет исследованию ключевых проблем, с которыми столкнулся военачальник в ходе установления взаимоотношений с партизанскими формированиями. Предпринята попытка рассмотрения эволюции взглядов Г.Х. Эйхе на проблему использования повстанческого контингента в интересах 5-й армии и в контексте ее военных действий на территории Западной Сибири.

Ключевые слова: Г.Х. Эйхе; Гражданская война в России; Красная армия; партизаны; история Сибири.

Проблематику Гражданской войны в масштабе Западной Сибири сложно представить вне рассмотрения вопроса взаимодействия сил регулярной 5-й армии РККА и местных повстанческих формирований на этапе падения политического режима адмирала А.В. Колчака и разгрома его военной машины. Данный комплекс событий охватывает сравнительно короткий временной отрезок – с ноября 1919 г. по январь 1920 г., когда во главе 5-й армии, которую сами партизаны справедливо называли «освободительницей Сибири» [1. С. 428], стоял 27-летний красный латыш, военный специалист Генрих Христофорович Эйхе.

Принявший от М.Н. Тухачевского руководство армией 25 ноября 1919 г. [2], Г.Х. Эйхе наряду с членом Реввоенсовета 5-й армии и председателем Сибирского революционного комитета И.Н. Смирновым являлся ключевой исторической фигурой, определившей вектор развития партизанского «вопроса» в указанных пространственно-временных границах. В этом смысле представления командарма Г.Х. Эйхе о природе и сущности повстанческого движения Западной Сибири и, соответственно, отношение к нему претерпели известную эволюцию. В целом их можно выразить семантической идиомой: от любви – до ненависти... Именно ко времени руководства Г.Х. Эйхе 5-й армией относится рождение оппозиции Эйхе – партизаны, которая перерастет в откровенную вражду в бытность его Главнокомандующим всеми вооруженными силами Дальневосточной республики в 1920–1921 гг. и продолжится на уровне ветеранских, «стариковских» прений и споров вплоть до смерти военачальника в 1968 г.

История непростых взаимоотношений Г.Х. Эйхе и ветеранов-повстанцев Западной Сибири, насчитывавшая 47 лет, столь обширна, что может послужить предметом специального исследования. В настоящей статье мы остановим свое внимание только на некоторых, стержневых составляющих этой проблемы, которая в силу причин конъюнктурного характера так и не нашла отражения в многочисленных работах исследователей сибирского повстанческого движения периода Гражданской войны в России.

На момент вступления Г.Х. Эйхе в должность командарма территория Западной Сибири была охвачена широким повстанческим движением антиколча-

ковской направленности. Центры его находились: в Алтайской губернии (район Барнаул, Семипалатинск, Славгород) – Западно-Сибирская крестьянская армия Е.М. Мамонтова (30 тыс. бойцов); в Енисейской губернии (район Красноярск, Минусинск, Ачинск) – Минусинский фронт П.Е. Щетинкина и А.Д. Кравченко (40 тыс. бойцов); в Томской губернии (район Мариинск, Щегловск¹, Кузнецк²) – Партизанская армия В.К. Шевелева-Лубкова (18 тыс. бойцов). Вопрос о будущем этой почти 100-тысячной массы вооруженных лиц, не имевших четкой политической платформы, после вступления в их районы регулярной 5-й армии был, по выражению Г.Х. Эйхе, «весьма срочным и трудным» [3. С. 161].

Точка зрения командарма на сей счет, вероятно, впервые была выражена им в приказе начальнику 26-й стрелковой дивизии 5-й армии Я.П. Гайлиту № 1860/н от 28 ноября 1919 г.: «По установлении связи с... партизанскими отрядами таковые необходимо подчинять себе, обращая их главным образом на укомплектование дивизии» [4. Л. 282]. Таким образом, вопрос о повстанческих формированиях, остро стоявший в те дни перед Г.Х. Эйхе как военным специалистом, сводился, строго говоря, к разрешению одной проблемы: каким образом осуществлять на их основе пополнение и укомплектование соединений «пятоармейцев», обескровленных масштабной эпидемией тифа и давно не получавших маршевых пополнений по нарядам центра. Разрешение указанной проблемы, однако, выходило за пределы компетенции военачальника, поскольку имело в значительной мере политическую подоплеку. Речь шла не просто о пополнении (военно-организационном мероприятии), а скорее о слиянии партизанских сил неопределенной политической ориентации и большевистской 5-й армии. «Любой неосторожный шаг и неумелый подход, – вспоминал начальник политотдела 26-й стрелковой дивизии В.Б. Эльцин, – мог иметь при таком положении дел губительные результаты», что грозило «опрокинуть всю партизанскую армию с ее революционных рельс» [5. С. 268–269], т.е. создать предпосылки для возникновения сибирской «маховщины». Об опасности последней, отметим, неоднократно говорил В.И. Ленин начиная с лета 1919 г. [6; 7. С. 134–135]. Вследствие этого обсуждение судьбы повстанческого

контингента Западной Сибири было всецело перенесено в Реввоенсовет 5-й армии, на коллегиальную основу.

Командарм Г.Х. Эйхе принял непосредственное участие в четырех заседаниях расширенного армейского Реввоенсовета, на которых проходили соответствующие прения. В первой декаде декабря 1919 г. атмосфера здесь была в пользу партизан. По всей видимости, именно Г.Х. Эйхе, дистанцировавшись от политического компонента проблемы, направил тогда полемику в нейтральную военно-организационную плоскость посредством акцентирования внимания на столь важной для него, как указывалось ранее, проблематике пополнения таявших сил 5-й армии. Вероятная точка зрения военспеца нашла отражение в специальном распоряжении Реввоенсовета 5-й армии от 4 декабря 1919 г. № 1166/а по партизанскому вопросу. Главный тезис его состоял в следующем: «Каждая дивизия, соприкасаясь с партизанской... единицей, вливает ее в свою часть с тем, чтобы партизаны не превышали 50% наличного состава бойцов тактической единицы (роты, батальона, полка. — *Р.Б.*)» [8. Л. 12]. Это положение, позволившее войскам 5-й армии без лишних проволочек восполнять текущие потери боевого состава, бесспорно, явилось маленькой победой Г.Х. Эйхе. Благодаря этому командующему удалось уже на первых порах осуществить прямое включение партизан в части 26-й, 35-й (не менее 2 тыс. бойцов) и 51-й (не менее 984 бойцов и 400 конных) стрелковых дивизий 5-й армии [9. С. 49].

Заданная Г.Х. Эйхе «прагматичная» линия проводилась в жизнь недолго, до получения в Омске жестких указаний Реввоенсовета Республики, обязавших командование 5-й армии в отношениях с повстанцами исходить из необходимости применения превентивных репрессивных и защитных мер, призванных оградить регулярные войска от «партизанщины» [10. Л. 2–3]. Руководствуясь директивой Москвы, Реввоенсовет 5-й армии на очередном заседании (с участием Г.Х. Эйхе) 10 декабря 1919 г. отменил все ранее изданные распоряжения по повстанческому вопросу и выработал «во избежание заражения партизанщиной... красных полков и повторения Махновщины» [8. Л. 30; 11. Л. 16] пространное постановление, выдержанное в духе враждебного недоверия к контингенту повстанцев. По мнению «мамонтовца» Я.П. Жигалина, бывшего начальника штаба Западно-Сибирской партизанской армии, этот «оскорбительный» приказ «воистину... был ложкой дегтя в бочке меда и принес большой вред» [12. С. 124]. Учитывая умеренное (на тот момент) личное отношение командарма Г.Х. Эйхе к партизанам и присущий ему прагматизм, мы можем предположить, что постановление Реввоенсовета армии от 10 декабря 1919 г.³ было также воспринято им с искренним разочарованием. Фактически документ перечеркивал ранее пролоббированный военачальником формат использования повстанческих сил, сведя на нет возможность какого-либо пополнения ими в обозримом будущем соединений и частей 5-й армии, тем более прямого включения партизан их в состав. «Всех партизан, — подчеркива-

лось в постановлении по этому животрепещущему для Г.Х. Эйхе вопросу, — как влитых в части Армии (5-й армии. — *Р.Б.*), так и действующих в составе и совместно с частями Армии... отвести в тыл» [8. Л. 30; 11. Л. 16], для прохождения военной и политической переподготовки в запасных частях. Тяжесть этого «удара» для Г.Х. Эйхе была тем сильнее, что перед ним вставала, по существу, перспектива остаться без источников подпитки личного состава на заключительном фазисе Новониколаевской наступательной операции, а также в рамках еще только планируемого на тот момент масштабного наступления на Красноярск и рубеж р. Енисей. Лишь глубокая деморализация войск А.В. Колчака в декабре–январе позволила командарму избежать в полной мере пагубных последствий рассмотренного решения Реввоенсовета.

Вновь повернуться лицом к повстанческим силам Западной Сибири Реввоенсовету 5-й армии отчасти удалось в конце декабря, также не без участия Г.Х. Эйхе. На следующий день после взятия Новониколаевска⁴, 15 декабря 1919 г., командарм выезжает из Омска в освобожденный город⁵ [13. Л. 220]. Здесь 16 декабря состоялась ранее согласованная встреча⁶ военачальника с прибывшим из Барнаула Главкомом Западно-Сибирской крестьянской армии Е.М. Мамонтовым «для урегулирования взаимоотношений и окончательного разрешения партизанского вопроса» (трактовка Г.Х. Эйхе, обозначенная им в ходе переговоров по прямому проводу с 26-й стрелковой дивизией) [10. Л. 4]. Подготовив таким образом доброжелательную почву для нового заседания расширенного состава Реввоенсовета 5-й армии и, вероятно, сгладив противоречия «оскорбительного» распоряжения, делегации Г.Х. Эйхе и Е.М. Мамонтова отбыли из Новониколаевска спустя несколько дней. Второй и решающий раунд переговоров между руководством 5-й армии и лидерами партизан состоялся в Омске непосредственно на заседании армейского Реввоенсовета 24 декабря 1919 г. В обмене мнениями тогда наряду с Г.Х. Эйхе, членами Реввоенсовета и Сибревкома приняли участие Е.М. Мамонтов и его сподвижники — начальник штаба Я.П. Жигалин⁷, военный комиссар, анархист Богатырев, интендант И.Ф. Чеканов. Не без сложностей сторонам на паритетной основе удалось решить судьбу повстанческих кадров Е.М. Мамонтова. В лице своих вождей они признали организующий и политический авторитет 5-й армии, согласились на расформирование и разоружение [14. С. 124]. При этом партизаны до 35 лет принимались в РККА «задним числом» (с 1 декабря 1919 г.) с выплатой жалованья и предоставлением им мер материальной поддержки (единовременное пособие в 500 руб., постановка на все виды довольствия и т.д.). Вожди партизан выдвигались на высокооплачиваемые, ответственные посты в инспекторате пехоты 5-й армии.

Заседание Реввоенсовета 24 декабря во многом примирило руководство двух армий, союзников в борьбе с политическим режимом адмирала А.В. Колчака. Подписанный Г.Х. Эйхе по итогам омского совещания приказ войскам 5-й армии № 1117 от 26 декабря 1919 г., ставший руководством к действию в

деле объединения красноармейцев и повстанцев, подкрепил благие намерения сторон. «Навстречу шедшей в Сибирь Красной Армии, – подчеркивалось в приказе, – поднялись тысячи восставших крестьян, соединившихся в полки. Самоотверженная борьба почти безоружных партизан навеки врежется в память поколения... <...> Ныне произошло соединение организованной Красной Армии с партизанскими полками и отрядами по всей Сибири. Из этих двух сил мы должны создать единую могучую армию...» [15. Л. 1]. Подобный результат удовлетворил даже упомянутого Я.П. Жигалина, в дальнейшем – наиболее непримиримого антагониста Г.Х. Эйхе и критика его военно-исторических взглядов. На склоне лет «мамонтовец» вспоминал, что «в Омске нас встретили хорошо», и выражал уверенность в необходимости «...выполнять точный и ясный приказ (подписанный Г.Х. Эйхе приказ № 1117. – *Р.Б.*)»⁸ [12. С. 126, 128].

Наиболее сложным, однако, остается вопрос о том, в какой мере сам Эйхе остался доволен исходом партизанского вопроса. Изначально обозначенное командармом еще в конце ноября 1919 г. и оформленное распоряжением № 1166/а намерение осуществлять прямое пополнение войск 5-й армии за счет повстанцев в пропорции 50% было дезавуировано на заседании 10 декабря. Невозможность реализации этого намерения Эйхе была подтверждена на заседании 24 декабря, о чем свидетельствует пункт пятый упомянутого приказа № 1117 («всех партизан зачислить в запасные полки армии для ознакомления со службой... Красной Армии» [15. Л. 1]). Таким образом, за исключением формата прений и некоторых нюансов, итог этих специальных заседаний РВС был для Эйхе с точки зрения вопроса прямого пополнения 5-й армии равнозначен негативен.

Нельзя, однако, исключить, что на тот момент взгляды самого командующего 5-й армией на повстанческий вопрос претерпели эволюцию, главным образом, ввиду неудачного ментального опыта опосредованного управления военными действиями формирований партизан в конце ноября–декабре 1919 г. Именно на этой основе первичное положительное мнение Эйхе о качественном уровне сибирского партизанского движения сменилось разочарованием в нем и скепсисом в отношении его представителей. Подобное перерождение, как показало исследование, произошло не позднее января 1920 г. и позднее только укреплялось. Иными словами, Эйхе уже на исходе декабря 1919 г. мог сам отказаться от лоббируемой им идеи прямого пополнения партизанами (минуя «карантин» и переподготовку в запасных полках) строевых частей 5-й армии.

Постепенное охлаждение отношения командарма к повстанчеству Западной Сибири диктовалось двумя факторами: упомянутым выше опытом неудачного оперирования частями партизан и получаемой по различным каналам связи (от начдива-26 Я.П. Гайлита, специальной экспедиции В.Б. Эльцина, уполномоченного Реввоенсовета 5-й армии Юшкина⁹ и др.) информацией, крайне отрицательно характеризующей их боевое состояние, нравственный облик и

политические (нередко анархистские и эсеровские) ориентации.

На первом факторе есть смысл остановиться подробнее. Попытки организовать боевое применение партизанских формирований, их сколько-нибудь реальное оперативное взаимодействие с 5-й армией Г.Х. Эйхе предпринимал еще на раннем фазисе Новониколаевской наступательной операции. Центр тяжести его организационных усилий был направлен на группировки Минусинского фронта (П.Е. Щетинкин, А.Д. Кравченко), Западно-Сибирской армии (Е.М. Мамонтов) и Причернского повстанческого края (анархист Г.Ф. Рогов). По указаниям командарма каждой из них предписывалось обеспечить масштабное силовое воздействие на базисные коммуникации отступающих от р. Обь к р. Енисей частей белых, прежде всего на линию железной дороги. Первые указания подобного рода были получены Минусинским фронтом 28 ноября 1919 г. и распространялись на участок магистрали Ачинск–Красноярск [1. С. 370–371]. 4 декабря в контексте замысла обеспечения флангового удара 26-й стрелковой дивизии на Мариинск Г.Х. Эйхе отдал распоряжение командующему причернскими повстанцами (действовали севернее Барнаула) Г.Ф. Рогову о необходимости «...перейти форсированным маршем в район железнодорожной ст. Тайга – г. Мариинск, где, испортив железнодорожную дорогу, непрерывно действовать на сообщения противника» [10. Л. 4]. Не позднее 7 декабря к задаче дезорганизации Транссибирской магистрали в районе Мариинска Эйхе привлек алтайских партизан Е.М. Мамонтова, причем для этого им направлялись четыре пуда пироксилина [16. С. 654]. Таким образом, каждый из стратегически расположенных повстанческих фронтов получил от командующего 5-й армией конкретную боевую задачу. Природа выполнения этих приказов, которые явились для Г.Х. Эйхе как военспеца критерием боеспособности и управляемости сибирских партизан, и легла в основание его разочарования в их боевой ценности.

Как в своих воспоминаниях, так и в авторском военно-историческом труде «Опрокинутый тыл» Г.Х. Эйхе с сожалением констатировал неудачу минусинских и алтайских партизан в выполнении перечисленных боевых задач [17. Л. 352; 18. С. 291–292, 337]. При этом, однако, важно упомянуть, что силы Минусинского фронта проявили наибольшее упорство в попытке прорваться к магистрали, о чем свидетельствует в отзыве на монографию «Опрокинутый тыл» («Об извращениях истории партизанского движения на Енисее в книге Г.Х. Эйхе “Опрокинутый тыл”») ветеран-«щетинкинец» П.В. Кашуткин [19. Л. 11]. Исключительную медлительность проявили причернские партизаны, только 20 декабря 1919 г. достигшие Щегловска. Развернув далее движение к магистрали (на Мариинск), они попали под удар белых и отказались от выполнения указаний Г.Х. Эйхе. Вскоре, стоит отметить, силы анархиста Г.Ф. Рогова были разоружены из-за упадка дисциплины, бесчинств и грабежей в Щегловске. Таким образом, красному военачальнику так и не удалось побудить крупнейшие партизанские

формирования Западной Сибири выйти из ряда местных, локальных операций, придать их действиям стратегическое значение в рамках проводимых им Новониколаевской и Красноярской наступательных операций 5-й армии.

Наибольшую неудовлетворенность Г.Х. Эйхе в это время, очевидно, испытал от опыта опосредованного управления Западно-Сибирской армией Е.М. Мамонтова, с вождями которой он сблизился и установил, казалось бы, должный уровень доверительности. Директивы Главкому Е.М. Мамонтову о необходимости развертывания твердых и решительных ударов на участок Транссибирской магистрали у Мариинска направлялись командующим по меньшей мере дважды: не позднее 7 и 12 декабря 1919 г. [20. С. 51]. На фоне стремительности наступления 5-й армии и скорого взятия Новониколаевска медлительность и бездействие повстанцев-«мамонтовцев» вызвала глубокое раздражение Эйхе. Вечером 14 декабря при посредничестве начальника 26-й стрелковой дивизии Я.П. Гайлита он сделал наглядное внушение Е.М. Мамонтову: «Неоднократными директивами командарм указывал на необходимость действия крупных партизанских масс на сообщения противника и в особенности на жел[езные] дороги, не дать возможности ему использовать таковые для эвакуации. Создавшаяся к настоящему времени обстановка наиболее благоприятствует подобной операции. <...> Задача, поставленная вашим отрядам командармом, должна быть выполнена во что бы то ни стало» [16. С. 661–662].

Как показало исследование, приказам и просьбам Г.Х. Эйхе Е.М. Мамонтов и его повстанческие силы так и не вняли, что не отрицалось впоследствии ветеранами партизанского движения. Так, упомянутый выше начальник штаба Е.М. Мамонтова, убежденный антагонист Г.Х. Эйхе Я.П. Жигалин в пространном 23-страничном отзыве на монографию «Опрокинутый тыл» (под заглавием «Против фальсификации истории и дискредитации партизанского движения в Сибири») всецело согласился с критикой подобной бездеятельности партизан. Небезынтересно, что это едва ли не единственный фрагмент отзыва, в котором Я.П. Жигалин признал правоту Г.Х. Эйхе, хотя и с позиции самооправдания. «Законным, – подчеркивал Я.П. Жигалин, – является упрек автора партизанам в

отношении железных дорог. Действительно, партизаны должны были обратить больше внимания и усилий для нарушения железнодорожного движения. <...> Такие возможности у партизан были, но использовали их они мало. Особенно это относится к партизанам Енисейской и Томской губерний, оперировавшим (так в тексте. – Р.Б.) вблизи главной сибирской магистрали. Алтайские же партизаны действовали в стороне от главной магистрали, но и они могли бы гораздо больше сделать... И даже могли бы выслать диверсионные отряды на главную магистраль. К сожалению, постоянно занятые заботой отражения непрерывных нападений врага, мы сами не додумались насколько важна задача порчи железных дорог и не получили указаний (sic! – Р.Б.) от городских подпольных большевистских организаций» [21. Л. 18]. Таким образом, даже сравнительно лояльно настроенная к Г.Х. Эйхе, на первый взгляд, группировка сил алтайских повстанцев не проявила должного внимания к его оперативным директивам. Более детальное исследование причин столь равнодушного отношения «мамонтовцев» к задачам, диктовавшимся характером операционного продвижения 5-й армии вглубь Западной Сибири, еще предстоит осуществить.

Из рассмотренных в настоящей статье «коллизий» во взаимоотношениях между партизанским контингентом и командармом Г.Х. Эйхе видно, что его «застарелая “болезнь” предубежденного отношения к партизанам» и «тенденциозность» [21. Л. 14; 22. С. 187], на которые неоднократно сетовал Я.П. Жигалин, не были беспочвенны и имели веские основания. Концентрированные итоги действий западно-сибирских повстанческих формирований и тактический рисунок их оперирования позволяют резюмировать, что им в целом так и не удалось оказать решающего влияния на ход и результаты проведенных Г.Х. Эйхе в ноябре 1919 г. – январе 1920 г. Новониколаевской и Красноярской наступательных операций 5-й армии (за исключением частных операций на вспомогательном семипалатинском направлении и под Красноярском в начале января 1920 г.). В этой связи мы будем солидарны с историком А.Л. Ожигановым, который подчеркивал, что основу победы над войсками адмирала А.В. Колчака, по мнению Г.Х. Эйхе, создали «не партизаны, а действия Красной (5-й. – Р.Б.) армии» [23. С. 135].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне г. Кемерово, Кемеровская область.

² Ныне в черте г. Новокузнецк, Кемеровская область.

³ Направлено в войска 5-й армии 15 декабря 1919 г. от имени начальника штаба армии Г.Я. Кутырева.

⁴ Ныне г. Новосибирск, Новосибирская область.

⁵ Обстоятельства этой поездки, частью пролежавшей по Транссибирской магистрали (литерный поезд до ж/д ст. Чулым), частью – санным путем вдоль этой же магистрали (от ст. Чулым до Новониколаевска), впоследствии были красноречиво описаны военачальником в воспоминаниях [17. Л. 336–337].

⁶ Согласование деталей будущей встречи Г.Х. Эйхе осуществил в ходе личных переговоров по прямому проводу с интендантом действовавшей на Алтае Западно-Сибирской партизанской армии И.Ф. Чекановым в начале декабря 1919 г. При этом делегации армии во главе с Главкомом Е.М. Мамонтовым Эйхе на тот момент предлагал прибыть в Павлодар (ныне Республика Казахстан) либо в Славгород [16. С. 456].

⁷ Вспоминая об указанном заседании Реввоенсовета 5-й армии 15 октября 1966 г. Я.П. Жигалин отнесет дату его проведения к 25 декабря 1919 г. [21. Л. 13].

⁸ Мнение Я.П. Жигалина объяснимо: приказом № 1117 он вводился в аппарат управления 5-й армии и назначался помощником инспектора пехоты армии.

⁹ См. переговоры Юшкина по прямому проводу с работником оперативного отдела штаба 5-й армии И.В. Смородиновым, а также с членом Реввоенсовета армии Н.П. Тепловым [10. Л. 4, 8–9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы героической борьбы : сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959. 564 с.
2. Приказ войскам Восточного фронта № 953 от 25 ноября 1919 г. // Приказы войскам Восточного фронта РСФСР. 25 мая 1919 – 6 мая 1920 гг.
3. Эйхе Г.Х. Разгром войск Колчака // Сибирские огни. 1965. № 3. С. 161–167.
4. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 185. Оп. 3. Д. 140.
5. Эльцин В. Пятая армия и сибирские партизаны // Борьба за Урал и Сибирь. Воспоминания и статьи участников борьбы с учредительской и колчаковской контрреволюцией. М.; Л., 1926. С. 261–280.
6. Шифрованная телеграмма Председателя СНК РСФСР В.И. Ленина Реввоенсовету Восточного фронта № 20/ш от 17 июля 1919 г. // The International Institute of Social History (IISH). L.D. Trockij. International Left Opposition Archives. Inv. Nr. 801.
7. Ларьков Н.С. В.И. Ленин о партизанщине в годы Гражданской войны // Классы и партии в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции : сб. статей. Томск, 1977. С. 127–136.
8. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 193.
9. Шуклецов В.Т. Из истории объединения партизан Западной Сибири с войсками 5-й армии // Ученые записки Новосибирского педагогического института. 1972. Вып. 73. С. 48–65.
10. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1366.
11. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1381.
12. Жигалин Я.П. Партизанские отряды занимали города... Барнаул, 1965. 164 с.
13. РГВА. Ф. 185. Оп. 3. Д. 1444.
14. Молоков И.Е. Роль Сибревкома в освобождении Сибири // Научные труды Омской высшей школы милиции МООП СССР. 1971. Вып. 8. С. 108–129.
15. ГАНО. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1373.
16. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.) : документы и материалы. Новосибирск, 1959. 832 с.
17. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 602. Инв. № 114345 (арх. 6920) 405.
18. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. 384 с.
19. ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 200.
20. Бердникова Е. Гражданская война и интервенты в Сибири // Освобождение Сибири от Колчака. Новосибирск, 1939. С. 30–53.
21. ГАНО. Ф. П-5а. Оп. 1. Д. 282.
22. Жигалин Я.П. О книге Г.Х. Эйхе «Опрокинутый тыл» // Сибирские огни. 1968. № 1. С. 183–187.
23. Ожиганов А.Л. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003. 317 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 сентября 2016 г.

“INVETERATE “ILLNESS” OF PREJUDICE AGAINST PARTISANS”. RELATIONSHIPS BETWEEN G. EICHE, COMMANDER OF THE 5TH ARMY OF THE WORKERS’ AND PEASANTS’ RED ARMY, AND THE INSURGENT FORCES OF WESTERN SIBERIA (1919–1920)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 70–75.

DOI: 10.17223/15617793/413/11

Roman A. Badikov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: badikov.roman@gmail.com

Keywords: G. Eiche; Russian Civil War; Red Army; partisans; history of Siberia.

For a long time, Russian historiography has been avoiding the controversial and intricate episodes of the Civil War in Russia due to the specifics of a conformist nature. Such episodes include, among others, the problem of effort unification between the regular 5th Army of RKKA [Workers’ and Peasants’ Red Army] and the insurgent (partisan) forces of Western Siberia during the elimination of the anti-Bolshevik regime of Admiral A.V. Kolchak (November 1919 – January 1920). The development vector of this process was largely determined by a personal factor, namely the will of Commander of the 5th Army, the “Red Lett” Genrich Eiche. The objective of this article is to consider the specifics of G. Eiche’s personal interaction with the insurgent troops and the evolution of his views regarding the problem of using partisan forces in the context of military actions conducted by the 5th Army he had been leading within Western Siberia. The framework of the resource base for the research were materials from a number of Russian archives (Russian State Military Archive, State Archive of Novosibirsk Oblast, State Historical Museum) that were introduced to the academic circulation for the first time ever and archive documents that had been published earlier in regional subject digests. In this sense, a special attention should be justly paid to the operative documentation of the 5th Army’s directorship and the memoirs by G. Eiche and his major antagonist, one of the leaders of Altai partisans, Ya.P. Zhigalin. Based on the complex of these and other materials, the author succeeded in reconstructing the actions G. Eiche undertook on the verge of 1919/1920 to implement the insurgent forces of Western Siberia: on the one hand, as a source of march reinforcements for the 5th Army that was suffering from both combat losses and a typhoid outbreak and, on the other hand, as a strike advance force of RKKA in Siberia and a full participant of military actions. However, due to a number of reasons discussed in the article, these attempts on the part of the commander of the 5th Army generally failed. Particular attention is focused on the unsuccessful experience of G. Eiche to direct vicariously the military actions of the insurgent groups in Altai and Yenisei Provinces of Russia that failed to execute any of the operative orders of the army commander. Finally, it was this particular experience that underlined the general mental disappointment of G. Eiche in the potential, fighting and moral qualities of the partisan movement of Western Siberia. These negative feelings proved mutual. Later, the insurgent veterans, when talking about G. Eiche’s personality, noted that he possessed “a biased attitude” and “inveterate “illness” of a prejudice against partisans”. The present research enabled to come to a conclusion that the negative perception of partisans by the commander of the 5th army had indeed taken place. However, it was not a result of his arbitrariness or prejudice, but, instead, was quite a well-grounded and, in many respects, just opinion of a military specialist.

REFERENCES

1. Grush, D.B. et al. (1959) *Dokumenty geroicheskoy bor'by: Sbornik dokumental'nykh materialov, posvyashchennykh bor'be protiv inostrannoy interentsii i vnutrenney kontrrevolyutsii na territorii Eniseyskoy gubernii (1918–1920 gg.)* [Documents of the heroic struggle: (1918–1920) collection of documentaries dedicated to the fight against foreign intervention and internal counterrevolution in the territory of Yenisei Province]. Krasnoyarsk.
2. Anon. (n.d.) Prikaz voyskam Vostochnogo fronta № 953 ot 25 noyabrya 1919 g. [The Order to the Eastern Front troops number 953 of November 25, 1919]. In: *Priказы voyskam Vostochnogo fronta RSFSR. 25 maya 1919 – 6 maya 1920 gg.* [Orders to the troops of the Eastern Front of the RSFSR. May 25, 1919 – May 6, 1920].
3. Eiche, G.Kh. (1965) Razgrom voysk Kolchaka [The defeat of Kolchak's troops]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 161–167.
4. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 185. List 3. File 140. (In Russian).
5. El'tsin, V. (1926) Pyataya armiya i sibirskie partizany [Fifth Army and the partisans of Siberia]. In: Smirnov, I.N., Flerovskiy, I.P. & Grunt, Ya.Ya. (eds) *Bor'ba za Ural i Sibir'. Vospominaniya i stat'i uchastnikov bor'by s uchredilovskoy i kolchakovskoy kontrrevolyutsiey* [The struggle for the Urals and Siberia. Memories and articles of participants of combat with the Constituent Assembly and Kolchak counterrevolution]. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo.
6. The International Institute of Social History (IISH). L.D. Trockij. International Left Opposition Archives. Inv. Nr. 801. *Shifrovannaya telegramma Predsedatelya SNK RSFSR V.I. Lenina Revvoensovetu Vostochnogo fronta № 20/sh ot 17 iyulya 1919 g.* [Encrypted telegram of Chairman of the RSFSR SNK V.I. Lenin to the Revolutionary Military Council of the Eastern Front number 20/sh from July 17, 1919].
7. Lar'kov, N.S. (1977) V.I. Lenin o partizanshchine v gody Grazhdanskoy voyny [Lenin on the partisans in the Civil War]. In: Razgon, I.M. et al. (eds) *Klassy i partii v Sibiri nakanune i v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Classes and parties in Siberia before and during the Great October Socialist Revolution]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 185. List 3. File 193. (In Russian).
9. Shukletov, V.T. (1972) Iz istorii ob"edineniya partizan Zapadnoy Sibiri s voyskami 5-y armii [From the history of Western Siberia partisans unification with the troops of the 5th Army]. *Uchenye zapiski Novosibirskogo pedagogicheskogo instituta*. 73. pp. 48–65.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 1366. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 1381. (In Russian).
12. Zhigalin, Ya.P. (1965) *Partizanskie otryady zanimali goroda...* [Partisan detachments occupied the cities . . .]. Barnaul: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
13. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 185. List 3. File 1444. (In Russian).
14. Molokov, I.E. (1971) Rol' Sibrevkoma v osvobozhdenii Sibiri [The Sibrevkom role in the liberation of Siberia]. *Nauchnye trudy Omskoy vysshey shkoly militsii MOOP SSSR*. 8. pp. 108–129.
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5. List 2. File 1373. (In Russian).
16. Gromov, I.V. et al. (eds) (1959) *Partizanskoe dvizhenie v Zapadnoy Sibiri (1918–1920 gg.): Dokumenty i materialy* [The partisan movement in Western Siberia (1918–1920): Documents and Materials]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
17. Department of the Written Sources of the State Historical Museum (OPI GIM). Fund 602. Inv. no. 114345 (Arch. 6920) 405. (In Russian).
18. Eiche, G.Kh. (1966) *Oprokinutyy tyl* [The inverted rear]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony SSSR.
19. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5a. List 1. File 200. (In Russian).
20. Berdnikova, E. (1939) Grazhdanskaya voyna i interenty v Sibiri [Civil War and invaders in Siberia]. In: Berdnikova, E.V. (ed.) *Osvobozhdenie Sibiri ot Kolchaka* [Liberation of Siberia from Kolchak]. Novosibirsk: Novosibirskoe oblastnoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-5a. List 1. File 282. (In Russian).
22. Zhigalin, Ya.P. (1968) O knige G.Kh. Eykhe "Oprokinutyy tyl" [On G.Kh. Eiche's The Inverted Rear]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 183–187.
23. Ozhiganov, A.L. (2003) *Otechestvennaya istoriografiya kolchakovskogo rezhima (noyabr' 1918 – yanvar' 1920 gg.)* [Domestic historiography of the Kolchak regime (November 1918 – January 1920)]. History Cand. Diss. Ekaterinburg.

Received: 23 September 2016

РЕАЛИЗАЦИЯ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ПОДДЕРЖКЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРАНСПОРТНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА ПРИМЕРЕ ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ХОЛДИНГОВОЙ КОМПАНИИ «БАРНАУЛТРАНСМАШ» В 1999–2008 гг.

Экономический кризис 1998 г. привел к изменению основных направлений государственной политики по поддержке предприятий машиностроительной отрасли Алтайского края. Основное внимание уделялось конверсии заводов в условиях сокращения государственных заказов. Для переориентации производства руководству холдинговой компании ОАО «Барнаултрансмаш» необходимо было решить вопросы инвестиций при высоком уровне износа основных производственных фондов, росте цен на комплектующие материалы в первой половине 2010-х гг. и отсутствии единой стратегии управления предприятием.

Ключевые слова: ОАО «Барнаултрансмаш»; промышленная политика; машиностроение; дефолт.

Экономический кризис 1998 г. стал главной причиной падения производства в машиностроительной отрасли Алтайского края. Заметно сократились объемы производства, ухудшилось финансовое положение большинства предприятий, усилился кризис неплатежей. Инфляция к концу 1998 г. составила 171% по отношению к декабрю 1997 г. [1].

В связи со сложным положением крупнейших предприятий промышленности в бюджетной системе Алтайского края не хватало средств для реализации основных направлений бюджетной политики. Потребность в расходах консолидированного бюджета на 2001 г. была определена в сумме 20,4 млрд руб., в том числе расходы составили 15,4 млрд руб., переходящая задолженность по финансированию за 2000 г. – 5 млрд руб. Недостаток средств для покрытия потребности в расходах консолидированного бюджета достиг 9,4 млрд руб. [2]

Частичным решением проблем наполняемости бюджетных фондов Алтайского края мог стать комплекс мероприятий, направленных на улучшение показателей финансово-хозяйственной деятельности предприятий промышленного сектора. В связи с этим главная цель промышленной политики региона в 1999–2005 гг. заключалась в окончательном замедлении темпов падения производства, его стабилизации и подъеме экономики промышленных компаний. Для ее достижения органами местного самоуправления был принят «План социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года».

Нормативный документ предусматривал:

- реализацию и развитие имеющегося потенциала в отраслях и производствах, обладающих потенциальной конкурентоспособностью на внутреннем и мировом рынках, преодоление отставания технического уровня отраслей и производств, а также перевод предприятий на этой основе в стадию подъема;

- стабилизацию в общем объеме производства доли материалов, полуфабрикатов и комплектующих изделий на качественно новом уровне, рост доли машин, оборудования и товаров народного потребления, последовательное повышение доли перерабатывающих отраслей к концу периода;

- модернизацию технической базы производства, преимущественно силами отечественного машиностроения, путем более широкого использования эффективных технологий (в том числе и зарубежных), которые создадут основу для проведения политики ресурсосбережения;

- преодоление спада, стабилизацию и развитие производства в наиболее перспективных для экономики края отраслях промышленности – пищевой, легкой и текстильной, перерабатывающих местную сельскохозяйственную продукцию, тракторном и сельскохозяйственном машиностроении, оборонной промышленности, а также производств, играющих существенную роль в территориальном разделении труда и имеющих значительные производственные, научно-технические и кадровые потенциалы: в котлостроении, вагоностроении и в производстве химических волокон, шин и минеральных удобрений;

- нормализацию инвестиционного процесса, обеспечение условий для роста инвестиций в промышленность [3].

В рамках реализации данной программы на ОАО «Барнаултрансмаш» планировалось постепенное увеличение выпуска дизельных двигателей Д-4601 и его модификаций для трактора Т-250 и других машин, производство нового семейства дизелей многоцелевого назначения типа БМД с годовым объемом 2 тыс. штук в год, предназначенных для применения в различных отраслях народного хозяйства, разработанных на основе новых прогрессивных конструкторских решений, обеспечивающих соответствие технико-экономических показателей мировому уровню, и дизелей для Волжского автомобильного завода.

Общий объем инвестиций, необходимый для реализации комплекса мер согласно плану, составил свыше 1,5 млрд руб. в ценах на 1998 г. Финансирование предприятий машиностроительной отрасли предполагалось осуществить из нескольких источников, один из которых – бюджет развития Российской Федерации [3].

Крупнейшее предприятие транспортного машиностроения открытое акционерное общество холдинговая компания «Барнаултрансмаш» (ОАО «БТМ») завершило 1999 финансовый год с положительным ба-

лансом. Прибыль от финансово-хозяйственной деятельности достигла 127,3 млн руб. (возросла на 46,8% по сравнению с аналогичным отчетным периодом 1998 г.) [4].

В 1999 г. негативное влияние на экономические показатели завода оказал рост цен на материалы и покупные комплектующие, используемые в производстве. Высокий индекс удорожания имели черные металлы: сталь 18х2Н4МА кв.160 – на 103%, чугун – на 94%, силумин и алюминий – на 60% [Там же].

Несмотря на снижение производства дизелей и дизель-генераторов «Ч 15х18», на заводе наблюдалось увеличение производства главных судовых дизелей (рост с 7,31% в 1997 г., 10,9% – в 1998 г. до 13,98% – в 1999 г.) [Там же].

Средняя заработная плата в 1999 г. составила 1 253,5 тыс. руб. (против 880,1 тыс. руб. 1998 г.) и по сравнению с 1999 г. увеличилась на 42,4%. Наивысший уровень средней заработной платы был достигнут в декабре – 1 496,8 тыс. руб. Среднемесячный фонд заработной платы зафиксирован около 6 299 тыс. руб. [5].

С 2000 по 2001 гг. на ОАО «БТМ» отмечалось сокращение производства специальной продукции на сумму 218 581 тыс. руб. [6] К разработке конверсионного проекта ОАО «БТМ» подтолкнуло резкое сокращение госзаказа на производство двигателей для боевой техники в 2000 г. Однако производственные мощности (5 тыс. двигателей в год) были недостаточны для массового рентабельного производства [5].

Генеральный директор завода Пётр Рожков отмечал, что для увеличения производства до 15 тыс. двигателей необходимо 3–5 млн долларов США. Следующий этап предусматривал наращивание производства до 30 тыс. двигателей в год и требовал капиталовложений в 20 млн долларов США [5].

К 2000 г. крупные пакеты ценных бумаг предприятия были сконцентрированы у двух собственников: генерального директора АО «БТМ» и владельца ОАО «Сибирская земля» А.Н. Банных и ООО «Инвест-систем».

На протяжении 2000–2002 гг. ОАО «Сибирская земля» аккумулировало акции ОАО «БТМ». К 2002 г. компания стала владельцем контрольного пакета (около 50%), что гарантировало стратегическому инвестору поддержку проектов управленческими, техническими и материальными ресурсами.

18 марта 2002 г. руководство ООО «Инвест-систем» обнародовало свое требование о проведении внеочередного собрания акционеров ОАО холдинговая компания «Барнаултрансмаш» (БТМ). Компания ООО «Инвест-систем», владевшая 15,42% голосующих акций, была намерена добиться внесения изменений в устав алтайского предприятия и изменения состава его Совета директоров [7].

Борьба двух групп акционеров за право управлять крупным машиностроительным предприятием Алтайского края продолжалась с осени 2001 г. В ноябре 2001 г. акционер Анатолий Банный, которому принадлежало ОАО «Сибирская земля», предпринял попытку перерегистрировать ОАО «Барнаултрансмаш»

в одной из российских оффшорных зон, поставив под угрозу подписание соглашения между ОАО «БТМ» и ОАО «АВТОВАЗ» о начале производства дизельных двигателей новой модификации с 2004 г. [7]

Руководство ОАО «Сибирская земля» вело переговоры по продаже контрольного пакета ценных бумаг третьим лицам (ОАО «АВТОВАЗ»), не уведомив о своем решении руководство ООО «Инвест-систем» и игнорируя судебные решения, запрещающие подобные сделки. А. Банный неоднократно заявлял о том, что согласовал вопрос о переводе активов ОАО «БТМ» в другой регион с органами местного самоуправления, однако ни краевые власти, ни руководители ОАО «АВТОВАЗ» подобную информацию не подтвердили [Там же].

В период с 2000 по 2002 г. управление заводом осуществлялось на низком профессиональном уровне. По словам сотрудника АО «Барнаултрансмаш» Михаила Лемова, А. Банных не уделял должного внимания производственным вопросам. С каждых 5,2 руб. реализованной продукции выделялся 1 руб. на оплату труда. В октябре 2002 г. на предприятии вышел приказ № 674К, согласно которому в целях повышения уровня заработной платы необходимо было провести сокращение персонала на 30% [8]. М. Лемов отмечал, что данные действия были направлены на снижение стоимости акций компании для дальнейшей покупки и перепродажи.

Владельцы крупных пакетов ценных бумаг по-разному видели решения вопроса конверсии предприятия. Компанией ООО «Инвест-систем» был разработан детальный инвестиционный проект развития завода, осуществлялся планомерный поиск новых инвесторов и партнеров «Барнаултрансмаша». В то же время руководители ОАО «Сибирская земля» фактически отстранились от решения проблем ОАО «БТМ» [7]. Стороны не смогли решить вопросы о дальнейшей финансовой стратегии завода дипломатическими методами. В январе 2002 г. Белозерский районный суд Курганской области выявил ряд финансовых нарушений в действиях акционеров ОАО ХК «Барнаултрансмаш», наложив при этом запрет на передвижение акций, принадлежащих ОАО «Сибирская земля», ООО «Экскер», ЗАО «Содействие» и ОАО «Алтайские макароны» (в совокупности около 40% акций ОАО «БТМ»), и голосование на общих собраниях акционеров.

Судебный вердикт не помешал А. Банным начать переговоры с руководителями холдинга «РосПромАвто» и тольяттинской группы «СОК» о продаже контролируемого им 40% пакета акций ОАО «БТМ». Алтайского промышленника не беспокоило, что несколькими месяцами ранее им уже было подписано несколько подобных договоров о покупке этих же ценных бумаг, в том числе и с П. Федулевым (владельцем ООО «Инвест-систем»), который к тому времени уже вложил в развитие предприятия большие средства [7].

В марте 2002 г. топ-менеджеры АО «СОК» и АО «БТМ» встретились с губернатором края Александром Суриковым, который выразил готовность содействовать успешной реализации проекта по конверсии барнаульского завода [5].

В результате в марте 2002 г. группа компаний СОК, крупнейший производитель автомобилей в РФ, стала владельцем 72,58% акций ОАО «БТМ» [9]. Ее представитель В.В. Шеянов (ООО «Инвестиционная компания «Трансфер») вошел в состав совета директоров эмитента.

Интерес группы к предприятию был связан с планами ОАО «АВТОВАЗ» по восстановлению программы выпуска автомобилей с дизельными двигателями (в 2004 г. автозавод планировал собрать 80 тыс. автомобилей, использующих дизтопливо, и СОК должна была стать монопольным поставщиком двигателей для них).

В 2003 г. руководство ОАО «АВТОВАЗ» изменило линейку производственной продукции в пользу автомобилей с бензиновым двигателем. Данное решение негативным образом отразилось на финансово-хозяйственной деятельности ОАО «БТМ». Группа компаний «СОК» выставила акции барнаульского завода на продажу. В 2003 г. холдинг «Руспромавто» (РПА) приобрел 19,68% акций ОАО «Барнаултрансмаш» [9].

Данные анализа финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Барнаултрансмаш» 2003 г. [10] свидетельствовали об ухудшении финансового состояния завода. С 2000 по 2002 г. производство продукции сократилось на 248 337 тыс. руб., объемы новых изделий – на 53 031 тыс., выручка от реализации продукции – на 63 443 тыс. руб. Кризисные явления привели к сокращению численности сотрудников. За данный период на заводе было уволено 1 143 человека, 410 из них входили в категорию основных сотрудников (промышленно-производственный персонал). Это позволило увеличить среднемесячный фонд оплаты труда на 1 909 тыс. руб. В 2003 г. показатель прибыли от общей деятельности увеличился на 86 503 тыс. руб. Рост прибыли не был связан с основной производственной деятельностью. С 2000 по 2001 г. убыток предприятия вырос на 33 903 тыс. руб. [Там же].

К 2003 г. имущество предприятия, валюта баланса, увеличилось на 103,4 млн руб. против уменьшения на 57,5 млн руб. в 2002 г. Кроме того, наблюдался рост активов на 13,1% против роста на 6,8% в 2002 г. Уменьшилась стоимость основных средств на 19 439 млн руб. (6,01%) против 2002 г., где снижение составило 88,1 млн руб. (21,4%). Структура оборотных средств характеризовалась увеличением дебиторской задолженности в 2003 г. на 28,5 млн руб. против снижения задолженности на 34,1 тыс. руб. в 2002 г. Доля внеоборотных активов в 2003 г. уменьшилась на 17% против уменьшения в 2002 г. на 6,5%. Доля оборотных активов за отчетный год увеличилась на 7,9% против уменьшения на 6,5% в 2002 г. [11. С. 6.]

Такие показатели были достигнуты за счет реализации продукции и продажи непроизводственных фондов. Рост дебиторской задолженности негативно сказывался на работе предприятия, поскольку у него не хватало средств на обновление оборудования. К 2003 г. износ активной части основных производственных фондов составил 89,4% [Там же. С. 7].

Специалисты Информационно-аналитического интернет-проекта «Законодательство & Инвестиции»

пришли к выводу о том, что основными причинами упадка ОАО «Барнаултрансмаш» в 2000–2003 гг. стали: пониженный моторесурс выпускаемой продукции (основные представители товарной номенклатуры изначально разрабатывались для применения в военной технике), применение дорогостоящих и малораспространенных масел, отсутствие разветвленной сети гарантийного и послегарантийного обслуживания. Среди внешних причин можно было назвать снижение объемов финансирования оборонного комплекса и усиление конкуренции в отрасли дизелестроения соответствующей направленности (ранее предприятие являлось монополистом в области обеспечения народного хозяйства дизелями Д6 и Д12) [12].

К 2004 г. ценные бумаги ОАО «Барнаултрансмаш» были распределены на обыкновенные акции общей стоимостью 268,7 млн руб. (доля в уставном капитале – 78,66%) и привилегированные акции – 72,9 млн руб. (доля в уставном капитале – 21,34%). Основной пакет обыкновенных акций принадлежал трем компаниям, зарегистрированным в г. Самара: ООО «Самарская Объединенная Компания» – 17,18%, ООО «ТРАНСФЕРТИНГ» – 7,01%, ООО «Иж-Траст» – 49,31% [13].

Инвесторы группы компаний «СОК» провели ряд мероприятий, направленных на стабилизацию финансовой деятельности машиностроительного завода, что позволило активизировать деятельность на внутреннем и внешнем рынках. Предприятие в большей степени стало ориентироваться на долгосрочные партнерские отношения. Это привело к расширению традиционной номенклатуры отгружаемой дизельной продукции, введя в ее состав автомобильные дизели семейства «ВАЗ» и газопоршневые агрегаты различной мощности [13].

Комплекс мер, направленный на улучшение финансового положения на ОАО «БТМ», требовал дополнительных инвестиций и государственных заказов от оборонно-промышленного комплекса государства.

Несмотря на то что увеличение объемов государственного оборонного заказа в первой половине 2010-х гг. входило в одно из ключевых направлений государственной политики и в оборонно-промышленном комплексе края в 2006 г. был отмечен рост темпов производства продукции 115,3% [14], производственные мощности ОАО «БТМ» не были загружены на 100%.

Основные направления государственной политики по поддержке предприятий транспортного машиностроения Алтайского края, заложенные в Плане социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 гг. и на период до 2005 г., были реализованы на ОАО «Барнаултрансмаш» частично. Руководство завода смогло замедлить темпы спада производства к 2004 г. При этом достичь положительных результатов по модернизации материально-технической базы, привлечению инвестиций, необходимых для конверсии производства, созданию конкурентной продукции, пользующейся спросом на международных рынках, предприятию не удалось.

С 2006 по 2008 г. производство продукции на ОАО «БТМ» было примерно на одном уровне. Компания

работала без прибыли. Убытки в 2006 г. составили 173 млн руб., а в 2008 г. – 146 млн руб. [15]. Причина таких показателей была в снижении рентабельности изделий. В 2006 г. затраты на 1 руб. продукции достигли 122 коп. К 2008 г. они увеличились до 134 коп. Основные производственные фонды за указанный период практически не обновлялись, их износ к 2008 г. вырос до 72% [Там же]. При всех отрицательных сторонах баланса, компания не имела непокрытых убытков и, следовательно, долгов по заработной плате, которая варьировалась в среднем от 8 238 руб. в 2006 г. до 12 466 руб. в 2008 г.

В 2009 г. распоряжением Правительства Российской Федерации был утвержден перечень стратегических организаций, включающий восемь предприятий Алтайского края, среди которых ОАО «Алтайский приборостроительный завод “Ротор”», ОАО «Барнаултрансмаш», АО «Федеральный научно-производственный центр “Алтай”», ОАО «Барнаульское специальное конструкторское бюро “Восток”», ОАО «Бийское производственное объединение “Сибпри-

бормаш”» [16]. Увеличение объемов государственно-го заказа оборонного комплекса создавало перспективы для модернизации основных направлений производственной деятельности ОАО «Барнаултрансмаш».

Реализация отдельных направлений промышленной политики по поддержке предприятий транспортного машиностроения в 1999–2009 гг. на ОАО «Барнаултрансмаш» не привела к запланированным результатам. Завод зависел от государственных заказов на продукцию оборонно-промышленного комплекса, сокращение которых негативно сказалось на всем производственном процессе. Компания остро нуждалась в инвестициях и модернизации производственных мощностей. Поиск инвесторов в первой половине 2000-х гг. привел к смене владельцев крупных пакетов ценных бумаг. Руководству группы компаний «СОК» удалось частично стабилизировать темпы выпуска основной продукции ОАО «БТМ» в 2004–2006 гг., но предприятию требовались масштабное обновление основных производственных фондов и долгосрочные заказы на внутренних и внешних рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в План социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года (утратило силу на основании постановления администрации Алтайского края от 16.09.2008 N 385): Постановление Администрации Алтайского края № 354 от 17 мая 1999 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. 2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/940702896> (дата обращения: 09.05.2014).
2. 9-я сессия Краевого Совета народных депутатов. Основные параметры краевого бюджета 2001 г. // Информационное агентство AMIC.RU. 2011. URL: <http://www.amic.ru/ksnd/?id=1670> (дата обращения: 20.05.2011).
3. Об утверждении Плана социально-экономического развития Алтайского края на 1998–2000 годы и на период до 2005 года: Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 1 апреля 1998 г. № 116 // Справ.-прав. сист. «Гарант».
4. Бухгалтерская отчетность за 1999 год. Холдинговая компания «Барнаултрансмаш» // Законодательство и инвестиции. 2004. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/766C81D071FB4764C3256D3D0038EF8C/disc1_acnt.html (дата обращения: 01.06.2016).
5. «Барнаултрансмаш» отбился от уральцев с помощью волжан // ksonline.ru. 22.03.2002. URL: <http://www.ksonline.ru/numer/ks/-/id/15676/> (дата обращения: 30.05.2015).
6. Анализ финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Барнаултрансмаш» за 2000 год и прогноз на 2001 год // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 2003 г. (без нумерации страниц).
7. Среднеуральские промышленники намерены сменить руководство ОАО «Барнаултрансмаш» // Уралинформбюро. 18.03.2002. URL: <http://www.uralinform.ru/armnews/news13053.html> (дата обращения: 30.05.2016).
8. Лемов М. Станет ли «Трансмаш» макаронной фабрикой? // Голос труда. 2001. 23 нояб.
9. Из «Барнаултрансмаша» выжимают СОК // KOMMERSANT.RU. 12.01.2005. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/537889> (дата обращения: 30.05.2016).
10. Анализ финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Барнаултрансмаш» // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 2003 г. (без нумерации страниц).
11. Пояснительная записка к годовому отчету 2003 г. ОАО «Барнаултрансмаш» // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 2003 г. С. 6–7.
12. Анализ тенденций развития в сфере основной деятельности эмитента. Ежеквартальный отчет. Открытое акционерное общество – холдинговая компания «Барнаултрансмаш». Холдинговая компания «Барнаултрансмаш», ОАО // Законодательство и инвестиции. 2004. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/33BF2B02F69B7A52C3256FD600324C83/disc1_doc.html (дата обращения: 30.05.2016).
13. Ежеквартальный отчет. Открытое акционерное общество – холдинговая компания «Барнаултрансмаш». Холдинговая компания «Барнаултрансмаш», ОАО // Законодательство и инвестиции. 2004. URL: http://www.lin.ru/db/emitent/33BF2B02F69B7A52C3256FD600324C83/disc1_doc.html (дата обращения: 30.05.2016).
14. О Комплексной программе социально-экономического развития Алтайского края: Постановление Администрации Алтайского края от 28.12.2007 № 622 // Справ.-прав. сист. «Гарант».
15. Анализ финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Барнаултрансмаш» от 2009 г. // Текущий архив Управления Алтайского края по промышленности и энергетике. Папка 2009 г. (без нумерации страниц).
16. Оборонно-промышленный комплекс Алтайского края – день сегодняшний // Федеральный справочник. 2016. URL: <http://federalbook.ru/files/OPK/Soderjanie/OPK-11/I/Karlin.pdf> (дата обращения: 27.05.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 17 октября 2016 г.

IMPLEMENTATION OF THE STATE POLICY TO SUPPORT THE ALTAI KRAI TRANSPORT ENGINEERING ENTERPRISES (A CASE STUDY OF THE HOLDING COMPANY BARNAULTRANSMASH, 1999–2008)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 76–80.

DOI: 10.17223/15617793/413/12

Konstantin A. Brumm, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

Keywords: Barnaultransmash, JSC; industrial policy; mechanical engineering; market crash.

The following article studies the problematic aspects of the implementation of the state policy to support an Altai Krai transport engineering enterprise, the holding company Barnaultransmash (BTM JSC) in 1998–2009. The economic recession of 1998 led to changes in the guidelines of the state policy aimed at the support of Altai Krai mechanical engineering enterprises. The main goal of local governments during the aforementioned period was to develop a complex of measures aimed at regional economy stabilization and creation of circumstances which would favor conversion in industrial sector enterprises. The market crash of 1998 became the leading cause of completion materials price growth; the materials were required by BTM JSC to continue the production of its principal products in 1999. Reduction of state-guaranteed orders, wear and tear of principal production facilities, low production profitability affected negatively security prices of the factory. Starting with the second half of the 1990s and until 2002 there was no concerted conversion strategy among the large shareholders of BTM JSC. Most shares of stock were sold to Samarskaya Obyedinyonnaya Kompaniya, Ltd. due to the lack of interest in BTM JSC development among the investing public of Altai Krai. In 2000–2004, the decline of production and manufacturing personnel reduction were registered in BTM JSC. The company had issues with sales of products. The primary objective of the BTM JSC management in 2004–2006 was to stabilize the financial and economic state of the enterprise. The implementation of this objective depended directly on long-term contracts for diesel engines with largest transport engineering companies. Domestic market orientation and partial optimization of the production process allowed to retain the production pace in 2006–2008. During the first half of the 2010s the principal production process was hindered by the lack of a proper control by the Altai Krai local government, poor refinement of the state policy aimed at the support of transport engineering, insufficient legal regulation of stock market accompanied by low standards of managerial work by the factory management during this period. Despite the positive trends in the enterprise operation during the second part of the 2010s the BTM JSC Board of Directors was unable to settle the issue of equipment upgrade, which led to a decrease in production profitability.

REFERENCES

- Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii. (2014) *Postanovlenie Administratsii Altayskogo kraya N 354 ot 17 maya 1999 g. "O vnesenii izmeneniy v Plan sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya na 1998–2000 gody i na period do 2005 goda (utratilo silu na osnovanii postanovleniya administratsii Altayskogo kraya ot 16.09.2008 N 385)"* [Resolution of the Altai Krai Administration N 354 of May 17, 1999 "On Amendments to the plan of the socio-economic development of Altai Krai for 1998–2000 and for the period up to 2005 (repealed by order of the administration of Altai Krai of 16.09.2008 N 385)"]. 2014. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/940702896>. (Accessed: 9th May 2014).
- AMIC.RU. (2011) *9-ya sessiya Kraevogo Soveta narodnykh deputatov. Osnovnye parametry kraevogo byudzheta 2001 g.* [9th Session of Krai Congress of People's Deputies. General Parameters of the 2001 Krai Budget]. [Online] Available from: <http://www.amic.ru/ksnd/?id=1670>. (Accessed: 20th May 2011).
- Garant. (2005) *Postanovlenie Altayskogo kraevogo Zakonodatel'nogo Sobraniya ot 1 aprelya 1998 g. N 116 "Ob utverzhdenii Plana sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya na 1998–2000 gody i na period do 2005 goda"* [Resolution of the Altai Regional Legislative Assembly, of 1 April 1998 N 116 "On approval of the socio-economic development of Altai Krai for 1998–2000 and for the period till 2005"].
- Zakonodatel'stvo i investitsii. (2004) *Bukhgalterskaya otchetnost' za 1999 god. Kholdingovaya kompaniya "Barnaultransmash"* [Accounting reports of holding company Barnaultransmash for 1999]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. [Online] Available from: <http://www.lin.ru/db/emitent/766C81D071FB4764C3256D3D0038EF8C/disc/acnt.html>. (Accessed: 1st June 2016).
- Ksonline.ru. (2002) *"Barnaultransmash" otbilsya ot ural'tsev s pomoshch'yu volzhan* [Barnaultransmash hurled Uralians back with the help of the Volga Region]. [Online] Available from: <http://www.ksonline.ru/nomer/ks/-/id/15676/>. (Accessed: 30th May 2015).
- The Current Archive of Industry and Energy Department of Altai Krai. Folder for 2003. *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO "Barnaultransmash" za 2000 god i prognoz na 2001 god* [Analysis of financial-economic activity of JSC Barnaultransmash].
- Uralinformbyuro. (2002) *Sredneural'skie promyshlenniki namereny smenit' rukovodstvo OAO "Barnaultransmash"* [Manufacturers from the Central Urals seek to change the JSC Barnaultransmash Management]. *Uralinformbyuro*. 18 March. [Online] Available from: <http://www.uralinform.ru/armnews/news13053.html>. (Accessed: 30th May 2016).
- Lemov, M. (2001) Stanet li "Transmash" makaronnoy fabrikoy? [Will Transmash become a pasta factory?]. *Golos truda*. 23 November.
- KOMMERSANT.RU. (2005) *Iz "Barnaultransmasha" vyzhimayut SOK* [Barnaultransmash is driven hard]. *KOMMERSANT.RU*. 12 January. [Online] Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/537889>. (Accessed: 30th May 2016).
- The Current Archive of Industry and Energy Department of Altai Krai. Folder for 2003. *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO "Barnaultransmash"* [The Analysis of financial and operational activities of JSC Barnaultransmash].
- The Current Archive of Industry and Energy Department of Altai Krai. Folder for 2003. *Poyasnitel'naya zapiska k godovomu otchetu 2003 g. OAO "Barnaultransmash"* [Explanatory note to the annual report of JSC Barnaultransmash for 2003]. pp. 6–7.
- Zakonodatel'stvo i investitsii. (2004) *Analiz tendentsiy razvitiya v sfere osnovnoy deyatel'nosti emitenta. Ezhekvartal'nyy otchet. Otkrytoe aktsionernoe obshchestvo – kholdingovaya kompaniya "Barnaultransmash"*. Kholdingovaya kompaniya "Barnaultransmash", OAO [Analysis of the development tendencies in principal activities of the emitent. A Quarterly Report. Holding Company JSC Barnaultransmash]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. [Online] Available from: <http://www.lin.ru/db/emitent/33BF2B02F69B7A52C3256FD600324C83/disc/doc.html>. (Accessed: 30th May 2016).
- Zakonodatel'stvo i investitsii. (2004) *Ezhekvartal'nyy otchet. Otkrytoe aktsionernoe obshchestvo – kholdingovaya kompaniya "Barnaultransmash"*. Kholdingovaya kompaniya "Barnaultransmash", OAO [A Quarterly Report. Holding Company JSC Barnaultransmash]. *Zakonodatel'stvo i investitsii*. [Online] Available from: <http://www.lin.ru/db/emitent/33BF2B02F69B7A52C3256FD600324C83/disc/doc.html>. (Accessed: 30th May 2016).
- Garant. (2007) *Postanovlenie Administratsii Altayskogo kraya ot 28.12.2007 N 622. "O Kompleksnoy programme sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya"* [Resolution of the Administration of Altai Krai of 28.12.2007 N 622 "On the Comprehensive Program of Socio-Economic Development of Altai Krai"].
- The Current Archive of Industry and Energy Department of Altai Krai. Folder for 2009. *Analiz finansovo-khozyaystvennoy deyatel'nosti OAO "Barnaultransmash" ot 2009 g.* [Analysis of financial-economic activities of JSC Barnaultransmash for 2009].
- Federal'nyy spravochnik. (2016) *Oborono-promyshlennyy kompleks Altayskogo kraya – den' segodnyashniy* [The military-industrial complex of Altai Krai today]. [Online] Available from: <http://federalbook.ru/files/OPK/Soderzhanie/OPK-11/II/Karlin.pdf>. (Accessed: 27th May 2016).

Received: 17 October 2016

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТА ФЕТИШЕЙ – *ТӨС'ОВ* У ХАКАСОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭТНОГРАФИИ (КОНЕЦ XVIII – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX в.)

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).

Впервые в российской историографии рассматриваются вопросы изучения феномена фетишизма у хакасов, известного в этнографии как культ *төс'ов*. Целью работы являются обзор и анализ историко-этнографического исследования сакрализованных ритуальных изделий в религиозно-мифологической системе данного народа. Территориальные рамки исследования ограничиваются современной территорией Республики Хакасия и юга Красноярского края Российской Федерации. Хронологические рамки охватывают конец XVIII – вторую половину XX в. Отмечается, что в традиционных воззрениях и шаманизме хакасов фетиши воспринимались в качестве могучих духов-покровителей, в связи с чем были окружены ореолом сакральности и пользовались особым почитанием.

Ключевые слова: хакасы; историография; традиционные верования; шаманизм; культ; фетиши; *төс'ы*.

Исследование духовной культуры каждого народа является одной из наиболее приоритетных сфер исторической науки, в том числе и этнологии (этнографии / антропологии). В настоящее время в мире наблюдается ускорение темпов глобализации и технологических процессов. С одной стороны, это влечет за собой трансформацию социально-экономической и социально-политической структур общественной жизни и, как следствие, культурную унификацию. С другой стороны, интенсивным становится стремление малочисленных этнических сообществ сохранить свою культурную идентичность и самобытность.

Обращение к духовному наследию в последнее время актуально в связи с тем, что российское общество, как и мировое сообщество в целом, переживает один из непростых периодов исторического пути. В такой непростой ситуации, охватившей практически все сферы общественной жизни, выход для многих видится в поисках исчезающей духовности, в возвращении к изначальным общечеловеческим ценностям, в попытке рационального осмысления и использования многовекового культурного опыта. Несомненно, что ядро культуры любого этноса составляет традиционное мировоззрение. Оно, реагируя на изменения историко-культурных и социальных условий, является отражением социальной действительности, которую переживает носитель мировоззрения – этнос.

Актуальность предлагаемого исследования определена тем, что этническая культура как основа жизнедеятельности людей выступает фундаментальным основанием социальной действительности. В этой связи исключительный интерес представляет исследование традиционного мифо-ритуального комплекса хакасов, в частности культа *төс'ов*. В представленной статье ограничимся рассмотрением лишь вопросов историко-этнографического изучения данного культурного явления, происходившего на протяжении трех столетий – конца XVIII – второй половины XX в. Отметим, что в отечественной гуманитарной науке предложенная тема рассматривается впервые.

В мировоззрении и обрядности хакасов существенное место отводилось фетишизму. В российской этнографической науке под этим термином принято понимать «совокупность религиозных представлений,

наделяющих сверхъестественными свойствами неодушевленные материальные объекты, чем вызывается особое, религиозное к ним отношение» [1. С. 212]. Хакасы называли фетиши *төс'ами*.

В языке и культуре хакасов термин *төс* не ограничивается лишь обозначением фетиша. Он имеет широкое семантическое поле. Под этой лексемой еще принято понимать следующее: 1) грудь, грудинка; 2) основание, подножие, корень; 3) сверхъестественные существа – духи и др. [2. С. 236; 3. С. 665]. В.Я. Бутанав в ходе многолетних полевых этнолингвистических изысканий у хакасов дополнил семантику термина *төс* такими смысловыми категориями, как: 1) основные устои общества; 2) родительский кров; 3) духовная сила, дух народа; 4) ангел-хранитель и др. [4. С. 154].

Култ фетишей у хакасов на протяжении многих веков неизменно вызывал большой интерес у всех тех, кто в той или иной степени соприкасался с их культурой. Самые ранние и очень лаконичные сведения о культе *төс'ов* были зафиксированы еще в сказе, составленном в 1737 г. красноярскими боярскими детьми Прокопием Многогрешным и др. В свете соответствующих религиозно-идеологических представлений русских того времени в данном письменном источнике они были обозначены как шайтаны. В документе об этом представлено следующее повествование: «Да у оных же татар (хакасов. – *Авт.*) вера имеетца и приносят жертву: бросают в огонь ядь куски свои, и потом бросают шайтанам, которые весят на батогах у себя в юртах: голые соболи, и колонки, и горностаи, и белки, и привязывают же всякие лоскутья и из птиц привязывают орлов и лунев и тем называют шайтанов и... в них веруют» [5. С. 100].

Первым же профессиональным исследователем, который ввел в научный оборот термин *төс'*¹, был знаменитый немецкий и российский учёный-естествоиспытатель и путешественник XVIII–XIX вв. П.С. Паллас. Он зафиксировал у хакасов это слово в значении материальных культовых объектов и представил их общее описание. Данное культурное явление он отметил в ходе изучения внутреннего убранства хакасской юрты. Исследователь обратил внимание на находящиеся в жилище специфические рели-

гиозные атрибуты, о чем сообщил следующее: «Самого сего злого бога представляют они, сколько я мог понять, в некотором виде домашнего идола, коего они на каждом шалаше (юрте. – *Авт.*) снаружи на восточной стороне ставят и тисом (*тöс'ом*. – *Авт.*) называют, на некоторой подобно вилам расщепленной палке, т.е. вырезанной из длинного древесного сука привязаны к натянутому поперек ремню, две вырезанные в толщину птицы палочки из коих в каждой воткнуто тетерева перо, так, что из одного выходит двойная птица с распушенными крыльями. Между обеими палочками висит лоскуток лисьей или горностаевой кожи и длинный хвост разодранных жил к коим часто примешивают и лошадиные волосы» [6. С. 464–465].

Известный российский историк Г.И. Спасский, изучая традиции и быт народов Сибири, не прошел мимо феномена почитания хакасами *тöс'ов*. Исследователь при этом обратил внимание на внешнее и функциональное сходство отдельных хакасских и бурятских фетишей. По поводу чего он писал: «У Белтирцев и Качинцов (группы хакасов. – *Авт.*) часто однако же привешены бывают пред юртами их разные звериные шкурки и лоскутья, которые едва ли содержат они не вместо Бурханов (почитаемых божеств. – *Авт.*). У некоторых даже замечен подобной Братскому Онгону (бурятскому фетишу. – *Авт.*), или лоскутному идолу» [7. С. 4–5]. Следует отметить тонкое и внимательное наблюдение Г.И. Спасского о семантико-функциональной близости ритуальных предметов этих народов. Она была вызвана историко-культурными и генетическими связями между ними [8. С. 150]. Как у тех, так и у других были тождественные фетиши, например заячий идол.

Несколькими десятилетиями позже Д.А. Клеменц более обстоятельно изучил культ *тöс'ов* у хакасов [9–12 и др.]. Ученый обратил внимание на тот факт, что почитание *тöс'ов* было неразрывно связано с шаманским культом. Следует отметить, что Д.А. Клеменц написал работу о хакасском фетишизме, основываясь на своих полевых наблюдениях преимущественно среди кызыльцев (субэтническая группа хакасов. – *Авт.*). Ему удалось зафиксировать собственные этнические наименования многих фетишей и произвести их краткое научное описание. Кроме того, он осветил и саму обрядовую практику, с ними связанную. Этот исследователь одним из первых обратил внимание на то, что отдельным *тöс'ам* посвящались священные животные – *ызых'и* (чаще кони) [11. С. 24–25].

Известный ученый Н.Ф. Катанов в своих исследованиях также уделил большое внимание феномену фетишизма у хакасов [13–16]. Необходимо сказать, что в результате многократных и продолжительных экспедиционных исследований ему удалось собрать и ввести в научный оборот обширный фонд этнографического, фольклорного и лингвистического материалов. Будучи глубококим знатоком хакасской этнографии и языка, он записал в оригинале и перевел на русский язык огромный массив обрядовой поэзии хакасского народа. Немалая часть этих материалов посвящена культу *тöс'ов*. Среди них выделяются полнотекстовые молитвенные обращения – *алгыс'ы*, адресованные духам-покровителям. Н.Ф. Катанов уточнил и

существенно расширил имеющиеся сведения о фетишах, подробно описал ритуальную практику, с ними связанную, причем не только у одной, а у разных субэтнических групп хакасов.

Изучением традиционных культов этого народа занимался и А.В. Адрианов. В статье «Айран в жизни минусинского инородца» [17] он привел оригинальные сведения об отдельных *тöс'ах* и обрядовых акциях, с ними связанных. Несомненным достоинством его работы является то, что она так же, как и вышеназванные исследования, написана на основе собственных оригинальных полевых материалов. Безусловно, усиливает ценность этого труда и то, что он сопровождал ее словарным приложением. В нем представлена пояснительная информация по многим областям традиционной культуры хакасов. И главное – приведена лексика, имеющая отношение к традиционному мировоззрению и обрядности этого народа, в том числе и фетишизму [Там же. С. 489–524].

Новые и чрезвычайно интересные сведения о культе *тöс'ов*, полученные в результате этнографических сборов и работ с музейными коллекциями, представлены в исследованиях А.А. Кузнецовой [18. С. 130–132], П.Е. Островских [19. С. 337–341], Е.К. Яковлева [20. С. 104–117], Д.Е. Лаппо [21. С. 9–52]. Исследователи, анализируя назначение этих культовых объектов хакасов, сошлись во мнении, что *тöс'ы* выполняли сакральную функцию и выступали главным образом в качестве семейно-родовых апотропеев. Исходя из этой важнейшей их функциональной направленности, ученые назвали их амулетами / талисманами. Наряду с этим П.Е. Островских, вслед за Д.А. Клеменцем [11. С. 23], обратил внимание на типичные религиозные стереотипы поведения местных жителей, связанные с этими сакральными объектами. Главным образом, они проявлялись в нежелании демонстрировать их посторонним лицам и сообщать какие-либо сведения об этих культовых изделиях. Данная реалья помимо суеверных представлений в большей степени обуславливалась еще и страхом наказания со стороны ретивых православных священников за обладание этими сакральными предметами. В связи с чем ученый писал: «Собирание этих предметов представляет большие затруднения: мало того, что их в большинстве трудно заметить, качинцы с большой неохотой позволяют рассматривать эти предметы и никоим образом не уступают; их можно добыть только у шаманов или заказать какой-либо шаманке приготовить новые» [19. С. 338]. Следует отметить и то, что П.Е. Островских был первым из исследователей, кто сопровождал свою работу иллюстрациями этих почитаемых предметов. Так, например, им было представлено изображение одного из популярных у хакасов – *Чалбах тöс'а*, а также приведена карта-схема расположения *тöс'ов* в хакасской юрте [19. С. 339–340. Рис. 6]. Его коллега – Е.К. Яковлев – довольно обстоятельно, с использованием новых материалов описал традиционную обрядность, связанную с хакасскими фетишами. И вдобавок к этому опубликовал, правда, в чрезвычайно краткой форме, сопутствующие данному процессу сакральные тексты [20].

Из дореволюционных исследователей свой вклад в изучение хакасских «языческих идолов» внесли и православные миссионеры. Как известно, своей главной целью они ставили искоренение язычества и полную христианизацию коренного населения. Большим препятствием в этом процессе и своеобразным камнем преткновения для них выступали мифоритуальный комплекс автохтонов и такое его яркое проявление, как шаманизм.

В этой связи справедлива мысль А.М. Сагалаева о том, что традиционные верования саяно-алтайских тюрков играли роль этнических, маркирующих символов при контактах со стадияльно отличными обществами и их идеологиями [22. С. 156]. Данную идею подкрепляет и размышление над этой проблемой одного из православных миссионеров XIX в.: «Из моих бесед с инородцами (хакасами. – *Авт.*), я прихожу к тому заключению, что шаманство и шайтаны имеют своею основною веру в силу и непосредственное действие над человеком злых духов. Эта вера особенно присуща человеку неразвитому, сыну природы. Насколько я убедился, в ней нет ни здравого смысла, ни твердости, ни убеждения; инородцы христиане верят в шаманов и шайтаны единственно только в силу вековых традиций, унаследованных от родичей» [23. С. 180–181]. В этой связи совершенно не случаен тот факт, что православное духовенство предприняло всевозможные усилия для борьбы с традиционной религиозно-мифологической системой и конкретно – шаманами, олицетворявшими в их глазах всю языческую религию. Большое внимание ревнителей православия привлекли те формы культовой деятельности автохтонов Сибири, которые имели яркие, отличительные черты, богатую атрибутику [22. С. 156].

Среди православных священников, в той или иной мере затрагивавших изучение культа *töc'ov* у хакасов, следует выделить М.О. Александрова [24. С. 198], В.О. Суховского [25. С. 7]. Интересные сведения о хакасских *töc'ax* представлены и в статье «Встреча с шаманом», опубликованной в «Енисейских епархиальных ведомостях» за 1884 г. [23. С. 176–182]. К сожалению, автор остался неизвестен, так как скрыл свое имя под аббревиатурой П.Ф.Т.²

Православные священнослужители, изначально нетерпимые ко всему иноверному, в своих публикациях под таким же негативным углом зрения дали общее и довольно лаконичное описание этих предметов культа. Они отметили разнообразие их форм и назвали их всех злыми духами – шайтанами. Им удалось выяснить месторасположение отдельных *töc'ov* в хакасском жилище. Они рассмотрели отдельные аспекты ритуального поведения верующих с ними связанных. Так, например, в одном из таких миссионерских отчетов сообщалось: «В бытность мою в селении Аскызском, я узнал от инородцев, что у них, хотя бы они были и крещенные, есть особенные предметы, религиозного почитания, – это шайтаны, – слово неперебиваемое на русский язык. Преосвященнейший заинтересовался этими предметами и, при посещении юрт, в обилии находил их преимущественно за печками ('чувалами'). Шайтаны бывают разных видов, смотря по тому, в каких местах обита-

ют инородцы <...> Все шайтаны пользуются глубоким уважением; их приготавливают и освящают (призывают на них духов) только сами шаманы; их сохраняют в юртах в таких местах, чтобы не могли видеть русские; пред ними шаманят, на них возливают вино, масло, молоко и мажут сырым мясом; к ним не должны прикасаться простые смертные, особенно женщины» [23. С. 179–180].

В советский период истории, в рамках изучения пережитков фетишизма у народов Сибири, исследованием культа *töc'ov* у хакасов занимался Д.К. Зеленин [26]. В своей работе он опирался на обширный круг литературных источников. Анализируя специфику и функции фетишей народов Сибири, он классифицировал их по таким видовым особенностям, как: 1) медицинские; 2) охотничьи; 3) скотоводческие. Д.К. Зеленин предложил свою версию стадийности развития религиозно-мифологических представлений об этих почитаемых объектах, глубоко проанализировал взаимосвязь фетишей с ритуальной практикой посвящения животных всевозможным духам и божествам [Там же].

Ю.А. Шибаева в свете изучения традиционного хакасского жилища не могла не затронуть и тему домашних фетишей. Она представила интересные, но крайне лаконичные сведения по отдельным *töc'am* и отметила их локализацию в юрте [27].

В рамках диссертационного исследования по теме «Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность» изучением хакасских *töc'ov* занимался А.Н. Гладышевский [28]. Несмотря на идеологизированность формулировки названия и цели исследования, априори во многом ограничивающих понимание сути изучаемого этнокультурного феномена, исследователь не продемонстрировал должной критики. В результате автор был обвинен в пропаганде хакасского шаманизма и впоследствии оставил данную тему исследования [29. С. 7]. Безусловно, идеологические рамки затрудняли процесс сбора новых оригинальных этнографических сведений по рассматриваемой теме. Следует отметить, что А.Н. Гладышевский в дальнейшем пересмотрел многие из своих вынужденных утверждений прошлого и изменил авторский подход.

Известный исследователь тюркских народов Южной Сибири Л.П. Потапов, изучая культуру хакасов, затронул и тему почитания *töc'ov*. Специально не останавливаясь на анализе этого феномена, тем не менее, он четко выделил покровительствующую функцию данных сакральных объектов. Ученый также отметил родовой характер этого культа и его особую устойчивость [30. С. 392–395].

В жестких рамках марксистской парадигмы проводил свои этнографические изыскания К.М. Патачаков [31, 32]. Не обошел вниманием он и культ *töc'ov*. Данное этнокультурное явление он рассматривал сугубо с коммунистических позиций, в качестве религиозных предрассудков, которые в условиях социалистического строительства предстояло как можно быстрее преодолеть [32. С. 47]. Подобный узко идеологизированный подход не позволил ему собрать какой-либо оригинальный полевой материал и прийти к глубокому осмыслению этой области этнической культуры.

В целях выявления тотемистических истоков некоторых культовых изделий сибирских народов, обращался и к изучению хакасских *тӧс'ов* Д.Е. Хайтун [33, 34]. Ученый на основе собственных полевых исследований и путем анализа литературных сведений пришел к выводу о том, что все хакасские роды, а часто и семьи обладали своими духами-покровителями – *тӧс'ами*. Он подтвердил и глубоко осмыслил факт того, что отдельным фетишам соответствовали *ызых'и* – посвященные духам и божествам животные определенной масти – кони, коровы и бараны. Исследователь отметил ту реалию традиционного хакасского общества, когда женщинам по отношению к *ызых'ам* неукоснительно предписывался обычай избегания – *хазынас / хазыналас* [3. С. 778; 4. С. 172]. Он во многом соответствовал традиционным правилам, когда невесткам требовалось избегать свекра и старших братьев супруга. Как известно, эта соционормативная установка своими историческими корнями восходила к нормам архаического родового общества, очевидно, к институту группового брака. Д.Е. Хайтун привел убедительные доказательства того, что многие хакасские *тӧс'ы* олицетворяли собой тотемов, в том числе и животного происхождения. В связи с чем на сородичей, их почитавших, распространялась система табу. Запреты касались промысловой деятельности и употребления мяса этих животных.

В свете изучения традиционного изобразительного искусства народов Сибири, в том числе и архаических скульптур, С.В. Иванов подробно проанализировал и хакасские *тӧс'ы* [35–38]. В его исследованиях основными источниками являлись коллекции центральных и региональных музеев России. Он не только описал отдельные фетиши, но и глубоко проанализировал индивидуальные моменты, связанные с практикой и технологией их изготовления, а также осмыслил обрядовые действия в отношении отдельных *тӧс'ов*. Помимо этого, С.В. Иванов в ходе сравнительно-сопоставительного изучения культовых предметов сибирских народов вскрыл их индивидуально-типологические особенности и проследил их трансформацию. Анализ скульптур позволил ему выявить историко-культурные и генетические контакты и связи изучаемых народов. Ученый пришел к вполне обоснованному выводу о том, что особенности художественной традиции в хакасском искусстве получили свое выражение в развитии символизма предметов, изображающих духов и предков.

Изучением традиционного мировоззрения хакасов занималась М.С. Усманова [39]. Ею был собран обширный корпус полевого этнографического материала по этой теме. Стоит заметить, что лишь небольшая часть из ее трудов была опубликована. В своем исследовании она уделила большое внимание и культу *тӧс'ов* [40]. Помимо уникального полевого материала, новационным в ее научных изысканиях стало то, что М.С. Усманова одной из первых выявила и убедительно показала прямую связь фетишей с культом дерева.

Особый вклад в изучение традиционного мифоритуального комплекса хакасов внес В.Я. Бутанаев [29, 41 и др.]. Неоспоримым достоинством этого уче-

ного является глубокое знание традиционной хакасской культуры, языка и фольклора, хотя изначально он не владел родным языком, так как вырос далеко за пределами Хакасии в интернациональной семье советского офицера. Следует отметить, что в результате более чем сорокалетнего исследования истории и этнической культуры хакасов, он собрал и ввел в научный оборот огромный массив полевого и архивного историко-этнографического материала. При этом сфера его научных интересов не ограничилась каким-либо одним направлением. С разной степенью глубины он охватил практически все стороны традиционной культуры и быта хакасского народа. Большое внимание уделил изучению феномена хакасских *тӧс'ов* [41. С. 118–136; 42. С. 89–112].

В.Я. Бутанаев дал характеристику этим культовым изделиям. Он одним из первых выявил тот факт, что в отношении к одному и тому же *тӧс'у* верующие могли использовать самые различные наименования. Данная реальность во многом определялась функцией, внешним видом и локализацией фетишей. Исследователем были проанализированы ритуалы, с ними связанные. Все это позволило ему произвести классификацию *тӧс'ов* на так называемых чистых (*арыг тӧстер*) и нечистых (*нуртах тӧстер*). Кроме того, ученый выявил определенное сходство в изобразительной традиции вильчатых *тӧс'ов* и «гравированных галек» из поселения Торгожак, относящихся к Карасукской археологической культуре, при этом высказав мысль о преемственности данных культовых изделий. В своих работах В.Я. Бутанаев вслед за Н.Ф. Катановым записал и опубликовал на хакасском языке с русским переводом оригинальные полнотекстовые молитвенные обращения – *алгыс'ы*, адресованные отдельным духам-божествам [41. С. 135–136, 222–228].

Большой научный интерес к религиозно-мифологическим воззрениям народов Южной Сибири, и хакасов в их числе, проявлял А.М. Сагалаев [43–45]. Его перу принадлежит небольшая статья, посвященная символике хакасских *тӧс'ов*. К сожалению, ограничения объема публикации не позволили ему развернуто рассмотреть многие мировоззренческие аспекты, связанные с этими культовыми изделиями. Тем не менее заслуживает особого внимания высказанная автором мысль о том, что *тӧс'ы* воплощали собой некий архетип или мыслительные схемы о «едином порождающем начале» [46].

Подытоживая представленный историографический обзор, посвященный изучению культа *тӧс'ов* у хакасов, можно сделать вывод о том, что в дореволюционной российской, а позже советской и постсоветской исторической, а если быть точнее – этнографической науке интерес к данной проблеме не ослабевал на протяжении более чем трех столетий. За это время был собран обширный эмпирический материал по данному вопросу.

Период с конца XVIII до конца XIX в. – первоначальный этап накопления сведений о феномене фетишизма у этого народа. Сбором материалов по обозначенной проблеме занимались как непрофессиональные исследователи – служилые люди, право-

славные священнослужители, так и ученые, впервые соприкоснувшись с этим мировоззренческим явлением. Последние все же не ставили главной целью изучить само явление почитания этих ритуальных изделий. Запись сведений о них осуществлялась попутно в русле общего изучения этнических общностей и их культур. В связи с этим полученная в это время информация о *тöс'ах* нередко носит отрывочный и чрезвычайно разрозненный характер.

Следующий этап в изучении рассматриваемых культовых предметов – конец XIX – вторая половина XX в. – характеризуется наиболее системным подходом в исследовании традиционного мировоззрения и обрядности хакасов, в их числе и культа *тöс'ов*. Следует отметить, что в трудах ученых фетишизм рас-

сматривался с разных ракурсов, но все же ключевым направлением был его анализ как пережиточного явления. При этом основной упор делался лишь на изучение отдельных аспектов данного культурного феномена. Добавим и то, что многие исследования все же имели идеологически ангажированный и тенденциозный характер. Между тем следует выделить работы С.В. Иванова, М.С. Усмановой, В.Я. Бутанаева, А.М. Сагалаева, отличающиеся наиболее объективным и взвешенным подходом при рассмотрении данной темы и ориентированные на культурологический подход. Почитание сакрализуемых изделий осмысливается ими в качестве важнейшего элемента духовной жизни хакасов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить, что П.С. Паллас не совсем точно его транскрибировал в форме *тис* [6. С. 464–465].

² Исходя из того факта, что в «Енисейских епархиальных ведомостях» регулярно публиковали свои заметки и статьи о хакасах такие священники, как Н. Путилов и Ф. Токарев, есть основания полагать, что авторство названной работы могло принадлежать одному из них, очевидно – последнему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабо В.Р. Фетишизм // Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. М. : Наука, 1993. Вып. 5. С. 212–214.
2. Хакасско-русский словарь. М. : ГИИНС, 1953. 358 с.
3. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
4. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.
5. Андреев А.И. Труды и материалы В.О. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6. С. 93–103.
6. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Кн. 2, ч. 2. 571 с.
7. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверх реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
8. Богунов Ю.В., Мальцева О.В., Богунова А.А., Балановская Е.В. Нанайский род Самар: структура генофонда по данным маркеров Y-хромосомы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 2. С. 146–152.
9. Клеменц Д.А. Минусинская Швейцария и боги пустыни (из дневника путешественника) // Восточное обозрение. 1884. № 5. С. 7–9.
10. Клеменц Д.А. Из поездки в Качинскую степь // Восточное обозрение. 1886. № 47. С. 10–12.
11. Клеменц Д.А. Заметка о тосях // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1892. Т. XXIII, № 4–5. С. 23–35.
12. Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь ее современное состояние и ее нужды. СПб. : Изд-е А.Ф. Девриена, 1908. С. 37–78.
13. Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1893а. Т. 29. С. 519–541.
14. Катанов Н.Ф. Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к 73-му тому записок Императорской академии наук. № 8. СПб., 1893б. 113 с.
15. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань : Типо-Литография Импер. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
16. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
17. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отд. Этнография. 1909. Т. 34. С. 489–524.
18. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск : Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. С. 105–213.
19. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
20. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск : Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.
21. Лаппо Д.Е. Троюверы: Из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. СПб. : Тип. Тов-ва «Общая польза», 1905. С. 9–52.
22. Сагалаев А.М. О закономерностях восприятия мировых религий тюрками Саяно-Алтая // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986. С. 155–179.
23. П.Ф.Т. Встреча с шаманом // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 13. С. 176–182.
24. Александров М.О. О религиозном мировоззрении Минусинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. 1888. № 14. С. 198–201.
25. Суховский В. О шаманстве в Минусинском крае // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. 1901. Т. 17. С. 1–9.
26. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М. : Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
27. Шибаева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения Института этнографии. М. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 10. С. 40–53.
28. Гладышевский А.Н. Шаманизм в Хакасии и его реакционная сущность : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 15 с.
29. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2006. 254 с.
30. Потапов Л.П. Хакасы // Народы Сибири. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 376–419.
31. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX в.). Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1958. 104 с.
32. Патачаков К.М. Религиозно-бытовые пережитки у хакасов и пути их преодоления // Тридцатилетие Хакасской автономной области. Из материалов научной конференции. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1961. С. 46–56.
33. Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. 1956. Т. 14: Сер. ист. наук. Вып. 1. С. 111–142.
34. Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у хакасов // Труды Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. 1959. Т. 27: Сер. ист. наук. Вып. 1. С. 111–124.

35. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // Труды Института этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 22. 839 с.
36. Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 16. С. 165–264.
37. Иванов С.В. К семантике изображений на старинных бурятских онгонах // Сборник музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 95–150.
38. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л. : Наука, 1979. 195 с.
39. Усманова М.С. Дохристианские верования хакасов в конце XIX – начале XX в. (Опыт историко-этнографического исследования) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 12 с.
40. Усманова М.С. Культ тёсей у кызыльцев // Из истории Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1975. Вып. 16. С. 206–215.
41. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
42. Бутанаев В.Я. Почитание тёсей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. С. 89–112.
43. Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск : Наука, 1984. 121 с.
44. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск : Наука, 1991. 155 с.
45. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск : Наука, 1992. 176 с.
46. Сагалаев А.М. О символике хакасских тёсей // Евразия сквозь века. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. С. 216–217.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2016 г.

THE STUDY OF THE CULT OF FETISHES – TÖS OF THE KHAKAS PEOPLE IN RUSSIAN ETHNOGRAPHY (LATE 18TH – SECOND HALF OF THE 20TH CENTURIES)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 81–87.

DOI: 10.17223/15617793/413/13

Venariy A. Burnakov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

Artas A. Burnakov, Khakas Research Institute of Language, Literature and History (Abakan, Russian Federation). E-mail: artas_burnakov@mail.ru

Darima T. Tsydenova, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ruta22@rambler.ru

Keywords: Khakas people; history; traditional beliefs; shamanism; cult; fetish; töс.

The work aims to systematize and analyze materials on the historical and ethnographic study of sacralized masterworks – töс (fetishes) in the religious-mythological system of the Khakass people. To achieve this aim, the following tasks were solved: the definition of fetish and fetishism in social sciences was made, their sacral importance and role in the worldview and ritual practices of the Khakass people were identified, the academic discourse in relation to the problems in Russian historical science was overviewed. The chronological scope of the work covers the end of the 18th – the second half of the 20th centuries. The choice of these temporal boundaries is caused primarily by the state of the database sources on the research topic. The main sources are historical and ethnographic materials. The work is based on complex, system and historical approaches to the study of the past. The research methodology is based on historical-ethnographic methods: of scientific description, concrete historical and relic. The period from the end of the 18th to the end of the 19th centuries is characterized as a stage of initial accumulation of information about the phenomenon of fetishism in this nation. Materials on the problem were collected by amateur researchers, service people, Orthodox priests and scholars who first learned this ideological phenomenon. The latter did not set the main goal to study the phenomenon of the veneration of these ritual items. Scholars recorded information in line with the overall study of ethnic communities and their cultures. In this connection, information about töс obtained at this time is often incomplete and extremely fragmented. The next step in the examination of the relevant religious objects was the end of the 19th – the second half of the 20th centuries, it is characterized by the systemic approach in the study of the traditional philosophy and rituals of this nation, including the töс cult. It should be noted that in the writings of scholars, fetishism was considered from different angles, but the key aspect was to analyze it as a vestigial phenomenon. The focus was only to study separate aspects of this cultural phenomenon. The fact is that many studies were one-sided and ideologically biased. Meanwhile, works by S.V. Ivanov, M.S. Usmanova, V.Ya. Butanaev, A.M. Sagalaev show the most objective and balanced approach to this topic and focus on the culturological approach. They interpret honoring sacralized items as the most important element of the spiritual life of this nation. The study of the Khakass töс cult is far from being complete and the reason for it is the lack of an information base, which does not give comprehensive answers to researchers' many questions.

REFERENCES

1. Kabo, V.R. (1993) Fetishizm [Fetishism]. In: Bromley, Yu.V. (ed.) *Svod etnograficheskikh ponyatiy i terminov. Religioznye verovaniya* [Code of ethnographic concepts and terms. Religious beliefs]. Vol. 5. Moscow: Nauka.
2. Baskakov, N.A. & Inkizhekova-Grekul, A.I. (1953) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. Moscow: GIINS.
3. Subrakova, O.V. (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
4. Butanaev, V.Ya. (1999) *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskii slovar'* [Khakass-Russian history and ethnography dictionary]. Abakan: Khakasiya.
5. Andreev, A.I. (1936) *Trudy i materialy V.O. Tatishcheva o Sibiri* [Works and materials of V.O. Tatishchev on Siberia]. *Sovetskaya etnografiya*. 6. pp. 93–103.
6. Pallas, P.S. (1786) *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva* [Travel to different places of the Russian state]. Vol.2. Pt. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
7. Spasskiy, G.I. (1818) *Narody, kochuyushchie vverkh reki Enisey* [Nomadic peoples at the top of the Yenisei River]. *Sibirskiy vestnik*. 1. pp. 1–25.
8. Bogunov, Yu.V. et al. (2015) The Nanay Clan Samar: The Structure of Gene Pool Based on Y-Chromosome Markers. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2. pp. 146–152. (In Russian).
9. Klements, D.A. (1884) Minusinskaya Shveytsariya i bogi pustyni (iz dnevnika puteshestvennika) [Minusinsk Switzerland and the gods of the desert (from the diary of a traveler)]. *Vostochnoe obozrenie*. 5. pp. 7–9.
10. Klements, D.A. (1886) Iz poezdki v Kachinskuyu step' [From a trip to the Kachin steppe]. *Vostochnoe obozrenie*. 47. pp. 10–12.
11. Klements, D.A. (1892) Zametka o tyusyakh [Note on töс]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. XXIII:4–5. pp. 23–35.

12. Klements, D.A. (1908) Naselenie Sibiri [The population of Siberia]. In: Mel'nik, I.S. (ed.) *Sibir' ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy* [Siberia, its current state and its needs]. St. Petersburg: Izd-e A.F. Devriena.
13. Katanov, N.F. (1893a) Sredi tyurkskikh plemen [Among the Turkic tribes]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 29. pp. 519–541.
14. Katanov, N.F. (1893b) Pis'ma N.F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N.F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. *Prilozhenie k 73-mu tomu zapisok Imperatorskoy akademii nauk*. 8.
15. Katanov, N.F. (1897) *Otchet o poezdke, sovershennoy s 15 maya po 1 sent. 1896 g. v Minusinskiy okrug Eniseyskoy gubernii* [Report on the trip from May 15 to September 1, 1896 to Minusinsk District of Yenisei Province]. Kazan: Imperial Kazan University.
16. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Dialects of the Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and the Karagas (Samples of folk literature of the Turkic tribes published by V.V. Radlov)]. Vol. 9. St. Petersburg.
17. Adrianov, A.V. (1909) Ayran v zhizni minusinskogo inorodtsa [Ayran in the life of a Minusinsk foreigner]. *Zapiski IRGO po otb. Etnografiya*. 34. pp. 489–524.
18. Kuznetsova, A.A. (1898) Zhilishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev [Housing, clothing and food of Minusinsk and Achinsk foreigners]. In: Kuznetsova, A.A. & Kulakov, P.E. *Minusinskie i achinskie inorodtsy* [Minusinsk and Achinsk foreigners]. Krasnoyarsk: Tip. Enis. gub. upr-ya.
19. Ostrovskikh, P.E. (1895) Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia [Ethnographic notes about the Turks of Minusinsk region]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 297–348.
20. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [Ethnographic review of the foreign population of South Yenisei and explanatory catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. Vol. 4. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova.
21. Lappo, D.E. (1905) Troevery: Iz zhizni minusinskikh inorodtsev [Believers of three religions: From the Life of Minusinsk foreigners]. In: Sobolev, M.N. (ed.) *Na sibirskie temy* [On the Siberian theme]. St. Petersburg: Tip. Tov-va "Obshchaya pol'za".
22. Sagalaev, A.M. (1986) O zakonmernostyakh vospriyatiya mirovykh religiy tyurkami Sayano-Altaya [On the laws of perception of the world religions by the Turks of Sayan-Altaï]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Genezis i evolyutsiya etnicheskikh kul'tur Sibiri* [Genesis and evolution of ethnic cultures of Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].
23. P.F.T. (1884) Vstrecha s shamanom [Meeting with a shaman]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 13. pp. 176–182.
24. Aleksandrov, M.O. (1888) O religioznom mirosozertsanii Minusinskikh inorodtsev [On the religious outlook of foreigners]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti*. 14. pp. 198–201.
25. Sukhovskiy, V. (1901) O shamanstve v Minusinskom krae [On shamanism in the Minusinsk region]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom Imperatorskom universitete*. 17. pp. 1–9.
26. Zelenin, D.K. (1936) *Kul't ongonov v Sibiri* [Cult of the ongon in Siberia]. Moscow: USSR AS.
27. Shibaeva, Yu.A. (1950) Iz istorii khakasskogo zhilishcha [From the history of the Khakass dwellings]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii*. 10. pp. 40–53.
28. Gladyshevskiy, A.N. (1954) *Shamanizm v Khakasii i ego reaktsionnaya sushchnost'* [Shamanism in Khakassia and its reactionary essence]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
29. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Khongoray]. Abakan: Katanov Khakass State University.
30. Potapov, L.P. (1956) Khakasy [The Khakass]. In: Levin, M.G. & Potapov, L.P. (eds) *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
31. Patachakov, K.M. (1958) *Kul'tura i byt khakasov v svete istoricheskikh svyazey s russkim narodom (XVIII–XIX v.)* [Culture and Life of the Khakass in the light of historical ties with the Russian people (18th–19th cc.)]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
32. Patachakov, K.M. (1961) Religiozno-bytovye perezhitki u khakasov i puti ikh preodoleniya [Religious everyday vestiges of the Khakass and ways to overcome them]. In: Ulturgashev, S.P. (ed.) *Tritsatiletie Khakasskoy avtonomnoy oblasti. Iz materialov nauchnoy konferentsii* [The thirtieth anniversary of the Khakass Autonomous Region. From the materials of the conference]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
33. Khaytun, D.E. (1956) Perezhitki totemizma u narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Vestiges of totemism among the peoples of Siberia and the Far East]. *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Lenina. Ser. ist. nauk*. 14:1. pp. 111–142.
34. Khaytun, D.E. (1959) Perezhitki totemizma u khakasov [Vestiges of totemism in the Khakass]. *Trudy Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.I. Lenina. Ser. ist. nauk*. 27:1. pp. 111–124.
35. Ivanov, S.V. (1954) Materialy po izobrazitel'nomu iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX v. [Materials on the visual arts of the peoples of Siberia of the 19th – early 20th centuries]. *Trudy Instituta etnografii*. 22.
36. Ivanov, S.V. (1955) K voprosu o znachenii izobrazheniy na starinnykh predmetakh kul'ta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [On the meaning of images on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altaï mountains]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. 16. pp. 165–264.
37. Ivanov, S.V. (1957) K semantike izobrazheniy na starinnykh buryatskikh ongonakh [On the semantics of images on ancient Buryat ongons]. *Sbornik muzeya antropologii i etnografii*. 17. pp. 95–150.
38. Ivanov, S.V. (1979) *Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.)* [Sculpture of the Altaï and Khakass peoples and Siberian Tatars (18th – the first quarter of the 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
39. Usmanova, M.S. (1982) *Dokhristsianskie verovaniya khakasov v kontse XIX – nachale XX v. (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya)* [Pre-Christian beliefs of the Khakass in the late 19th – early 20th centuries (Experience of a historical-ethnographic research)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
40. Usmanova, M.S. (1975) Kul't tesey u kyzyl'tsev [Cult of tös of the Kyzyl people]. In: Dremov, V.A. (ed.) *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia]. Vol. 16. Tomsk: Tomsk State University.
41. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism of the Sayan-Altaï Turks]. Abakan: Khakass State University.
42. Butanaev, V.Ya. (1986) Pochitanie tesey u khakasov [Honoring of tös among the Khakass]. In: Gerasimova, K.M. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noy Azii* [Traditional culture of the peoples of Central Asia]. Novosibirsk: Nauka.
43. Sagalaev, A.M. (1984) *Mifologiya i verovaniya altaytsev: Tsentral'no-aziatskie vliyaniya* [Mythology and beliefs of Altaï: Central Asian influence]. Novosibirsk: Nauka.
44. Sagalaev, A.M. (1991) *Uralo-altayskaya mifologiya: Simvol i arkhetyip* [Ural-Altaïc mythology: symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka.
45. Sagalaev, A.M. (1992) *Altay v zerkale mifa* [Altaï in the mirror of the myth]. Novosibirsk: Nauka.
46. Sagalaev, A.M. (2001) O simvolike khakasskikh tesey [On the symbolism of the Khakass tös]. In: Froyanov, I.Ya et al. (eds) *Evraziya skvoz' veka. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 60-letiyu so dnya rozhdeniya D.G. Savinova* [Eurasia through the centuries. Collection of scientific works dedicated to the 60th anniversary of the birth of D.G. Savinov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Received: 14 November 2016

РОЛЬ РЕФОРМ М.М. СПЕРАНСКОГО В УПРАВЛЕНИИ СИБИРЬЮ

Раскрывается роль реформ М.М. Сперанского в управлении Сибирью. Показана определенная специфика административного управления Сибирским регионом как особой геополитической единицей ввиду территории, плотности населения и других факторов. Раскрыта роль личности М.М. Сперанского как в проведении административных реформ, так и непосредственно в управлении Сибирью как неотъемлемой частью нашей страны.

Ключевые слова: централизация; локализация; управление; реформы; регион.

До начала XX в. под Сибирью понималось всё пространство к востоку от Уральских гор до Тихого океана, т.е. это понятие охватывало такие регионы, как Западная, Южная, Восточная Сибирь и Дальний Восток, а также зауральскую территорию империи.

В отличие от европейской части России, жестко подчиненной центральной администрации, Сибирь обладала известной административной автономией и более разветвленной системой управления. Различные уровни этой системы по некоторым своим частям формально соответствовали учреждениям, действовавшим на других территориях империи, но специфика края вносила в каждый из них необходимые изменения. Для того чтобы понять, в чем состояла особенность местного управления и какие факторы сказывались на нем, следует рассмотреть характерные черты Сибири как административно-территориальной единицы, изучить непосредственно организацию управления, рассмотреть регионы, выделявшиеся в административном отношении.

Важную роль в формировании административной системы Сибири сыграли политико-географические факторы. В основе многих особенностей управления Сибирью лежали обширность ее территории и удаленность от столиц государства. Россия с конца XVI в. начала быстро расширяться к востоку, присоединяя к себе всё новые земли.

В XVIII – первой половине XIX в. верховная власть осознанно учитывала региональные особенности Сибири, придавая им статус системообразующих факторов при разработке законодательства в области государственного управления регионом, хотя четко выраженной концепции и политики регионального управления выработано не было.

Государственное управление в Сибири и местное сибирское самоуправление выстраивались с учетом необходимости управленческого воздействия и правового регулирования общественных отношений среди различных категорий сибирского населения, сформировавшихся в ходе вольной крестьянской колонизации в условиях преобладания уже в начале XVIII в. и постоянного роста русского податного населения.

Важное значение в управлении Сибирью имела локализация управления посредством самоуправления различных социальных категорий населения внутри сибирского общества, что позволяло в условиях компактного проживания отдельных групп населения обеспечить на них управленческое воздействие государства через назначение или утверждение руководителей самоуправляющихся сообществ. В организации

системы сибирского государственного управления учитывались пространственно-географические особенности региона, связанные с наличием территорий с неразвитой системой коммуникаций и ставящие проблему комплексной локализации управленческих функций на различные уровни внутрисибирских структур государственного управления, что обеспечивало управление отдаленными территориями, но снижало уровень и возможности генерал-губернаторского контроля и надзора центральных органов государственного управления за деятельностью чиновников сибирской администрации.

Основными тенденциями в развитии государственного управления в Сибири являются централизация и локализация власти в регионе (укрупнение и разукрупнение) при построении унифицированной модели властных отношений, характерной для империи, в ходе выстраивания которой складывались отношения центр – регион, где центральной властью выступает правительство, а его местным уровнем и представителем на территории Сибири после Ревизии 1819 г. – Главное управление во главе с генерал-губернатором Сибири в целом, а после 1822 г. генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири. Этим генерал-губернатором стал М.М. Сперанский.

Именно М.М. Сперанским была разработана министерская реформа (1802). Вместо коллегий вводились министерства, был учрежден Комитет министров. Особой заслугой М.М. Сперанского было учреждение Государственного совета (1810), где готовились и обсуждались все законопроекты. Вступив на престол, Александр I понимал, что нужны перемены в общественной и политической жизни государства. Для осуществления своих реформ император избрал Сперанского в качестве ближайшего помощника. Активная деятельность Сперанского в должности Государственного секретаря вызвала острое недовольство большей части дворянства. Особую неприязнь вызвали принятые по его инициативе указы о придворных званиях и об экзаменах на чин. Согласно последнему все чиновники, начиная с коллежского асессора, должны были иметь университетское образование. Не прибавили ему сторонников и налоговые изменения. Дело дошло до клеветнических писем и абсурдных доносов, и в результате различных интриг в 1812 г. М.М. Сперанский был арестован, объявлен шпионом Наполеона и без суда сослан в Нижний Новгород. Затем он был отправлен в Пермь, где очень бедствовал. В январе 1813 г. М.М. Сперанский написал из Перми письмо к императору. Это облегчило его

положение, и ему было разрешено переехать в новгородское поместье Великополье, принадлежащее его дочери (см.: [1. С. 5, 6, 8, 11]).

Только через четыре года после ареста М.М. Сперанский смог вернуться в Петербург. Здесь начался второй период его государственной деятельности. Сначала М.М. Сперанский получает должность губернатора в Пензе, затем через два с половиной года, в апреле 1819 г., становится сибирским генерал-губернатором. Ревизия Сибири одновременно с назначением генерал-губернатором была поручена указом 22 марта 1819 г. М.М. Сперанскому, находившемуся в опале и занимавшему скромный пост пензенского губернатора. Два года М.М. Сперанский живет в Томске и занимается установлением законности в Сибири, затем возвращается в Петербург с итоговым проектом сибирской реформы. В 1822 г. практически все предложения Сперанского по Сибири утверждаются законодательно. Благодаря этим принятым законам в Сибири никогда не было крепостного права.

«С приездом Сперанского новою жизнью повеяло в Сибири. Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство, всякого рода притеснения, на которые они жаловались так долго и так бесполезно, стали прекращаться мерами власти. Власть сделалась действительно тем, чем надлежало ей быть – защитницей, а не гонительницей населения» [2. С. 1, 27]. М.М. Сперанский и его единомышленники видели явные недостатки административной системы и осознавали необходимость их законодательного устранения. Многие проблемы вытекали, как уже отмечалось, из специфики местных условий: огромных расстояний, большой удаленности друг от друга городских центров края. В ходе присоединения сибирских территорий сложилось чересполосное административное деление уездов и пограничных линий военного подчинения; при утверждении штата городов таковыми записывались малые поселки в пять-шесть строений (чтобы завести там чиновный персонал); в канцеляриях всех уровней сидела многочисленная и алчная бюрократическая номенклатура и т.д. [3]. Цели реформ виделись в ограничении особым «установлением» единоличной власти высшего сибирского начальства, в приближении его к реальным потребностям хозяйственного управления, сведении воедино надзорных органов, четком разграничении функций многочисленных инстанций управления, приспособлении их к местным условиям. Принципиальная концепция реформы при этом базировалась на учете региональной географии, истории, бытовых и нравственных традиций населения.

По возвращении из сибирской поездки М.М. Сперанский вошел в состав специально учрежденного Сибирского комитета (под председательством графа Кочубея), который занялся рассмотрением проектов административных преобразований в регионе. В результате был составлен и в феврале 1822 г. одобрен пакет нормативных документов по управлению Сибирью: «Общее учреждение для местного управления Сибири» и частные правила об управлении некоторых областей; «Общий устав об управлении сибирских инородцев»; «Особенный устав об управлении сибир-

ских киргизов»; «Устав о ссыльных»; «Устав о городских казаках» и некоторые другие. Осуществление норм, заложенных в этих документах, регулировал Сибирский комитет – теперь уже во главе с самим М.М. Сперанским, а позднее – графом А.А. Аракчеевым.

Сибирь разделили на две части (генерал-губернаторства) – Западносибирское с центром в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Восточносибирское с центром в Иркутске. Граница между ними проходила по р. Енисею, причем при разграничении учитывались самые различные факторы:

1. Великая река Енисей являлась естественным географическим рубежом.

2. По мысли реформатора, в каждой из двух частей оказывалось более или менее гармоничное сочетание собственной аграрной базы и неземледельческих районов.

3. Исторически сложившиеся внутриторговые маршруты сходились к Иркутску и Кяхте на востоке и к Ирбиту на западе края.

4. Южная граница империи в Сибири четко делилась на восточную зону, оформленную договорами с Китаем, и западную, сложившуюся в результате исторических взаимоотношений с казахами. Генерал-губернаторства подразделялись на губернии, а они в свою очередь – на округа, волости и инородные управы.

5. В Сибири существовали провинции, обусловленные особенностями ландшафта Сибирской территории. Так, в группу таежных провинций Средней Сибири входят: Путоранская, Оленёкско-Анабарская, Тунгусская, Мархинская, Привилуйская, Центральная якутская, Енисейского края, Приангарская, Приленская, Алданская и Присаянская. В результате административное устройство Сибири приобрело следующий вид: Западносибирское генерал-губернаторство включало Тобольскую и Томскую губернии и Омскую область, Восточносибирское – Иркутскую и вновь созданную Енисейскую губернию, Якутскую область и три особых управления – Троицкосавское пограничное, Охотское и Камчатское приморское [4].

Административное управление строилось по степеням: главное (на уровне генерал-губернаторства), губернское (губернии и области), окружное, волостное и инородное [4]. При генерал-губернаторе Сибири действовал Совет из назначаемых царем сановников, а также из высших должностных лиц генерал-губернаторства. Наблюдение за состоянием экономики, финансов и внутреннего порядка являлось его официальной задачей, негласной же функцией было предотвращение возможных злоупотреблений представителями власти.

Администрацию губернии возглавлял гражданский губернатор, входивший в губернский совет, который дублировал на более низком уровне Совет при генерал-губернаторе и имел к тому же полицейские полномочия. В областях действовали такие же советы, а так как все области находились в пограничных районах и там размещались войска, то областные начальники (губернаторы), в отличие от гражданских губернаторов, обладали полномочиями военного командования.

Округа различались по населению: в многолюдных учреждались общие окружные управления

(окружной начальник и председатели окружных инстанций) и частные управления (суды, казначейство, медицинские заведения); в средненаселенных округах создавались только частные управления во главе с начальником округа; в редконаселенных – действовали только исправник и лекарь. У окружных начальников были в основном те же обязанности, что и у вышестоящих лиц губернского управления, но на них возлагались еще ежемесячный осмотр и ревизия острогов и раскладка повинностей среди населения области [4]. В многолюдных городах административная власть принадлежала городничему вместе с сословной думой, а в малолюдных – старосте, избиравшемуся из горожан. В целом бюрократический штат приводился в систему и значительно сокращался. Во множестве сибирских «медвежьих углов» теперь не предусматривалось насаждения присутственных мест, создания начальственных должностей.

Волостное правление было таким же, как в Европейской России. Администрацию составляли волостной голова, староста и писарь, ежегодно избиравшиеся «поверенными» от каждого селения. В деревнях действовали старшины и десятские. Крестьянские начальники должны были следить за выплатой податей, составлять бумаги – рапорты исправнику и разбирать мелкие правонарушения [Там же].

М.М. Сперанскому удалось построить по одной схеме план управления на всех административных уровнях. Ответственность за подведомственную территорию возлагалась на главу администрации, который действовал совместно с совещательным органом. Структура таких органов тоже была идентичной, но на низших уровнях управления они были выборными (на низших, за неимением дворянства, выборность не допускалась). Более того, удалось разграничить компетенцию разных чиновных учреждений, жестко отделить судебную сферу от финансовой, а их вместе – от непосредственно управленческой (по крайней мере, формально). Таким образом, один из основных источников чиновного произвола и взяточничества (а именно путаница и дублирование функций разных ведомств) был ликвидирован.

Однако многие либеральные намерения М.М. Сперанского так и остались на бумаге, его реформа не во всем достигла своих целей. Так, в частности, советы не превратились в противовес власти генерал-губернаторов и губернаторов, которые в целом остались такими же полновластными владыками, какими были смещенные и отправленные в тюрьму М.М. Сперанским в 1819–1821 гг. чиновники. Идея бюрократического контроля над «номенклатурной машиной» не оправдала себя. Несмотря на детальное перечисление в законе их прав и обязанностей, местные органы не получили реальной самостоятельности и оказывались, как и прежде, жестко встроеными в традиционный механизм управления империей. Любая инициатива снизу обычно наталкивалась на инертность вышестоящих органов, либо не понимавших существа дела, либо вымогавших взятки. Seriously мешало и отсутствие гласности в действиях административных структур. Выходящие из недр канцелярий документы спускались вниз по инстанциям уже в виде готовых указаний и требований, ни о

каком обсуждении их населением не могло быть и речи. Собственно, и вся реформа М.М. Сперанского представляла собой такой же «высочайший рескрипт», который начал выполняться местным чиновничеством не из солидарности с планами реформатора, а по привычке исполнять приказы начальства.

На судьбе реформы и ее отдельных положений неизбежно сказались и краткость пребывания М.М. Сперанского в Сибири, «недостаточное знакомство с ее жизнью, и неспособность провинциального чиновничества воспринять его идеи» [5. С. 492]. Тем не менее замыслы Сперанского в целом соответствовали вызову времени, так как установленная по его проектам структура территориально-административного деления продержалась несколько десятилетий. Это подчеркивает разумность предложенных им мер, поскольку в предыдущую эпоху, в XVIII в., нескончаемые преобразования в Сибири лишь усугубляли накопившиеся проблемы и не приводили к стабильному управлению.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний» вся территория Сибири была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске (правда, менее чем через 20 лет столица переехала в Омск) и Иркутске. Эти административные образования подразделялись на более мелкие – губернии и области, те, в свою очередь, – на округа. Генерал-губернаторы, а также гражданские губернаторы, областные и окружные начальники по-прежнему имели широкие полномочия, касавшиеся буквально всех сфер жизнедеятельности – административной, экономической, судебной (а генерал-губернаторы – также и военной) и т.д. Однако при каждом из них теперь должен был действовать совет, в состав которого входили чиновники: представители министерств (внутренних дел, юстиции и финансов), а также делопроизводители, ведавшие «распорядительными», судебными и хозяйственными делами. Сперанский по этому поводу замечал: «Правильнее было бы составить такой совет из лиц, местному управлению посторонних. Но... составить его из дворянства или купечества невозможно, потому что там, в Сибири, нет дворянства и весьма мало купечества...».

Данная мера была малоэффективна. И действительно, представители исполнительной власти, от генерал-губернаторов до окружных начальников, стремясь к единовластию, постоянно конфликтовали с представителями министерств, стараясь не подпускать их к делам реального управления. Столкновения территориального и отраслевого, единоличного и коллегиального принципов управления становились непреодолимым препятствием на пути к законности и правопорядку. Правительство стремилось к унификации местного управления по тому же стандарту, что был принят для губерний Европейской России; Сперанский же подчеркивал, что для Сибири требуется своя организация управления, учитывающая всю специфику жизни этого громадного региона. Поэтому данную часть реформы управления вряд ли можно назвать успешной.

Особое внимание следует уделить «Уставу об управлении инородцев». В нем впервые был применен

на законодательном уровне дифференцированный подход к народам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития. Согласно этому подходу все «инородцы» (т.е. представители аборигенного населения Сибири) делились на три разряда: бродячих, кочевых и оседлых. Первые два уравнивались в налогах с государственными крестьянами, но сохраняли свои внутренние порядки в делах управления, оседлые же народы полностью приравнивались к государственным крестьянам. К последним относились татары, а также часть алтайцев, хантов и манси. Устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых народов к оседлости, в результате чего они должны были сравняться в правах и обязанностях с русским населением.

Кроме того, «Устав об управлении инородцев» закреплял за аборигенами находившиеся в их пользовании земли, определял порядок взимания налогов и податей, их размеры, допускал свободную торговлю с русским населением, наконец, предоставил сибирским народам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и даже открывать свои собственные училища, а также провозглашал полную веротерпимость – право исповедовать традиционную религию и выполнять соответствующие обряды. Ничего подобного не было в то время в законодательстве любой европейской колониальной державы и США.

Важное значение имел «Устав о ссыльных и об этапах», посредством которого постарались хоть как-то упорядочить и регламентировать механизм применения административной ссылки в качестве одной из мер наказания, предусмотренной законами империи. На всем маршруте движения ссыльных создавались особые этапы – места, где строились специальные тюремные помещения для ночевки и дневки ссыльных и каторжан. Всего путь следования партий арестантов в Сибирь был разбит на 61 этап. Были установлены порядок отправления и движения партий ссыльных, состав и функции сопровождавшей их стражи, местные власти обязаны были создавать ссыльным нормальные условия жизни, обеспечивать их питанием и одеждой, не вмешиваться в их трудовую и хозяйственную деятельность. Сперанский надеялся, что все эти меры позволят ссыльным превратиться в полноценных государственных крестьян, вносящих свой вклад в дело освоения сибирских земель.

Однако почти все эти меры остались нереализованными. Приток ссыльных был слишком велик, а средств для оказания им помощи, как всегда, не хватало. Специально созданные для них казенные поселения в Восточной Сибири отталкивали своей нищетой, мелочной регламентацией быта и придирками местной администрации. Ссыльных по-прежнему использовали для незаконных работ, средства, отпускавшиеся им, разворовывались чиновниками, конвойная стража творила произвол и т.д. А если учесть, что именно в XIX в. ссылка в Сибирь преступников, как политических, так и уголовных, достигла своего наивысшего расцвета, то нетрудно представить, как это сказывалось на жизни региона. При Николае I, например, в Сибирь были сосланы более 150 тыс. чел. Жители Сибири, страдая от преступлений, совершавшихся беглыми ссыльными и каторжниками, не вы-

держивавшими навязанного им образа жизни, справедливо называли институт ссылки «язвой края».

«Устав о сибирских городских казаках» завершал, в сущности, превращение казачьего сословия Сибири в полицейскую силу, предназначенную для охраны порядка внутри страны. Он распространялся на все еще сохранявшиеся в сибирских городах казачьи команды, не вошедшие в состав образованного в 1808 г. Сибирского линейного казачьего войска, несшего охрану южных границ Западной Сибири. Составители «Устава...» отказались от прежнего деления на команды, распределив входивших туда ранее казаков по 7 полкам общей численностью чуть более 4 тыс. чел. Часть казаков, проживавших в деревнях, перешла на положение станичных. Командование полком возлагалось на полкового атамана, которому подчинялись 5 или 6 сотников. За ними шли хорунжие, пятидесятники и урядники. Показательно, что начальствующий состав сибирских казачьих полков соотносился по «Табели о рангах» не с армейским офицерством, а с должностями гражданской администрации, чем лишний раз подчеркивалась подчиненность казаков последней. Главное управление Западной Сибири утверждало места дислокации находившихся в его ведении казачьих полков и определяло круг тех служб, которые они были обязаны нести.

Согласно «Уставу о сибирских городских казаках» городские казаки относились к составу губернской и окружной полиции. Этим статусом определялись и их служебные обязанности: несение караулов при важных гражданских или военных объектах; служба вестовыми и рассыльными при учреждениях и отдельных чиновниках; конвоирование ссыльных и каторжных, наблюдение за поддержанием порядка и (в случае необходимости – при беспорядках и бунтах) принятие для его восстановления всех мер, включая применение вооруженной силы. Для казаков вводились единые обмундирование, вооружение и амуниция. При Николае I проводится целый ряд мер, направленных на преобразование организационной структуры сибирского казачества, системы управления, порядка прохождения службы и т.д. по подобию регулярной армии.

Обязанности линейных казаков Сибири заключались в охране границ, содержании таможенной стражи и пресечении контрабанды, защите русских поселенцев, постепенно продвигавшихся в глубь степей. Из них также комплектовались местные жандармские отряды. Численность Сибирского войска постоянно росла, и к середине века составляла уже 12 тыс. строевых казаков. Фактически те же обязанности выполняли казаки Пограничного войска в Забайкалье, охранявшие границу с Китаем и надзиравшие за каторжниками и ссыльнопоселенцами Нерчинского горного округа. Официально оформляется порядок казачьего землевладения, согласно которому земли, отведенные казакам, считались государственной собственностью, отданной в бессрочное владение войску, внутри которого земля распределялась на паях путем жеребьевки. Поэтому генерал Гурко, в 1836 г. производивший ревизию Сибирского казачьего войска, имел все основания отмечать, что казаки получили регулярное

устройство и «содержатся по строевой части на тех же почти правилах, какие существуют ныне в целой армии. Снабженные казенным довольствием, они более почитаться должны поселенными кавалерийскими полками, нежели казаками» [6].

Наконец, в том же 1822 г. издаются «Положение и правила о вольном переселении казенных крестьян в Сибирь», снимавшие ранее существовавший запрет на переселения. Правда, не желая брать на себя расходы, правительство ограничилось лишь тем, что попыталось взять этот процесс под свой контроль путем узаконивания давно существовавшей практики. От крестьян требовалось получение увольнительного приговора от своей общины и приемного от той общины, куда они собирались переселяться. Затем следовало представить эти документы на рассмотрение официальных органов и дожидаться решения властей. Понятно, что мало кто из крестьян считал необходимым выполнять все формальности, так что уже в первые годы после издания «Положения...» Сибирь пополнилась значительным числом самовольных переселенцев. К началу 30-х гг. XIX в. было выявлено более тысячи таких людей. Властям пришлось молчаливо санкционировать уже состоявшиеся переселения, дабы не нарушать хозяйственную жизнь новоприбывших, но вместе с тем от всех соответствующих инстанций потребовали строго следить за соблюдением порядка и не допускать подобных вольностей впредь.

Таким образом, «Сибирское учреждение» Сперанского и его единомышленников, будучи достаточно полно и последовательно проведено в жизнь, действительно могло бы в корне изменить судьбу Сибири, превратив эту огромную территорию из колонизируемой окраины, которой она оставалась на протяжении предыдущих двух веков, в полноценную территорию в составе Российской империи, мало чем отличавшуюся от европейской части страны. Однако случиться этому не было суждено. Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, что послужило причиной такого исхода: невозможность проведения радикальных реформ в рамках государственного строя российского самодержавия, нехватка в достаточной степени квалифицированных управленческих кадров, специфика социальной структуры сибирского населения и его занятий или что-то еще. Несомненно одно – даже частичная реализация задуманных преобразований резко подчеркнула ущербное положение Сибири в составе Российской империи, когда вся восточная часть страны рассматривалась лишь как сырьевой придаток и место «исправления» преступников. В немалой степени способствовало этому все большее расширение сферы принудительного каторжного труда, а также бурное развитие в XIX в. добычи сибирского золота.

Отправной точкой сибирской эпопеи «золотой лихорадки» стал 1828 г., когда верхотурский купец А. Попов узнал о находке крестьянином Е. Лесным золота в Мариинской тайге. В следующем году он устроил там золотой прииск, сразу же давший небывалую добычу. Известие об этом породило неумеренный энтузиазм, и десятки поисковых партий направились вдоль сибирских рек. На протяжении 30-х гг.

XIX в. были открыты золотые россыпи на Алтае, в Енисейской губернии, в Минусинском и Ачинском уездах. Потом были найдены залежи по р. Подкаменная Тунгуска, на севере, в Якутии и в бассейне р. Лены, а также на востоке – в Забайкалье и Амурской области. С 1840-х гг. Восточная Сибирь сделалась главным районом добычи золота, залежи которого казались поистине неисчерпаемыми. В результате Россия стала мировым лидером золотопромышленности, на ее долю приходилось почти 40% мировой добычи [6].

С одной стороны, свободная добыча золота была разрешена правительством всем желающим еще в 1812 г. Поэтому с открытием золотых россыпей купцы и дворяне сразу же воспользовались предоставленным им правом, и развивалась сибирская золотопромышленность на основе именно частного капитала. На сибирском золоте делались головокружительные карьеры. Томский губернский прокурор Ф.А. Горохов, происходивший из обедневших дворян, сделался к 1840-м гг. настоящим миллионером и самым влиятельным человеком в губернии. Понятно, что в погоне за прибылями золотопромышленники могли себе позволить обращаться с рабочими как с каторжными, чему в немалой степени способствовало давнее применение принудительного труда на сибирских горных разработках еще в XVIII в.

Все эти проблемы, которые пытались решить, но далеко не всегда успешно реформаторы 1820-х гг., способствовали пробуждению общественного сознания среди наиболее образованной части сибирского населения, представители которого все чаще стали задумываться о месте своего края в составе Российской империи и об особенностях его положения. И в этой связи мне хотелось бы назвать имя П.А. Словцова (1767–1843), не случайно прозванного «сибирским Карамзиным». Будучи директором училищ Иркутской губернии и инспектором народных училищ всей Сибири, он поставил вопрос об открытии здесь университета, консультировал своего друга юности М.М. Сперанского по тем или иным вопросам, добивался отмены ссылки в Сибирь преступников из Европейской России. Его сочинение «Историческое обозрение Сибири» стало вторым (после работы Г.-Ф. Миллера) научным трудом, посвященным уже не только сибирской истории, но и нынешнему положению региона. П.А. Словцов прямо ставил вопрос о прекращении дискриминационного отношения к своему краю со стороны правительства, говоря о том, что Сибирь как страна заключала в себе золотое дно, но как часть государства представляла ничтожную и безгласную область. Впоследствии, кстати говоря, эти идеи легли в основу движения сибирских областников, на рубеже XIX–XX вв. выдвинувших требование о предоставлении сибирским территориям автономного статуса в составе империи.

Таким образом, в Сибири сформировалось три основных подхода к управлению: хозяйственно-экономический, территориальный и демографический. Хозяйственно-экономический подход обусловлен богатствами природными ресурсами Сибири, территориальный и демографический подходы – сложностью управления огромной территорией с немногочислен-

ным населением. Эта сложность повлекла за собой тенденцию разукрупнения (деление Сибири на Западную и Восточную).

Таким образом, Сибирь, бывшая ранее «землей неизвестной», включилась в ход мировой истории именно благодаря вхождению в состав Русского государства, которое само переживало нелегкую эволюцию: от Московского царства к Российской империи. Бесспорно и то, что русские колонисты кардинально изменили облик этих земель, принеся сюда хлебопашество и промышленное производство, строительство городов и развитие торговли, в том числе и международной. Об освоении же природных богатств Сибири и прибылях для государственной казны нечего и говорить. Но нельзя забыть

и об изучении природы и истории всего этого огромного региона, равно как и культуры населявших его народов, с которыми русским поселенцам удалось выстроить более-менее гибкую систему взаимоотношений, что позволило избежать геноцида коренного населения, ставшего столь характерным явлением в колониальных владениях европейских держав эпохи Нового времени. И все же нельзя не сожалеть о том, что вплоть до наших дней мало кто считает нужным уделять особое внимание собственным нуждам Сибири и ее населения, отнюдь не заслуживающего статуса людей «второго сорта» в своей стране. Поэтому те проблемы, которые стояли перед людьми XVIII–XIX вв., сохраняют свою актуальность для нас и сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. 151 с.
2. Учреждения для управления сибирских губерний. СПб., Сенатская типография, 1822. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/58102531:0> (дата обращения: 01.10.2016).
3. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год : в 2 т. Репринтное издание 1872 г. СПб. : Альфарет, 2011. 775 с.
4. Ермолинский Л.Л. Михаил Сперанский. Иркутск : Папирус, 1997. 398 с.
5. Ядрищев Н.М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Кн. 6. 935 с.
6. Дмитриев А.В. Сибирь в первой половине XIX в.: реформы М.М. Сперанского. URL: <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/10.html> (дата обращения: 30.09.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

THE ROLE OF M.M. SPERANSKY'S REFORMS IN THE ADMINISTRATION OF SIBERIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 88–93.

DOI: 10.17223/15617793/413/14

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

Natalia S. Dureeva, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

Keywords: centralization; localization; administration; reforms; region.

The study of public administration of Siberia, which began in the mid-nineteenth century, is relevant in the modern world. Public administration in the Siberian region has its own features. The article shows that the system of state administration bodies in Siberia was built based on the experience of institutions that had proven viable in the central part of the country. The authors argue that the geographical and geopolitical position, population density, climatic conditions, natural resources and many other factors determine these features. The purpose of this article is to show the specificity of the administration of Siberia implemented by M. M. Speransky. The content of the article reflects that it was important to localize administration by organizing the self-government of various social categories in Siberian society. In the context of compact residence of separate population groups, it allowed to administratively influence them by appointment or approval of heads of self-governing communities. It is shown that the systems of Siberian public administration took into account the geographical features of the region. There were areas with an undeveloped system of communications, thus, there was a problem to localize administrative functions at various levels of local Siberian administration structures, which guaranteed control over the remote areas, but decreased the level and scope of the Governor-General's control and the Central government supervision over the activities of the Siberian administration. The article shows that the main trends in the development of public administration in Siberia are the centralization and localization of power in the region (aggregation and disaggregation) in the construction of a unified model of power relations characteristic of the Empire. The relations “center – region” were established, where central power belongs to the government and local, after the 1819 Revision, to the Main Department headed by the Governor-General of Siberia, and after 1822 the General-Governors of Western and Eastern Siberia. The Governor-General was M.M. Speransky. The authors stress the role of M.M. Speransky in the administration of Siberia. It was M.M. Speransky who developed the Ministerial reform. In the study, the authors relied on primary sources containing information about the Siberian reform, as well as on documentary sources containing a set of laws on the administration of the Siberian provinces. Thus, the article concludes that Siberia entered the world history because it joined the Russian state, which itself was going through a difficult evolution: from Muscovy to the Russian Empire. And it happened due to the reforms of M.M. Speransky.

REFERENCES

1. Anon. (1841) *Obozrenie glavnykh osnovaniy mestnogo upravleniya Sibiri* [Review of the main grounds of the local government of Siberia]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii.
2. Ivo.garant.ru. (1822) *Uchrezhdeniya dlya upravleniya sibirskikh guberniy* [Institutions for the administration of the Siberian provinces]. St. Petersburg: Senatskaya tipografiya. [Online] Available from: <http://ivo.garant.ru/#/document/58102531:0>. (Accessed: 01st October 2016).
3. Vagin, V.I. (2011) *Istoricheskie svedeniya o deyatelnosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri s 1819 po 1822 god: v 2 t.* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia from 1819 to 1822: in 2 vols]. Reprint of 1872. St. Petersburg: Al'faret.
4. Ermolinskiy, L.L. (1997) *Mikhail Speranskiy*. Irkutsk: Papirus. (In Russian).
5. Yadrintsev, N.M. (1876) *Speranskiy i ego reformy v Sibiri* [Speransky and his reforms in Siberia]. *Vestnik Evropy*. 6.
6. Dmitriev, A.V. (n.d.) *Sibir' v pervoy polovine XIX v.: reformy M.M. Speranskogo* [Siberia in the first half of the 19th century: reforms of M.M. Speransky]. [Online] Available from: <http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/10.html>. (Accessed: 30th September 2016).

Received: 13 November 2016

Н.М. Дмитриенко

ИМПЕРАТОРСКИЙ ТОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ И СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Освещается недостаточно изученный вопрос о вкладе сибирских купцов в развитие культуры и образования, конкретизируются сведения об организационной и финансовой поддержке Императорского Томского университета со стороны крупнейших сибирских предпринимателей З.М. Цибульского, А.М. Сибирякова, М.К. Сидорова, купеческой семьи Кузнецовых и др. Рассматривается благотворительная деятельность купцов, направленная на формирование книжных и музейных фондов в Томском университете, выясняется влияние университета на повышение образовательного уровня сибирского купечества.

Ключевые слова: Императорский Томский университет; сибирское купечество; пожертвования на культурно-образовательные нужды; студенты из купеческого сословия.

Негативное отношение к купечеству как социально-сословному слою в советской исторической литературе породило ошибочное мнение о его невежестве и неприятии идеи образования. И только в последнее время стали появляться работы о значительном интересе сибирских купцов к культуре, их вкладе в развитие образования в Сибири [1–4]. Считаю, что дальнейшее изучение этой темы позволяет углубить знания о взаимодействии государственных образовательных учреждений и экономически влиятельных слоев населения, что немаловажно в нынешних условиях. Опора на свежие, мало известные источниковые материалы, извлеченные из архивных фондов, документальных публикаций, мемуарных изданий, обеспечивает возможность осветить роль купечества в создании и деятельности первого в Сибири Императорского Томского университета.

Прежде всего следует определиться с объектом исследования, уточнить самое понятие «купец». Как известно, этим словом с давних времен в России обозначали торговцев, тех, кто покупал, чтобы продать. Указом Екатерины II, подписанным в 1785 г., купечество наряду с мещанством было отнесено к городским сословиям и функционировало как таковое вплоть до отмены сословий декретом советской власти в декабре 1917 г. В сибирских городах, как и повсеместно в стране, купцы не составляли количественно большие группы. Так, в конце XIX в. к купечеству относилось около 2% населения Томска и Иркутска, до 1,5% в Бийске. Однако купцы выступали в качестве ведущей экономической силы в Сибири, играли ключевую роль в органах городского самоуправления, в благотворительности [5. С. 136, 142–143; 6. С. 53–55; 7. С. 399–400]. Они проявляли большую заинтересованность в развитии образования, в том числе университетского.

Первые исследователи истории Томского университета приводили сведения о том, что необходимость университета в Сибири осознавалась прежде всего государственными деятелями – М.М. Сперанским, Н.Г. Казнаковым и сибирской интеллигенцией в лице Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, В.И. Вагина. По подсчетам В.В. Сапожникова, в сибирской прессе было опубликовано до ста статей по университетскому вопросу [8. С. 1–2]. Выступления в печати влияли на общественное мнение, особенно когда развернулась дискуссия о том, в каком сибирском городе быть уни-

верситету. По свидетельству Г.Н. Потанина, именно Н.М. Ядринцев сыграл самую заметную роль в пропаганде университетского вопроса «в печати, и в аудиториях, и в канцеляриях». Он писал записки об университете, убедил члена совета при Министерстве внутренних дел А.И. Деспота-Зеновича подготовить особую докладную записку в пользу открытия университета в Томске [9. С. 91–92]. Все так, но думается, что окончательное решение этого вопроса зависело от купечества, деловых кругов Сибири. Именно они, по авторитетному мнению В.В. Сапожникова, «энергично выступили» за учреждение университета в Томске. И, конечно же, особая роль принадлежала томскому купцу 1-й гильдии З.М. Цибульскому. Как гласный Томской городской думы (вскоре избранный городским главой) он подготовил докладную записку «По вопросу о Сибирском университете» и 31 августа 1876 г. подал ее министру народного просвещения Д.А. Толстому [10. С. 55]. З.М. Цибульский связал перспективы экономического и социального развития Сибири с высшим образованием, с открытием университета. При этом он особенно настаивал на учреждении университета в Томске, а не в Омске, как предполагалось в некоторых чиновных кругах. В записке назывались все преимущества Томска перед Омском – географические, экономические, социокультурные, и в заключении предлагалось: «Пусть откроются в Сибири две подписки: на университет в Омске и на университет в Томске, тогда увидят наглядным образом, что первому никто не сочувствует, на второй же посильные приношения деньгами, учреждением стипендий, коллекциями для музеев и т.п. потекут широкою рекою» [11. С. 152].

Доводы З.М. Цибульского, заручившегося поддержкой представителей других сибирских городов, были настолько убедительны, что профессор В.М. Флоринский, который состоял секретарем правительственной комиссии, созданной для изучения вопроса о месте размещения Сибирского университета, счел необходимым предложить внести его записку в протоколы заседания комиссии. В результате члены комиссии отметили как несправедливое отвергать то, что «весьма значительная часть представителей городского населения Сибири высказала свои желания и ходатайства в пользу учреждения Сибирского университета в Томске» [Там же. С. 153].

Характерно, что, поддержав идею открытия университета в Томске и добившись ее осуществления, В.М. Флоринский впоследствии объяснял свое решение с немалым сарказмом: «Вся сила в купеческих капиталах...». Господствующее в тогдашнем образованном обществе неприятие низших, непривилегированных сословий, каковым было и купечество, явно прослеживается в записках профессора Флоринского, в его очень критических, если не сказать – уничижительных, характеристиках таких именитых томских купцов, как Д.И. Тецков, П.В. Михайлов, Е.И. Королев, в его заявлении, что университет «выше их понимания». Правда, он пытался все же наметить социальную перспективу, он писал: не общество создает университет, а «университет создает новое общество, которое лет через 30–50 оценит его зиждательную силу» [12. С. 282–287, 314–315].

Вопреки сказанному В.М. Флоринским, сибирские купцы, как это и предсказывал З.М. Цибульский, проявляли живой интерес к университету и подкрепляли его крупными пожертвованиями. Тем более что генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков обратился к крупнейшим сибирским предпринимателям и купцам за поддержкой и призвал их жертвовать на будущий университет [10. С. 80]. Как следствие, Томская городская дума, состоявшая по большей части из купцов, приняла решение о безвозмездном выделении земли под строительство университета. На подаренном участке площадью 89,4 тыс. квадратных саженей (40,5 гектаров), оцененном в 107,3 тыс. руб., разместились главный корпус и другие учебные и учебно-вспомогательные учреждения; в их числе Ботанический сад, факультетские клиники, студенческое общежитие, позже – анатомический и бактериологический институты, библиотека [13. С. 120–121]. В 1900 г. Томская городская дума передала безвозмездно еще 3 тыс. квадратных саженей городской земли под строительство 2-го дома общежития студентов на пересечении ул. Садовой и Евгеньевской (ныне пр. Ленина и ул. Савиных). К осени 1902 г. на этом участке на государственные средства было построено здание общежития, впоследствии переоборудованное под госпитальные клиники, ныне – клиники СибГМУ [14. С. 150; 15. С. 39].

Ко времени учреждения в Томске университета его денежный фонд, сформировавшийся из пожертвования П.Г. Демидова и начисленных на него банковских процентов, составлял 182 тыс. руб. Эту сумму, кроме государственных ассигнований, существенно дополнили добровольные пожертвования сибирских купцов. В числе самых первых и самых щедрых жертвователей оказался томский купец З.М. Цибульский. Еще в 1876 г., в подкрепление ходатайства о том, чтобы Сибирский университет был построен в Томске, он внес на его счет 100 тыс. руб., в 1879 г. добавил 40 тыс. руб. на «на скорейшую закладку фундамента» университета. Ответом на первые пожертвования стало награждение Цибульского орденом святого Владимира 3-й степени в 1876 г., а затем, в 1878 г., – присвоение ему, первому среди томичей, почетного звания «Почетный гражданин города Томска». Кроме того, З.М. Цибульский был включен в состав строи-

тельного комитета, созданного в 1880 г. под председательством томского губернатора В.И. Мерцалова. Портрет томского купца по решению императора был установлен в университетском зале [16. Л. 9; 17. Л. 9–16.].

Вторым по сумме взносов на университет – 100 тыс. руб. – был иркутский купец А.М. Сибиряков. Вслед за ним 10 тыс. руб. внес иркутский купец А.К. Трапезников, 3,3 тыс. руб. – барнаульский купец В.Н. Сухов, 1 тыс. руб. – бийский купец А.В. Соколов. Кроме того, имелись пожертвования от городских дум Томска, Бийска, Барнаула, Мариинска, Ишима, Нарыма, в которых, как хорошо известно, заправляли купцы [18. С. 3]. В 1880–1883 гг., когда собирались добровольные пожертвования на строительство Дома общежития студентов, свои вклады сделали бийские купцы А.В. Соколов, Л.Ф. Морозов, Я.А. Сахаров и братья Гилевы, колыванский купец Г.И. Пастухов, торговый дом «М.Н. Сабашников и сыновья», тюменский купец И.П. Волков, тарский и кяхтинский купец-первогильдеец Я.А. Немчинов [Там же. С. 216]. Чтобы вполне оценить вклад купечества в создание Томского университета, следует сказать, что ко времени его открытия в 1888 г. на строительство и обустройство университетских зданий было истрачено 814 тыс. руб., при этом купеческие пожертвования превышали 310 тыс. руб.

Исключительно на купеческие деньги построен бактериологический институт при Томском университете (совр. НИИ вакцин и сывороток). В 1902 г. банковский служащий В.Т. Зимин передал в университет солидную сумму в процентных бумагах и наличных деньгах – 103 466 руб., доставшихся ему от умершей сестры З.Т. Чуриной, вдовы иркутского купца 1-й гильдии И.Я. Чурина. Жертвователю предлагалось выполнить два условия: во-первых, присвоить институту имени Чуриных, во-вторых, поставлять изготовленные в институте препараты для бесплатного лечения бедных жителей Иркутска [19. Л. 130]. Эти условия были приняты, и в 1904 г. началось строительство здания по проекту архитектора Ф.Ф. Гута, а два года спустя, в 1906 г., состоялось открытие Бактериологического института имени Ивана и Зинаиды Чуриных. Первый и единственный в Сибири научный институт обеспечивал изготовление лечебных сывороток и вакцин, проводил предохранительные прививки против бешенства, а также противоэпидемические бактериологические исследования [18. С. 540–542; 20. Л. 10, 147; 21. С. 150].

Менее успешным оказался опыт сотрудничества университета с томским купцом П.В. Михайловым. Известно, что университетское руководство обращалось к нему с просьбой уступить участок земли, расположенный как раз напротив университета, для сооружения Бактериологического института, но соглашение не было достигнуто [20. Л. 13]. В 1910 г., спустя несколько лет после смерти купца, его вдова, А.П. Михайлова, обратилась в Томский университет с предложением принять капитал в размере 100 тыс. руб. и построить на принадлежавшем ей земельном участке на Садовой улице, вблизи университетской усадьбы, детскую клинику [22. Л. 257]. Но и на этот

раз стороны к согласию не пришли. В 1912 г. А.П. Михайлова обратилась в Томскую городскую думу: она жертвовала 100 тыс. руб. деньгами и участок земли на Садовой улице стоимостью 20 тыс. руб. на создание городской детской больницы имени Петра и Алевтины Михайловых. По предложению жертвовательницы городская дума сформировала строительный комитет, председателем которого был избран ординарный профессор Императорского Томского университета И.М. Левашев. В течение 1915–1916 гг. здание больницы было вчерне построено, но отделку и обустройство пришлось отложить до окончания войны [23. С. 46–52; 24. С. 109–112; 25. С. 136–137]. (Известно, что позже, в начале 1920-х гг., в здании Михайловской больницы размещался рабфак ТГУ. С 1930-х гг. здание занимает лечебное учреждение, совр. поликлиника № 1.)

Немалый вклад в обустройство Томского университета внесли красноярские и томские купцы Гадаловы. Родоначальник купеческого семейства И.Г. Гадалов отличался общественным темпераментом, избирался городским головой в г. Канске, гласным Томской городской думы, состоял пожизненным членом Общества Красного Креста, членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Как и многие другие сибирские предприниматели, И.Г. Гадалов много жертвовал на церковные нужды. На его средства была целиком обставлена и украшена университетская церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, освященная в 1887 г. Жертвователем много лет служил церковным старостой, а затем передал свои обязанности сыну, купцу 2-й гильдии И.И. Гадалову. Как и отец, он полностью обеспечивал содержание университетского храма, а кроме того, вносил ежегодно 500 руб. на хор певчих. В 1908 г. И.И. Гадалов предложил расширить хор и стал добавлять на эти цели по 200 руб. По согласованию с ректором университета регент церковного хора студент-медик В. Листов сформировал хоровой коллектив, пригласил в него 4 сопрано, 2 контральто, 3 тенора и 4 баса из университетских студентов [26. Л. 234–235].

Поддержкой со стороны томского купечества пользовалась домовая церковь при факультетских клиниках Томского университета. В 1893–1899 гг. церковным старостой этого храма служил купеческий сын Е.В. Шмурыгин, а в 1901–1903 гг. – купец 2-й гильдии А.П. Усачев. Они заботились об украшении храма и, по примеру Гадаловых, содержали церковный хор, в котором за небольшую плату пели по преимуществу студенты университета [27. Л. 5–7, 9].

Сибирские купцы вносили деньги на учебные нужды Томского университета, участвовали в формировании стипендиального фонда. Среди жертвователей на студенческие стипендии значились томские купцы З.М. Цибульский и братья Кухтерины, кяхтинские купцы А.А. Соломонов и М.С. Хаминов, дочь иркутского купца-золотопромышленника М.А. Сибирякова А.М. Кладищева, тюменский купец И.П. Воинов, иркутский купец А.К. Трапезников [18. С. 206–210; 28. Л. 5–14]. Иркутская купеческая вдова А.Н. Портнова, дочь купца-первогильдейца Н.П. Тра-

пезникова, известная своей благотворительностью на нужды культуры и образования, завещала 54 тыс. руб. на стипендии студентам Томского университета уроженцам Восточной Сибири [29. С. 181; 30. Л. 205]. А.И. Кузнецова, представительница торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°», созданного на основе капиталов кяхтинского купца-чаоторговца А.С. Губкина, через своего доверенного, томского купца А.В. Тряпицына, доставила в университет капитал в размере 13 200 руб. на учреждение в нем пяти стипендий для студентов [31. С. 22.].

Среди сибирских купцов-жертвователей на университетские нужды особо выделялся Александр Михайлович Сибиряков, иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин [32]. Будучи крупнейшим сибирским золотопромышленником и пароходчиком, он находил время и силы для благотворительности на пользу культуры и образования, а также для собственных исследований. Его научные путешествия и труды по изучению Северного морского пути не утратили значение по сию пору [29. С. 258–259]. Вполне понятен его интерес к Томскому университету, с которым он связывал развитие сибиреведческих исследований и поощрял их. Кроме 100 тыс. руб., пожертвованных им еще в 1876 г. «на устройство и обзаведение учебно-вспомогательных учреждений», сразу после открытия университета он распорядился учредить премию за «лучшее историческое сочинение о Сибири». Вследствие того, что в Томском университете в то время не было гуманитарного факультета, пожертвованный Сибиряковым капитал был передан временно в ведение Академии наук «впредь до открытия в Томском университете историко-филологического факультета». А с открытием юридического факультета Министерство народного просвещения приняло решение о том, чтобы начать присуждение сибиряковской премии в Томском университете. В 1899 г. правление Императорской Академии наук препроводило в Томский университет 16 321 руб., пожертвованные А.М. Сибиряковым [33. Л. 216; 34. С. 64]. Первая премия имени Сибирякова была присуждена московскому исследователю-архивисту Н.Н. Оглобину за 4-томное издание документов Сибирского приказа. Присуждение премии было приурочено ко дню университетского акта 22 октября 1901 г. [35]. Премией Сибирякова были удостоены также труды профессора Д.Н. Беликова по истории сибирской церкви.

В первые годы после открытия университета из денег, внесенных А.М. Сибиряковым, оплачивались расходы по оборудованию и содержанию гистологического, ботанического, физического, анатомического, фармакологического кабинетов, на приобретение учебной литературы по кафедре А.М. Зайцева. Часть капитала Сибирякова направлялась на оплату научных командировок, например поездок по Сибири Н.Ф. Кашенко и В.В. Сапожникова для исследования и сбора научных коллекций [30. Л. 68–69, 92]. На пожертвования А.М. Сибирякова была приобретена и обработана коллекция беспозвоночных животных, собранная Густавом Норденшельдом (сухие и спирто-

вые препараты) [36. С. 85]. Заслуги А.М. Сибирикова перед вузом были достойно вознаграждены – в 1904 г., в один год с Д.И. Менделеевым, он был избран почетным членом университета [37. С. 1].

Наряду с Сибириковыми большой известностью в Сибири пользовалась купеческая семья Кузнецовых, чья деятельность на поприще золотопромышленности и благотворительности поощрялась правительством. Основатель рода, красноярский купец 1-й гильдии Петр Иванович Кузнецов участвовал в научных экспедициях, состоял членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, а его старшие сыновья – Иннокентий и Лев – оказались тесно связаны с Томским университетом. В 1885 г. Л.П. Кузнецов составил завещание, в котором заявил о желании учредить в Императорском Томском университете премию «за лучшие печатные сочинения на русском языке, один раз по истории Сибири, один раз – по антропологии или социологии» [38. Л. 1]. После смерти Л.П. Кузнецова его душеприказчики направили в университет 53 тыс. руб., они были оформлены как специальный капитал, из процентов которого присуждалась премия, а также выплачивалось 7 стипендий имени Л.П. Кузнецова для студентов медицинского факультета. Положение о премии Кузнецова было разработано в университете и утверждено Министерством народного просвещения в 1902 г. В продолжение последующих 15 лет премия присуждалась не менее пяти раз, лауреатами ее стали около десяти сибирских исследователей [38. Л. 12, 78; 39. С. 130–131].

Вслед за крупными пожертвованиями были возвращены небольшие, скажем, точечные поощрения трудов университетских преподавателей, выполненных в интересах Сибири. Так, в 1888 г. владелец типографии в Томске П.И. Макушин отпечатал на свой счет вступительные лекции профессоров С.И. Залесского и С.И. Коржинского [29. Л. 8]. Купец А.Е. Кухтерин внес 1 тыс. руб. на устройство химической лаборатории профессора С.И. Залесского [40]. В 1910 г. бийские купцы Н.И. Ассанов, А.Д. Васенев и Г.Г. Бодунов профинансировали научную экспедицию профессоров Императорского Томского университета М.И. Боголепова и М.Н. Соболева по изучению русско-монгольской торговли [1. С. 19, 31]. Это был адекватный ответ на научные запросы университетских сотрудников, которые выявили, что «в Монголии почти исключительно работает сибирский торговый капитал». В ходе экспедиции, по свидетельству М.И. Боголепова и М.Н. Соболева, изучались «экономические отношения самой Сибири, купечество которой по своей инициативе и почти без всякой поддержки расширило рынок деятельности торгового капитала». Выяснилось, что «целый ряд сибирских городов почти целиком базируется на благосостоянии на торговле с Монголией» [41. Л. 142–143].

Помощь в организации научно-учебной работы в университете осуществлялась также путем приобретения и дарения книг и книжных коллекций. И если в основу университетской библиотеки было положено собрание графа А.Г. Строганова, подаренное им еще в 1879–1880 гг., то после открытия университета неко-

торые ценные коллекции приобретались на средства, внесенные А.М. Сибириковым. Так были приобретены книжное собрание В.А. Жуковского и коллекция медицинских изданий доктора Пфейфера [42. С. 104, 106]. На пожертвование красноярского купца П.И. Кузнецова была приобретена библиотека профессора Петербургской духовной академии Карпова. В 1890 г. томский купец П.В. Вытнов подарил библиотеке университета, через студента Соколова, медицинские книги 33 названий в 41 томе [30. Л. 138]. В 1913 г. купеческая вдова Н.Н. Усачева обратилась к ректору Императорского Томского университета с предложением принять 2 тыс. руб. и в память об ее умершем муже, купце А.П. Усачеве, организовать небольшую библиотеку в университетской детской клинике. Руководство университета согласилось с предложенным, в клинике детских болезней был установлен шкаф с табличкой «Библиотека имени А.П. Усачева». В нем хранились детские журналы и книги, а также складные азбуки, наглядные пособия для детей по ботанике, минералогии, зоологии [43. Л. 1, 16–17].

Считаю особенно важным подчеркнуть участие купечества в формировании и пополнении музейных фондов Императорского Томского университета. Собственно, первый в университете по времени создания в 1882 г. Археологический музей был образован благодаря красноярскому купцу 1-й гильдии М.К. Сидорову, на чьи деньги В.М. Флоринский приобрел коллекцию «тобольских древностей» – более 600 предметов материальной и духовной культуры сибирского населения первой половины I тыс. н.э. [42. С. 22–23]. Фонды Археологического музея пополнялись за счет даров красноярского купца-золотопромышленника и исследователя Сибири И.П. Кузнецова, который в общей сложности передал в музей около 700 коллекционных предметов, не считая документов и фотографий. В кузнецовское собрание входили артефакты, собранные им во время археологических раскопок в Сибири, этнографическая коллекция «бытовых предметов американских индейцев», привезенная из путешествия по Северной Америке, и археологическая коллекция, приобретенная во время научной поездки по странам Скандинавии [4. С. 158]. Щедрыми дарителями археологических и этнографических коллекций выступали красноярский купец Г.П. Сафьянов, томские купцы И.Г. Гадалов и И.И. Колосов [36. С. 83; 44. С. 25; 45. Пар. 2. С. 148].

Сохранились сведения о дарителях, пополнявших фонды Минералогического музея Императорского Томского университета. Так, купец З.М. Цибульский передал в этот музей 882 минерала и 138 образцов горных пород из Восточной Сибири. Поступления различных минералов обеспечивали купцы-золотопромышленники А.Д. Родюков, И.Г. Сафьянов, Д.С. Федулов [18. С. 291, 303, 304; 36. С. 85]. В фонд будущего Зоологического музея в 1887 г. поступила коллекция «птиц и зверей», собранная в Средней Азии и Джунгарии любителем охоты, томским купцом 1-й гильдии И.Ф. Каменским. А томский купец-первогильдеец А.Ф. Толкачев приобрел у минусинского жителя Г.П. Андреева большую коллекцию су-

хих растений и передал ее в дар для Ботанического музея университета [46. С. 83, 118].

Заинтересованность сибирского купечества в университете проявлялась и в том, что они стремились учиться сами или обучать своих детей в этом вузе. Конечно, серьезным препятствием было требование к поступающим – иметь гимназический аттестат, что не всегда, по разным причинам, оказывалось доступно для выходцев из купеческого сословия. Но со временем, когда сеть средних учебных заведений в Сибири расширилась, все больше купеческих детей попадали в университетские аудитории. По имеющимся данным, в первом наборе студентов в 1888 г. к купеческому сословию принадлежало 5 человек, или 6,94 %. К 1902 г. число студентов из купцов, считая и почетных граждан, также бывших купцов, превысило 35 человек, а к 1909 г. достигло почти 100 человек. В среднем в первые 25 лет деятельности университета, в 1888–1912 гг., за которые имеются достоверные сведения, доля купцов и почетных граждан превышала 10% численности студентов [17. С. 154–155].

Судя по имеющимся данным, в Императорский Томский университет поступали сыновья и дочери самых видных сибирских купцов. В разные годы в вузе учились в качестве вольнослушателей дети томского предпринимателя – Дмитрий, Петр и Викторина Макушины. Также на правах вольнослушателей в университете обучались красноярский купеческий сын Иннокентий Кузнецов, сын томского купца Александр Горохов [47. Л. 13; 48. Л. 1, 22; 49. Л. 1, 315; 50. Л. 3, 6, 8; 51. Л. 1–8]. Дочери томских купцов Изабелла Зеленевская и Маргарита Фуксман, дочь нарымского купца Клавдия Родюкова по окончании Томской зубоврачебной школы М.А. Каменецкого, Н.С. Сосунова и Б.В. Левитина сдавали экзамены в испытательной комиссии при Императорском Томском университете и по их результатам были утверждены в звании зубного врача [2. С. 110–111; 52. Л. 5; 53. Л. 17].

По спискам выпускников и другим документальным данным известно, что дипломы об окончании Императорского Томского университета получили сыновья томских купцов Леонид и Вадим Прасоловы, Моисей Фуксман, Николай Патрушев, Николай Пискунов, Николай Шерлаимов. Интересно, что дочь томского купца К.Я. Зеленевского Маргарита после окончания томской Мариинской женской гимназии и Петербургских высших женских естественнонаучных курсов в 1907–1908 гг. училась в качестве вольнослушательницы на медицинском факультете Императорского Томского университета, а в 1912 г. получила диплом об его окончании [2. С. 227; 18. С. 171–197; 54. Л. 5]. Точно так же внучка томского купца 2-й гильдии С.Ф. Хромова Валентина Чистякова училась в качестве вольнослушательницы юридического факультета и в 1912 г. получила свидетельство об окончании университета [55. Л. 1, 20]. Томский университет окончили сыновья иркутских купцов Иосиф Янкелевич, Григорий Патушинский (двоюродный брат видного сибирского адвоката Г.Б. Патушинского), сын каинского купца Аарон Мариупольский, сын енисейского купца-первогильдейца Яков Флеер [29. С. 23, 140, 361, 454].

Следует напомнить, что в конце XIX – начале XX в. российские университеты были охвачены студенческими волнениями, участники которых выступали с требованиями социальной справедливости. Так, в 1899 г. студенты Императорского Томского университета примкнули к общестуденческой забастовке солидарности с петербургскими студентами, которые подверглись «избиению нагайками». Решение о забастовке подписали 418 из 445 томских студентов, выступавших под лозунгом борьбы «за неприкосновенность личности», как об этом позже свидетельствовал участник и руководитель забастовки студент-медик Ксенофонт Гречищев [56. С. 385–386]. Вполне понятно, что участников студенческих выступлений, а среди них и купеческих сыновей, наказывали, исключали из университета, высылали из Томска. Так был отчислен сын томской купчихи, студент 1-го курса медицинского факультета Николай Массалитинов. Вопреки предупреждению со стороны правления университета не нарушать установленные правила, не допускать «беспорядков», он был уличен в «преднамеренном непосещении лекций» 13 декабря 1899 г. и как не сознавшийся «в предварительном уговоре» не ходить на лекции в тот день был уволен без права обратного поступления [33. Л. 438, 440]. Но наказания не смогли остановить новые выступления и студенческие демонстрации. Известно, что в них участвовали и купеческие сыновья Леонтий Патушинский и Василий Дистлер. Причем относительно последнего в полицейском донесении было сказано, что отец увидел своего сына на демонстрации 18 февраля 1903 г. и буквально выдернул его из рядов демонстрантов и увез [57. Л. 1–2]. День спустя, 20 февраля 1903 г., в Томске было организовано еще одно шествие, в котором вместе с другими участвовал студент-медик из купцов Моисей Минский, он шел рядом с несшим красный флаг и громко выкрикивал: «Да здравствует республика!» [Там же. Л. 9].

Студенты из купеческих семей участвовали в нелегальных политических организациях. Например, в феврале 1910 г. купеческий сын Николай Шерлаимов был арестован в числе некоторых других томских студентов «на основании доставленных в жандармское управление сведений о принадлежности его к Томской организации социалистов-революционеров». Высланный в Нарымский край под гласный надзор полиции, он отбыл там два года, в 1912 г. был восстановлен в числе студентов юридического факультета и через год окончил его [58. Л. 25, 31].

Нужно заметить, что имена купеческих сыновей все же достаточно редко встречаются среди участников студенческих волнений. Более того, как раз студенты из купцов исправнее других посещали учебные занятия во время забастовок. Их, судя по всему, имел в виду один из самых активных участников студенческих сходов К. Гречищев, когда предлагал «относиться к ним с презрением и не тревожиться ввиду их малочисленности» [33. Л. 103]. Но, как ни прославлялся в литературе образ студента-бунтаря, борца против произвола властей, считаю, что требует уважения и выбор студентов из купечества. Они формировали островок стабильности в университете, отстаивали

свое право получить образование и специальность. И, получив дипломы об окончании университета, выходцы из купечества сыграли важную роль в жизни Сибири и всей страны.

Известно, что купеческий сын Николай Пискунов, окончивший Императорский Томский университет со степенью лекаря в 1906 г., работал лаборантом, затем ассистентом кафедры гистологии и эмбриологии родного университета. Занимался научными исследованиями под руководством профессоров А.Е. Смирнова и С.Г. Часовникова, опубликовал несколько научных работ на русском и немецком языках. В годы Первой мировой и Гражданской войн он обратился к врачебной практике, позже служил доверенным врачом транспортной страховой кассы [2. С. 215]. Выпускник Томского университета 1907 г. врач Л.И. Патушинский участвовал в Первой мировой войне и в 1917 г. входил в состав полкового комитета, участвовал в работе общепартийного съезда. Вплоть до последних дней жизни, до 1948 г., он занимался врачебной прак-

тикой в г. Ачинске, избирался в районный и городской Совет депутатов, его именем была названа одна из ачинских улиц [59. С. 62]. Сын томского купца, выпускник юридического факультета 1910 г. Николай Патрушев был присяжным поверенным Томского окружного суда, избирался гласным городской думы. В марте 1917 г. он вошел в состав Комитета общественного порядка и безопасности, от имени которого не раз обращался к населению с призывами «к политическому благоразумию и гражданской сознательности». Смерть от тифа в декабре 1919 г. оборвала, говоря словами некролога, жизнь «видного общественного деятеля, безупречного адвоката, пользовавшегося общим уважением» [2. С. 204; 60. Л. 1, 8].

В целом приведенные в статье данные позволяют утверждать, что взаимоотношения Императорского Томского университета и купечества отвечали их обоюдным интересам, способствовали социокультурной интеграции различных слоев сибирского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деловая элита старой Сибири: исторические очерки / А.В. Старцев, В.А. Скубневский, Н.М. Дмитриенко, В.П. Зиновьев и др. Новосибирск : Сова, 2005. 264 с.
2. Дмитриенко Н.М. Томские купцы : биографический словарь (вторая половина XVIII – начало XX в.) / науч. ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.: ил.
3. Дмитриенко Н.М., Григорьева С.Е. Томский технологический институт и купечество : опыт делового сотрудничества (1890-е – 1910-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 3. С. 16–20.
4. Черняк Э.И., Дмитриенко Н.М. И.П. Кузнецов-Красноярский – историк и музеевед // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 157–163.
5. Дмитриенко Н.М. О социальном составе населения Томска (конец XIX в. – 1917 г.) // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. / ред. В.П. Зиновьев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 134–154.
6. Дмитриенко Н.М. Социальная структура населения Бийска в конце XIX – начале XX в. // Вопросы социально-экономического развития Сибири в период капитализма / отв. ред. А.П. Бородавкин. Барнаул, 1984. С. 50–57.
7. Зуева Е.А., Скубневский В.А., Комлева Е.В. Купечество сибирское // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. Т. 1: А–Л / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2012. С. 396–400.
8. Сапожников В.В. Императорский Томский университет // Город Томск. Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1912. Паг. 2. С. 1–8.
9. Потанин Г.Н. Культурно-просветительные организации // Город Томск. Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1912. С. 90–100.
10. Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 514 с.
11. Труды комиссии, учрежденной по Высочайшему повелению для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета. СПб., 1878. 158 с.
12. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания (1865–1880) // Русская старина. СПб., 1906. Кн. 5. С. 280–324.
13. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1896 год. Томск, 1897. 151 с.
14. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1901 год. Томск, 1904. 220 с.
15. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1903 год. Томск, 1904. 172 с.
16. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 11. Д. 1362.
17. ГАТО. Ф. 233. Оп. 1. Д. 128.
18. Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888–1913 гг.). Томск : Сибирское товарищество печатного дела, 1917. 544 с.
19. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 282.
20. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 356.
21. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1906 год. Томск, 1907. 162 с.
22. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 586.
23. По докладу особого комитета о настоящем положении дела по постройке здания городской детской больницы имени Петра и Алевтины Михайловых // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1914. № 5–6. С. 46–52.
24. По докладу строительного комитета по постройке детской больницы имени Петра и Алевтины Михайловых о современном положении дел // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1915. № 5. С. 109–112.
25. Краткая пояснительная записка к отчету о постройке вчерне здания детской больницы имени Петра и Алевтины Михайловых в г. Томске // Известия Томского городского общественного управления. Томск, 1916. № 3. С. 133–137.
26. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 443.
27. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 570.
28. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 392.
29. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Гео, 2013. Т. 2: М–Я. 464 с.
30. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 6.
31. Журналы заседаний совета Императорского Томского университета № 1–8 за 1898 год // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1900. Кн. 16. Паг. 9. С. 1–127.

32. Майер Г.В., Фоминых С.Ф. А.М. Сибиряков и Томский университет // «Цели развития тысячелетия» и инновационные принципы устойчивого развития арктических регионов : материалы Международного конгресса. Т. 2 : Научно-практическая конференция «Наследие А.М. Сибирякова в укреплении евразийского сотрудничества и утверждении общечеловеческих ценностей». СПб., 2009. С. 22–30.
33. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 202.
34. Журналы заседаний совета Императорского Томского университета за 1899 год // Известия Императорского Томского университета. Томск, 1902. Кн. 19. С. 1–128.
35. Университетский праздник // Сибирская жизнь. Томск, 1901. 24 окт.
36. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Музеи Императорского Томского университета: первые годы создания и деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 81–90.
37. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1904 год. Томск, 1906. 164 с.
38. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 50.
39. Дмитриенко Н.М. Премии Императорского Томского университета за труды по истории, антропологии и социологии Сибири // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 129–134.
40. Сибирский вестник. Томск, 1892. 8 марта.
41. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 576.
42. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1900 год. Томск, 1901. 175 с.
43. ГАТО. Ф. 102. Оп. 12. Д. 92.
44. Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 21–38.
45. Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888. XVI, 155, 275 с.
46. История комплектования музейных коллекций Сибирского (Томского) университета в документах / сост. С.А. Некрылов, С.Ф. Фоминых, А.В. Литвинов и др. // Томские музеи : сб. документов и статей / отв. ред. С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 41–180.
47. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2398.
48. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 568.
49. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1507.
50. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2799.
51. ГАТО. Ф. 102. Оп. 8. Д. 280.
52. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2144.
53. ГАТО. Ф. 102. Оп. 6. Д. 321.
54. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 635.
55. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2825.
56. Гречищев К.М. Из жизни студентов Томского университета (до 1900 г.) // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 368–406.
57. ГАТО. Ф. 102. Оп. 10. Д. 12.
58. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 2890.
59. Звягин С.П. Министр юстиции Г.Б. Патушинский : биографический очерк. Красноярск : Кларетианум, 2001. 92 с.
60. ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1863. Л. 1, 8.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 ноября 2016 г.

IMPERIAL TOMSK UNIVERSITY AND SIBERIAN MERCHANTS: THE EXPERIENCE OF CO-OPERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 94–102.

DOI: 10.17223/15617793/413/15

Nadezhda M. Dmitrienko, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vassa.mv@mail.ru

Keywords: Imperial Tomsk University; Siberian merchants; donations to cultural and educational needs; students from merchants.

The main objective of this article is to describe the role of merchants in the formation and development of the first higher educational institution in Siberia – Imperial Tomsk University. Merchants represented a very small part of the urban population, not more than 1.5–2 %, they still dominated in the economic and social development of the Siberian society in the late 19th and early 20th centuries. It should be emphasized that government officials and intellectuals often showed a negative attitude to merchants. For example, the main organizer of Tomsk University Professor V.M. Florinskiy wrote that all power was in the capitals of merchants, but the University was above their understanding. However, this article allows disproving his statement. Siberian merchants contributed large sums to the needs of the University in Tomsk. There is an evidence that 814 thousand rubles was spent on the construction and arrangement of the University by its opening in 1888. At that time, merchant donations amounted to 310 thousand rubles. The largest contributor for the University needs was Tomsk merchant Z.M. Tsibulskiy. In total, he donated over 158 thousand rubles to the University. The Russian Government was very grateful to him and awarded the Order of St. Vladimir, third degree, to him. Tsibulskiy was also first in Tomsk to be awarded the title “The honorary citizen of the city of Tomsk” in 1878. In addition to construction costs, merchant money was used for educational needs, for equipment of laboratories and classrooms. Merchants contributed to the formation of the scholarship fund for students as well. The merchant support of research in the Imperial Tomsk University was of great importance. Merchants sponsored research expeditions of university professors, donated for purchasing book collections. For example, A.M. Sibiryakov’s donation paid for the famous poet Zhukovsky’s book collection. Merchant M.K. Sidorov helped to buy the collection of “Tobolsk antiquities”, and that collection was the first in the Archaeological Museum at the University. Krasnoyarsk merchants I.P. Kuznetsov and G.P. Safiyanov donated large collections on archeology and ethnography. These collections still represent the main value of the Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University. The great interest of merchants to the University showed in the fact that their children studied in the University. The article notes that such Imperial Tomsk University graduates from merchants as N. Sherlaimov, N. Patrushev, V. Prasolov, N. Piskunov, M. Zelenevskaya, G. Patushinskiy, A. Mariupolskiy played a prominent role in the life of Siberia. The article concludes that the relationship of Imperial Tomsk University and merchants satisfied their mutual interests, made a great contribution to the socio-cultural integration of various strata of Siberian society.

REFERENCES

1. Startsev, A.V. et al. (2005) *Delovaya elita staroy Sibiri: istoricheskie ocherki* [The business elite of the old Siberia: historical essays]. Novosibirsk: Sova.
2. Dmitrienko, N.M. (2014) *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar' (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Tomsk merchants: Biographical Dictionary (second half of the 18th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Dmitrienko, N.M. & Grigor'eva, S.E. (2015) Tomsk Technological Institute and merchants: the experience of business partnership (1890–1910). To *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3. pp. 16–20. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/35/3
4. Chernyak, E.I. & Dmitrienko, N.M. (2016) I.P. Kuznetsov-Krasnoyarskiy as a historian and museographer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 409. pp. 157–163. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/409/26
5. Dmitrienko, N.M. (1980) O sotsial'nom sostave naseleniya Tomsk (konets XIX v. – 1917 g.) [On the social composition of the population of Tomsk (the end of the nineteenth century – 1917)]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Rabochie Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.* [Workers of Siberia in the late nineteenth – early twentieth centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Dmitrienko, N.M. (1984) Sotsial'naya struktura naseleniya Biyska v kontse XIX – nachale XX v. [The social structure of the population of Biisk in the late nineteenth – early twentieth centuries]. In: Borodavkin, A.P. (ed.) *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri v period kapitalizma* [Issues of socio-economic development of Siberia in the period of capitalism]. Barnaul: Altai State University.
7. Zueva, E.A., Skubnevskiy, V.A. & Komleva, E.V. (2012) Kupechestvo sibirskoe [Siberian merchants]. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary of the history of merchants and commerce of Siberia: in 2 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Geo.
8. Sapozhnikov, V.V. (1912) Imperatorskiy Tomskiy universitet [Imperial Tomsk University]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
9. Potanin, G.N. (1912) Kul'turno-prosvetitel'nye organizatsii [Cultural and educational organizations]. In: *Gorod Tomsk* [The city of Tomsk]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
10. Nekrylov, S.A. (2010) *Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.)* [Tomsk State University, the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Anon. (1878) *Trudy komissii, uchrezhdennoy po Vysochayshemu poveleniyu dlya izucheniya voprosa ob izbranii goroda dlya Sibirskogo universiteta* [Proceedings of the Committee established by the Imperial order to study the issue of choosing the city for the Siberian University]. St. Petersburg: Tip-ya V.S. Balasheva.
12. Florinskiy, V.M. (1906) Zametki i vospominaniya (1865–1880) [Notes and memories (1865–1880)]. *Russkaya starina*. 5. pp. 280–324.
13. Anon. (1897) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1896 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1896]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
14. Anon. (1902) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1901 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1901]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
15. Anon. (1904) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1903 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1903]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 11. File 1362. (In Russian).
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 233. List 1. File 128. (In Russian).
18. Anon. (1917) *Kratkiy istoricheskiy ocherk Tomskogo universiteta za pervye 25 let ego sushchestvovaniya (1888–1913 gg.)* [A brief historical essay on Tomsk University, the first 25 years of its existence (1888–1913)]. Tomsk: Sibirskoe tovarishchestvo pechatnogo dela.
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 282. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 356. (In Russian).
21. Anon. (1907) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1906 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1906]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 586. (In Russian).
23. Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. (1914) Po dokladu osobogo komiteta o nastoyashchem polozhenii dela po postroyke zdaniya gorodskoy detskoy bol'nitsy imeni Petra i Alevtiny Mikhaylovkh [On the report of the special committee on the present state of affairs on the construction of the building of the City Children's Hospital named after Pyotr and Alevtina Mikhaylov]. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 5–6. pp. 46–52.
24. Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. (1915) Po dokladu stroitel'nogo komiteta po postroyke detskoy bol'nitsy imeni Petra i Alevtiny Mikhaylovkh o sovremennom polozhenii del [On the report of the building committee on the present state of affairs on the construction of the building of the City Children's Hospital named after Pyotr and Alevtina Mikhaylov]. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 5. pp. 109–112.
25. Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. (1916) Kratkaya poyasnitel'naya zapiska k otchetu o postroyke vcherne zdaniya detskoy bol'nitsy imeni Petra i Alevtiny Mikhaylovkh v g. Tomске [Brief note to the report on the rough construction of the building of the Children's Hospital named after Pyotr and Alevtina Mikhaylov in Tomsk]. *Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya*. 3. pp. 133–137.
26. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 443. (In Russian).
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 9. File 570. (In Russian).
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 392. (In Russian).
29. Rezun, D.Ya. (ed.) (2013) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary of the history of merchants and commerce of Siberia: in 2 vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo.
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 6. (In Russian).
31. Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta. (1900) Zhurnaly zasedaniy soвета Imperatorskogo Tomskogo universiteta № 1–8 za 1898 god [The journals of the meetings of the Board of the Imperial Tomsk University 1–8 for 1898]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 16:9. pp. 1–127.
32. Mayer, G.V. & Fominykh, S.F. (2009) [A.M. Sibiriyakov and Tomsk University]. “Tseli razvitiya tysyacheletiya” i innovatsionnye printsipy ustoychivogo razvitiya arkticheskikh regionov [“Millennium Development Goals” and the innovative principles of sustainable development of the Arctic regions]. Proceedings of the International Congress. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 22–30. (In Russian).
33. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 202. (In Russian).
34. Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta. (1902) Zhurnaly zasedaniy soвета Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1899 god [The journals of the meetings of the Board of the Imperial Tomsk University for 1899]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 19. pp. 1–128.
35. Sibirskaya zhizn'. (1901) Universitetskiy prazdnik [University festival]. *Sibirskaya zhizn'*. 24 October.
36. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2015) Imperial Tomsk University Museums: the first years of establishment and activities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 81–90. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/397/14

37. Anon. (1906) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1904 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1904]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
38. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 50. (In Russian).
39. Dmitrienko, N.M. (1998) Premii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za trudy po istorii, antropologii i sotsiologii Sibiri [Imperial Tomsk University awards for works on the history, anthropology and sociology of Siberia]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the history of Siberia. On the 30th anniversary of the laboratory]. Tomsk: Tomsk State University.
40. *Sibirskiy vestnik*. (1892). 8 March.
41. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 576. (In Russian).
42. Anon. (1901) *Otchet o sostoyanii Imperatorskogo Tomskogo universiteta za 1900 god* [Report on the state of the Imperial Tomsk University for 1900]. Tomsk: Parovaya tipo-litografiya P.I. Makushina.
43. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 12. File 92. (In Russian).
44. Ozheredov, Yu.I. (2008) Muzei arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 125 let sluzheniya [V.M. Florinskiy Museum of Archaeology and Ethnography of Tomsk State University: 125 years of service]. In: *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdistitsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and peoples of North Asia and neighboring territories in the context of interdisciplinary studies]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–38.
45. Florinskiy, V.M. (1888) *Arkheologicheskiy muzey Tomskogo universiteta* [Tomsk University Archaeological Museum]. Tomsk: Tipografiya Mikhaylova i Makushina.
46. Nekrylov, S.A. et al. (2010) Istoriya komplektovaniya muzeynykh kolleksiy Sibirskogo (Tomskogo) universiteta v dokumentakh [History of acquisition of museum collections of Siberian (Tomsk) University in documents]. In: Fominykh, S.F. & Chernyak, E.I. (eds) *Tomskie muzei: sb. dokumentov i statey* [Tomsk museums: documents and articles]. Tomsk: Tomsk State University.
47. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2398. (In Russian).
48. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 568. (In Russian).
49. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 1507. (In Russian).
50. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2799. (In Russian).
51. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). F.102. List 8. File 280. (In Russian).
52. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 2144. (In Russian).
53. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 6. File 321. (In Russian).
54. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 635. (In Russian).
55. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 2825. (In Russian).
56. Grechishchev, K.M. (2014) Iz zhizni studentov Tomskogo universiteta (do 1900 g.) [From the life of students of Tomsk University (till 1900)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) *Imperatorskiy Tomskiy universitet v vospominaniyakh sovremennikov* [Imperial Tomsk University in memories of the contemporaries]. Tomsk: Tomsk State University.
57. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 10. File 12. (In Russian).
58. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 2890. (In Russian).
59. Zvyagin, S.P. (2001) *Ministr yustitsii G.B. Patushinskiy. Biograficheskiy ocherk* [Minister of Justice G.B. Patushinsky. A biographical essay]. Krasnoyarsk: Klaretianum.
60. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 4. File 1863. Pages 1, 8. (In Russian).

Received: 15 November 2016

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУКИ СОВЕТСКОГО КАЗАХСТАНА

Дан очерк истории науки и образования в Советском Казахстане. Это первый шаг к подготовке развернутой истории деятельности казахстанских органов власти и научной общественности по формированию системы образовательных и научных учреждений в республике. Автор считает, что за 70 лет в Казахской ССР была создана сеть научных и образовательных учреждений, соответствующая уровню своего времени и стоящим перед ней задачам.

Ключевые слова: Академия наук СССР; Казахстанский филиал Академии наук СССР; АН КазССР.

В 2016 г. научная общественность Казахстана отмечает 70-летие образования Академии наук республики. История Академии наук Казахстана начинается с прошлого столетия. Однако первые очаги науки на территории Казахского края образовались еще в конце XIX – начале XX в., когда были созданы Уральская ветеринарная станция (1897), Красновоподская семеноводческая станция (1909). Позже к ним добавилась Уральская опытная сельскохозяйственная станция (1914).

После революционных событий 1917 г. на территории Казахстана в декабре 1919 г. создается историко-статистический отдел при штабе Кирвоенкомата в Оренбурге. Отдел, возглавляемый А.П. Чулошниковым, известным историком, должен был заняться исследованием Казахского края в географическом, историческом и этнографическом плане. В силу сложившихся обстоятельств отдел просуществовал недолго: в 1920 г. он вошел в отдел народного просвещения Кирревкома в качестве Ученой комиссии, позже преобразованной в академический центр Наркомпроса КазАССР.

В 20-х гг. XX в. можно отметить деятельность Общества по изучению Казахстана, которое состояло из естественно-географической, этнографической и историко-археологической секций. Филиалы этого общества появились в Уральске, Урде, Петропавловске и Кокчетаве. В 1925 г. общество насчитывало 172 члена, среди которых были историк А.П. Чулошников (первый председатель правления общества), известный этнограф А.А. Диваев, врач и ученый-историк С.Д. Асфендияров, музыкант-этнограф, композитор А.Е. Затаевич, археолог, историк-востоковед М.Е. Массон и др. Возобновили свою работу Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отделения (с 1924 г. самостоятельный отдел Русского географического общества (РГО)) и Верненский отдел РГО. В Семипалатинском отделе РГО работали М.О. Ауэзов, Ж. Шанин, краеведы братья Н.Н. и А.Н. Белослюдовы и др. Семипалатинский отдел РГО выпускал журнал «Записки».

В дальнейшем на территории Казахстана открылись такие научные организации, как Алма-Атинская плодово-ягодная станция (1919), Краевая станция защиты растений (1924). В 1925 г. начали научно-исследовательскую работу Алма-Атинский санитарно-бактериологический институт (ныне Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней), Казахский ветеринарно-бактериологический институт (с 1932 г. – Казахский научно-исследовательский ветеринарный институт), в 1926 г. – Науч-

но-исследовательский институт удобрений и агрономического почвоведения. Начали работать отделения Главного геологического комитета города Алма-Ата и Института цветных металлов.

3 апреля 1926 г. Академия наук СССР создает Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР) во главе с академиком А.Е. Ферсманом [1. С. 623]. В 1927 г. была образована Казахская экспедиция АН СССР, занимающаяся статистико-экономическим, геологическим и гидрогеологическим изучением ресурсов республики.

В 1920–1930-х гг. руководство республики обращало внимание на активизацию научно-исследовательской работы. Так, 13 ноября 1927 г. правительство Казахстана приняло постановление «О состоянии научно-исследовательских учреждений и организаций республики» [2. С. 285]. С участием ученых Москвы, Ленинграда и других городов СССР 6–19 апреля 1930 г. состоялся первый научно-исследовательский съезд Казахстана, в котором работали 6 секций: животноводства, растениеводства, недр, экономики и промышленности, культуры и истории, организационно-методического руководства [3. С. 326–329].

В республике открылся ряд отраслевых научных институтов, например, в 1929 г. Казахский почвенный институт в Кызыл-Орде [2. С. 286], в 1930 г. – Институт экономических исследований при Госплане Казахской АССР (с 1956 г. – Казахский НИИ экономики и организации сельского хозяйства), в 1931 г. – Казахский научно-исследовательский дерматовенерологический институт [4. С. 251–252], Институт социалистической реконструкции сельского хозяйства [2. С. 286].

Отметим, что к 1932 г. в Казахской ССР насчитывалось свыше 10 научно-исследовательских институтов и опытных станций, сотни опорных пунктов, лабораторий и метеорологических станций, несколько геологоразведочных организаций. Институт экономических исследований при Государственной комиссии по планированию, институты по перестройке сельского хозяйства, овцеводства, почвоведения, строительства являлись крупными научными учреждениями того времени.

В 1932 г. был заложен Алма-Атинский ботанический сад, который позже вошел в состав Ботанического сектора Казахстанской базы АН СССР (с 1965 г. – Главный ботанический сад АН КазССР, с 1992 г. – Главный ботанический сад Национальной академии наук Республики Казахстан) [5. С. 102]). В том же году был создан Казахский научно-исследовательский институт туберкулеза [5. С. 292].

Советская власть важное значение придавала идеологии; в 1934 г. на базе Казахского научно-исследовательского института марксизма-ленинизма был создан Институт истории партии при ЦК КП(б) Казахстана.

8 марта 1932 г. по просьбе правительства Казахской АССР была образована Казахстанская база АН СССР. Здесь работали секторы зоологии и ботаники. 9 сентября 1932 г. Президиум АН СССР принял предложение Комиссии по базам и филиалам об утверждении Ученого совета Казахстанской базы АН СССР в составе академиков А.Е. Ферсмана, И.М. Губкина, И.П. Бардина, В.Л. Комарова, И.Г. Александрова, С.А. Зернова, Э.В. Бричке и представителей республиканских партийных, советских, плановых и профсоюзных органов [5. С. 238].

Казахстанская база АН СССР с первых дней своей деятельности обращала внимание на организацию изучения ресурсов республики. Так, 21 октября 1933 г. в Алма-Ате прошла первая сессия Казахстанской базы АН СССР по изучению производительных сил Казахстана с участием ученых Москвы, Ленинграда, Алма-Аты и работников промышленности и сельского хозяйства [2. С. 286–287]. В 1934 г. в Москве прошла третья сессия Ученого совета Казахстанской базы АН СССР, посвященная проблемам Большого Алтая и Джезказгана. Результаты сессии были доложены Президиуму Академии наук СССР, который утвердил представленную резолюцию и отметил, что сессии удалось удовлетворительно разрешить стоящие перед ней задачи, определить степень актуальности и значения для народного хозяйства страны проблем Алтая и Джезказгана, а также установить направление программ и методов дальнейших изыскательско-исследовательских, геологоразведочных и проектных работ на второе пятилетие [6. С. 97–98].

Постепенно расширялась научно-исследовательская деятельность Казахстанской базы АН СССР. В 1935–1936 гг. были созданы секторы геологии, истории, казахского языка и литературы и народного творчества, ботанические сады в Балхаше и Лениногорске, Алтайская научно-исследовательская база [7. С. 40]. В 1936 г. при Казахстанской базе АН СССР была открыта аспирантура, куда поступили 15 аспирантов-казахов (3 – по зоологии, 3 – по ботанике, 4 – по геологии и 5 – по истории и литературе) [8. С. 142].

Надо отметить, что в Казахстане развивалась и сельскохозяйственная наука. В 1933 г. организуется Институт животноводства, в 1934 г. – Институт зернового хозяйства, а в 1935 г. открываются институты земледелия им. Вильямса, ветеринарии и экономики сельского хозяйства. В республике образуется сеть сельскохозяйственных опытных станций: Карабалыкская, Уральская, Шортандинская и Жетысуйская (Алма-Ата). В 1940 г. был организован Казахский филиал Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ) им. В.И. Ленина [9. С. 275].

Развитие науки невозможно была без участия институтов и университетов. В дореволюционное время в Казахстане не существовало высших учебных заведений. Только при Советской власти в Казахстане были открыты первые институты и университет:

в 1928 г. в Алма-Ате – педагогический институт имени Абая, в 1929 г. – ветеринарно-зоотехнический, в 1930 г. – сельскохозяйственный, 1931 г. – медицинский, в 1934 г. – Казахский горно-металлургический институт и Казахский государственный университет им. С.М. Кирова. В областях также открывались институты, готовящие в основном педагогические кадры. За годы второй и третьей пятилеток в республике были открыты 14 вузов. В 1940/41 учебном году в 20 высших учебных заведениях обучались 10,4 тыс. студентов [10. С. 107].

Нельзя не отметить помощь ученых, приехавших из Москвы, Ленинграда и других городов СССР, которые работали на педагогической и научной стезе в Казахстане. В их числе можно отметить преподавателя Московского университета И.Д. Моллюкова, профессора, зав. кафедрой теоретической механики; Д.В. Сокольского – выдающегося химика, академика, Героя Социалистического Труда; К.П. Персидского, видного профессора математики, академика. Все они трудились в стенах Казахского государственного университета и в Академии наук. В КазПИ им. Абая приехал из Ленинграда профессор Б.А. Федченко. В 1929 г. из Киева приехал в Алма-Ату со своими учениками известный ученый-зоолог, морфолог, доктор биологических наук, впоследствии академик АН КазССР Б.А. Домбровский, который работал в зооветеринарном институте, КазГУ и Академии наук, создал школу морфологов Казахстана.

Руководство Казахстана придавало большое значение высшему образованию и науке. К 1940-м гг. в республике работали 12 вузов, 11 научно-исследовательских и проектно-технологических организаций, 2 проектных института, 2 сельскохозяйственные опытные станции, 6 заводских научно-исследовательских и конструкторских подразделений, зоологический парк в Алма-Ате. Эти научно-исследовательские организации в основном решали вопросы развития сельского хозяйства и здравоохранения.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенное время, несмотря на нехватку педагогических и научных кадров и слабую материальную базу, в республике были открыты новые институты. Среди них – Институт иностранных языков (1941), Шымкентский технологический институт (1943), Женский педагогический институт (1944), Алма-Атинская государственная консерватория им. Курмангазы (1944). В 1945/46 учебном году в Казахстане функционировали 24 вуза, в которых обучались 15,1 тыс. студентов, только в 1946 г. были подготовлены 1 399 педагогов, врачей, инженеров, агрономов и других специалистов [11. С. 460].

Начавшийся быстрый подъем производительных сил республики потребовал более интенсивных исследований по проблемам и другим отраслям народного хозяйства и внедрения их результатов. В связи с этим созданная в 1932 г. казахстанская база Академии наук СССР, имевшая два сектора – зоологический и ботанический, в 1938 г. была преобразована в Казахстанский филиал Академии наук СССР (КазФАН), в котором перед началом Великой Отечественной войны работали 100 научных сотрудников, в том числе 3 доктора и 14 кандидатов наук [12. С. 9].

О росте КазФАН свидетельствует открытие в 1939 г. секторов почвоведения и географии, Джезказганской научно-исследовательской базы, закладка ботанического сада в Караганде. В 1939 г. в печать вышел первый номер «Известий Казахского филиала АН СССР. Серия зоологическая» [2. С. 280]. В 1940 г. была создана Карагандинская научно-исследовательская база КазФАН СССР, а на базе геологического сектора открыт Институт геологических наук (ныне им. К.И. Сатпаева), директором которого был утвержден К.И. Сатпаев. В 1941 г. правительство Казахской ССР решило организовать в Алма-Ате при КазФАН СССР Институт астрономии и физики. В том же году Президиум Академии наук СССР утвердил Ученый совет КазФАН.

В суровые годы Великой Отечественной войны учеными АН СССР во главе с академиком В.Л. Комаровым и К.И. Сатпаевым, при участии казахстанских геологов, горняков, химиков и металлургов, была создана Комиссия Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Казахстана, Урала и Западной Сибири на оборонные нужды Советского государства. В июне 1942 г. Комиссия в составе академиков И.П. Бардина, А.А. Скочинского, В.Н. Образцова, А.А. Байкова, Э.В. Брицке, профессоров В.Н. Смирнова, А.С. Робста, Р.Л. Певзнера, А.Д. Федосеева и других, возглавляемая президентом АН СССР академиком В.Л. Комаровым, приступила к изучению сырьевых ресурсов Казахстана [13. С. 380, 586].

В годы Великой Отечественной войны в республику были эвакуированы многие научные учреждения и высшие учебные заведения страны. Здесь трудились известные всему миру учёные – И.П. Бардин, Л.С. Берг, В.И. Вернадский, Н.Ф. Гамалея, И.И. Мещанинов, Н.Д. Зелинский, Л.И. Мандельштам, Н.В. Цицин, С.Г. Струмилин, А.М. Панкратова, А.Е. Фаворский, С.Е. Малов, В.Г. Фесенков, Г.А. Тихов, Б.А. Воронцов-Вельяминов и др.

В 1942 г. были образованы Институт астрономии и физики, Химико-металлургический институт, 1943 г. – Институты почвоведения, ботаники, зоологии и тропических болезней. В 1942–1945 гг. созданы Институты химии, металлургии и горного обогащения, огнеупорных и строительных материалов, зоологии, тропических болезней. В 1945 г. начали работать Институты истории, археологии и этнографии, горного дела, почвоведения, сектор математики и механики.

В тяжелые годы Великой Отечественной войны не прекращалась деятельность Казахстанского филиала АН СССР. Ученые своим самоотверженным трудом приближали победу над врагом. В годы войны были открыты отмеченные институты, при Казахстанском филиале действовали 7 самостоятельных секторов по различным отраслям науки. Об открытии сектора энергетики свидетельствует ученый-энергетик, основатель энергетической науки в Казахстане, академик Ш.Ч. Шокин (1912–2003): «В начале ноября 1943 г. К.И. Сатпаев пригласил меня и сказал, что в КазФАНе собираются организовать Сектор энергетики, и предложил мне возглавить его» [12. С. 12].

Здесь надо отметить выдающуюся деятельность казахского ученого Каныша Имантаевича Сатпаева (1899–1964) в открытии Академии наук Казахстана и

в целом в развитии науки. К.И. Сатпаев был учёным-геологом, одним из основателей советской металлогенической науки и основоположником казахстанской школы металлогении, доктором геолого-минералогических наук (1942), профессором (1950), академиком АН Казахской ССР (1946), действительным членом АН СССР (1946), первым президентом Академии наук Казахской ССР. Известность получил как выдающийся организатор науки Казахстана, а также как геолог, открывший Улутау-Жезказганское месторождение меди, на тот момент являвшееся крупнейшим в мире по прогнозируемым запасам.

Его яркая и плодотворная научная деятельность раскрылась в начале Великой Отечественной войны. Известно, что с первых месяцев войны немцам удалось захватить Никополь, где располагалось основное месторождение марганца в СССР. К тому же немцы перерезали железнодорожный путь к Чиатурскому месторождению, второму по значимости после Никополь, что практически остановило добычу стратегического сырья для промышленности страны, изготавливавшей бронетанковую технику. Перед советским руководством встал вопрос о поиске новых месторождений марганца.

В Казахстане марганцевые залежи были в Джезды в районе Жезказгана, их еще в 1928 г. обнаружил К.И. Сатпаев. И, конечно, были организованы геологоразведочные работы на предмет наличия марганца. По составленным К.И. Сатпаевым расчетам приступили к добыче стратегического сырья. Правительственное задание было выполнено в течение 40 дней, и 12 июня 1942 г. Джездинский рудник начал отгрузку марганца, к 1943 г. рудник выдавал стране на гора 70,9% марганцевых руд.

Велики научные успехи нашего соотечественника. Так, в 1942 г. Канышу Сатпаеву присудили Сталинскую премию за монографию «Рудные месторождения Жезказганского района», обобщавшую результаты, полученные им за 15 лет изучения региона [14]. К тому моменту Канышем Имантаевичем были опубликованы более 40 научных трудов. По совокупности работ 17 августа 1942 г. Высшая аттестационная комиссия СССР присвоила геологу степень доктора геолого-минералогических наук. Присвоение ученой степени доктора наук без предварительной защиты диссертации – случай исключительный, что говорит о выдающемся научном вкладе К.И. Сатпаева, достойно оцененном Родиной. В 1943 г. Каныш Имантаевич был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и утверждён в должности председателя Президиума КазФАН СССР.

За годы войны при его непосредственном участии в составе филиала были образованы 13 научно-исследовательских институтов и проведены подготовительные мероприятия к организации АН КазССР. В этот период развития науки казахстанским ученым большую помощь оказали академики В.А. Обручев, С.И. Вавилов, И.П. Бардин, В.Л. Комаров, И.Ф. Григорьев.

Надо сказать, что особенно активно работал К.И. Сатпаев над преобразованием филиала в республиканскую Академию наук. Как отметил в своих вос-

поминаниях академик Ш.Ч. Шокин, Каныш Имантаевич «считал, что членами Академии наук должны быть только доктора наук, и обсуждал избрание в качестве таковых кандидатов наук, что было допущено тогда в некоторых республиках Советского Союза, в частности в Узбекистане. В связи с этим он отобрал 24 наиболее обнадеживающих кандидата наук и в середине 1944 г. отправил их в докторантуру в Москву и Ленинград в академические научные учреждения, предварительно договорившись с их руководителями и научными кураторами. Для того, чтобы люди успешно работали, он добился выделения их семьям наркомовского пайка (высокой категории) на получение продуктов питания и обеспечил их жильем на местах. В военное время это сделать было очень трудно, и только сатпаевское умение ставить вопрос и его настойчивость обеспечили делу успех» [12. С. 15].

Чтобы открыть полноценную Академию наук республиканского масштаба, нужны были настоящие научные кадры и отраслевые институты. А на момент созрания идеи преобразования КазФАН в Академию наук в филиале функционировали всего пять институтов. Каныш Имантаевич предложил открыть еще 11 институтов, что вызвало недоумение не только в Казахстане, но и в Москве. Однако сатпаевское упорство достигло цели, и президент Академии наук СССР В.Л. Комаров дал свое согласие на открытие 11 академических институтов в Казахстане.

18 августа 1944 г. было принято специальное Постановление ЦК Компартии и Совета министров Казахской ССР «О подготовительных мероприятиях к организации Академии наук КазССР», в котором открытие академии приурочивалось к дню празднования 25-летия республики – 4 октября 1945 г. [7. С. 43].

Справедливости ради следует отметить, что высшие органы власти в лице Центрального комитета Коммунистической партии Казахстана в центре внимания держали вопрос, связанный с открытием республиканской Академии наук. Можно обратиться к протоколам заседаний бюро ЦК КП(б) Казахстана, где рассматривались организационные вопросы, связанные с Академией наук Казахской ССР. В частности, в протоколе № 308 от 27 ноября 1945 г. написано: «4. Организационные вопросы Академии наук Казахской ССР (т.т. Ундасынов, Борков).

В соответствии с постановлением Совнаркома Союза ССР от 26 октября 1945 г. «Об организации Академии наук Казахской ССР», ЦК КП(б) Казахстана постановляет:

1. Открытие Академии наук Казахской ССР назначить на 25 апреля 1946 г. Созвать на 25 апреля первую сессию Академии наук Казахской ССР.

2. Утвердить оргкомиссию по подготовке к открытию Академии наук Казахской ССР в следующем составе:

– т. Абдыкалыков И. – председатель комиссии – секретарь ЦК КП(б) К по пропаганде и агитации;

– т. Сатпаев К.И. – зам. председателя – председатель КазФАН; т. Фесенков В.Г. – академик; т. Заговельев А.П. – зам. председателя Совнаркома КазССР; т. Яковлев С.Я. – секретарь ЦК КП(б) К по кадрам; т. Сембаев А. – Наркомпрос КазССР; т. Тажиев И. – председатель Госплана КазССР.

3. Определить состав действительных членов Академии наук Казахской ССР в количестве 15 человек и членов-корреспондентов – 10 человек.

4. Предложить оргкомиссии в месячный срок представить кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук Казахской ССР на утверждение ЦК КП(б) К.

5. Выдвижение ученых Казахстана в состав действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук Казахской ССР организовать в срок с 10 февраля по 10 апреля 1946 г. через научно-исследовательские институты КазФАН, ВАСХНИЛ и высшие учебные заведения Казахской ССР с обязательной популяризацией в республиканской печати.

6. Постановление Совнаркома КазССР об утверждении первого состава академиков и членов-корреспондентов Академии наук Казахской ССР опубликовать в республиканской печати не позднее 10 апреля 1946 г.» [15. Л. 96–97].

Несколько ранее, а именно 15 ноября 1945 г., на заседании бюро ЦК КП Казахстана за выдающиеся заслуги в развитии науки в республике утверждены в звании заслуженных деятелей наук Казахской ССР Галузо Илларион Григорьевич, заместитель председателя Президиума Академии наук Казахской ССР, доктор биологических наук, ученый-паразитолог, и Сауранбаев Негмет Тналиевич, доктор филологических наук, языковед-тюрколог [Там же. Л. 61–62].

31 мая 1946 г. в соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 26 октября 1945 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР, Совет министров КазССР и ЦК КП(б) Казахстана приняли Постановление № 439 «Об учреждении Академии наук Казахской ССР» на базе существующего филиала АН СССР [16. С. 78]. 1 июня 1946 г. в здании Театра оперы и балета имени Абая состоялось торжественное собрание, посвященное открытию Академии наук Казахстана. Заседание открыл и вел Председатель Совета министров Казахской ССР Нуртас Дандыбаевич Ундасынов. Слово для оглашения постановления Президиума Верховного Совета, Совета министров, ЦК Компартии Казахстана было предоставлено тогдашнему секретарю ЦК КП Казахстана Мухаметжану Абдыкалыкову.

С докладом «Состояние и основные задачи развития науки в Казахстане» выступил К.И. Сатпаев. Первым президентом Академии наук Казахстана был избран К.И. Сатпаев, который в этом же году стал действительным членом Академии наук СССР. О академике К.И. Сатпаеве написано немало. Хочется привести добрые слова одного из близких его соратников – Шафика Чокиновича Шокина: «К.И. Сатпаев был очень масштабным человеком и решал частные вопросы исходя из общих концепций развития науки с учетом далекой её перспективы. Занимался он прежде всего разработкой и формулировкой основных положений развития Академии в целом и отдельных её научных учреждений в будущем в частности, вопросом территориального размещения всего комплекса. Каныш Имантаевич хотел, чтобы главное здание Академии отражало величие человеческой мысли, масштабность задач науки в республике» [12. С. 26].

Отметим, что 4–6 июня 1946 г. на проходившей первой сессии АН КазССР были заслушаны пленарные доклады, посвященные достижениям и проблемам различных отраслей науки в Казахстане. Это доклад академика В.А. Обручева об особенностях рельефа Казахстана и их возможном объяснении, которую зачитал член-корреспондент АН СССР Д.В. Наливкин, академик АН КазССР В.П. Русаков выступил на тему «Черные и цветные металлы Казахстана и их рудные базы в четвертом пятилетии», член-корреспондент АН КазССР А.В. Бричкин «Пути и технические условия интенсификации эксплуатации основных рудных месторождений Казахстана», академик АН КазССР А.Б. Бектуров «Итоги и основные проблемы химизации Казахстана», член-корреспондент АН КазССР Х.К. Аветисян «О достижениях и основных проблемах металлургии тяжелых металлов в Казахстане», кандидат технических наук Ш.Ч. Шокин «Энергетические ресурсы Казахстана и основные проблемы их изучения и использования» и др. [16].

В 1946 г. был утвержден первый состав Академии наук, в который вошли видные деятели науки, техники и культуры Казахстана: академики К.И. Сатпаев, М.О. Ауэзов, А.Б. Бектуров, И.Г. Галузо, М.И. Горяев, А.К. Жубанов, Н.Г. Кассин, С.К. Кенесбаев, Н.В. Павлов, М.П. Русаков, Н.Т. Сауранбаев, Г.А. Тихов, В.Г. Фесенков, С.В. Юшков, члены-корреспонденты – Х.К. Аветисян, Н.У. Базанова, А.И. Безсонов, С.Н. Боголюбовский, Р.А. Борукаев, А.В. Бричкин, А.М. Габбасов, Х.М. Жумалиев, А.Х. Маргулан, А.Ж. Машанов, А.П. Полосухин, В.И. Смирнов, А.Н. Сыганов, Г.Н. Удинцев, М.И. Усанович [17. С. 75–76].

Наука и ученые Казахстана своим самоотверженным трудом пережили не только славу успехов, но и лихие годы гонений и репрессий. Гонениям подверглись К. Сатпаев, М. Ауэзов, А. Жубанов, Х. Жумалиев, Б. Сулейменов, Е. Исмаилов и др. Если в 1930-х гг. интеллигенцию объявляли врагами народа и расстреливали, то в 1940–1950-х гг. отправляли в тюрьмы и лагеря, а в лучшем случае лишали работы. Известно «дело Бекмаханова», когда молодого историка Ермухана Бекмаханова осудили на 25 лет. Лишь благодаря смене власти и покровительству академика А.М. Панкратовой ему удалось выйти на свободу. Только за период 1948–1952 гг., по словам академика Ш.Ч. Шокина, из Академии наук Казахстана были уволены более 200 известных в научном кругу ученых как политически неблагонадежные и приближенные к К.И. Сатпаеву, что нанесло вред по ряду научных направлений [12. С. 32].

За послевоенный период наука Казахстана достигла небывалых успехов. Академические институты АН Казахстана и научно-образовательные центры и лаборатории университетов и институтов выполняли задания по ряду научно-технических программ союзного и республиканского значения. Академия наук Казахской ССР принимала активное участие в решении народно-хозяйственных проблем в республике. В 1949 г. в Гурьеве (Атырау) прошла четвертая сессия АН КазССР, посвященная проблемам изучения и освоения производительных сил Западного Казахстана [18. С. 137–138]. В том же году в Караганде рабо-

тала выездная сессия АН КазССР по вопросу использования производительных сил Центрального Казахстана [19. С. 7]. В 1956 г. Институтом геологических наук АН КазССР под руководством академика АН СССР К.И. Сатпаева была составлена прогнозно-металлогеническая карта Центрального Казахстана [20. С. 145].

В Москве и Алма-Ате проходили сессии АН СССР, посвященные разным вопросам развития науки, производства, а также состоялся ряд всесоюзных и международных научных конференций. В 1955 г. в АН СССР прошла XIX сессия Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик [21. С. 14–18], в мае–июне 1958 г. в Алма-Ате прошла IV Международная конференция стран Азии по паразитарным болезням животных [22. С. 83–84], в декабре того же года состоялась первая всесоюзная объединенная сессия по металлогеническим и прогнозным картам, организованная АН СССР и АН КазССР [23. С. 96–100].

Строительству главного здания Академии наук как штабу управления наукой придавали важное значение. В 1949 г. был одобрен проект строительства главного здания Академии наук республики, разработанный академиком А.В. Щусевым и архитектором Н.А. Простаковым, и 26 апреля 1951 г. заложен фундамент главного здания АН КазССР [24. С. 26].

В 50–60-х гг. прошлого столетия открывались новые институты по разным научным отраслевым направлениям. В 1950 г. созданы Астрофизический и Физико-технический институты АН КазССР [2. С. 290], в 1952 г. открыт Институт экономики [Там же], в 1956 г. на базе Урало-Эмбинской научно-исследовательской базы АН КазССР стал действовать Институт нефти, в том же году начал работу Институт краевой патологии [Там же. С. 291]. В 1957 г. организованы Институт ядерной физики на базе Физико-технического института АН КазССР [Там же] и Институт философии и права [9. С. 150–151], в Караганде открыт Химико-металлургический институт АН КазССР [Там же]. Созданы институты: в 1959 г. Институт ихтиологии и рыбного хозяйства на базе Отдела ихтиологии и гидробиологии Института зоологии АН КазССР; в 1960 г. – Институт геологии и геофизики, Институт химии нефти и природных солей АН КазССР; в 1961 г. – Институт литературы и искусства (ныне им. М.О. Ауэзова); в 1962 г. – Институт языкознания; в 1969 г. – Институт экспериментальной биологии АН КазССР; в 1970 г. – Институт органического катализа и электрохимии и Институт физики высоких энергий; в 1973 г. – Научно-исследовательский институт питания; в 1976 г. – Институт сейсмологии. 6 декабря 1977 г. Совет министров Казахской ССР принял постановление «Об Уставе Академии наук Казахской ССР» [25. С. 35–46].

За научные успехи 7 ученых АН Казахстана удостоились звания Героя Социалистического Труда, 18 стали лауреатами Ленинской премии, 34 – Государственной премии СССР, многие ученые удостоены звания лауреата Государственной премии Казахской ССР, премии имени Абая, Ленинского комсомола, премии АН КазССР им. Ч.Ч. Валиханова и др. Увели-

чили ряды ученых в системе Академии наук Казахстана. В 1975 г. Академию наук Казахстана наградили орденом Дружбы народов.

К концу 80-х гг. прошлого столетия в учреждениях академии наук республики работали более 11 300 человек, в том числе свыше 4 400 научных сотрудников, среди которых 46 академиков и 82 члена-корреспондента АН КазССР. Активно шла подготовка молодых ученых через аспирантуру, только в аспирантуре АН Казахской ССР обучалось свыше 500 человек [9. С. 5].

До 1980-х гг. развитие экономики в Казахстане имело более высокие темпы, чем в целом по Союзу. Этот процесс сопровождался и интенсивным научно-техническим прогрессом. За эти годы коллективам ученых и специалистам предприятий Казахстана за разработку и внедрение достижений науки и техники были присуждены Ленинские и Государственные премии.

В республике в эти годы был создан ряд новых научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, в том числе шесть институтов в составе Академии наук. К началу 1980-х гг. в Казахстане имелось 140 научных учреждений, в которых работали 21,1 тыс. чел. Основные научные силы были сосредоточены в Академии наук – 31 научное учреждение, из них 24 научно-исследовательских института. Ученые Академии наук вели исследования практически по всем важнейшим направлениям экономики и науки.

Высшее руководство республики уделяло внимание деятельности Академии наук. 15 апреля 1980 г. ЦК Компартии Казахстана и Совет министров республики приняли Постановление «О мерах по укреплению материально-технической базы Академии наук Казахской ССР для дальнейшего повышения эффективности научных исследований» [2. С. 297].

В 1980–1990-х гг. и вплоть до распада СССР Академия наук Казахстана активно функционировала и выполняла стоявшие перед ней задачи. В этот период были открыты новые перспективные научно-исследовательские учреждения. В 1983 г. открыли Институт географии, Институт молекулярной биологии и общей химии, Институт ионосферы, Институт органического синтеза и углехимии, в 1985 г. – Институт уйгуроведения [26. С. 471, 473].

В 1990 г. Совет министров Казахской ССР своим постановлением открыл Физико-технический институт на базе физико-технического отдела Института физики высоких энергий АН КазССР [27]. В 1991 г. Кабинет министров Казахской ССР принял постановления «Об организации Института информатики и управления Академии наук Казахской ССР», «Об организации Института космических исследований Академии наук Казахской ССР», «Об организации Института археологии им. А.Х. Маргулана Академии наук Казахской ССР», «Об организации Института механики и машиноведения Академии наук Казахской ССР», «Об организации Института государства и права Академии наук Казахской ССР» [27].

Крупные научные силы имелись также в 55 высших учебных заведениях Министерства высшего и средне-специального образования. В них работали

свыше 5 тыс. человек, из них более 2,3 тыс. научных сотрудников, в том числе 450 докторов наук и около 1 тыс. кандидатов наук.

В системе Минздрава было 13 научных учреждений, 14 научно-исследовательских институтов насчитывало Восточное отделение ВАСХНИЛ, в Минсельхозе было 3 НПО. Кроме того, прикладные исследования вели 40 филиалов и подразделений союзных НИИ, находившихся в Казахстане.

Долгие годы в стенах Казахского государственного университета работала крупный ученый-химик, член-корреспондент АН КазССР О.А. Сонгина. Под её научным руководством в лаборатории химии и редких элементов проводились теоретические и экспериментальные исследования, позволившие разработать и развить новое научное направление – физико-химические основы и принципы прогнозирования процессов последовательного растворения минералов и неорганических материалов. Другой известный ученый, доктор химических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР А.Ш. Шарифканов занимался синтезом биологически активных соединений и применением их в медицинской практике и сельском хозяйстве.

Отметим, что в 1975–1980 гг. ученые высших учебных заведений Казахстана опубликовали около 300 научных монографий, более 730 учебников и учебных пособий, 20 тыс. научных статей [2. С. 21].

В 1990-е гг. в Казахстане насчитывалось 279 научных учреждений, в том числе филиалы и самостоятельные лаборатории НИИ и вузов союзного подчинения. Численность работников, занятых основной научно-технической деятельностью, составила 50,6 тыс. чел.

Подводя итоги истории науки Казахстана в советское время, можно отметить положительные сдвиги в формировании и развитии научно-образовательных учреждений, подготовке кадров, необходимых республике в строительстве новых производственных объектов, добыче и обработке минерального сырья, что ускорило экономический процесс. Всего этого не было до 1917 г. В целом развитие науки республики способствовало открытию на территории Казахстана новых производственных мощностей, дало толчок развитию сельского хозяйства, национальной культуры, что позволило Казахстану стать в XX столетии одной из наиболее модернизированных республик Азии.

С обретением независимости в республике началось формирование новых подходов к развитию науки и управлению научно-техническим прогрессом в соответствии с задачами становления Казахстана как суверенного государства. Вопросы формирования самостоятельной научно-технической политики и системы управления наукой страны были положены в основу Закона РК «О науке и государственной научно-технической политике Республики Казахстан», принятого в январе 1992 г. В феврале 1992 г. было образовано Министерство науки и новых технологий. После ряда реорганизаций республиканским органом, реализующим государственную научную и научно-техническую политику, стало Министерство образования и науки РК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурная жизнь в СССР. 1917–1927. Хроника. М., 1975.
2. Наука Советского Казахстана (1920–1980 гг.). Алма-Ата, 1981.
3. Культурное строительство в Казахстане. Алма-Ата, 1965. Т. 1.
4. Культурная жизнь СССР. 1928–1941. Хроника. М., 1976.
5. Алматы : энциклопедия. Алматы, 1996.
6. Вестник АН КазССР. 1935. № 1.
7. Наука в Казахстане за сорок лет Советской власти. Алма-Ата, 1957.
8. Вопросы истории социалистического и коммунистического строительства в Казахстане. Алма-Ата, 1961.
9. Академия наук Казахской ССР : справочник. Алма-Ата, 1987.
10. Казахстан за 50 лет. Алма-Ата, 1971.
11. Казахстан за 40 лет. Алма-Ата, 1960.
12. Чокин Ш.Ч. Путь Национальной академии наук : (воспоминания и размышления). Алматы : Ғылым, 1996.
13. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. Алма-Ата, 1964. Т. 1.
14. Казахстанская правда. 1942. 16 апр.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 45. Д. 555.
16. Казахстанская правда. 1946. 8 июня.
17. Вестник Академии наук КазССР. 1974. № 5.
18. Вестник Академии наук КазССР. 1949. № 2 (47).
19. Вестник Академии наук КазССР. 1949. № 7 (52).
20. Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, 1967.
21. Вестник Академии наук КазССР. 1955. № 4 (121).
22. Вестник Академии наук КазССР. 1958. № 6 (159).
23. Вестник Академии наук КазССР. 1959. № 1 (166).
24. Вестник Академии наук КазССР. 1951. № 6 (75).
25. Свод законов Казахской ССР. 1986. Т. 5.
26. Наука и техника СССР. 1917–1987. Хроника. М., 1987.
27. Собрание постановлений Правительства КазССР. 1991. № 5. Ст. 31; № 18. Ст. 126, 127; № 20. Ст. 193; № 23. Ст. 172.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 ноября 2016 г.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SOVIET KAZAKHSTAN SCIENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 103–110.

DOI: 10.17223/15617793/413/16

Zharas A. Ermekbay, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan). E-mail: ermekjaras@mail.ru

Keywords: USSR Academy of Sciences; Kazakhstan branch of the Academy of Sciences of the USSR; Academy of Science of KazSSR.

The article gives a brief outline of the history of the development of Kazakhstan scientific and educational institutions during the Soviet period. Based on the published materials of the Soviet authorities, the author traces the formation of scientific and educational institutions in the Kazakh SSR. The author notes that in Kazakhstan one of the main scientific organizations in the pre-revolutionary period was agricultural research stations. During the period in Almaty there opened the Pedagogical Institute named after Abay in 1928, the Veterinary and Zootechnical Institute in 1929, the Agriculture Institute in 1930, the Medical Institute in 1931, the Kazakh Mining and Metallurgical Institute and the Kazakh State University named after S.M. Kirov in 1934. On the territory of Kazakhstan scientific organizations were established, such as the Alma-Ata Fruit-Berry Station (1919), the Marginal Plant Protection Station (1924) and others. At the request of the Government of the Kazakh SSR on March 8, 1932, the Kazakhstan Branch of the USSR Academy of Sciences was formed. During the Second World War many research institutions and universities of the country were evacuated to the republic. In June 1942, the Commission headed by President of the USSR Academy of Sciences Academician V.L. Komarov began to study the natural resources of Kazakhstan. Scientists of Kazakhstan made a significant contribution to the country's defense capability development during the Second World War, especially in the sphere of geology and metallurgy. On June 1, 1946, a meeting devoted to the opening of the Kazakhstan Academy of Sciences was held in the Abay Opera House in Alma-Ata. In the 1950s–1970s, new institutions in different research areas opened. The Astrophysical Institute and the Institute of Physics and Technology of the Kazakh SSR Academy of Sciences opened in 1950, the Institute of Economics in 1952, the Institute of Petroleum opened in 1956 on the basis of the Ural-Emba Research Center of the KazSSR AS, the Institute of Regional Pathology opened in 1956, too. In the 1980s–1990s and until the collapse of the USSR the Academy of Sciences of Kazakhstan operated actively and performed its tasks. Major scientific forces also concentrated in the 55 higher education institutions of the Ministry of Higher and Secondary Professional Education. In the 1990s Kazakhstan had 279 research institutions, including branches and independent laboratories of research institutes and universities subordinate to the Soviet Union. The number of workers engaged in the main scientific and technical activities amounted to 50.6 thousand people. The author notes the great role of the Academician K.I. Satpaev in the development of science of the Republic of Kazakhstan, the important role of scientists from the other Soviet republics. The author concludes that during the 70 years of the Soviet Kazakh SSR there was formed a net of scientific and educational institutions which corresponded to the level of its time, and was one of the best Asian research-educational systems.

REFERENCES

1. Kim, M.P. (ed.) (1975) *Kul'turnaya zhizn' v SSSR. 1917–1927. Khronika* [The cultural life of the USSR. 1917–1927. Chronicle]. Moscow: Nauka.
2. Anon. (1981) *Nauka Sovetskogo Kazakhstana (1920–1980 gg.)* [Science of Soviet Kazakhstan (1920–1980)]. Alma-Ata: Nauka.
3. Khabiev, Kh.Kh. et al. (1965) *Kul'turnoe stroitel'stvo v Kazakhstane* [Cultural construction in Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Kazakhstan.
4. Kim, M.P. (ed.) (1976) *Kul'turnaya zhizn' SSSR. 1928–1941. Khronika* [The cultural life of the USSR. 1928–1941. Chronicle]. Moscow: Nauka.

5. Nurgaliev, R.N. (ed.) (1996) *Almaty: Entsiklopediya* [Almaty: Encyclopedia]. Almaty: Kazak entsiklopediyasy.
6. *Vestnik AN KazSSSR*. (1935). 1.
7. Satpaev, K.I. & Baishev, S.B. (eds) (1957) *Nauka v Kazakhstane za sorok let Sovetskoy vlasti* [Science in Kazakhstan over the forty years of Soviet power]. Alma-Ata: KazSSR AS.
8. Savos'ko, V.K. (ed.) (1961) *Voprosy istorii sotsialisticheskogo i kommunisticheskogo stroitel'stva v Kazakhstane* [Issues of history of the socialist and communist construction in Kazakhstan]. Alma-Ata: KazSSR AS.
9. Niregin, N.V. (1987) *Akademiya nauk Kazakhskoy SSR: Spravochnik* [Kazakh SSR Academy of Sciences: A reference]. Alma-Ata: Nauka.
10. Anon. (1971) *Kazakhstan za 50 let* [Kazakhstan in 50 years]. Alma-Ata: Statistika.
11. Anon. (1960) *Kazakhstan za 40 let* [Kazakhstan in 40 years]. Alma-Ata: Gosstatizdat.
12. Chokin, Sh.Ch. (1996) *Put' Natsional'noy akademii nauk: (vospominaniya i razmyshleniya)* [The way of the National Academy of Sciences (memories and reflections)]. Almaty: Fylym.
13. Akzhanov, B.A. et al. (1964) *Kazakhstan v period Velikoy Otechestvennoy voyny Sovetskogo Soyuza* [Kazakhstan in the Great Patriotic War of the Soviet Union]. Vol. 1. Alma-Ata: Nauka.
14. *Kazakhstanskaya pravda*. (1942). 16 April.
15. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 17. List 45. File 555. (In Russian).
16. *Kazakhstanskaya pravda*. (1946). 8 June.
17. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1974). 5.
18. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1949). 2 (47).
19. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1949). 7 (52).
20. Esenov, Sh.E. (ed.) (1967) *Oktyabr' i nauka Kazakhstana* [October and the science of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka.
21. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1955). 4 (121).
22. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1958). 6 (159).
23. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1959). 1 (166).
24. *Vestnik Akademii nauk KazSSR*. (1951). 6 (75).
25. Kazakh SSR. (1986) *Svod zakonov Kazakhskoy SSR* [The Code of Laws of the Kazakh SSR]. Vol. 5. [s.n.].
26. Volkov, V.A. et al. (1987) *Nauka i tekhnika SSSR. 1917–1987. Khronika* [Science and technology in the USSR. 1917–1987. Chronicle]. Moscow: Nauka.
27. *Sobranie postanovleniy Pravitel'stva KazSSR*. (1991). 5. Art. 31.

Received: 04 November 2016

ЭТАПЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009).

Предлагается и обосновывается периодизация хозяйственного освоения Северной Азии с XVII до начала XXI в. Упор делается на демографическом аспекте. Рассматриваются цели и состав миграционных потоков. Выделяются три периода: XVII в. – промыслово-аграрное освоение; XVIII в. – 1950-е гг. – аграрно-промышленное; 1960-е гг. – настоящее время – индустриальное освоение.

Ключевые слова: этапы; хозяйственное освоение; колонизация; миграции; Сибирь и Дальний Восток.

Можно выделить четыре основных этапа освоения Северной Азии. Качественно различаются четыре процесса, шедшие последовательно в истории русской Азии и наложившиеся один на другой. Первый из них – военно-политическое присоединение территорий, второй – промысловое освоение, третий – аграрное освоение, четвертый – индустриальное освоение. Соответственно Сибирь и Дальний Восток пережили три волны колонизации – промысловую, аграрную и индустриальную. Параллельно с этими волнами шло расширение культурно-образовательного пространства России в Северной Азии.

Проблемам присоединения территории и освоения Северной Азии посвящена большая историческая литература, которую невозможно перечислить в данной статье. Трудно перечислить сами проблемы. Актуальность их менялась со временем. Но есть вопросы, которые всегда оставались актуальными и были в поле внимания историков:

Характер присоединения Сибири – завоевание или добровольное вхождение в империю?

Характер взаимодействия с местным населением – конфронтация или взаимодействие, фронт или сотрудничество?

Какие методы колонизации преобладали: военно-административные, штрафные, вольнонародные стихийные, государственно-стратегические?

Сибирь – колония или нет, каков ее статус в составе России?

Целесообразность способов индустриального освоения Севера: постоянные или временные поселения?

Формируется или нет особый субэтнос русского народа – сибиряки, особая сибирская идентичность?

В настоящей статье я остановлюсь только на одной проблеме – периодизации хозяйственного освоения Северной Азии. Периодизацию хозяйственного освоения Сибири, как принято считать в историографии, впервые предложил Николай Михайлович Ядринцев в своей знаменитой книге «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» [1]. Под названием Сибирь тогда имелась в виду вся территория русской Северной Азии. Он выделил XVII в. как век промыслового освоения края, XVIII в. – как век горнопромышленного освоения и век погони за серебром, первую половину XIX в. – как время золотопромышленности. При этом он отмечал, что в это же время шла вольнона-

родная и правительственная аграрная колонизация территории Сибири, которая сделала в середине XIX в. край преимущественно земледельческим [1. С. 256–263]. Н.М. Ядринцев считал плоды промысловой и промышленной колонизации скороспелыми, поверхностными, а методы освоения богатств Сибири – хищническими. По его мнению, только земледелие закрепляло за Россией завоеванные окраины. «Истинная основа жизни должна была лечь, когда в землю завоеванных стран упало первое хлебное зерно завоевателя», – считал он [Там же. С. 167].

Можно согласиться с тем, как Н.М. Ядринцев выделил первый этап освоения Сибири – промысловый, занявший XVII в. Действительно, это время преимущественно охотничье-промыслового освоения ресурсов Сибири, время погони за мехами пушных зверей. Меха были единственной русской валютой, главной статьей экспорта, главной целью служилых людей и промышленников. Первые брали меха в форме ясака с покоренных аборигенов, вторые, сбиваясь в артели-ватаги, добывали драгоценные шкурки зверьков во много раз в больших объемах, чем давала взамен природа. К концу XVII в. северную сибирскую тайгу промышленники опустошили, выбив бобра и соболя [2. С. 78]. Последней так яростно истребляла фауну только Русско-Американская компания на Дальнем Востоке России и на Аляске в первой половине XIX в. [3; 4. С. 17]. Земледельческое освоение Сибири в XVII в., пожалуй, было менее значимо, чем пушные промыслы, хотя дало более прочные результаты.

XVII в. в хозяйственном освоении Сибири выделяют в отдельный период и современные историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский. Они ставят под сомнение тезис Н.М. Ядринцева о преобладании вольнонародной колонизации и считают присоединение и хозяйственное освоение Сибири в это время в основном заслугой государства, а главными землепроходцами – служилых людей. Вместе с тем они не отрицают большое значение в освоении края промышленников – охотников, рыбаков, солеваров [5. С. 73–80]. Довольно прочно в исторической литературе держится мнение О.Н. Вилкова, что XVII в. в Сибири был временем преобладания в промышленности частной инициативы [6. С. 273–315; 7. С. 25–32].

На рубеже XVII–XVIII вв. Сибирь вступила в период аграрно-промышленного освоения, в котором земледельческая струя стала главной вплоть до

1930–1950-х гг. Цветная металлургия XVIII в., золотопромышленность и промышленная революция XIX в., строительство Транссибирской магистрали и сталинская индустриализация XX в. были всего лишь архитектурными украшениями сибирской аграрной провинции. Население Сибири и Дальнего Востока выросло с 470 тыс. чел. в 1719 г. до 11 млн в 1917 г., 14,1 млн – в 1939 г., 15 млн – в 1951 г. Большую часть этого населения составляли сельские жители, в 1719 г. – 86,9%, в 1917 г. – 86,8%, в 1939 г. – 68,7%, в 1951 г. – 56,3% [5. С. 78–79; 8. С. 434–437]. В основном это были крестьяне, которые когда-то переместились в Сибирь из Европейской России, и их потомки. Подавляющее большинство их прибыло в Сибирь добровольно, особенно те, которые переселились после 1861 г. Влияние ссылки на состав населения был замечен только в первой половине XIX в. (до 10% населения края).

Переселение почти 4 млн чел. в Сибирь и на Дальний Восток, организованное правительством в конце XIX – начале XX в., было, безусловно, успешным проектом [9. С. 106]. Это имело геополитическое значение, были сформированы ресурсы для освоения региона в XX в. Переселение в Сибирь продолжалось и в советское время. В 1920-е гг. в плановом порядке и стихийно в Сибирь переселились 1,2 млн чел., в 1930-е гг. 300 тыс., в 1948–1966 гг. – 600 тыс. чел., в том числе на освоение целинных и залежных земель Западной Сибири [10. С. 607–608]. В 1930–1940-е гг. были направлены в Сибирь до 550 тыс. крестьян-спецпереселенцев [11. С. 165]. Всего в 20–60-е гг. XX в. в Сибирь и на Дальний Восток переселились около 3 млн чел.

Промышленная колонизация Сибири в это время заметно уступала по масштабам и результатам аграрной. История индустриализации Сибири разделяется на следующие этапы:

1) XVII – первая четверть XVIII в. – начало частного раннекапиталистического предпринимательства в весьма скромных масштабах;

2) вторая четверть XVIII в. – первая четверть XIX в. – рост, а затем господство феодального предпринимательства казны, Кабинета, дворянства в мануфактурной промышленности;

3) вторая четверть XIX в. – 1861 г. – кризис феодальной промышленности, рост и победа частного капиталистического предпринимательства в транспорте, промышленности, господство капиталистической мануфактуры в золотодобыче, начало промышленного переворота в водном транспорте;

4) 1861 г. – первая половина 1900-х гг. – крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароходства, начало железнодорожного строительства;

5) вторая половина 1900-х гг. – 1930-е гг. – промышленный переворот во всех отраслях экономики, начало индустриализации, смена с 1917 г. частнокапиталистической индустриализации на государственно-капиталистическую;

6) 1940–1950-е гг. – эвакуация промышленных предприятий, развитие угольно-металлургической промышленности;

7) 1960–1980-е гг. перенос топливно-энергетической и сырьевой базы страны на территорию Сибири;

8) 1990–2010-е гг. – возрождение частного и корпоративного предпринимательства [12. С. 18; 13. С. 18].

С 1960-х гг. изменился характер хозяйственного освоения Сибири. Аграрная колонизация перестала быть существенным фактором хозяйственного освоения региона, в то время как индустриальная колонизация продолжалась в больших масштабах. Освоение западносибирских нефтегазовых месторождений, строительство гидроэлектростанций, железных дорог потребовали мобилизации средств и трудовых ресурсов всей страны, в том числе и сибирской деревни.

Перепись 17 января 1959 г. впервые зафиксировала преобладание городского населения Сибири над сельским: из 18 млн населения края 51,7% учтены как городские жители. В 1960–1980-е гг. Сибирь и Дальний Восток переживали период быстрого опережающего всю страну роста населения. Естественный прирост в Сибири превышал средние показатели по СССР [8. С. 439].

Приток населения извне Сибири и Дальнего Востока шел за счет оргнаборов (вербовки), общественных призывов, распределения выпускников высших и средних специальных учебных заведений. Только по общественным призывам на стройки в Сибирь и на Дальний Восток приехали в 1957–1977 гг. 1,5 млн чел. Быстрее всего росло население Тюменской области, Красноярского края [14. С. 361]. В 1989 г. на зауральской территории жили 32,2 млн чел. Доля городского населения в Западной Сибири выросла до 72,8%, в Восточной Сибири – до 71,9%, Дальнего Востока – до 77,3% [8. С. 438–439].

Социально-политические перемены в стране с 1991 г. вызвали негативную реакцию населения и экономики Сибири и Дальнего Востока. Сократилось население Зауралья: 2002 г. – 32 млн чел., 2016 г. – 30 млн чел. [15]. Единственным растущим регионом остался Западносибирский нефтегазовый район. Численность населения Тюменской области выросла с 3,1 млн чел. в 1989 г. до 3,6 млн в 2016 г., Томской области соответственно с 1 млн до 1,076 млн чел. Хозяйственное освоение активно продолжается только здесь.

Разрушение хозяйственных связей и государственной системы регулирования экономики привело к сокращению населения на Севере. Сравните данные за 1989 и 2016 гг.: в Магаданской области – с 542 тыс. до 148 тыс. чел., в Красноярском крае – с 3,04 млн до 2,866 млн чел., в Якутии – с 1,080 тыс. до 956 тыс. чел., Чукотском округе – со 157 тыс. до 50 тыс. чел., в Камчатском крае – с 466 тыс. до 316 тыс. чел. Убывающее население – это преимущественно индустриальное население, из чего можно сделать вывод, что идут деиндустриализация и депопуляция Севера и промышленных центров Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, 435 лет Русской Сибири можно разделить на три основных периода хозяйственного освоения:

1) XVII в. – промыслово-аграрный;

2) XVIII в. – 1950 гг. – аграрно-промышленный;

3) 1960–2016 гг. – индустриальный.
Северная Азия сейчас находится в состоянии социально-экономического кризиса, выход из которого

связан с развитием топливно-энергетического, металлургического комплексов и наукоемкого производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев М.Н. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 556 с.
2. История Сибири с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Том второй. Л. : Наука, 1968. 538 с.
3. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1971 гг.). Кемерово : ИНТ, 2013. 620 с.
4. Гринвальдт П. Меха́вая торговля в России и за границею (история и статистика, отделка мехов и товароведение). Рига, 1872. 44 с.
5. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск : Сова, 2005. 194 с.
6. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 370 с.
7. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск : Наука, 1982. 459 с.
8. Население // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 434–441.
9. Колонизация аграрная Сибири в XVII – начале XX в. // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 105–106.
10. Спецпереселенцы // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 3: С–Я. С. 164–168.
11. Переселение плановое в Сибирь в советский период // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2: К–Р. С. 606–610.
12. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 258 с.
13. Зиновьев В.П. Становление индустриального общества в России. Методическое пособие к специальному курсу лекций. Томск, 2014. 26 с.
14. Миграции населения // Т. 2: К–Р. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. С. 358–361.
15. URL: www.statdata.ru/largest_regions_russia

Статья представлена научной редакцией «История» 12 декабря 2016 г.

PERIODS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN NORTH ASIA. THE DEMOGRAPHIC ASPECT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 111–114.

DOI: 10.17223/15617793/413/17

Vasily P. Zinoviev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: periods; economic development; colonization; migration; Siberia and the Far East.

The author identifies four main periods of the development of North Asia. Four processes that went consistently in the history of Russian Asia and overlapped one another are qualitatively distinguished. The first of them is the military-political affiliation of the territories, the second is their commercial development, the third their agricultural development and the fourth their industrial development. Accordingly, Siberia and the Far East experienced three waves of colonization – trade, agricultural and industrial. Of the many problems connected with the accession and development of Siberia, the author singled out and considered one: the purpose and nature of the colonization of the region. The article offers and justifies the periodization of the economic development of Siberia from the 17th century to the beginning of the 21st century. The focus is on the demographic aspect of the development of North Asia. The author identifies three periods: the 17th century: the trade-agrarian development; the 18th century – the 1950s: the agro-industrial development; the 1960s to the present: the industrial development. Following N.M. Yadrintsev and modern historians, the author considers the 17th century as a separate period of economic development – trade, since at this time the Russians came to Siberia with the main purpose of producing skins of fur-bearing animals, agricultural colonization was of secondary importance. But from the 18th century agricultural colonization became main, and the key aim of migration from European Russia to Siberia and the Far East was lands suitable for the cultivation of corn and vegetable crops. Industrial colonization was of secondary importance, in spite of the serious impulses. The predominantly agrarian development in North Asia remained until the 1950s and the last act of agrarian colonization was the development of virgin and fallow lands in the 1950s in Siberia and Kazakhstan. Since the 1960s the main aim of migrants in Siberia and the Far East was work on industrial sites. The development of West Siberian oil and gas, coal and ore deposits, the construction of hydroelectric power plants, railways required the mobilization of funds and human resources throughout the country, including the Siberian village. The influx of the population from the European part of the country in Siberia and the Far East was due to organized recruitment, public calls, distribution of graduates of higher and vocational educational institutions. Thus, the author divides the 435 years of Russian Siberia into three main periods of economic development: 1. The 17th century: the trade-agrarian development; 2. The 18th century – the 1950s: the agro-industrial development; 3. The 1960s–2016: the industrial development. North Asia is currently in a state of social and economic crisis, the end of which is connected with the development of fuel and energy, metallurgical complexes and high-tech industry.

REFERENCES

1. Yadrintsev, M.N. (2003) *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in the geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
2. Okladnikov, A.P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney v pyati tomakh* [History of Siberia from Ancient Times to the Present Day in 5 vols]. Vol. 2. Leningrad: Nauka.
3. Ermolaev, A.N. (2013) *Rossiysko-amerikanskaya kompaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1799–1971 gg.)* [Russian-American Company in Siberia and the Far East (1799–1971)]. Kemerovo: INT.
4. Grinval'dt, P. (1872) *Mekhovaya trgovlya v Rossii i zagranitseyu (istoriya i statistika, otdelka mekhov i tovarovedenie)* [Fur trade in Russia and abroad (history and statistics, finishing furs and merchandising)]. Riga: tip. L. Veyde.
5. Rezun, D.Ya. & Shilovskiy, M.V. (2005) *Sibir', konets XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosotsial'nykh i etnokul'turnykh protsessov* [Siberia, the end of the 16th – the beginning of the 20th centuries: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: Sova.

6. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
7. Blinov, N.V. et al. (eds) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The working class of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka.
8. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Naselenie [Population]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
9. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Kolonizatsiya agrarnaya Sibiri v XVII – nach. XX v. [Agrarian colonization of Siberia in the 17th – early 20th centuries]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
10. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Spetspereselentsy [The special settlers]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
11. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Pereselenie planovoe v Sibir' v sovetskiy period [The planned relocation to Siberia during the Soviet period]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
12. Zinov'ev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial personnel of the old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Zinov'ev, V.P. (2014) *Stanovlenie industrial'nogo obshchestva v Rossii. Metodicheskoe posobie k spetsial'nomu kursu lektsiy* [The formation of an industrial society in Russia. Handbook to a special course of lectures]. Tomsk.
14. Lamin, V.A. (ed.) (2009) Migratsii naseleniya [Migration of population]. In: *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri.
15. Statdata.ru. (2016) *Chislennost' naseleniya regionov Rossii 2016. Krupnye regiony Rossii i federal'nye okruga po naseleniyu spisok* [The population of regions of Russia 2016. Major regions of Russia and Federal Districts by the population, a list]. [Online] Available from: www.statdata.ru/largest_regions_russia.

Received: 12 December 2016

ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1918–1939 гг.)

На территории межвоенной Чехословакии действовали две греко-католические епархии – Мукачевская и Пряшевская, которые веками оставались очагами сохранения церковнославянского языка богослужения, опекунов над местным населением Пряшевщины и Прикарпатья. Базу изучения составляют архивные документы епархиального делопроизводства и актовые материалы, отдельные сборники фондов, касающиеся интернатов. Вторая группа источников данного исследования – греко-католическая периодика, отражающая специфический взгляд именно на социальные проблемы, которые пытались решать епархиальные органы управления в 20–30-х гг. XX в. Третью группу составляют статистические источники, которые значительно дополняют существующий архивный документальный материал и межвоенную периодику.

Ключевые слова: актовые источники; документы делопроизводства; социальная история; тематизм.

На территории межвоенной Чехословакии действовали две греко-католические епархии – Мукачевская и Пряшевская, которые веками оставались очагами сохранения церковнославянского языка богослужения, опекунов над русинским населением Пряшевщины и Прикарпатья. Главными документальными источниками служат материалы, содержащиеся в архивах и библиотеках Словакии и Украины. Здесь находится большое количество источников, среди которых можно выделить документы, периодическую печать и статистические материалы.

Базу изучения составляют архивные документы епархиального делопроизводства и актовые материалы, отдельные сборники фондов, касающиеся интернатов, которые находятся в Архиве греко-католического архиепископства в Пряшеве. Первые позволяют понять внутриепархиальные механизмы осуществления социальной помощи; актовые же материалы помогают установить отношения между епархиальными структурами и государственными органами власти и их взаимную координацию в вопросах социальных выплат и помощи преобладающему русскому населению.

Примером делопроизводственной документации является значительная группа эпистолярных источников в рамках епархий и переписки епархиальных структур с государственными органами власти. О сложном материальном положении греко-католического духовенства свидетельствует письмо министра по делам Словакии от 25 сентября 1920 г. к епископскому викарию Николаю Руснаку о том, что ликвидированные коблина и роковина [1. С. 124–125] не могут быть восстановлены властью президента республики, разве что заменены каким-то другим законом; вопрос же возмещения министерство приняло во внимание для дальнейшего решения [2]. В письме же от 6 октября 1920 г. сообщается, что на Подкарпатской Руси, несмотря на политические, социальные и экономические причины, закон приостанавливают, а в Словакии, напротив, внедряют. Причем в документе министерства к епископскому викариату извещается, что будут ассигноваться денежные эквиваленты натуральным, но до окончательного внедрения необходимо платить натуральную плату.

Таким образом, в переписке четко прослеживается решение вопросов, связанных с материальным поло-

жением духовников, позволяющее понять основные проблемы и сделать попытки решения социальных вопросов. В 1921 г. велась активная переписка между правительством и епископским правлением о решении вопроса выплат за ликвидированные коблину и годовщину, в частности решались процедурные вопросы принятия нового закона и замены натуральной оплаты от верующих государственным денежным финансированием [3].

Другой подгруппой эпистолярия, находящейся в архиве греко-католического архиепископства в Пряшеве, является переписка между настоятелем и епархиальным правительством. Вообще среди переписки духовенства существуют интересные микроистории о настоящем положении духовников. Иногда бедность и малое количество населения в селах приводили к тому, что родственники во втором поколении должны были вступать в брак. Но для этого необходимо было разрешение из Рима. Именно из дела Архива греко-католического архиепископства в Пряшеве (AGAP) узнаем, что такие случаи были довольно частыми еще до начала архиерейского пастырства владыки Павла (Ордена).

Одна из первых микроисторий сообщает, что настоятель Нижней Словянки Евгений Гучко в письме епископскому правлению от 15 апреля 1924 г. говорит о необходимости диспензии (освобождения) Иосифа Ковальчика и Елены Брутовской по причине того, что 21-летняя Елена – круглая сирота, а кроме того, имея пять сестер и одного брата, выйдя замуж за 29-летнего Иосифа, торговца, могла бы помочь своей семье. Последнему как раз требуется такая девушка, которая помогала бы ему в торговле. Упомянутый Иосиф, как пишет священник, другой невесты в селе найти не сможет, разве что другого вероисповедания. 17 апреля было предоставлено разрешение за подписью управляющего епархией Николая Руснака, капитулярного викария, а 25 апреля настоятель письмом сообщает о диспензии для пары, но о. Евгений должен принять за свадьбу 60 крон чешских (далее – к.ч.) [4].

Такой способ решения вопроса существовал и в последующие годы в Литманово (Пряшевщина). Так, 10 ноября 1931 г. в Литманово настоятель Евгений Дудинский просит дать разрешение на брак Михаила Якубчака с Екатериной (родилась 17 августа 1901 г.),

женой его умершего брата Михаила Якубчака (родился 17 ноября 1908 г.). Основными причинами указываются бедность и обещание мужчины опекать Екаторину и ее ребенка. Известно, что было принято решение епархиального правления от 19 февраля 1931 г. просить у Рима о диспензии [5]. Другой подобный случай встречаем в Кечковцах на Пряшевщине. Андрей Греш, приходник в Кечковцах, просит ординариат о диспензии для Иоанна Горохонича и Марии Биласовой, находящихся во второй степени родства. В ответ из Рима пришло положительное решение. Невеста по причине бедности и отсутствия мужского населения в селе не могла найти никого, кроме своего родственника, хотя несколько таких попыток было ею сделано, а потому Апостольская столица предоставила разрешение на брак 21 июля 1931 г. [6].

Таким образом, все примеры переписки епархиального управления с государственными органами власти в Братиславе и Праге, а также между духовенством и епархиальным управлением свидетельствуют о решении социальных проблем населения Пряшевщины и Подкарпатской Руси. Причем к решению вопросов сложного материального положения причастно греко-католическое духовенство, что видно из вышеуказанных примеров переписки.

21 октября 1927 г. владыка Гойдич просит о помощи у президента на алумний (епархиальный интернат), построенный еще в 1862 г. (т.е. семинарский), и основанный в 1897 г. интернат певцеучительской семинарии (малый интернат), которые даже в тяжелые военные годы воспитывали молодежь. Эти интернаты связаны с такими известными личностями, как, например, Александр Духнович или Александр Павлович. Из письма владыки президенту узнаем, что певцеучительский интернат имеет 95 человек, но 20 кандидатам пришлось отказать по причине нехватки мест. В алумний хотели поступить 60 юношей, а приняли только 53. В девичий интернат, которым занимались сестры-вазилианки, смогли принять лишь 21 девушку. Владыка просит установить минимальную стипендию, потому что 220 к.ч. – это очень мало (для сравнения: в Мукачевской епархии стипендия составляла 300 к.ч. от государства, а в Кошице – вообще 350, причем 25% иждивенцев не платили за сиротство или бедность). Уже два года, как пишет владыка, интернат не получает никаких доплат. Поэтому это необходимо для развития культуры и помощи нуждающимся. Здесь же епископ указывает, что ввереная ему епархия пытается воспитывать не только молодежь в христианском духе, но и достойных граждан своего государства [7].

Актовыми документами, которые непосредственно связаны с воспитательным процессом выходцев из простых семей, были правила алумния Иоанна Крестителя за 1924 г. Правила достаточно подробные, состоят из нескольких разделов и утверждены тогдашним апостольским администратором, крижевацким владыкой Дионсием Нарядием. В них подробно расписаны правила поведения, способы воспитания юношей и т.д. [8]. В начале правил указывалось, что их соблюдение предполагает воспитание молодых

людей не только умными, но и верными сыновьями Пряшевской епархии и «русского народа» [9]. Здесь же говорится, что это должно достигаться через развитие ума и сердца молодых людей, ревность к Богу, самому себе и ближним. Правила начинаются вступительными 32 пунктами общего содержания с поминутным воспитательным графиком алумнистов, после чего следует детальное изложение правил поведения в часовне, музее, во время учебы, в столовой, спальне, уборной и даже на прогулке. То есть этот вид документов относится к учредительным актам, которые устанавливали соблюдение определенных императивов в долгосрочной перспективе.

К документам, которые сопряжены с попечительской деятельностью, относятся договоры. Так, опекой над простым населением занимались сестры-вазилианки. Поселение сестер Ордена вазилиан на территории Подкарпатской Руси было предложено вазилианками из Станислава, о чем говорится в выписке из протокола заседания епископской консистории от 29 октября 1921 г. Консистория постановила создать комиссию для решения этого вопроса в составе отцов Юлия Станкая, Юлия Мелеша, Августина Волошина и Василия Такача [10. Л. 7]. 28 марта 1922 г. был подписан договор между Анной Поганьовой и игуменьей с. Магдалиной Гуменюк, по которому подарено имение со строениями для сиротского приюта сестер Ордена. Большую помощь в деле поселения сестер-вазилианок оказывал о. Августин Волошин [11. Л. 1–3]. Таким образом, дело поселения сестер Ордена на Подкарпатской Руси стало нелегким, но быстрым. 5 марта 1925 г. игуменья Магдалина Гуменюк просит епископа Петра Гебея предоставить сестрам грамоту, по которой они бы составляли независимый «монашеский дом», и разрешение на открытие новициата. Такую грамоту епископ предоставил 12 марта 1925 г. [12. Л. 2–3].

Таким образом, договор и грамота на разрешение деятельности сестер-вазилианок в Ужгороде как учредительные документы устанавливали возможность их функционирования на Подкарпатской Руси, следовательно, помощь бедным и сиротам, безусловно, являлась важной составляющей социальной деятельности Церкви.

К этой же группе можно отнести документы, в которых указывались фамилии и размер государственной помощи для священнических вдов и сирот греко-католического духовенства. Так, в 1924 г. государственная помощь для вдов священников выплачивалась в размере от 350 до 1 600 к.ч. в зависимости от численности сирот и уровня бедности, но распределение осуществляла епархия. Общие выплаты составили более 20 000 к.ч. [13].

Таким образом, епископство ежегодно просило государство о помощи. Существует представление 1927 г. на 51 вдову и сироту, но правительство предоставило денежную помощь за 1927 г. 45 вдовам и сиротам священников. Например, чиновники возвратили дела Эммы Мразковой и Паулины Бачинской (Торонской), а причиной правительственного отказа, о чем мы узнаем из официального документа от 12 ноя-

бря 1927 г., стало отсутствие подтверждения бедности и безработицы [14].

Похожие финансовые сведения о распределении государственной помощи епархиальными структурами встречаются в школьном реферате от 3 ноября 1931 г. в Братиславе, включающие 30 вдов священников (три вычеркнуты) и 15 сирот (двое вычеркнуты), а также их адреса, содержащие правду о финансовой помощи [15]. Причиной того, что представление не было подписано епископом, может служить следующее предположение: оригинал представления с подписью сохранился в центральных архивах современной Словакии, в частности в Братиславе; судя по всему, указанным в просьбе вдовам помощь правительство всё-таки предоставило. Об этом свидетельствует ведомость, подшитая к делу, по которой государственная помощь оказана всем 45 вдовам и сиротам. Вдовы получили по 1 000, а сироты – по 300 к.ч.

Отдельную группу документов составляют счетоводные книги епархиальных фондов вдов и сирот, бедных девушек-сирот, священников-пенсionеров и т.д. По структуре они напоминают своеобразный годовой баланс доходов и расходов по каждому фонду. Однако даже поверхностный анализ за 1931 г. позволяет констатировать, что накапливались долги, например, в фонд вдов и сирот, значительной части священников за несколько предыдущих лет. В 1935 г. почти каждый священник имел задолженность перед фондом за предыдущие годы, а также в 1938 г., так как долги духовенства переносились на следующий год [16. С. 124–125]. Но в 1935 г. по решению епархиального правления для 109 должников (священников, вдов, приходов и т.д.) были аннулированы долги на довольно значительные суммы [17. С. 124–125]. Надо сказать, что данные фонды содержали приходы и духовные лица, платя соответствующие суммы, ведь в случае смерти священника вдова и сироты оставались, как правило, без средств к существованию. Помощь получали преимущественно те категории, для которых фонды были созданы, однако могли быть и исключения. В фонд вдов и сирот священники, имевшие жен, платили в то время 24 к.ч. в год, а холостые – лишь 8 к.ч. То есть женатые священники через большие риски платили суммы втрое большие, создавая фонд взаимопомощи нуждающимся.

Ещё одним фондом взаимопомощи был фонд девушек-сирот, счета которого позволяют установить численность сирот и размер помощи для них на образование, так как их материальное состояние не позволяло оплачивать обучение, чтобы в дальнейшем иметь возможность получить профессию и стать полноценным членом общества [18]. Также фондом, который должен был гарантировать безбедную старость духовенству, оставался фонд священников пенсионного возраста, по данным которого удастся установить численность священников-пенсionеров и средний размер пособия для них в кронах чешских [19].

Таким образом, все актовые материалы и финансово-счетные книги, которые находятся в AGAP и ГАЗО, позволяют установить категорию нуждающихся в пределах епархии вдов, сирот, священников, ду-

ховников-пенсionеров, которые, безусловно, принадлежали к незащищенным слоям общества. Причем материальную помощь данные категории могли получать на уровне государства и епархиальных фондов (особенно в случае нехватки государственных пособий или их отсутствия по определенным политическим причинам, например до подписания *Modus vivendi*) [20. S. 565].

Вторая группа источников данного исследования – греко-католическая периодика, которая раскрывает / подает специфический взгляд именно на социальные проблемы, которые пытались решать епархиальные органы управления в 20–30-х гг. XX в. Конечно, под греко-католической периодикой понимаются не только газеты и журналы, издававшиеся епархией, но и журналы, которые редактировали или были причастны к их изданию священники и сотрудники епархиального управления. Основой изучения социальных аспектов деятельности греко-католической церкви в условиях межвоенной Чехословакии должны стать, прежде всего, журнал «Душпастырь» (1927–1933 г. Общий печатный орган Мукачевской и Пряшевской епархий); дневная периодика Пряшевской епархии «Русское слово» и газета «Свобода» Христианско-народной партии, владельцем которой был о. Августин Волошин. Частично существует информация о социальной деятельности епархиальных правлений в других изданиях: «Альманах общества Трезвости», «Благовестник», «Месяцеслов», «Молодая Русь», «Неделя», «Подкарпатская Русь» и др.

Следует использовать источниковедческую критику у периодических изданий, учитывая владельца, биографию редакторов, концептуальную направленность журналов, целевую аудиторию и т.п. Например, о. Александра Ильницкого, постоянного редактора «Душпастыря», принято считать человеком провенгерских взглядов, а Теодора Ройковича, редактора «Русского Слова», – пропагандистом русинских идей; владелец газеты «Свобода» Августин Волошин, безусловно, имел проукраинские взгляды и т.д. Учитывая это, можно установить, почему автор / владелец / редактор журнала доносит до читателя ту или иную мысль, не искаженную идеологией. Необходимо также сравнивать достоверность с другими изданиями и источниками.

Надо сказать о временах экономического кризиса конца 20-х – начала 30-х гг. XX в., который, безусловно, влиял не только на материальное положение населения, но и на поведение духовенства. Ставшие популярными в обществе идеи марксизма и социализма, к сожалению, касались и некоторых священников, пытавшихся идти вразрез с социальной доктриной Церкви, в основе которой была практическая помощь бедным, а не лозунги воображаемого добра и счастья. На страницах епархиального журнала «Душпастырь» встречаем целое дело о священнике Мукачевской епархии Стефане Кирале, который, увлекшись социалистическими идеями, даже издавал газету, не считаясь с церковными властями и существующими запретами. 8 июня 1931 г. ординариат в Ужгороде выносит предупреждение о. Стефану Кирало,

администратору Нижней Колочавы (Подкарпатская Русь), без разрешения епархиальной власти издававшей газету «Христианизмусъ И Социализмусъ», печать которой ординариат запретил, потому что «газета компрометирует НЕ лемь Вась якъ редактора, но разомъ и цѣлое духовенство». Это, по канонам, означало публичное непослушание. А потому, если продолжатся попытки издания хотя бы еще одного номера, отмечалось в предписании, будете «в тот же день есте ипсо факто суспендованъ аб Ордина». Далее в письме епископского правления читаем: «...имеете Вы и такъ много неупорядкованныхъ дѣл предъ Ординариятъ, а не ищите таже собѣ и больше» [21].

Наконец, в ноябре 1931 г. в епархиальном издании «Душпастьрь» напечатано объявление о суспендировании Стефана Кираля со всеми запретами богослужений и исключением из состава епархиального духовенства [22. С. 261–262]. То есть социализм как идеология проникал на все уровни, используя риторику быстрого решения проблем, что не могло не подкупать верующих, в то время как Церковь не обещала быстрого их решения, а потому становилась для некоторых менее привлекательной. Поэтому эти вопросы активно поднимаются на страницах епархиальной периодики, которая разоблачает истинные цели современных идеологий с их быстрым решением всех проблем, классовой борьбой вместо активной взаимопомощи ближнему.

Единственным эпизодом, когда речь действительно шла о масштабах голода в Подкарпатской Руси во времена кризиса, была статья немецкого журналиста в Пряшевском «Русском слове», где говорилось о голоде на Верховине (горные районы Подкарпатской Руси). Риторика газетной публикации была следующей: если уж проблема голода затронула немецкого журналиста, разве мы не можем помочь нашим людям, братьям? Автор рассказывал о голодающих детях, катастрофической нехватке хлеба; призывал помогать Верховине, каждому поделить хлеб с бедным. К чести редакторов следует отметить: более мелким шрифтом в газете сообщается, что издатели не знали о голоде, и поэтому им очень стыдно. Безусловно, такое незнание настоящего положения дел удручало [23. С. 2–3]. Таким образом, несмотря на своеобразный информационный вакуум относительно голода на Верховине, в межвоенной периодике социальные аспекты и проблемы не удалось скрыть от общества.

Совсем другая ситуация наблюдалась на страницах газеты Христианско-народной партии «Свобода», где встречается откровенный антисемитизм [24]. Риторика такова, что евреям есть кому помочь при налоговых экзекуциях, а русину – нет. Например: «Мукачевский раввин Шпира задолжал государству более полумиллиона податей. Тот самый раввин готовится на свадьбу своей дочери по случаю чего должен получить миллионы подарков». Указано, что он большой аграрий, имеет много земли, но так и не заплатил налогов [25. С. 1–2].

Таким образом, в газете «Свобода», владельцем которой был священник украинского происхождения в. Августин Волошин, антисемитская тема была дово-

льно распространенной. Например, такая пропаганда формировала у читателей представление о том, что якобы иудеи держат всю торговлю и живут чуть ли не грабя русинов [26. С. 1]. Можно предположить, что пропаганды против евреев на страницах газеты была гораздо больше. Но даже из дошедшего до нас текста понятно, что отношение проукраинской газеты к евреям было как минимум предвзятым. Например, в газете, которая принадлежала о. Августину Волошину, распространялось объяснение, для чего жида учат чешскому языку своих детей; ответ редакторов: чтобы хорошо научить детей и стремиться к власти, при том что это звучало как упрек. Здесь же встает вопрос: а что будет, когда вырастет новая «гарда чехождив»? Не говоря уже о том, что и мадьяры, и чехи не хотят говорить по-русски, а между тем Верховина голодает.

Еще одно предубеждение касается образовательных вопросов. В статье с красноречивым названием «Еврейское вопрос на Подкарпатье» указывается, что евреи чувствуют себя большими господами, чем историческое население, – у них две гимназии на 90 тыс., а у нас (читай: историческое население) 4 гимназии почти на 500 тыс. У читателя газеты «Свобода» опять должно было сложиться впечатление, что 90 тыс. подкарпатских иудеев есть неисторическое население; это выглядело не только предвзятым, но и оскорбительным настолько, что приводило к межнациональным трениям. Завершается заметка достаточно опасным призывом, несмотря на позднее время Холокоста: «Еврейское вопрос у нас есть и им должны заяться» [27. С. 2]. Поэтому здесь разыгрывалась исключительно политическая комбинация, в которой евреи – плохие, потому что богатые, а русины – несчастные, потому что они бедные, и виновники в этом – иудеи. Конечно же, газета «Свобода» о. Августина Волошина, которая защищала бедных и несчастных, должна была на опасной социальной риторике «бедный–богатый» получить политические выгоды, защищая нуждающихся на словах и разжигая вместо этого межнациональную рознь.

К сожалению, и сегодня присутствует предвзятое отношение к иудеям, и что еще более обидно – в украинской историографии. Джон-Пол Химка, профессор восточноевропейской истории Альбертского университета (Эдмонтон, Канада), утверждает об определенном замалчивании в украинской исторической науке преступлений украинцев против евреев во времена Шоа, указывая, что в большей части литературы на эту тематику украинцев разделяют на такие категории, как спасители и те, кто сочувствовал иудеям. Зато замалчиваются факты коллаборации украинцами и осуществление откровенных погромов евреев во время войны.

По некоторым данным, к антиеврейским погромам и убийствам могли быть причастны 30–40 тыс. украинцев [28]. Правда, в последнее время встречаются работы, в которых исследователи пытаются понять причины стереотипного мышления об иудеях, исключительно шинкарях, ростовщиках, торговцах. Например, образ еврея-трактирщика присутствует со времен Речи Посполитой, когда польская шляхта использова-

ла иудеев как арендаторов своих имений; более того, их негативный образ встречается в народных песнях и творчестве Тараса Шевченко, как утверждает Антонина Скиданова. Поэтому, к сожалению, в украинской историографии господствуют не научные, а скорее литературно-фольклорные стереотипные представления о евреях [29].

Таким образом, как и в случае крайне левых идеологий, которые на основе классовой борьбы должны были разделить общество на классы, националистическая риторика пыталась разделить общество по национальному фактору. Но самое главное заключалось в том, что практическая помощь была скорее лозунгами обеих вышеупомянутых идеологий, в то время как непосредственная помощь ближнему отходила на второй план. Именно эта обличительная риторика преобладала на страницах епархиальных изданий «Пастырь» и «Русское слово».

Практическая помощь греко-католической церкви в Подкарпатской Руси голодающим связана с так называемой пасхальной акцией епископа Мукачевской епархии Александра Стойки, ход которой активно освещался на страницах епархиального журнала. С апреля 1932 г. от ординариата Мукачевской епархии распространяется тезис (авторство о. Александра Ильницького): каждый русин должен принять участие в пасхальной акции [30. С. 303]. Здесь же объясняются пути проведения мероприятия: 1) богатые должны испечь кулич; 2) состоятельные интеллигенты должны послать денежный чек; 3) можно приносить дары мукой, солониной (т.е. салом); 4) богатые приходы должны давать пожертвования; 5) активное участие должна принимать также организация Красный Крест [31. С. 101–103].

Таким образом, всех неравнодушных церковная власть в лице епископа призывала помогать бедным, указывая возможные для этого пути. При этом епархиальное правление взяло на себя роль организатора пасхальной акции, результатом которой должно было стать объединение населения, а не его разделение по национальному или классовому признаку.

Итак, социальный вопрос поднимался на страницах епархиальных изданий «Душпастырь» и «Русское слово». Причем в первом критиковались крайне марксистские позиции на основе классовой борьбы, которые разделяли общество и проникали даже в среду духовенства, о чем говорилось в периодике. Например, на страницах «Русского слова» поднимался вопрос голода и делалась попытка его решения. Зато проукраинская газета «Свобода» в межвоенный период пропагандировала идеи, близкие к антисемитским, что не способствовало решению в обществе проблемы голода, зато одна национальность обвинялась во всех бедах.

Третью группу составляют статистические источники, которые значительно дополняют существующий архивный документальный материал и межвоенную периодику. Здесь можно выделить три разновидности специфических церковных источников: 1) шематизм (из которых получаем данные о священниках и их должностях); 2) отчеты, статическая информация о гимназиях, интернатах и детских домах (где указан

численный состав управляющих и насельников); 3) счетные книги фондов вдов и сирот, священников-пенсионеров, детей-сирот Священко, где указаны численность социально нуждающихся в епархиях и денежные выплаты в их пользу.

Так, из шематизма Мукачевской и Пряшевской епархий 1924 г. узнаем, что префектом интерната в Ужгороде был назначен галичанин о. Роман Бойчик. Директором интерната и игуменом в Ужгороде продолжал оставаться Иероним Малицкий. Еще одним отцом в монастыре был назначен местный воспитанник Павел Гойдич, а общее количество учащихся составляло 86 человек [32. С. 25]. Среди неререформированных обителей Мукачевской епархии в 1924 г. оставались монастыри: Малобережанский (игумен о. Константин Голыш), Боронявский (настоятель о. Бартоломей Мотринец) и Имстичивский (игумен о. Мефодий Кралицкий) [Там же. С. 31].

Похожие данные встречаем в епархиальном шематизме Пряшевской епархии 1938 г. «Алумний Иоанна Крестителя»: директор – Михаэль Сабадош, префекты – Иосиф Мовчан и Ладислав Гучко, численность алумнистов – 78 человек [33. С. 14–15]. Директором епископской препарандии (певцеучительская семинария) значится в шематизме доктор Стефан Гойдич, а катехитом – Михал Кизак, куратором интерната препарандии – Евгений Дойтсак, а информаторами – Николай Ладыженский и Андрей Нагай, всего алумнистов 76 [Ibid. С. 15–16].

Фактически из епархиальных шематизмов можно получить достоверную статистическую информацию обо всех приходах, священниках, институтах, которые принадлежали к епархии и функционировали в ее пределах, о должностях и руководителях за определенный год. Это позволяет сравнивать информацию с другими отчетами отдельных учреждений.

Поэтому при сравнении этих данных нельзя обойтись без отчетов институтов, которые, безусловно, занимались попечительской деятельностью. Кроме приюта сестры-вазилианки содержали гимназию, где, по отчету 1930/31 гг., директрисой упоминается с. Агнета Ценкнерова. В гимназии русский язык преподавала с. Амброзия Джуджар, точные и естественные науки – с. Тереза Хома. Интересно, что в это время в интернате сестер-вазилианок было 135 девушек, из которых 35 учились в городской школе [34. С. 15, 22]. Сестры Ордена осуществляли большую работу в попечительской и воспитательной сферах, помогая бедным, нуждающимся молодым девушкам, воспитывая их в христинском духе и предоставляя образование.

Монахи-вазилиане также содержали интернат при Ужгородском монастыре. По данным отчета 1926/27 учебного года, в интернате отцов-вазилиан содержались 85 учеников, где они проживали, питались, получали образование и врачебную помощь (бедные получали все это бесплатно) [35. С. 26]. Пиком образовательно-воспитательной деятельности монахов Ордена было создание в 1937 г. Гимназии отцов-вазилиан [36. С. 8]. По статистическим отчетам 1937/38 учебного года, в ней обучалось 106 учеников. Во всех классах больше часов отводилась на изучение

руського (українського) мови. Серед монахів тут працювали отці Саваст'ян Сабол, Полікарп Лозан, Панкратій Гучко і др. [36. С. 17–29].

Таким чином, даний вид джерел дозволить різносторонньо підійти до вивчення соціальної істо-

рії міжвоєнного Чехословацького державства, при-
меняючи компаративистські методи для перевірки дос-
товірності фактичних даних із різних носіїв ін-
формації. Крім того, такий підхід дозволить перевірити істинність цих документів.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пекар А. ЧСВВ. Нариси історії церкви Закарпаття. Рим ; Львів : Місіонер, 1997. (Спархічне оформлення.) Т. 1. 232 с.
2. Archív gréckokatolíckeho arcibiskupstva v Prešove (AGAP), Bežna agenda, Spisy, rok. 1920, inv. č. 436, sign. 1414. Žiadosť gr. kat. biskupstva o zrušenie zákona č. 290/1920 (o rokovine).
3. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1921, inv. č. 437, sign. 888.
4. AGAP. Bežná agenda, rok. 1924, inv. č. 440, sign. 1261. Domáce pravidlá chovancov alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove.
5. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1931, inv. č. 447, sign. 20. Duplicitné knihy diecéznej bibliotéky – zoznam.
6. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1931, inv. č. 447, sign. 2498. Dekanské a vizitačné zápisnice, stanovisko biskupa Bláhu k spievaniu štátnej hymny v kostole.
7. AGAP. Prezidiálne spisy, inv. č. 62, rok 1927, sign. 74. Biskup Gojdič žiada prezidenta o hmotnú podporu pre gr. kat. stredoškolské alumneum v Prešove.
8. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok 1924, inv. č. 440, sign. 1399. Domáce pravidlá chovancov Alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove.
9. AGAP. Alumneum Sv. J. Krstiteľa, Knihy, rok 1924, č. 593. Domáce pravidlá chovancov Alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove.
10. Державний архів Закарпатської області (далі – ДАЗО). Ф. 151. Правління Мукачевської греко-католицької єпархії, г. Ужгород. Оп. 7. Спр. 745.
11. ДАЗО. Ф. 151. Оп. 7. Спр. 897.
12. ДАЗО. Ф. 151. Оп. 7. Спр. 2000.
13. AGAP. Vdovsko-sirotský fond, Účtovná kniha, rok 1922–1937, inv. č. 635.
14. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1927, inv. č. 443, sign. 3719. Štátna podpora kňazským vdovám a sirotám, súpis žiactva v gr. kat. školách.
15. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1932, inv. č. 448, sign. 468.
16. AGAP. Vdovsko-sirotský fond, Účtovná kniha, rok 1922–1937, inv. č. 635.
17. AGAP. Fond kňazský vdov a sirôt, Účtovný materiál, rok 1917–1946, inv. č. 718.
18. AGAP. Fond kňazský sirôt dievčat, Účtovná kniha, rok 1915–1924, inv. č. 718.
19. AGAP. Fond penzijný, Spisy, Účtovný materiál, rok. 1908–1948, č. 717.
20. Modus vivendi mezi Svatým stolicem, a Československou republikou // Marek Šmíd, Michal Pehr, Jaroslav Šebek, Pavel Helan. Československo a Svatý stolec III. Diplomatická korespondence a další dokumenty 1918–1928. Výberová edice. Praha : Masarykův ústav a Archiv ČR, 2015, 567 s.
21. AGAP. Bežná agenda, Spisy, rok. 1931, inv. č. 447, sign. 2126.
22. Диспензія о. Стефана Кіраля // Душпастьєр. Урядовий і духовний орган єпархії Мукачевської і Пряшевської. 1931. Рочник VIII, новембер, число 11. С. 261–262.
23. На братську допомогу голодуючим Верховинцям! // Русское слово. Ежендельная народная газета, год изд. IX. 15 апреля 1932. Ч. 15 (365). С. 2–3.
24. Антисемитизм. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 29.05.16).
25. Свобода, річник XXXIV. 18 березня 1933, число 6. С. 1–2.
26. В Углі люди гичку їдять // Свобода, річник XXXVI. 1 августа 1935, число 19. С. 1.
27. Жидівське питання на Підкарпатті // Свобода, річник XXXIX. 3 травня 1938, чис. 1. С. 2.
28. Химка І.-П. Рецепція Голокосту в посткомуністичній Україні. URL: <http://uamoderna.com/md/223-223> (дата обращения: 29.05.16).
29. Скиданова А. Єврей-шинкар: образи, обрАзи й історичні реалії. In.: <http://historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1425-antonina-skydanova-uevrei-shynkar-obrazy-i-istorychni-realii> (дата обращения: 22.05.2016).
30. Пекар А. ЧСВВ. Нариси історії церкви Закарпаття. Рим ; Львів : Місіонер, 1997. (Внутрішня історія.) Т. 2. 303 с.
31. На Великдень кожен русин має мати пасху! // Душпастьєр. Урядовий і духовний орган єпархії Мукачевської і Пряшевської, рочник IX (1932), апрілій, число 4. С. 101–103.
32. Шематизм греко-катол. руського духовенства єпархій: Мукачевське, Пряшевське і Америцьке з додатком адресару єпархій: Крижевацьке, Мадярське і Румунське. Ужгород : Вікторія, 1924. 35 с.
33. Schematismus Venerabilis Cleri Graeci Ritus Catholicorum Dioeceseos Fragopolitanae (Presov – Prjasev) pro anno Domini 1938. Fragopoli : Typis Typographiae ad S. Nicolaum, 1938. 179 s.
34. Звіт гр-кат учит. семінаріє дьвчат і горожанки в Ужгороді 1930–1931 pp. 23 с.
35. Звіт про діяльність руського держ. Реальн. Гимн. і її рівнорядних відделів чеських і мадярське VIII кл. в Ужгороді за шк. рік 1926–27. 78 с.
36. Інавгураційна промова протоігумена о. Полікарпа Булика ЧСВВ, в день відкриття класичної гімназії Чина ОО. Василян в Ужгороді // Звіт про діяльність гімназії чина ОО. Василян в Ужгороді (з правом прилюдности) за шкільний рік 1937–38. С. 7–10.

Стаття представлена науочною редакцією «Історія» 22 жовтня 2016 г.

SOCIAL HISTORY SOURCES OF THE GREEK-CATHOLIC CHURCH OF CZECHOSLOVAKIA (1918–1939)

Vestník Tomského gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 115–122.

DOI: 10.17223/15617793/413/18

Viktor V. Kichera, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine). E-mail: vkichera@ukr.net

Keywords: assembly source; office documents; Mukachevo Greek Catholic Eparchy; Prešov Greek Catholic Eparchy; social history; Shematyzm.

The Czechoslovakia interwar territory had two Greek-Catholic eparchies – of Mukachevo and Prešov. For centuries they were the centers of conservation of Slavonic Church liturgy, of custody over the Ruthenian population of Transcarpathia and Prešov Region. The main documentary sources of this issue are the materials of the archives and libraries in Slovakia and Ukraine. Among them are documents, periodicals, statistical data. The basis of the study is the archival documents of the diocesan office and assembly materials, separate collections of funds relating to boarding schools. The first allow understanding the eparchy mechanisms in the implementation of social assistance; assembly materials also help to establish the relationship between the eparchial institutions and

public authorities and their mutual coordination on the issues of social payments and general help among the Rusnak population. The second large group of research sources is Greek-Catholic periodicals which show the specific view on the social problems that the eparchy authorities tried to solve in the 1920s–1930s. Of course, Greek-Catholic periodicals imply not only publications that the eparchies published, but also journals and magazines edited by priests or the members of the eparchy administration. The basis of the study becomes the *Dushpastyr'* [Pastor] journal (1927–1933), which was a common organ of Prešov and Mukachevo eparchies; the day periodicals of Prešov Eparchy *Rusjke slovo* and the newspaper *Svoboda* of the Christian People's Party, whose owner was Augustin Voloshin. The other publications were also used, they greatly complement the existing material. There is some information on the social activities of eparchy boards in other publications: *Al'manakh obshchestva Trezvosti, Blagovestnik, Mesyatseslov, Molodaya Rus', Nedelya, Podkarpatskaya Rus'* and so on. It is necessary to use the source criticism of the periodicals including their owners, the biography of their editors, their conceptual orientation, audience etc. The third group of materials consists of statistical sources which greatly complement the existing archival and documentary material of interwar periodicals. There are three types of specific religious sources: 1) schematyzms which contain information about priests and their positions; 2) reports, statistical information of schools, boarding schools and orphanages which contain information about the number of managers and students; 3) accounting books of funds for widows and orphans, priests pensioners, priest orphans which contain information about the number of the needy in the eparchies and payments in their favor. In general, this kind of sources will allow to study the social history of the interwar Czechoslovak state comprehensively, using the comparative method to test the validity of evidence in different media. In addition, this approach will check the validity of the sources.

REFERENCES

1. Pekar, A. (1997) *ChSVV. Narisi istorii tserkvi Zakarpattya* [OSBM. Essays on the History of the Church in Transcarpathia]. Vol. 1. Rome; Lviv: Misioner.
2. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1920. Inv. no. 436. File 1414. *Žiadosť gr. kat. biskupstva o zrušenie zákona č. 290/1920*. (In Slovak).
3. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1921. Inv. no. 437. File 888. (In Slovak).
4. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, 1924. Inv. no. 440. File 1261. *Domáce pravidlá chovancov alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove*. (In Slovak).
5. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1931. Inv. no. 447. File 20. *Duplicitné knihy diecézálnej bibliotéky – zoznam*. (In Slovak).
6. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1931. Inv. no. 447. File 2498. *Dekanské a vizitačné zápisnice, stanovisko biskupa Bláhu k spievaniu štátnej hymny v kostole*. (In Slovak).
7. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Prezidiálne spisy. 1927. Inv. no. 62. File 74. *Biskup Gojdič žiada prezidenta o hmotnú podporu pre gr. kat. stredoškolské alumneum v Prešove*. (In Slovak).
8. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1924. Inv. no. 440. File 1399. *Domáce pravidlá chovancov Alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove*. (In Slovak).
9. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Alumneum Sv. J. Krstiteľa, Knihy. 1924. no. 593. *Domáce pravidlá chovancov Alumnea sv. Jána Krstiteľa v Prešove*. (In Slovak).
10. State Archive of Transcarpathian region (DAZO). Fund 151. *Pravlenie Mukachevskoy greko-katolicheskoy eparkhii, g. Uzhgorod* [The Board of Mukachevo Greek Catholic Diocese, Uzhgorod]. List 7. File 745.
11. State Archive of Transcarpathian region (DAZO). Fund 151. List 7. File 897. (In Russian).
12. State Archive of Transcarpathian region (DAZO). Fund 151. List 7. File 2000. (In Russian).
13. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). *Widow-orphan's fund ledger. 1922–1937*. Inv. no. 635. (In Slovak).
14. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1927. Inv. no. 443. File 3719. *Štátna podpora kňazským vdovám a sirotám, súpis žiactva v gr. kat. školách*. (In Slovak).
15. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1932. Inv. no. 448. File 468. (In Slovak).
16. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). *Widow-orphan's fund ledger. 1922–1937*. Inv. no. 635. (In Slovak).
17. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). *Priestly fund for widows and orphans, accounting material. 1917–1946*. Inv. no. 718. (In Slovak).
18. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). *Priestly fund for orphan girls, accounting books. 1915–1924*. Inv. no. 718. (In Slovak).
19. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). *Pension fund, writings, accounting material. 1908–1948*. no. 717. (In Slovak).
20. Smid, M. et al. (2015) Modus vivendi mezi Svatým stolcem, a Československou republikou [A modus vivendi between the Holy See and the Czechoslovak Republic]. In: *Československo a Svatý stolec III. Diplomatická korespondence a další dokumenty 1918–1928* [Czechoslovakia and the Holy See III. Diplomatic correspondence and other documents from 1918 to 1928]. Prague: Masaryk Institute and Archives of the Czech Republic.
21. Archive of the Greek Catholic Archbishop in Prešov (AGAP). Routine work, writings. 1931. Inv. no. 447. File 2126. (In Slovak).
22. *Dushpastyr'*. (1931) Dispenziya o. Stefana Kiralya. *Dushpastyr'*. VIII. November 11. pp. 261–262. (In Ukrainian).
23. *Russkoe slovo*. (1932) Na bratskuyu pomoshch' goloduyushchim Verkhovintsam! [Fraternal assistance to the starving residents of Verkhovino!]. *Russkoe slovo*. 15 April. 15 (365). pp. 2–3.
24. Ru.wikipedia.org. (n.d.) *Antisemitizm* [Anti-Semitism]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (Accessed: 29th May 2016).
25. *Svoboda*. (1933). XXXIV. 18 March. pp. 1–2.
26. *Svoboda*. (1935) V Ugli lyudi gichku idyat' [Uhli people eat turnip]. *Svoboda*. XXXVI. 1 August. p. 1.
27. *Svoboda*. (1938) Zhidiv's'ke pitannya na Pidkarpatti [The Jewish question in Subcarpathia]. *Svoboda*. XXXIX. 3 May 1938. p. 2.
28. Khimka, I.-P. (2014) *Retseptsiya Golokostu v postkomunistichniy Ukraïni* [Reception of Holocaust in the post-communist Ukraine]. [Online] Available from: <http://uamoderna.com/md/223-223>. (Accessed: 29th May 2016).
29. Skidanova, A. (2015) *Evrey-shinkar: obrazi, obrAzi y istorichni realii* [Jewish innkeeper, images and historical realities]. [Online] Available from: <http://historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1425-antonina-skydanova-yevrei-shynkar-obrazy-obrazy-i-istorychni-realii>. (Accessed: 22nd May 2016).
30. Pekar, A. (1997) *ChSVV. Narisi istorii tserkvi Zakarpattya* [OSBM. Essays on the History of the Church in Transcarpathia]. Vol. 2. Rome; Lviv: Misioner.
31. *Dushpastyr'*. (1932) Na Velikden' kazhdyi rusin' maet' mati paskhu! *Dushpastyr'*. IX. 4 April. pp. 101–103. (In Ukrainian).
32. Anon. (1924) *Shematizm greko-katol. rus'kogo dukhovenstva eparkhiy: Mukachevskoe, Pryashevskoe i Ameritskoe z dodatkom adresara eparkhiy: Krizhevatskoe, Madyarskoe i Rumunskoe*. Uzhgorod: Viktoriya. (In Ukrainian).

33. Anon. (1938) *Schematismus Venerabilis Cleri Graeci Ritus Catholicorum Dioeceseos Fragopolitanae (Presov – Prjasev) pro anno Domini 1938*. Fragopoli: Typis Typographiae ad S. Nicolaum. (In Latin).
34. Anon. (c. 1931) *Zvet gr-kat uchit. seminarie d'vchat i gorozhanki v Uzhgorode 1930–1931 rr.* [Report of Greek Catholic Teachers' Seminary for Girls and Town School in Uzhgorod, 1930–1931]. Uzhgorod: [s.n.].
35. Anon. (c. 1927) *Zvedomlennja rus'koe derzh. Real'n. Gimn. i ee rovnorjadnyh oddelov cheskih i madjar-skoe VIII kl. v Uzhgorode za shk. Rok 1926–27* [Report of Russian High School in Uzhgorod for School Year 1926–27]. Uzhgorod: [s.n.].
36. Anon. (c. 1938) *Inavguratsiyna promova protoigumena o. Polikarpa Bulika ChSVV, v den' vidkrittja klyasicnoi gimnazii China OO. Vasiliyan v Uzhgorodi.* In: *Zvidomlennja gimnazii china OO. Vasilijan v Uzhgorodi (z pravom priljudnosti) za shkil'nij rik 1937–38* [Report of the Basilian Gymnasium in Uzhgorod (with the public right) for the School Year 1937–38]. Uzhgorod: [s.n.]. (In Ukrainian).

Received: 22 October 2016

«ДЕФИЦИТНЫЕ ТОВАРЫ – ЗЛОБА ДНЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ КУРГАНЦЕВ ТОВАРАМИ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1920–1930-х гг.

Исследуется зарождение советской системы снабжения городского населения провинции на примере города Кургана 1920–1930-х гг. На основе анализа архивных материалов, данных периодической печати и устных источников раскрывается вопрос об обеспеченности курганцев изделиями легкой промышленности в этот период. Автор приходит к выводам о том, что уже во второй половине 1920-х гг. для жителей больших и малых городов СССР дефицит товаров широкого потребления становится злободневной проблемой.

Ключевые слова: советская повседневность; снабжение; дефицит; товары легкой промышленности.

Дефицит товаров народного потребления был яркой иллюстрацией советской повседневности. В памяти старшего поколения россиян еще живы образы очередей, талонного распределения, полупустых прилавков и неравномерного снабжения. С переходом к рыночной экономике, появлением широчайшего ассортимента товаров и услуг проблема дефицита осталась в прошлом, оказавшись предметом исторического исследования. Обращение к теме обеспеченности населения товарами народного потребления позволяет охарактеризовать одну из важнейших сторон повседневной жизни людей. Крупнейшим исследованием сферы снабжения советского населения в период индустриализации стала монография Е.А. Осокиной [1]. Тема обеспеченности населения товарами первой необходимости, в том числе одеждой и обувью, достаточно подробно рассмотрена в работах Н.Б. Лебиной [2], Ш. Фицпатрик [3]. Интерес к истории становления советской системы снабжения непродовольственными товарами на Урале проявляют и региональные исследователи [4, 5]. Раскрыть этот вопрос, обратившись к истории курганской повседневности, – значит не только восполнить пробел в наших знаниях об истории города, но и рассмотреть зарождение провинциальной системы советского снабжения на примере отдаленного от крупных промышленных строек окружного центра.

Одним из важнейших источников по вопросу обеспеченности курганского населения товарами народного потребления являются материалы местной газеты «Красный Курган», публиковавшей наряду с объявлениями торговых организаций и пошивочных мастерских статьи о ситуации в сфере снабжения. Кроме того, интереснейшие сведения о городской торговле содержат сводки ОГПУ. Значительно расширяют знания о прошлом устные источники – аудиозаписи воспоминаний жителей города Кургана, для которых 1930-е гг. были временем их юности. Устные рассказы современников эпохи обогащают наши знания о прошлом разнообразными «житейскими» подробностями.

В ходе развития народного хозяйства СССР на основе плановой экономики преимущество, как известно, отводилось отраслям тяжелой и оборонной промышленности. Задача обеспечения советских граждан товарами народного потребления отходила на второй план, и население, обескровленное войнами первой

половины века, готово было ждать, активно участвуя в созидании «светлого будущего». Сами руководители молодого Советского государства, встав на путь социалистического строительства, должны были трезво оценить положение, в котором оказалась страна в начале 1920-х гг. В масштабном государственном плане ГОЭЛРО был проведен анализ перспектив промышленного развития страны. Отмечалось, в частности, что «положение хлопчатобумажной промышленности в ближайшие годы будет чрезвычайно трудным ввиду недостатка в сырье. <...> Шерстяная промышленность для более или менее нормального удовлетворения потребностей населения должна бы быть увеличена в 3–4 раза» [6. С. 178].

Необходимость обеспечения населения важнейшими продуктами в условиях военного времени требовала от новой власти незамедлительных, чрезвычайных мер. Государство решилось взять под контроль производство и распределение товаров первой необходимости. Военный коммунизм стал временем, когда «рынок был объявлен официально не существующим, а торговля – злейшим преступлением» [7. С. 45]. В рамках новой экономической политики допускалось существование мелкого частного предпринимательства, в то же время индивидуальное производство и особенно торговля были лишены государственной поддержки и рассматривались как временное явление. Оживление торговли, охватившее страну в 1920-х гг., было отмечено и в Кургане, где за период с 25 июля по 24 декабря 1921 г. было выдано более шестисот разрешений на торговую деятельность на дому или на городском базаре [8. Л. 1–36 об.].

Отмечая вклад частного предпринимательства в развитие производства и торговли периода НЭПа, Е. Осокина подчеркивает, что «особенно велика была роль частника в национальных районах и провинции. Сферой действия частного капитала в значительной мере являлась и кустарная промышленность, которая... производила треть валовой продукции промышленности» [1. С. 38–39]. В 1924 г. в городе Кургане – окружном центре с населением более 20 тыс. человек – в сфере кустарного производства швейных, обувных и подобных изделий работали 34 портных, 14 сапожников, 9 пимокатов, 8 шапочников, 3 овчинника, 2 гребенщика, 2 вязальщика чулок и 2 красильщика, в то время как общее число кустарей в городе составляло 295 человек [9. С. 303–304]. В 1926 г. го-

род Курган насчитывал 26 812 жителей [10. 1926. № 72. С. 4].

Составители сборника «Краткий обзор Курганского округа», опубликованного в 1925 г., приводят процентное соотношение ввоза товаров в Курганский округ, сравнивая начало 1920-х гг. с довоенным 1913 г. В 1923/24 хозяйственном году ввоз промышленных товаров в Курганский округ составил 21,9% от уровня 1913 г. В первой половине 1924/25 хозяйственного года ввоз увеличился до 29,7% от довоенного уровня. Причем главными продуктами ввоза в начале 1920-х гг., как и десятилетие назад, оставались мануфактурные товары [9. С. 413]. Текстиль, обувные и кожевенные товары пользовались большим спросом у населения округа. Среди проданных потребкооперации товаров за период с 1 января по 1 октября 1924 г. как в городе, так и в сельской местности первое место занимала именно мануфактура (от 33,2 до 38,8% от общего объема продаж), на третьем месте, уступая бакалее, находились кожевенные и обувные товары (от 9,2 до 11,8%) [Там же. С. 311].

В самом начале проведения новой экономической политики частная торговля подверглась резкому осуждению со страниц окружной газеты «Красный Курган». Летом 1921 г. здесь был опубликован рифмованный текст о буднях городских торговцев [10. 1921. № 60. С. 2]. Автор осуждает все, что происходит на «толкучке»: продажу разнообразных товаров по высоким ценам, самих «спекулянтов» («больных и лентяев отпускных») и лиц, их укрывающих («милиционер – ныне стал миллионер»). Весь этот «гниющий стан», по мнению автора, следует подвергнуть самому суровому наказанию. Очевидно, что «толкучка», описываемая автором, была востребованной, а потому многолюдной («на толкучке суeta, как в котле народ кипит...»). Ассортимент продаваемых здесь товаров включал и предметы широкого потребления («мыло, тряпки, сапоги... / Полушалки и чулки, / Нитки, пуговицы, кресты... / Кольцы, ленты и духи, / Лисьи шкурки и мехи, / Ряд ботинок и штиблет, / И чего, чего тут нет!...»).

Автор, неодобрительно отзываясь о торговцах, дает их краткое описание. На городском базаре можно было встретить чеботарей, портных – «отпускных по болезни» и «спекулирующих» инвалидов, а также торговый ряд татар. Только ли корысть побуждала граждан торговать, несмотря на инвалидность и болезнь? Нелегальная или «полулегальная» торговля сохранялась на протяжении всего периода существования Советского государства и была распространена как в столице, так и в провинции. По словам Н.Н. Макаровой, исследовавшей систему снабжения населения Магнитогорска в первой половине 1930-х гг., «нелегальная торговая деятельность горожан позволяла выживать многим в сложнейшей ситуации дефицита товаров первой необходимости» [4. С. 97]. На примере города Кургана можно проследить, какие формы принимала незаконная торговля в 1920–1930-е гг. Кроме описанных фактов продажи портными и чеботарями товаров собственного производства на базаре по ценам выше государственных во время больничных отпусков существовала практика перепродажи одежды, приобретенной в магазинах. При

этом человек, перепродавая полученную вещь, мог вовсе не преследовать цель наживы. Зачастую товары, полученные по талону, оказывались совершенно не подходящими для покупателя (не соответствовали размеру, возрасту и даже полу). В то же время имели место случаи намеренной перепродажи товаров по ценам выше государственных. Так, по сведениям ОГПУ, в 1936 г. инструктор «Челябпромторга» взял в магазине № 3 «мануфактуры неизвестно какое количество <...> уехал в деревню Башкирское Половинского района и там продавал мануфактуры разным лицам по повышенной стоимости». К примеру, плательный жаккард черного цвета он продавал по 6 руб., а в магазине эта ткань стоила 2 руб. 75 коп. [11. Л. 21].

Следует упомянуть и о складывании в стране закрытой системы снабжения отдельных категорий граждан, находящихся в привилегированном положении при существующей системе дефицита. Однако и рядовые горожане искали пути получения необходимых товаров. Уже в 1930-е гг. большое значение приобретают «связи» в торговой среде. Однако в это время даже знакомство с заведующими магазинами не гарантировало получение дефицитных товаров. В сводках ОГПУ по городу Кургану приводятся факты нарушения сотрудниками городских магазинов правил торговли. В октябре 1934 г. в Курганское отделение Промторга поступило 12 пар дамских сапог, которые «по запискам» управляющего отделения и старшего товароведа «были проданы из магазина № 1 тайком из-под прилавка своим знакомым и сотрудникам отделения». Примечательно, что на 12 пар сапог было выдано 44 записки [12. Л. 263].

Исследователь ленинградской повседневности Н.Б. Лебина выделяет в качестве характерной черты внешнего вида жителей северной столицы в первой половине 1920-х гг. ношение перешитой одежды [2. С. 132]. Донашивание старых, дореволюционных предметов гардероба было весьма распространенным явлением и в провинции. При этом жители небольших городов, зачастую не готовые в одночасье изменить привычный внешний облик, носили дореволюционный костюм в неизменном виде.

В 1920–1930-е гг. советские граждане ощущали дефицит готовых швейных и обувных изделий. Недостаточный выпуск готового платья способствовал сохранению и развитию по всей стране швейных ателье и разнообразных ремонтных мастерских. В этот период в Кургане также не было в продаже достаточного количества готовой одежды: платья, костюмы, пальто – все это горожане заказывали в ателье, у частных портных или шили самостоятельно. В магазинах и на рынке продавали прежде всего ткани: ситец, сатин, бумазею, сукно и бельевое полотно, а также обувь [10. 1924. № 117. С. 4]. Кроме того, на рынке, служившем местом бойкой торговли для жителей Курганского округа, можно было приобрести отдельные предметы поношенной одежды. В Кургане существовал и комиссионный магазин по продаже готового платья, обуви и домашних вещей [10. 1931. № 19. С. 4].

Цены на ткани в Кургане постепенно снижались. Ко второй половине 1920-х гг. в зависимости от каче-

ства материала стоимость сукна составляла 3–12 руб./м, ситца – 32–43 коп./м, бельевого полотна – 30 коп. – 1 руб. 20 коп./м [10. 1924. № 56. С. 4; 1926. № 160. С. 4; 1927. № 25. С. 4].

В 1920-х гг. газета «Красный Курган» периодически сообщала о продаже «кожаной мужской, женской и детской обуви московских и кунгурских фабрик, резиновых и суконных галош», в 1923 г. анонсировала поступление в магазин отделения Челябинского губторга верхней одежды: овчинных полушубков, черных и желтых борчаток (шуб), а также валенной обуви [10. 1923. № 49. С. 4]. В этом же году в «Красном Кургане» появилось объявление о продаже со скидкой 25% мужских, дамских и детских фуфаяк, головных платков, чулок, носков, перчаток и других товаров [Там же. № 66. С. 4]. Впрочем, этим и ограничивался ассортимент продаваемой в Кургане готовой одежды. Более того, в середине 1920-х гг. город испытывал «голод промтоваров», одна из главных причин которого заключалась, по свидетельству корреспондента местной газеты, в отсутствии «у государственных и кооперативных торговых организаций достаточного количества нужных крестьянству товаров» [10. 1925. № 95. С. 3]. Весной 1926 г. отмечалась острая нехватка сукна, кожаных товаров и резиновой обуви [Там же. 1926. № 92. С. 4]. «Товарный голод», охвативший всю страну во второй половине 1920-х гг., стал ответом на стремление властей вытеснить частный сектор из экономики и заменить рыночные механизмы государственным планированием, что привело к особенно ощутимым последствиям на фоне развертывания масштабного индустриального строительства.

Как отмечают исследователи, в конце 1920-х гг. в СССР предприятия легкой промышленности производили «на человека в год всего лишь 12 м хлопчатобумажных тканей <...> 80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (полботинка на человека), один носок или чулок», а кооперативная торговля фактически превратилась в «канал государственного снабжения» [1. С. 39–40].

Тема дефицита товаров периодически освещалась в газете «Красный Курган». В 1928 г. местные снабженцы отмечали, что «большим тормозом в торговой работе Рабкопа является перебой в товароснабжении по тем группам товаров, которые относятся к категории дефицитных. <...> В четвертом квартале текущего хозяйственного года в течение месяца Рабкоп совершенно не получал мануфактуры. И только в первых числах августа поступила партия (полвагона) хлопчатобумажных тканей. В августе же ожидается поступление еще полвагона хлопчатки и полвагона занаряжено на сентябрь. В течение четвертого квартала будет получено через “Уралоблсоюз” полтора вагона хлопчатобумажной мануфактуры. Грубошерстных, камвольных и тонкосуконных тканей на август Уралоблсоюзом для Курганского Рабкопа отпускается на сумму 8 000 рублей. <...> Лучше обстоит дело с готовым платьем, которого сейчас получено на 15 000 рублей. Сейчас имеется ходовых сортов готового платья, как-то: пальто, костюмы, белье на 7–8 тысяч рублей». Тем не менее, подчеркивает специа-

лист, «занаряженного на 4 квартал количества мануфактуры <...> недостаточно для удовлетворения потребности потребительского спроса, но на большее сейчас рассчитывать трудно» [10. 1928. № 117. С. 4].

В 1930-е гг. на Южном Урале наблюдается рост темпов производства изделий легкой промышленности. Накануне Великой Отечественной войны в Челябинской области было выпущено товаров народного потребления на 37,4 млн руб. (в 6,1 раза больше, чем в 1927 г.). В то же время легкая промышленность Южного Урала не получила развития, необходимого для удовлетворения потребностей населения [5. С. 37]. Однако в Кургане, периодически входившем в годы индустриализации в состав Челябинской области, в 1930-е гг. не было предприятий швейной промышленности.

Проблему снабжения населения в годы острейшего дефицита продовольственных и промышленных товаров государственная власть решала чрезвычайными мерами на всем протяжении существования Советского Союза. Так, кризис конца 1920-х гг. привел к введению в 1929 г. нормированной системы распределения хлеба, а затем и промышленных товаров. По оценкам историков, по всей стране «положение с одеждой, обувью, тканями и другими непродовольственными товарами <...> оставалось тяжелым. <...> Даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви – в лучшем случае на треть, в нитках – на 10–20%» [1. С. 77–78].

В Кургане в начале 1930-х гг. ситуация в сфере распределения готового платья также была напряженной. В июле 1930 г. в газете «Красный Курган» появилась заметка под названием «Рабочий не получает готового платья», в которой указывалось, что товары в магазинах ЦРК и Москвошвейпрома распределяются в большинстве случаев только среди служащих, а возле мест торговли существуют постоянные очереди [10. 1930. № 162. С. 4]. Приобретение необходимых товаров для миллионов советских граждан становится острейшей повседневной проблемой. Нельзя не согласиться с Ш. Фицпатрик в том, что «вещи имели в 30-е годы в Советском Союзе огромное значение, хотя бы потому, что их было так трудно достать» [3. С. 52].

В 1931–1932 гг. в этой же газете периодически появляются объявления Рабкопа о приеме авансов под готовую одежду. Оговаривалось, что «внесшие авансы будут получать в первую очередь», причем среди них преимущество будут иметь рабочие ценовой промышленности [10. 1930. № 180. С. 4; 1932. № 36. С. 4].

В это время практиковалась нормированная система распределения готовой одежды. Талоны были действительны в течение определенного времени, о чем в 1930 г. регулярно сообщалось на страницах местной газеты [Там же. 1930. № 181. С. 4]. Несовершенства системы нормированного распределения промтоваров стали темой любопытного фельетона, опубликованного 24 сентября 1930 г. в газете «Красный Курган». Описан, очевидно, типичный случай, произошедший с рабочим после получения талона от

Рабкопа. Автор упоминает о протекции фабзавкома, намекая на трудности, с которыми сталкивались рабочие при получении талонов. Ударник завода в выходной день отправился в нижний магазин Рабкопа отovarивать свой талон на рейтузы, не имея ни малейшего понятия о том, что они собой представляют. В магазине было многолюдно: «Народу – пушкой не прошибешь, – подчеркивает автор фельетона. – Кто к прилавку пробирается, кто от прилавка, кто полученный товар продает, кто в чужой карман лезет. <...> Вышли мы в проход – торговля несуетная кругом идет. Кто ботинки продает, кто калоши. Не те номера попали». Рейтузы оказались дамскими панталонами, которые разочарованный рабочий тут же продал соседу в очереди. Автор фельетона размышляет: «Не лучше ли, товарищи, в самом деле, особые распределители по заводам устроить, все-таки порядку бы больше было и не так обидно» [10. 1930. № 213. С. 3]. Обращает на себя внимание то, что общественной критике подвергалась не сама система нормированного снабжения, а лишь отдельные случаи, выходящие за рамки здравого смысла. Причем решение проблемы мыслилось через внедрение практики закрытого распределения. С другой стороны, за пределы поверхностной критики крайностей сложившейся системы и действий местных властей периодическая печать в тот период выйти просто не могла.

Крайними проявлениями несовершенства советской системы планового снабжения были случаи абсурдного распределения товаров. Ситуации, известные нынешнему поколению по анекдотам, имели место и в жизни провинциального города. Так, в декабре 1930 г. печать критиковала действия правления Курганского райпо, члены которого направляли духи, пудру и сандалии в отделения при лесозаготовках, в то время как город ощущал острую нехватку этих товаров. «Зачем мужику духи, особенно на лесозаготовках, – одним правленцам известно», – иронично подмечает автор заметки [Там же. № 283. С. 3]. Из газетных объявлений понятно, что в 1930-х гг. в Кургане объемы и ассортимент готовой одежды несколько увеличились по сравнению с предшествующим десятилетием. Однако дефицит готового платья по-прежнему побуждал большинство горожан заказывать одежду в ателье или шить самостоятельно. Два года подряд в газете появлялось объявление о наборе учениц на курсы кройки и шитья [10. 1930. № 184. С. 4; 1931. № 199. С. 4], а в ноябре 1930 г. гострудсберкаса объявила о приеме целевых вкладов на швейные машины [10. 1930. № 262. С. 4]. Швейные машины, ставшие для советских женщин предметом первой необходимости, пользовались большим спросом на протяжении многих лет. В 1939 г. в течение двух рабочих дней в магазине Точмашбыта жители Курганского района приобрели 80 швейных машин и всего 7 патефонов [Там же. 1939. № 72. С. 4].

Именно дефицит готовой одежды способствовал сохранению и развитию городских пошивочных ателье и ремонтных мастерских. Жители столиц (особенно представители элиты) уже с середины 1920-х гг. могли позволить себе шить костюмы у частных портных, получивших известность еще до революции [2.

С. 135]. Небогатые жители провинции делали выбор в пользу экономных и честных мастеров. Из устных источников известны фамилии лучших курганских портных: Павел Афанасьевич Устюжанин, заведующий производством коньков, брючный мастер Павел Васильевич Чепурных. Уважением среди горожан пользовался закройщик первого цеха Михаил Афанасьевич Утробин: «Там очередь, – рассказывает житель города Кургана Ф.И. Захарова, – потому что знают, что тут не возьмут ничего. <...> Была такая поговорка: “У продавца нет сдачи, у портного остачи”. А эти (мастера первого цеха. – К.К.) уж все лоскутки свернут, веревочкой завяжут и все тебе остаточки отдадут» (Кладова К.Ю. Воспоминания Ф.И. Захаровой от 12 октября 2013 г. Аудиозапись.).

В межвоенные десятилетия в Кургане существовала кустарно-промысловая артель «Быстроход», располагавшаяся по улице Свободы и занимавшаяся изготовлением и ремонтом обуви [10. 1930. № 172. С. 4]. В 1930 г. в городе работали сапожная и портновская мастерские артели инвалидов «Взаимопомощь», располагавшиеся сначала в доме по улице Ленина [Там же. № 188. С. 4], а затем в каменном корпусе на Нижнебазарной площади [Там же. № 216. С. 4]. В 1931 г. артель имела в своем распоряжении целый ряд разнообразных предприятий, в том числе сапожную, швейную, матрачную мастерские [10. 1931. № 292. С. 4].

На протяжении 1930-х гг. в газете печатались объявления промышленно-производственной артели «Новость». В 1930 г. промартель, располагавшаяся на Нижнебазарной площади, «объявила о приеме в починку и переделку детской одежды и обуви вне очереди» [Там же. 1930. № 272. С. 4]. В следующем году сообщалось, что артель «Новость» принимает в перелицовку, ремонт и починку верхнее и нижнее платье и спецодежду, а также покупает старую одежду, поношенные фуражки, кепки и шапки [Там же. 1931. № 50. С. 4]. В 1937 г. курганская артель «Новость» открыла новую портновскую мастерскую по ул. Коли Мяготина, дом № 88. Причем у портных артели существовала определенная специализация: пошив и ремонт верхнего платья дамского, мужского, детского производился в мастерских по ул. Коли Мяготина, № 88 и по ул. Максима Горького, № 133; белье, платье, головные уборы, ведомственное обмундирование, спецодежда и прочее – по ул. Ленина, № 7 [Там же. 1937. № 71. С. 4]. Более подробное описание деятельности мастерских артели дает житель города Кургана Ф.И. Захарова, вспоминая в ходе интервью о том, что третий цех артели располагался на углу улиц Коли Мяготина и Красина, где работали несколько портных, занимавшихся только пошивом платья. В первом цехе на углу улиц Пролетарской и М. Горького шили пальто, костюмы, брюки. Цех занимал двухэтажный дом: внизу располагались закройщики и клиенты, а наверху – сама мастерская. В двухэтажной мастерской по улице Ленина шили платье, вязали трикотаж, в том числе чулки и носки. На первом этаже здания изготавливали головные уборы и шили ватные одеяла. Здесь можно было отдать в перелицовку старую фетровую шляпу и в итоге получить «новую» вещь.

В конце 1930-х гг. советские граждане по-прежнему ощущали острую нехватку одежды, обуви и текстильной продукции [3. С. 56]. Во второй половине 1930-х гг. товары легкой промышленности, поступающие в курганские магазины, становятся разнообразнее, но отнюдь не доступнее. В августе 1935 г. магазин Курганского военного кооператива, расположенный по адресу ул. Куйбышева (б. Свободы), 36, через газету сообщил о поступлении в свободную продажу таких товаров, как «меха в полном ассортименте, головные уборы, одеяла пикейные, детские, меховые пальто, пиджаки ватные, холсты крестьянские в большом количестве и прочие товары. На днях поступает большая партия трикотажа». В этом же номере магазин Горрабкопа сообщал о поступлении партии мужских и дамских галош и ассортименте рукавиц [10. 1935. № 198. С. 2]. Открывшийся после ремонта магазин № 1 Челябинторга в феврале 1936 г. извещал о наличии готового платья, резиновой обуви, мануфактуры, зимних и летних головных уборов, трикотажа, парфюмерии и галантереи [Там же. 1936. № 33. С. 4]. Год спустя в этот же магазин на площади Куйбышева поступили в продажу «мануфактуральное сукно-бобрик, готовое платье, пальто дамские демисезонные и детские, платья дамские и костюмы мужские». «Спешите купить!» – призывали авторы объявления [10. 1937. № 75. С. 4]. Магазины Челябинторга работали с 9 утра и до 7 вечера [Там же. № 10. С. 4]. О дефиците товаров свидетельствуют и объявления: сообщая об открытии в январе 1937 г. нового магазина по продаже мануфактуры, готового платья, обуви и галантерейных изделий, авторы заметки употребили выражение «товаров заброшено на 50 тысяч рублей» [10. 1937. № 11. С. 4]. Годы спустя в речь советских граждан прочно вошел глагол «выбросили», обозначающий долгожданное появление дефицитных товаров на прилавках.

Таким образом, уже во второй половине 1920-х гг. для жителей больших и малых городов Советского Союза дефицит товаров широкого потребления становится злободневной проблемой. Приспосабливаясь, население вынуждено было искать пути приобретения необходимых товаров. Частная торговля постепенно переходит на нелегальное или «полулегальное» положение, называясь спекуляцией и обретая в связи с этим новый смысл. В ситуации дефицита особое положение занимают работники магазинов, знакомство с которыми дает гражданам надежду на получение нужных вещей. В то же время нехватка готовых изделий легкой промышленности способствовала развитию по всей стране разнообразных пошивочных мастерских. Широко практиковался ремонт одежды и обуви, а также перелицовка поношенных вещей. В Кургане профессиональные портные, объединенные в артели, имели узкую специализацию: существовали цеха по пошиву и ремонту верхней одежды, платья, головных уборов и т.д. Отдельно работали мастерские по пошиву и ремонту обуви.

На протяжении многих десятилетий мечтой каждой советской женщины было приобретение швейной машины. На рубеже 1920–1930-х гг. курганские домохозяйки получили возможность осваивать швейное мастерство на курсах, а также приобрести швейные машины, ставшие уже тогда предметом особого спроса.

Государственная власть в решении проблемы дефицита шла по пути создания системы нормированного снабжения, закрытого распределения, в то время как в советском обществе, остро нуждавшемся в товарах первой необходимости, появлялись своеобразные механизмы решения этой насущной проблемы, отразившиеся не только в поведении, но и в мыслях и вкусах людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999. 271 с.
- Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 488 с.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008. 336 с.
- Макарова Н.Н. Не снабжают, а издеваются над нами...»: система снабжения Магнитогорска (1929–1935) // Вестник Пермского университета. История. 2010. № 1 (12). С. 90–99.
- Полкунова С.Ю., Полкунов Ю.Г. Математическое моделирование в историческом исследовании: рост объема производства легкой и пищевой промышленности Южного Урала в 1920–1930 годы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1 (137). С. 33–38.
- План электрификации РСФСР: введение к докладу VIII Съезда Советов Государственной Комиссии по Электрификации России. М., 1920. 230 с.
- Аборвалова А.Н. Торговля в Советской России в период становления социалистической экономики (1917–1924 годы) // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 1. С. 46–48.
- Государственный архив Курганской области. Ф. Р-635. Оп. 5. Д. 9.
- Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественноисторическом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925. 542 с.
- Красный Курган: газета.
- Государственный архив общесоюзно-политической документации Курганской области (далее – ГАОПДКО). Ф. 11. Оп. 54. Д. 61.
- ГАОПДКО. Ф. 11. Оп. 45. Д. 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 июля 2016 г.

“SCARCE GOODS AS THE TOPIC OF THE DAY”: ON CONSUMER GOODS SUPPLY OF KURGAN RESIDENTS IN THE 1920S–1930S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 123–128.
DOI: 10.17223/15617793/413/19

Kseniya Yu. Kladova, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation). E-mail: ks-klad@mail.ru
Keywords: soviet daily routine; supply; deficit; consumer goods industry.

The article studies the conception of the Soviet supply system of the provincial urban population on the example of the city of Kurgan in the 1920s–1930s. Based on the analysis of archive materials, periodicals data and oral sources, the issue of providing Kurgan city residents with consumer goods is discussed, the range of goods and services available for the residents of Kurgan is demonstrated, the mechanisms of people's adaptation to the conditions of severe shortage of goods are characterized. The trade recovery in the country during the NEP period was also noticed in Kurgan. In the middle of the 1920s Kurgan province still traditionally produced handicraft consumer goods. A third of the Kurgan handicraftsmen was represented by needlewomen and shoemakers. In the early 1920s, the consumers' main demand in Kurgan and rural areas was textile and shoe goods. But in the second part of the 1920s, the deficit of consumer goods became a problem of current interest. Private trade turned to be illegal or "half-legal", it is referred to as "profiteering" and acquires a new meaning in these circumstances. In the conditions of the severe shortage of goods personal "relations" or "acquaintances" in trade started to play a significant role. Ready-made textile and shoe goods (dresses, suits, coats, half-length fur coats, padded jackets, leather, rubber, cloth and felt footwear) were sold in small batches. The deficit was worse due to the irrational distribution of goods among the districts. For example, in some cases face powder and perfume appeared in small shops at sawmills, but not in towns. The lack of ready-made clothes promoted the development of sewing workshops all over the country. People often used them to repair their clothes and shoes or to turn the worn-out clothes. In Kurgan, professional tailors united in co-operatives and had narrow specializations – there were different workshops for sewing and repairing the outerwear, dresses and hats. Workshops for making and repairing shoes worked separately. For many years every Soviet woman dreamed about buying a sewing machine. At the verge of the 1920s–1930s Kurgan housewives got an opportunity to master needlecraft at special courses and to buy sewing machines which had already become an object of strong demand at that time. The government tried to solve the problem of deficit in different ways using rationing or closed distribution whereas, because of the great lack of essential goods, the Soviet society developed new specific mechanisms for solving this problem that reflected not only in the behavior but also in people's minds and tastes.

REFERENCES

1. Osokina, E.A. (1999) *Za fasadom "stalinskogo izobil'ya": Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941* [Behind the facade of "Stalin's plenty": distribution and market in the supply of the population in the years of industrialization. 1927–1941]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
2. Leбина, N.B. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stil'yu* [Soviet everyday life: rules and anomalies. From war Communism to the great style]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.
3. Fitzpatrick, S. (2008) *Povsednevnyy stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. Social History of Soviet Russia in the '30s: the city]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N.El'tsina.
4. Makarova, N.N. (2010) "They do not supply goods, they just jeer at us...": the Procurement System of Magnitogorsk in 1929–1935. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald, series "History"*. 1 (12). pp. 90–99. (In Russian).
5. Polkunova, S.Yu. & Polkunov, Yu.G. (2012) Mathematical modeling in historical study: growth of production of light and food industry in the South Ural region in 1920–1930. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of the Orenburg State University*. 1 (137). pp. 33–38. (In Russian).
6. Anon. (1920) *Plan elektrifikatsii RSFSR. Vvedenie k dokladu VIII S"ezda Sovetov Gosudarstvennoy Komissii po Elektrifikatsii Rossii* [Plan for electrification of the RSFSR. The introduction to the report of the VIII Soviet Congress of the State Committee for the electrification of Russia]. Moscow: Gos. tekhn. izd.
7. Aborvalova, A.N. (2012) Torgovlya v Sovetskoy Rossii v period stanovleniya sotsialisticheskoy ekonomiki (1917–1924 gody) [Trade in Soviet Russia in the period of socialist economy development (1917–1924)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo – Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 12:1. pp. 46–48.
8. State Archive of Kurgan Oblast. Fund R-635. List 5. File 9. (In Russian).
9. Popov, A.D. (ed.) (1925) *Kratkiy obzor Kurganskogo okruga Ural'skoy oblasti v estestvennoistoricheskom, kul'turno-ekonomicheskom i administrativnom otnoshenii* [Overview of the Kurgan district of the Ural region in natural science, cultural, economic and administrative terms]. Kurgan: Izdanie okruzhnoy planovoy komissii.
10. *Krasnyy Kurgan*. (n.d.).
11. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 11. List 54. File 61. (In Russian).
12. State Archive of the Socio-Political Documentation of Kurgan Oblast (GAOPDKO). Fund 11. List 45. File 2. (In Russian).

Received: 29 July 2016

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ЕВРОПЫ: ОТ ПОЯВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Анализируются процессы становления и современного развития экологических движений государств Европы. Уделяется внимание идеологии и программным документам экологических партий Германии, Франции, Латвии, Эстонии, государств Центральной и Восточной Европы. Представлены основные направления экологической политики Европы в краткосрочной перспективе, получившие выражение в программе Европейской партии «зелёных».

Ключевые слова: экологические движения; экологические партии Европы; идеология; программы.

Современное европейское экологическое движение возникло во второй половине XX в. как ответ на дальнейшее углубление конфликта между интересами индустриального общества и возможностями биосферы. Однако его истоки можно увидеть в природоохранных обществах, возникших во многих странах, в том числе и в России, в конце XIX–XX вв. Природоохранные общества того времени вряд ли можно было бы назвать экологическим движением, но определенное влияние на формирование идей современных зеленых они, несомненно, оказали.

Следует выделить три основные группы причин становления экологического движения в государствах Европы: идеологические, экологические, политические. Идеологические причины становления экологического движения заключались в постепенном уменьшении влияния движения «хиппи», левых идеологий, при продолжающемся неприятии молодежью общегосударственной политики; сохранении влияния идей пацифизма, ненасильственного бунтарства и всплеска террористической деятельности, в том числе субъектами которого были и молодежные организации, пацифистские идеи пережили второй пик популярности. Экологические причины выражались в загрязненности окружающей среды, вызванной более интенсивной, по сравнению с довоенной, индустриализацией европейских стран (особенно остро вопрос стоял в Германии), а также введением в эксплуатацию на территории Европы атомных электростанций. Политические причины были связаны главным образом с потенциальной исполнимостью обещаний «зеленых» (экологических партий), в отличие от лозунгов крайних «левых», которые были не только трудновыполнимы, но и неизбежно ассоциировались с СССР или государствами-сателлитами, а также намерением стран НАТО увеличить количество ядерного вооружения, в том числе в странах Европы, что не могло оставить население этих стран, в особенности пацифистски настроенную молодежь, равнодушными.

Переходя к вопросу о периодизации экологического движения в развитых странах, отметим, что толчком для возникновения и дальнейшего развития экологических движений в Западной Европе послужило нагнетание апокалипсических настроений в США в 60-е – начале 70-х гг. XX в., когда общественность европейских стран осознала неотвратимость надвигающегося экологического кризиса в глобальном масштабе.

Первый этап развития экодвижений в Западной Европе подразделяется на два периода: нарастание

страха перед демографическим кризисом; массовая волна протеста против развития атомной энергетики. При этом каждая страна имела свои особенности, определившие процесс становления экологических движений, но именно под воздействием широкомасштабной дискуссии об энергетических проблемах отдельные разрозненные группы давления, ставившие перед собой конкретные тактические задачи, трансформировались в целостное, радикально окрашенное экологическое движение. К началу 1980-х гг. наблюдался спад в деятельности экологических движений, который объяснялся решением правительств отдельных европейских стран приостановить развитие атомной энергетики, что являлось центральным пунктом повестки дня для экологических движений.

На протяжении 1970-х гг. «зеленые», особенно их радикальное крыло, использовали тактику открытых и решительных действий: кампании гражданского неповиновения, массовые пикеты в местах предполагаемого строительства атомных объектов. Со временем подобные акции перестали быть эффективными и начались поиски новых форм протеста. Экологи искали влиятельных политических партнеров. Такими, в зависимости от общности целей и задач, стали церковь и профсоюзы.

Второй этап развития экологических движений в Западной Европе совпал с началом 1980-х гг., когда в качестве политических партнеров экологического движения начали выступать различные массовые организации. В ФРГ, например, наметилась тенденция к трансформации экологического движения в антивоенное. Однако отдельные группы «зеленых» умышленно остались вне политики, отрицая идеологию левых сил. Разочарование части политически активного населения в экологических платформах традиционных партий ускорило процесс формирования независимых экологических партий [1. С. 28].

Следует согласиться с мнением ученых Р.Д. Букия и А.И. Костина, которые в возникновении и развитии экологического движения в Европе выделяют шесть основных этапов [2. С. 56].

1. Вторая половина 1960-х гг. – этап массового экологического протеста, или алармистский этап. Он характеризовался «взрывным» расширением социальной базы движения, однако определяющими факторами для успеха или неудач природоохранного движения выступали его социальная неоднородность и аморфность, а также организационная разобщенность. Основными формами борьбы являлись уличные де-

монстрации, в которых нередко участвовали десятки и даже сотни тысяч людей. Социальный протест, таким образом, осуществлялся в русле философии «малых дел».

2. Конец 1970-х гг. – этап осознания широкой общественностью недемократического характера многих аспектов экологической политики правящих кругов. Отличительными чертами этого этапа стали борьба за мир и разоружение, выступления по проблемам инфляции, безработицы, расовой дискриминации и т.п., эпизодические попытки выдвижения требований социально-экономического характера.

3. С начала 1980-х гг. идет перерастание природоохранного движения в странах Запада из социального в социально-политическое, возникли партии «зеленых». Экологические партии получали реальную возможность в течение короткого периода времени укрепить свое положение в политической структуре общества, заполнив вакуум, образовавшийся из-за неспособности традиционных партий взять на себя решение экологических проблем.

4. С середины 1980-х гг. «зеленые», наряду с другими экологическими партиями, стали уделять большое внимание социальным проблемам. Важное место в их программах начали занимать требования демократизации налоговой системы, введения экологического налога, реформирования банковской системы и т.д.

5. На рубеже 1980–1990-х гг. экологи поставили вопрос о спасении окружающей среды в более общем контекст: о судьбах индустриальной цивилизации вообще, о глубинных изъянах ее способа производства. Произошло сближение экологических партий с профсоюзами и рабочими партиями, что оказало положительное влияние на проведение действенной экологической политики.

6. Со второй половины 1990-х гг. по настоящее время для экологического движения характерен комплексный подход к решению экологических проблем, способствующий превращению их в самостоятельную политическую силу, что позволяет экологам активно влиять на поведение государственной экологической политики, а также выступать гарантом организации социально-экономических отношений и политического процесса с учетом экологических императивов.

Исходя из этого, появление экологического движения в ряде европейских стран стало ответом на обострившуюся проблему охраны окружающей среды. Активная деятельность экологического движения в европейских странах способствовала включению правительствами, правящими партиями и местными органами власти в свои политические программы вопросов охраны окружающей среды. Однако программы многих партий и правительств остались в значительной степени невыполненными. Некоторые частные успехи движения «гражданских инициатив», например улучшение состояния воды и воздуха в отдельных районах, не снимали экологической проблемы, имеющей глобальный характер.

О значимости партийной деятельности свидетельствует и то, что экологические разделы политических программ экологических партий касаются широкого круга проблем. К ним, в частности, относятся: совер-

шенствование законодательства по охране окружающей среды, использование нетрадиционных возобновляемых источников энергии, методы ведения сельскохозяйственного производства, защита естественного ландшафта, недопущение различных форм загрязнения природной среды, борьба за снижение шумового фона в городах, на предприятиях, за сохранение дикой природы, более широкое использование вторичных ресурсов и т.д.

В отличие от старых политических партий, «зеленые» в странах Европы решение экологических проблем связывают с преобразованием экономических и социальных структур. Экологические партии сегодня принимают участие в законодательном процессе и осуществляют влияние на выработку законодательной базы в сфере экологии.

В настоящее время партии «зеленых» действуют в ФРГ, Великобритании, Италии, Франции, Японии, Австрии и других странах. Последние два десятилетия они участвуют не только в местных и парламентских выборах, но и в выборах в Европейский парламент (с 1989 г. в Европарламенте представителями европейских экологических партий была образована совместная фракция, а с 2004 г. имеется представительство Европейской партии «зеленых»).

Среди многих экологов происходят трения между радикалами, левыми и консервативно-либеральными «зелеными». Идеологический комплекс экологического движения не представляет собой какого-то целостного феномена. Характерные его черты – многообразие, дифференцированность, противоречивость. Идеино-политическая дифференциация внутри данного комплекса идет по ряду направлений. Среди них следует назвать экоконсерватизм, экореволуционаризм, экореформизм с элементами социализма и либерализма. В зависимости от этого и экополитика ориентируется на различные модели развития [3. С. 57].

Экоконсерватизм включает круг идей, начиная от идей Г. Груля (*Schreckensbilanz unserer Politik*, 1975; *Himmelfahrt ins Nichts. Der geplünderte Planet vor dem Ende*, 1992) и И. Иллича (*Deschooling Society*, 1971), заканчивая неонацистскими элементами. Сторонники экоконсерватизма требуют отказаться от многих свобод во имя предотвращения хаоса, избежать который можно только путем создания Всемирного правительства, осуществляющего «экологическую диктатуру».

Два других направления в экологическом движении по содержанию можно объединить под названием «экологический социализм». Данный термин ввел в научную литературу известный футуролог О.К. Флехтайм. В рамках экосоциализма осуществляются критика иррациональности традиционной экономики, капиталистического и социалистического администрирование. Представители революционаристского экосоциализма в своих проектах дают характеристику рациональной организации многих сфер жизни общества в качестве основы преобразований, ведущих к созданию экологического общества.

Доминирующим течением в экологическом движении и в партиях «зеленых» является экореформизм. К нему близки и некоторые левые члены социал-демократических и социалистических партий. Если

для традиционного социалистического движения основным является противоречие между трудом и капиталом, общественным характером труда и частной формой присвоения его продуктов, то для экосоциалистов – противоречие между развитием производительных сил и «изнашиванием» окружающей среды. Если для первого наиболее существенным служит изменение отношений собственности на средства производства, проблемы распределения, то для последних – преобразование ошибочных форм во имя рационального производства и разумного потребления с целью преодоления развития, сконцентрированного на экономическом росте.

Сегодня в экологическом движении присутствуют как «фундаменталисты», продолжающие настаивать на радикальной перестройке индустриального общества, так и «реалисты», призывающие лишь к его коррекции в соответствии с требованиями экологии. Как показывает опыт последних лет, участие в парламентской, а тем более правительственной деятельности, ведет к падению радикализма «зеленых» партий [4. С. 30]. В настоящее время радикальная часть движения «зеленых» («Гринпис», «Друзья Земли») принимает активное участие в акциях протеста альтерглобалистского движения. Однако если экологическое движение основную задачу своей деятельности видит в охране окружающей среды, то альтерглобалистское движение выдвигает более широкий круг программных требований, охватывающий решение глобальных проблем различных сфер жизнедеятельности общества.

Охарактеризовав особенности и этапы становления экологического движения, остановимся на характеристике экологических партий европейских стран. Наиболее крупной и влиятельной экологической партией в современном мире является *Партия «зеленых» Германии* [5]. У ее истоков стояли гражданские инициативы в защиту окружающей среды 1970-х гг. Затем, на основе разрозненных гражданских движений, создается Федеральный союз гражданских инициатив по защите окружающей среды, а в начале 1980 г. в городе Карлсруэ появляется общенациональная Партия «зеленых», у истоков которой стояло появившееся чуть раньше «Движение против атомной энергии».

Одним из идеалов «зеленых» Германии становится борьба «за экологию», которая рассматривалась как борьба за социальную справедливость. Терпимость становится главным отличием «зеленых» от существовавших им социальных движений. Так, в 1965 г. философ Г. Маркузе, приветствовавший студенческие протесты, опубликовал книгу «Критика чистой терпимости». В этой работе он заявил о том, что терпимость «репрессивна». Идея Г. Маркузе состояла в том, что доброжелательность и терпимость на самом деле лишь помогают продолжению статус-кво. Характерно, что идеи Р. Дучке и будущих «зеленых» отличались от этих положений. Кроме того, «зеленые» оказались просто ближе к жизни, чем многие левые организации. Одно дело – борьба с реальным злом (с атомной станцией, вредным производством, застройкой на детской площадке), и совсем другое – догматическая критика капитала и социального неравенства [6].

Другим идеалом «зеленых» был пацифизм. В декабре 1979 г. Конференция министров обороны и иностранных дел стран НАТО приняла решение об увеличении численности ядерного оружия. Немецкий парламент практически полностью поддержал это решение, но большинство населения Германии было против этого решения. Партия «зеленых» стала основным организатором маршей мира и блокирования военных баз.

На последних федеральных выборах, прошедших в 2013 г., партия «зеленых» немного ухудшила свой результат по сравнению с выборами 2009 г., набрав 8,4% голосов, получив 63 депутатских места в парламенте (в 2009 г. – 68 мест). Наибольшей поддержкой партия пользуется в больших городах – Гамбург (12,6%), Берлин (12,3%), Бремен (12,1%) [7].

Партия «зеленых» Германии выступает против широкомасштабной программы строительства АЭС, выдвинутой коалиционным правительством социал-демократов и либералов, которых в бундестаге поддерживала и находящаяся в оппозиции Христианско-демократическая партия. Таким образом, группы в защиту окружающей среды уже в конце 1970-х гг. начали баллотироваться в местные советы и земельные парламенты. Среди участников экологического движения преобладали представители профессий, связанных с культурой и социальной деятельностью, но не с промышленным производством. Это привело к противостоянию «зеленых» с традиционными профсоюзами, представлявших интересы промышленных рабочих. Профсоюзы выступали против деятельности экологического движения, ставившего под угрозу их рабочие места (исключение составлял лишь профсоюз металлистов). Они усматривали в этом движении серьезную угрозу их интересам со стороны привилегированных слоев. К тому же трудящиеся справедливо связывали надежды на улучшение благосостояния с экономическим ростом и выступали против утопических проектов «нулевого роста» [8. С. 7].

«Зелёное будущее» («*Die Zukunft ist grün*») – политическая программа партии, принятая на партийной конференции в марте 2002 г. в Берлине. В политической программе «Зелёное будущее» отражено решение отказаться от требования о выходе Германии из НАТО. В 1999 г. партия отказалась от отчетливо пацифистской позиции. Эта смена курса выразилась, например, в одобрении войны НАТО против Югославии.

Ключевой тезис политической позиции «зеленых» – долговременное развитие. В политических спорах «зеленые» опираются на понятие «долгосрочное планирование» применительно к защите окружающей среды. Другими словами, «зеленые» выступают за экономное использование природных ресурсов. Отсюда вытекает, например, пристрастие «зеленых» к возобновляемым источникам энергии. В последнее время «зеленые» все большее внимание уделяют проблеме глобального изменения климата, в том числе и в социальном контексте.

«Долгосрочное планирование» пронизывает также и социально-экономическую политику в принятой программе. Партия стремится удовлетворить потребности настоящего поколения, не ущемляя при этом

прав будущих поколений. Из этой позиции вытекает скептическое отношение к мнению, что благосостояние подразумевает непрерывный экономический рост. Долгосрочное планирование является важным понятием также и в позиции относительно проблем здравоохранения.

Несмотря на то что идея долгосрочного планирования носит консервативный характер, в общественной политике «зелёные» придерживаются леволиберальных взглядов. Так, партия выступает за «многокультурное» общество, интеграцию иммигрантов в германское общество, защиту информации о личной жизни, информатизацию общества и другие гражданские права, такие как отказ государства от сбора личных сведений о гражданах, поддержка альтернативных авторских прав – открытое программное обеспечение и Creative Commons.

В области иммиграционной политики «зелёные» требуют для граждан государств, не являющихся членами Европейского союза, прав на участие в муниципальных выборах.

Партия «зелёных» во внешней политике принимает активное участие в вопросах, связанных с защитой мира. Члены партии приняли участие в большом количестве протестных демонстраций, направленных против размещения на территории Германии атомного оружия США. В 1980-х гг. «зелёные» скептически относились к членству Германии в НАТО. Партия изменила свое мнение по этому вопросу в значительной степени под влиянием Й. Фишера, который в 1995 г. был очень обеспокоен расправой в Сребренице. В 1998 г., когда он был министром иностранных дел, Германия приняла участие в войне НАТО против Югославии. «Зелёные» выступают за вступление Турции в Европейский союз.

В ноябре 2014 г. в Гамбурге на очередном партийном съезде были разработаны вопросы стратегии и тактики партии в преддверии парламентских выборов 2017 г., получавшие название программного документа «Зелёный почин 2017».

Выделим два основных вопроса, нашедших отражение в документе в свете ухудшения миграционного кризиса как в самой Германии, так и в других государствах Европейского союза, – это вопросы внешней и миграционной политики.

В вопросах внешней политики среди членов партии «зеленых» получили развитие две противоположные точки зрения. Часть «зеленых» согласна с участием Германии в наземных боевых действиях при наличии мандата ООН, другая выступает за военное вмешательство и без мандата ООН (например, борьба с организацией ИГИЛ в Сирии) [9. С. 84].

В сфере миграционной политики большинством однопартийцев предлагается ужесточить предоставление убежища для «политических беженцев». Еще в сентябре 2014 г. земля Баден-Вюртемберг в бундесрате дала согласие на принятие проекта партий большой коалиции, включая партию «зеленых», ужесточающего правила предоставления убежища политическим беженцам в Германии, объявив балканские страны – Сербию, Македонию и Боснию-Герцеговину – «безопасными государствами» и в то же время

облегчив условия пребывания для уже находящихся в стране беженцев и лиц с временными разрешениями. Это решение привело к ожесточённым внутрипартийным спорам между традиционными левыми и реалистами. В настоящий период времени позиции реалистов пользуются наибольшим влиянием среди членов партии (следует полагать, что данный процесс будет усиливаться в Германии в 2016 г.) в вопросах миграционной политики по отношению к выходцам из государств Ближнего Востока. Это будет находить отражение во внесении инициатив в бундестаг, связанных с дальнейшим ужесточением законодательства в отношении мигрантов.

В этой связи вопросы экологической направленности (например, энергетической политики, связанной с постепенным отказом от использования угольных ТЭЦ), всегда присущие программам партии «зеленых» Германии, отошли на второй план. В преддверии предстоящих выборов в парламент в 2017 г. и в условиях обострения миграционного кризиса в программе партии «зеленых», как и многих других политических сил Германии, все большее внимание будет уделяться вопросам внешней политики и национальной безопасности, миграционной политике государства.

Партия «зеленых» в Германии смогла стать на современном этапе развития экологических партий наиболее ярким примером гражданской организации, выступающей с альтернативной концепцией развития. Ее успех стал возможен после интеграции изначально контркультурного явления в систему германского истеблишмента. После того как «зеленые» завоевали мандаты на всех уровнях власти в ФРГ, они стали одним из основных политических течений Германии, и, более того, многие экологические идеи вошли в программы других партий.

Наряду с деятельностью партии «зеленых» в Германии существует огромное количество природоохранных союзов и общественных организаций. Среди них широко известны национальные экологические организации: BUND (Союз охраны окружающей среды и природы Германии) и NABU (Союз охраны природы Германии). Эти организации оказывают существенное влияние на принятие экологически значимых решений в Германии, так как действуют на высоком научном уровне по всей стране. Истории BUND и NABU сходны: их природоохранная деятельность охватывает множество регионов и земель уже около 20–30 лет; они занимаются самыми разными вопросами – от локальных мероприятий до проблем глобализации и изменения климата [10].

Среди других стран Европы, где «зеленые» играли и продолжают играть значительную роль, следует отметить Австрию, Францию, Латвию и Эстонию.

Партия «зеленые» Австрии. Помимо Германии Европейское «зеленое» движение получило развитие в Австрии. «Зелёные» Австрии традиционно пользуются популярностью в стране. Партия была основана в 1986 г. и носила название «Зелёная альтернатива», что связано с тем, что часть членов партии отошли от более консервативного «Зелёного» союза Австрии. Кроме того, существовал и «Альтернативный список Австрии». В 1986 г. на выборах в парламент партия

набирает 4,82% голосов. Отчасти это объясняется тем, что партии удалось предотвратить постройку в Цвентендорфе АЭС. На выборах 1990, 1994, 1995, 1999, 2002, 2006, 2008, 2013 гг. партия набирала соответственно 4,8; 7,3; 4,8; 7,4; 9,5; 11,0; 10,43 и 11,46%, что свидетельствует о постепенном росте численности сторонников и популярности партии внутри страны. На нынешний день партию возглавляют, в том числе в Европарламенте, Д. Кон-Бендит и Р. Хармс.

Партии «зеленых» Франции. Во Франции «зеленое» движение представлено несколькими партиями. Наиболее многочисленные и влиятельные из них – Партия «зелёных» и «Европа Экология – Зеленые».

Партия «зелёных» входит в Европейскую партию зеленых. Участие экологов в политической жизни Франции началось в 1970-х гг. Активное начало участию экологического движения в политике положило выдвижение кандидатуры эколога Р. Дюмонта на президентских выборах 1974 г. После этого события «зеленые» под разными названиями стали участвовать во всех муниципальных, парламентских и президентских выборах.

Партия «зеленых» Франции внимательно следит за соблюдением экологического законодательства в стране, в том числе при строительстве промышленных предприятий. 4 февраля 2010 г. Партия «зеленых» Франции путем акции протеста выступила против строительства завода российской компании «Уралхим» во французском городе Дьепп (регион Верхняя Нормандия). Отметим, что завод «Уралхим» обещал построить в г. Дьепп современное, экологически чистое химическое предприятие. Проведенное исследование на крупнейших производствах компании в России в городах Воскресенск, Кирово-Чепецк и Бerezники показало, что деятельность компании повсеместно сопряжена с грубейшими нарушениями природоохранного законодательства. По мнению лидеров Партии «зеленых» Франции, такое поведение во Франции невозможно [11].

Друга экологическая партия «Европа Экология – Зеленые» имеет не только свою фракцию в парламенте, но и входит в состав правительства социалистов. Партия имеет представительство на национальном уровне (15 депутатов Национального собрания и 12 сенаторов) и в региональных советах.

В вопросах внутренней политики французская партия «Европа Экология – Зеленые» делает первостепенный акцент в реформировании государства на вопросы экологии. «Зелёные» критикуют бюджетную политику правительства, так как она делает невозможным переход к широкому внедрению возобновляемых источников энергии. Экологи выступают за преодоление неравенства между департаментами в социальной, медицинской и природоохранительной сферах.

Партия выступает за усиление процессов евроинтеграции, реформирование Пятой республики на принципах «партиципативной демократии», предполагающей более широкое использование механизмов самоуправления.

Заметное место в программе партии «Европа Экология – Зеленые» занимают вопросы экологии и охраны окружающей среды: обеспечение права граж-

дан на чистый воздух и качественные продукты питания, увеличение роли экологически ориентированных предприятий и др.

По мнению лидеров французских экологических партий, политическая экология сегодня представляет глобальную альтернативу социал-демократии, этатизму и неолиберализму. «Зелёные» в своей политической доктрине критикуют так называемую продуктивистскую модель общества, основанную исключительно на «экономическом росте» и вере в неограниченные возможности свободного рынка. В качестве альтернативы они предлагают двигаться к такому обществу, которое будет базироваться на принципах воздержанности и солидарности, что, в частности, нашло свое отражение в программном документе партии «Европа Экология – Зеленые»: основанная цель партии – «Построить солидарное общество» [12].

Латвийская «Зеленая» партия – экологическая либеральная правая партия, основанная в 1990 г. Со-председатели – экс-премьер и спикер Сейма, в 2006–2007 гг. Индулис Эмсис, Виестурс Силениекс, Раймондс Вейонис. На 2007 г. в рижской думе не представлена, в Сейме имеет четырех депутатов. Рижским Департаментом среды руководит представитель латвийской «Зеленой» партии Аскольд Клявиньш. В Европарламенте партия не представлена, но состоит в Европейской партии «зеленых».

Партия «зеленых» Эстонии – политическая партия «зеленых». Вальдур Лахтвее, организатор партии, сообщил, что на 1 ноября 2006 г. было завербовано более чем 1 000 членов инициативной группы Партии «зелёных» для регистрации в качестве политической партии по эстонскому законодательству, открывая тем самым двери для принятия участия в парламентских выборах в марте 2007 г.

Движение эстонских «зелёных» было основано Юханом Ааре в мае 1988 г. Эстонская Партия «зелёных» была утверждена 19 августа 1989 г., и соперничающая «Зелёная» партия под руководством Велло Похла – в мае 1990 г. После двух лет разделения в декабре 1991 г. была основана Партия эстонских «зелёных». Только один представитель (Рейн Ярлик) был избран в парламент в сентябре 1992 г.

25 ноября 2006 г. партия провела основное заседание, на котором была ратифицирована программа партии. М. Страндберг заметил, что целью партии было набрать хотя бы 5 мест в Рийгикогу в предстоящих выборах и сформировать парламентское представительство «зелёных». Основными пунктами программы являлись: защита эстонских лесов, моря и других ресурсов, а также продвижение демократии. Экономически партия поддерживает новаторство и консервативную фискальную политику.

На парламентских выборах 2007 г. эстонские «зелёные» получили 39 265 голосов (7,1% от общего числа), вследствие чего заняли шесть мест в Рийгикогу [13], однако на парламентских выборах 2011 г. она набрала 3,8% голосов и не получила ни одного места в парламенте страны.

Партии «зеленых» в государствах Центральной и Восточной Европы. В отличие от государств Западной Европы государства Центральной и Восточной

Европы, вошедшие в число стран Евросоюза относительно недавно (с 2004 г. и позднее), партии «зеленых» не получили своего развития (за исключением Чехии, Венгрии и Польши) [14]. Более весомые позиции в политике государств региона занимают партии консервативной, либеральной и социал-демократической направленности.

Одной из главных причин институциональной и идеологической слабости партий «зеленых» в государствах Центральной и Восточной Европы является отнесение данных партий к группе «левых» политических сил государства наряду с коммунистическими и социал-демократическими партиями, которые в последние два десятилетия не пользуются поддержкой избирателей. Партии «зеленых» исторически формировались на базе общественных движений.

Однако в государствах данного региона экологические движения (как, впрочем, и антивоенные, женские другие движения и организации) не пользовались поддержкой государства и находились в стадии природоохранных организаций, полностью отстраненных от политики. Схожая ситуация наблюдалась и в Советском Союзе, где функционировали исключительно природоохранные организации, созданные на базе ведущих вузов страны – МГУ и ЛГУ.

Идеологические предпочтения «зеленых» Центральной и Восточной Европы также отличаются от идеологии «зеленых» Западной Европы. Экологи Центральной и Восточной Европы не поддерживают идею активного социально ориентированного государства и осуществляют свою работу на местном уровне. «Зеленые» критично оценивают вступление своих стран в различные европейские политические и экономические организации (НАТО, МВФ, Всемирный банк и др.). В то же время не являются сторонниками трансформации международных организаций, включая вопрос роспуска НАТО.

Единственная экологическая партия в государствах Восточной Европы, которая сумела войти в состав парламента на второй срок в 2014 г., – это экологическая партия Венгрии «Политика может быть другой». Причины этого успеха следует связывать с открытостью партии и ее стремлением к переменам, привлечением в свои ряды новых политиков, поддерживаемых общественностью, утрата доверия избирателей к деятельности Социалистической партии. По мнению отдельных политологов, экологическая партия «Политика может быть другой» постепенно может занять место Социалистической партии Венгрии и лидирующее место среди левоцентристской коалиции [15].

Впервые в истории Восточной Европы экологическая партия сумела удержаться в парламенте более одного срока.

В целом политические лозунги и программы партий «зеленых» Центральной и Восточной Европы находятся в стадии своего оформления, а сами партии не представляют пока заметную политическую силу в своих государствах. Однако данная проблема во многом компенсируется деятельностью партий «зеленых» в рамках Европарламента.

Европейская партия «зеленых» была создана в 2004 г. и объединяет представителей крупных партий

«зеленых» государств Европейского союза. До 21 февраля 2004 г. существовали объединения партийной организации, такие как Европейская федерация «зеленых» партий и аналогичные объединения консервативных, социал-демократических и либеральных партий. В программе европейских «зеленых» особое значение занимают такие темы, как атомная энергетика, защита потребителей и обеспечение равноправия женщин. Главными лозунгами европейских «зеленых» являются защита мира, окружающей среды и прав потребителей, социальная справедливость и транспарентность европейских институтов [16]. На сегодняшний день Европейская партия «зеленых» объединяет 35 партий из 31 страны мира. Это одна из наиболее влиятельных политических сил на европейском пространстве [17]. Наибольшее количество представителей от экологических партий в Европарламенте имеют французские экологи (16 представителей).

В мае 2006 г. в состав Европейской партии «зеленых» на правах партии-наблюдателя вошла партия «Зеленая Россия». Такое решение было принято на заседании Совета Европейской партии «зеленых». Российских «зеленых» представлял член оргкомитета и председатель Совета регионов «Зеленой России», председатель петербургского экологического правозащитного центра «Беллона» Александр Никитин. Новый статус Партия «Зеленая Россия» означает высокую оценку и международное признание российских «зеленых», возглавляемых А. Яблоковым [18]. Они рассчитывают в будущем стать полноправными членами ЕПЗ, но уже и сегодня могут принимать активное участие в «Европейском «зеленом» движении», используя все международные возможности. Они станут полноправными участниками международных экологических дискуссий, могут рассчитывать на европейскую информационную поддержку и экспертную программную помощь.

В 2009 г. статус наблюдателя в Европейской партии «зеленых» получили Партия «зеленых» Азербайджана и Белорусская партия «Зеленые». Была достигнута договоренность о проведении совместных мероприятий в области решения проблем в сфере экологии, соблюдении прав человека [19]. Главное преимущество в получении статуса наблюдателя в Европейской партии «зеленых» заключается в том, что появляется возможность обмена опытом, получение экологической информации. Кроме того, представленность Европейской партии «зеленых» в Европарламенте (53 депутата) дает дополнительные возможности установить связи между депутатами стран Европы и государствами постсоветского пространства.

Статус партии-наблюдателя является переходным для партий-кандидатов в Европейскую партию «зеленых». Партии-наблюдатели, согласно уставу Европейской партии «зеленых», имеют возможность через три года стать полноправными членами данной политической партии. С одной стороны, членство в данной партии усиливает позиции национальных экологических партий, с другой – способствует интеграции во всемирную борьбу за «зеленую» общественную альтернативу.

На состоявшихся выборах в Европейский парламент, прошедших 7 июня 2009 г., объединение «зеленых»

«Европа-экология» получило 15% голосов избирателей. По итогам выборов Европейская партия «зеленых» стала третьей партией по численности в Европарламенте, сумевшей увеличить свое представительство [20].

Спустя пять лет на выборах в 2014 г. представительство партии «зеленых» в Европарламенте было увеличено и, несмотря на четвертую и пятую позиции среди других партий, представлена на данный период времени двумя политическими группами – Группа «Зеленые» / «Европейский Свободный альянс» получила 7,32% (55 мест), а «Европейские объединенные левые» / «Зеленые Северных стран» – 5,73% (43 мест) [21]. На данных выборах в своих политических программах партии придерживались в целом евроскептической позиции. Наиболее число депутатов от партий «Зеленых» получили представители Германии, Франции, Великобритании, Австрии и Бельгии.

В 2009 г. партиями «зеленых» Европы была принята программа «Новый “зеленый” курс для Европы», реализуемая по настоящий период времени. В данном документе уделяется внимание не только важности решения в рамках Европейского союза экологических проблем, но и вопросам социальной справедливости и глобализации (например, инвестиции в сферу образования, науки, расширение прав рабочих, демократия и права человека, иммиграция и т.д.). Остановимся на некоторых положениях программы Европейской партии «зеленых».

Новый «зеленый» курс для Европы подразумевает объединенную Европу, которая может гарантировать своим гражданам хорошее качество воды, основываясь на экономической, социальной и экологической стабильности; действительно демократическую Европу, которая ставит на первое место интересы своих граждан, а не интересы небольшой группы предпринимателей; Европу, которая работает над своим «зеленым» будущим [22]. В числе наиболее значимых вопросов, обозначенных Европейской партией «зеленых», отметим следующие положения:

– *Действительная альтернатива для Европы – обеспечение энергетического и экологического будущего.* Необходимо полностью изменить свое отношение к ресурсам, чтобы отойти от сегодняшней чрезмерной эксплуатации и разрушения экологии. Сегодняшний курс не просто не соответствует принципам устойчивого развития, но и угрожает климату, экосистемам и биологическому разнообразию нашей планеты.

– *Борьба с климатическими изменениями – это выигрышный из экономических и экологических соображений процесс.* Объединение честолюбивых и обязывающих целей, премиальное поощрение и государственные инвестиции в развитие «зеленых» технологий и «зеленого» сервиса помогут создать миллионы «зеленых» рабочих мест (рабочие места в экологическом секторе экономики) в Европе и десятки миллионов рабочих мест по всему миру, которые так важны во времена снижения темпов развития экономики. ЕС должен поставить себе целью создать пять миллионов рабочих мест в течение следующих пяти лет.

– *Источники возобновляемой энергии должны стать основным пунктом в европейской политике в области энергетики на XXI столетие.* «Зеленые» вы-

ступают за создание Европейского сообщества по вопросам возобновляемых энергоносителей для того, чтобы поддерживать работу над достижением цели 100%-го перехода на использование энергии от возобновляемых источников. Повышение спроса на возобновляемые энергоносители потребует новых подходов к энергообеспечению. Необходимо будет обеспечить честное распределение ответственности за производство и раздел энергии, создание общей энергосети, а также более разумное использование энергии.

– *Ядерная энергетика не может рассматриваться как вариант решения проблем изменения климата.* Большие инвестиции этой бесперспективной технологии не смогут способствовать сокращению выбросов, которое так необходимо сегодня, а только урежут финансирование производства экологической энергии. Источники урана могут исчерпаться, а кроме того, ЕС очень сильно зависит от импорта урана из нестабильных стран. Следовательно, на атомную энергетику нельзя рассчитывать в вопросах длительного обеспечения энергобезопасности. Кроме того, сохраняется риск от использования атомной энергии. Это касается разработки и производства топлива, а также утилизации ядерных отходов. Это еще и возможность террористических атак и продажа ядерного оружия странам с сомнительными режимами.

– *ЕС должен активно работать, чтобы создать гармонично развивающуюся транспортную систему.* Для того чтобы обеспечить учет природоохранных затрат, важно прекратить прямое и косвенное финансирование таких экономически невыгодных и загрязняющих экологию видов транспорта, как авиация и дорожный транспорт. Взамен финансировать строительство железных дорог. Необходимо поощрять использование доступного общественного транспорта, велосипедов и пешие прогулки.

– *«Зеленые» хотят, чтобы Европа обеспечила своим гражданам доступ к здоровой пище по доступным ценам* вместо ограниченного выбора, предлагаемого пищевой промышленностью. Сельское хозяйство, рыбная промышленность и пищевая политика должны стимулировать обоюдную ответственность фермеров, рыбаков, властей и потребителей.

– *Здоровая Европа – богатая Европа.* Граждане ЕС беспокоятся о чистоте воздуха, которым дышат, качестве воды и еды. Загрязнение окружающей среды ставит здоровье людей под угрозу, что, в свою очередь, негативно сказывается как на благополучии всего общества, так и на экономике. ЕС должен делать больше для защиты здоровья людей от опасностей, переносимых по воздуху или содержащихся в воде, вызванных шумом, токсическими веществами или распространением инфекций. Европейский союз должен работать над сохранением биоразнообразия на своей территории и за своими пределами.

Итак, экологическое движение в европейских странах прошло сложный и длительный путь развития, начиная от появления в 1960-х гг. первых экологических организаций, а в 1980-х гг. – экологических партий на уровне отдельных регионов и стран, заканчивая формированием общеевропейской ве-

дущей политической силы – Европейской партии «зеленых».

Позиционируя себя как значимую политическую силу в решении проблем охраны окружающей среды в странах Европы, в то же время «зеленые» не всегда уделяют вопросам экологии достаточного внимания. Это находит выражение в недостаточной проработке экологических проблем и путях их решения в программных документах экологов, идеологическом разнообразии и размытости взглядов экологов в разных странах Европы. Данный подход значительным образом снижает важность экологических организаций и политических партий в вопросах решения весьма сложных и долговременных задач охраны окружающей среды. Кроме того, данная позиция лидеров партий «зеленых» во многом позволяет оценивать их работу

как деятельность, имеющую конъюнктурный характер, направленную на привлечение внимания общественности и СМИ в периоды обострения экологических проблем или во время избирательных кампаний.

Необходимо отметить и изменение приоритетов в деятельности самих партий «зеленых» с осени 2014 г. и перенесении акцентов с социальных проблем (здравоохранение, образование, экология и рациональное природопользование и др.) на вопросы внешней и тесно связанной с ней миграционной политики, что находит наибольшее проявление в деятельности партии «зеленых» Германии. Подобная ситуация еще больше осложняет экологическое сотрудничество экологов государств Европы и, вместе с тем, затрудняет решение экологических проблем постиндустриального общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rudig W. Peace and ecology movements in Western Europe // West Europe politics. L., 1988. Vol. 11. P. 26–39.
2. Букия Р.Д., Костин А.И. Особенности эволюции экологического движения на Западе и проблема его категориального осмысления // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 6. С. 51–65.
3. Костин А.И. Экополитика и модели развития (адаптация в эру риска) // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 4. С. 51–61.
4. Майер Ю. «Зеленые» в европейском ландшафте // Международная жизнь. 1990. № 10. С. 29–38.
5. Bündnis 90 / Die Grünen. URL: <http://www.gruene.de/startseite.html> (дата обращения: 15.09.2016).
6. «Зеленые» Германии: вчера и сегодня. URL: <http://www.bellona.ru> (дата обращения: 15.09.2016).
7. Erläuterung des neuen Verfahrens der Umrechnung von Wählerstimmen in Bundestagssitze. Aktuelle Mitteilung des Bundeswahlleiters vom. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de> (дата обращения: 15.09.2016).
8. Ряботажев Н.В., Романов Б.С. В поисках альтернативной модели развития. «Зеленые» в современном мире // Свободная мысль. 2003. № 7. С. 4–18.
9. Роль малых партий в партийно-политической системе Германии / под ред. В.Б. Белова, Е.П. Тимошенко. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. 136 с.
10. Экологическое движение Германии. URL: <http://www.ecoport.org.ua> (дата обращения: 15.09.2016).
11. «Зеленые» выступили против строительства завода компании «Уралхим» во Франции. URL: <http://www.investorkirov.ru/news> (дата обращения: 15.09.2016).
12. Романов Б. «Зелёные» Франции – за солидарное общество! URL: <http://left.by/archives/6392> (дата обращения: 15.09.2016).
13. Партия «зеленых» вошла в парламент Эстонии. URL: http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_49612/ (дата обращения: 15.09.2016).
14. Марч Л. Что осталось от левых в Центральной и Восточной Европе? URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2260#top-content (дата обращения: 15.09.2016).
15. Новиков О. Партия не одного политического сезона. URL: <http://left.by/archives/1587> (дата обращения: 15.09.2016).
16. Создана Европейская партия «зеленых». URL: <http://bdg.by/news.htm?56938.109> (дата обращения: 25.01.2016).
17. «Зеленые» Европы осудили идею проведения Олимпийских игр в Сочинском национальном парке. URL: <http://www.ewnc.org/node/382> (дата обращения: 15.09.2016).
18. «Зеленая» Россия» стала членом Европейской партии «зеленых». URL: <http://www.yavlinsky.ru/news/print.phtml?id=2876> (дата обращения: 15.09.2016).
19. Партии «зеленых» Азербайджана и Белоруссии получили статус наблюдателей в ЕПЗ. URL: http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_126420 (дата обращения: 15.09.2016).
20. «Зеленые» увеличили свое представительство в Европарламенте. URL: <http://www.bellona.ru/news> (дата обращения: 15.09.2016).
21. Перевозчиков В. Основные итоги выборов в Европейский парламент // Журнал о выборах. 2014. № 4. С. 36–47.
22. Объединенные партии «зеленых» Европы. Новый «зеленый» курс для Европы. URL: <http://www.greenparty.org.ua/ua/Monifest.html> (дата обращения: 15.09.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

INSTITUTIONALIZATION OF ENVIRONMENTAL MOVEMENTS IN EUROPE: FROM THE EMERGENCE OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS TO POLITICAL PARTIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 129–137.

DOI: 10.17223/15617793/413/20

Elena V. Matveeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mev.matveeva@yandex.ru

Keywords: environmental movement; environmental parties in Europe; the ideology of the program.

The aim of the study was to determine the characteristics of the development of environmental movements in Europe from the moment they emerged as social organizations to their transformation into modern environmental parties. The research is based on the following types of sources: the official websites of “green” parties, statistical data reflecting the results of parliamentary elections, the works of Russian and foreign researchers involved in the analysis of the peculiarities, the ideological component and program approaches of environmental organizations and political parties. The article presents the stages of the formation and development of the environmental movement in the European states. In the 1960s, the environmental movement was heterogeneous and amorphous, its main activity was protests. Since the 1980s, there have been changes in the organizational structure and areas of activities of environmentalists. Environmental organizations became politicized, they started conversion processes of environmental non-

governmental organizations to social and political structures, which finds its expression in the emergence of environmental parties. One can observe the ideological fragmentation of organizations. Currently, environmentalists hold different views (eco-conservatism, eco-reformism, etc.), which eventually weakens the position of environmentalists relatively to other political parties. In 2004, the European “Green” Party – the union of the environmental parties of the European countries – obtains representation in the European Parliament. The main provisions of the European program of the “Green” Party are presented in the “New “Green” course for Europe”. The undisputed leader of the European Movement is the “Green” Party of Germany. In its policy documents (“Green Future”, “Green Initiative 2017”), the “Green” Party of Germany draws attention to the problem of long-term development in terms of environmental issues, in particular, to such a question as the economical use of natural resources and transition to renewable sources of energy. At the same time the German environmentalists practically revised their priorities in 2014, displacing social policy issues (environment, education, health) with the importance of solving international problems of migration and resolution of the crisis that has engulfed Europe. Such changes in the programs and division of environmental movements along the ideological axis have a generally negative prospect for further development of the environmental movement in Europe. Positioning itself as a significant political force in the solution of environmental problems in recent years the “Green” have not always paid sufficient attention to environmental issues. This approach reduces the importance of environmental organizations and political parties as political actors and gives their activities a conjectural character directed at times to attract the public’s attention during periods of acute environmental problems or during election campaigns.

REFERENCES

1. Rudig, W. (1988) Peace and ecology movements in Western Europe. *West European Politics*. 11. pp. 26–39.
2. Bukiya, R.D. & Kostin, A.I. (1998) Osobennosti evolyutsii ekologicheskogo dvizheniya na Zapade i problema ego kategorial'nogo osmysleniya [Features of the evolution of the environmental movement in the West and the problem of its categorical understanding]. *Vestnik MGU. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 6. pp. 51–65.
3. Kostin, A.I. (1992) Ekopolitika i modeli razvitiya (adaptatsiya v eru riska) [Environmental policy and development models (adaptation in the era of risk)]. *Vestnik MGU. Ser. 12. Sotsial'no-politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 51–61.
4. Mayer, Yu. (1990) “Zelenye” v evropeyskom landshafte [The “Green” in the European landscape]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 10. pp. 29–38.
5. Die Grünen. (n.d.) *Bündnis 90* [Alliance 90]. [Online] Available from: <http://www.gruene.de/startseite.html>. (Accessed: 15th September 2016).
6. Bellona.ru. (n.d.) “Zelenye” Germanii: vchera i segodnya [The “Green” of Germany: yesterday and today]. [Online] Available from: <http://www.bellona.ru>. (Accessed: 15th September 2016).
7. Bundeswahlleiter.de. (n.d.) *Erläuterung des neuen Verfahrens der Umrechnung von Wählerstimmen in Bundestagssitze. Aktuelle Mitteilung des Bundeswahlleiters vom* [Explanation of the new procedure for the conversion of voting voters to Bundestag seats. Current announcement of the Federal Election]. [Online] Available from: <https://www.bundeswahlleiter.de>. (Accessed: 15th September 2016).
8. Ryabotazhev, N.V. & Romanov, B.S. (2003) V poiskakh al'ternativnoy modeli razvitiya. “Zelenye” v sovremennoy mire [In search of an alternative development model. The “Green” in the modern world]. *Svobodnaya mysl'*. 7. pp. 4–18.
9. Belov, V.P. & Timoshenkova, E.P. (eds) (2015) *Rol' mal'nykh partiy v partiynno-politicheskoy sisteme Germanii* [The role of small parties in the party political system in Germany]. Moscow: Institute of Europe RAS.
10. Ecoportal.org.ua. (n.d.) *Ekologicheskoe dvizhenie Germanii* [Ecological Movement of Germany]. [Online] Available from: <http://www.ecoportal.org.ua>. (Accessed: 15th September 2016).
11. InvestorKirov.ru. (n.d.) “Zelenye” vystupili protiv stroitel'stva zavoda kompanii “Uralkhim” vo Frantsii [The “Green” opposed the construction of the plant of the company Uralkhim in France]. [Online] Available from: <http://www.investorkirov.ru/news>. (Accessed: 15th September 2016).
12. Romanov, B. (2015) “Zelenye” Frantsii – za solidarnoe obshchestvo! [The “Green” in France for a united society!]. [Online] Available from: <http://left.by/archives/6392>. (Accessed: 15th September 2016).
13. Qwas.ru. (2007) Partiya “zelenykh” voshla v parlament Estonii [The Green Party joined the Estonian Parliament]. [Online] Available from: http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_49612/. (Accessed: 15th September 2016).
14. March, L. (2013) *Chto ostalos' ot levyykh v Tsentral'noy i Vostochnoy Evrope?* [What is left of the Left in Central and Eastern Europe?]. [Online] Available from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2260#top-content. (Accessed: 15th September 2016).
15. Novikov, O. (2014) *Partiya ne odnogo politicheskogo sezona* [The party of more than one political season]. [Online] Available from: <http://left.by/archives/1587>. (Accessed: 15th September 2016).
16. Bdg.by. (n.d.) *Sozdana Evropeyskaya partiya “zelenykh”* [The European Green Party established]. [Online] Available from: <http://bdg.by/news.htm?56938.109>. (Accessed: 25th January 2016).
17. Ewnc.org. (n.d.) “Zelenye” Evropy osudili ideyu provedeniya Olimpiyskikh igr v Sochinskom natsional'nom parke [The “Green” in Europe condemned the idea of holding the Olympics in the Sochi National Park]. [Online] Available from: <http://www.ewnc.org/node/382>. (Accessed: 15th September 2016).
18. Yavlinsky.ru. (n.d.) “Zelenaya” Rossiya” stala chlenom Evropeyskoy partii “zelenykh” [The Green Russia became a member of the European Green Party]. [Online] Available from: <http://www.yavlinsky.ru/news/print.phtml?id=2876>. (Accessed: 15th September 2016).
19. Qwas.ru. (2008) *“Zelenykh” Azerbaydzhan i Belorussii poluchili status nablyudateley v EPZ* [The Green Party of Azerbaijan and Belarus received the observer status in the European Green Party]. [Online] Available from: http://www.qwas.ru/ukraine/greenparty/id_126420. (Accessed: 15th September 2016).
20. Bellona.ru. (n.d.) “Zelenye” uvelichili svoe predstavitel'stvo v Evroparlamente [The Green increased their representation in the European Parliament]. [Online] Available from: <http://www.bellona.ru/news>. (Accessed: 15th September 2016).
21. Perevozchikov, V. (2014) Osnovnye itogi vyborov v Evropeyskiy parlament [Main results of the elections to the European Parliament]. *Zhurnal o vyborakh*. 4. pp. 36–47.
22. Greenparty.org.ua. (n.d.) *Ob'edinennyye partii “zelenykh” Evropy. Novyy “zelenyy” kurs dlya Evropy* [United Parties of the “Green” in Europe. The new “Green” course for Europe]. [Online] Available from: <http://www.greenparty.org.ua/ua/Monifest.html>. (Accessed: 15th September 2016).

Received: 13 November 2016

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПОЛЬШИ И ЯПОНИИ ПРОТИВ СССР (1931–1935)

Рассматривается тайное военно-политическое сотрудничество Польши и Японии против СССР в течение 1931–1935 гг. Оно осуществлялось в течение трех этапов: первый начался осенью 1931 г., когда было подписано соглашение между японским Генштабом и Главным штабом Войска Польского; второй – летом 1934 г., когда Пилсудскому было доставлено письмо от бывшего военного министра С. Араки; третий охватил зиму 1934 г. – весну 1935 г., когда произошло некоторое дистанцирование между польскими и японскими военными.

Ключевые слова: Польша; Япония; СССР; Пилсудский; военно-политическое сотрудничество; 1931–1935 гг.; польско-японское соглашение генеральных штабов 1931 г.

Победа над царской Россией принесла японцам симпатию поляков, делящуюся по сегодняшний день.

Веб-сайт Посольства Республики Польша в Токио [1. С. 3]

«Архивная революция» 1990-х гг. открыла для отечественных и зарубежных исследователей множество новых научных направлений. Центр хранения историко-документальных коллекций, влившийся позднее в Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории и другие архивы, предоставил в распоряжение историков разных стран множество источников, о которых раньше можно было только мечтать. Одним из них стал так называемый личный архив И.В. Сталина, документы которого, среди прочего, пролили свет на проблему тайного польско-японского военно-политического сотрудничества против СССР в 1933–1935 гг.

До недавнего времени постановка этой проблемы могла показаться трудновообразимой. В одном из авторитетных исследований советской эпохи Япония выступала с 1931 г. в качестве первого из очагов войны, но ее принято было связывать с нацистской Германией. В этом же уважаемом издании Польша фигурировала рядом с Германией и Японией в 1933 г. лишь в качестве намека: «между Германией и Японией имеется определенная договоренность о подготовке совместных действий, в которых, возможно, примет участие еще одна европейская держава» [2. С. 425–444, 479, 587–591]. В отечественных академических изданиях по польской истории японский аспект в 1930-е гг. присутствовал лишь в связи с сочувственным отношением польского правительства к заключению Антикоминтерновского пакта в 1936 г. [3. С. 291]. Только в конце 1990–2000-х гг. японский аспект во внешней политике Польши появился и обосновался в исследованиях отечественных историков [4. С. 151; 5. С. 199–208; 6. С. 52–72].

В польской историографии Япония во внешней политике так называемой Второй Речи Посполитой¹ в качестве темы исследования начала присутствовать в начале 1980-х гг. сначала одновременно с китайской тематикой в статье М. Новак-Келбиковой, а затем самостоятельно в кратком очерке К. Ватанабе [7. С. 241–253; 8. С. 27–35]. В течение 1990-х – начале 2000-х гг. японское направление в польской внешней политике межвоенного периода нашло отражение в ряде работ Э. Палаш-Рутковской, наиболее основа-

тельная из которых «История польско-японских отношений 1904–1945» вышла в соавторстве с А.Т. Ромер. Однако интересующее нас военно-политическое сотрудничество там присутствовало лишь эпизодически² [9; 10. С. 3–18; 11; 12]. В качестве одного из редчайших исключений, подтверждающих, что японское направление все-таки имело отношение к некоторым из комбинаций главного архитектора польской внешней политики первой половины 1930-х гг. Ю. Пилсудского, удалось отыскать в работе одного из наиболее авторитетных историков времен народной Польши М. Войчеховского «Польско-германские отношения. 1933–1938». В одном из донесений американского посла в Москве У. Буллита, датированном июлем 1934 г., он обнаружил запись, что Пилсудский не спешил присоединиться к Восточному пакту, так как выжидал начало японо-советской войны и хотел сохранить на востоке свободу рук: «Маршал все еще вдохновлен воздвижением амбиций и мечтой восстановить былое величие Польши» [13. С. 163; 14. Р. 504].

Это документальное свидетельство, чуть ли не единственное в польской историографии, представляется нам необычайно значимым, так как позволяет выстроить звенья очень важной научной проблемы – тайного польско-японского военно-политического сотрудничества против СССР в течение 1931–1935 гг., которую тщательно обходят молчанием современные польские историки³. Скорее всего, делают это сознательно, так как иногда их недомолвки свидетельствуют косвенным путем о том, что эта проблема им не в новинку и они в отношении ее не равнодушны. В частности, молодой польский историк Павел Лыжинский в своей статье «Польско-японские отношения в 1919–1939 гг.» обронил фразу: «С Японией Польшу связывал лишь общий враг, которым был СССР, и в этой сфере сотрудничество происходило значительно лучше, чем на политической ниве» [16. С. 9]. Наверное, пришло время об этом сотрудничестве рассказать подробнее, так как появились архивные первоисточники, ведущую роль среди которых играют документы советской разведки из «личного архива И.В. Сталина». В данной статье они будут вводиться по степени необходимости по мере развития темы.

В центре польско-японского сотрудничества так или иначе постоянно присутствовала Россия. Одним из первых поляков, оказавшихся ближе остальных к Японии, был старший брат Пилсудского Бронислав, осужденный в 1887 г. за неудачное покушение на Александра III и сосланный на Сахалин⁴. Одним из первых японцев на польских землях в феврале 1892 г. побывал майор Я. Фукушима, совершивший за 488 дней путешествие верхом из Берлина во Владивосток и использовавший его для сбора информации о будущем противнике. Офицеры японской разведки также активно завязывали контакты среди польских революционеров – в марте 1904 г. М. Акаши встретился в Кракове с лидером партии национальных демократов (эндеков) и политическим противником Пилсудского Р. Дмовским. В этот же период Польская социалистическая партия (ППС), лидером которой являлся Ю. Пилсудский, установила контакты с японским посольством в Лондоне. В результате оба польских революционера посетили Японию – Дмовский в мае, а Пилсудский в июле того же года. Последний, среди прочего, просил о поддержке движения за восстановление независимости Польши, предлагая взамен проведение диверсионных актов против российской армии, в частности, подрыв участка транссибирской магистрали. В отличие от Пилсудского, Дмовский считал, что вооруженное выступление против России не принесло бы пользы Польше⁵. Так или иначе, японское правительство не заинтересовалось тогда предложениями Пилсудского, ограничившись, как и ранее, сотрудничеством по линии разведки [1. С. 2].

После начала Первой мировой войны Пилсудский со своими легионами оказался в противоположном Японии лагере, но у обеих сторон сохранялся взаимный интерес. В июне 1916 г. в Варшаве обосновался неофициальный представитель японского Генерального штаба М. Ямаваки. В ноябре 1918 г. Польша обрела независимость, 22 марта 1919 г. официальный Токио признал правительство И. Падеревского, а в 1921 г. Ямаваки обрел должность военного атташе. Польско-японское сотрудничество, как указывалось выше (см. прим. 2), носило в этот период эпизодический характер, но, как и раньше, оно так или иначе было направлено против России. Например, в период Польско-советской войны в течение 1919–1920 гг. поручик А. Мазараки из японской военной миссии информировал польское военное руководство о событиях в Сибири и на Дальнем Востоке. А в марте 1928 г. по инициативе маршала Пилсудского польский военный атташе в Японии Вацлав Енджеевич в качестве жеста доброй воли награждал наиболее видных японских офицеров – участников Русско-японской войны [1. С. 2–3; 12].

Прежде чем перейти к рассмотрению польско-японского сотрудничества в 1930-е гг., следует напомнить, что заветной целью маршала Пилсудского, его потаенной мечтой, было восстановление «былого величия Польши» или построение так называемой Великой Польши. Ее ядро должна была составить Польша в границах 1772 г., т.е. включавшая Белоруссию, Украину и Литву, вокруг которого предстояло сформироваться федерации в составе прибалтийских

государств, Финляндии, закавказских и северокавказских народов, а Россия должна была откатиться за Урал [18. С. 139–158].

После Локарнской конференции, когда маршал понял, что западные державы делают основную ставку на Германию, не рассматривают Польшу в качестве равного партнера, не склонны учитывать ее в своих комбинациях, а наоборот, готовы принести ее интересы в жертву своим корыстным расчетам, он в мае 1926 г. произвел военный переворот, захватив позиции, позволяющие единолично определять внешнюю политику Польши. Он рассчитывал сыграть собственную игру, где место, возможно, нашлось бы и для польско-японского пасьянса.

Многолетний опыт маршала свидетельствовал, что очень важно уметь дождаться нужного, благоприятного момента. В декабре 1931 г., когда Ю. Бек, тогда еще не министр, перечислил Пилсудскому (по просьбе последнего) четыре основных направления в польской внешней политике – Гданьск, Литву, проблему нацменьшинств и Тешенскую Силезию (восточное направление и Япония там еще не фигурировали). Однако уже через год маршал произнес фразу: «Наступают времена, когда нарушается существующая структура международной жизни, которая существовала в течение предшествующих 10 лет. Формы, к которым мир привык, рушатся» [19. С. 42; 20. Р. 9; 21. С. 327].

После того как Франция в декабре 1932 г. присоединилась к так называемому пакту пяти держав, позволявшему Германии, среди прочего, иметь равные с европейскими державами вооружения, маршал принял прогерманский курс, а после обнародования в марте 1933 г. проекта «пакта четырех» в течение двух месяцев заставил нового германского канцлера А. Гитлера приступить к политическому сближению с Польшей. После подписания 26 января 1934 г. «Декларации о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией» и уже имея советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 г., польский МИД объявил о проведении так называемой политики равноудаленности. Однако за ее внешним фасадом скрывалось тайное польско-германское военное сотрудничество. Теперь можно было уделить внимание и польско-японскому «пасьянсу» [6. С. 131–237].

Япония к этому моменту, как было указано выше, захватив в сентябре 1931 г. Маньчжурию, создала очаг войны на Дальнем Востоке и, видимо, ограничиваться этим не собиралась, так как в марте 1933 г. заявила о выходе из Лиги наций. Ее дальневосточная политика начинала приобретать ярко выраженный антисоветский характер, так как резко возросло число провокаций, в том числе вооруженных. Западные дипломаты не преминули отметить произошедшие перемены. Американский посол в Берлине У. Додд 10 декабря записал: «Согласно сведениям из некоторых дипломатических источников, Япония собирается в апреле или мае будущего года напасть на Владивосток». Дальше – больше; 21 декабря его поразили серьезная озабоченность министра Нейрата угрозой войны на Дальнем Востоке и его небывалый интерес к Советской России. Обращает на себя внимание и

комментарий германского дипломата, что «в случае войны и, следовательно, вторжения Японии в Россию там неизбежно начнется хаос» [22. С. 108–109].

К этому времени определенная роль в японском паcьянсе была уже зарезервирована за польскими вооруженными силами. Иностранный отдел ОГПУ еще 19 марта 1932 г. проинформировал И.В. Сталина со ссылкой на источник во французском генштабе, что осенью 1931 г. Варшаву посетили два японских офицера, в результате чего было подписано письменное соглашение между японским Генеральным штабом и Главным штабом Войска Польского. В соответствии с ним «Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться на территории СССР». В другом документе – донесении американского посла в Токио Д. Грю в Государственный департамент США от 14 сентября 1933 г., высказывалась твердая уверенность, что до конца 1934 г. начнется конфликт Японии с Россией, которому «может помешать только чудо» [23. Л. 65, 131]. Таким образом, можно предположить, что к концу 1933 г. – началу 1934 г. сложились как субъективные, так и объективные условия для польско-японского сотрудничества.

В качестве некоего предварительного пролога к нему можно рассматривать речь председателя иностранной комиссии сейма князя Я. Радзивилла, произнесенную им на банкете, устроенном редакцией консервативной газеты «Час» 20 февраля 1934 г. Он, в частности, заявил, что «на пользу Польши пошли изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии». Особенно привлекало внимание следующее его высказывание: «Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, результаты которой сегодня трудно предвидеть». 22 февраля 1934 г. Радзивилл прибыл в Вильно, где встретился с политическим активом из числа местной администрации и польской аристократии и обрисовал новые политические перспективы на востоке в связи с приближавшейся ратификацией декларации от 26 января.

Князь Радзивилл был представителем древнего аристократического рода и одним из авторитетнейших людей в польском руководстве, так как представлял интересы 100 богатейших семейств Польши, имевших немалое влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны. Его слова о возросшей угрозе России со стороны Японии, из которой Польша может извлечь выгоду, произнесенные в кругу консерваторов-радикалов «Часа», стали свидетельством существенной корректировки приоритетов польской внешней политики. Если Бек в декабре 1931 г. перечислил 4 основных направления (Гданьск, Литву, проблему нацменьшинств и Тешенскую Силезию), то речь Радзивилла свидетельствовала о том, что польские правящие круги решили сделать ставку на восточное направление. Его последующая поездка в Вильно продемонстрировала намерение пилсудчиков присовокупить решение литовской проблемы к своим «восточным планам» [6. С. 199; 24. Д-19. 1-а].

Для маршала, заставившего к тому моменту Гитлера учитывать Польшу в своих планах завоевания

жизненного пространства на Востоке, были достаточные основания полагать, что столь желанный час грядущего раздела России приближается. Во всяком случае, сторонние наблюдатели эту возможность не исключали. 16 марта 1934 г. лондонское агентство «Уик» заявило о тайных намерениях Берлина и Варшавы в рамках так называемого плана Розенберга⁶. Агентство указывало, что за последние две недели все эти предположения получили новую пищу, так как Япония внезапно выступила с угрозами в отношении СССР. В заключение оно обратило внимание на открытую поддержку Японии британскими кругами, которые отправили делегацию британских промышленников в Манчжоу Го и опубликовали ряд статей в «Таймс» [24. Д. 3–1].

Тем временем советская разведка продолжала информировать высшее советское руководство. 8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Кайо, доставивший маршалу личное послание бывшего военного министра С. Араки, который сообщил, что нападение на СССР можно осуществить в любой момент, используя в качестве вероятного повода КВЖД. Араки далее сообщал, «что японцы медлят начинать войну только по причине состояния японской авиации. Для ее усиления Японии нужно подождать с войной до марта – апреля 1935 г. Но если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» [25. С. 827–828; 26. Л. 80–86].

27 июля 1934 г. между Пилсудским и Гитлером было заключено «джентельменское соглашение», первый пункт которого обязал Польшу и Германию «не примыкать к Восточному пакту без предварительного взаимного согласования этого вопроса». В случае же если бы он был заключен без участия Польши и Германии, они принимали на себя обязательство заключить оборонительный военный союз против СССР и Франции. В случае заключения франко-советского военного союза или в случае франко-советского военного сотрудничества Берлин и Варшава должны были заключить с Токио военно-оборонительные союзы. Предполагалось также, что в октябре в Берлин должна была приехать японская военная миссия во главе с генералом Нагата или кем-либо другим для пересмотра польско-японского военного соглашения 1931 г. и для заключения нового соглашения применительно к польско-германскому соглашению [26. Л. 80–86].

В течение лета 1934 г. в европейской прессе продолжали появляться публикации касательно германо-японо-польских планов напасть на Советский Союз. В частности, секретарь польского посольства в Лондоне Л. Орловский информировал в августе 1934 г. варшавский МИД, что различные британские издания, начиная с февраля, пишут о польско-германских намерениях напасть на СССР совместно с Японией. Он сообщал, что 22 августа 1934 г. еженедельник «Уик» и 25 августа издание «Нью стэйтсмен энд

нэйшн» разместили материал о возможном нападении Японии на дальневосточную, а Германии с Польшей – на европейскую часть Советской России. Германии якобы ставилась задача захватить Ленинград, а затем двигаться на Москву. Польше предстояло нанести удар в двух направлениях – на Москву и на Украину [27. Кадр 78–79; 28. С. 201].

10 августа 1934 г. польское и германское правительства дали словесные заверения японским дипломатам в Варшаве и Берлине в том, что они не подпишут Восточный пакт. В сентябре 1934 г. в Варшаву прибыла японская военная миссия во главе с начальником авиационной школы генералом Харута. Примерно в это же время Сталину доставили информацию о переговорах, которые вели между собой Берлин, Варшава и Токио. Пилсудский, опасаясь усиления позиций СССР в Европе, считал своей задачей припугнуть Париж возможностью войны на Дальнем Востоке и «показать ему, что СССР Франции не союзник». В этом контексте всячески приветствовалось провоцирование Японией конфликтов на советской дальневосточной границе и создание напряженности в этом регионе. Это должно было, по мысли маршала, убедить французов в невыгодности сближения с русскими. Глава польского МИД Ю. Бек и начальник Главного штаба Я. Гонсиоровский договаривались об этом с японским посланником и военным атташе полковником Ямаваки, который также часто встречался с Пилсудским в его резиденции под Вильно. Для обсуждения военной стороны сотрудничества предусматривалось провести в октябре 1934 г. в Берлине переговоры с участием генералов Нагата и Гонсиоровского. Польская столица, как место проведения переговоров, была отклонена маршалом по конспиративным соображениям: «В Варшаве слишком много франкофилов, через которых Москва скоро пронюхает в чем дело» [26. Л. 81; 28. С. 202].

Прояпонский курс Пилсудского и его ближайшего окружения на войну незамедлительно принял на вооружение польский истеблишмент. 18 октября 1934 г. Сталин узнал о том, что мнение о неизбежности войны между Японией и СССР прочно утвердилось в официальных кругах Варшавы. Именно с расчетом на нее пилсудчики планировали свой внешнеполитический курс, координируя его с гитлеровцами. Между Пилсудским и Гитлером обозначилось сближение по таким вопросам, как поддержка аншлюса Австрии, присоединение части территории Чехословакии под предлогом объединения немцев и главное – по отношению к Советскому Союзу. Советская разведка не дремала: «В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнения на Дальнем Востоке» [26. Л. 111–117; 28. С. 202–203].

К осени 1934 г. набрало солидный темп польско-японское военно-техническое сотрудничество. 11 ноября советник полпредства в Варшаве Б. Подольский писал замнаркому Б.С. Стомонякову, что «польская военная и металлургическая промышленность имеет японские заказы», а японский Генштаб осуществляет широкое наблюдение за Советским Союзом из Прибалтики и Польши. Во многом благодаря активности

польского торгового атташе в Токио Травинского Польша подрядилась изготовить для Японии 100 тыс. винтовок, а также продала ей лицензию на производство истребителя П-7. Польские предприятия выполняли военные заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины [24. Д. 3–1; 25. С. 828–829]. Сторонники Пилсудского прилагали усилия для того, чтобы расширить фронт государств антимосковской коалиции. В начале марта 1935 г. начальник Главного штаба Войска Польского Я. Гонсиоровский совершил поездку в страны Прибалтики и Финляндию. 6 марта близкая к финскому правительству газета «Гельсингин саномат» заявила о важном политическом значении этого визита. «Турун саномат» прямо поставила вопрос о необходимости польско-финляндского сближения на антисоветской почве. Она высоко оценила польско-германскую дружбу, способствовавшую сближению Финляндии с Польшей: «Выполненная в Польше созидательная работа укрепила положение всех тех новых государств, которые на юге от Финского залива вплоть до границ Румынии находятся в одинаковом с Финляндией положении» [28. С. 205; 29. С. 51–52].

К концу марта 1935 г. угроза развязывания военных действий против Советского Союза возросла столь значительно, что в Москве посчитали необходимым устранить возможный предлог, который могли бы использовать японские милитаристы для развязывания конфликта. 23 марта 1935 г. с японским правительством было подписано соглашение о выкупе Китайско-Восточной железной дороги [2. С. 590].

Односторонний отказ Германии от статей Версальского договора и введение всеобщей воинской обязанности, предпринятые во второй декаде марта 1935 г., позволили довести численность германского рейхсвера до 550 тысяч и значительно приподняли настроение многим японским политикам. Председатель верхней палаты парламента принц Ф. Коноэ и бывший министр иностранных дел, депутат верхней палаты К. Иосидзава не могли скрыть радости по поводу ожидаемых осложнений в Европе. А глава внешнеполитического ведомства К. Хирота подчеркнул в беседе полпреду К. Юреневу, что в Европе «становится шумно и беспокойно» [30. С. 193–194, 201].

Тамошними милитаристами был разработан так называемый план «Оцу», утвержденный начальником генерального штаба, маршалом, принцем К. Котохито, а в марте – императором Хирохито. Для проведения наступательных операций предполагалось перебросить из Японии в Маньчжурию дополнительно дивизии. Бывший военный министр Японии генерал С. Араки в апреле утверждал, что если война начнется, то ее нужно вести как можно быстрее. Генерал С. Хаяси в мае заявил, что первые пять или двенадцать месяцев войны решат ее конечный исход. В японской армии считали возможным ограничиться захватом только Приморья [4. С. 224].

Однако было бы неверно считать, что горизонт польско-японского военного сотрудничества был чист и безоблачен. Во всяком случае, об этом свидетельствует документ, поступивший в распоряжение советского руководства в начале 1935 г. из II отдела фран-

цузского Генштаба, в котором польский маршал представлен в роли опытного психолога. «По мнению Пилсудского, японский план об одновременной атаке [СССР] на востоке и западе не выдерживает никакой критики. Польша и Германия столкнулись бы с могущественно вооруженной армией, с нетронутым в моральном отношении населением и с таким советским правительством, престиж которого еще не поколеблен. Германским и польским войскам пришлось бы таким образом воевать в крайне невыгодных с психологической стороны условиях. Малейшая, даже частичная и преходящая неудача германской и польской армий (или даже просто отсутствие удачи на их стороне) могли бы очень быстро превратиться в катастрофу, в революцию в Германии или Польше» [31. Л. 63–65].

Пилсудский пытался определить и выстроить психологию наиболее благоприятного момента для второго этапа предстоящей агрессии против Советской России – польско-германского вторжения с запада. «Есть лишь один способ победить Советов. Он состоит в том, чтобы предварительно деморализовать ее население и ее армию. Неудачи Красной Армии на Дальнем Востоке, а также продолжительность японо-русской войны могли бы вызвать деморализацию внутри России. Это явилось бы единственным подходящим моментом для нападения на ее западные границы». Другими словами, маршал пытался пересмотреть первоначальные условия польско-японского военного сотрудничества, которое предполагало нападение польских войск на западные границы СССР на следующий день после японской агрессии на советский Дальний Восток. Это не могло не вызвать определенного разочарования у японских военных в своих западнославянских коллегах, по сравнению с германскими. Во всяком случае, если в документах разведки содержится упоминание о подписании союзного договора между Токио и Берлином, то упоминаний об аналогичном договоре с Варшавой в них нет [31. Л. 63–65; 32. С. 16].

Тем не менее к середине весны 1935 г. условные планы потенциальных агрессоров значительно продвинулись: польско-германскими усилиями был похоронен проект Восточного пакта; после закупки лицензии у Варшавы на производство истребителя П-7 Токио начал реорганизацию ВВС; на Дальнем Востоке участились японские провокации на советской границе; в Берлине имелся «стратегический запас» нефти. Теперь приближался час взаимодействия между военными. 7 апреля 1935 г. газета «Эко де Пари» воспроизвела сообщение базельской «Националь цайтунг» о том, что в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии отправились 25 офицеров рейхсвера. Предполагалось, что для согласования деятельности с германским командованием в Берлин придут 70 японских офицеров. Координация военного сотрудничества становилась актуальной, так как вторжение Японии в Россию с востока предполагалось в течение второй половины 1935 г. [22. С. 324, 464; 28. С. 207; 33].

Таким образом, документы советской разведки из «личного архива И.В. Сталина» свидетельствуют о том, что тайное польско-японское военное сотрудничество осуществлялось в течение трех этапов. Первый – осень 1931 г., когда было подписано соглашение между японским Генштабом и Главным штабом Войска Польского, предполагавшее отвлечение сил Красной Армии польскими войсками после нападения Японии на Советский Дальний Восток. Второй – лето 1934 г., когда Пилсудскому было доставлено письмо от бывшего военного министра С. Араки, подтверждавшее готовность напасть на СССР в любой момент, если Берлин и Варшава дадут обещание присоединиться к агрессии на западные границы на следующий день. Наконец, третий – зима 1934 г. – весна 1935 г., когда происходит некоторое дистанцирование между польскими и японскими военными в связи с попыткой Пилсудского пересмотреть вторжение польских войск на более поздний срок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «Вторая Речь Посполита» используется в польской историографии применительно к истории межвоенного периода, т.е. 1918–1939 гг.

² В частности, в 1923 г. в Токио был командирован на три месяца специалист по дешифровке капитан Ян Ковалевский, который обучил офицеров II отдела японского Главного штаба искусству взламывать советские шифры. Позднее в Варшаву для повышения квалификации в искусстве дешифровки были посланы два офицера, которые позднее имели отношение к польско-японскому сотрудничеству относительно СССР.

³ В качестве определенного исключения можно назвать книгу Х. Куромия, А. Пеплоньского «Между Варшавой и Токио. Польско-японское сотрудничество в области разведки 1904–1944», изданную в Горуни в 2009 г. Основной акцент в книге сделан на общего врага в исследуемый период – Российскую империю и Советский Союз, в отношении которых была направлена деятельность обеих разведок. В книге нашли отражение общеизвестные факты, ее источниковая база оставляет желать лучшего, соответственно, интересующий нас период и проблематика в ней освещены, мягко говоря, не лучшим образом [15].

⁴ По отбытии срока он в 1896 г. стал сотрудником метеостанции в Корсакове на юге Сахалина, где начал изучать жизнь и культуру народности айнов, женился на местной девушке, прижив двух детей. В 1906 г. оказался в Японии, где вместе с переводчиком с русского языка и писателем Шимеи Футабатэ основал Польско-японское общество.

⁵ По утверждению польского историка А. Гарлицкого, 14 июля 1904 г. в номере у Дмовского в отеле «Метрополь» состоялась их многочасовая беседа, однако ему не удалось убедить Пилсудского, что предлагаемая им линия – это преступление перед польским народом [17. S. 85].

⁶ То есть расчленения России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Wybrane epizody w historii stosunków japońsko-polskich. Ambasada Japonii w Polsce. URL: <http://www.pl.emb-japan.go.jp/relations/epizody.pdf>, свободный (дата обращения: 10.07.2016).
2. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. Т. 3.
3. Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней. М., 1993.

4. Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения, 1933–1936. М., 2002.
5. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ, 2004.
6. Морозов С.В. «Лебединая песня» маршала, которой так и не суждено было прозвучать // Великая Победа. Интернет-проект / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. 2015. Т. II. URL: http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii_svoobodnyy (дата обращения: 12.07.2016).
7. Nowak-Kielbikowa M. Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej // Dzieje najnowsze. 1981. № 1–2.
8. Watanabe K. Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym // Dzieje najnowsze. 1992. № 4.
9. Pałasz-Rutkowska E. Polityka Japonii wobec Polski 1918–1941. Warszawa, 1998.
10. Pałasz-Rutkowska E. Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznanania Mandżukuo przez Polskę // Przegląd Orientalistyczny. 2006. № 1–2.
11. Pałasz-Rutkowska E., Romer A.T. Historia stosunków polsko-japońskich 1904–1945. Warszawa, 2009.
12. Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920, oprac. Marian Zgómiak, Wojciech Rojek, Jacek Solarz. Kraków, 2012.
13. Wojciechowski M. Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
14. Foreign Relations of the United States. 1934. Washington, 1951. Vol. I.
15. Kuromiya H., Peplowski A. Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. Toruń, 2009.
16. Łyziński P. Stosunki polsko-japońskie w latach 1918–1939. URL: http://www.academia.edu/9269075/Stosunki_polsko-japo%C5%84skie_w_latach_1918-1939_swoobodnyy (дата обращения: 10.07.2016).
17. Garlicki A. Józef Piłsudski 1867–1935. W., 1990.
18. Maciejewski M. Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej // Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939. Pod red. Marszała M., Sadowskiego M. Wrocław, 2009.
19. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
20. Beck J. Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939. Neuchâtel, 1951.
21. Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1939. Warszawa, 1939.
22. Дневник посла Додда. М., 1960.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Док. 5.
24. Научный архив Института российской истории Российской академии наук. Ф. 22. Оп. 1. 1934.
25. Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XVII.
26. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187. Док. 10.
27. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 15. Оп. 1. Д. 78 (микрофильм).
28. Морозов С.В. Из довоенного досье // Международная жизнь. 2007. № 1–2.
29. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 42.
30. Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII.
31. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188. Док. 8.
32. Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики : сб. док. (1935–1945) / сост. Л.Ф. Соцков. М., 2009.
33. Гудок (Москва). 1935. 8 апр.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 августа 2016 г.

ON MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN POLAND AND JAPAN AGAINST THE SOVIET UNION (1931–1935)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 138–144.

DOI: 10.17223/15617793/413/21

Stanislav V. Morozov, Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru, roland60@mail.ru

Keywords: Poland; Japan; USSR; Piłsudski; S. Araki; 1931 Polish-Japanese General Staff agreement.

The purpose of this article is to investigate the secret military and political cooperation between Poland and Japan against the Soviet Union during 1931–1935, including the use of Soviet intelligence documents from the so-called Personal Archive of I.V. Stalin. Among other, the article includes an overview of the Polish historiography in which this problem is suppressed or one-sided. The center of the Polish-Japanese cooperation was Russia. The cherished goal of Marshal Piłsudski, his hidden dream, was to restore the “former greatness of Poland” and to construct the so-called Great Poland. Its core was to be the borders of Poland in 1772, that is including Belarus, Ukraine and Lithuania, around which a federation from the Baltic states, Finland, Caucasian and North Caucasian peoples was to form, and Russia had to revert to the Urals. After the Locarno conference, Marshal Piłsudski realized that the Western powers, relying heavily on Germany in their calculations against the USSR, did not consider Poland as an equal partner and were not inclined to take it into account, but were rather ready to sacrifice Polish interests for their selfish calculations. In May 1926, Piłsudski made a military coup, seizing positions that allowed him to individually determine the Polish foreign policy. He hoped to play his own game against the Soviet Union, where room might be found for the Polish-Japanese political and military cooperation. Soviet intelligence documents from the Personal Archive of I.V. Stalin show that the secret Polish-Japanese military and political cooperation against the Soviet Union was carried out in three stages. The first was the fall of 1931, when an agreement was signed between the Japanese General Staff and the General Staff of the Polish Army, it alleged the diversion of the Red Army forces by the Polish troops in case of the Japanese attack on the Soviet Far East. The second was the summer of 1934, when Piłsudski received a letter from the former Minister of War S. Araki that confirmed the readiness to attack the Soviet Union at any time, if Berlin and Warsaw promised to join the aggression on the western border the next day. Finally, the third stage was the winter of 1934 – the spring of 1935, when there was some distancing between the Polish and Japanese military in Piłsudski’s attempt to postpone the Polish troops invasion.

REFERENCES

1. Japanese Embassy in Poland. (2009) *Wybrane epizody w historii stosunków japońsko-polskich*. [Selected episodes in the history of Japanese-Polish relations]. [Online] Available from: <http://www.pl.emb-japan.go.jp/relations/epizody.pdf>. (Accessed: 10th July 2016).
2. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

3. D'yakov, V.A. (ed.) (1993) *Kratkaya istoriya Pol'shi. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A brief history of Poland. From ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
4. Sevost'yanov, G.N. (2002) *Moskva – Vashington: Diplomaticheskie otnosheniya, 1933–1936* [Moscow – Washington: Diplomatic relations, 1933–1936]. Moscow: Nauka.
5. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoy "ravnoudalennosti" ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of "equidistance" of Minister J. Beck]. Moscow: Moscow State University.
6. Morozov, S.V. (2015) "Lebedinaya pesnya" marshala, kotoroy tak i ne suzhdeno bylo prozvuchat' [The "Swan Song" of the Marshal, which was never meant to sound]. In: Naryshkin, S.E. & Torkunov, A.V. (eds) *Velikaya Pobeda. Internet-proekt* [Great Victory. An Internet project]. Vol. II. [Online] Available from: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/great-victory/great-victory-book/ii-kanun-traghiidii>. (Accessed: 12th July 2016).
7. Nowak-Kiełbikowa, M. (1981) Japonia i Chiny w dyplomacji II Rzeczypospolitej [Japan and China diplomacy in the Second Republic of Poland]. *Dzieje najnowsze*. 1–2.
8. Watanabe, K. (1992) Stosunki dyplomatyczne Polski i Japonii w okresie międzywojennym [Diplomatic relations of Poland and Japan in the inter-war period]. *Dzieje najnowsze*. 4.
9. Pałasz-Rutkowska, E. (1998) *Polityka Japonii wobec Polski 1918–1941* [Japan's policy towards Poland in 1918–1941]. Warsaw: Nozomi.
10. Pałasz-Rutkowska, E. (2006) Polska – Japonia – Mandżukuo. Sprawa uznania Mandżukuo przez Polskę [Poland – Japan – Manchukuo. The recognition of Manchukuo by Poland]. *Przegląd Orientalistyczny*. 1–2.
11. Pałasz-Rutkowska, E. & Romer, A.T. (2009) *Historia stosunków polsko-japońskich 1904–1945* [History of Polish-Japanese relations 1904–1945]. Warsaw: Biblioteka Fundacji im. Takashimy.
12. Zgórnjak, M., Rojek, W. & Solarz, J. (eds) (2012) *Raporty porucznika Aleksandra Mazarakiego z działalności Japońskiej Misji Wojskowej w Polsce oraz z wydarzeń na Syberii i na Dalekim Wschodzie. Grudzień 1919 – lipiec 1920* [Reports of Lieutenant Alexander Mazarakiy on the activities of the Japanese Military Mission in Poland and the events in Siberia and the Far East. December 1919 – July 1920]. Krakow: Oficyna Wydawniczo-Drukarska Secesja.
13. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938* [Polish-German relations. 1933–1938]. Poznań: [s.n.].
14. Foreign Relations of the United States. (1951) 1934. Vol. I.
15. Kuromiya, H. & Peplowski, A. (2009) *Między Warszawą a Tokio. Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944* [Between Warsaw and Tokyo. Polish-Japanese intelligence cooperation 1904–1944]. Toruń: A. Marszałek.
16. Łyżiński, P. (n.d.) *Stosunki polsko-japońskie w latach 1918–1939* [Polish-Japanese relations in 1918–1939]. [Online] Available from: http://www.academia.edu/9269075/Stosunki_polsko-japo%C5%84skie_w_latach_1918-1939. (Accessed: 10th July 2016).
17. Garlicki, A. (1990) *Józef Piłsudski 1867–1935*. Warsaw: Czytelnik. (In Polish).
18. Maciejewski, M. (2009) Federacyjne koncepcje piłsudczyków u zarania Drugiej Rzeczypospolitej [Federated concepts of Piłsudskiites at the dawn of the Second Republic]. In: Marszał, M. & Sadowski, M. (eds) *Na szlakach niepodległej: Polska myśl polityczna i prawna w latach 1918–1939* [The independent routes: Polish political and legal thought in 1918–1939]. Wrocław: [s.n.].
19. Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938* [Czechoslovakia in Polish foreign policy in 1932–1938]. Poznań: Instytut Zachodni.
20. Beck, J. (1951) *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939* [Last report. Polish Politics in 1926–1939]. Neuchâtel: Éditions de la Baconnière.
21. Beck, J. (1939) *Przemówienia, deklaracje, wywiady 1931–1939* [Speeches, declarations, interviews in 1931–1939]. Warsaw: [s.n.].
22. Mel'nikov, D.E. & Nakropin, O.M. (eds) (1960) (1960) *Dnevnik posła Dodda* [Ambassador Dodd's Diary]. Translated from English by V.N. Machavariani, V.A. Hinkis. Moscow: Sotsekgiz.
23. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 185. Doc. 5. (In Russian).
24. Research Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Fund 22. List 1. 1934. (In Russian).
25. Politizdat. (1971) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 17. Moscow: Politizdat.
26. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 187. Doc. 10. (In Russian).
27. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 15. List 1. File 78 (microfilm). (In Russian).
28. Morozov, S.V. (2007) Iz dovoennogo dos'e [From the pre-war dossier]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 1–2.
29. State Archive of the Russian Federation. Fund 4459. List 28/2. File 42. (In Russian).
30. Politizdat. (1973) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 18. Moscow: Politizdat.
31. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11. File 188. Doc. 8. (In Russian).
32. Sotskov, L.F. (2009) *Sluzhba vneshney razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoy politiki: sb. dok. (1935–1945)* [The Foreign Intelligence Service of Russia. Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia. Secrets of Polish politics: documents (1935–1945)]. Moscow: Archive of the Foreign Intelligence Service of Russia.
33. *Gudok*. (1935).

Received: 09 August 2016

ДИНАМИКА ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ 1990-х гг. (к 25-летней годовщине путча ГКЧП)

Рассмотрены процессы демократизации в России 1990-х гг. в контексте трансформации политико-идеологической сферы. Показано, что либерально-демократические идеи и ценности, доминирующие в российской политической жизни в начале переходного этапа, к концу 1990-х гг. вошли в противоречие с актуальными политическими практиками и авторитарными тенденциями российской власти.

Ключевые слова: политическая идеология; политические ценности; демократический транзит; СССР; Россия; коммунизм; либерализм; авторитаризм.

События августа 1991 г., начавшиеся как попытка государственного переворота, имевшего целью сохранение СССР, КПСС и власти советской номенклатуры, фактически поставили точку в существовании Советского государства. Их продолжением стали революционные преобразования, приведшие к власти новые демократические силы. Эта веха отечественной политической истории, казалось бы, глубоко проанализирована и отрефлексирована в современных социально-гуманитарных науках. Трансформационным процессам, которым подвергалось общество и государство, посвящено множество исследований, особенно эта тема стала востребованна и актуальна в первое десятилетие существования новой России. Однако она по-прежнему ставит перед исследователями ряд вопросов, касающихся природы трудностей и неудач пореформенного периода, что, в конечном счете, повлияло на результаты российских трансформаций и определило вектор дальнейшего развития государства и общества.

Анализируя демократический транзит, А.Ю. Мельвил трюует его как «полиморфные процессы перехода от одного общественного и политического состояния к другому» [1], конечный итог которых – демократия – не обязательно всегда предопределен и достижим. Для России этот переход стал новым длительным периодом постсоветской истории государства, который во многом не завершен и сегодня. Вместе с тем демократический транзит в его российском варианте, с нашей точки зрения, не может получить однозначной оценки, мы лишь можем учитывать специфику, характеристики и функции, и самое важное – идейно-смысловые последствия процессов, которые ознаменовали новый этап.

Вопрос об идейных, содержательных основах постсоветской политической жизни приобретает особую значимость еще и в силу того, что социальные и политические катаклизмы, которые Россия пережила в XX в., не раз завершались тотальной «переоценкой ценностей», зачастую приводившей к идеологическому коллапсу либо несбалансированному усилению роли идеологии как значимым факторам политико-исторической динамики. В данном случае политико-историческая динамика современной России в ее ценностно-идеологическом аспекте представляет собой комплекс трансформаций символических практик и деятельности социальных агентов в процессе освоения политического пространства, которое как инсти-

туционально, так и неинституционально претерпело существенные изменения за последние 25 лет.

Во многом делегитимация и крушение идейно-ценностных основ советского режима, когда в одночасье тотальная идеологическая модель перестала осуществлять свои основные функции, предопределили распад единого политического и экономического пространства Советского Союза задолго до августовских событий 1991 г. Как отмечает В.В. Согрин, «анализ источников, отразивших состояние общественного мнения России 1980-х гг., свидетельствует, что ее либерально-демократический выбор носил добровольный характер и имел под собой объективную основу» [2. С. 5]. Главным образом несостоятельность социалистической модели определялась ее сравнением с западным демократическим эталоном, порождая духовно-ценностные основания для конфликтов и напряженности. Мы можем говорить, что истоки этой напряженности лежали, в том числе, в сфере политической идеологии. Так, согласно Ш. Эйзенштадту, существует два типа напряженностей, ставших «существенными компонентами <...> политической динамики современных режимов» [3. С. 32]. Первый тип напряженности связан с пониманием политики как демократического процесса в противовес взгляду «на общество как на сложившуюся корпорацию» [Там же. С. 33], второй «заклучался в расхождении между представлениями, носившими тотальный, обычно утопический и / или коммуналистский характер <...> – и более плюралистичным взглядом...» [Там же]. Таким образом, в России конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. противостояние принципов плюрализма и тотального приоритета коллективизма и унификации определило острое столкновение идеологических позиций внутри общества и на политической арене страны. Ключевыми элементами символической борьбы в новых российских реалиях стали отказ от советского прошлого и отрицание всего «старого», присущего тоталитарной эпохе.

Кроме того, противостояние коммунизма и либерализма также определяло идеологическую картину мира большую часть XX в. Первый, главным образом в либерально-демократической традиции, рассматривался как навязывающий системы убеждений в рамках господствующей идеологии, второй – как «внеидеологичный» антипод тоталитарной идеологии [4. С. 23–27]. При этом и советская марксистско-ленинская идеология претендовала на «неидеологич-

ность», акцентируя внимание на научности обоснования коммунистического строя. Тем не менее с падением коммунистического режима с авансцены исчез явный идеологический конфликт геополитического масштаба. Различные интерпретации целостного универсума и соперничающие определения политической реальности, которые, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, являются отличительными признаками идеологии [5. С. 200], перетекли из пространства глобального и сомкнулись в пределах одного государства. При этом, как подчеркивает Дж. Шварцмагел, «любую проблему можно выделить исключительно в структуре более глобальной идеологической политики, которая, выражаясь метафорическим языком, формирует карту мира и позволяет определить, почему какая-то проблема действительно является проблемой и за нее стоит бороться или выходить на демонстрацию» [4. С. 19]. Так, новая для России либерально-демократическая идеология, противостоящая тотальной марксистско-ленинской модели, выступила универсальным проектом социально-политических изменений, стимулирующим революционные преобразования в стране, а порой и блокирующим альтернативные варианты существующего порядка, выходящие за рамки становящейся политической системы.

Единый процесс демократизации общественной, культурной и политической жизни, соответствующие принципы общественного устройства и, в конечном счете, сами демократические идеи образовали общий контекст функционирования идеологического поля, в котором оформлялись, институционализировались и конкурировали множество идейных платформ, разнообразных партийных идеологий левого и правого спектров, вплоть до радикальных вариаций. Напомним, в 1993 г. в парламентских выборах приняли участие 13 партий, в 1995 г. их количество увеличилось до 43 партий и блоков, в 1999 г. на мандаты в Государственной Думе претендовали 26 партий и блоков [6], а соответственно, количество предлагаемых идеологических проектов изменений исчислялось десятками.

Взросшее разнообразие в ценностно-идеологическом пространстве поддерживалось, с одной стороны, процессами институционализации политических партий и становлением новой политико-культурной модели преобразования общества. С другой – находилось, вместе с тем, в векторе иных институциональных процессов, опиравшихся на конституционно закреплённое доминирование президентской власти. Ф. Закария так описал это явление, на много лет определившее характер и специфику российского политического процесса, в том числе и в его идеологическом измерении: «Взобравшись на танк, – пишет автор, – Ельцин фактически стал зачитывать декреты, то есть произвольные президентские указы, которые потом составляют отличительный признак восьми лет его правления. <...> затем правление с помощью декретов превратилось в стандартную рабочую процедуру. Сталкиваясь с трудными проблемами, Ельцин не стремился решать их политическими средствами путем мобилизации своих сторонников; не шел он и на компромиссы. Вместо этого он регулярно выпус-

кал президентские указы <...> используя свою власть и популярность, но не прибегая к нормальной политической практике взаимных уступок» [7. С. 87–88]. Такая ситуация, по сути дела, уничтожала конкурентный потенциал политических сил, идейная борьба которых ограничивалась рамками ослабленного парламента. Тем самым в российской политике обнаружили себя авторитарные тенденции и движение к унификации идеологического пространства.

Итак, стихийное освоение демократических практик российским обществом и элитами привело лишь к формальному исполнению демократических процедур, которые к тому же существенно корректировались принципами политической целесообразности и внутриклановыми интересами и в своей основе определялись традициями властвования и подчинения. Подобный порядок, где «перемешаны выборность и авторитаризм», Ф. Закария назвал нелиберальными демократиями [Там же. С. 89]. Основная проблема этих режимов заключается в преждевременной реализации выборных процедур на различных уровнях в условиях, когда в государстве не установлен необходимый правовой и экономический порядок, именно на этих аспектах настаивает Ф. Закария. Помимо прочего, с нашей точки зрения, необходимо учитывать общий политико-культурный контекст становления демократической парадигмы и либеральной идеологии. Ценностные структуры и идеологические смыслы сталкивались с практиками, часто опровергались реалиями политического процесса и накладывались на отечественную политическую традицию.

Типологически российский демократический транзит стал процессом модернизации для нашей страны (см.: [8. С. 7]). Как, например, указывает Ш. Эйзенштадт, «модернизация может иметь частичный характер, т.е. формирование новых институтов или современных организационных принципов не обязательно приводит к целостному обновлению общества, а может даже сопровождаться укреплением традиционных систем через влияние новых форм организации», и также в ситуации модернизации «по крайней мере частично логика и тип развития обусловлены некоторыми аспектами традиционного устройства общества и должны трактоваться в связи с этими аспектами. Признание значения этих исторических сил и вело к выявлению относительной самостоятельности символической сферы по отношению к структурным аспектам социальной регуляции» [9. С. 473]. В этом отношении теория модернизации Ш. Эйзенштадта предлагает нам объяснение специфики российских политико-идеологических процессов в их исторической перспективе. В частности того, что в России середины – конца 90-х гг. проявила себя проблема ценностной дифференциации общества, более того – ценностного противостояния элитобразующих и массовых групп [10. С. 84]. Российская власть ельцинского периода, развиваясь автономно от социума, стала основным агентом модернизации. Формально являясь основным носителем либеральных идей, она проводила политику популизма, опирающегося на патерналистские ценности – базовые ценности российского традиционного политического сознания.

Либерально-демократическая традиция западного образца подразумевает движение к более свободному обществу. Но что характерно, в российском варианте ценность свободы имеет иной смысловой код. В России ценность свободы сформировалась как «свобода от», в меньшей степени оформилась «свобода для». На эту двойственность свободы обратил внимание еще Э. Фромм, разделив негативную и позитивную свободу, акцентируя внимание, разумеется, на психоаналитическом срезе проблемы [11. С. 35–43]. Для нас же это разделение существенно в идеологическом плане. Предоставление основных демократических гражданских свобод все же сочеталось со «свободой отрицания» в первую очередь советского наследия и, что немаловажно, рассматривалось как свобода от государственного произвола. Однако же ценность свободы в позитивном смысле, утверждающая самостоятельность, независимость и достоинство личности в массовом сознании, в том числе и в публичном пространстве, не приобрела первостепенное значение. А именно это ключевой ценностно-идейный ряд либерально-демократической идеологии. Ряд экономических прав, реализация которых предполагает свободу как ответственность и обязанность, российским обществом осваивался и принимался вполне успешно. М.А. Шабанова, опираясь на результаты эмпирических данных, отметила, что «поле индивидуальной свободы <...> лежит в пространстве преимущественно социально-экономическом, а не в политическом или юридическом» [12. С. 402]. Вместе с тем, как далее пишет автор, «что касается самостоятельных и

независимых от властей социальных действий и состояний <...>, то пока в большинстве случаев они лежат за пределами области актуальной социальной свободы» [12. С. 402]. В сущности, в условиях демократического режима, персонификацией которого являлся, в первую очередь, Б. Ельцин, доминирующая идеологическая модель олицетворялась с либерально-реформистским окружением президента. Именно последняя в достаточной степени не оправдала себя в массовом сознании. Впрочем, как и демократические практики выборов утратили свою первоначальную ценность, сказывались усталость и разочарование людей в процедурах, которые существенно не меняли их положение. Демократия как модель развития спускалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находили соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Идеи ориентации либерально-демократического толка вошли в противоречие с реально сложившейся структурой власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. Так, получив «свободу от», но не освоив «свободу для», иными словами, столкнувшись и не справившись с проблемами и вызовами новой политической, социальной и экономической системы, большинство населения страны сформулировало для себя основные ценности, обеспечить которые опять же могло только государство. «Стабильность» и «безопасность» – те ценностно-смысловые доминанты, на основе которых в конце 1990-х – начале 2000-х гг. был сконструирован образ новой власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельвил А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38. URL: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php> (дата обращения: 13.09.2016).
2. Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М.: Прогресс-Академия, 1994. 192 с.
3. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
4. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный Центр, 2009. 312 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
6. Выборы // Политика: электронное периодическое издание. URL: <http://www.politika.ru/vybory/vybory.html> (дата обращения: 15.09.2016).
7. Захария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
8. Тышта Е.В. Синтез концепций модернизации и транзита в современной исторической науке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 5 (25). С. 11–20. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kontseptsii-modernizatsii-i-tranzita-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke> (дата обращения: 19.09.2016).
9. Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 470–480. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Erasmus/55.php (дата обращения: 14.09.2016).
10. Лапкин В.В. Изменение ценностных ориентаций россиян (Круглый стол журнала «Полис») // Полис. 2000. № 1. С. 84–85.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Академический проспект, 2007. 270 с.
12. Шабанова М.А. Индивидуальная и социальная свободы в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М.: Изд-во Ин-та «Московская высшая школа социальных и экономических наук», 2000. С. 399–410.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 ноября 2016 г.

DYNAMICS OF THE AXIOLOGICAL AND IDEOLOGICAL DIMENSION OF RUSSIAN POLITICAL LIFE OF THE 1990S (THE 25TH ANNIVERSARY OF THE 1991 SOVIET COUP D'ÉTAT ATTEMPT)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 145–148.

DOI: 10.17223/15617793/413/22

Veronika G. Skochilova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: veronassk@gmail.com

Keywords: political ideology; political values; democratic transition; USSR; Russia; communism; liberalism; authoritarianism.

The article aims to analyze the essence and trends in the axiological and ideological dynamics of Russian political life in the 1990s. The collapse of the united political and economic space of the Soviet Union was largely predetermined by the delegitimization and crash of the ideology and values of the regime. The mass appeal of the ideas of liberal democracy, democratic institutions and practices opposed the Soviet model and caused spiritual and axiological foundations for conflicts and tension. Confrontation between the principles of pluralism and democracy on the one hand and total utopian collectivism and unification on the other hand in Russia in the late 1980s – early 1990s determined the acute clash of ideological positions, both within society and in politics. A key element

of the symbolic struggle in the new Russian reality was refusal from the Soviet past and rejection of the features of the totalitarian period. A transitology model allows to consider the entire process of democratization of the social, cultural and political life as a factor of axiological and ideological space functioning. Formation and institutionalization of many ideological platforms took place under the influence of democratic ideas. However, the spontaneous use of democratic practices by Russian society and elites led only to the nominal execution of democratic procedures. The initial competition of multiple party ideologies was accompanied by institutional processes based on the dominance of presidential power according to the Constitution. It determined the decrease in the competitive potential of the political forces whose ideological struggle was limited to the frames of the weakened parliament. This is how authoritarian tendencies and the movement to the unification of the ideological space appeared in Russian politics. It is shown that the political realities of the 1990s and traditions of rule and subordination in Russia led to the establishment of the so-called “illiberal democracy” (F. Zakaria) as a political order. The ideological orientations of liberal democracy came into conflict with the real structure of power which traditionally related to the authoritarian model. The combination of election procedures and authoritarian practices in the common political and cultural context of the democratic paradigm formation in Russia led to the disappointment in democratic procedures and values. The basic values-and-meaning dominants in the society’s mood (“stability” and “security”) were determined at the turn of the 21st century. The image of the new power was constructed on that basis.

REFERENCES

1. Mel'vil', A.Yu. (1998) Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i protsedurnogo podkhodov k demokraticeskim tranzitam [Experience of theoretical and methodological synthesis of the structural and procedural approaches to democratic transitions]. *Polis*. 2. pp. 6–38. [Online] Available from: <http://www.politnauka.org/library/dem/melvil.php>. (Accessed: 13th September 2016).
2. Sogrin, V. (1994) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985–1994: Ot Gorbacheva do El'tsina* [The political history of modern Russia. 1985–1994: From Gorbachev to Yeltsin]. Moscow: Progress-Akademiya.
3. Eisenstadt, S. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv: sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and the transformation of society: a comparative study of civilizations]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
4. Schwarzmantel, J. (2009) *Ideologiya i politika* [Ideology and politics]. Translated from English. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr.
5. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality: A Treatise in the sociology of knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
6. Politika.su. (n.d.) *Vybory* [Elections]. [Online] Available from: <http://www.politika.su/vybory/vybory.html>. (Accessed: 15th September 2016).
7. Zakaria, F. (2004) *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SShA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: illiberal democracy in the United States and beyond]. Translated from English. Moscow: Ladimir.
8. Tyshta, E.V. (2013) Synthesis of modernization and transit concepts in modern history. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 5 (25). pp. 11–20. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/sintez-kontseptsiy-modernizatsii-i-tranzita-v-sovremennoy-istoricheskoy-nauke>. (Accessed: 19th September 2016). (In Russian).
9. Eisenstadt, S. (1998) Novaya paradigma modernizatsii [A new paradigm of modernization]. Translated from English. In: Erasov, B.S. *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations: anthology]. Moscow: Aspekt Press. [Online] Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Eras/55.php. (Accessed: 14th September 2016).
10. Lapkin, V.V. (2000) Izmenenie tsennostnykh orientatsiy rossiyan (Kruglyy stol zhurnala “Polis”) [Change in the value orientations of Russians (Round Table of the Polis journal)]. *Polis*. 1. pp. 84–85.
11. Fromm, E. (2007) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Translated from English. Moscow: Akademicheskii prospekt.
12. Shabanova, M.A. (2000) Individual'naya i sotsial'naya svobody v reformiruemyy Rossii [The individual and societal freedom in the reformed Russia]. In: Zaslavskaya, T.I. (ed.) *Kuda idet Rossiya? Vlast', obshchestvo, lichnost'* [Where is Russia going? Power, society, identity]. Moscow: Moscow School of Social and Economic Sciences.

Received: 14 November 2016

НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. ПО ПОДГОТОВКЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ в рамках научного проекта МК-6824.2016.6.

Работа посвящена изучению уникального для послевоенного периода опыта координации исторических исследований, связанных с важнейшими явлениями и процессами социально-экономической и культурной жизни одного из крупнейших макрорегионов нашей страны – Сибири. Впервые в историографии исследуется научно-организационная работа по созданию фундаментальных трудов, отражавших региональную историю. Работа выполнена на основе архивных источников и материалов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь; историки; высшие учебные заведения; исследовательские институты; сибирское крестьянство; рабочий класс Сибири.

К середине 1950-х гг. на всей территории Сибири (в современном понимании ее границ) в каждом административном центре территориальных (от Тюменской до Иркутской областей) и национальных (Бурятская, Тывинская и Якутская АССР, Горно-Алтайская и Хакасская АО) субъектов, а также в ряде крупных городов, имевших большое хозяйственное или культурное значение для Сибири (Новокузнецк, Тобольск, Енисейск и др.), действовали вузы и научно-исследовательские институты, сотрудники которых вели исторические (прежде всего, сибиреведческие) исследования. В научно-организационном отношении к ним тесно примыкали культурно-просветительские учреждения (музеи, библиотеки, региональные, ведомственные и партийные архивы и т.п.) и общественные организации – просветительские общества (такие как региональные отделения общества «Знание», «Всесоюзного географического общества» и т.п.). Особенности организации в Сибири исторических исследований в тот период (это же было характерно и для других периферийных макрорегионов РСФСР, например, для Урала и Дальнего Востока) были разрозненность и отсутствие единого центра координации, «мелкотемье» и дублирование исследований, как следствие – отсутствие обобщающих трудов по макрорегиональной исторической тематике.

Партийно-государственные документы и директивы второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. требовали от вузов и научных учреждений установления координации в своей исследовательской деятельности, публикации обобщающих трудов по истории макрорегионов, по истории рабочего класса и крестьянства, крупных общественно-политических и социально-экономических явлений и т.д. [1. С. 215–218; 2]. Это направление в государственной научно-организационной политике стало ярко проявляться сразу же после XX съезда КПСС, когда с развенчанием культа личности, частичной деидеологизацией и демократизацией практически всех сфер жизни общества был взят курс на плюрализм в гуманитарной науке, выражавшийся, в частности, в направлениях и тематике исторических исследованиях (как на общегосударственном, так и на региональном уровнях), в отходе от частных исторических сюжетов, практически не

выходивших до этого времени за пределы «Краткого курса истории ВКП(б)». Общественно-научные и социогуманитарные науки к концу жизни И.В. Сталина находились в глубоком кризисе. Эта ситуация была обусловлена тем положением, в которое они были поставлены на протяжении всего предшествовавшего сталинского периода. Утвердившиеся в этих дисциплинах и научных направлениях догматизм, невозможность поставить под сомнение мнение вождя и других главнейших идеологов не позволяли осуществлять действительно научное, творческое познание прошлого, а уж тем более современности. Постоянное вмешательство властей в деятельность ученых, идеологические кампании и прямые репрессии второй половины 1940–1950-х гг., отсутствие свободных дискуссий – все это еще больше осложняло ситуацию.

Со второй половины 1950-х гг. происходят весьма важные и сложные процессы в развитии отечественных общественно-научных и социогуманитарных наук. Исторический сегмент в большей степени стал участвовать в этих процессах, поскольку именно на историю была сделана ставка по преодолению многих деформаций и извращений марксистско-ленинской общественно-научной и социогуманитарной науки в предшествующие периоды. В содержании исторического образования менялись подходы к обучению, делались попытки отхода от устоявшихся за многие годы форм преподавания и придания ему более творческого, открытого характера. В научной сфере делались попытки ухода от мелкотемья, от разрозненных направлений исследований и поворот в сторону создания обобщающих, комплексных, в том числе региональных, исследований.

Направленность к истории крестьянства и рабочего класса в советской историографии 1960-х гг. была обусловлена решениями XXII съезда КПСС, большое внимание в работе которого было уделено вопросу о развитии и совершенствовании общественных социалистических отношений в СССР в период перехода от социализма к коммунизму. В документах и решениях съезда было отмечено, что «и в период коммунистического строительства, когда государство стало общенародным, продолжает сохраняться руководящая роль рабочего класса, выступающего в союзе с колхозным крестьянством, со всем советским народом» [3. С. 25].

Важную роль в определении магистральных направлений развития научного творчества советских историков сыграло и Всесоюзное совещание историков, созданное по решению ЦК КПСС и Совмина СССР в декабре 1962 г. Большая часть выступлений на пленарных и секционных заседаниях, прения по докладам и прочие материалы были посвящены критике культа личности Сталина и его последствиям для исторической науки. На совещании шел принципиальный разговор о состоянии и перспективах развития исторической науки в СССР [4]. Совещание 1962 г. поставило перед советскими историками задачу создания серьезных научных трудов, обобщающих историю рабочего класса в СССР, историю советского крестьянства и т.п. На нем обсуждались вопросы методологии истории, необходимости повышения теоретического уровня исторических исследований, смежные вопросы стали предметом специального обсуждения и на секции общественных наук Президиума АН СССР в январе 1964 г. [Там же. С. 43].

Для начала работы, связанной с написанием обобщающих трудов по истории Сибири и отдельных аспектов социально-экономической и культурной жизни этого (равно как и любого другого периферийного) макрорегиона, необходимо было наличие трех важнейших факторов.

Первый из них – выстраивание системы координации исторических исследований. Это могло быть осуществлено через обмен опытом между историками региона, через последующее согласование тем научных исследований. Такие формы координации и сотрудничества были возможны при организации и проведении специализированных региональных исторических конференций, симпозиумов, совещаний и иных профессиональных и тематических форумов. Как следствие такого сотрудничества – возможность работы над обобщающими фундаментальными трудами. Второй фактор был связан с необходимостью определения единого центра координации и организации исторических исследований в Сибирском регионе. Таким центром могло и должно было стать региональное академическое учреждение системы АН СССР. Третий фактор коренился в формировании на территории Сибири сети специализированных научных советов по разным отраслям исторического знания и направлениям научных исследований. Эти советы в последующем стали совершенно новой формой организации научной деятельности. Они отличались от традиционных ученых советов вузов и научных институтов, решавших не только научные, но и административные, и иные вопросы. Научные советы стали рассматриваться как межведомственные общественные организации, функции которых состояли в том, чтобы планировать научную работу по конкретной актуальной проблеме, координировать научную работу, обсуждать результаты научных исследований и т.п. Например, по итогам проведенной в марте 1960 г. всесоюзной конференции был создан Научный совет СО АН СССР по истории Сибири и Дальнего Востока (со временем переименованный в Научный совет по истории Сибири). Летом 1964 г. был создан Научный совет по комплексной проблеме «Ис-

тория Великой Октябрьской социалистической революции» Отделения истории АН СССР и т.п.

Первым опытом выстраивания системы координации усилий сибирских гуманитариев по изучению истории Сибирского региона стала состоявшаяся в июне 1956 г. в Томске по инициативе Новосибирского отделения Всесоюзного географического общества «Первая конференция по комплексному изучению истории народов Западной Сибири». В ее работе приняли участие историки, археологи, языковеды, географы, антропологи и этнографы, благодаря чему данная конференция, ее задачи и решения уже выходили за рамки чисто исторических исследований. Конференция приобретала междисциплинарный характер, намечая связи исторических исследований с филологией, лингвистикой, антропологией, географией и т.п. Участники конференции ставили перед собой задачу осуществлять координацию работы местных исследователей (прежде всего профессиональных) и вырабатывать перспективный план по написанию древней истории Западной Сибири. На этой конференции был организован координационный комитет, который возглавил видный сибирский этнограф, лингвист, профессор Томского пединститута А.П. Дульзон [5. Л. 1–4]. Отчасти благодаря решениям этой конференции были определены основные направления деятельности по координации работы научных учреждений и вузов Сибири в последующие годы.

Однако член Постоянной комиссии по общественным наукам СО АН СССР (комиссия была создана в январе 1959 г. для улучшения координации научной работы в регионе) проф. И.И. Матвеевков, выступая на пленарном заседании конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (март 1960 г.), в своем докладе «О перспективном плане развития общественных наук в СО АН СССР на 1960–1975 гг.» все еще выявлял ряд существенных недостатков в работе историков, экономистов, философов, литературоведов и языковедов Сибири и Дальнего Востока, выражавшихся прежде всего в «параллелизме», что оказывалось результатом разобщенности исследователей. Отсутствие связи работников друг с другом и обмена опытом приводило к дублированию материала, в то время как при скоординированной работе могло быть достигнуто более глубокое, полное исследование той или иной общесоциологической или социогуманитарной проблемы. Серьезным недостатком в организации научной работы периферийных ученых были «мелкотемье» и «кустарничество», «слабая научная связь с современностью»: «...многие научные работники до последнего времени не решались взяться за исследование актуальных больших вопросов» [6. С. 54–55], – отмечалось в докладе проф. И.И. Матвеевкова. Причины такого положения вещей коренились в распыленности научных сил, их неорганизovanности и отсутствии должного научного руководства. Поэтому, несмотря на довольно высокий научно-исследовательский и кадровый потенциал, до сих пор не были созданы фундаментальные труды по истории Сибирского и Дальневосточного регионов.

Инициатива написания обобщающего труда по истории Сибири исходила от историков Томска и Ир-

кутска. В конце 1950-х гг. при Институте экономики и организации промышленности СО АН СССР на общественных началах была создана группа, взявшая на себя работу по подготовке и проведению мероприятий, связанных с изданием «Истории Сибири». Позднее при Институте экономики и организации производства СО АН СССР был создан сектор гуманитарных исследований, в 1962 г. его реорганизовали в отдел, на базе которого в 1966 г. создали самостоятельный Институт истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН СССР.

Созданная на общественных началах группа готовила и провела в марте 1960 г. под эгидой Отделения исторических наук АН СССР и СО АН СССР, совместно с Министерством высшего и среднего специального образования (МВССО) РСФСР, Общесоюзную научную конференцию по истории Сибири и Дальнего Востока, ставшей значимым для сибирской исторической науки мероприятием. Созыв конференции был вызван назревшей у историков, этнографов, археологов и антропологов, занятых изучением Сибири и Дальнего Востока, необходимостью обменяться мнениями о состоянии науки, определить основные направления ее развития, продумать организационные формы дальнейшей научно-исследовательской деятельности. В ее работе приняли участие ведущие историки вузов и научных учреждений Сибири, Дальнего Востока, Москвы, Ленинграда и других городов СССР [7. Л. 2–4].

Проф. В.И. Дулов (Иркутский пединститут), выступая в прениях по итогам пленарного заседания конференции «Общие проблемы истории Сибири и Дальнего Востока» и касаясь значения конференции, подчеркнул, что проводимая сессия свидетельствует о том, что «местная история стала предметом науки», а из этого вытекала одна из перспективных проблем сибирской историографии – выявление роли и задач региональной истории, ее рамок и границ, а также соотношения с историей СССР [6. С. 61]. Говоря о результатах научно-исследовательской работы на местах, все выступавшие в прениях подчеркивали, что отсутствие в Сибири единого научного центра по общественным наукам, способного осуществлять научное руководство и координировать научно-исследовательскую работу, задерживает дальнейшее развитие гуманитарных наук. Участники конференции единодушно поддержали предложение об организации в системе СО АН СССР Комплексного научно-исследовательского института общественных наук. Участники конференции одобрили инициативу по созданию многотомной «Истории Сибири», обратились в Отделение исторических наук АН СССР, Президиум СО АН СССР, МВССО СССР и к руководству ТГУ и ИГУ о помощи и поддержке в создании «Истории Сибири». Было признано, что центром организации этой работы станет СО АН СССР [6. С. 62–64; 7. Л. 2–4].

Подготовка на протяжении 1960-х гг. сибирскими учеными (историки Дальнего Востока в этой работе принимали незначительное участие) при координации СО АН СССР многотомного фундаментального труда по истории Сибири стало закономерным и логичным развитием исторической науки в Сибирском регионе

и, прежде всего, сибиреведческих исследований. До публикации в конце 1960-х гг. пятитомного академического издания «История Сибири», такого исследования не существовало не только в Сибири, но не было его и по истории других крупных макрорегионов РСФСР.

Главными редакторами всего издания стали А.П. Окладников и В.И. Шунков. П.Т. Хаптаев и З.В. Гоголев были заместителями главного редактора, В.Л. Соскин – ответственным секретарем. Членами главной редколлегии издания были профессора и научные сотрудники из сибирских городов, а также из Москвы и Ленинграда: В.А. Аврорин, Г.А. Докучаев, В.И. Дулов, А.И. Крушанов, Ф.А. Кудрявцев, И.И. Матвеев, Л.П. Потапов, Г.А. Пруденский, И.М. Разгон. Всего в состав редколлегий пяти томов входили 46 членов, из которых 17 человек были работниками СО АН СССР; 19 – вузовские работники; 10 человек – работниками других научных учреждений Сибири, Москвы и Ленинграда.

В процессе работы по написанию «Истории Сибири» параллельно авторским коллективом издавались тематические сборники научных статей, были подготовлены и защищены несколько десятков кандидатских и несколько докторских диссертаций. Для обсуждения наиболее важных или дискуссионных вопросов проводились специальные совещания, конференции и симпозиумы, где вырабатывались единые подходы к концептуальному пониманию работы. Например, благодаря накапливающемуся научно-исследовательскому материалу в ходе работы над изданием томские историки организовали постоянный выпуск межвузовских сборников научных статей «Вопросы истории Сибири» [8] в серии «Труды Томского университета», который был высоко оценен в научном сообществе. Он являлся официальным изданием томской школы сибиреведения.

Сложность работы над книгами выражалась и в том, что многочисленный авторский коллектив не был един в подходах и точках зрения на отдельные периоды и события в истории Сибири, а также на трактовки некоторых принципиальных вопросов. Причем чем более отдаленные по времени были эти вопросы от современности, тем было больше дискуссий. Этой огромной работе предшествовало обсуждение разделов на конференциях, на которых части книги, помещаемые в «Историю Сибири», получали одобрение для публикации. В 1963 г. в Новосибирске проходило одно из таких совещаний, на котором развернулась острая научная дискуссия между представителями двух исторических школ. Представители томской сибиреведческой школы (И.М. Разгон, А.П. Бородавкин, З.Я. Бояршинова) расходились во мнениях с учеными, представлявшими иркутскую школу (в лице С.Ф. Ковалю), относительно сущности общественного движения в Сибири XIX в. – сибирского областничества (раздел издания – «Общественно-политическое движение в 70–80-е гг. XIX в.»). Это движение иркутяне рассматривали как либерально-революционное и считали его позитивным явлением в истории Сибири, в то время как томики не считали областническое движение таковым и, более того, от-

рицательно к нему относились. Особенно негативную оценку этому явлению в российской истории давал И.М. Разгон, считая его отрицательной составляющей общественного движения, сепаратистской и центробежной силой. В итоге между этими двумя центрами возникла полемика, переросшая в борьбу за то, чья точка зрения будет отражена в академическом издании. В конечном итоге по этому вопросу возобладала позиция томичей, что нашло отражение в издании.

Пятитомное академическое издание «История Сибири» вышло в свет в 1968–1969 гг. (первые четыре тома – в 1968 г., пятый – в 1969 г.) в издательстве «Наука». В 1973 г. книга была отмечена Государственной премией РСФСР. Вышедшие тома «Истории Сибири» получили высокие отзывы и рецензии в среде советских историков на страницах ведущих периодических изданий СССР («Вопросы истории», «История СССР», «Советская археология» и др.) [9, 10].

Этот фундаментальный труд до сих пор является непревзойденным в современной отечественной исторической науке по полноте фактического и теоретического материала. Более того, эта книга дала толчок для историков смежных макрорегионов начать подобную работу. Так, на Второй зональной конференции историков в Перми, состоявшейся 3 марта 1965 г., «уральские историки, воодушевленные удачным опытом работы сибирских историков над комплексной обобщающей работой по истории Сибири», решили написать собственную «Историю Урала» в 5 томах [11. Л. 75]. Работа по публикации «Истории Урала» шла достаточно неравномерно и медленно, на протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1970-х гг. были опубликованы ряд отдельных изданий под общим названием «Очерки истории Урала», а в 1976–1977 гг. вышел в свет академический двухтомник [12].

Благодаря успешному опыту сибирских историков и полученным высоким оценкам и отзывам в научной печати, с конца 1960-х гг. было решено приступить к реализации параллельно двух научных проектов, посвященных истории рабочего класса и крестьянства Сибири.

Как и в случае с изданием «Истории Сибири», координационную работу по формированию научного коллектива сибирских историков (помимо историков в ней принимали участие представители иных обществоведческих и социогуманитарных направлений – экономисты, юристы, социологи и др.), проведению подготовительных конференций, совещаний и иных мероприятий взял на себя ИИФиФ СО АН СССР во главе с акад. А.П. Окладниковым. Преподаватели и аспиранты сибирских вузов и научных учреждений активно включались в работу симпозиумов, проводившихся ИИФиФ СО АН СССР по проблемам истории рабочего класса и крестьянства Сибири.

В 1974 г. МВидСО РСФСР специальным письмом (за подписью зам. министра А.М. Кутепова) в адрес ректоров сибирских вузов рекомендовало (а фактически обязывало) включать в тематические планы научных исследований вузов работу по написанию «Истории рабочего класса Сибири» и «Истории крестьянства Сибири». Работа, по предложению министерства, должна была осуществляться за счет средств, ежегодно выделяемых вузам на проведение научных иссле-

дований. Ректорам вузов вменялось в обязанность создавать необходимые условия для проведения указанной тематики, а именно осуществлять оптимальное планирование нагрузки сотрудников, обеспечивать возможность для их участия в научных конференциях, симпозиумах, авторских совещаниях [13. Л. 2; 14. Л. 174].

На протяжении предшествующего данной работе периода 1950-х – первой половины 1970-х гг. сибирскими историками был накоплен колоссальный опыт по изучению на региональном и локальном уровнях рабочего класса и крестьянства. Историей крестьянства занимались во всех регионах Сибири, а история рабочего класса наибольшее развитие получила в индустриально развитых регионах и городах (Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Красноярск, Томск, Иркутск).

Серьезный научно-организационный задел по истории рабочего класса Сибири был сделан кемеровскими историками во главе с руководителем научной школы д-ром ист. наук, проф. З.Г. Карпенко. В Кемерове (сначала в пединституте, затем в университете) развивались и в дальнейшем все больше укреплялись традиционные научные направления, связанные с изучением промышленно-индустриальной базы региона и кадрового состава кузбасских рабочих, разработкой специальной методологии и методики исследований (в том числе уникальный опыт применения кемеровскими историками ЭВМ в обработке статистических и иных данных как источников по истории рабочего класса). Результаты коллективных исследований кафедры истории СССР совместно с Лабораторией гуманитарных исследований КемГУ были заложены в фундаментальные труды по истории рабочих Сибири, а научные монографии кемеровских историков встречали действенную поддержку со стороны ИИФиФ СО АН СССР, сотрудники института принимали непосредственное участие в их публикации [15–17 и др.].

В ходе работы над изданиями проводилось большое количество конференций, симпозиумов, встреч и иных форумов, по итогам работы которых публиковались материалы для широкого освещения и обсуждения концептуальных вопросов в среде научной общности: «Материалы к “Истории крестьянства Сибири”» [18] и «Материалы к “Истории рабочего класса Сибири”» [19–22].

В результате многолетней системной работы сибирских историков и других представителей гуманитарных направлений, в течение 1980-х гг. в издательстве «Наука» (Сибирское отделение, Новосибирск) вышли многотомные монографии «История крестьянства Сибири» [23] и «История рабочего класса Сибири» [24]. Главными редакторами обоих изданий стали акад. А.П. Окладников (гл. ред. первых томов), совместно с чл.-кор. (позже акад.) А.П. Деревянко. Публикации этих трудов были удостоены самых высоких оценок и получили положительные отзывы на страницах центральной печати [25–28 и т.д.].

На примере работы редакционной коллегии и авторского коллектива «Истории рабочего класса Сибири» рассмотрим некоторые особенности и специфические аспекты такого рода научно-организационной деятельности.

После решения всех формальных и организационных вопросов с центральными органами власти (МВиССО РСФСР, МВиССО СССР и проч.), с АН СССР и СО АН СССР, с вузами и научно-исследовательскими институтами, редколлегией были проанализированы научные исследования каждого потенциального автора и направлены письменные обращения, в которых им предлагалось принять участие в работе по написанию определенных разделов и частей издания [14. Л. 177–187].

Научно-организационной работе по истории рабочего класса сопутствовал ряд конференций, симпозиумов, семинаров, обсуждений, а также публикация специальных изданий (тематических сборников и материалов к «Истории рабочего класса Сибири») и иных материалов, связанных с тем или иным сюжетом истории рабочего класса Сибири (в зависимости от предмета или хронологии обсуждаемого вопроса). Эти издания публиковались с целью выявления, аккумуляции и критического обсуждения имеющихся на тот момент в сибирской исторической науке новых теоретико-методологических подходов и эмпирической базы.

По итогам проходивших на протяжении 1970–1980-х гг. научных симпозиумов по проблемам истории рабочего класса Сибири и на основании принимаемых на них общих и секционных решений, вырабатываемых рекомендаций, члены редколлегии томов формировали концептуальные подходы к отдельным проблемам и предметным вопросам. В 1970-х гг. было проведено несколько значимых симпозиумов: «Источниковедение и историография рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири» (ноябрь 1973 г.); симпозиум «Союз рабочего класса и крестьянства» (сентябрь 1974 г.); симпозиум «Актуальные проблемы истории рабочего класса России и Сибири в дооктябрьский период» (октябрь 1978 г.). К знаменательным датам приурочивались симпозиумы по определенной тематике в соответствии с сибирской спецификой [29. Л. 39, 88].

Так, участники состоявшейся в ноябре 1973 г. секции «История рабочих Сибири в дооктябрьский период» симпозиума, посвященного источниковедению и историографии рабочего класса, крестьянства и интеллигенции Сибири, предложили силами авторского коллектива первого тома подготовить и опубликовать сборник статей по историографии и источниковедению рабочих Сибири в дооктябрьский период, поскольку выпуск такого сборника привлечет бы внимание к дальнейшей разработке теоретических и практических проблем источниковедения истории рабочего класса [Там же. Л. 89–90]. Участники симпозиума «Актуальные проблемы истории рабочего класса России и Сибири в дооктябрьский период», проходившего в Новосибирске (октябрь 1978 г.), конкретизируя задачи изучения рабочего класса России и Сибири в дооктябрьский период, посчитали необходимым в ближайшем будущем сосредоточить внимание на изучении и разработке ряда методических и методологических вопросов истории рабочего класса, для чего симпозиум посчитал целесообразным создать из числа его участников рабочие комиссии и поручить им подготовить доклады по теоретическим и методо-

логическим вопросам указанных проблем в целях широкого обсуждения их в научной печати [29. Л. 39–41].

Последние годы перед публикацией каждого из томов «Истории рабочего класса Сибири» были насыщены сложной творческой работой редакционной коллегии и авторского коллектива. Обсуждения, споры и дискуссии содержательного и концептуального характера имели важное значение в подготовке этих томов. Разница оценок и подходов, согласование их с марксистской научно-исторической моделью требовали от авторов, а в большей степени от членов главной редколлегии и редколлегии томов, корректности в расстановке акцентов и вынесении оценок. Важным моментом в работе над коллективной монографией были стыковка текстов разных глав и разделов с общей концепцией каждого тома и всего издания, сохранение логики и последовательности изложения материала.

Таким образом, мы видим, что научно-организационная работа по созданию фундаментальных обобщающих трудов по истории Сибири, регионального крестьянства и рабочего класса стала уникальным феноменом не только в сибирской, но и, пожалуй, во всей отечественной науке. Никакая иная социогуманитарная отрасль научного знания не имела подобного опыта концентрации научно-организационного потенциала и такого количества ученых, работавших над комплексными темами.

Эта работа стала результатом координации деятельности сибирских и советских историков на разных организационных уровнях. Работа над обобщающими проблемами стала возможна благодаря тому, что произошли выстраивание системы координации исторических исследований, обмен опытом, согласование тем научных исследований и т.п. Эти формы работы оказались возможны при организации и проведении специализированных региональных исторических конференций, симпозиумов, совещаний и иных форумов. Важный фактор успеха этой работы был связан с определением единого центра по координации и организации исторических исследований в сибирском регионе – ИИФиФ СО АН СССР. Не последнее значение имело формирование сети научных советов на территории Сибири по разным отраслям исторического знания.

Работа над фундаментальными трудами имела синергетический эффект. Благодаря разработке различных сюжетов у сибирских историков появлялась возможность более глубокой разработки тем – начиная от публикации статей, тематических межвузовских сборников и т.п., защиты диссертаций, и заканчивая появлением новых исследовательских векторов, теоретико-методологической разработки сложнейших вопросов истории региона и классов. Труды по истории рабочего класса и крестьянства стали базой для дальнейшего развития исследований направлений и заложили основу для научных изысканий сибирских историков на многие десятилетия вперед, вплоть до сегодняшнего дня. Научные результаты (теоретические и методологические разработки, концепции, собранный источниковый и историографический материал и т.п.), полученные в ходе работы над многотомными изданиями, до сих пор поз-

воляют ряду сибирских историков работать по сибиреведческой тематике.

В заключение отметим, что дальнейшее изучение сибирского и подобного ему макрорегионального опыта научно-организационной работы над обобщающими трудами имеет сегодня научную и практическую значимость. Это позволяет в настоящее время усваивать и учитывать положительный и негативный опыт по организации подобных комплексов, фундаментальных проектов. Сегодня это крайне необходимо, поскольку за период 1990–2000-х гг. научно-исследовательское поле отечественных периферийных макрорегионов (таких как Сибирь, Дальний Восток, Урал) стало достаточно партикулярным, исследования раздроблены, микрорегиональные и локальные интересы сибирских историков ставятся выше интересов региональной и

глобальной науки. Это обостряется отсутствием единого координационного центра исследований, имеющего непререкаемый авторитет, и наличием межличностных и институциональных противоречий между сибирскими историками и научно-образовательными учреждениями.

В настоящее время перед историками российских макрорегионов стоит задача поиска новых обобщающих исследовательских задач и организации этих исследований. С одной стороны, это позволит историкам поднять на принципиально новый уровень теоретико-методологическую базу своих исследований, а с другой – активизировать процессы, которые сопутствуют работе над подобными изданиями: координация научных исследований, проведение конференций, публикация тематических сборников, монографий, защита диссертаций и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление СМ СССР № 456 от 12 апреля 1956 г. «О мерах улучшения научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» // Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции / под ред. Л.И. Карпова, В.А. Северцева. М. : Сов. наука, 1957. 656 с.
2. Постановление ЦК КПСС, СМ СССР № 163 от 20 февраля 1964 г. «О дальнейшем развитии научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» // Собрание Постановлений Правительства СССР. 1964. № 3. Ст. 15.
3. Струве М.Э. Двадцать второй съезд КПСС // Большая Советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров, 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1969–1978. 1972. Т. 7.
4. Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам, 18–21 дек. 1962 г. / редкол.: Е.М. Жуков, П.Н. Поспелов, Ю.П. Францев и др. М. : Наука, 1964. 517 с.
5. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай. Ф. 462. Оп. 1. Д. 49. 1958 г.
6. Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока: Труды Конференции по истории Сибири и Дальнего Востока: Материалы Пленарного заседания и Секции истории досоветского периода, археологии и этнографии. Март. 1960 / редкол.: В.И. Дулов (отв. ред.) и др. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния АН СССР, 1961. 402 с.
7. Центр документации новейшей истории Томской обл. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 1019. 1973 г.
8. Вопросы истории Сибири : сб. ст. Вып. 1 / ред. А.П. Бородавкин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1964. 176 с.; Вып. 2 / ред. Л.И. Боженко, А.П. Бородавкин. 1965. 243 с.; Вып. 3 / ред. И.М. Разгон, Л.И. Боженко. 1967. 320 с.
9. Борисковский П.И., Гурина Н.Н., Массон В.М. Рец. на кн.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 1. Древняя Сибирь. Л., 1968 // Советская археология. 1974. № 4. С. 285–290.
10. Зуйков В.Н., Ефременков Н.В. Рец. на кн.: История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 4–5. М., 1968–1969 // История СССР. 1971. № 5. С. 142–144.
11. Государственный архив Тюменской обл. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 347. 1961–1968 гг.
12. История Урала : в 2 т. Издание второе. Пермь : Перм. книжн. изд-во, 1976–1977. Т. 1. 395 с.; Т. 2. 544 с.
13. Государственный архив Кемеровской обл. Ф. Р-353. Оп. 2. Д. 35. 1974 г.
14. Личный архивный фонд В.П. Зиновьева. Оп. 2. (Переписка по первому тому «Истории рабочего класса в Сибири»). Д. 2. (Исходящая корреспонденция). 1971–1984 гг.
15. Алексеев В.В., Бондаренко А.С. Энергетики Кузбасса / отв. ред. З.Г. Карпенко. Новосибирск : Наука, 1977. 224 с.
16. Горняки Кузбасса / отв. ред. З.Г. Карпенко. Новосибирск : Наука, 1971. 284 с.
17. Металлурги Кузбасса : сб. науч. тр. Кемерово : Кемеров. книж. изд-во, 1975. Ч. 1. 200 с.; Ч. 2. 328 с.
18. Социально-экономическое и политическое развитие сибирской деревни в советский период: Материалы к «Истории крестьянства Сибири». Новосибирск : б.и., 1974. 210 с.
19. Отряды рабочего класса Сибири: Материалы к «Истории рабочего класса Сибири» / отв. ред. В.В. Алексеев. Новосибирск : Наука, 1981. 348 с.
20. Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма: материалы к «Истории рабочего класса Сибири» / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1980. 341 с.
21. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма: материалы к «Истории рабочего класса Сибири» : сб. ст. Новосибирск : б.и., 1975. 220 с.
22. Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма. 1938–1958: Материалы к «Истории рабочего класса Сибири» : сб. науч. тр. Новосибирск : Наука, 1977. 237 с.
23. История крестьянства Сибири : в 5 т. Новосибирск : Наука, 1982–1991. Т. 1: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. акад. А.П. Окладников, 1982. 504 с.; Т. 2: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма / отв. ред. д.и.н. Л.М. Горюшкин, 1983. 399 с.; Т. 3: Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / под ред. д.и.н. Н.Я. Гушина, 1983. 389 с.; Т. 4: Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / под ред. д.и.н. В.Т. Анискова, д.и.н. Н.Я. Гушина, 1983. 398 с.; Т. 5: Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. / под ред. д.и.н. Н.Я. Гушина. 1991. 493 с.
24. История рабочего класса Сибири : в 5 т. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1982–1986. Т. 1: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период / отв. ред. д.и.н. Н.В. Блинов. 1982. 455 с.; Т. 2: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. д.и.н. А.С. Московский. 1982. 423 с.; Т. 3: Рабочий класс Сибири. 1938–1960 гг. Новосибирск : Наука, 1985. 384 с.; Т. 4: Рабочий класс Сибири. 1961–1980-е гг. 1986. 355 с.
25. Горская Н.А., Никитин Н.И. Рецензия: История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма // История СССР. 1984. № 6. С. 171–175.
26. Зеленин И.Е. Рецензия: История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) // История СССР. 1984. № 6. С. 181–184.

27. Твердохлеб А.А. Рецензия: История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) // История СССР. 1987. № 2. С. 174–177.
28. Дробижев В.З., Кожурин В.С. рецензия: Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг. // История СССР. 1987. № 2. С. 180–183.
29. Личный архивный фонд В.П. Зиновьева. Оп. 1 (Переписка по первому тому «Истории рабочего класса Сибири»). Д. 1 (Входящая корреспонденция). 1971–1984 гг.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

RESEARCH AND ORGANIZATIONAL ACTIVITIES OF HISTORIANS OF THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY ON THE PREPARATION OF FUNDAMENTAL WORKS ON THE HISTORY OF THE SIBERIAN REGION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 149–156.

DOI: 10.17223/15617793/413/23

Dmitry V. Khaminov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: khaminov@mail.ru

Keywords: Siberia; historians; higher education institutions; research institutes; Siberian peasantry; Siberian working class.

The article is devoted to the study of the unique experience of coordination of historical research on the important phenomena and processes of the socio-economic and cultural life of one of the biggest macro-regions of our country, Siberia. For the first time in the historiography, the research and organizational work on the creation of fundamental works reflecting regional history is investigated. The research is carried out on the basis of archival sources and materials that are first introduced in the scientific use. The research showed that the research and organizational work on the creation of fundamental generalizing works on the history of Siberia, on the history of regional peasantry and the working class became a unique phenomenon not only in Siberia but also, perhaps, in Russian science in general. No other socio-humanitarian branch of knowledge had such an experience of concentration of the research and institutional potential and so many scholars working on complex topics. This work was the result of coordination of Siberian and Soviet historians on different organizational levels. The work on generalizing problems became possible because a system of historical research coordination, exchange of experience, research topics coordination was made. These forms of work proved to be possible in the organization and holding of specialized regional historical conferences, symposiums, meetings and other forums. An important factor in the success of this work was connected with the allocation of a single center for the coordination and organization of historical research in the Siberian region – the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR. Not least important was the establishment of a network of academic councils in Siberia on different branches of historical knowledge. The work on the fundamental issues had a synergistic effect. Through the development of a variety of subjects, Siberian historians had a possibility of a deeper development of their topics: from publication of articles, defence of theses, publication of intercollegiate thematic collections, etc. to the emergence of new research vectors, theoretical and methodological development in the most complex questions of the history of the region. Works on the history of the working class and the peasantry became a basis for the further development of research areas. They laid the foundation for Siberian historians' research for decades to come, until today. The research results (theoretical and methodological development of the concept, collected sources and historiographical material, etc.), obtained when working on the multi-volume publications, still allow a number of Siberian historians to work on the topics of Siberian studies.

REFERENCES

1. Karpov, L.I. & Severtsev, V.A. (eds) (1957) Postanovlenie SM SSSR № 456 ot 12 aprelya 1956 g. "O merakh uluchsheniya nauchno-issledovatel'skoy raboty v vysshikh uchebnykh zavedeniyyakh" [USSR CM Resolution number 456 of April 12, 1956 "On measures to improve research in higher education institutions"]. In: *Vysschaya shkola. Osnovnye postanovleniya, prikazy i instruktsii* [Higher school. Key decisions, orders and instructions]. Moscow: Sov. nauka.
2. USSR Government. (1964) Postanovlenie TsK KPSS, SM SSSR № 163 ot 20 fevralya 1964 g. "O dal'neyshem razvitiy nauchno-issledovatel'skoy raboty v vysshikh uchebnykh zavedeniyyakh" [Resolution of the CPSU Central Committee, the USSR CM number 163 of February 20, 1964 "On further development of research in higher education institutions"]. *Sobranie Postanovleniy Pravitel'stva SSSR*. 3. Art. 15.
3. Struve, M.E. (1972) Dvadsat' vtoroy s"ezd KPSS [Twenty-second Congress of the CPSU]. In: Prokhorov, A.M. (ed.) *Bol'shaya Sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [The Great Soviet Encyclopedia: in 30 vols]. 3rd ed. Vol. 7. Moscow: Sov. entsiklopediya.
4. Zhukov, E.M. et al. (eds) (1964) *Vsesoyuznoe soveshchanie o merakh uluchsheniya podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov po istoricheskim naukam, 18–21 dek. 1962 g.* [The all-Union conference on measures to improve the training of the teaching staff for historical sciences, 18–21 December 1962]. Moscow: Nauka.
5. State Archive of Socio-Legal Documents of the Republic of Altai (GASPD RA). Fund 462. List 1. File 49. 1958. (In Russian).
6. Dulov, V.I. et al. (eds) (1961) *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Trudy Konferentsii po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Materialy Plenarnogo zasedaniya i Sektsii istorii dosovetskogo perioda, arkhologii i etnografii. Mart. 1960* [Issues of history of Siberia and the Far East: Proceedings of the Conference on the history of Siberia and the Far East: Proceedings of plenary sessions and sections of pre-Soviet period of history, archeology and ethnography. March 1960]. Novosibirsk: SB USSR AS.
7. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast. Fund 4204. List 4. File 1019. 1973. (In Russian).
8. Borodavkin, A.P. (ed.) (1964) *Voprosy istorii Sibiri* [Issues of history of Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
9. Boriskovskiy, P.I., Gurina, N.N. & Masson, V.M. (1974) Rets. na kn.: *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Tom 1. Drevnyaya Sibir'*. L., 1968 [Book Review: History of Siberia from Ancient Times to the Present Day. Volume 1. Ancient Siberia. Leningrad, 1968]. *Sovetskaya arkhologiya*. 4. pp. 285–290.
10. Zuykov, V.N. & Efremkov, N.V. (1971) Rets. na kn.: *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney. T. 4–5. M., 1968–1969* [Book Review: History of Siberia from Ancient Times to the Present Day. Vols 4–5. Moscow, 1968–1969]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 142–144.
11. State Archive of Tyumen Oblast. Fund R-765. List 1. File 347. 1961–1968. (In Russian).
12. Kaptugovich, I.S. (ed.) (1976–1977) *Istoriya Urala: v 2 t.* [The history of the Urals: in 2 vols]. 2nd ed. Perm: Perm. knizhn. izd-vo.
13. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund R-353. List 2. File 35. 1974. (In Russian).
14. V.P. Zinov'ev's Personal Archive. List 2. *Perepiska po pervomu tomu "Istorii rabocheho klassa v Sibiri"* [Correspondence on the first volume of the History of the Working Class in Siberia]. File 2. *Iskhodyashchaya korrespondentsiya* [Outgoing mail]. 1971–1984 gg.
15. Alekseev, V.V. & Bondarenko, A.S. (1977) *Energetiki Kuzbassa* [Kuzbass power engineers]. Novosibirsk: Nauka.
16. Karpenko, Z.G. (ed.) (1971) *Gornyye Kuzbassa* [Kuzbass miners]. Novosibirsk: Nauka.
17. Karpenko, Z.G. et al. (eds) (1975) *Metallurgi Kuzbassa* [Kuzbass steelmakers]. Kemerovo: Kemerov. knizh. izd-vo.

18. Gushchin, N.Ya. et al. (eds) (1974) *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie sibirskoy derevni v sovetskiy period: Materialy k "Istorii krest'yanstva Sibiri"* [Socio-economic and political development of the Siberian village in the Soviet period: Materials for the History of Peasantry in Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].
19. Alekseev, V.V. (ed.) (1981) *Otryady rabocheho klassa Sibiri: Materialy k "Istorii rabocheho klassa Sibiri"* [Units of the working class of Siberia: Materials for the History of Peasantry in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
20. Goryushkin, L.M. (ed.) (1980) *Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma: materialy k "Istorii rabocheho klassa Sibiri"* [Industry and workers in Siberia in the period of capitalism: Materials for the History of Peasantry in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
21. Moskovskiy, A.S. et al. (eds) (1975) *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma: materialy k "Istorii rabocheho klassa Sibiri"* [The working class of Siberia in the period of socialism construction: Materials for the History of Peasantry in Siberia]. Novosibirsk: [s.n.].
22. Alekseev, V.V. et al. (eds) (1977) *Rabochiy klass Sibiri v period uprocheniya i razvitiya sotsializma. 1938–1958: Materialy k "Istorii rabocheho klassa Sibiri"* [The working class of Siberia during the consolidation and development of socialism. 1938–1958: Materials for the History of Peasantry in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
23. Okladnikov, A.P. et al. (eds) (1982–1991) *Istoriya krest'yanstva Sibiri: v 5 t.* [History of Peasantry in Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.
24. Blinov, N.V. et al. (eds) (1982–1986) *Istoriya rabocheho klassa Sibiri: v 5 t.* [History of the working class in Siberia: in 5 vols]. Novosibirsk: Nauka.
25. Gorskaya, N.A. & Nikitin, N.I. (1984) Retsenziya: Istoriya krest'yanstva Sibiri. Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma [Book Review: History of Peasantry in Siberia. The Peasantry of Siberia in the Feudal Era]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 171–175.
26. Zelenin, I.E. (1984) Retsenziya: Istoriya krest'yanstva Sibiri. Krest'yanstvo Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [Book Review: History of Peasantry in Siberia. The Peasantry of Siberia in the Period of Socialism Construction (1917–1937)]. *Istoriya SSSR*. 6. pp. 181–184.
27. Tverdokhlebov, A.A. (1987) Retsenziya: Istoriya rabocheho klassa Sibiri. Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.) [Book Review: History of the Working Class in Siberia. The Working Class of Siberia in the Period of Socialism Construction (1917–1937)]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 174–177.
28. Drobizhev, V.Z. & Kozhurin, V.S. (1987) Retsenziya: Rabochiy klass Sibiri. 1961–1980 gg. [Book Review: The Working Class of Siberia. 1961–1980]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 180–183.
29. V.P. Zinov'ev's Personal Archive. List 1. *Perepiska po pervomu tomu "Istorii rabocheho klassa v Sibiri"* [Correspondence on the first volume of the History of the Working Class in Siberia]. File 1 *Vkhodyashchaya korrespondentsiya* [Incoming mail]. 1971–1984.

Received: 11 November 2016

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (МАРТ–ОКТЯБРЬ 1917 г.)

Рассмотрен процесс реформирования органов местного самоуправления в городах Томской губернии в межреволюционный период. Установлено, что в городах сложилось двоевластие: комитеты общественной безопасности с новоизбранными народными собраниями и городские думы. Отмечено, что Временное правительство не признало народные собрания законными, потребовало их роспуска и проведения выборов в городские думы по новому закону. Сделан вывод, что регулярные трансформации в местном самоуправлении отрицательно сказались на решении насущных вопросов развития городского хозяйства.

Ключевые слова: выборы; народные собрания; городские думы; гласные; органы местного самоуправления; губернский комиссар; Томская губерния.

Февральская революция 1917 г. привела к демократическим преобразованиям общественно-политической жизни, в том числе реформированию органов городского самоуправления в стране. Межреволюционный период – переломный этап в жизни российского общества, одним из проявлений которого являлось противостояние различных общественных сил за свое влияние. Местные органы стали площадкой политической борьбы. Особый интерес представляет практика формирования местного самоуправления как института представительной власти, наиболее близкого к населению.

Современная историография располагает значительным объемом исследований по различным аспектам жизни сибирского общества в условиях революционных потрясений 1917 г. Некоторые сюжеты формирования органов местного самоуправления в Сибири затронуты в трудах В.А. Дробченко, Э.И. Черняк и О.В. Чудакова [1–3]. В имеющихся работах преобладают фрагментарность, описательность и представлены в основном крупные города – Томск, Барнаул, Новониколаевск. В данной работе поставлена цель – исследовать практику реформирования местной власти в городах региона, выявить особенности данного процесса в отдельных поселениях и дать общую оценку деятельности городских народных собраний в этот период.

Информационную основу данной работы составили архивные документы Государственного архива Томской области (журналы заседаний временных комитетов, городских дум, народных собраний, переписка городских властей, протоколы избирательных собраний и др.), а также публикации местных газет. Большая часть источников впервые введена в научный оборот.

В марте 1917 г. на местном уровне наблюдалась полная неразбериха. Известия о событиях в столице местные власти и общественные объединения сибирских городов восприняли как сигнал к усилению своих позиций. Повсеместно учреждались Временные комитеты общественной безопасности, местные отделения Совета рабочих и солдатских депутатов, по-прежнему действовали городские думы и управы, а также предстояло избрать народные собрания.

2 марта 1917 г. состоялось чрезвычайное собрание Томской городской думы, где обсуждались вопросы

подчинения Временному правительству и принятия мер к сохранению в городе общественного порядка. Дума постановила: во-первых, поприветствовать Временное правительство, изъявив «полную готовность работать вместе на благо родины», а также обратиться к населению города с воззванием соблюдать полное спокойствие и порядок; во-вторых, учредить Временный городской комитет общественного порядка и безопасности в числе 10 лиц: 5 от общественных организаций и 5 от думы (позднее состав был расширен); в-третьих, предоставить возможность более широким слоям населения принять участие в работах по городскому хозяйству. Временный комитет возглавил адвокат Б.М. Ган, который в июне был назначен губернским комиссаром [4. Л. 393 об.]. В марте состав томского комитета доходил до 165 человек. В нем представлены были 73 общественные организации, а отказано в представительстве по разным основаниям 18 организациям [5. № 65].

Аналогичные комитеты учредили и другие города. При этом единообразия в наименовании временных органов управления не наблюдалось: например, Каинский коалиционный комитет общественной охраны и безопасности; Славгородский районный исполнительный комитет, который действовал на 28 волостей. Исполкомы и городские думы отправили письма-воззвания Временному правительству о доверии и поддержании его действий. Кроме того, исполкомам предстояло выяснить, какие меры предприняты губернской администрацией к сохранению жизни и имущества граждан. В частности, томский комитет пригласил на заседание полицмейстера с целью определения оснований, на которых будет действовать полиция. Также комитет обратился к начальнику военного гарнизона для выяснения настроений в среде военнослужащих, которых насчитывалось до 50 тыс. в городе. От частей гарнизона поступили заявления о том, что они готовы передать себя в распоряжение городской думы и комитета по безопасности. Томский комитет 15 марта 1917 г. ввел 8-часовой рабочий день во всех мастерских и заводах города [Там же. № 60].

В условиях социального катаклизма комитеты по безопасности заседали практически ежедневно. Более того, губернский комиссар Е.И. Зубашев (март – июнь 1917 г.) принимал участие в их работе. В частности, 20 апреля 1917 г. на заседании Бийского исполни-

тельного комитета комиссар обрисовал текущее положение и задачи Временного правительства, призвал всех к дружной работе на благо свободной России, а также «предложил почтить вставанием павших в борьбе за новый строй товарищей» [6. № 85]. Согласно постановлению Томского губернского народного собрания от 20 апреля 1917 г. временные исполкомы подлежали упразднению с передачей их функций городским народным собраниям и их исполкомам [7. Л. 35].

Гласные городских дум тем временем решили пополнить свои составы «демократическими элементами», не дожидаясь формирования местного самоуправления по закону 15 апреля 1917 г. В частности, Барнаульская городская дума 8 марта 1917 г. единогласно постановила возбудить через губернский комиссариат ходатайство о немедленном переизбрании состава думы на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Губернский комиссар ответил, что вопрос переизбрания думы может последовать общегосударственным порядком, распоряжением нового правительства [8. Л. 2–2 об.]. В апреле городская дума прекратила свою деятельность вследствие проведения выборов в народное собрание.

27 марта 1917 г. губернский комиссар предложил всем комитетам общественной безопасности, городским головам и старостам Томской губернии провести выборы в городские народные собрания. Для проведения выборов были образованы особые комиссии из представителей временных комитетов и городских управ.

Народные собрания должны были заменить действовавшие сельские, волостные и городские управления. Народное собрание как орган местного самоуправления определяло, как вести хозяйство, какие сборы устанавливать, как обеспечить порядок, покой и здоровье жителей. В их выборах могли участвовать как мужчины, так и женщины, проживавшие в этой местности не менее 3 месяцев, не лишённые гражданских прав и достигшие 18 лет. Система таких органов состояла из: сельских народных собраний (с исполкомами), волостных народных собраний (с исполкомами), уездных народных собраний (с исполкомами) и городских народных собраний (с исполкомами). На исполкомы возлагалось исполнение постановлений народных собраний. Сельские народные собрания избирали по одному представителю на каждые 300 избирателей в волостное собрание и по одному представителю на каждые 5 тыс. избирателей как в уездное, так и губернское собрание. В городские народные собрания избирались по одному представителю от каждой тысячи избирателей; в уездное и губернское собрания горожане избирали по одному представителю на каждые 5 тыс. избирателей [9. Л. 6–6 об.].

В частности, 28 марта 1917 г. состоялось собрание Томской городской думы по вопросу организации выборов в городское народное собрание и его исполком. Местные выборы проводились по двум курьям: 1) воинские части и управления в городе; 2) все гражданское население. На расходы по производству выборов дума ассигновала до 10 тыс. руб. [4. Л. 471, 494]. На митинге горожан 5 апреля была принята резолюция с призывом голосовать на выборах за список социалистических партий и отказать в голосах партии

кадетов [10. С. 36]. 16 апреля 1917 г. в первых всеобщих, прямых, равных и тайных выборах депутатов губернского, уездного и городского народных собраний приняли участие 43 612 из 65 тыс. томичей. Городским народным собранием были приняты постановления о выборе членов ВПК, членов комиссий: продовольственной, по охране труда и общественному призрению, по народному образованию, о таксе для легковых извозчиков и обеспечении хлебом населения города. Однако городская касса пустовала, что затрудняло реализацию этих мер.

Не все города оказались готовы к проведению выборов в народные собрания. Скажем, Бийская городская дума посчитала, что выборы в народное собрание по предложению томского комитета провести до 9 апреля невозможно как вследствие узости срока, так и затруднений технического характера, а именно отсутствия списков избирателей, особенно в отношении женщин, так как их регистрация вообще не велась [8. Л. 4–4 а]. 9 апреля 1917 г. в Бийске по настоянию томского комитета все-таки состоялись выборы в городское, уездное и губернское народные собрания. По их итогам на имя губернского комиссара поступило несколько жалоб о допущенных в ходе выборов нарушениях, скажем, на неправильный учет количества избирателей [6. № 86]. В состав Бийского городского народного собрания избрали 50 депутатов и 10 кандидатов. 30 апреля состоялось его первое заседание [Там же. № 93]. Позднее городской голова рапортовал комиссару, что по предложению местного комитета касса и дела по местному хозяйству им сданы членам исполкома. Тем самым городская дума сложила с себя полномочия.

Новониколаевская городская дума 27 апреля 1917 г. доложила губернскому комиссару о сложении своих полномочий. 29 марта дума постановила в целях укрепления революции, каковую миссию в городе выполнял комитет общественного порядка и безопасности, ассигновать ему 50 тыс. руб. для организации выборов и на другие расходы, для чего заключить заем этой суммы под векселя в городском общественном банке или другом местном кредитном учреждении, уполномочив на то управу [11. Л. 63–63 об.]. Местный комитет общественного порядка 6 апреля утвердил положение о производстве выборов в городское народное собрание, а 16 апреля были произведены выборы. Избрано 80 лиц, из них 67 социалистов-революционеров. 25 апреля состоялось первое заседание народного собрания, избран президиум из 7 лиц: председатель – А.К. Скворцов; товарищи – Б.Д. Доронин-Марков, А.Ф. Андриановский, Г.А. Храмов; секретари: Е.И. Плотников, И.Л. Горох и М.И. Коробков. Народное собрание постановило приступить к приёму дел от городской думы [8. Л. 18–19].

Новониколаевским городским народным собранием был принят «социальный пакет» постановлений: о нормировании труда рабочих промышленных и торговых предприятий, об установлении тарифных ставок для дворников, домашней прислуги, сиделок, аптекарских служащих и фармацевтов, музыкантов и др. Городское собрание на заседании 6 мая 1917 г. постановило: запретить домовладельцам произвольно уве-

личивать квартирную плату и отказывать квартиронимателям от занимаемых ими квартир; в заседании 23 мая собрание постановило: в случаях возникновения конфликтов между предпринимателями и рабочими во всех предприятиях города обязать обе стороны как предпринимателей, так и рабочих обращаться за разрешением спорных вопросов в примирительную камеру при Новониколаевском СРСД [12. С. 471]. Заметного «следа» деятельность народного собрания не оставила.

Каинский городской голова 10 мая 1917 г. обратился к губернскому комиссару по вопросу устранения двоевластия в городе. 6 марта в Каинске состоялось свободное политическое собрание горожан, на котором был избран комитет в числе 20 человек, а также принято решение разоружить полицию и организовать милицию [5. № 60]. 12 марта дума выбрала 3 гласных в Каинский коалиционный комитет общественной безопасности. С одной стороны, в городе функционировали городское народное собрание с исполкомом и городская дума с управой – с другой. Губернский комиссар предложил главе города сдать дела народному собранию [8. Л. 27].

В Мариинске 4 марта 1917 г. был образован комитет общественной безопасности, который 5 марта устроил митинг и выпустил воззвание к населению [5. № 52]. В то же время городская дума с управой продолжали действовать. Между комитетом и думой возникали конфликтные ситуации, в частности по вопросу реквизиции и распределения хлеба. 27 марта в город приехал губернский комиссар Е.И. Зубашев, который обратился к населению с речью [13. С. 576]. В апреле прошли выборы в городское народное собрание, которое из своего состава избрало исполнительный комитет. Его председателем был выбран нотариус П.Л. Кошанский. Мариинский городской голова Ф.К. Раевский 16 мая довел до сведения губернского комиссара, что по требованию исполкома городского народного собрания передал все дела городской управы председателю комитета П.Л. Кошанскому, тем самым сложив с себя обязанности по должности [8. Л. 33].

В малых городах региона (Боготол, Кузнецк, Камень, Нарым, Тайга, Славгород) городские народные собрания не были сформированы. Например, в Кузнецке действовало уездное народное собрание, которое 10 апреля 1917 г. собралось на свое первое заседание. Присутствовали уполномоченные от 25 волостей и города в числе 35 человек. Собрание избрало из своей среды председателя – В.А. Шабалина и секретаря – П.К. Семенова. Интересно, что сами депутаты народного собрания признали «некоторые упущения» в производстве выборов, которые объяснялись «только незнанием и неосведомленностью руководителей». Тем не менее депутаты посчитали собрание законным и правомочным органом. Кузнецкое уездное народное собрание отправило телеграмму в Петроград (Родзянко) следующего содержания: «...шлем привет Временному Правительству, работающему на благо родины, требуем демократического республиканского образа правления в России, созыв как можно скорее Учредительного Собрания, немедленного суда над деспотом Романовым, его женой и бывшими министрами» [14. Л. 2, 4 об.].

Губернский комиссариат, несмотря на требование Временного правительства, не спешил ликвидировать народные собрания, которые работали до осени 1917 г. Из первых мер, реализованных комитетами по безопасности и народными собраниями, следует отметить передачу дел от устранившейся полиции в ведение народной милиции. Согласно постановлению Временного правительства от 13 марта 1917 г. упразднялся отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД. В компетенцию органов местного самоуправления перешла охрана общественного спокойствия и безопасности: «Милиция есть исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений» [15].

Например, Бийский исполнительный комитет постановил с 21 апреля 1917 г. уволить всех полицейских в городе и уезде [6. № 85]. В Томске 6 марта члены временного комитета по безопасности арестовали начальника жандармского губернского управления Субботина и его помощника Потоцкого. Все дела и переписка жандармерии сданы под охрану комитету. Во всех полицейских участках города был произведен обыск и все найденное оружие сдано комитету. В Боготоле сформированный 5 марта из представителей рабочих, железнодорожных служащих, солдат и граждан комитет по безопасности (из 22 человек) принял решение об организации милиции и разоружил чинов местной полиции и жандармов. 16 марта из Нарыма были отправлены в Томск арестованный пристав и уволенные помощник пристава и стражники. Кроме того, ежедневно отправлялись освобожденные нарымским комитетом политссыльные [5. № 64]. Интересно, что должность начальника городской (уездной) милиции являлась выборной. Кандидаты выбирались городским народным собранием (городской думой). Томским городским народным собранием 30 мая 1917 г. исполняющим обязанности начальника местной милиции был избран Б.И. Меркулов [4. Л. 624].

В условиях социального катаклизма, политической борьбы и дороговизны жизни городские народные собрания, сформированные на демократических началах, столкнулись с рядом неразрешимых проблем. Среди них – хронический дефицит городских бюджетов. Члены городских собраний много времени потратили на обсуждение вопросов введения новых налогов и сборов, чем на реализацию мер развития местного хозяйства.

Временное правительство все народные собрания Томской губернии посчитало незаконными органами местного самоуправления и потребовало немедленно роспуска этих собраний и проведения выборов в городские думы на основе закона от 15 апреля 1917 г. [16. С. 805–832]. Данная реформа «базируется на стремлении сохранить приоритет центрального правительства и единообразие системы власти и управления в стране» [17. С. 22]. Другим постановлением Временного правительства от 20 апреля 1917 г. Томская губерния разделялась на две губернии: Томскую с уездами (Томский, Новониколаевский, Каинский, Тогурский, Мариинский и Кузнецкий) и Алтайскую с центром в г. Барнауле с уездами (Барнаульский, Бий-

ский, Змеиногорский, Каменский и Славгородский). В связи с административным переустройством губернии реализация закона от 15 апреля 1917 г. еще более затянулась.

Согласно закону избирательный процесс подвергался существенной трансформации. Ограниченные в царское время разного рода цензами выборы объявлялись всеобщими и равными. Избирательное право получили российские граждане обоего пола, всех национальностей и верований, достигшие ко времени выборов 20-летнего возраста, проживавшие в городе, или имевшие в нем домашнее обзаведение, или состоявшие там на службе, или имевшие иные, связанные с городом занятия. Всеобщее избирательное право, включая женщин и военных, являлось прогрессивным явлением общественной жизни. Во многих западных странах в то время женщины и военные не имели право голоса. В выборах не могли участвовать: 1) высшие чины административной власти, их заместители и помощники; 2) служащие милиции (полиции); 3) лица, признанные законом безумными, сумасшедшими и глухонемыми; 4) лица монашествующие; 5) лица, приговоренные судом к наказаниям; 6) содержатели домов терпимости [18. Л. 30].

Губернский комиссар 16 мая 1917 г. срочной телеграммой предписал городским народным собраниям немедленно приступить к выборам в городские думы по закону от 15 апреля. В частности, Славгородский городской староста 17 мая получил от комиссара разрешение на проведение местных выборов по этому закону [8. Л. 31]. Однако формирование органов городского самоуправления в Томской губернии на новых демократических началах в силу разных местных условий растянулось с июня по ноябрь 1917 г. В част-

ности, в Барнауле выборы в городскую думу были назначены на 26 августа, в Бийске – на 24 сентября, в Томске – на 1 октября, в Новониколаевске – на 5 ноября 1917 г.

Впервые городские выборы состоялись на основании пропорциональной системы – по партийным спискам кандидатов. На территории Западной Сибири в местных выборах участвовали представители социал-демократической рабочей партии (меньшевики), партии социал-революционеров (эсеры), партии народных социалистов (трудовики), партии народной свободы (кадеты), обществ домовладельцев, приказчиков и др. В крупных городах Сибири наибольшую поддержку получил «социалистический блок» (меньшевиков и эсеров) [19. С. 79]. После выборов городских дум по закону от 15 апреля 1917 г. все народные собрания и их исполкомы были расформированы.

Таким образом, демократизация и преобразования органов местного самоуправления в городах Томской губернии в межреволюционный период (март–октябрь 1917 г.) вызвали двоевластие, кадровую неразбериху и конфликты в городском управлении. Организация временных комитетов общественной безопасности, городских народных собраний с исполкомами привели к ликвидации городских дум и управ, действовавших на основании Городового положения 1892 г. Постоянные изменения в системе органов самоуправления, очевидно, отрицательно сказались не только на порядке решения насущных вопросов местной жизни, но и на состоянии городского хозяйства. Ощутимых результатов деятельность городских народных собраний, не имевших практического опыта управления, не принесла. Ситуация усугублялась сложным экономическим положением всех городов региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дробченко В.А., Стасенко Л.В. Местное самоуправление в Западной Сибири в 1917 г. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всерос. науч. конф. Томск : НИ ТГУ, 2007. С. 184–207.
2. Черняк Э.И., Дробченко В.А. Структуры гражданского общества Томска в марте–октябре 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 38–45.
3. Чудаков О.В. Городское самоуправление и общественные силы в Сибири в период демократического этапа революционных событий (март–октябрь 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 5 (25). С. 59–63.
4. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 127. Оп. 1. Д. 2983.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
6. Алтай (Бийск). 1917.
7. ГАТО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 283.
9. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 286.
10. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.) : сб. док. материалов. Томск, 1957.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Д-97. Оп. 1. Д. 221.
12. Новониколаевск – Новосибирск, 1909–1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах. Новосибирск : Офсет, 2008.
13. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008.
14. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 288.
15. Собрание узаконений и распоряжений правительства. СПб., 1917. № 97. Ст. 537.
16. Постановление Временного правительства от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. СПб., 1917. № 95. Ст. 529.
17. Чудаков О.В. Законодательная деятельность Временного правительства по реформированию городского общественного самоуправления (март 1917 – октябрь 1917 г.) // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). С. 20–23.
18. Государственный архив Тюменской области. Ф. Р-1208. Оп. 1. Д. 2.
19. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.) : сб. док. материалов. Свердловск, 1967.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2016 г.

REFORMS OF LOCAL GOVERNMENTS IN THE CITIES OF TOMSK PROVINCE (MARCH–OCTOBER 1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 157–161.

DOI: 10.17223/15617793/413/24

Aleksandr B. Khrantsov, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: khrantsov_ab@bk.ru

Keywords: elections; people's assemblies; City Councils; vowels; local governments; provincial commissioner; Tomsk Province.

The reforms of local government bodies in the cities of Tomsk Province during the interrevolutionary period (March–October, 1917) are considered. It is established that in March 1917 there was total confusion at the local level. The cities had diarchy: committees of public security with newly elected people's assemblies on the one hand and City Councils with boards on the other. The analysis of archive documents showed that interim committees of public security and City Councils sent appeals to the Provisional Government about trust and support of their actions. Measures realized by committees of security and people's assemblies included the transfer of affairs from the abolished police to the national militia. Interim committees of security were abolished with the transfer of their functions to city people's assemblies and their executive committees. It is established that the people's assembly as a local government body determined how to conduct economy, what charges to establish, how to secure order, rest and health of inhabitants. Members were elected by men and women living in the territory for at least 3 months, having civil rights and being 18 y.o. and older. The system of such bodies consisted of rural people's assemblies (with executive committees), volost people's assemblies (with executive committees), district people's assemblies (with executive committees) and city people's assemblies (with executive committees). Execution of resolutions of people's assemblies was assigned to executive committees. City people's assemblies elected one representative for each thousand voters; district and provincial assemblies had one representative for each 5,000 voters. The organization of elections to city people's assemblies of Tomsk Province is considered: Tomsk, Biysk, Novonikolayevsk, Mariinsk, Kainsk (April–May, 1917). It is specified that the small cities of the region (Bogotol, Kuznetsk, Kamen, Naryn, Taiga, Slavgorod) had no people's assemblies. It is noted that the Provisional Government considered all people's assemblies of Tomsk Province illegal local government bodies and demanded their immediate dissolution and elections to City Councils on the basis of the law of April 15, 1917. The Provincial Commissariat, despite the requirement of the Provisional Government, did not hurry to liquidate people's assemblies. According to the sources, the formation of the bodies of city self-government in Tomsk Province by the new democratic principles dragged on owing to different local conditions from June to November, 1917. It is concluded that regular transformations in local self-government had an adverse effect on the solution of the vital issues of municipal economy development. Activities of city people's assemblies with no practical experience of administration did not bring notable results. The situation was aggravated with the difficult economic situation in all the cities of the region.

REFERENCES

1. Drobchenko, V.A. & Stasenko, L.V. (2007) [Local self-government in Western Siberia in 1917]. *Sibirskoe obshchestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX v.* [Siberian society in the period of social transformations of the 20th century]. Proceedings of the all-Russian conference. Tomsk: Tomsk State University. pp. 184–207. (In Russian).
2. Chernyak, E.I. & Drobchenko, V.A. (2011) Structures of the Civil Society in Tomsk in March–October 1917. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3. pp. 38–45. (In Russian).
3. Chudakov, O.V. (2013) City government and social forces in Siberia during the democratic stage of the revolutionary events (March–October 1917). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (25). pp. 59–63. (In Russian).
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 127. List 1. File 2983. (In Russian).
5. *Sibirskaya zhizn'*. (1917).
6. *Altay*. (1917).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 166. List 1. File 11. (In Russian).
8. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 283. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 286. (In Russian).
10. Flerov, V.S. et al. (eds) (1957) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tomskoy gubernii (1917–1919 gg.): sb. dok. materialov.: (K 40-letiyu Velikoy Okt'yabr'skoy sots. Revolyutsii)* [The struggle for Soviet power in Tomsk Province (1917–1919): documents: (On the 40th anniversary of the Great October Socialist Revolution)]. Tomsk: [s.n.].
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). D-97. List 1. File 221. (In Russian).
12. Bayandin, V.I. (ed.) (2008) *Novonikolaevsk – Novosibirsk, 1909–1919. 10 let na sluzhbe gorodu: Novonikolaevskaya gorodskaya дума v dok. i mat.* [Novonikolayevsk – Novosibirsk, 1909–1919. 10 years in the service of the city: Novonikolaevsk City Council in documents and materials]. Novosibirsk: Ofset.
13. Ermolaev, A.N. (2008) *Uezdnyy Mariinsk. 1856–1917 gg.* [Rural Mariinsk. 1856–1917]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 23. File 288. (In Russian).
15. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva*. (1917). 97. Art. 537.
16. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva*. (1917) *Postanovlenie Vremennogo pravitel'stva ot 15 aprelya 1917 g. "O proizvodstve vyborov glasnykh gorodskikh dum i ob uchastkovykh gorodskikh upravleniyakh"* [Provisional Government Decree of 15 April 1917 "On public elections of city councils and district urban administrations"]. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy pravitel'stva. Otdel I*. 95. Art. 529.
17. Chudakov, O.V. (2012) Legislative activity of the Provisional government on reformation of city public self-government (March 1917–October 1917). *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*. 1 (105). pp. 20–23. (In Russian).
18. State Archive of Tyumen Oblast (GATyO). Fund R-1208. List 1. File 2. (In Russian).
19. Roshchevskiy, P.I. (ed.) (1967) *Bor'ba za vlast' Sovetov v Tobol'skoy (Tyumenskoy) gubernii (1917–1920 gg.): sb. dok. materialov* [The struggle for Soviet power in Tobolsk (Tyumen) Province (1917–1920): documents]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo.

Received: 13 November 2016

ДИНАМИКА РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1990-х – 2000-е гг.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта

«Динамика социально-демографического состава элит региональных отделений политических партий Западной Сибири в контексте реформирования партийно-электорального пространства» (№ 16-03-50136).

Рассматривается процесс формирования партийных элит и их роль в политическом процессе на примере партийных организаций Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей в 1990–2000-е гг. Автор выделяет два этапа в развитии партийных элит: 1990-е и 2000-е гг., границей между которыми выступает принятие закона «О партиях в РФ», изменившего статус и характеристики данных организаций. Показано влияние типа партии, ее места в политической системе, личностных характеристик, межэлитной конкуренции и исполнительной власти регионов на формирование и смену руководящего состава региональных отделений партий.

Ключевые слова: политические партии; региональные отделения; партийная элита; Юго-Западная Сибирь.

Несмотря на бурную дискуссию среди зарубежных и отечественных исследователей о состоянии современных партий и их роли в обществе [1–9], политические партии остаются одним из важнейших политических институтов, осуществляющих агрегирование социальных интересов и трансформирующих их в общезначимые политические решения. Конечно, как и любая сложная организация, они эволюционируют. В условиях информационного общества и теледемократии эффективность работы и электоральные успехи партий все чаще зависят не от количества рядовых членов и их повседневной деятельности, а от качественного состава партийных элит и имеющихся у них ресурсов.

В данной статье рассматривается проблема генезиса элит современных российских партий, в частности на региональном уровне, определяются факторы их формирования и роль в политическом процессе.

Идея о решающей роли партийной элиты в функционировании партий не нова. Еще в начале XX в. Р. Михельс, основываясь на сформулированном им «железном законе олигархии», писал, что при массовизации партий, когда все члены технически не могли и не были способны участвовать в их деятельности и управлении, усиливалась дистанция между «рядовыми и генералом». Власть сосредотачивалась в руках партийной олигархии, что вело к ликвидации внутрипартийной демократии [10. С. 56; 11. С. 84], а также способствовало олигархизации политического управления в целом, переходу власти в партиях в руки парламентариев, образующих внутри них своеобразную «закрытую корпорацию».

В итоге парламентарии, вместе с профессиональным лидером и партийной бюрократией составлявшие партийную олигархию, определяли политику партии, могли корректировать ее решения и убедить или заставить массу членов поддержать их позицию. Всякая же попытка противостояния олигархическим тенденциям и создания оппозиционных групп дискредитировалась как демагогическая и «злонамеренная» [11. С. 83; 12. С. 53].

В ходе кризиса массовых партий в конце XX в., сопровождавшегося значительным по масштабам выходом рядовых членов из партийных структур, разрыв

между ними и олигархией стал еще более заметен. В политику вернулись партии – избирательные машины для лидеров. В них произошла дальнейшая профессионализация партийного руководства и парламентской деятельности, делая партии в конечном итоге «электорально-профессиональными» организациями.

Став более функциональной, современная партийная жизнь меньше ориентирована на политическую социализацию, повышение квалификации и солидарность партийных кадров. Партии предпочитают создавать «мозговые центры» на базе лояльных научно-образовательных структур или рекрутировать готовых специалистов для выполнения конкретных задач в партийном аппарате. При этом деятельность в рамках партии рассматривается специалистами сугубо профессионально, без какой-либо идейно-эмоциональной детерминанты.

В России партийная олигархия сформировалась еще в советский период. Однако особенности системы «партии-государства» превратили ее в часть номенклатуры, обусловив прекращение ее существования как социальной группы вместе с ликвидацией КПСС.

Новая партийная элита складывалась внутри партий, возникающих в ходе демократического транзита 1990-х гг., и сразу вынужденно приобретала современные черты. Ускоренный характер политических преобразований, нежелание граждан после КПСС связывать себя обязательствами с какими-либо организованными политическими структурами, отсутствие у партий возможности реального влияния на ситуацию в стране и регионах превращали их в немногочисленные, зачастую вождистские организации.

Партии сами не стремились к своей массовизации, так как в законодательстве не содержалось каких-либо четких количественных признаков данного института. В большинстве своем они ограничивались лишь соблюдением требуемого законом минимального условия – наличия региональных отделений более чем в половине субъектов Российской Федерации. Членство же носило нефиксированный характер, о чем свидетельствуют соответствующие данные. Так, Партия конституционных демократов РФ насчитывала на момент регистрации 660 членов, Российская социально-

либеральная партия – 348, Партия экономической свободы – 662, Партия большинства – 752, Партия сторонников снижения налогов – 200 членов. Только четырем партиям (Республиканской партии, Демократической партии России, Социал-демократической партии России и партии «Российское христианское демократическое движение») удалось к августу 1991 г. официально подтвердить наличие не менее 5 тыс. членов [13. С. 58, 61]. В этих условиях узкий круг лидеров узурпировал ключевые партийные должности, блокировал участие рядовых членов в выработке партийной стратегии, что вело к падению партийной активности населения.

Также следует отметить, что элитарности российских партий способствовали и особенности их социальной базы, «человеческого наполнения» тех или иных организаций» [14. С. 47]. Если в условиях «спонтанной» модернизации первые партии – либеральные – создавались формирующейся буржуазией, стремящейся к обеспечению сохранности собственности, то в России их основу составили люди с высоким уровнем образования и квалификации, но низким уровнем доходов (научная, гуманитарная, творческая интеллигенция), действовавшие из идейных побуждений и традиционно обладающие более низкой политической активностью, меньшим стремлением к власти. Более того, независимо от своих целей партии зачастую «выступали своего рода инструментом в борьбе элитных акторов за политическое господство» или возникали «благодаря задаваемой элитными акторами структуре политических возможностей», таких, например, как конкурентная партийная система [15. С. 23].

Предприниматели же все больше тяготели к «партиям власти», связывая с государством стабильность своего бизнеса. Тем более что отечественный «крупный капитал» прочно связан с государством, «во многом зависит от государственной поддержки. Конкурентный рынок и правовое пространство, условия, необходимые для формирования капиталистического производства в общенациональном масштабе, его мало интересуют, поскольку львиная доля нефти, газа, никеля, алюминия, проката идет на экспорт. Что же касается внутреннего рынка, то здесь крупный капитал выручает монополия, приобретаемая за счет обоюдовыгодной связи с центральной и региональной властью» [16. С. 130].

Помимо предпринимателей, в «партиях власти» всегда в большей или меньшей степени присутствовал чиновничий, бюрократический компонент, обеспечивающий ее иерархичность, полную подконтрольность и дисциплину членов.

Бюрократические принципы, по справедливой оценке Ю.Г. Коргунока, оказывали влияние и на деятельность КПРФ, «костяк организационных структур» которой составили «чиновники вчерашнего дня, чей «золотой век» остался во времена застоя и воспринимается теперь как недостижимый идеал – отсюда и выраженный идеологический характер Компартии. Эта идеологизированность, однако, не такая уж священная корова: её холят и лелеют, когда она даёт молоко, т.е. голоса на выборах, но ею легко жертвуют, когда власть предлагает за

мясо сходную цену – в виде уступок лоббистского характера» [14. С. 47].

Также большую роль в формировании партийных элит играла важная черта российской политической культуры – персонификация власти. Она нашла воплощение в вождистско-клиентельном характере большинства партий конца XX – начала XXI в., которые институционализировались как «группы поддержки» лидеров вокруг известных или влиятельных политических персон. Именно «лидер... привлекает избирателей своей личной популярностью», после выборов этот процесс «находит... логическое продолжение – лидеры автономизируются от собственной партии и даже ее парламентской фракции, получают свободу действий в кулуарных договоренностях с исполнительной властью и партнерами по Думе» [17. С. 41]. Партии фактически превращались в закрытые системы, решающие свои проблемы, вспоминающие об интересах и проблемах граждан лишь накануне и в период выборов. Расколы в них также детерминировались в основном межличностными, а не идеологическими противоречиями.

Наиболее ярким примером здесь выступает ЛДПР, которая и СМИ, и рядовыми избирателями воспринимается и называется партией Жириновского. Когда же на выборах в Госдуму 1999 г. партия официально обозначила себя как «Блок Жириновского», избиратели никак на это не отреагировали – партия получила 6% – свой рейтинг на тот момент.

Кроме того, можно отметить, что профессионализации партийной деятельности на всех уровнях с одновременной кристаллизацией внутрипартийного управленческого звена в 1990-е гг. способствовало и стремительное падение интереса населения к политической жизни в ходе «шоковых» реформ и социального расслоения общества. Образовавшийся слой профессиональных партийных менеджеров стал залогом дальнейшего институционального развития партий в новых политико-правовых условиях.

Еще более заметны указанные тренды были на региональном уровне, о чем наглядно свидетельствует процесс формирования и развития партий в Юго-Западной Сибири.

Становление региональных партийных организаций в Новосибирской, Кемеровской области и Алтайском крае началось чуть позднее, чем на федеральном уровне – с начала 1990-х гг. Организационные структуры крупных «старых» партий (КПРФ, АПР, ЛДПР, «Трудовой России» и др.) оформились в регионах в 1992–1994 гг. и активно проявили себя на выборах 1995 г. В целом на момент окончания первого электорального цикла – в 1996 г., например, в Алтайском крае было зарегистрировано 31 общественно-политическое объединение, в том числе 12 отделений политических партий и 19 общественно-политических движений и союзов.

Следует отметить, что большинство партийных организаций в регионах в этот период формировались как избирательные штабы, деятельность которых после избирательной кампании замирала. Это объясняется тем, что партии не располагали значительными политическими ресурсами, а также не имели стиму-

лов к регулярному и масштабному партийному строительству. Региональные отделения приобретали форму «комитетов» клиентелистского типа.

О формировании партийной элиты как руководящего слоя региональных партийных организаций в 1990-е гг. можно говорить только применительно к КПРФ. В Алтайском крае и Новосибирской области отделения партии использовали опыт и кадры бывшей КПСС, постоянно осуществляли активную пропагандистскую и организационную работу среди членов и своей социальной базы, имели четкую разветвленную структуру, свои или подконтрольные СМИ (газеты «Голос труда» в Алтайском крае и «За народную власть» в Новосибирской области, областной депутатский радиоканал «Слово» [18]), а главное – крупные и влиятельные фракции в Законодательных Собраниях, открывавшие руководству парторганизаций доступ к государственным должностям, дополнительным ресурсам и политическим возможностям.

Еще более элитарный характер был присущ Алтайской краевой организации Аграрной партии России во главе с бывшим министром сельского хозяйства РФ А.Г. Назарчуком и руководителем алтайского отделения Агропромсоюза РФ С.Н. Серовым. Она имела серьезный вес в сельхозуправлении краем, так как ее членами вплоть до ликвидации партии в 2008 г. являлись почти все крупные руководители сельского хозяйства, работники Агропромсоюза, директора сельхозпредприятий. В связи с этим организация весь период своего существования носила в основном «верхушечный», а не массовый характер, но обладала большим потенциалом влияния на политическую ситуацию в крае, объясняемым как аграрной ориентацией краевой экономики, особым положением руководителей хозяйств на селе, так и высоким уровнем авторитета в крае А.Г. Назарчука как председателя с 1996 г. Алтайского краевого Совета народных депутатов и ее безусловного лидера. При этом особой активности в 1990-е гг. краевая организация АПР не проявляла, проводя только организационную работу и участвуя в массовых мероприятиях движения. Аналогичные процессы происходили и в Новосибирском отделении АПР, возглавляемом депутатом Госдумы Н. Харитоновым.

На этом фоне формальная роль губернаторов в руководстве парторганизациями была незначительна. Они, как правило, «выстраивали» под себя региональный аналог «партии власти» – региональное движение или блок. Например, глава администрации Алтайского края Л.А. Коршунов в 1995 г. поспособствовал консолидации демократических партий в рамках краевого общественно-политического движения «Согласие». Следующий губернатор Алтайского края А.А. Суриков активно использовал в своей деятельности поддержку краевого отделения Народнопатриотического союза России, объединявшего КПРФ и АПР в рамках краевого движения «За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда».

Блоковая тактика часто применялась и губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым. Образованные им во время избирательных кампаний в кемеров-

ский Совет народных депутатов блоки «Народовластие – блок А. Тулеева» (1996 г., включал региональные организации КПРФ, АПР и Российской коммунистической рабочей партии [19. С. 594–595]) «Избирательный блок А. Тулеева» (1999 г.) и блок «Служу Кузбассу» (2002 г.) решали, по сути, одну задачу – обеспечение прохождения губернаторской клиентелы в представительные органы власти.

Исключением в этом ряду можно считать Новосибирскую область. 24 августа 1991 г. на учредительной конференции регионального отделения «Движения демократических реформ» председатель горисполкома И. Индинок и его заместитель В. Толоконский (будущие губернаторы Новосибирской области) были избраны соответственно председателем организации и членом политсовета [20. С. 97]. Позднее губернатор И. Индинок возглавил новосибирское областное отделение движения «Наш дом – Россия» – «Земля Сибирская». Его заместителем стал мэр Новосибирска В. Толоконский, секретарем Совета – вице-губернатор М. Жиганов [21. С. 38]. Однако политических дивидендов это не принесло, приведя в конечном итоге к ликвидации организации.

В начале 1999 г. глава администрации области В.П. Муха возглавил работу по созданию в регионе движения «Отечество – Вся Россия» (ОВР). Руководителем местного отделения стал председатель Фонда имущества Новосибирской области В. Жмулев. Однако большинство властной элиты отнеслось к проекту настороженно и интереса к его поддержке не проявило. Лишь накануне выборов 1999 г. к ОВР примкнула первый вице-губернатор Н. Азарова, избранная по партийному списку этого движения депутатом Государственной Думы РФ [Там же].

Избранный губернатором в 2000 г. В.А. Толоконский в течение полугода был членом федерального совета движения «Единство», обеспечивая его быструю структуризацию в регионе. Так, в областной конференции движения в мае 2000 г. участвовали 242 делегата. Органы власти были представлены вице-губернатором А.А. Беспаликовым, заместителем председателя облсовета А.Н. Иваненко. На всероссийский съезд были избраны 20 делегатов. Среди них – В.А. Толоконский, А.А. Беспаликов, депутаты Госдумы В.И. Волковский, А.А. Карелин, руководитель регионального исполкома движения А.М. Замиралов и др. [22].

Показателем влияния личностного фактора на деятельность парторганизаций, как и на федеральном уровне, стали региональные отделения ЛДПР. В частности, в первой половине 1990-х гг. заметную активность проявляла Алтайская организация ЛДПР, во многом благодаря работе ее руководителей М.Н. Соловьева и В.В. Пякина. Но после поддержки А.А. Сурикова на выборах главы администрации края они были сняты со своих постов и за конец 1996 – март 1998 г. в организации сменились три руководителя. С марта 1998 г. ее возглавил Г.В. Иванов, не имевший в крае ни известности, ни авторитета. Кроме того, в том же году краевая организация ЛДПР раскололась, и из нее выделилась краевая организация Либерально-Демократического Союза во главе с А. Шмаковым, что еще больше ослабило ее позиции.

Организация не имела своих представителей в органах государственной власти, и наиболее заметным направлением ее деятельности стали агитационные рейды по районам края.

На этом фоне новосибирская организация, возглавляемая харизматичным Е.Ю. Логиновым, отличалась стабильной активностью и присутствием в органах власти различных уровней. Дополнительный вес организации придавали газета «Сибирская заставка», издававшаяся с 1996 г., а также крупные массовые мероприятия. Например, тысячекилометровый конно-пеший переход по территории Омской и Новосибирской областей в 1998 г., посвященный 400-летию победы над ханом Кучумом на реке Ирмень, не только повысил узнаваемость партии населением, но и получил благословение патриарха Московского и всея Руси Алексия II, широко освещался в печатных и электронных сибирских и федеральных СМИ [23].

Также, говоря о личностном факторе, можно упомянуть разовый успех алтайской краевой организации Союза правых сил на выборах депутатов Государственной Думы РФ 1999 г., который был во многом связан с активностью и медийностью ее тогдашних руководителей – К.Н. Емешина («Демократический выбор России») и Ю.Н. Еремеева («Россия молодая») [24. С. 167].

В Кузбассе же региональное отделение СПС зараннее оказалось обречено на неудачу, так как его возглавили редактор «вечно антитулеевской» «Нашей газеты» Д. Шагиахметов и вице-губернатор из команды М. Кислюка В. Найданов [25]. Соответственно, его деятельность приобрела оппозиционный характер, вызвав противодействие администрации.

Новый период в деятельности региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири, как и в стране в целом, начинается с 2001 г. – с принятия закона «О политических партиях».

И хотя в нем были закреплены требования к минимальной численности партий (10 000 членов и не менее 100 членов в каждом регионе) с последующим их повышением, это не сделало российские партии фактическими массовыми структурами. Рядовые члены партии воспринимались лишь как пассивная масса, необходимая для прохождения процедуры регистрации. Недаром на местном и региональном уровнях получила широкое распространение практика массового, зачастую принудительного приема в партию работников целых предприятий и учреждений.

Более того, получение партиями в 2000-е гг. ведущей роли в избирательных процессах и государственного финансирования резко увеличило статусные возможности руководства парторганизаций. Переход на смешанный принцип формирования региональных legislatures стимулировал вступление в партии знаковых региональных фигур, которые могли рассчитывать на политическую карьеру, особенно в рамках партии власти. Парламентские партии вообще фактически превращаются в «брокеров» (Р. Катц и П. Мэйр), торгующих государственными должностями, извлекающих выгоду из посредничества между государством и обществом [26. С. 33], которыми руководят политические менеджеры.

Иными словами, как справедливо отмечали сторонники теории рационального выбора (например, [27]), организационные, идеологические и институциональные характеристики современных партий все больше обусловлены стратегиями, преследуемыми партийными лидерами, функционирующими как рациональные акторы [28. С. 17].

Следствием указанных процессов стала развернувшаяся в партийных отделениях с середины 2000-х гг. борьба за власть. Все чаще встречалось и непосредственное участие губернаторов в решении внутрипартийных кадровых вопросов.

Так, в 2003 г. глава администрации Алтайского края А.А. Суриков активно вмешался в процесс смены руководства в краевой организации Союза правых сил, когда открыто оппозиционные политике администрации бывший губернатор В.Ф. Райфикешт, К.Н. Емешин и другие руководители регионального отделения были смещены со своих постов, а им на смену пришли вполне лояльные представители регионального бизнеса. Избрание начальника Крайавтодора Л.А. Хвоинского руководителем краевой организации партии «Единая Россия» также шло при активном участии краевой администрации.

А.Г. Тулеев первым из губернаторов рассматриваемых регионов вступил в «партию власти» в 2005 г. [29]. А в апреле 2006 г. был сделан шаг, закрепляющий его влияние на областную организацию «Единой России» на кадровом уровне: на партконференции в состав ее политсовета вошла группа кузбасских политиков федерального уровня, ориентированных на Тулеева: сенаторы Светлана Орлова и Сергей Шатилов, депутаты Госдумы Андрей Макаров, Отари Аршба, Александр Фокин, Сергей Неверов [30].

Внутренняя борьба за власть наиболее ярко проявилась в «Единой России», став обратной стороной, издержкой ее статуса «партии власти». Ее внешними проявлениями выступали смена руководителей региональных отделений, борьба за выдвижение на посты в представительных органах власти.

Не обошли данные процессы и Алтайское региональное отделение «Единой России». С момента его образования в 2002 г. оно пережило четыре состава руководства, приход которых к власти каждый раз сопровождался громкими скандалами и расколами организации. В момент ее формирования в феврале 2002 г. председателем регионального политсовета при поддержке А.А. Сурикова был избран представитель «Единства» В. Овчинников, а не более известный и авторитетный руководитель регионального отделения «Отечества», глава Родинского района С. Тевонян [31]. В мае 2003 г. при уже упоминавшемся вмешательстве А.А. Сурикова руководители краевой и местных организаций «первой волны» были заменены на полностью лояльных и подконтрольных главе работников «Алтайавтодора» – его руководителей и начальников ДРСУ – людей, абсолютно далеких от политики и в ней не разбирающихся [32–34]. Смена губернатора края и относительный проигрыш регионального отделения на выборах в Алтайский краевой Совет народных депутатов позволили другой элитной группировке во главе с депутатом Государственной

Думы А.Ф. Кнорром и при поддержке Генерального совета партии осуществить в сентябре 2004 г. следующий «переворот» [35].

Новая смена руководства алтайской организации «Единой России» была приурочена к выборам депутатов Государственной Думы 2007 г. Принимая во внимание будущую ответственность за результаты «партии власти» в регионе и в связи с этим стремясь контролировать региональное отделение, 21 мая 2007 г. в партию вступил сохранявший до этого апартийность губернатор А.Б. Карлин. За этим последовало избрание секретарем регионального политсовета другого депутата Госдумы – Н.Ф. Герасименко, тем более что А.Ф. Кнорр к тому времени лишился поддержки на федеральном уровне. В президиум политсовета вошли два вице-губернатора [36. С. 11].

В Новосибирской области эти процессы прошли позднее, в 2005 г., но также были связаны с переходом регионального отделения под контроль губернатора. Вливаясь в партийные ряды, крупная чиновничья номенклатура сразу претендовала на руководящие посты, зачастую вытесняя из руководства организаций «старых» «единороссов». Тогда с поста координатора «Единой России» по Сибирскому федеральному округу ушел А. Карелин, в марте 2006 г. партийные посты покинула и его новосибирская команда – руководитель исполкома А. Замиралов, секретарь политсовета Ю. Глазычев и др. [37, 38]. Новым руководителем новосибирской областной организации стал соратник губернатора, бывший вице-губернатор, а затем председатель Облсовета А. Беспаликов. Реорганизации подвергся и политсовет, состав которого формировался по принципу подконтрольности или лояльности администрации [39].

Смена лидера произошла в 2006 г. и в Кемеровском отделении «Единой России». Вместо председателя Кемеровского горсовета А. Любимова этот пост по рекомендации Генсовета партии занял председатель областного Совета народных депутатов Г.Т. Дюдяев [40]. Тем самым, как и в других регионах, была сделана ставка на прогнозируемого функционера, способного привлечь различные ресурсы для проведения предстоящих избирательных кампаний. В частности, отмечалось, что фигура спикера областного парламента более, чем спикера Кемеровского горсовета, известна в сельских районах, где «Единая Россия» набирает основной процент голосов [41].

Таким образом, кейс «Единой России» подтверждает сформулированный тезис: региональные отделения партии являются каналами не столько политического продвижения новичков (хотя это тоже имеет место), сколько инструментом упрочения позиций влиятельных региональных политиков и предпринимателей, укрепления их связей в структурах федеральной власти. Происходит взаимовыгодный обмен ресурсами: высокопоставленные региональные политики и предприниматели используют свое положение для содействия «партии власти» на местах, обретая тем самым поддержку со стороны федерального центра [42. С. 163].

Внутрипартийная борьба или ее элементы наблюдались и на «левом» фланге региональных партийных

систем, традиционно представленном КПРФ и ее союзниками, а затем и «Справедливой Россией».

Так, громкие события разворачивались в Кемеровском обкоме КПРФ, возглавляемом на тот момент депутатом Госдумы РФ Н.А. Останиной. Весной 2008 г. здесь возникла кризисная ситуация, поводом для которой послужили окончание срока полномочий первого секретаря и желание обл администрации воспрепятствовать ее переизбранию на новый срок. Подобный сценарий реализовывался в области уже неоднократно: все предыдущие руководители регионального отделения в определенный момент оказывались вынужденными уйти в отставку или смещенными за «плохую» работу. Тем самым обл администрация периодически ослабляла коммунистов в интересах режима А. Тулеева.

Раскол в среде коммунистов Кузбасса начал формироваться еще в декабре 2004 г., когда А.Г. Тулеев, перейдя от сотрудничества с коммунистами к поддержке «Единой России», взял курс на встраивание регионального отделения в новую конфигурацию партийной системы. Методом ослабления организации был выбран внутренний раскол. Первый секретарь А. Зайцев без предупреждения покинул свой пост, сославшись на состояние здоровья, но одновременно сделав заявление, что на него оказывается политическое давление со стороны властей. После избрания на освободившуюся должность Н. Останиной в областной организации появилась «инициативная группа», выступавшая за ее отставку, которую возглавили депутат кемеровского горсовета А. Герасимова и член бюро обкома Т. Цориев [43]. По их мнению, «избрание Останиной в качестве первого секретаря обкома было не легитимным, выгодным областной администрации и проигрышным для регионального отделения компартии». Кроме того, само избрание проходило «при помощи административного ресурса – по причине того, что обл администрации нужна контролируемая оппозиция» [44].

Однако большинство в руководстве регионального отделения КПРФ, в соответствии с политическими традициями Кузбасса, не видело в этом ничего предосудительного. Его мнение выразил второй секретарь обкома Ю. Сковцов, заявивший, что «партия, пусть и оппозиционная, должна контактировать с властью, если это может ей помочь в реализации ее программы. <...> В данном случае взаимодействие с властью может помочь в решении конкретных проблем населения, и потому мы будем с нею взаимодействовать» [Там же].

В 2008 г. часть парторганизации во главе со Сковцовым, верная курсу поддержки администрации, заняла антиостанинскую позицию. Федеральное руководство партии, в свою очередь, заняло жесткую антитулеевскую позицию. В результате работы в регионе комиссии ЦК КПРФ обком был распущен, по словам члена комиссии, руководителя новосибирского регионального отделения КПРФ А. Локтя, из-за «потери им самостоятельности в принятии решений» [45], а второй секретарь обкома исключен из партии [46]. Некоторую роль в обострении ситуации сыграла и запутанная история с финансовыми делами регио-

нального отделения, в которой фигурировали то финансирование думской избирательной кампании московским бизнесменом в обход фонда, то присвоение бухгалтером регионального отделения значительных материальных ценностей [47].

На этом фоне своеобразным рекордом по громкости и скандальности стал процесс объединения отделений партий «Родина», пенсионеров и Партии жизни в «Справедливую Россию» осенью 2006 г. Во всех незадолго до этого поменялись лидеры, продемонстрировав стремление губернаторов или бизнес-групп получить доступ к дополнительным ресурсам, а также «подстраховать» себя в связи с непредсказуемостью судьбы «Единой России».

В частности, в сентябре 2006 г. сменило руководителя Алтайское региональное отделение Партии пенсионеров. На смену возглавлявшего его фактически с основания В. Бородкина пришел малоизвестный и никак не связанный с краем, кроме президентства в «Алтайхолоде», проживающий в Москве 45-летний бизнесмен А.В. Терентьев. В правление регионального отделения вошли депутаты – краевого Совета Д. Макаров и Барнаульской городской думы А. Кузнецов, а также генеральный директор «Алтайводпроекта» В. Евсюков и др.

В конце августа кадровые изменения произошли и в краевой организации Российской партии жизни. Она перешла под контроль одного из крупнейших зернопереработчиков не только Алтая, но и России – холдинга «Пава». Руководителем регионального отделения стал президент «Павы» А.П. Игошин, его заместителями – вице-президент холдинга П.А. Гайдук и бывший председатель исполкома АРО «Единая Россия» генерал милиции В.М. Семенов [48].

По итогам объединительного съезда руководство организационным процессом и функционированием «Справедливой России» в крае получил А. Терентьев. Местные руководители бывших региональных отделений партий, кроме А. Игошина, почти сразу перешедшего в «Единую Россию», распределили между собой вторые роли. В дальнейшем функционирование парторганизации протекало как настоящий бизнес-проект, логическим компонентом которого стало структурирование депутатской группы «Справедливая Россия» в краевом Совете народных депутатов [49. С. 3].

Показательно, что образование новой партийной структуры в Алтайском крае шло вразрез с многолетней традицией – при отсутствии заметного влияния на этот процесс со стороны краевой администрации. В других же субъектах юга Западной Сибири участие органов власти в кадровых перестановках в объединяющихся партиях было более заметно.

Так, 22 сентября 2006 г. было объявлено о расколе в Новосибирском отделении Партии пенсионеров. «Силы, ориентированные на областную администрацию», провели 16 сентября собственную конференцию и переизбрали правление. Новым лидером «пенсионеров» был избран экс-ректор НГТУ А. Востриков. Чуть раньше, в июне, с поста председателя региональной организации ушел бывший коммунист и сторонник В. Гартунга А. Тарков, заявив, «что цен-

тральное руководство партии стало подконтрольно власти, поэтому он не видит смысла продолжать политическую борьбу, оставаясь в Партии пенсионеров» [50].

Заинтересованность областной администрации в таком развитии ситуации довольно откровенно подтвердил новый спонсор регионального отделения, руководитель компании «Мегаком» В. Литувев: «У нас был разговор с Виктором Александровичем Толоконским, и он считает, что Партия пенсионеров должна плотно взаимодействовать с администрацией. <...> Кандидатура Вострикова в этом отношении наиболее удачная. У него за многие годы сложились неплохие отношения и с мэром, и с губернатором, и, безусловно, со спикером облсовета. Это фигура, которая ни у кого из представителей власти не вызывает отторжения». Свою же позицию он обозначил следующим образом: «Я... готов поддерживать партию ресурсами, которыми располагаю, но только в том случае, если партия превратится в работоспособный организм» [51].

Представители прежнего правления во главе с исполняющим обязанности председателя РО М. Куркиным, узнав о своем свержении постфактум и опираясь на поддержку федерального руководства, заявили о намерении отстаивать свои позиции до конца. 7 октября 2006 г. они провели ответную конференцию, исключив А. Вострикова и его соратников из партии и избрав новым председателем правления И. Галл-Савальского – председателя новосибирского отделения Всероссийского общества инвалидов [52]. При этом обращал на себя внимание тот факт, что большинство собравшихся 16 сентября, включая А. Вострикова и В. Литувева, по замечанию газеты «Новая Сибирь», вступили в партию совсем недавно и почти сразу обозначили претензии на лидерство в объединенной партии [51].

На этом фоне постепенно усиливалось новосибирское отделение Партии жизни. 13 октября 2006 г. в него влились, не скрывая своих расчетов на перспективность данного проекта, три члена лояльной мэру фракции Новосибирского горсовета «Город» [53]. В итоге новосибирское отделение РПЖ на декабрь 2006 г. имело семь депутатов (два – областного и пять – городского Советов), что усиливало его вес в объединительном процессе на фоне отсутствия таких у «Родины» и РПП.

В то же время новосибирская «Родина» располагала самой массовой структурой (почти 2,5 тыс. чел. и 32 районных отделения), а также серьезной заявкой на электоральный ресурс – на выборах в областной Совет 2005 г. она набрала 6,89% голосов [54].

Тем самым можно констатировать, что каждая из данных организаций спешно наращивала свое влияние, готовясь к решающей схватке за лидерство в объединенном региональном отделении. В конечном итоге объединение произошло на базе Партии жизни, в отличие от Алтайского края и Кемеровской области, где главную роль играли региональные отделения Партии пенсионеров. Соответственно, и новосибирскую организацию «Справедливой России» возглавила известный политик, лидер НРО РПЖ Т. Шапоглозова.

Однако в ходе образования «Справедливой России» обозначилась важная структурная проблема объединяющихся партий – проблема их реальной интеграции, так как далеко не все их члены поддерживали этот процесс или вкладывали в него одинаковое содержание, что было продиктовано как идейными, так и карьерными соображениями. А потому бурные процессы слияния накладывали отпечаток на дальнейшее функционирование региональных отделений и противостояние в них. В частности, накануне думской кампании, в конце августа 2007 г., часть членов новосибирского бюро выразили недоверие Т.Г. Шароглазовой, которое во многом было связано с их неудовлетворенностью ролью в процессе принятия решений. Ответом на это стало смещение с должности заместителя председателя, бывшего руководителя новосибирских «пенсионеров» И. Галл-Савальского, а три депутата Новосибирского горсовета – бывшие члены фракции «Город» – написали заявления о выходе из партии. В ходе кадровых перестановок НРО «Справедливой России» осталось и без руководителя исполкома [55].

Внутрипартийная борьба продолжилась и в период после избирательной кампании 2007 г. Теперь она шла между частью новосибирского отделения во главе с Т. Шароглазовой и депутатом Госдумы от Новосибирской области по списку «Справедливой России» И. Пономарёвым. Выходом из этой ситуации стало избрание 20 марта 2008 г. «секретаря бюро, депутата горсовета Н. Тямину на должность председателя отделения и депутата Облсовета В. Ярохно на должность его заместителя» [56].

Однако кандидатура Н.А. Тямину была выдвинута центральным руководством партии как компромиссная, без согласования с региональными властями. И хотя Тямин считался лояльным политиком, он не устроил ни областную администрацию, ни сторонников И. Пономарева [57].

В итоге конфликт продолжился, и через год – в марте 2009 г. – Тямин отказался от занимаемой должности [58]. Администрация добилась контроля над региональным отделением – руководство НРО пере-

шло к председателю комитета по строительству и вопросам жилищно-коммунального комплекса областного Совета (входил во фракцию «Единая Россия»), руководителю некоммерческого партнерства строителей сибирского региона А.В. Савельеву. Секретарем был избран бывший руководитель фракции ЛДПР Облсовета А. Кубанов [59].

Кроме того, говоря о динамике руководящего состава региональных отделений политических партий, стоит отметить еще одну тенденцию – омоложение, в основном характерную для КПРФ. Так, после выборов в Облсобрание Новосибирской области 2005 г. первым секретарем регионального отделения КПРФ стал 47-летний депутат Госдумы А. Локоть, вторым секретарем – журналист А. Жирнов [60].

В алтайском отделении сложил с себя полномочия первого секретаря крайкома В.А. Сафронов, и по итогам голосования первым секретарем был избран депутат Государственной Думы РФ, второй секретарь крайкома М.М. Заповев [61]. Примечательно, что определение первого секретаря впервые для алтайской организации шло на конкурентной основе – вторым кандидатом выступала бывший депутат Госдумы, председатель комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов, секретарь крайкома Н.П. Данилова [62].

Таким образом, современные политические партии, в том числе на региональном уровне, представляют собой сложный конгломерат экономических, политических и бюрократических интересов, формальных и неформальных отношений, обладающих собственной исторической реальностью и механизмами политического руководства. Ведущую роль в них играет партийная элита, обеспечивающая координацию интересов и ресурсов, представленность партий в медиaprостранстве и органах власти. А потому по мере расширения полномочий и ресурсной базы партий, формирование партийной элиты из добровольного соглашения активистов превратилось в жесткую борьбу, проходящую под контролем исполнительной власти федерального и регионального уровней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации // Свободная мысль – XXI. 2004. № 7. С. 3–11.
2. Гантер Р., Даймонд Л. Виды политических партий: Новая типология // Политическая наука. 2006. № 1. С. 54–60.
3. Доган М. Эрозия доверия в развитых демократиях // МЭиМО. 1999. № 5. С. 85–93; № 6. С. 38–45.
4. Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: the emergence of cartel party // Party Politics. 1995. № 1. P. 5–28.
5. Липоу А., Сейд П. Политические партии в электронный век // Государственная служба за рубежом. Будущее партий. М., 2000. № 4. С. 95–101.
6. Липсет С.М. Неизбывность политических партий // Политическая наука. 2006. № 1. С. 14–26.
7. Фасино П. За новую форму партии // Политология вчера и сегодня. М., 1992. Вып. 4. С. 71–84.
8. Пшизова С. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // Полис. 2000. № 2. С. 30–43; № 3. С. 6–17.
9. Холодковский К.Г. Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 61–80.
10. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии: главы из книги // Диалог. 1990. № 3. С. 54–61.
11. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии: главы из книги // Диалог. 1990. № 5. С. 81–87.
12. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии: главы из книги // Диалог. 1990. № 9. С. 49–54.
13. Заславский С.Е. Политические партии: Проблемы правовой институционализации. М.: Ин-т права и публичной политики, 2003.
14. Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М.: Фонд Индем; Моск. город. пед. ун-т, 2007.
15. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь Мир; Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 2000.
16. Пантин И.К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 4. С. 113–135.
17. Макаренко Б.И. Перспективы развития партийно-политической системы в России // Перспективы развития партийно-политической системы в России: круглый стол «Экспертиза». М., 2001.
18. «Красная» Сибирь // Континент Сибирь. 2002. 5 апр.
19. Выборы в Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995–1997. Электронная статистика. М.: Весь мир, 1998.

20. Осипов А.Г., Козодой В.И. Политический спектр (Формирование многопартийности в Западной Сибири 1986–1996). Новосибирск : Новосиб. полиграфкомбинат, 2003. С. 97.
21. Козодой В., Козлов И., Осипов А. и др. Власть, общество, выборы. Политическое развитие Новосибирской области в 2000–2003 гг. Новосибирск : Новосиб. полиграфкомбинат, 2005.
22. Вечерний Новосибирск. 2000. 24 мая.
23. Сибирские «соколы Жириновского» // Континент Сибирь. 2002. 31 мая.
24. Асеев С.Ю., Притчина Е.В., Шашкова Я.Ю. Формирование и функционирование партийной системы в Алтайском крае (1993–1996 гг.). Барнаул : Азбука, 2006.
25. «Правые» за Уралом // Континент Сибирь. 2002. 7 марта.
26. Кац Р., Мэир П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии // Политическая наука. 2006. № 1. С. 27–44.
27. Валелли Р. Кому нужны политические партии? // Государственная служба за рубежом. Будущее партий. 2000. № 4. С. 47–57.
28. Gunther R., Montero J.R. The Literature on Political Parties: a Critical Reassessment // Working Papers. Barcelona: Institut de Ciències Polítiques i Socials, 2003. № 219.
29. Аман Тулеев вступил в «Единую Россию». URL: <http://tayga.info/news/2005/11/27/~55338> (дата обращения: 22.09.2016).
30. Тростников Д. «Медвежатина» для губернаторов // Континент Сибирь. 2006. 28 июля.
31. «Единая Россия» остается без председателя // Свободный курс. 2002. 4 апр.
32. В «Единой России» будет новое руководство // Свободный курс. 2003. 29 мая.
33. Ностальгия // Свободный курс. 2003. 5 июня.
34. Передел власти // Алтайская правда. 2003. 4 июня.
35. На прошедшей 30 сентября конференции алтайские единороссы выбрали себе лидера – им стал рекомендованный Генсоветом Андрей Кнорр. URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=31795> (дата обращения: 22.09.2016).
36. Тростников Д., Чистякова С., Гулик О., Городнищев В., Иванов С. Всеобщая мобилизация // Континент Сибирь – Стратегии успеха. 2007. № 7–8. С. 11.
37. Мазур А. В новосибирской «Единой России» идут зачистки. URL: <http://tayga.info/analit/211/> (дата обращения: 22.09.2016).
38. Вице-спикер Новосибирского облсовета покинул пост руководителя исполкома «Единой России». URL: <http://tayga.info/news/2006/03/12/~57241> (дата обращения: 22.09.2016).
39. Кочетова О. Новосибирский губернатор выиграл партию // Коммерсантъ. 2006. 24 апр.
40. Гулик О. Смена лидера «ЕР» в Кузбассе // Континент Сибирь. 2006. 23 июня.
41. Гулик О. На неделю без лидера остались кузбасские «единороссы» // Континент Сибирь. 2006. 30 июня.
42. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты современной России: портрет в изменившемся интерьере // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции. М. : РОССПЭН, 2004. С. 157–177.
43. Нину Останину оставили на посту. URL: <http://tayga.info/news/2005/05/18/~52677> (дата обращения: 22.09.2016).
44. Коммунист-бизнесмен не хочет видеть депутата Нину Останину на посту 1-го секретаря обкома Кузбасса: она слишком выгодна Тулееву. URL: <http://tayga.info/news/2005/04/03/~52014> (дата обращения: 22.09.2016).
45. Новый Кемеровский обком КПРФ будет избран 7-го июня. URL: <http://tayga.info/news/2008/03/25/~78153> (дата обращения: 22.09.2016).
46. Обком КПРФ в Кузбассе распушен // Континент Сибирь. 2008. 28 марта.
47. Лавренков И., Хамраев В. Кемеровских коммунистов подвели спонсор и бухгалтер // Коммерсант-Сибирь. 2008. 25 марта.
48. Кто вошел в политсовет Алтайского краевого отделения Российской партии жизни? URL: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=37202> (дата обращения: 22.09.2016).
49. Партиформ Алтайского края. Барнаул : Азбука, 2007. Вып. 3.
50. «Партию пенсионеров» приватизировали у коммуниста Таркова. URL: <http://tayga.info/analit/281/> (дата обращения: 22.09.2016).
51. Козлитин Р. Старика-раскольники // Новая Сибирь. 2006. 22 сент.
52. Новосибирское отделение Партии пенсионеров обновило руководство. URL: <http://tayga.info/news/13910/> (дата обращения: 22.09.2016).
53. «Континент Сибирь» о вступлении группы «Город» в Партию жизни. URL: <http://tayga.info/sfo/2332/> (дата обращения: 22.09.2016).
54. В Новосибирске идет борьба за руководство отделением будущей объединенной «левой» партии. URL: <http://tayga.info/sfo/2315/> (дата обращения: 22.09.2016).
55. Новосибирские «справедливороссы» сменили руководство. URL: <http://tayga.info/news/2007/09/19/~73724> (дата обращения: 22.09.2016).
56. Новосибирское отделение «Справедливой России» выберет нового руководителя. URL: <http://tayga.info/news/2008/03/19/~78033> (дата обращения: 22.09.2016).
57. Костина Ж. «Эсеры» вынесли сор из избы // Континент Сибирь. 2008. 28 марта.
58. Лидер новосибирских справедливороссов Николай Тямин оставляет свой пост. URL: <http://tayga.info/news/2009/03/04/~85121> (дата обращения: 22.09.2016).
59. «Справедливая Россия»: кто на новенького? URL: <http://tayga.info/details/2009/05/26/~90303> (дата обращения: 22.09.2016).
60. Анатолий Локоть встал во главе новосибирского обкома. URL: <http://tayga.info/news/2006/02/05/~56600> (дата обращения: 22.09.2016).
61. Избрано новое краевое руководство КПРФ // Алтайская правда. 2006. 29 июня.
62. Астапов А. Аграрная партия держала совет // Алтайская правда. 2006. 30 марта.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 ноября 2016 г.

DYNAMICS IN THE ELITE OF THE SOUTH-WEST SIBERIAN REGIONAL BRANCHES OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES IN THE 1990S–2000S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 162–171.

DOI: 10.17223/15617793/413/25

Yaroslava Yu. Shashkova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yashashkova@mail.ru

Keywords: political parties; regional branches; party elite; South-Western Siberia.

The article considers one of the tendencies in political parties development that traces its origin to the 19th century: it is a tendency for oligarchy, in which the process and results of party work are impossible to understand without learning about the formation principles and structure of party leadership. This tendency is still significant in the information-oriented society because of the declining public trust, massive disappointment in party membership and the rise of the media and the Internet in political work and election campaigns. In modern Russian parties the leadership role is even more significant. Initially, it was driven by the situation of the 1990s: the political apathy of the nation, the low significance of the parties for representing social interests, the lack of precise requirements to parties as organizations and the Russian tradition of governance personalization. As a consequence, Russian parties became small professional teams that provided preservation of party organizations and political work, which is similar to the worldwide models. The policy and the activity of highest-ranking party members had a special importance on the regional level where

branches of most parties used to be the “affinity groups” that were activated only in electoral periods. The data analysis of the party organizations activity in Altai Krai, Novosibirsk and Kemerovo Oblasts, the publications in media and news agencies, and the electoral statistics showed the congruence in the functioning of the party elite on federal and regional levels. The most well-formed was the elite of the regional CPRF and Agrarian Party of Russia branches that used power resources and opportunities that were given to them due to their huge representation in parliament in the 1990s. The activity of the regional LDPR and other liberal parties branches was dependent on the charisma and activities of their leaders, while for ruling parties the governors’ interest in their development was much more important. After the introduction of the law “On Political Parties” in 2001, Russian parties became formal mass organizations, which now clearly showed the tendency for oligarchy. The parties’ monopoly on participation in electoral processes and other preferences increase the appeal of senior positions in party organizations; for this reason the struggle for power grows with the additional urge of the governors and business-groups to get control over the old and new party branches. A clear illustration of these processes in South-Western Siberia is the change of leadership in such parties as United Russia, Just Russia and CPRF. Based on this data and on historical retrospective, the author proves a thesis that while the party powers and funding are broadening, the formation of the party elite turned from activists’ voluntary agreement into a harsh struggle under control of the executive authority on federal and regional levels.

REFERENCES

1. Beck, W. (2004) Transformatsiya politiki i gosudarstva v epokhu globalizatsii [The transformation of politics and the state in the era of globalization]. Translated from English. *Svobodnaya mysl' – XXI*. 7. pp. 3–11.
2. Gunter, R. & Diamond, L. (2006) Vidy politicheskikh partiy: Novaya tipologiya [Types of political parties: A new typology]. Translated from English. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 54–60.
3. Dogan, M. (1999) Eroziya doveriya v razvitykh demokratiyakh [Erosion of confidence in the developed democracies]. *MeiMO – World Economy and International Relations*. 5. pp. 85–93; 6. pp. 38–45.
4. Katz, R. & Mair, P. (1995) Changing models of party organization and party democracy: the emergence of cartel party. *Party Politics*. 1. pp. 5–28.
5. Lipo, A. & Seid, P. (2000) Politicheskie partii v elektronnyy vek [Political parties in the electronic age]. Translated from English. *Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Budushchee partiy*. 4. pp. 95–101.
6. Lipset, S.M. (2006) Neizbyvnost' politicheskikh partiy [Inescapability of political parties]. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 14–26.
7. Fasino, P. (1992) Za novuyu formu partii [For a new form of party]. *Politologiya vchera i segodnya*. 4. pp. 71–84.
8. Pshizova, S. (2000) Demokratiya i politicheskiy rynek v sravnitel'noy perspektive [Democracy and political market in a comparative perspective]. *Polis*. 2. pp. 30–43; 3. pp. 6–17.
9. Kholodkovskiy, K.G. (2001) *Politicheskie instituty na rubezhe tysyacheletiy* [Political institutions at the turn of the millennium]. Dubna: Feniks+.
10. Michels, R. (1990) Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii: glavy iz knigi [Sociology of the political party in a democracy: chapters from the book]. Translated from English. *Dialog*. 3. pp. 54–61.
11. Michels, R. (1990) Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii: glavy iz knigi [Sociology of the political party in a democracy: chapters from the book]. Translated from English. *Dialog*. 5. pp. 81–87.
12. Michels, R. (1990) Sotsiologiya politicheskoy partii v usloviyakh demokratii: glavy iz knigi [Sociology of the political party in a democracy: chapters from the book]. Translated from English. *Dialog*. 9. pp. 49–54.
13. Zaslavskiy, S.E. (2003) *Politicheskie partii: Problemy pravovoy institutsionalizatsii* [Political parties: Problems of legal institutionalization]. Moscow: Institute of Law and Public Policy.
14. Korgunuk, Yu.G. (2007) *Stanovlenie partiynoy sistemy v sovremennoy Rossii* [The formation of the party system in modern Russia]. Moscow: Fond Indem, Moscow City Pedagogical University.
15. Gel'man, V., Ryzhenkov, S. & Bri, M. (eds) (2000) *Rossiya regionov: transformatsiya politicheskikh rezhimov* [Russia of the regions: the transformation of the political regimes]. Moscow: Ves' Mir, Berliner Debatte Wissenschaftsverlag.
16. Pantin, I.K. (2007) Vybor Rossii: kharakter peremen i dilemmy budushchego [Choice of Russia: the nature of changes and the dilemmas of the future]. *Polis*. 4. pp. 113–135.
17. Makarenko, B.I. (2001) Perspektivy razvitiya partiyno-politicheskoy sistemy v Rossii [Prospects of development of the party-political system in Russia]. In: Guseletov, B.P. (ed.) *Perspektivy razvitiya partiyno-politicheskoy sistemy v Rossii: kruglyy stol “Ekspertiza”* [Prospects of development of the party-political system in Russia: Round table “Expertiza”]. Moscow: Mezhdunarodnyy fond sotsial'no-ekonomicheskikh i politicheskikh issledovaniy.
18. Kontinent Sibir'. (2002) “Krasnaya” Sibir' [“Red” Siberia]. *Kontinent Sibir'*. 5 April.
19. Alekseev, N.N. et al. (1998) *Vybory v Zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy gosudarstvennoy vlasti sub'ektov Rossiyskoy Federatsii 1995–1997. Elektoral'naya statistika* [Elections to the legislative (representative) bodies of state power of subjects of the Russian Federation in 1995–1997. Electoral statistics]. Moscow: Ves' mir.
20. Osipov, A.G. & Kozodoy, V.I. (2003) *Politicheskii spektr (Formirovanie mnogopartiynosti v Zapadnoy Sibiri 1986–1996)* [The political spectrum (formation of a multiparty system in Western Siberia in 1986–1996)]. Novosibirsk: Novosib. poligrafkombinat.
21. Kozodoy, V. et al. (2005) *Vlast', obshchestvo, vybory. Politicheskoe razvitiye Novosibirskoy oblasti v 2000–2003 gg.* [The power, society, elections. The political development of Novosibirsk Oblast in 2000–2003]. Novosibirsk: Novosib. poligrafkombinat.
22. *Vecherniy Novosibirsk*. (2000). 24 May.
23. Kontinent Sibir'. (2002) Sibirskie “sokoly Zhirinovskogo” [Siberian “Falcons of Zhirinovsky”]. *Kontinent Sibir'*. 31 May.
24. Aseev, S.Yu., Pritchina, E.V. & Shashkova, Ya.Yu. (2006) *Formirovanie i funktsionirovanie partiynoy sistemy v Altayskom krae (1993–1996 gg.)* [Formation and functioning of the party system in Altai Krai (1993–1996)]. Barnaul: Azbuka.
25. Kontinent Sibir'. (2002) “Pravye” za Uralom [The “right” in the Urals]. *Kontinent Sibir'*. 7 March.
26. Katz, R. & Maeir, P. (2006) Izmenenie modeley partiynoy organizatsii i partiynoy demokratii [Changing models of party organization and party democracy]. Translated from English. *Politicheskaya nauka*. 1. pp. 27–44.
27. Valleng, R. (2000) Komu nuzhny politicheskie partii? [Who needs political parties?]. *Gosudarstvennaya sluzhba za rubezhom. Budushchee partiy*. 4. pp. 47–57.
28. Gunther, R. & Montero, J.R. (2003) *The Literature on Political Parties: a Critical Reassessment*. Barcelona: Institut de Ciencies Politiques i Socials.
29. Tayga.info. (2005) *Aman Tuleev vstupil v “Edinuyu Rossiyu”* [Aman Tuleyev joined the United Russia]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2005/11/27/~55338>. (Accessed: 22nd September 2016).
30. Trostnikov, D. (2006) “Medvezhatina” dlya gubernatorov [“Medvedev-meat” for governors]. *Kontinent Sibir'*. 28 July.
31. Svobodnyy kurs. (2002) “Edinaya Rossiya” ostaetsya bez predsedatelya [United Russia left without a chairman]. *Svobodnyy kurs*. 4 April.
32. Svobodnyy kurs. (2003) V “Edinoy Rossii” budet novoe rukovodstvo [United Russia will have a new management]. *Svobodnyy kurs*. 29 May.
33. Svobodnyy kurs. (2003) Nostal'giya [Nostalgia]. *Svobodnyy kurs*. 5 June.
34. Altayskaya pravda. (2003) Peredel vlasti [The redistribution of power]. *Altayskaya pravda*. 4 June.

35. Bankfax.ru (2005) *Na proshedshey 30 sentyabrya konferentsii altayskie edinorossy vybrali sebe lidera – im stal rekomendovannyi Gensovetom Andrey Knorr* [At the conference held on September 30, Altai United Russia members elected the leader, Andrei Knorr, recommended by the General Council]. [Online] Available from: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=31795>. (Accessed: 22nd September 2016).
36. Trostnikov, D. et al. (2007) Vseobshchaya mobilizatsiya [General Mobilization]. *Kontinent Sibir' – Strategii uspekha*. 7–8. p. 11.
37. Mazur, A. (c. 2006) *V novosibirskoy "Edinoy Rossii" idut zachistki* [Novosibirsk United Russia has cleansing]. [Online] Available from: <http://tayga.info/analit/211/>. (Accessed: 22nd September 2016).
38. Tayga.info. (2006) *Vitse-spiker Novosibirskogo oblsobeta pokinul post rukovoditelya ispolkoma "Edinoy Rossii"* [The Vice-Speaker of the Novosibirsk regional council resigned as head of the executive committee of the United Russia]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2006/03/12/~57241>. (Accessed: 22nd September 2016).
39. Kochetova, O. (2006) Novosibirskiy gubernator vyigral partiuyu [Novosibirsk governor won the game]. *Kommersant*. 24 April.
40. Gulik, O. (2006) Smena lidera "ER" v Kuzbasse [Change of the UR leader in Kuzbass]. *Kontinent Sibir'*. 23 June.
41. Gulik, O. (2006) Na nedelyu bez lidera ostalis' kuzbasskie "edinorossy" [A week without a leader in Kuzbass United Russia]. *Kontinent Sibir'*. 30 June.
42. Gaman-Golutsina, O.V. (2004) Regional'nye elity sovremennoy Rossii: portret v izmenivshemsya inter'ere [Regional elite of modern Russia: a portrait in a changed interior]. In: Solov'ev, A.I. (ed.) *Politicheskaya nauka v sovremennoy Rossii: vremya poiska i kontury evolyutsii* [Political science in modern Russia: the time of search and the contours of evolution]. Moscow: ROSSPEN.
43. Tayga.info. (2005) *Ninu Ostaninu ostavili na postu* [Nina Ostanina left at the post]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2005/05/18/~52677>. (Accessed: 22nd September 2016).
44. Tayga.info. (2005) *Kommunist-biznesmen ne khochet videt' deputata Ninu Ostaninu na postu 1-go sekretarya obkoma Kuzbassa: ona slishkom vygodna Tuleevu* [A communist businessman does not want to see deputy Nina Ostanina at the post of the 1st secretary of the regional committee of Kuzbass: it is too profitable for Tuleyev]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2005/04/03/~52014>. (Accessed: 22nd September 2016).
45. Tayga.info. (2008) *Novyy Kemerovskiy obkom KPRF budet izbran 7-go iyunya* [New Kemerovo regional committee of the Communist Party will be elected on June 7]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2008/03/25/~78153>. (Accessed: 22nd September 2016).
46. Kontinent Sibir'. (2008) Obkom KPRF v Kuzbasse raspushchen [The regional committee of the Communist Party in Kuzbass dismissed]. *Kontinent Sibir'*. 28 March.
47. Lavrenkov, I. & Khamraev, V. (2008) Kemerovskikh kommunistov podveli sponsor i bukhgalter [Kemerovo Communists brought down by the sponsor and the accountant]. *Kommersant-Sibir'*. 25 March.
48. Bankfax.ru. (2006) *Kto voshel v politsovet Altayskogo kraevogo otdeleniya Rossiyskoy partii zhizni?* [Who joined the political council of the Altai Regional Branch of the Russian Party of Life?]. [Online] Available from: <http://www.bankfax.ru/page.php?pg=37202>. (Accessed: 22nd September 2016).
49. Aseev, S.Yu. (2007) *Partinform Altayskogo kraja* [Party information in Altai Krai]. Vol. 3. Barnaul: Azbuka.
50. Tayga.info. (c. 2007) "Partiyyu pensionerov" privatizirovali u kommunisty Tarkova [Party of Pensioners privatized from communist Tarkov]. [Online] Available from: <http://tayga.info/analit/281/>. (Accessed: 22nd September 2016).
51. Kozlitsin, R. (2006) Stariki-raskol'niki [Good Old Believers]. *Novaya Sibir'*. 22 September.
52. Tayga.info. (c. 2007) *Novosibirskoe otdelenie Partii pensionerov obnovilo rukovodstvo* [Novosibirsk Branch of the Party of Pensioners has a new administration]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/13910/>. (Accessed: 22nd September 2016).
53. Tayga.info. (c. 2007) "Kontinent Sibir'" o vstuplenii gruppy "Gorod" v Partiyyu zhizni [Kontinent Sibir' on the membership of the "Gorod" group in the Party of Life]. [Online] Available from: <http://tayga.info/sfo/2332/>. (Accessed: 22nd September 2016).
54. Tayga.info. (c. 2007) *V Novosibirskoy idet bor'ba za rukovodstvo otdeleniem budushchey ob"edinennoy "levoy" partii* [Novosibirsk sees struggle for the leadership in the department of the future united "left" party]. [Online] Available from: <http://tayga.info/sfo/2315/>. (Accessed: 22nd September 2016).
55. Tayga.info. (2007) *Novosibirskie "spravedlivoorossy" smenili rukovodstvo* [Novosibirsk Just Russia changed leaders]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2007/09/19/~73724>. (Accessed: 22nd September 2016).
56. Tayga.info. (2008) *Novosibirskoe otdelenie "Spravedlivoy Rossii" vyberet novogo rukovoditelya* [Novosibirsk Branch of Just Russia chooses a new leader]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2008/03/19/~78033>. (Accessed: 22nd September 2016).
57. Kostina, Zh. (2008) "Esery" vynesli sor iz izby [Just Russia sourced privy]. *Kontinent Sibir'*. 28 March.
58. Tayga.info. (2009) *Lider novosibirskikh spravedlivoorossy Nikolay Tyamin ostavlyayet svoj post* [Leader of Novosibirsk Just Russia Nikolai Tyamin leaves his post]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2009/03/04/~85121>. (Accessed: 22nd September 2016).
59. Tayga.info. (2009) "Spravedlivaya Rossiya": kto na noven'kogo? [Just Russia: Who deals with the newcomer?]. [Online] Available from: <http://tayga.info/details/2009/05/26/~90303>. (Accessed: 22nd September 2016).
60. Tayga.info. (2006) *Anatoliy Lokot' vstal vo glave novosibirskogo obkoma* [Anatoly Lokot became head of the Novosibirsk Regional Committee]. [Online] Available from: <http://tayga.info/news/2006/02/05/~56600>. (Accessed: 22nd September 2016).
61. Altayskaya pravda. (2006) Izbrano novoe kraevoe rukovodstvo KPRF [New regional leadership of the Communist Party elected]. *Altayskaya pravda*. 29 June.
62. Astapov, A. (2006) Agrarnaya partiya derzhala sovet [The Agrarian Party had a council meeting]. *Altayskaya pravda*. 30 March.

Received: 15 November 2016

ПРАВО

УДК 343.9

Н.В. Ахмедшина

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ЖЕРТВОЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПНИКОМ

Рассматривается механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником в целях разработки мер, способных не допустить или уменьшить вероятность возникновения виктимной ситуации и понизить степень виктимности потерпевшего. Механизм взаимодействия между жертвой и преступником понимается как форма проявления виктимогенных личностных и виктимогенных ситуационных факторов. Рассматриваемые схемы взаимодействия жертвы и преступника основаны на формах виктимности жертв.

Ключевые слова: жертва преступления; потерпевший; виктимизация; механизм.

Механизм взаимодействия между жертвой преступления и преступником, как проявление системы «связь преступник – жертва», является перспективным в плане дальнейших исследовательских тенденций в виктимологии, прежде всего в целях прогнозирования виктимного поведения. Недаром Л.В. Франк считал этот механизм инструментом прогнозирования криминальной действительности [1. С. 103].

Обращение к учению об обусловленности явлений (детерминизме) – необходимый шаг в процессе исследования вопроса о взаимодействии между преступником и жертвой преступления.

Существование всеобщей универсальной взаимосвязи всех явлений является исходной предпосылкой принципа детерминизма. Под самим же детерминизмом понимается общее учение, признающее существование универсальной взаимосвязи и отрицающее существование каких-либо явлений и вещей вне этой универсальной взаимосвязи в рамках реальности. Видится логичным рассматривать детерминизм отношений между преступником и жертвой преступления в процессе возникновения и существования преступного события как частный случай проявления детерминизма.

В процессе исследования механизма взаимодействия между жертвой преступления и личностью преступника целесообразно руководствоваться тремя следствиями принципа детерминизма:

1. Детерминировано все существующее.

2. Детерминация характеризуется многообразием ее типов. В силу разноприродной сущности различных явлений и объектов существует определенное количество вариаций обусловливания. Из данного тезиса вытекает идея существования **целого спектра** разновидностей механизма взаимодействия между жертвой преступления и лицом, его совершившим.

3. Явлению детерминизма свойственны закономерность и регулярность обусловливания, т.е. тезису о том, что каждое явление и событие подчиняются закономерным отношениям в процессе своего существования и изменения. Соответственно, человек способен управлять механизмом, детерминацию элементов которого он познал, в частности познание элементов виктимизации позволит эффективнее проводить профилактические мероприятия.

По мнению Э. Абделя Фаттаха, «преступник выбирает свою жертву не случайно, а согласно точным критериям и характеристикам»; преступник и жертва подходят друг другу по психологическому типу (по определению Г. Гентига «как замок и ключ»).

Преступление – это система динамичная и развивающаяся, обусловленная активностью преступника и жертвы преступления. Познание данной системы наиболее целесообразно через категорию «отношение», отражающую общеприятный принцип детерминизма. Деятельностный, активный характер этой системы прежде всего проявляется в ее функциях как интегративном результате возникновения и функционирования ее компонентов. Поэтому при криминологическом изучении преступления интерес представляют самые различные виды и формы связей: генетические (связи порождения), структурные, функциональные и ряд иных. Решению задач выявления и творческого использования в различных теоретических и прикладных разработках этих связей и должно способствовать криминологическое понимание механизма преступления. Механизм преступления есть содержательная характеристика не только процесса криминализации, но и её некоторой противоположности – виктимизации.

Связь жертва – преступник, выражающаяся в отношениях между жертвой и преступником, выступает неотъемлемой частью исследований практически всех ученых, занимающихся проблемами виктимологии.

Так, В.И. Полубинский полагает, что комплекс отношений между преступником и потерпевшим может включать отношения случайные (возникающие непроизвольно и не зависящие от воли, желания и побуждений участников), неопределенные (складывающиеся исключительно по инициативе правонарушителя при пассивной роли потерпевшего) и предопределенные (в основе зарождения и развития которых лежат личностные качества, особенности поведения, условия жизни или иные обстоятельства, связанные с личностью потерпевшего) [2. С. 59; 60, 64]. Пассивная роль потерпевшего при неопределенных отношениях между преступником и жертвой предполагает в определенной степени случайность выборки преступником своей жертвы, например в силу заведомой ее физической слабости (дети / пожилые люди), либо мате-

риальному благосостоянию, профессиональному статусу и т.п. Согласно вышеприведенной классификации отношений между преступниками и потерпевшими они будут носить predetermined характер.

Через исследование социально-бытовых связей преступников и потерпевших А.Л. Репецкая при изучении насильственных и корыстно-насильственных преступлений установила, что взаимоотношения между ними могут быть хорошими, нейтральными и неприязненными. При этом А.Л. Репецкая отмечает, что в 15,3% случаев виновного поведения потерпевших и 23,8% случаев нейтрального поведения потерпевших от насильственных преступлений, в 47,5% случаев виновного поведения потерпевших и 94,9% случаев нейтрального поведения потерпевших от корыстно-насильственных преступлений отношения их с преступниками не установлены [3. С. 68–69].

В целях понимания сущности понятий «отношение», «связь» рассмотрим их семантическую природу. Отношение – это взаимная связь разных предметов, действий, явлений, касательство между кем-либо чем-нибудь. В свою очередь, связь – отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности, возникающая при общении, контактах (например, тесное общение между кем-, чем-либо; любовные отношения, сожительство; близкое знакомство с кем-нибудь).

Таким образом, исходя из этимологических основ языка в определении взаимосвязи (отношении) между кем-, чем-либо, можно сделать также вывод о том, что между ними **всегда** есть что-то, что их объединяет. Причем это объединение, в виктимологическом смысле, не всегда носит лишь социальную окраску, точнее, наряду с социальной всегда будет присутствовать другая сторона взаимосвязи, нами обозначенная как психическая.

Виктимизация индивида – это процесс, происходящий при сложении определенных виктимологических детерминант, именуемых в криминологической литературе виктимологическими / виктимогенными факторами.

Ряд авторов понимают под виктимогенными факторами социальные, нравственно-психологические и биофизические **свойства личности** (выделено нами), обуславливающие в той или иной мере ее «уязвимость» от отдельных видов преступлений по сравнению с «нормальной», «обычной» [4. С. 5]. В рамках данного подхода, с одной стороны, понятие «виктимогенные факторы» отождествляется с понятием «виктимность», с другой – неправомерно игнорируется значимость ситуационного аспекта становления жертвой преступления. Другая группа авторов понимает под виктимологическими факторами **«совокупность обстоятельств»** (выделено нами. – Н.А.), связанных с личностью и поведением жертвы, формирующих ее как таковую, способствующих ее виктимизации в определенных условиях внешней среды» [5. С. 15]. При этом и личностная индивидуальность жертвы преступления, и факторы обстановки преступления являются неотъемлемыми элементами процесса виктимизации.

Под виктимологической ситуацией понимается система условий, формирующая все аспекты детер-

минационно значимого проявления жертвы в криминологическом механизме преступления. Отметим, что содержание понятия «виктимологическая ситуация» является на сегодняшний день дискуссионным. По мнению Д.В. Ривмана, содержание виктимологической ситуации составляют: личностно-формирующая виктимная ситуация; предкриминальная (жизненная) виктимная ситуация; криминально-виктимная ситуация и посткриминальная виктимная ситуация [6. С. 88–89]. Другие авторы в виктимологическую ситуацию включают: условия, формирующие личность с повышенной виктимностью, и условия, непосредственно предшествующие совершению преступления и проявляющиеся в процессе совершения преступления [7. С. 160–161]. Иной точки зрения придерживается В.В. Вандышев, использующий термин «виктимогенная ситуация», который понимается как совокупность обстоятельств субъективного и объективного характера, обуславливающая как проявление свойств личности, в силу которых она оказалась жертвой, так и создание обстановки, способствующей совершению преступления [4. С. 5].

Учитывая сказанное, видится целесообразным использование понятия «виктимогенные личностные факторы» и «виктимогенные ситуационные факторы». Под виктимогенными личностными факторами следует понимать конкретную форму виктимности, реализованную в процессе поведения жертвы преступления, а под виктимогенными ситуационными факторами – определенную совокупность условий внешней среды, детерминирующих поведение жертвы преступления. Механизм взаимодействия между жертвой и преступником, таким образом, является формой проявления виктимогенных личностных и виктимогенных ситуационных факторов.

Преобладание виктимогенных личностных либо ситуационных факторов в конкретной ситуации будет оцениваться с позиции жертвы преступления. Если при совершении преступления высоко значение личности жертвы преступления и ее поведения, то в механизме взаимодействия главенствуют виктимогенные личностные факторы. В процессе совершения преступления под влиянием внешних обстоятельств преобладают виктимогенные ситуационные факторы.

Дополнительно необходимо учитывать, что предлагаемые схемы взаимодействия жертвы и преступника основаны на формах виктимности жертв, проявляемых в зависимости от характера поведения последних. Данные формы виктимности, конечно, могут тяготеть к каким-то конкретным механизмам взаимодействия, но полностью определяться ими не будут ввиду неоднородности факторов, составляющих содержание данных механизмов.

Исходя из преобладания в механизме взаимодействия между жертвой и преступником влияния виктимогенных личностных факторов и виктимогенных ситуационных факторов, мы выделяем три его разновидности.

Первая разновидность механизма взаимодействия между жертвой преступления и преступником нами условно названа «схемой молекул». В данной разновидности механизма взаимодействия «устанавливают

правила» виктимогенные ситуационные факторы, а роль виктимогенных личностных факторов ничтожно мала. Примером могут служить преступления, связанные с захватом заложников, ряд дорожно-транспортных происшествий, массовые убийства, совершенные так называемыми запойными убийцами, где жертвы выступают обычно средством достижения цели.

Вторая разновидность механизма взаимодействия между жертвой и преступником определена как «схема магнита». Суть данного механизма взаимодействия в том, что именно поведение одной из сторон преступления стимулировало возникновение криминальной ситуации. Активная роль в рассмотренной схеме принадлежит одной из сторон – жертве преступления или преступнику, т.е. роль одного из участников преступного события значительно более сильно выражена, чем другого. Рассматриваемый механизм проявляется в двух формах: если жертва «притягивает» преступника – налицо преобладание виктимогенных личностных факторов, если преступник «притягивает» жертву – преобладают виктимогенные ситуационные факторы.

Случаи, в которых лица, не отличающиеся особой аккуратностью и осторожностью, склонны класть бумажник в задний карман брюк, легкомысленно игнорируя мысль о том, что извлечь этот бумажник из заднего кармана злоумышленнику намного легче, чем из бокового, внутреннего или нагрудного, служат примерами механизма взаимодействия между жертвой и преступником по схеме магнита, в котором доминируют виктимогенные личностные факторы. Аналогичное наблюдается на примере лиц, благополучных в материальном плане и отказывающихся установить в месте своего проживания охранную сигнализацию, что также стимулирует возникновение виктимной ситуации по схеме магнита, привлекая к себе внимание преступника.

В описанных случаях личностной характеристикой жертвы преступления выступает такое свойство, как легкомысленность, поэтому данный механизм виктимизации характерен прежде всего для виктимности в форме легкомыслия, которая наблюдается в тех случаях, когда лицо, не обладая достаточными способностями по урегулированию криминальной ситуации, тем не менее активно стимулирует и возникновение, и ее развитие, надеясь в любой момент по своему желанию справиться с потенциальными негативными последствиями [8. С. 68–9].

Согласно проведенным исследованиям, виктимность в форме дезадаптации у потерпевших от преступлений наблюдается в случае неспособности этих лиц выработать модель поведения, соответствующую ситуации, в силу слабого волевого контроля. Виктимность же в форме анадaptации наблюдается у потерпевших от преступлений в случае отсутствия у них каких бы то ни было сценариев реагирования на криминальную ситуацию. Еще одним примером этой формы механизма взаимодействия могут послужить случаи мошенничества, совершаемые в отношении пожилых лиц, которые в силу возраста, а в некоторых случаях их одиночества, обладают признаком деза-

даптации (потерей прежнего более благополучного статуса) и, как следствие, виктимностью в форме дезадаптации либо анадaptации (неумением выработать соответствующую ситуации в современных «капиталистических» условиях жизни модель поведения). В силу названных свойств личности последние могут становиться жертвами преступных махинаций с их денежными средствами либо квартирами.

Рассматриваемая форма механизма взаимодействия между жертвой и преступником характеризуется преобладанием действия виктимогенных личностных факторов. Случаи, в которых криминальная инициатива исходит от преступника, например когда жертва преступления, обычно подвергающаяся унижению со стороны преступника, пытается внезапно защитить себя, вызывая повышенную агрессивность со стороны последнего, являются проявлением «схемы магнита». Именно этим объясняется причинение жертве виновным в драке между несовершеннолетними повреждений большей степени, чем планировалось заранее или желалось в начале конфликта.

Примером этой формы механизма могут послужить бытовые преступления на почве совместного распития спиртных напитков, употребления наркотических веществ, вступления в интимные отношения со случайными знакомыми, когда жертва своим поведением создает условия, способствующие совершению преступления. Д.В. Ривман характеризует такое поведение потерпевшего, как не имеющее толчкового характера, но создающее **обстановку**, способствующую совершению преступлений [6. С. 134–137].

Возникновение виктимной ситуации по «схеме магнита» с преобладанием виктимогенных личностных факторов прослеживается в некоторых преступлениях, квалифицируемых как мошенничество. Преступники данной группы характеризуются высокой способностью к ситуационной адаптации, что объективно должно притягивать к себе лиц, этим свойством не обладающих. По проведенному нами исследованию лица, потерпевшие от мошенничества, в 100% случаев характеризовались пониженной социальной адаптацией и неуверенностью в себе. Личностными особенностями рассматриваемых потерпевших были повышенный показатель социальной отчужденности (социальная отчужденность – то, что отталкивает людей, заставляет замыкаться в себе и искать уединения; физическая неполноценность, жизненные неудачи, разочарования, обиды и непонимание стимулируют чувство мизантропии – неуверенность, подозрительность, опасения, уклонение от контактов, нелюбовь и ненависть к людям, пренебрежение и игнорирование общественных ценностей) и приниженности, что может говорить об их излишней доверчивости.

Третья разновидность механизма взаимодействия между жертвой преступления и преступником нами определена как «схема соответствия».

«Очень часто жертву связывают с преступником прочные невидимые нити, причем, как ни странно, и тогда, когда они едва знакомы. Неразрывность пары “убийца – убитый” тоже имеет свои причины, совершенно неочевидные. По большей части, жертвы ни в чем не виноваты, если вообще позволительно гово-

речь о какой-либо вине убитого человека. Тем более любопытны и даже загадочны случаи, когда потерпевший как замороженный стремится к собственной гибели, хотя и не отдает себе в этом отчета», – пишет Ю.М. Антонян в своей работе «Психология убийства» [9. С. 5–6]. Указанное замечание известного исследователя причин человеческой агрессии лишний раз подчеркивает важность исследования проблемы возникновения и развития отклоняющегося поведения в его преступных и виктимных проявлениях.

Содержание третьей разновидности процесса виктимизации в наибольшей степени соответствует сказанному о гомеостазе отклоняющегося поведения. Рассматриваемый механизм взаимодействия преступника и его жертвы отличается от ранее описанных крайне малой степенью выраженности ситуативного фактора. Между жертвой преступления и преступником в рассматриваемом случае наблюдается стабильная психологическая взаимосвязь. Между личностными особенностями жертвы преступления и преступника в рассматриваемом случае присутствует не тождественность, а дополняемость. Так, современная прикладная психология утверждает, что психологический тип человека в значительной степени предопределяет на неосознанном уровне характер взаимоотношений с представителями других психотипов [10. С. 234–297]. Повышенное доверие / недоверие человек испытывает к лицу, поведенческие реакции которого тождественны поведению родителей. То же, но в меньшей степени относится к восприятию у лица

своих свойств, присущих хорошим / плохим знакомым воспринимающего.

Классическим примером проявления «схемы соответствия» между преступником и его жертвой являлись жертвы серийного убийцы А. Чикатило. По исследованию Ю.М. Антоняна, некоторые жертвы А. Чикатило отличались излишней доверчивостью, внушаемостью, неумением правильно оценивать складывающиеся обстоятельства, чем убийца безошибочно пользовался. К другим своим жертвам – женщинам с выраженной асоциальностью, вплоть до маргинальности, названный преступник также использовал безошибочный подход, и они, польстившись его вниманием, шли за ним без какого-либо беспокойства [9. С. 167–168].

Еще одним классическим примером взаимодействия жертвы и преступника по «схеме соответствия» служат некоторые жертвы домашнего насилия. В рассматриваемом случае жертва, вероятно, находит в лице своего партнера прототип своих авторитарных родителей либо строит свои отношения по типу родительской семьи, где также практиковалось внутрисемейное насилие.

Понимание сущности и содержания механизмов взаимодействия между преступником и его жертвой является первым шагом к разработке мер, способных уменьшить вероятность возникновения виктимной ситуации. Понимание природы данного механизма оптимизирует поиск модели поведения потенциальной жертвы, понижающей степень ее виктимности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977. 237 с.
2. Полубинский В.И. Виктимология и профилактика правонарушений органами внутренних дел. Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД СССР, 1990. 110 с.
3. Репецкая А.Л. Виновное поведение потерпевшего и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994.
4. Вандышев В.В. Изучение личности потерпевшего в процессе расследования. Л. : Изд-во ВПУ МВД СССР, Изд-во ЛВК МВД СССР, 1989. 92 с.
5. Глухова А.А. Виктимологические факторы преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 24 с.
6. Ривман Д.В. Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002. 304 с.
7. Криминология : учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М. : Волтерс Клувер, 2004. 629 с.
8. Ахмедшина Н.В. Криминологическая виктимология. Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2011. 202 с.
9. Антонян. Ю.М. Психология убийства. М. : Юристъ, 1997. 304 с.
10. Крeгeр О., Тьюсон Дж.М. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М. : Персей, Вече, АСТ, 1995. 544 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 ноября 2016 г.

THE MECHANISM OF INTERACTION BETWEEN THE VICTIM OF THE CRIME AND THE CRIMINAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 172–176.

DOI: 10.17223/15617793/413/26

Natalia V. Akhmedshina, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Keywords: victim of crime; victim; victimization; mechanism.

The subject of the research is the establishment of a mechanism of becoming a victim of a crime. Therefore, the study is based on the logical nature of victimization – the process of becoming a crime victim. Apart from the scientific methods (comparison, measurement, analysis, synthesis), to obtain a scientific result sociological methods – survey and testing – have been used. Objectives of the study were the following: search for a philosophical justification of the idea of the interrelationship of all elements of the occurring event; place of victimization in the formation of a crime victim; development of a species classification of victimization; determination of the role of victimogenic personal factors and victimogenic situational factors in separate mechanisms of victimization. The main conclusions are as follows: 1. During the study of the mechanism of interaction between the victim of the crime and the identity of the offender one should be guided by three consequences of the principle of determinism. Firstly, everything that exists is determined. Secondly, determination is characterized by the diversity of its types. Thirdly, the phenomenon of determinism is inherent in the pattern and frequency of conditioning, thus, the knowledge of the elements of victimization will

effectively carry out preventive measures. 2. Based on the prevalence in the mechanism of interaction between the victim and the offender of the influence of victimogenic personal factors and victimogenic situational factors, three varieties of interaction can be identified. The first form of interaction between the victim and the offender is conditionally named the “pattern of molecules”. Victimogenic situational factors “rule” in this kind of interaction, and the role of victimogenic personal factors is negligible. The second type of interaction between the victim and the offender is defined as the “pattern of the magnet”. The essence of this interaction is that the behavior of one of the parties of a crime has stimulated the emergence of a criminal situation. The third type of interaction between the victim and the offender is defined as the “matching scheme”. The considered interaction between the offender and his victim differs from the previously described by the extremely low role of situational factors.

REFERENCES

1. Frank, L.V. (1977) *Poterpevshie ot prestupleniya i problemy sovetskoy viktimologii* [Victims of crime and the problem of the Soviet victimology]. Dushanbe: Irfon.
2. Polubinskiy, V.I. (1990) *Viktimologiya i profilaktika pravonarusheniy organami vnutrennikh del* [Victimology and crime prevention by law-enforcement bodies]. Omsk: Omsk Higher School of Militia.
3. Repetskaya, A.L. (1994) *Vinovnoe povedenie poterpevshego i printsip spravedlivosti v ugolovnoy politike* [The culpable behavior of the victim and the principle of fairness in the criminal policy]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. Vandyshev, V.V. (1989) *Izucheniye lichnosti poterpevshego v protsesse rassledovaniya* [The study of the victim person in the course of the investigation]. Leningrad: Izd-vo VPU MVD SSSR, Izd-vo LVK MVD SSSR.
5. Glukhova, A.A. (1999) *Viktimologicheskie faktory prestupnosti* [Crime victimology factors]. Abstract of Law Cand. Diss. N. Novgorod.
6. Rivman, D.V. (2002) *Kriminal'naya viktimologiya* [Criminal victimology]. St. Petersburg: Piter.
7. Kuznetsova, N.F. & Lunev, V.V. (eds) (2004) *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Volters Kluver.
8. Akhmedshina, N.V. (2011) *Kriminologicheskaya viktimologiya* [Criminological victimology]. Tomsk: Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics.
9. Antonyan, Yu.M. (1997) *Psikhologiya ubiystva* [Psychology of a murder]. Moscow: Yurist.
10. Kroeger, A. & Tewson, J.M. (1995) *Tipy lyudey. 16 tipov lichnosti, opredelyayushchikh, kak my zhivem, rabotaem i lyubim* [The types of people. 16 personality types that determine how we live, work and love]. Translated from English. Moscow: Persey, Veche, AST.

Received: 28 November 2016

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Актуальность статьи обусловлена остротой глобального экологического кризиса и поисками способов его преодоления. Проанализированы ключевые тенденции развития международного экологического права. Продемонстрированы необходимость нормативно-правового регулирования отношений природы и общества, связь между социально-историческим развитием и этическими оценками природы. История развития международного права в области охраны окружающей среды рассмотрена как попытка решить проблемы социального и этического характера. Произведена попытка определить этические основания выделенных тенденций развития международного экологического права.

Ключевые слова: глобальные экологические проблемы; экологическая этика; отношения общества и природы; международное экологическое право.

Регулирование отношений человека с природой долгое время осуществлялось с помощью этических норм, связанных с мифологией и религией. Хозяйственная деятельность, непосредственно зависящая от природы, регулировалась практическими, естественными ограничениями. В Новое время этические нормы приобрели антропоцентрический характер, поскольку наилучшим считалось такое общественное устройство, когда все вокруг подчинялось человеческим целям и интересам, конкретизированным как интересы каких-либо групп и хозяйствующих субъектов.

С некоторых пор хозяйственная деятельность человека приобрела поистине глобальный характер. Экономическое и техническое развитие изменило условия существования общества и преобразовало окружающий человека мир. Философы и ученые констатируют превращение человека в геологическую силу, подчеркивая глубину и фундаментальность производимых человеком изменений [1]. Они отмечают разрушительный характер воздействий, вызванных деятельностью человека [2–4].

Общее направление развития природоохранной этики и обострившиеся экологические проблемы заставляют людей искать наилучшие способы выстраивания отношений с природой [5–7]. Как и в случае общественных отношений, здесь логика норм права строится как ограничение притязаний человека на естественное существование природы и как защита жизни и благополучия человека от разрушительного воздействия природной стихии.

Сразу следует отметить, что первая линия, направленная на ограничение хозяйственной деятельности, является преобладающей, поскольку негативное воздействие человеческой деятельности на природу приводит и к негативному воздействию природы на здоровье и жизнь человека. Природа в первой логической линии выступает в роли «слабого», который точно будет уничтожен более «сильным» (человеком, обладающим оружием, технологиями, миллиардным населением) в условиях «войны всех против всех» [8]. Для удовлетворения своих бесконечных потребностей человек не станет считаться с ограниченностью ресурсов в случае отсутствия ограничивающих норм. Поэтому нормы, направленные на реализацию устойчивого развития, являются попыткой осуществить наилучшее общественное устройство в рамках господствующего антропоцентрического мировоззрения.

Еще одной причиной перенесения нагрузки с моральных норм на правовые в случае регулирования отношений с природой является рост естественнонаучных знаний об особенностях функционирования биосферы. Это позволяет придать более рациональный характер регулятивным нормам, вывести их из области чувств и эмоций в область обоснованных ограничений и обязательств.

Познавая взаимосвязи между обществом и природой, человечество начинает создавать юридически обязательные правила в этой области, которые систематизируют научные знания и позволяют придать более рациональный характер экологическим отношениям. Причем для экологических норм зачастую важным является их глобальный характер, т.е. в современном мире становится необходимым существование общих и обязательных правил поведения для граждан не только одного государства, но и всей планеты Земля. На определенном этапе своего развития международное сообщество пришло к пониманию, что полностью преодолеть нарастающие проблемы окружающей среды в отдельно взятой стране невозможно, для достижения гармонии между человечеством и природой необходима активная международная деятельность.

В международных соглашениях середины XX в. учитываются: научные принципы охраны природы, т.е. динамика популяций, размножения и развития организмов; факторы распределения, миграций и поведения животных; закономерности естественной смертности и влияние промысла; взаимозависимость всех видов живых существ и их взаимоотношения с изменяющейся средой обитания – флорой, почвой, воздухом, солнечной радиацией и др. На основе всех этих научных данных соглашения создают правила об устройстве абсолютных и частичных природных резерватов, о предоставлении полной и ограниченной защиты отдельным видам животного и растительного мира; они запрещают определенные способы охоты на диких животных, регулируют вывоз их за пределы обусловленного района, торговлю ими и их продуктами внутри района и т.д.

Постепенно международное сообщество начало не просто регулировать возникающие экологические отношения, но и вырабатывать и постепенно внедрять в практику некоторые международно-правовые принципы, ограничивающие возможность произвольных

действий в отношении отдельных природных объектов [3. С. 19].

Для обсуждения возникающих проблем по охране окружающей среды проводятся международные конференции. Первым крупным многосторонним мероприятием в этой области следует считать конференцию по международной охране природы, состоявшуюся 17–19 ноября 1913 г. в Берне. На ней было подписано Соглашение об учреждении Консультативной комиссии по международной охране природы. В 1972 г. состоялась Стокгольмская конференция по окружающей среде [9]. В ее работе приняли участие делегаты 113 стран и 400 международных организаций. На ней были приняты декларация, которая содержала принципы, заложившие основу международного экологического права, и план, состоящий из 109 резолюций, посвященных различным аспектам защиты окружающей среды.

Конференция свела вместе промышленно развитые и развивающиеся страны в определении прав человечества на благоприятную окружающую среду, подняла вопросы о регулировании использования природных ресурсов, идентификации и контроле за важнейшими видами загрязнений, международном сотрудничестве.

После этой конференции несколько государств признали в своих конституциях право на адекватную окружающую среду и обязательства государства сохранять эту среду. Стокгольмская конференция дала толчок развитию экологического права на национальном и международном уровне, способствовала формированию правовых норм и законодательных инициатив, содействовала процессу поиска ресурсосберегающих технологий, ускорила возникновение международных форм сотрудничества по защите окружающей среды. С 3 по 14 июня 1992 г. прошла Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро [10]. Девизом конференции стал лозунг «Наш последний шанс спасти планету». Ее участниками были 177 стран, 3 000 представителей от 1 400 неправительственных организаций. В целом итоги этой конференции можно считать исторической вехой в развитии международного природоохранного сотрудничества. Во-первых, собрав большое число деятелей высшего ранга, она ознаменовала переход экологических проблем из периферийной области международной политики в разряд главных приоритетов. Во-вторых, конференция, с ее акцентом на идею устойчивого развития, указала на необходимость комплексного подхода к решению экологических проблем. В-третьих, собрав множество представителей неправительственных организаций, конференция приобрела демократический статус.

Не менее важным для развития норм, регулирующих воздействие человека на природу, является факт усиливающейся релятивности морали. Кризис классической культуры в конце XIX – начале XX в. и распространение атеизма привели к отказу от традиционных ценностей, фундаментальных императивов: «Доминанты культуры (в терминологии синергетики – аттракторы) выделяют те или иные формы по-

стижения бытия в качестве главенствующих, перемещающая их в ядро культуры постижения и задавая субординационные зависимости по отношению ко всем остальным» [11. С. 75]. Под сомнение была поставлена сама возможность общечеловеческих, универсальных ценностей. Утверждался субъективизм в конструировании ценностей, распространялись идеи толерантности ко многим потребностям людей и свободе их реализации.

В таких условиях все труднее становилось полагаться на моральную строгость в регулировании отношений с природой. Тогда как нормы права носят более объективированный, обезличенный характер, они могут не считаться с мнением некоторых индивидов, если нацелены на благо общества. Хотя, конечно, необходимо помнить, что правовые нормы успешно реализуются там, где они имеют поддержку в моральных принципах общества.

Представляется очевидной связь между ухудшающимся состоянием природы в современном мире и интенсивным развитием экологического права как на национальном, так и на международном уровне. Кризис классической культуры в конце XIX – начале XX в. совпал с развитием экологического кризиса, который был окончательно осознан в мире в середине 1960-х гг. Состояние взаимоотношений между человечеством и природой становилось все более напряженным, обнаруживались несоответствия развития производительных сил и производственных отношений в человеческом обществе возможностям биосферы [12. С. 764]. Таким образом, развитие экологического права было призвано послужить эффективным средством преодоления экологического кризиса.

Международное экологическое право пытается решить указанную проблему и урегулировать отношения с природой в рамках двух этических позиций. Одна из них – это веками устоявшийся антропоцентризм со всем набором сопутствующих атрибутов: иерархичностью, гуманизмом, ресурсизмом и т.д. Вторая – это формирующийся уже более ста лет экоцентризм с его попыткой акцентировать внимание на интересах природных сообществ. Взаимодействие этих позиций недавно было рассмотрено в работе Vito De Lucia «Конкурирующие нарративы и сложные генеалогии: экосистемный подход в международном природоохранном законодательстве» [13].

Международное экологическое право не представляет собой целостной системы, поскольку регулирует различные сферы, формировалось в разное время, имеет различный объем опыта, на который опиралось при формировании. Тем не менее можно выделить ряд тенденций его развития, базирующихся на моральных нормах. В данной статье мы остановимся именно на некоторых из этих тенденций.

Первая тенденция – расширение сферы правового регулирования. Если долгое время право регулировало отношения между людьми, то теперь круг морально значимых существ и объектов расширился, поэтому возникает потребность регулирования отношений с ними. Vito De Lucia убедительно показал, как акцент в европейском и международном праве смещается от

нормативной традиции антропоцентризма к экоцентризму, более широко учитывающему интересы природных сообществ. Для процесса расширения и усложнения круга субъектов и объектов экологического права имелись как объективные, так и субъективные предпосылки. К объективным следует отнести возрастающую опасность экологической катастрофы, истощение ресурсной базы и непрекращающийся рост численности населения. К субъективным предпосылкам можно отнести факт привлечения этики к решению экологических проблем. В этом случае практика моральных оценок применяется к природным явлениям (гомеостаз, биоразнообразие, атмосфера и т.д.), на которые оказывает или может оказать воздействие человек.

Именно поэтому международное сообщество в начале XX в. расширяет сферу правового регулирования экологических отношений от разделяемых ресурсов до международных природных ресурсов, находящихся вне пределов национальной юрисдикции [14. С. 523–524]. Другими словами, объектами международного правового регулирования становятся не отдельные природные объекты, представляющие ценность для двух-трех стран, а глобальные – озоновый слой, космос, Антарктида, Мировой океан. Если не считать отдельных случаев заключения договоров по охране редких пород зверей и птиц в далеком прошлом, как, например, в Древнем Китае, то первые международные соглашения в целях сохранения отдельных представителей фауны стали заключаться в конце прошлого – начале нынешнего столетия [15. С. 115]. Одним из первых международных документов в области охраны окружающей среды стала Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции от 2 августа 1839 г. [16. С. 367].

Заключались на раннем этапе и многосторонние конвенции, например Конвенция о судоходстве на Рейне 1868 г., содержащая требования об охране вод этой реки от загрязнения. Таковыми были Договор о регулировании лова лососей в бассейне Рейна (1886 г.). Международная конвенция по охране птиц, полезных в сельском хозяйстве (1902 г.), Конвенция о рыболовстве в водах Дуная и Прута (1907 г.), Конвенция по охране котиков в северной части Тихого океана (1911 г.), Договор между Англией и Никарагуа о промысле морских черепах (1916 г.), Конвенция по регулированию лова морской и речной камбалы в районе Балтийского моря (1929 г.) и др. В тот же период были заключены международные конвенции по защите растений (1881 г.), по борьбе с вредителем виноградников филлоксерой (1889 г.). Таким образом, начальный этап развития международного экологического права (1839–1948 гг.) связан с первыми попытками «цивилизованных» государств разрешить региональные и локальные проблемы экологии [3].

В послевоенные годы наряду с увеличением числа соглашений между отдельными государствами ширится тенденция к заключению международных договоров для различных регионов планеты: Африки, Америки, Европы, Антарктики, Мирового океана. Таковы Конвенция по охране фауны и флоры Африки, Конвенция по защите природы и сохранению фау-

ны и флоры Западного полушария, Согласованные меры по охране фауны и флоры Антарктики и др.

При обосновании названной тенденции используется проблематика инструментальной и внутренней ценности объектов изучения. Считается, что морально более значимыми являются те объекты, которые имеют ценность сами по себе, а инструментальную ценность имеют те объекты, которые служат средством для достижения главной цели. Именно так долгое время рассматривались человек и природа: природа – средство для существования человека. Этическая критика таких идей начинается в XIX в., а во второй половине XX в. оформляется в новое этическое направление – экологическая этика. При этом под сомнение ставится не только моральное превосходство людей над другими существами, но и рационально обосновывается внутренняя ценность всех компонентов биосферы как глобальной экосистемы.

Вторая тенденция связана с признанием в праве системности рассматриваемых природных явлений и процессов, их связанности между собой, со средой и с человеческим существованием. В данном случае речь идет об экосистемах. Значимыми признаками экосистемы для моральной оценки и правового регулирования в этом случае становятся: взаимодействие живых и неживых компонентов (его можно конкретизировать как воздействие живого на неживое, неживого на живое и их взаимодействие как относительно самостоятельный процесс [17]); цикличность процессов в экосистеме; способность сохранять динамическое равновесие различных компонентов. Поэтому объектами правовой защиты становятся условия, обеспечивающие взаимодействие, цикличность, гомеостаз.

В соответствие со второй тенденцией развивается особая область знания – экосистемное управление (ecosystem approach). При таком подходе фокус внимания смещает от рассмотрения отдельных объектов к изучению процессов обмена веществом, энергией, информацией между ними: «...живые компоненты атмосферы, их взаимосвязи и отношения с экологической среде можно рассматривать как части глобальной экосистемы или биосферы, а правила, регулирующие взаимодействие этих частей, характеризуются как “экологическое право”» [4. С. 3–4]. Более того, любое взаимодействие включено в более широкий контекст, в котором оно возникает. «Экосистемное управление основное внимание уделяет кумулятивным эффектам и воздействиям. Кумулятивный эффект изменения экосистем определяется сочетанием прошлых, настоящих и будущих действий или событий. С этой точки зрения любое действие или событие взаимодействует с совокупным контекстом, в котором оно происходит [13. С. 91].

Третья тенденция связана с расширением круга лиц, чьи интересы учитываются при правовом регулировании своего рода стейкхолдеров – экологов, государственных структур, групп экспертов и заинтересованных сторон и пользователей природных ресурсов, – а также мировоззренческих подходов: антропоцентризма и экоцентризма.

Четвертая тенденция заключается в некоторой релятивизации понятий, используемых в междуна-

родном праве. Имеется в виду отсутствие четких определений некоторых понятий, сознательно оставляемый простор для их понимания. Одна из декларируемых причин этого связана с невозможностью учесть все случаи применения некоторых правовых норм, все интересы применяющих их субъектов, когда речь идет о международном правовом регулировании. Например, «Картахенский протокол по биобезопасности к конвенции о биологическом разнообразии» не содержит определение термина «биобезопасность» именно потому, что трудно достичь его общего понимания между различными странами. Поэтому протокол сосредоточивается на регулировании действий, а не понятия «биобезопасность»: «...это – сложное понятие, и было бы трудно достигнуть глобального согласия по своему определению. В любом случае такое определение мало бы добавило к юридическому функционированию Протокола. Кроме того, у государств-членов могут даже быть стратегические причины не определить понятие, чтобы максимизировать гибкость в ее применении» [18]. Поэтому неопределенность некоторых понятий позволяет придавать им контекстный смысл в зависимости от конкретной ситуации.

Итак, нами выделены этические основания, на которых базируется международное экологическое право:

- расширение сферы правового регулирования за счет признания внутренней ценности объектов живой и неживой природы;
- охрана экосистемного способа существования этих объектов, условий, обеспечивающих их взаимодействие, цикличность и динамическое равновесие;
- расширение круга лиц, интересы и ценности которых учитываются при правовом регулировании;
- допустимость неопределенности некоторых понятий международного экологического права, оставляющая возможность их контекстного понимания.

Таким образом, можно сделать вывод, что все рассмотренные тенденции развития права в области охраны окружающей среды представляют собой попытку решить проблемы и противоречия социального и этического характера. Более того, международное экологическое право имеет все шансы оказаться в авангарде общественного развития, утверждая ценности экоцентризма и формируя новую парадигму отношений общество – природа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М. : Наука, 1988. 522 с.
2. Реймерс Н. Ф. Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы) М. : Журнал «Россия Молодая», 1994. 367 с.
3. Экологическое право / под ред. С.А. Боголюбова. М. : Юрайт, 2011. 482 с.
4. Howarth W. The Progression towards Ecological Quality Standards // Journal of Environmental Law. 2009. Vol. 18 (1). P. 3–35.
5. Rolston H. Environmental Ethics: Duties to and Values in the Natural World. Philadelphia: Temple University Press, 1988. 391 p.
6. Sepänmaa Y. The Beauty of Environment: A General Model for Environmental Aesthetics. Second Edition. Denton : Environmental Ethics Books, 1993. 191 p.
7. Schweitzer A. Civilization and Ethics. London : Unwin Books, 1967. 253 p.
8. Гоббс Т. Левиафан. М. : Мысль, 2001. 408 с.
9. Стокгольм 1972. Доклад конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды // Организации Объединенных Наций. Программа Охраны Окружающей Среды. URL: <http://www.unep.org/Documents.Multilingual/Default.asp?DocumentID=97> (дата обращения: 14.06.2016).
10. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Декларации. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl (дата обращения: 14.06.2016).
11. Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. 2013. № 2. С. 74–78.
12. Экологический энциклопедический словарь. М. : Ноосфера, 2002. 930 с.
13. De Lucia V. Competing Narratives and Complex Genealogies: The Ecosystem Approach in International Environmental Law // Journal of Environmental Law. 2010. Vol. 27, is. 1. P. 91–117.
14. Международное экологическое право // Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. Москва ; Санкт-Петербург ; Нью-Йорк : ЕЛИМА ; Питер, 2006. 1160 с.
15. Анисимов В.П. Проблемы современного международного экологического права и способы их решения // Вестник РГГУ. 2010. № 4. С. 114–123.
16. Чичварин В.А. Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции. Подписана в Париже 02.08.1839 г. // Международные соглашения по охране природы : сб. док. М. : Юрид. лит., 1966. 420 с.
17. Кобылянский В.А. Философия экологии. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2003. 192 с.
18. Definition of Biosafety // WTO Law. Science. GMOs. URL: http://www.ecolomics-international.org/headg_biosafety.htm (дата обращения: 10.03.2016).

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 октября 2016 г.

ETHICAL FOUNDATIONS OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 177–181.

DOI: 10.17223/15617793/413/27

Elena F. Gladun, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: efgladun@yandex.ru

Olga V. Zakharova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: olga.hazarova@mail.ru

Keywords: global environmental problems; environmental ethics; relationship of society and nature; international environmental law.

The significance of the paper is explained by the growing environmental crisis and the urgent need to overcome it. One of the possible ways to improve the environmental situation is to balance the relationship between society and nature efficiently. For a long time the relationship was regulated by ethical, religious norms and economic constraints. Nowadays the society needs proper legal mechanisms. The paper analyzes the necessity of legally binding rules regulating the relationship between society and nature; proves

that legal regulations can beneficially supplement ethical rules and sometimes initiate their development. At the same time, the linkage and interdependence of ethics and law are emphasized. The arguments for this include: the devastating nature of economic activities in the late twentieth century forced to initiate new methods and limits of these activities; the expanding knowledge about nature has made it possible to create rational norms and regulations; the failure to keep traditional moral values in the post-classical era is leading to the need of building new ways of regulation; the global social processes require the development of supranational norms. International environmental law focuses on regulating the relationship of society and nature according to two ethical positions. One is anthropocentrism with the whole set of related attributes: hierarchy, humanism, resource use, etc., which were establishing for centuries. The other is ecocentrism with its attempt to focus on the interests of natural communities which has been emerging for more than a hundred years. The paper examines trends in the development of modern environmental law: extension of the scope of legal regulation by recognizing the intrinsic value of animate and inanimate natural objects; protection of ecosystems consisting of natural objects and conditions ensuring their interaction, the cyclical and dynamic balance; increase of the number of stakeholders whose interests and values are taken into consideration in the legislation; uncertainty of some concepts of international environmental law leaving the opportunity to understand the context. It is concluded that the trends in the development of environmental law are certain attempts to solve the problems and contradictions of social and ethical issues. Moreover, international environmental law has the potential to be at the forefront of social development, affirming the value of ecocentrism and creating a new paradigm of society-nature relationship. The paper is based on research in the field of environmental ethics, ideas of Russian philosophers, materials of international environmental conferences and regulatory acts. In their study the authors used the method of structural analysis of legal texts and their content, the hermeneutical method to understand the “logic” of contemporary issues, as reflected in the law, the historical method to trace the development of environmental law and other methods.

REFERENCES

1. Vernadskiy, V.I. (1988) *Filosofskie mysli naturalista* [Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow: Nauka.
2. Reymers, N.F. (1994) *Ekologiya (teorii, zakony, pravila printsipy i gipotezy)* [Environment (theories, laws, rules, principles and hypotheses)]. Moscow: Zhurnal “Rossiya Molodaya”.
3. Bogolyubov, S.A. (ed.) (2011) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Moscow: Yurayt.
4. Howarth, W. (2009) The Progression towards Ecological Quality Standards. *Journal of Environmental Law*. 18 (1). pp. 3–35.
5. Rolston, H. (1988) *Environmental Ethics: Duties to and Values in the Natural World*. Philadelphia: Temple University Press.
6. Sepänmaa, Y. (1993) *The Beauty of Environment: A General Model for Environmental Aesthetics*. 2nd ed. Denton: Environmental Ethics Books.
7. Schweitzer, A. (1967) *Civilization and Ethics*. London: Unwin Books.
8. Hobbes, T. (2001) *Leviathan* [Leviathan]. Translated from English. Moscow: Mysl’.
9. UNEP.org. (1972) Stokgol'm 1972. Doklad konferentsii Organizatsii Ob'edinennykh Natsiy po problemam okruzhayushchey cheloveka srede [Report of the United Nations Conference on the Human Environment Problems]. Stockholm. [Online] Available from: <http://www.unep.org/Documents.Multilingual/Default.asp?DocumentID=97>. (Accessed: 14th June 2016).
10. UN.org. (1992) *Rio-de-Zhaneirskaya deklaratsiya po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [Rio de Janeiro Declaration on Environment and Development]. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl. (Accessed: 14th June 2016).
11. Khmelevskaya, S.A. & Yablokova, N.I. (2013) The system of forms of cognizing the existence in the context of modern culture. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Filosofskie nauki – Bulletin MSRU. Philosophical Science*. 2. pp. 74–78. (In Russian).
12. Monin, A.S. (ed.) (2002) *Ekologicheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Ecological Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Noosfera.
13. De Lucia, V. (2010) Competing Narratives and Complex Genealogies: The Ecosystem Approach in International Environmental Law. *Journal of Environmental Law*. 27:1. pp. 91–117. DOI: 10.1093/jel/equ031
14. Mazur, I.I. & Chumakov, A.N. (eds) (2006) *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo* [International environmental law]. In: *Globalistika: Mezhdunarodnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Global Studies: International Encyclopedic Dictionary]. Moscow; St. Petersburg; New York: ELIMA; Piter.
15. Anisimov, V.P. (2010) Problemy sovremennogo mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava i sposoby ikh resheniya [Problems of modern international environmental law and the ways of their solution]. *Vestnik RGGU – Vestnik RSUH*. 4. pp. 114–123.
16. Chichvarin, V.A. (1966) Konventsia o love ustrits i rybolovstve u beregov Velikobritanii i Frantsii. Podpisana v Parizhe 02.08.1839 g. [Convention on fishing and oyster fishing off the coast of the UK and France. Signed in Paris on August 02, 1839]. In: Chichvarin, V.A. (ed.) *Mezhdunarodnye soglasheniya po okhrane prirody* [International agreements on the protection of nature]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. Kobylanskiy, V.A. (2003) *Filosofiya ekologii* [Ecology Philosophy]. Moscow: FAIR-PRESS.
18. WTO Law. Science. GMOs. (n.d.) *Definition of Biosafety*. [Online] Available from: http://www.ecolomics-international.org/headg_biosafety.htm. (Accessed: 10th March 2016).

Received: 07 October 2016

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ОБРЕМЕНЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ОБЪЕКТ НЕДВИЖИМОСТИ ПРАВОМ ССУДЫ

Исследуется проблема отсутствия требования государственной регистрации договора ссуды недвижимого имущества и соответствующего обременения права собственности. Рассматриваются существующие в науке и судебной практике мнения по данному вопросу, проанализированы положения законодательства в отношении ссуды различных объектов недвижимости, приведено обоснование необходимости общего правила регистрации ссуды недвижимого имущества, а также ссуды его отдельных видов.

Ключевые слова: ссуда; недвижимое имущество; обременение; государственная регистрация; право собственности.

В теории и правоприменительной практике по-разному решается вопрос о государственной регистрации договоров безвозмездного пользования недвижимым имуществом. В одних случаях исходят из того, что поскольку безвозмездное пользование ограничивает право собственности, то это обременение подлежит обязательной государственной регистрации. Этому не может препятствовать тот факт, что в законе о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним данное обременение прямо не поименовано, ибо перечень обременений, подлежащих государственной регистрации, сформулирован в нем как открытый. В указанной ситуации к договору ссуды недвижимого имущества предлагают по аналогии применять положения, регламентирующие государственную регистрацию договора аренды [1. С. 419–420; 2].

Другая позиция сводится к утверждению о том, что в соответствии с действующим законодательством договор безвозмездного пользования недвижимым имуществом по общему правилу не подлежит государственной регистрации, кроме случаев, прямо указанных в законе. Применять в данном случае аналогию закона и делать расширительный вывод о том, что право пользования ссудополучателя подлежит государственной регистрации в качестве обременения права на недвижимость, считается недопустимым [3. С. 273; 4. С. 84; 5. С. 523; 6. С. 47; 7]. В судебной практике можно встретить утверждение и о том, что регистрация обременения в виде права ссудополучателя осуществляется заинтересованным лицом исключительно в добровольном порядке [8].

Действительно, в ст. 131 ГК РФ в перечне прав на недвижимость, подлежащих регистрации, не названы права ссудополучателя. В то же время в ней указывается на возможность регистрации иных прав в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом РФ и иными законами.

Пункт 2 ст. 689 ГК РФ устанавливает, что к договору безвозмездного пользования имуществом применяется ряд правил, установленных для договора аренды. Среди таких правил отсутствует норма п. 2 ст. 609 ГК РФ, предусматривающая, что договор аренды недвижимого имущества подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом. Таким образом, Гражданский кодекс РФ не

содержит требования об обязательной государственной регистрации договора ссуды недвижимого имущества, за исключением случая, предусмотренного п. 3 ст. 689 ГК РФ, согласно которому государственной регистрации подлежат договоры безвозмездного пользования объектами культурного наследия (относящиеся к разряду недвижимости), если иное не предусмотрено законом.

В соответствии с п. 1 ст. 4 ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [9] государственной регистрации подлежит право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество и сделки с ним в соответствии со ст. 130–132 и 164 ГК РФ, за исключением прав на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и космические объекты. Наряду с государственной регистрацией вещных прав на недвижимое имущество регистрации подлежат ограничения (обременения) прав на него, в том числе сервитут, ипотека, доверительное управление, аренда, безвозмездное пользование объектами культурного наследия, включенными в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленными объектами культурного наследия.

Как видим, в законе о регистрации не содержится указания на обязательность регистрации договора ссуды недвижимого имущества и обременения (ограничения) права собственности, возникающего из такого договора. Отсутствует такое указание и в Федеральном законе «О государственной регистрации недвижимости» [10], который вступит в силу с 1 января 2017 г.

Однако указанными нормативными предписаниями охватываются не все случаи, когда необходима государственная регистрация ограничения права собственности на недвижимость. Так, например, специфика оборота земельных участков устанавливается Земельным кодексом РФ, в частности, в отношении сделок по их безвозмездному пользованию. В соответствии с п. 1 ст. 25 ЗК РФ [11] права на земельные участки возникают по основаниям, установленным гражданским законодательством, федеральными законами, и подлежат государственной регистрации в соответствии с законом о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

В силу ст. 26 ЗК РФ договоры безвозмездного пользования земельным участком, заключенные на срок менее чем один год, не подлежат государственной регистрации, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Отсюда следует, что договор безвозмездного пользования земельным участком подлежит государственной регистрации в случае, если он заключен сроком на один год и более [12–14].

Между тем в юридической литературе, а также в ряде судебных актов высказывается мнение об отсутствии императивного правила о необходимости регистрации договора ссуды земельного участка [6. С. 46; 15. С. 427; 16]. Подобный подход выглядит весьма неубедительно. Соответствующие нормы земельного законодательства в данном случае не могут быть истолкованы иным образом. Кроме того, в случае отчуждения земельных участков установить факт нахождения их в пользовании третьих лиц бывает крайне затруднительно в силу самой специфики таких объектов (значительные размеры объекта, возможное отсутствие следов пользования, затруднительность в определении принадлежности следов пользования третьим лицам). Поэтому наличие в законе правила о государственной регистрации таких договоров в значительной степени позволяет уменьшить риски приобретателей соответствующих земельных участков.

Помимо земельных участков предметом предоставления по договору ссуды могут выступать лесные участки. Учитывая тот факт, что право безвозмездного пользования лесными участками возникает и прекращается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены гражданским и земельным законодательством (ст. 9 Лесного кодекса РФ [17]), договор ссуды лесного участка подлежит государственной регистрации в случаях, если он заключен на срок один год и более.

В безвозмездное пользование могут передаваться жилые помещения. Передавать в безвозмездное пользование жилое помещение вправе как сам собственник, так и наниматель жилого помещения по договору коммерческого найма или социального найма жилого помещения. Положения о найме жилого помещения не содержат правил о государственной регистрации данного договора. Регистрации подлежит только соответствующее обременение права собственности (п. 2 ст. 674 ГК РФ). Нецелесообразность регистрации ссуды в отношении жилых помещений объясняется некоторыми авторами тем, что в данном случае договор безвозмездного пользования направлен на оказание «определенного рода благодетельства» нуждающемуся лицу. Поэтому возникновение права ссудополучателя не должно ставиться в зависимость от наличия или отсутствия государственной регистрации [18. С. 143].

Как уже было сказано, в Гражданском кодексе РФ закреплено правило о применении к договору безвозмездного пользования объектом культурного наследия положений ст. 609 ГК РФ об аренде. Таким образом, договоры безвозмездного пользования объектами культурного наследия (которые относятся к разряду недвижимого имущества [19. Ст. 3]), подлежат обязательной государственной регистрации, если иное не

предусмотрено законом. Государственная регистрация таких договоров необходима для того, чтобы сведения о ссудополучателе были включены в учетное дело соответствующего объекта и могли быть использованы для поиска его как лица, ответственного за поддержание объекта в надлежащем состоянии, соблюдение требований к его охране. Это позволяет сделать вывод о том, что характер требования государственной регистрации договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия отличается от характера аналогичного требования применительно к договору аренды недвижимости. В арендных правоотношениях государственная регистрация преследует цель информирования неопределенного круга лиц об обременении имущества собственника – арендодателя.

Законом предусмотрены особенности государственной регистрации договоров аренды некоторых видов недвижимого имущества. В частности, договоры аренды зданий, сооружений, помещений, земельных участков подлежат государственной регистрации в случае, если они были заключены на срок более одного года. Что касается договора безвозмездного пользования объектом культурного наследия, то закон не связывает государственную регистрацию такого договора со сроком его действия. Иными словами, договор безвозмездного пользования объектом культурного наследия подлежит государственной регистрации независимо от срока, на который он заключен.

Таким образом, вышеизложенное позволяет утверждать, что действующее законодательство в качестве общего правила не предусматривает обязательную государственную регистрацию ни договора безвозмездного пользования недвижимым имуществом, ни права безвозмездного пользования объектом недвижимости, возникшего у ссудополучателя, ни обременения собственности на объект недвижимости соответствующим правом.

Следует отметить, что в свое время законодатель предпринимал попытку установить общее правило о государственной регистрации договора ссуды недвижимости. Статью 689 ГК РФ предлагалось дополнить указанием на то, что договор безвозмездного пользования недвижимым имуществом подлежит государственной регистрации, за исключением договора безвозмездного пользования земельным участком, зданием или сооружением, заключенного на срок менее года, договора безвозмездного пользования жилым помещением [20]. Однако позже Комитет Государственной Думы РФ указал на то, что данный вопрос утратил актуальность в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [21] и Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации прав и государственного кадастрового учета объектов недвижимости» [22]. Между тем названные законодательные акты не содержат правила ни об

обязательной государственной регистрации договора ссуды, ни о регистрации соответствующего обременения и вообще никаким образом не решают проблему отсутствия доступа заинтересованных лиц к информации о наличии обременения на недвижимое имущество, переданное по договору ссуды.

Представляется, что отсутствие в Гражданском кодексе РФ общего правила о регистрации договора ссуды недвижимого имущества является недостатком действующего законодательства по следующим соображениям

Согласно п. 1 ст. 700 ГК РФ ссудодатель вправе произвести отчуждение вещи или передать ее в возмездное пользование третьему лицу. При этом к новому собственнику или пользователю переходят права по ранее заключенному договору безвозмездного пользования, а его права в отношении вещи обременяются правами ссудополучателя. При отсутствии правила о государственной регистрации ссуды недвижимого имущества его потенциальные приобретатели несут ничем неоправданные риски, ибо до совершения сделки не имеют возможности проверить факт наличия или отсутствия обременения недвижимости ссудой, у которого может быть установлен значительный срок действия. На практике такие ситуации, хоть не часто, но все же встречаются [23].

Понятно, что на такие случаи действующее гражданское законодательство предусмотрело определенные средства защиты, в частности: предоставление покупателю прав, связанных с неисполнением продавцом обязанности передать товар свободным от прав третьих лиц (абз. 2 п. 1 ст. 460 ГК РФ); реализация стороной договора прав, связанных с предоставлением ей другой стороной договора недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения (ст. 431.2 ГК РФ). Однако в любом случае реализация таких средств защиты приведет к отказу от приобретенного имущества, обремененного ссудой.

Вместе с тем очевидно, что субъекты гражданского права (в частности, покупатель), вступая в те или иные отношения и руководствуясь своими собственными интересами, должны иметь доступ к необходимым сведениям об объекте недвижимости и его собственнике, что может быть обеспечено прозрачностью правового режима такой недвижимости за счет требования государственной регистрации прав на недвижимость и обременений этих прав.

Учитывая тот факт, что публичный акт государственной регистрации прав на недвижимость и обременений таких прав связан в первую очередь с выполнением функции информирования третьих лиц о субъектах, обладающих правом собственности на недвижимость, и об обременениях этого права, считаю, что решение вопроса о необходимости установления требования государственной регистрации к ссуде недвижимости должно быть дифференцированным в зависимости от того, кто выступает на стороне ссудодателя. Так, если ссудодателем выступает собственник недвижимого имущества, то государственной регистрации должно подлежать обременение права собственности правом ссуды. Если же ссудодателем выступают лица, обладающие ограниченным вещным правом на недвижимость либо обязательственными правами, подлежащими регистрации (например, аренда, найм), государственная регистрация обременения права собственности не требуется. Отсутствие потребности в такой регистрации объясняется тем, что акт государственной регистрации уже сыграл свою роль публичного информатора об обременении права собственности на стадии заключения договора с арендатором (нанимателем и др.) или передачи имущества на том или ином ограниченном вещном праве.

При этом важно понимать, что сам акт регистрации затрагивает динамику заключенного договора ссуды, но не сам договор. Иными словами, государственной регистрации должен подлежать не сам договор безвозмездного пользования недвижимым имуществом, а обременение права собственности на имущество, передаваемое по такому договору. Заключение договора и его исполнение преследует удовлетворение частных интересов его сторон. По отношению к ним все остальные участники гражданского оборота выступают в качестве третьих лиц лишь потому, что им безразличен не только факт совершения сделки ссуды, но и ее содержание. Более того, стороны сделки могут прикладывать значительные усилия для того, чтобы сведения о сделке оставались недоступными для третьих лиц. Вместе с тем интерес третьих лиц может проявиться к объекту ссуды как объекту гражданских прав, способному одновременно выступать элементом различного рода частноправовых отношений. Именно по этой причине всем третьим лицам должен быть гарантирован доступ к сведениям о недвижимости, составляющей предмет договора ссуды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / отв. ред. Ю.К. Толстой, Н.Ю. Рассказова. М. : Проспект, 2014. Т. 2. 924 с.
2. Постановление ФАС Московского округа от 18.09.2012 по делу № А41-28830/11 // СПС Гарант.
3. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2010. Т. 2. 878 с.
4. Гражданское право России. Обязательственное право : курс лекций / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2015.
5. Гражданское право : учеб. : в 4 т. Общая часть / под ред. Е.А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 2. 800 с.
6. Микрюков В.А. О государственной регистрации обременения недвижимого имущества договором ссуды // Закон и право. 2012. № 12. С. 44–47.
7. Постановление ФАС Московского округа от 04.12.2012 по делу № А40-62589/12-113-592 // СПС Гарант.
8. Обзор Кемеровского областного суда от 01.12.2004 № 01-19/130 «Обзор судебной практики рассмотрения судами Кемеровской области дел о признании недействительными сделок с недвижимостью и применении Закона РФ № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»» // СПС Гарант.
9. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ // СПС Гарант.

10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС Гарант.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.01.2001 № 136-ФЗ // СПС Гарант.
12. Определение ВАС РФ от 13.12.2012 № ВАС-16559/12 по делу № А05-251/2012 // СПС Гарант.
13. Постановление ФАС Московского округа от 31.01.2013 по делу № А40-47584/12-150-449 // СПС Гарант.
14. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 03.10.2011 по делу № А42-9170/2010 // СПС Гарант.
15. Киндеева Е.А., Пискунова М.Г. Недвижимость: права и сделки. Кадастровый учет и государственная регистрация прав. М.: Юрайт, 2011. 806 с.
16. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 07.04.2008 № А33-12027/07-Ф02-1109/08 // СПС Гарант.
17. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // СПС Гарант.
18. Формакидов Д.А. Правовое регулирование договора безвозмездного пользования жилым помещением // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 4 (18). С. 139–147.
19. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ // СПС Гарант.
20. Проект Федерального закона № 450718-4 «О внесении изменений в статью 689 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 16.04.2008 г.) // СПС Гарант.
21. Федеральный закон от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
22. Федеральный закон от 23.07.2013 № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной регистрации прав и государственного кадастрового учета объектов недвижимости» // СПС Гарант.
23. Постановление ФАС Московского округа от 02.09.2008 по делу № КГ-А41/8195-08 // СПС Гарант.

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 ноября 2016 г.

ON THE NECESSITY OF THE STATE REGISTRATION OF REAL ESTATE ENCUMBRANCE BY LOAN RIGHTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 182–186.

DOI: 10.17223/15617793/413/28

Roman M. Kochetov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: k0chetov@ya.ru

Keywords: loan for use; real estate; encumbrance; state registration; ownership.

The present article deals with the problem of the absence of requirements of the state registration of the contract of real estate loans and the corresponding encumbrance of ownership. This problem has very often been the subject of research. There is no unified point of view on the necessity of legislative requirements of the state registration of real estate loans in the theory of civil law. Also, current legislation is interpreted differently in this part. There are also different opinions on the matter in the legal practice. The absence of a unified approach to this issue could be the reason for the violation of the rights of citizens and organizations that participate in the relevant civil law relations. It already causes a violation of the uniformity in the law enforcement of judicial acts. It should be noted that the legislator attempted to resolve the issue, but still has not completed it. The author examines the existing points of view on the state registration of the contract of real estate loans and the corresponding encumbrance. An analysis of the current legislation was carried out regarding the existence of the rules of the loans registration as a general rule for all real estate, and in respect of specific objects (land, forest land, cultural heritage, accommodations). The author points out that the general rule is not enshrined in law, but there is a requirement in respect of certain types of real estate. The article presents arguments for the necessity of consolidation of the state registration of real estate loans as a general rule in legislation. In the first place, the state registration is necessary in order to inform third parties about encumbrances of the property. The absence of such a rule may cause a breach of the rights of persons who will acquire the title to the property (this kind of situations exists in practice). Meanwhile, such a rule is unnecessary in relation to the living accommodation loans due to the nature of these relations. The author points out the necessity of separation of the registration of the loan agreement and the registration of encumbrance of ownership in the form of loans. In this regard, it is emphasized that encumbrance shall be registered rather than the contract itself. The article also presents a situation when the lender has limited rights in rem or rights of obligation, which shall be registered.

REFERENCES

1. Tolstoy, Yu.K. & Rasskazova, N.Yu. (eds) *Grazhdanskoe pravo: v 3 t.* [Civil law: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Prospekt.
2. Garant. (2012) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 18.09.2012 po delu № А41-28830/11* [Regulation of Moscow District Federal Arbitration Court dated 18.09.2012 on case number А41-28830/11].
3. Sergeev, A.P. (ed.) (2010) *Grazhdanskoe pravo: v 3 t.* [Civil law: in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: RG-Press.
4. Sadikov, O.N. (ed.) (2015) *Grazhdanskoe pravo Rossii. Obyazatel'stvennoe pravo: kurs lektsiy* [Civil law of Russia. Contract Law: Lectures]. Moscow.
5. Sukhanov, E.A. (ed.) (2008) *Grazhdanskoe pravo: v 4 t. Obshchaya chast'* [Civil law: in 4 vols. General part]. Vol. 2. Moscow: Volters Kluver.
6. Mikryukov, V.A. (2012) Concerning state registration of the encumbrance on immovable property against loan agreement. *Zakon i pravo – Law and Legislation*. 12. pp. 44–47. (In Russian).
7. Garant. (2012) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 04.12.2012 g. po delu № А40-62589/12-113-592* [Regulation of Moscow District Federal Arbitration Court dated 04.12.2012 on case А40-62589/12-113-592].
8. Garant. (2004) *Obzor Kemerovskogo oblastnogo suda ot 01.12.2004 № 01-19/130: Obzor sudebnoy praktiki rassmotreniya sudami Kemerovskoy oblasti del o priznanii neдействительными сделок с недвижимостью и применении Закона РФ № 122-ФЗ “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”* [Review of the Kemerovo Regional Court of 01.12.2004 no. 01-19/130: Review of the court practice of the courts of Kemerovo Oblast on cases of invalidation of real estate transactions and the application of the Federal Law 122-FZ “On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with It”].
9. Garant. (1997) *Federal'nyy zakon “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним” от 21.07.1997 № 122-ФЗ* [Federal Law 122-FZ “On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with It” of 21.07.1997].
10. Garant. (2015) *Federal'nyy zakon ot 13.07.2015 № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”* [Federal Law 218-FZ of July 13, 2015 “On State Registration of Real Estate”].

11. Garant. (2001) *Zemel'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 25.01.2001 № 136-FZ* [The Land Code of the Russian Federation of 25.01.2001, 136-FZ].
12. Garant. (2012) *Opredelenie VAS RF ot 13.12.2012 № VAS-16559/12 po delu № A05-251/2012* [Resolution of the Supreme Court of Arbitration of Russia of 13.12.2012, VAS-16559/12 in case A05-251/2012].
13. Garant. (2013) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 31.01.2013 po delu № A40-47584/12-150-449* [Regulation of Moscow District Federal Arbitration Court of 31.01.2013 on case A40-47584/12-150-449].
14. Garant. (2011) *Postanovlenie FAS Severo-Zapadnogo okruga ot 03.10.2011 po delu № A42-9170/2010* [Resolution of Northwestern District Federal Arbitration Court of 03.10.2011 on case A42-9170/2010].
15. Kindeeva, E.A. & Piskunova, M.G. (2011) *Nedvizhimost': prava i sdelki. Kadastrivnyy uchet i gosudarstvennaya registratsiya prav* [Property: Law and transactions. Cadastre and state registration of rights]. Moscow: Yurayt.
16. Garant. (2008) *Postanovlenie FAS Vostochno-Sibirskogo okruga ot 07.04.2008 № A33-12027/07-F02-1109/08* [Resolution of East Siberian district Federal Arbitration Court of 07.04.2008 no. A33-12027/07-F02-1109/08].
17. Garant. (2006) *Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 04.12.2006 № 200-FZ* [The Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006, 200-FZ].
18. Formakidov, D.A. (2012) Legal regulation of the contract for free use of the housing unit. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical sciences*. 4 (18). pp. 139–147. (In Russian).
19. Garant. (2002) *Federal'nyy zakon "Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" ot 25.06.2002 № 73-FZ* [Federal Law 73-FZ "On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" of 25.06.2002].
20. Garant. (2008) *Proekt Federal'nogo zakona № 450718-4 "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 689 chasti vtoroy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i Federal'nyy zakon "O gosudarstvennoy registratsii prav na nedvizhimoe imushchestvo i sdelok s nim" (red., prinyataya GD FS RF v I chlenii 16.04.2008 g.)* [Draft Federal Law 450718-4: On Amendments to Article 689 of Part Two of the Civil Code of the Russian Federation and the Federal Law "On state registration of rights to immovable property and transactions with it" (ed. adopted by the RF State Duma in the I reading on 16.04.2008)].
21. Garant. (2014) *Federal'nyy zakon ot 22.10.2014 № 315-FZ "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law 315-FZ of 22.10.2014 "On Amendments to the Federal Law 73-FZ "On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]].
22. Garant. (2013) *Federal'nyy zakon ot 23.07.2013 № 250-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti gosudarstvennoy registratsii prav i gosudarstvennogo kadastrivnogo ucheta ob'ektov nedvizhimosti"* [Federal Law 250-FZ of 23.07.2013 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the state registration of rights and state cadastral registration of real estate"]].
23. Garant. (2008) *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 02.09.2008 po delu № KG-A41/8195-08* [Resolution of Moscow District Federal Arbitration Court of 02.09.2008 on case KG-A41/8195-08].

Received: 09 November 2016

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «РЕАЛИЗАЦИЯ ФУНКЦИЙ ПРАВА» И «ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ПРАВА»

Статья призвана обратить внимание научного сообщества на тот факт, что вопрос о сущности реализации функций права и ее основных форм в настоящий момент разработан явно недостаточно. Автор подчеркивает, что категории «реализация права» и «реализация функций права» не являются совпадающими. Формулируется вывод, согласно которому категория «форма реализации функций права» выступает характеристикой практического осуществления функций права, поэтому должна соответствовать исключительно объективным критериям, в силу чего в качестве такой формы должны быть утверждены правовые отношения.

Ключевые слова: право, функция, реализация, форма реализации, правоотношения, правовое сознание, воздействие.

Функции права как основные направления правового воздействия на общественную жизнь непременно должны быть реализованы. Отсутствие реализации функций права будет означать, что право не действует, не оказывает влияния, а значит, не имеет никакой социальной ценности. При этом нельзя не указать на то, что хотя категория «реализация права» в отечественной юридической науке проанализирована весьма подробно, основные аспекты реализации функций права практически не исследовались. Как справедливо отмечает А.И. Абрамов, на сегодняшний день, несмотря на то, что термин «реализация функций права» довольно широко употребляется в юридической литературе, данное понятие в науке разработано недостаточно [1. С. 179].

В указанной сфере существует не мало неразрешенных вопросов. Один из них заключается в следующем: совпадает ли содержание категорий «реализация права» и «реализация функций права»? Здесь мы считаем возможным поддержать наиболее распространенную позицию, согласно которой понятия «реализация права» и «реализация функций права», «бесспорно, имеют немало общего, однако они не идентичны во всех отношениях» [Там же].

Что же представляют собой категории «реализация права» и «реализация функций права»?

Теория права, несмотря на наличие ряда альтернативных позиций, достаточно давно определила основополагающий подход к определению понятия «реализация права», в соответствие с которым она представляет собой «процесс воплощения юридических предписаний в правомерных действиях граждан, органов, организаций, учреждений, должностных лиц и всех иных участников общественных отношений» и охватывает четыре особые формы: соблюдение, исполнение, использование и применение [2. С. 334–336].

Наиболее точно сущность понятия «реализация функций права», на наш взгляд, раскрывает Т.Н. Радько. Он определяет реализацию функций права как достижение целей функций права, претворение их в жизнь, характеризующие выполнение правом своей социальной роли [3. С. 93].

Аксиоматичность отмеченного суждения очевидна хотя бы потому, что термин «реализация» имеет достаточно четкое и понятное общеупотребительное значение, которое, в отличие от многих случаев, вполне укладывается в «русло» его семантики.

Термин «реализация» имеет латинское происхождение (от *realis* – вещественный) и в буквальном смысле означает овеществление чего-либо. В соответствии с «Толковым словарем русского языка» С.И. Ожегова данное понятие синонимично терминам «осуществление», «исполнение». В то же время глагол «осуществить» трактуется как «привести в исполнение, воплотить в действительность» [4]. Исходя из указанного, «осуществление» можно понимать как перевод (или переход) из сферы абстрактного, идеального в сферу сущего, конкретного, реального [1. С. 179].

Таким образом, применительно к функциям права реализация означает практику их воплощения в общественной жизни.

При этом поскольку реализация права подразумевает ее особые формы в виде соблюдения, исполнения, использования и применения, то и реализация функций права также не возможна вне ее конкретных форм. На наш взгляд, анализ понятия «форма реализации функций права» требует обращения не только к семантическому значению термина «реализация», но и не в меньшей степени к значению термина «форма».

Форма как таковая представляет собой способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его выражением; внешнее очертание, наружный вид предмета [4. С. 699]. Исходя из этого «форма реализации» есть не что иное, как внешний вид, внешнее проявление приведения в исполнение. Данное обстоятельство представляется очень важным в связи с ходом дальнейших рассуждений по поводу форм реализации функций российского права.

Поскольку понятие «реализация функций права» не часто становилось предметом научных исследований, вполне логично, что данное обстоятельство всецело относится и к формам реализации функций права.

Сказанное, однако, не означает полного отсутствия монографических работ, посвященных данному вопросу. Формы реализации функций права в целом или отдельных направлений правового воздействия исследовались Т.Н. Радько, А.И. Абрамовым, И.А. Курцевым, А.В. Константиновой и др. При этом анализ существующих научных трудов в данной области позволил нам условно разделить исследователей категории «реализация функций права» и основных форм такой реализации на две группы.

Так, первая группа исследователей придерживается мнения о наличии трех взаимосвязанных форм реа-

лизации функций права, которые, несмотря на некоторые различия в терминологии, подчас используемой авторами, по нашему мнению, совпадают. К данной группе условно могут быть причислены Т.Н. Радько и А.В. Константинова.

Т.Н. Радько отмечает, что поскольку правовое воздействие осуществляется в трех формах: информационной, ориентационной и форме правового регулирования, то в соответствии с этими формами необходимо выделять три формы реализации функций права: информационную, ориентационную, правовое регулирование.

Информационная форма состоит в том, чтобы сообщить адресатам требования государства, относящиеся к поведению людей, иначе говоря, довести до их сведения, какие имеются в обществе, одобряются или допускаются государством возможности, средства и методы достижения общественно полезных целей и какие из них противоречат интересам общества, государства и граждан. Источники, из которых граждане получают информацию о содержании норм права, могут быть самыми разными: официальные, средства массовой информации, юрисконсульты, адвокаты, другие лица юридической профессии, руководители различных уровней, друзья, знакомые, родственники, популярная юридическая литература и др.

По мнению Т.Н. Радько, следующей, не менее значимой формой реализации функций права является ориентационное воздействие. Ориентационная форма реализации функций права проявляется в том, что важны не только знания норм права, но и выработка у граждан позитивных правовых установок, которые образуют правовую ориентацию. Ориентационное правовое воздействие складывается из совокупности правовых установок и представляет собой двуединый процесс: формирование установок, с одной стороны, и их влияние на правовое поведение граждан – с другой.

Правовые установки подразделяют на позитивные (побуждающие к правомерному поведению, в том числе к правовой активности) и негативные (побуждающие к противоправному поведению). Установки, побуждающие к правомерному поведению, в совокупности образуют позитивную правовую ориентацию, а установки, побуждающие к противоправному поведению, – негативную правовую ориентацию. Задачей ориентационного воздействия права является формирование позитивных правовых ориентиров [5. С. 280–281].

Не ставя под сомнение необходимость и важность социально-ориентационного воздействия права, мы вместе с тем считаем нужным заметить, что вряд ли негативные установки, побуждающие к противоправному поведению, создающие негативную правовую ориентацию, логически верно именовать правовыми.

Безусловно, в некоторых случаях некачественные законы, неоправданные решения властных органов и т.п. могут сформировать у субъектов недоверие и даже негативное отношение к праву. Однако думается, что такая ситуация не может быть признана нормой, она противоречит сущности и социальному

назначению права, в связи с чем средства, способные создать негативную правовую ориентацию, скорее должны именоваться противоправными, нежели чем правовыми.

Несмотря на значимость информационной и ориентационной форм реализации функций права, Т.Н. Радько полагает, что поскольку центральное место в системе правового воздействия занимает правовое регулирование, то и реализация функций права в рамках этой формы имеет особое значение и состоит из выяснения следующих принципиальных положений: условий эффективности регулирования; процесса правового регулирования; социальных результатов регулирования [5. С. 281].

Другой представитель отмеченного направления – А.В. Константинова, предлагает выделять такие формы реализации функций права, как информационная, воспитательная и коммуникативная. По ее мнению, данные формы «соответствуют основным этапам процесса реализации функций права, характеризуя глубину (степень) и интенсивность воздействия права на индивида» [6. С. 9].

Как мы видим, первая форма реализации функций права, предлагаемая данным автором, идентична и терминологически, и по содержанию выделенной впервые Т.Н. Радько. Однако А.В. Константинова не ограничивается перечислением основных форм реализации функций права и их описанием. В рамках каждой из форм ею были выделены также стадии их реализации. В отношении механизма информационного воздействия права на личность это: а) восприятие правовой информации получателем; б) переработка полученных сведений (т.е. их осознание и понимание); в) усвоение правовых сведений через запоминание и приятие.

По мнению А.В. Константиновой, второй формой реализации функций права выступает воспитательная форма, которая, как мы полагаем, по своему содержанию также совпадает со второй (ориентационной) формой реализации функций права, предлагаемой Т.Н. Радько. Это связано с тем, что, по мнению А.В. Константиновой, воспитательная форма реализации функций права характеризует такой способ воздействия, который заключается во внедрении в сознание человека суммы правовых знаний, установок, убеждений, ценностных представлений, способствующих выработке мотивации поведения. Его целью является формирование ценностного восприятия права, уважительного отношения к правовым предписаниям, выраженного в осознании их незыблемости и необходимости соблюдения.

Механизм же воспитательного воздействия права на личность включает в себя следующие стадии: а) накопление знаний; б) превращение знаний в личные убеждения воспитуемых (осознанное понимание значимости права, его справедливости, которое, соединяясь с интересами и потребностями, способствует возникновению мотивов поведения, приводящих в действие внутренние установки личности); в) формирование правовой активности и выработка привычки поступать в соответствии с убеждениями.

А.В. Константинова выделяет еще одну – коммуникативную форму осуществления функций права, которая характеризует способность права быть средством общения, взаимодействия, связи между членами общества. Ценность права как коммуникативного средства, на ее взгляд, состоит в его направленности на формирование правовых отношений, предполагающих наличие взаимных сбалансированных прав и обязанностей их участников. Стадиями коммуникативного воздействия права выступают:

а) правовая регламентация общественных отношений, возникновение общерегулятивных (базисных) правоотношений;

б) формирование конкретных (ролевых) правоотношений, представляющих собой индивидуализированную взаимосвязь субъектов;

в) практическое поведение индивидов, состоящее в реализации своих прав и обязанностей [6. С. 9–10].

В данном случае, несмотря на обращение повышенного внимания на коммуникативный аспект действия права, речь, на наш взгляд, идет прежде всего о налаживании коммуникации особого вида, связанной с возникновением конкретных правоотношений, наделением их субъектов правами и юридическими обязанностями (правовом регулировании). Соответственно, сторонники трехэлементной структуры форм реализации функций права, по сути, ведут речь об одном и том же:

1) о доведении юридической информации об образцах допустимого и желательного поведения до субъектов правоотношений;

2) формировании у данных субъектов на основе полученной информации определенных мотивов, ценностей, установок правомерного поведения;

3) практической реализации приобретенных ценностных установок, связанных с правом, в конкретных правоотношениях.

Ко второй группе исследователей форм реализации функций права могут быть причислены А.И. Абрамов и И.А. Курцев. Подход к анализу вопроса, который имеет место в трудах данных авторов, существенно отличается от общепринятого (если под ним понимать научную позицию Т.Н. Радько).

В рамках этого подхода у функций права признается не три, а только две формы реализации, причем дело конечно не столько в количественном, сколько в содержательном отличии данного подхода от рассматриваемого ранее.

Признавая необходимость информационного и ориентационного воздействия права и его функций на сознание индивидов, с учетом внутри психологической направленности двух данных форм А.И. Абрамов [7. С. 89–129] и И.А. Курцев [8. С. 9, 18] полагают, что оба этих аспекта родственны друг другу и органически включены в единую форму реализации функций права, которая именуется субъективной и выражена прежде всего в правосознании.

Вполне логично, что субъективной форме корреспондирует форма объективная, которая, по мнению указанных выше авторов, выражена в правоотношениях.

В данном контексте правоотношения представляют собой целый комплекс различных связей: с одной стороны, это связи, характеризующие единство нормы права и урегулированного ею общественного отношения; с другой – это связи, характеризующие внутреннюю структуру правоотношения, а именно права и обязанности его участников. Благодаря наличию этих разноплановых связей, правовые предписания и, следовательно, функции права имеют возможность воплотиться в реальной жизни, в реальных общественных отношениях [7. С. 196].

Прежде чем аргументировать авторскую позицию по поводу количества и содержания основных форм реализации функций права, считаем необходимым остановиться на ряде проблемных аспектов, связанных с некоторым наложением классификации функций права и рассматриваемых в специализированной литературе форм их реализации.

Несложно заметить, что в некоторых случаях исследователи ведут речь о наличии воспитательной функции права [9. С. 175; 10], в других – о соответствующей форме реализации всех без исключения функций права.

Например, А.В. Константинова отмечает, что в случае выделения у права воспитательной функции ее отнесение к группе социальных (экономическая, политическая и пр.) является неправильным, поскольку нарушается единство классификационного критерия разделения функций права в зависимости от сферы регулируемых отношений. В связи с этим воспитательное воздействие, свойственное всем без исключения функциям права, выступает не функцией права, а составляет особую форму (способ) их реализации [6. С. 15].

Сходной позиции придерживаются и другие авторы, специально занимающиеся исследованием форм реализации функций права. Так, А.И. Абрамов отмечает, что в некоторых случаях в числе социальных функций права называют также воспитательную функцию. Сам ученый с этим категорически не согласен. По его мнению, это обусловлено тем, что объект воздействия воспитательной функции права составляют сознание и воля людей, что качественно отличает ее от любых других функций, объектом воздействия которых выступают общественные отношения [7. С. 8].

Не вдаваясь в глубокую полемику по данному вопросу, все же кратко остановимся на аргументах, которые, по нашему мнению, подтверждают ошибочность выводов о невозможности отнесения воспитательной функции к числу общесоциальных функций российского права.

Относительно позиции А.В. Константиновой хотим пояснить, что доводы автора, касающиеся неправильности выделения воспитательной функции вследствие нарушения единства классификационного критерия разделения функций права в зависимости от сферы регулируемых отношений, правильные. Проблема заключается только в том, что если за основу классификации функций права принять другой критерий, в частности цели и задачи, стоящие перед пра-

вом, то и воспитательная функция права вполне может быть соотнесена с другими общесоциальными функциями. Кроме того, нельзя не заметить, что любая, в том числе и научная, классификация весьма условна.

Так, например, осуществляя воспитательное воздействие, право некоторым образом влияет на другие сферы (помогает выстроить экономические отношения, грамотно и эффективно пользоваться избирательными правами и т.д.). В то же время, реализуя экономическую и политическую функцию, право в некотором роде «воспитывает» граждан и направляет общественные объединения в русло правомерного поведения. Соответственно, то, что «воспитательное воздействие свойственно всем без исключения функциям права» [6. С. 15], не подразумевает отрицания наличия воспитательной функции.

Как несложно заметить, А.И. Абрамов, также включающий воспитательную функцию из системы общесоциальных функций права, аргументирует эту позицию иначе. По его мнению, воспитательная функция не может быть отнесена к данному разряду не потому, что она не подпадает под один критерий классификации с общесоциальными функциями, а потому, что объект ее воздействия составляют сознание и воля людей, в то время как объектом прочих социальных функций являются общественные отношения. Однако сознание не может считаться монопольным объектом воспитательной функции права, едва ли объектом воздействия прочих функций права выступает что-то другое. Необходимо помнить о том, что предписания правовых норм так или иначе реализуются именно в поведении лиц и, конечно, в осознанном их поведении.

Прочие функции права, для того чтобы реализоваться в практике общественной жизни, никак не смогут миновать сознание людей, а значит, и утверждение о несовпадении объектов воспитательной функции права и других общесоциальных функций также нельзя признать правильным.

Выразив свое мнение по поводу возможности отнесения воспитательной функции к числу общесоциальных функций российского права, мы можем перейти непосредственно к рассуждениям относительно существующих форм реализации функций права. Мы не случайно подчеркивали тот факт, что, отталкиваясь от семантического значения, «форма реализации» есть не что иное, как внешнее проявление приведения в исполнение. Отсюда, на наш взгляд, не вполне состоятельны доводы как о трехэлементной структуре формы реализации функций права, в рамках которой принято выделять информационную, воспитательную и регулятивную (коммуникативную) форму, так и о двухэлементной структуре, включающей субъективную (правосознание) и объективную форму реализации функций права (правоотношения).

Форма реализации функций права, выступая характеристикой функций права во вне, выражающейся в эффективности и результативности правового воздействия, должна соответствовать исключительно объективным критериям. В противном случае весьма

сложно будет оценить эффективность правового воздействия в целом и каждой функции права в отдельности.

Таким образом, признавая в качестве формы реализации функций права правосознание, а тем более информированность или ценностные установки личности, мы тем самым утрачиваем возможность объективной оценки «качества работы» права. Сказанное не означает, что под воздействием права не происходит никаких изменений в сознании личности, ее ценностных установках, образовательном уровне и т.д., однако все эти изменения проявятся не ранее, чем личность, сознание которой подверглось воздействию со стороны права, вступит в те или иные правоотношения. Исходя из этого, мы предлагаем единственно возможной объективной формой реализации функций права считать правовые отношения, выражающиеся в реализации субъективных прав и юридических обязанностей их субъектов.

Поскольку правоотношения являются одной из форм реализации права, а без реализации права невозможна реализация его функций (так как сами функции определяются сущностью и социальным назначением права и являются производными от него, реализация функций права обусловлена реализацией правовых норм), то совершенно очевидно, что правоотношения являются той сферой (формой), в которой также происходит реализация функций права [1. С. 185].

Тесная взаимосвязь между категориями «функции права» и «правоотношения» проявляется и в других аспектах. В частности, право традиционно наделяется двумя главными собственно-юридическими функциями – регулятивной и охранительной, именно они в наибольшей степени отражают социальное назначение права, цели и задачи, стоящие перед ним. Правоотношения как форма реализации функций права вовне вполне удовлетворяют и этому критерию, так как в соответствии с их функциональной направленностью могут подразделяться на регулятивные и охранительные.

То, что формы реализации функций права должны находиться в сугубо практической плоскости, по нашему мнению, косвенно подтверждается еще и тем, что формы реализации других государственно-правовых явлений также объективны и напрямую не связаны с особенностями правосознания личности или общества.

Так, уже упоминаемые нами формы реализации права состоят в соблюдении, исполнении, использовании и применении, качество которых, безусловно, зависит от уровня правосознания и правовой культуры граждан, но измеряется исключительно характером деяний (действий или бездействий) субъектов общественных отношений.

Сказанное актуально и при анализе форм реализации функций государства, которые, несмотря на значительное число возможных критериев их классификации, также тесно связаны с конкретными сферами и направлениями деятельности государственных органов. «Хотя право и обладает определенной степенью саморегуляции, оно в то же время не достигает и не

может достичь такого обособления, чтобы регулировать все свои процессы самостоятельно. Отсюда можно сделать вывод, что функции права имеют механизм реализации вовне. Он состоит из всех субъектов права (граждан, должностных лиц, общественных объединений, государственных органов и т.д.)» [5. С. 280].

Подводя итог исследованию категории «реализация функций права» и форм такой реализации, необходимо еще раз подчеркнуть, что право имеет социальную ценность только тогда, когда оно оказывает реальное, а не номинальное воздействие на состояние общественных отношений, повышает качество общественной жизни. При этом именно качество реализации функций права как динамической составляющей правовой сущности имеет ключевое

значение при определении степени эффективности современного права.

Выводы, к которым мы пришли относительно сущности реализации функций права и ее основных форм, безусловно, нуждаются в дальнейшем обсуждении и отражают лишь личную позицию автора по указанным проблемным вопросам.

Вместе с тем очевидным является тот факт, что реализация функций права и ее формы исследованы на порядок меньше по сравнению со многими другими разделами современной теории права и государства. В то же время с учетом специфики функций права изучение особенностей и форм их реализации представляется на сегодняшний день не просто важным, а необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.И. Понятие реализации функций права: Соотношение понятий «реализация права» и «реализация функций права» // Правоведение. 2006. № 3. С. 179–189.
2. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. 2-е изд. М., 2006.
3. Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1987.
5. Радько Т.Н. Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
6. Константинова А.В. Формы осуществления функций права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
7. Абрамов А.И. Проблемы реализации регулятивной функции права : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
8. Курцев И.А. Проблемы реализации охранительной функции права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.
9. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005.
10. Швыркин А.А. Воспитательная функция права и роль органов внутренних дел в ее реализации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 октября 2016 г.

THE ESSENCE AND MEANING OF THE CATEGORIES “LAW FUNCTION IMPLEMENTATION” AND “FORMS OF LAW FUNCTION IMPLEMENTATION”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 187–192.

DOI: 10.17223/15617793/413/29

Natalya A. Makarova, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Samara, Russian Federation). E-mail: makarovaifsin@mail.ru

Keywords: law; function; realization; form of realization; legal relationship; legal conscience; influence.

The article discusses one of the most urgent issues of the modern theory of law and state. The author emphasizes that the term “law function implementation” is widely used in the legal literature, but this term is understudied in science. The analysis of the scientific literature published on the implementation of law and its functions and the semantic analysis of the terminology allows concluding that, with regard to the implementation of the functions of law, it means the practice of their implementation in public life. At the same time, since the implementation of law implies specific forms of its compliance, execution, use and application, the implementation of the functions of law is also not possible outside of its specific forms. Attention is drawn to the fact that there is no consensus in the scientific literature about the forms of implementation of the functions of law. Researchers of the question of forms of law function implementation can be divided into two groups. Representatives of the first group (T.N. Radko, A.V. Konstantinova) have an opinion that there are three interrelated forms of law function implementation. These are: 1) bringing legal information on samples of permissible and desirable behavior; 2) formation of specific motives, values, lawful behavior orientations on the basis of the received information; 3) practical implementation of the acquired value orientations connected with law in a specific legal relationship. The second group (A.I. Abramov, I.A. Kurtsev) identify two forms of law function implementation: subjective (legal conscience) and objective (legal relationship). According to the author of the article, since the form of law function implementation is an external feature of law, which is expressed in the efficiency of the law impact, it must meet objective criteria only. Otherwise, it is difficult to assess the effectiveness of law influence generally and each function separately. The author emphasizes that if to recognize legal conscience, awareness or the value system of the person as a form of law function implementation, we will lose our opportunity to objectively assess the “quality of the work” of law. For this reason the only possible form of law function implementation is legal relationships manifested in the implementation of subjective rights and legal responsibilities of their subjects. These conclusions are confirmed by the logical reference to a number of other aspects of the theory of law and state. For example, attention is drawn to the close relationship between the categories “functions of law” and “legal relationship”, or the fact that the implementation of other forms of the state-law phenomena are also objective and not directly related to the peculiarities of the legal conscience of the individual or society. It is, for example, categories such as “implementation of law”, “implementation of functions of the state” and others.

REFERENCES

1. Abramov, A.I. (2006) Ponyatie realizatsii funktsiy prava: Sootnoshenie ponyatiy “realizatsiya prava” i “realizatsiya funktsiy prava” [The concept of the law function implementation: Value concepts of “law implementation” and “law function implementation”]. *Pravovedenie*. 3. pp. 179–189.

2. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (2006) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. 2nd ed. Moscow: Yurist".
3. Rad'ko, T.N. (1974) *Metodologicheskie voprosy poznaniya funktsiy prava* [Methodological issues of knowledge of law functions]. Volgograd: NIIRIO VSSH MVD SSSR.
4. Ozhegov, S.I. (1987) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Rad'ko, T.N. (1993) *Obshchaya teoriya prava: kurs lektsiy* [General Theory of Law: lectures]. Novgorod: Izd-vo Nizhegor. VSh MVD RF.
6. Konstantinova, A.V. (2014) *Formy osushchestvleniya funktsiy prava* [The forms of law function implementation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
7. Abramov, A.I. (2005) *Problemy realizatsii regulativnoy funktsii prava* [Problems of implementation of regulatory function of law]. Law Cand. Diss. N. Novgorod.
8. Kurtsev, I.A. (2008) *Problemy realizatsii okhranitel'noy funktsii prava* [Problems of implementation of protective function of law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
9. Baytin, M.I. (2005) *Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (Modern normative legal thinking at the turn of the century)]. Moscow: Pravo i gosudarstvo.
10. Shvyrkin, A.A. (2002) *Vospitatel'naya funktsiya prava i rol' organov vnutrennikh del v ee realizatsii* [The educational function of law and the role of law-enforcement bodies in its implementation]. Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 10 October 2016

РОЛЬ СУДА В УСТАНОВЛЕНИИ ИСТИНЫ: СОБРАТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА САМОМУ ИЛИ ВОЗВРАТИТЬ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ?

Рассматриваются положения действующего уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего возможность возвращения судом уголовного дела для устранения препятствий для его рассмотрения в судебном заседании. Указывается, что нормы УПК РФ не позволяют судье возвратить уголовное дело, по которому расследование произведено некачественно, для производства предварительного расследования. С учетом того, что суд призван вынести обоснованное справедливое решение, предлагается предоставить суду право направлять уголовное дело прокурору в случае недостаточности для вынесения приговора доказательств, если в судебном заседании без несоразмерных затрат невозможно устранить нарушения, допущенные органом расследования, и восполнить пробелы в доказательствах нельзя.

Ключевые слова: уголовный процесс; судья; собирание доказательств; предварительное расследование.

В соответствии с ч. 4 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления установлена совокупностью исследованных судом доказательств.

Доказательства обвинения должны быть относимыми, допустимыми, а их совокупность – достаточной для несомненного вывода. Статьей 75 УПК РФ установлено, что доказательства, полученные с нарушением УПК РФ, являются недопустимыми, не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения и использоваться для установления любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. Статья 17 УПК РФ устанавливает, что участники уголовного судопроизводства оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся доказательств, руководствуясь законом и совестью.

М.С. Строгович под оценкой доказательств понимал логический, мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины по делу [1. С. 303]. Л.Д. Кокорев и Л.П. Кузнецов под оценкой доказательств понимают информационный процесс, направленный на переработку и накопление информации [2. С. 223].

Юристу-практику достаточно очевидно, что не по каждому уголовному делу, в особенности в последнее время, в распоряжение суда предоставляется достаточная для однозначного вывода совокупность доброкачественных, допустимых доказательств. Что должен суд делать в данном случае? Если поставить вопрос по-другому, он будет выглядеть так: что в данном случае может сделать российский судья, руководствуясь нормами действующего уголовно-процессуального закона?

Известно, что Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (далее – УПК РСФСР) давал на этот вопрос исчерпывающий ответ: согласно ст. 232 УПК РСФСР суд направлял дело прокурору для производства дополнительного расследования в целях устранения допущенных процессуальных нарушений и неполноты доказательств.

Полагаем, УПК РСФСР, в отличие от УПК РФ, удовлетворительно разрешал проблему недостаточно-

сти доказательств, необходимых для вынесения законного, обоснованного, справедливого судебного решения.

Вышеизложенная мысль может показаться крамольной, особенно для «кабинетного ученого», бывающего в суде и наблюдающего уголовное судопроизводство в действительности считанное количество раз. Вместе с тем представляется интересным привести ряд ситуаций, встречавшихся нам в изученных уголовных делах, а также примеров из собственной практики.

Так, Н. обвинялся по ч. 1 ст. 105 УК РФ и по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Из материалов дела следовало, что Н., его приятель К. и индивидуальный предприниматель С. в гараже, приспособленном С. под СТО, в ночное время занимались распитием спиртных напитков. Ранее неоднократно судимый Н., демонстрируя свои, как он полагал, значимость и авторитет, из хулиганских побуждений трижды обливал дизельным топливом и поджигал зажигалкой находящегося в сильнейшей стадии опьянения С. К., используя одеяло, трижды сбивал пламя, когда же в четвертый раз он не смог справиться с огнем, то убежал из гаража, вызвав по телефону наряд МЧС. Время от звонка К. до прибытия наряда пожарных, обнаруживших после тушения пожара в гараже труп С., составило, согласно объективным данным, 1 минуту 53 секунды. В деле, расследованном следователем СК РФ в звании майора юстиции, имеющим стаж работы более 10 лет, практически не имелось доброкачественных доказательств. В частности, понятыми в ночное время при осмотре места происшествия выступили работники полиции, протоколы следственных действий не имели необходимых реквизитов, участникам судопроизводства не были разъяснены их права, обвиняемому и его защитнику не была предоставлена возможность постановки вопросов экспертам по всем назначенным по делу экспертным исследованиям, о производстве исследований защитник и обвиняемый узнали постфактум, после поступления следователю результатов экспертиз и т.д. Устранять пробелы, как это и принято, пришлось суду. В обвинительном приговоре суд констатировал, что в гараже никого, кроме подсудимого Н., свидетеля К. и погибшего С., не было, согласно объективным данным – сведениям автоматизированной системы МЧС, пожарный наряд прибыл по вызову менее чем за две минуты, а также признал

явно неправдоподобной версию Н., что после того, как К. вызвал пожарных и убежал, Н. потушил С., выпил с ним еще водки, помирился, переоделся, завел машину и уехал, поскольку труп С. был обнаружен в том же самом месте, где Н. и совершал его поджог. В дальнейшем дело несколько раз пересматривалось по жалобам Н. и в результате Н. по ч. 2 ст. 167 УК РФ был оправдан, а по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказание ему было снижено с 12 до 8 лет лишения свободы.

Ж., обвинявшийся по ч. 2 ст. 167 УК РФ в уничтожении из хулиганских побуждений чужого имущества, категорически отрицал свою вину в уничтожении автомобиля инвалида Ф. В уголовном деле также практически не имелось доброкачественных, допустимых доказательств, протоколы допросов были составлены с грубейшими нарушениями и, вероятнее всего, Ж. был бы оправдан. Поскольку преступление было совершено рядом с городским парком, судьей были запрошены записи с установленных у входа в парк видеокамер, произведенные в интересующий суд период. Ж. после просмотра видеозаписей в суде признал свою вину, он и его защитник не стали обжаловать обвинительный приговор и оспаривать допустимость каких-либо доказательств.

Д., обвинявшийся по ч. 3 ст. 158 УК РФ, на стадии предварительного расследования признал свою вину и просил постановить в отношении него приговор в соответствии с положениями гл. 40 УПК РФ. При рассмотрении дела было установлено, что Д. преступления не совершал, в день преступления находился в камере для административно задержанных в другом городе, признательные же показания дал в связи с наступлением зимнего периода и желанием иметь кров и питание, хотя бы и в условиях исправительного учреждения. Прокурор от обвинения в суде отказался, уголовное дело было прекращено.

Г. был задержан работниками полиции рядом со своим гаражом, при досмотре его автомобиля были обнаружены наркотические вещества в крупном размере. На следующий день к следователю в сопровождении адвоката явилась сестра Г. и написала явку с повинной, указав, что наркотические средства принадлежат ей, а не ее брату Г., который ранее был осужден к условной мере наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ. Указанные сведения подтвердили также сам Г., его друзья, а также подруги его сестры. В отношении сестры Г. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 228 УК РФ и она впоследствии была осуждена судом так же, как ранее и ее брат Г., к наказанию в виде лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ.

Представляется, из приведенных примеров можно сделать достаточно много выводов о современном состоянии российского уголовного судопроизводства. Можно и вообще спросить, как соотносятся порочная практика и стройная логичная теория?

Ответ на последний вопрос достаточно прост: порочная практика и стройная теория зачастую имеют очень мало точек соприкосновения.

Рассмотрение уголовного дела по существу – важнейший, решающий этап уголовного судопроизводства, уголовный суд не только призван разрешать по существу уголовные дела, он еще и формирует право-

сознание граждан, обеспечивает стабильность в важнейшей сфере – в области уголовной юстиции.

В настоящее время УПК РФ не позволяет судье ни возвратить уголовное дело, по которому расследование произведено некачественно, прокурору ни заставить работать участников уголовного судопроизводства, поделенных создателями УПК на «равноправные стороны». Известно также, что и сам прокурор в 2009 г. был лишен законодателем большей части полномочий по надзору за органами расследования, что еще более снизило качество предварительного расследования и качество доказательственного материала.

В результате суд для разрешения вопроса о виновности или невиновности вынужден назначать экспертные исследования, производить дополнительные осмотры, «рекомендовать» прокурору и адвокату (в не процессуальном, естественно, порядке) представить суду того или иного свидетеля и т.д., собирая порой доказательства в большем, чем орган предварительного расследования, объеме, поскольку неполнота должны быть еще и «не восполнимой» в судебном заседании.

Обратимся теперь к позиции законодателя и Конституционного Суда РФ.

Как известно, в Постановлении от 20 апреля 1999 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 УПК РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород», ссылаясь на принцип состязательности судопроизводства и запрет возлагать на суд обвинительную функцию, Конституционный Суд РФ признал недопустимым направление судом по собственной инициативе уголовного дела на дополнительное расследование по п. 1, 3, 4 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР в случаях: 1) неполноты произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании; 2) наличия оснований для предъявления обвиняемому другого обвинения, связанного с ранее предъявленным, либо для изменения обвинения на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, содержащегося в обвинительном заключении; 3) наличия оснований для привлечения к уголовной ответственности по данному делу других лиц при невозможности выделить о них материалы дела.

В Постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» Конституционный Суд вновь указал, что «положения части первой статьи 237 УПК Российской Федерации не исключают – по своему конституционно-правовому смыслу в их взаимосвязи – правомочие суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возвратить дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом в случаях существенных нарушений уголовно-

процессуального закона, не устранимых в судебном производстве, если возвращение дела прокурору не связано с восполнением неполноты произведенного дознания или предварительного следствия».

02 июля 2013 г. Конституционный Суд РФ принял Постановление № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда», где указал, что суд вправе возвращать на стадию предварительного расследования уголовное дело в случае, если требуется предъявление более тяжкого обвинения, а на стадии предварительного расследования допущены недостатки, связанные с неполным или искаженным установлением фактических обстоятельств дела или с ошибочной юридической оценкой. Данное Постановление неоднозначно было встречено правоведами, многие расценили его как дань реакции, отступление от принципа состязательности и идеалов справедливого правосудия, к примеру, С.В. Бурмагин указал, что Конституционный Суд РФ пытается «перевести недостатки следствия, связанные с неполным или искаженным установлением фактических обстоятельств дела или с ошибочной юридической оценкой собранных фактов, в разряд сугубо формально-процессуальных нарушений, препятствующих рассмотрению и разрешению дела, инициатива устранения которых может исходить от суда, однако эти хитроумные рассуждения не меняют сути: судуверяются полномочия по выдвижению, формированию и усилению обвинения, что является прерогативой обвинительной власти» [3. С. 892].

В русле Постановления Конституционного Суда РФ Федеральным законом от 21.07.2014 г. № 269-ФЗ ч. 1 ст. 237 УПК РФ была дополнена п. 6, устанавливающим, что суд вправе вернуть уголовное дело прокурору и в случае, если фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении, постановлении о направлении уголовного дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера, свидетельствуют о наличии оснований для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния либо в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на наличие оснований для квалификации действий указанных лиц как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Кроме того, этим же Законом в ст. 237 УПК РФ введена ч. 1.3, устанавливающая, что при возвращении уголовного дела прокурору по основаниям, предусмотренным п. 6 ч. 1 настоящей статьи, суд обязан указать обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации действий обвиняемого, лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния. Законодатель указал, что суд не вправе ука-

зывать статью Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также делать выводы об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Представляется, формулировки, использованные в настоящее время в ст. 237 УПК РФ, гораздо более способны натолкнуть на мысли о предвзятости и заинтересованности суда, а также о частичном осуществлении им обвинительной функции, чем просто указание в законе на то, что направление дела для производства дополнительного расследования связано с неполнотой предварительного расследования.

Полагаем, что противоречивая, непоследовательная позиция Конституционного Суда РФ по рассматриваемым вопросам связана с тем, что его акты, выносимые в 1999–2003 гг., не всегда верно и объективно отражали имевшиеся в уголовном судопроизводстве процессы. В настоящее время Суд не может «дезаурировать» свои же постановления и определения, снова и снова повторяя достаточное спорное и не в полной мере понятное выражение о том, что «направление дела на стадию предварительного расследования не должно быть связано с неполнотой расследования».

Отметим, что правоведами в основном также демонстрируют отрицательное отношение к понятию «восполнение неполноты расследования». Тот же С.В. Бурмагин эмоционально восклицает: «Спрашивается, о какой неполноте и каких доказательствах идет речь? Доказательствах невиновности обвиняемого или его меньшей, чем очерчено в формулировке обвинения, виновности? Но это не требуется доказывать – невиновность презюмируется. Следовательно, речь идет о неполноте обвинительных доказательств!» [3. С. 894]. Еще ранее И.Б. Михайловская указывала, что в такой ситуации, «когда обвинению не удалось обосновать свои требования, стремление суда к достижению материальной истины, то есть подлинной картины случившегося, означает принятие им на себя функции уголовного преследования и доделывание того, что не удалось сделать органам предварительного расследования и прокурору» [4. С. 116]. Н.Н. Апостолова полагает, что с изменением общественного строя и принятием Конституции РФ советские подходы к доказыванию обстоятельств преступления неприменимы. Ссылаясь на ст. 18 Конституции РФ о непосредственном действии прав и свобод человека и гражданина, автор указывает: «Объективная истина была, есть и должна оставаться целью доказывания по уголовным делам. Однако правила и способы ее установления сейчас уже не могут быть буквально такими же, какими они были в советском уголовном процессе, поскольку они несовместимы с сущностью современного российского уголовного судопроизводства, равно как и с основами конституционного строя России» [5. С. 23].

Нам представляется, что подходы к доказыванию достаточно давно устоялись в уголовно-процессуальной теории, они развиваются независимо от идеологических воззрений и положений, в этой связи

достаточно спорно положение о неприменимости советского опыта.

Напомним также и о том, что и оправдательный приговор, как и его обвинительный «собрат», также не должен быть основан на предположениях. А.Ф. Кони указывал: «Сомнение служит в пользу подсудимого. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнение? Сомнение, которое возникает после оценки... доказательств. Если из оценки вытекает... такое сомнение, что оно не дает возможности заключить о виновности подсудимого, тогда это сомнение спасительно и должно влечь оправдание. Но если сомнение является только оттого, что не употреблено всех усилий ума и внимания, совести и воли, чтобы, сгруппировав все впечатления, вывести один общий вывод, тогда это сомнение фальшивое» [6. С. 84].

Представляется достаточно очевидным также и то, что общество тем более стабильно, чем более в нем достигаются задачи уголовной юстиции. А это как раз и предполагает наказание виновных, оправдание невиновных, защиту прав потерпевших, восстановление нарушенных прав и т.д. И чем качественнее расследуются и чем в дальнейшем правильнее разрешаются уголовные дела, тем стабильнее государство и общество. К сожалению, нормы современного УПК РФ не стимулируют органы предварительного расследования к надлежащему осуществлению своих обязанностей и не содержат действенных механизмов влияния на недобросовестно выполняющего свои обязанности следователя.

Возвращаясь к нашим примерам, полагаем, что направление на дополнительное расследование подобных уголовных дел насущно необходимо, пора заставить работать органы предварительного расследования. Выделить в чистом виде, а не в глубокой теории, «обвинительные» и «оправдательные» доказательства, до оценки всей совокупности доказательств, крайне затруднительно, одно и то же обстоятельство, в зависимости от его соотношения с другими, может как уличать, так и оправдывать подсудимого. При недостатке доказательств, при наличии недоброкачественных доказательств гораздо предпочтительнее не принимать спорное процессуальное решение, способное негативно повлиять на состояние правопорядка, как это происходит порой в настоящее время, а, основываясь на нормах действующего УПК РФ, настоятельно попросить орган расследования доделать свою работу.

Понятия «неполнота доказательств», как представляется, бояться не следует, как не следует и отказывать российским судьям в совестливости и порядочности. Задача суда состоит не в том, чтобы, как выражаются некоторые авторы, «подыграть» органам расследования, в угоду прокурору осудить невиновного и т.д., а в том, чтобы вынести справедливый и обоснованный приговор, что можно сделать лишь на основе исследования достаточной совокупности допустимых доказательств. Иерархичность и институциональность судебной системы, как представляется, позволят контролировать обоснованность постановлений о направлении уголовных дел для производства дополнительного расследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. Т. 1. 469 с.
2. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 2006. 272 с.
3. Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885–895.
4. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 111–118.
5. Апостолова Н.Н. Предварительное расследование и судебное следствие // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 21–24.
6. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избранные труды и речи. Тула : Автограф, 2006. 550 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 ноября 2016 г.

THE ROLE OF THE COURT IN ESTABLISHING THE TRUTH: TO COLLECT EVIDENCE OR TO RETURN A CRIMINAL CASE FOR FURTHER INVESTIGATION?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 193–197.

DOI: 10.17223/15617793/413/30

Aleksey V. Piyuk, Megion City Court (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru, megion.hmao@sudrf.ru

Keywords: criminal procedure; preliminary investigation; evidence; criminal case transfer; further investigation; court.

The article explains that returning criminal cases for further investigation is needed. In accordance with Part. 4 Art. 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (RF CPC), the “guilty” verdict cannot be based on assumptions; it is delivered only if during the trial the defendant’s guilt in committing an offense is established by the evidence the court has examined. However, not every criminal case provides solid adequate evidence, sufficient for an unambiguous conclusion, to the court. The situation is complicated by the fact that the RF CPC, unlike the RSFSR Code of Criminal Procedure of 1960, allows the judge neither to return criminal cases that were poorly investigated to the prosecutor, nor to make criminal proceedings participants work. It is also known that in 2009 the legislator deprived prosecutors of most of their powers to supervise investigation bodies, which further reduced the quality of the preliminary investigation and the quality of the evidentiary material. As a result, to resolve the question of guilt or innocence, the court is forced to make expert studies, additional inspections, sometimes collecting more evidence than a preliminary investigation body, performing the function it does. Under such circumstances, it appears that returning criminal cases for further investigation is urgently needed, and it will not be a sign of prosecutorial bias. The author states that society and the state grow more stable when the tasks of criminal justice are solved. The tasks involve the punishment of the guilty, the justification of the innocent, the protection of the rights of victims, the restoration of violated rights, etc. It is extremely difficult to identify the “guilty” and

“exculpatory” evidence in its pure form rather than in theory before assessing the whole bulk of it; one fact, depending on its connection with other evidence, can both convict and acquit the defendant. In case of a lack of evidence or in the presence of low-quality evidence it is far more preferable to require an investigation body to finish its work according to the norms of the current RF CPC rather than to make a controversial procedural decision that can have a negative impact on the state of the rule of law, as it sometimes happens today. Russian judges’ conscience and decency should not be denied, and the court’s task is to deliver a fair and reasoned verdict that can be made only after examining sufficient adequate evidence. A hierarchical and institutional judicial system will allow to properly control the validity of decisions on returning criminal cases for further investigation.

REFERENCES

1. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal trial]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
2. Kokorev, L.D. & Kuznetsov, N.P. (1995) *Ugovnyy protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal proceedings: evidence and proof]. Voronezh: Voronezh State University.
3. Burmagin, S.V. (2014) Razdelenie obvinitel'noy i sudebnoy vlastey v ugovnom sudoproizvodstve Rossii: ot sudebnoy reformy 1864 g. do nashikh dney [Separation of prosecutorial and judicial powers in criminal trial of Russia: from the 1864 judicial reform to the present day]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5. pp. 885–895.
4. Mikhaylovskaya, I.B. (2005) Sotsial'noe naznachenie ugovnoy yustitsii i tsel' ugovnogo protsessa [The social purpose of criminal justice and the purpose of the criminal trial]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 111–118.
5. Apostolova, N.N. (2014) Predvaritel'noe rassledovanie i sudebnoe sledstvie [Preliminary investigation and judicial investigation]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 7. pp. 21–24.
6. Koni, A.F. (2006) Nравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) [The moral principle in criminal proceedings (General features of judicial ethics)]. In: Koni, A.F. (2006) *Izbrannye trudy i rechi* [Selected works and speeches]. Tula: Avtograf.

Received: 21 November 2016

О ФОРМАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируются актуальные вопросы взаимодействия между Конституционным Судом Российской Федерации и Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ, Правительством РФ, Верховным Судом РФ в рамках системы разделения властей, а также предлагаются меры, способствующие совершенствованию регулирования форм сотрудничества Конституционного Суда с органами государственной власти РФ, учитывая особенности его конституционно-правового статуса. Особое внимание уделяется расширению таких перспективных направлений взаимодействия Конституционного Суда РФ, как экспертно-консультационная деятельность, содействие в развитии законотворчества и конституционализации судебной правоприменительной практики.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; судебная система; организационно-правовые формы взаимодействия; экспертно-аналитическая и консультационная деятельность; содействие в развитии законотворчества и законодательства; исполнение решений и учёт правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

В соответствии со ст. 125 Конституции РФ Конституционный Суд Российской Федерации относится к судебной ветви государственной власти, предполагающей установление особого способа формирования состава и регламентации статуса судей, наличие специальной компетенции, а также определение специфического порядка разбирательства дел, отнесенных к его юрисдикции, процедуру принятия и вступления в юридическую силу судебных решений. Более развернутая и полная характеристика Конституционного Суда как органа судебной власти содержится в ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», где закрепляются важнейшие его особенности в рамках судебной системы: во-первых, то, что он по своей правовой природе считается судебным органом власти; во-вторых, призван выполнять основную функцию – конституционный судебный контроль; в-третьих, реализует принадлежащие ему полномочия в особой процессуальной форме конституционного судопроизводства [1].

Будучи включен в единую судебную систему России (ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»), Конституционный Суд обладает всеми общими атрибутами, присущими другим судам, позволяющими раскрыть его природу как судебного органа государственной власти [2]. Прежде всего речь идет о том, что нормативно-правовую базу функционирования Конституционного Суда РФ составляют Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» и иные законодательные акты, регламентирующие организацию и деятельность судов в рамках судебной системы России [3]. Кроме того, на Конституционный Суд возлагается обязанность решения таких главных задач и целей, поставленных перед всеми судами, как обеспечение верховенства Конституции РФ, прямого и непосредственного действия её положений, соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ, защиты прав и свобод человека и гражданина. Одновременно следует констатировать то, что деятельность Конституционного Суда РФ предполагает финансирование его расходов из средств федераль-

ного бюджета по разделу «Судебная система». Другой важнейшей особенностью природы Конституционного Суда является распространение на него ряда общих правил и принципов регулирования статуса судей в Российской Федерации. Ещё одним важнейшим признаком характеристики Конституционного Суда РФ в качестве судебного учреждения можно считать подчинение указанного органа общим процессуальным требованиям порядка рассмотрения и разрешения дел в ходе осуществления конституционного судопроизводства. Помимо этого необходимо иметь в виду то, что итогами разбирательства дел в заседаниях Конституционного Суда является вынесение судебных решений, имеющих общеобязательное юридическое значение для исполнения всеми субъектами российского права.

Вместе с тем, в отличие от иных судов, статус Конституционного Суда РФ характеризуется следующими дополнительными чертами: 1) он единственный из судебных органов, компетенция которого прямо закрепляется в Конституции РФ (ст. 125); 2) не имеет над собой каких-либо вышестоящих апелляционной, кассационной или надзорной судебных инстанций; 3) наделяется исключительными полномочиями по проверке конституционности законодательных актов органов государственной власти и может лишать силы акты или их отдельные положения, признанные неконституционными; 4) содержание его деятельности по осуществлению конституционного судебного контроля носит преимущественно не правоприменительный, а нормативно-интерпретационный характер наиболее приближенного к сфере правотворчества; 5) в качестве одной из сторон конституционного судопроизводства выступают органы государственной власти РФ и её субъектов, издавшие проверяемые нормативные правовые акты или чья установленная компетенция оспаривается в Конституционном Суде; 6) принимаемые им итоговые решения обладают высшей юридической силой, приравненной фактически к положениям Конституции РФ, оказывают существенное воздействие на правотворческую и правоприменительную практику органов публичной власти в Российской Федерации.

Именно учитывая специфику функционального предназначения, полномочия и правовые последствия,

вызываемые вынесением итоговых решений, Конституционный Суд РФ занимает особое место не только в рамках судебной системы, но и в целом механизма осуществления государственной власти в нашей стране, которое позволяет его рассматривать в качестве самостоятельного и независимого органа государственной власти, стоящего с точки зрения своего конституционно-правового статуса в одном ряду с Президентом РФ, Федеральным Собранием РФ и Правительством РФ [4. С. 170; 5. С. 58–62; 6. С. 119–120]. Как следствие, своеобразие двойственной природы Конституционного Суда обуславливает необходимость реализации стоящих перед ним главных задач и функций, определяющих выбор конкретных организационно-правовых форм взаимодействия между Конституционным Судом Российской Федерации и органами государственной власти РФ. Одним из таких приоритетных направлений деятельности Конституционного Суда в системе разделения властей является взаимодействие с Президентом РФ, выступающего в качестве гаранта соблюдения Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения согласованного функционирования и сотрудничества всех органов государственной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ).

В первую очередь взаимодействие между Конституционным Судом РФ и главой государства предполагает участие в процедуре назначения и освобождения от должности судей Конституционного Суда, отражающей степень влияния и заинтересованности президента в формировании персонального состава органа конституционной юстиции. Как известно, установленный в настоящее время способ комплектования состава Конституционного Суда РФ предусматривает широкий круг субъектов правомочных предлагать свои кандидатуры Президенту РФ, однако право вносить представление о назначении судей Конституционного Суда в Совет Федерации остается всегда за главой государства, следовательно, указанная юридическая процедура назначения судей не полностью соответствует принципу разделения властей во взаимоотношениях всех ветвей государственной власти в Российской Федерации. Но особенно ведущая роль президента в формировании Конституционного Суда РФ проявляется при назначении Председателя и его заместителей, которые могут неоднократно переназначаться Советом Федерации по предложению главы государства, ведет к возвышению роли названных руководителей над остальными судьями и в целом снижает уровень самостоятельности и независимости Конституционного Суда [4. С. 194, 218; 7. С. 19; 8. С. 25; 9. С. 36]. Разумеется, внесению представления Президентом РФ о назначении Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителей должно предшествовать проведение предварительных консультаций по выдвинутым кандидатурам с членами Совета Федерации и судьями Конституционного Суда, но в любом случае высказываемое ими мнение носит лишь рекомендательный характер для главы государства. Аналогично обратное воздействие оказывает также президент на деятельность Конституци-

онного Суда РФ путем предоставления дополнительного материального и социального обеспечения, присвоения классных чинов, почетных званий и государственных наград судьям, направленное на гарантирование статуса судей Конституционного Суда в ходе осуществления своих полномочий по отправлению конституционного правосудия (ст. 13 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [4. С. 237–238].

Исходя из особенностей природы Конституционного Суда РФ вытекает и такая особая форма его взаимодействия с Президентом РФ, как участие в процессе принятия присяги вновь избранным главой государства, выражающаяся в удостоверении совершения действий президентом по соблюдению возложенной на него обязанности защиты Конституции от нарушений в присутствии судей Конституционного Суда в качестве главного хранителя конституционных принципов и ценностей (ч. 2 ст. 82 Конституции РФ).

Следующим перспективным направлением сотрудничества между Конституционным Судом РФ и Президентом РФ можно считать необходимость дальнейшего расширения полномочий Конституционного Суда в сфере экспертно-консультационной деятельности, предусматривающую включение судей Конституционного Суда РФ в состав различных консультативно-совещательных органов, создаваемых при президенте, по подготовке главе государства рекомендаций и предложений по сложным конституционно-правовым вопросам. Примером участия судей Конституционного Суда в работе таких консультативно-совещательных органов может служить введение в 2011 г. судьи Конституционного Суда РФ в отставке (по согласованию) Т.Г. Морщаковой в состав Совета по развитию гражданского общества и правам человека, а в 2012 г. Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина (по согласованию) в состав Совета по противодействию коррупции при Президенте России [10, 11]. Также заслуживает внимания сложившаяся в настоящее время практика проведения регулярных встреч ежегодно Председателя Конституционного Суда с президентом страны по обсуждению наиболее актуальных проблем осуществления конституционно-правовой политики, укрепления и развития системы конституционализма в Российской Федерации.

Другой важнейшей формой взаимодействия Конституционного Суда РФ и Президента РФ является организация исполнения вынесенных Конституционным Судом итоговых решений, предполагающая в необходимых случаях использование специальных юридических механизмов принудительной реализации судебных решений в деятельности органов государственной власти РФ и её субъектов. Наглядным примером такого рода сотрудничества может служить Указ Президента РФ от 10 марта 1997 г. «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации» от 24 января 1997 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике», оказавшего позитивное действие на прак-

тику исполнения решений Конституционного Суда, и в дальнейшем нельзя исключать возможности обращения органа конституционной юстиции к главе государства о применении принудительных мер по обеспечению реализации своих актов и привлечению виновных субъектов к юридической ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение вынесенных судебных решений [12]. В то же время представляется, что дальнейшее сотрудничество между Конституционным Судом РФ и президентом должно происходить в основном в форме участия в рассмотрении и разрешении дел в заседаниях Конституционного Суда о проверке конституционности законодательных актов в процессе абстрактного нормоконтроля, разбирательства споров о компетенции органов государственной власти, официального толкования Конституции РФ, а также осуществления контроля за подготовкой и проведения всероссийского референдума, в которых он выступает в роли ведущего участника – стороны конституционного судопроизводства, способного активно влиять на отправление Конституционным Судом РФ конституционного правосудия.

Не менее важное значение в рамках системы разделения властей имеет взаимодействие Конституционного Суда с Федеральным Собранием Российской Федерации как представительным (законодательным) органом государственной власти, направленным на предупреждение и устранение конституционных нарушений, оказание помощи и содействия в законотворческой деятельности, конституционализации российского законодательства. В этой связи весьма дискуссионный характер носит вопрос о предмете и пределах осуществления Конституционным Судом РФ права законодательной инициативы в Государственной Думе РФ (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ), исключаящей опасность вовлечения органа конституционной юстиции в политизированный федеральный законодательный процесс и подмены законодательных полномочий парламента. Отсюда, учитывая предназначение и сложившуюся практику Конституционного Суда, необходимо согласиться с мнением ряда авторов, что реализация им права законодательной инициативы главным образом ограничивается лишь регламентацией организации и деятельности Конституционного Суда РФ и его взаимоотношений с другими органами государственной власти Российской Федерации и не затрагивает иные вопросы регулирования общественных отношений [13. С. 20; 14. С. 286; 15. С. 97]. В частности, на практике, как резюмирует М.А. Митюков, в настоящее время осуществление права законодательной инициативы органом конституционной юстиции выражается обычно в форме внесения предложений и замечаний Секретариата Конституционного Суда в парламент, позволяющих ему оставаться вне процедуры консультативного предварительного конституционного контроля и опосредованно развивать отдельные формы реализации права законодательной инициативы по предметам своего ведения [16. С. 74]. Противоположную интересную точку зрения о целесообразности установления более

тесного сотрудничества между Конституционным Судом РФ и Государственной Думой РФ высказал на заседании научного совета при спикере палаты Председатель Государственной Думы С.Е. Нарышкин, полагающий, что уже на предварительных этапах осуществления федерального законодательного процесса должны учитываться правовые позиции, предложения и рекомендации Конституционного Суда, способствующие предотвращению в будущем принятия неконституционных законов, содействующие обновлению и совершенствованию современного состояния российского законодательства [17].

В свою очередь, как особую форму воздействия Конституционного Суда на сферу законотворчества во взаимоотношениях с российским парламентом можно рассматривать направление посланий в Федеральное Собрание (ч. 3 ст. 100 Конституции РФ), способствующее выявлению дефектов и пробелов в российском праве, а также определению путей по внесению соответствующих коррективов в действующие законодательные акты и разработке и принятии новых законов. К сожалению, данное полномочие по сотрудничеству с парламентом длительное время не используется Конституционным Судом РФ на практике, хотя предложение о перспективности возобновления деятельности по подготовке и рассмотрению посланий органа конституционной юстиции Федеральным Собранием РФ высказывалось многими российскими учеными-конституционалистами [18. С. 8–9; 19. С. 33; 20. С. 23; 21. С. 42, 45]. В известной степени альтернативой внесения посланий Конституционного Суда в парламент, по мнению М.А. Митюкова, можно считать практику направления информационных писем Секретариатом Конституционного Суда РФ в палаты Федерального Собрания об исполнении вынесенных судебных решений в качестве «квазиподобия» посланий, получившую широкое распространение в парламентской деятельности [19. С. 31].

Однако наиболее широкое взаимодействие Конституционного Суда и Федерального Собрания РФ подразумевает участие парламента в разбирательстве конкретной категории дел в различных видах осуществления конституционного судопроизводства. При этом следует отметить, что главной отличительной особенностью рассмотрения такой категории дел, как дача заключения о соблюдении установленного Конституцией РФ порядка выдвижения обвинения против Президента РФ по запросу Совета Федерации (ч. 7 ст. 125 Конституции РФ), является контроль Конституционного Суда РФ за действиями Государственной Думы РФ и предотвращение злоупотребления ею своего конституционного права инициирования процедуры импичмента президента и возможного вынесения Советом Федерации решения о наступлении конституционно-правовой ответственности главы государства перед парламентом.

В целом конечным результатом взаимодействия между Конституционным Судом и Федеральным Собранием РФ в конституционном судопроизводстве следует считать реализацию выводов и правовых позиций, содержащихся в вынесенных итоговых реше-

ниях Конституционного Суда РФ, а также предложений и рекомендаций, адресованных федеральному законодательному и подлежащих обязательному учету в законодательской деятельности и составлении плана законопроектных работ по разработке и принятию будущих законов. Что же касается анализа остальных форм взаимоотношений Конституционного Суда и российского парламента, то среди них можно выделить назначение и приведение к присяге судей Конституционного Суда РФ, принятие решения, в ряде случаев, о досрочном прекращении их полномочий Советом Федерации и совместное проведение представительских, научных и международных мероприятий (ст. 9–10, 18 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Самостоятельным направлением деятельности Конституционного Суда в системе разделения властей выступает взаимодействие с Правительством РФ как исполнительным органом государственной власти Российской Федерации (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ). Как правило, сотрудничество Конституционного Суда РФ и Правительства РФ, носит косвенный характер и выражается в основном в предоставлении дополнительных материальных и социальных гарантий по обеспечению самостоятельности и независимости статуса судей Конституционного Суда, беспрепятственной реализации их полномочий по отправлению конституционного правосудия (ст. 13, 19 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Более активное взаимодействие между Конституционным Судом и Правительством РФ предусматривает участие последнего в разбирательстве дел в судебных заседаниях тогда, когда оно обычно выступает в качестве стороны по проверке конституционности оспариваемых законодательных актов и полномочий, регламентирующих осуществление исполнительной власти в Российской Федерации. Также к новой форме сотрудничества Конституционного Суда РФ и Правительства РФ в настоящее время можно отнести экспертно-аналитическую деятельность Министерства юстиции РФ по ведению правового мониторинга и информирования Секретариата Конституционного Суда о состоянии исполнения вынесенных им решений в правоприменительной практике, которые в дальнейшем служат правовым основанием по подготовке и внесению проектов законов в Государственную Думу РФ или нормативных актов уполномоченными федеральными исполнительными органами государственной власти [22].

В рамках судебной системы приоритетное значение имеет регулирование взаимодействия между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ как высшим судебным органом власти в системе судов общей и арбитражной юрисдикции (ст. 126 Конституции РФ). Прежде всего, таким основным направлением сотрудничества Конституционного Суда и Верховного Суда является деятельность Конституционного Суда РФ по формированию органов судебного сообщества посредством делегирования своих пред-

ставителей на Всероссийский съезд судей РФ и президиум Совета судей, что, бесспорно, способствует повышению статуса судей и в целом укреплению и развитию судебной ветви государственной власти в Российской Федерации [4. С. 174–175; 23]. В противоположность влиянию Верховного Суда РФ в настоящее время на формирование персонального состава Конституционного Суда лишь ограничивается правом внесения предложений о кандидатах на должность судей Конституционного Суда РФ Президенту Российской Федерации (ст. 9 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Однако в наибольшей степени необходимость организации взаимодействия между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом подразумевает активное участие Верховного Суда РФ как в процедуре осуществления абстрактного, так и конкретного конституционного судебного контроля по делам о проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле по запросам судов на любой стадии рассмотрения возникшего дела Верховным Судом (ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). В дальнейшем целесообразность обеспечения исполнения решений Конституционного Суда в деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции требует расширения практики принятия Пленумом Верховного Суда РФ официальных разъяснений по вопросам порядка исполнения решений Конституционного Суда РФ, касающихся пересмотра и отмены вынесенных судами актов, основанных на законах, признанных Конституционным Судом не соответствующими Конституции РФ, или применения сформулированных им правовых позиций в различных видах судопроизводства. Положительным моментом также можно считать деятельность Верховного Суда об информировании судов о принятых решениях Конституционного Суда РФ, имеющих важное юридическое значение для разбирательства дел судами, а также составления обзоров судебной практики Верховного Суда РФ с учетом действия правовых позиций Конституционного Суда, получающих прецедентный характер в деятельности судов общей и арбитражной юрисдикции при рассмотрении и разрешении аналогичной категории дел [24. С. 138, 144].

В будущем представляется необходимым, что в целях формирования общего правового поля, выработки единообразной судебной практики понимания и применения российского законодательства в рамках судебной системы Российской Федерации следует предусмотреть обязанность присутствия на заседаниях Пленума Верховного Суда Председателя Конституционного Суда РФ и его заместителей по вопросам подготовки и принятия постановлений о применении законов с учетом реализации правовых позиций Конституционного Суда в деятельности нижестоящих судов общей и арбитражной юрисдикции. Частично в качестве промежуточного варианта разрешения указанной проблемы в настоящее время в рамках судебной системы Российской Федерации можно рассмат-

ривать предоставление права Председателю Верховного Суда РФ приглашать на заседания Пленума Верховного Суда Председателя Конституционного Суда и его членов по вопросам дачи разъяснений судам о порядке учета правовых позиций Конституционного Суда РФ в судебной правоприменительной практике (ч. 2 ст. 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации») [25]. Наконец, в позитивном аспекте представляется предложение, обсуждавшееся ранее на Конституционном совещании при Президенте РФ в 1993 г. о возможно-

сти создания специального Судебного присутствия или Государственного совета правосудия именно как координационно-совещательного органа из числа руководителей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, призванного содействовать обеспечению организации взаимодействия между всеми судебными органами и проведению единой судебной политики внутри судебной системы и в целом осуществления возложенных Конституцией РФ на судебную ветвь государственной власти общих целей, задач и функций [26].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 14.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 05.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1 Ст. 1.
3. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2015) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 30.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие. 4-е изд. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. С. 170.
5. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации : учеб. пособие. М. : Бек, 1998. С. 462.
6. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд : учеб. пособие. М. : Закон и право ; Юнити, 1997. С. 349.
7. Витрук Н.В. Выступление на круглом столе, посвященном 20-летию учреждения Конституционного Суда Российской Федерации. Стенограмма (Москва, Российская академия правосудия, 15 декабря 2010 года) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 1. С. 9.
8. Кряжков В.А., Митюков М.А. Конституционный Суд Российской Федерации: развитие конституционно-правового статуса // Государство и право. 2011. № 10. С. 16.
9. Митюков М.А. Председатель Конституционного Суда РФ: порядок избрания, срок полномочий и статус (экскурс в прошлое) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 5.
10. Указ Президента РФ от 1 февраля 2011 г. № 120 «О Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека» // Собрание законодательства. 2011. № 6. Ст. 852.
11. Указ Президента РФ от 28 июля 2012 г. № 1060 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и состава Президиума этого Совета» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32. Ст. 4481.
12. Указ Президента РФ от 10 марта 1997 г. № 193 «О мерах по реализации постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 1997 года № 1-П по делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 10. Ст. 1130.
13. Лазарев Л.В. Некоторые спорные вопросы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 8.
14. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России. М. : Рос. Юрид. изд. дом, 1999. 432 с.
15. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г.А. Гаджиева. М. : Норма ; Инфра-М, 2012. 672 с.
16. Митюков М.А. Право Конституционного Суда на законодательную инициативу (по материалам разработки проекта ФКЗ о КС) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. тр. Казань : Офсет-сервис, 2009. Вып. IV. С. 8.
17. Хамраев В. Конституционным судьям рекомендуют плотнее работать с депутатами // Коммерсант. 2016. 12 марта.
18. Несмеянова С.Э. О возможности влияния Конституционного Суда Российской Федерации на законодателя // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 3.
19. Митюков М.А. Методология исследования проблемы послания Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 6.
20. Кокотов А.Н. Насущные вопросы регулирования деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 7.
21. Брежнев О.В. Институт послания Конституционного Суда законодательному органу власти: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 3.
22. Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
23. Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (в ред. от 05.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.
24. Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. М. : Формула права, 2006. 152 с.
25. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (в ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.
26. Клеандров М.И. О «Генеральном штабе» судебной власти // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 1. С. 17.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 октября 2016 г.

THE FORMS OF COOPERATION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE BODIES OF STATE AUTHORITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 198–204.

DOI: 10.17223/15617793/413/31

Sergey A. Tatarinov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cafedra206@mail.ru

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation; judiciary; legal and organizational forms of cooperation; expert and consulting activity; contribution to legislation development; execution of judgment and status of legal viewpoints of the Constitutional Court of the Russian Federation.

This article discusses the topical problem of cooperation in the separation of powers between the Constitutional Court of the Russian Federation and the President of the Russian Federation, the Federation Council of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the Supreme Court. The author suggests improving the regulation of cooperation of the Constitutional Court and the head of the state, the legislative, executive and judicial branches taking into consideration its status. On the basis of the constitutional legislation and law enforcement practice the author concludes that the leading role in cooperation of the President of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation belongs to the head of the state, who influences the composition of the Constitutional Court and the appointment of its heads, assignment of additional social guarantees of judicial independence, execution of rendered judgments. The Constitutional Court of the Russian Federation has an opposite influence on the activities of the President of the Russian Federation in the execution of expert advisory, constituent, statutory and regulatory functions giving expert opinions over complicated constitutional matters, certification of the act of oath of the newly elected head of the state, participation in the procedure of impeachment of the President of the Russian Federation, judgments of other categories, referring the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation. Analyzing relations between the Constitutional Court and the Federation Council of the Russian Federation, it can be noted that it can actively assist in the elaboration of the legislative activities of the Russian parliament by means of realization of the right to legislative initiative, submission of messages and summarized judicial practice, legal background of its judgments and positions which contain suggestions and recommendations necessary for the consideration of new laws. The Federation Council can also influence the Constitutional Court of the Russian Federation in a similar way, when it takes part in the appointment and juration of judges, early termination of their powers and holding joint representative, scientific and international meetings. Considering the features of the relations of the Constitutional Court and the Government of the Russian Federation, it is necessary to note the circumstantial character of these relations. It is worked out in the participation in trials, carrying out legal monitoring and exchange of information over the status of rendered judgments of the Constitutional Court in law enforcement practice, which are legal grounds for improving the law-making of the federal executive authorities. The form of relations between the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation is described separately. It assumes making suggestions on personal staff of judges of the Constitutional Court of the Russian Federation to the President of the Russian Federation. Besides, cooperation of the Constitutional Court and the Supreme Court implies a wide participation of the Supreme Court of the Russian Federation in hearing cases during constitutional justice administration by the Constitutional Court of the Russian Federation. Other aspects of this cooperation are rendering acts on the official explanation of issues of the order of the Constitutional Court judgment execution by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which have a decisive meaning for general jurisdiction and arbitral jurisdiction courts. A prospective direction of the cooperation of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation is the obligation to invite the Chairman of the Constitutional Court and its representatives to the sessions of the Plenum of the Supreme Court over the issues of explanation of the order of application of laws according to the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author supports the suggestion over the reasonability of creation of a special legal expert or a State Council of Justice as a coordinating and consulting authority from heads of superior judicial institutions to carry out a single judicial policy in the judicial system of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1994) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 14.12.2015) [Federal Constitutional Law 1-FKZ of 21 July 1994 "On the Constitutional Court of the Russian Federation" (ed. on 14.12.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 13. Art. 1447.
2. Russian Federation. (1997) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 31 dekabrya 1996 g. № 1-FKZ "O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 05.02.2014) [Federal Constitutional Law 1-FKZ of December 31, 1996 "On the Judicial System of the Russian Federation" (ed. on 05.02.2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 1.
3. Russian Federation. (1992) Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 26 iyunya 1992 g. № 3132-I "O statuse sudey v Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 29.12.2015) [Law of the Russian Federation 3132-I of June 26, 1992 № "On the Status of Judges in the Russian Federation" (ed. on 29.12.2015)]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF*. 30.
4. Vitruk, N.V. (2010) *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional Justice. Judicial and constitutional law and process]. 4th ed. Moscow: Norma; Infra-M.
5. Kryazhkov, V.A. & Lazarev, L.V. (1998) *Konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional justice in the Russian Federation]. Moscow: Bek.
6. Ebzeev, B.S. (1997) *Konstitutsiya. Pravovoe gosudarstvo. Konstitutsionnyy Sud* [Constitution. Constitutional state. Constitutional Court]. Moscow: Zakon i pravo, Yuniti.
7. Vitruk, N.V. (2011) Vystuplenie na kruglom stole, posvyashchennom 20-letiyu uchrezhdeniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. Stenogramma (Moskva, Rossiyskaya akademiya pravosudiya, 15 dekabrya 2010 goda) [Speech at the round table dedicated to the 20th anniversary of the establishment of the Constitutional Court of the Russian Federation. Transcript (Moscow, Russian Academy of Justice, December 15, 2010)]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1.
8. Kryazhkov, V.A. & Mityukov, M.A. (2011) Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii: razvitie konstitutsionno-pravovogo statusa [Constitutional Court of the Russian Federation: the development of the constitutional and legal status]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 10.
9. Mityukov, M.A. (2012) Predsedatel' Konstitutsionnogo Suda RF: poryadok izbraniya, srok polnomochiy i status (ekskurs v proshloe) [Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation: the order of election, term of office and the status (excursion into the past)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*. 7.
10. Russian Federation. (2011) Ukaz Prezidenta RF ot 1 fevralya 2011 g. № 120 "O Sovete pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka" [Presidential Decree 120 of February 1, 2011 "On the Council for Civil Society Development and Human Rights under the President of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 852.
11. Russian Federation. (2012) Ukaz Prezidenta RF ot 28 iyulya 2012 g. № 1060 "Ob utverzhdenii sostava Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu korruptsii i sostava Prezidiuma etogo Soveta" [Presidential Decree 1060 of July 28, 2012 "On approval of the Council for countering corruption under the President of the Russian Federation and on the composition of the Presidium of the Council"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 4481.
12. Russian Federation. (1997) Ukaz Prezidenta RF ot 10 marta 1997 g. № 193 "O merakh po realizatsii postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24 yanvarya 1997 goda № 1-P po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Udmurtskoy Respubliki ot 17 aprelya 1996 goda "O sisteme organov gosudarstvennoy vlasti v Udmurtskoy Respublike" [Presidential Decree 193 of 10 March 1997: On measures to imple-

- ment decision 1 of the Constitutional Court of January 24, 1997 in the case concerning the constitutionality of the Law of the Republic of Udmurtia of 17 April 1996 "On the system of state power bodies in the Udmurt Republic". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 10. Art. 1130.
13. Lazarev, L.V. (1997) Nekotorye spornye voprosy teorii i praktiki konstitutsionnogo pravosudiya [Some controversial issues of theory and practice of constitutional justice]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 3.
  14. Avak'yan, S.A. (1999) *Federal'noe Sobranie – parlament Rossii* [The Federal Assembly: Russian Parliament]. Moscow: Ros. Yurid. izd. dom.
  15. Gadzhiev, G.A. (ed.) (2012) *Kommentariy k Federal'nomu konstitutsionnomu zakonu "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii"* [Commentary to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation"]. Moscow: Norma; Infra-M.
  16. Mityukov, M.A. (2009) Pravo Konstitutsionnogo Suda na zakonodatel'nyu initsiativu (po materialam razrabotki proekta FKZ o KS) [The right of the Constitutional Court to the legislative initiative (based on the RF Constitutional Court FCL draft development)]. In: Demidov, V.N. et al. (eds) *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva* [Topical issues of theory and practice of constitutional justice]. Vol. 4. Kazan: Ofset-servis.
  17. Khamraev, V. (2016) Konstitutsionnym sud'yam rekomenduyut plotnee rabotat' s deputatami [Constitutional judges are recommended to work more closely with deputies]. *Kommersant*. 12 March
  18. Nesmeyanova, S.E. (2010) O vozmozhnosti vliyaniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii na zakonodatelya [On the possibility of the influence of the Constitutional Court on the constitutional legislator]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 3.
  19. Mityukov, M.A. (2010) Metodologiya issledovaniya problemy poslaniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Research methodology of issues of the address of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law*.
  20. Kokotov, A.N. (2012) Current questions of regulation of the Constitutional Court of the Russian Federation activity. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2.
  21. Brezhnev, O.V. (2014) Institut poslaniya Konstitutsionnogo Suda zakonodatel'nomu organu vlasti: problemy teorii i praktiki [Institute of the address of the Constitutional Court to the legislative authority: problems of theory and practice]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 9.
  22. Russian Federation. (2011) Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 20 maya 2011 g. № 657 "O monitoringe pravoprimeneniya v Rossiyskoy Federatsii" [Presidential Decree 657 of May 20, 2011 "On the monitoring of law enforcement in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 21. Art. 2930.
  23. Russian Federation. (2002) Federal'nyy zakon ot 14 marta 2002 g. № 30-FZ "Ob organakh sudeyskogo soobshchestva v Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 05.10.2015) [Federal law 30-FZ of 14 March 2002 "On the Judicial Community Bodies in the Russian Federation" (ed. on 05.10.2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 11. Art. 1022.
  24. Kryazhkova, O.N. (2006) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii: teoreticheskie osnovy i praktika realizatsii sudami Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: theoretical bases and implementation in courts of Russia]. Moscow: Formula prava.
  25. Russian Federation. (2014) Federal'nyy konstitutsionnyy zakon ot 5 fevralya 2014 g. № 3-FKZ "O Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii" (v red. ot 04.11.2014) [The Federal Constitutional Law 3-FKZ on February 5, 2014 "On the Russian Federation Supreme Court" (ed. on 04.11.2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 550.
  26. Kleandrov, M.I. (2015) O "General'nom shtabe" sudebnoy vlasti [On the "General Staff" of the judiciary]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. 1.

Received: 10 October 2016

НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (проект № 16-03-00413).

В практике нормативного регулирования статуса некоторых участников уголовного процесса отмечен ряд необычных ситуаций, в которых пробелы законодательного регулирования восполняются путем наделения участника процесса с одним статусом отдельными элементами статуса другого участника процесса. Это новый инструмент правового регулирования – введение внестатусного статуса отдельных участников уголовного процесса. Обозначены причины возникновения внестатусных ситуаций и перспективы их дальнейшего развития.

Ключевые слова: участники уголовного процесса; статус участника уголовного процесса; злоупотребление правом; пробелы в законодательном регулировании; система уголовно-процессуального права; инструменты правового регулирования.

Практически весь период существования действующего уголовно-процессуального законодательства сопровождается нескончаемыми изменениями и дополнениями. Нестабильность уголовно-процессуального законодательства стала уже общим местом. В УПК РФ 2001 г. в общей сложности были внесены изменения и дополнения 205 федеральными законами (по состоянию на 1 ноября 2016 г.). То есть за 15 лет этот не самый объемный нормативный акт с традиционным кругом регулируемых общественных отношений подвергался изменениям более 200 раз. Первое такое изменение было внесено за месяц до введения УПК РФ в действие (1 июля 2002 г.) Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. Последнее известное на сегодняшний день – Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [2].

При такой ситуации ни изучать, ни применять, ни тем более соблюдать его нет никакой возможности. В этой связи представляют особую важность четкая и полная законодательная регламентация процессуального статуса каждого участника уголовного судопроизводства, устранение теоретических и правовых пробелов, позволяющих неоднозначно толковать их процессуальное положение. Правильное понимание нормативно-определенных пределов реализации прав и исполнения обязанностей субъектами уголовного процесса, особенно в период непрерывного изменения законодательства, – одна из важных гарантий решения задач уголовного судопроизводства при безусловной необходимости соблюдения законных интересов личности [3. С. 98].

Для того чтобы иметь статус субъекта (участника) уголовного процесса, соответствующие органы и лица должны обладать совокупностью признаков. К их числу относятся:

1) указание в законе на данное лицо как субъект уголовного процесса;

2) наличие у данного органа или лица предусмотренных законом прав или обязанностей;

3) возможность осуществлять уголовно-процессуальную деятельность;

4) вступление в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в уголовно-процессуальные отношения с иными участниками процесса.

Любой участник уголовного процесса обладает свойственным лишь ему процессуальным статусом. Процессуальный статус субъекта уголовного процесса включает в себя несколько элементов: 1) права субъекта; 2) его обязанности; 3) гарантии реализации прав и исполнения обязанностей; 4) ответственность субъекта за ненадлежащее исполнение обязанностей [3. С. 101–104].

Ученые обоснованно подчеркивают тесную связь правового статуса участника уголовного производства с выполняемой им функцией. Правовой статус участника судопроизводства – это совокупность его прав и обязанностей, установленных нормами права и отвечающих выполняемой им процессуальной функции. Правовой статус не произволен, а определяется выполняемой участником функцией и не может выходить за ее границы [4. С. 128]. Четкое определение компетенции и правового статуса участников уголовного судопроизводства аргументированно позиционируется среди основных черт современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации [5. С. 23].

Между тем в последние годы в практике уголовного судопроизводства выявился ряд ситуаций, в которых обнаружена недостаточность нормативного регулирования в действующей системе уголовно-процессуального права, которые отличаются от обычных встречающихся с пробелами в законодательном регулировании тем, что в них участник процесса с одним статусом (либо вовсе без такового) обретает не характерные для него элементы статуса другого участника процесса.

Речь идет о следующих ситуациях:

1) недостаточность прав близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого) для защиты законных интересов в случае прекращения уголовного дела в связи с его смертью;

2) недостаточность прав для защиты законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено наложением ареста на принадлежащее им имущество;

3) разностатусность прав и обязанностей обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его участии в рассмотрении основного уголовного дела.

Все эти ситуации стали предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации. Пользуясь имеющимися полномочиями, он сформулировал ряд правовых позиций, содержащих правовую оценку сложившихся ситуаций и варианты решения выявленных проблем обеспечения прав и законных интересов вовлеченных в них лиц.

Так, в ситуации прекращения уголовного дела в связи со смертью подозреваемого (обвиняемого) Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» [6] обоснованно заметил, что защита прав и законных интересов близких родственников умершего подозреваемого (обвиняемого), имеющая целью его реабилитацию, должна осуществляться в уголовно-процессуальных формах путем предоставления им необходимого правового статуса и вытекающих из него прав (п. 5). И далее сделал вывод, что при заявлении возражения со стороны близких родственников подозреваемого (обвиняемого) против прекращения уголовного дела в связи с его смертью орган предварительного расследования или суд обязаны продолжить предварительное расследование либо судебное разбирательство. При этом указанным лицам должны быть обеспечены права, которыми должен был бы обладать подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), аналогично тому, как это установлено ч. 8 ст. 42 УПК Российской Федерации применительно к умершим потерпевшим (п. 6).

Федеральному законодателю предписано внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на обеспечение государственной, в том числе судебной, защиты чести, достоинства и доброго имени умершего подозреваемого (обвиняемого) и прав, вытекающих из принципа презумпции невиновности, в том числе конкретизировать перечень лиц, которым, помимо близких родственников, могут быть предоставлены право настаивать на продолжении производства по уголовному делу с целью возможной реабилитации умершего, процессуальные формы их допуска к участию в деле и соответствующий правовой статус, предусмотреть особенности производства предварительного расследования и судебного разбирательства в случае смерти подозреваемого, обвиняемого (подсудимого), а также особенности решения о прекращении уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию (п. 6).

В ситуации наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена» [7] отметил, что система действующего законодательства и правоприменительная практика не могут быть признаны эффективным средством защиты прав собственника арестованного имущества (п. 3.2).

В этой связи Федеральному законодателю предписано внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на ограничение срока (продолжительности) применения наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, разумность и необходимость которого должны определяться судом в процедурах, обеспечивающих собственников арестованного имущества процессуальными правами, необходимыми для защиты их права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения (п. 4).

В ситуации, когда обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, участвует в рассмотрении основного уголовного дела, Конституционный Суд Российской Федерации в резолютивной части Постановления от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» [8] отмечает, что такое лицо в силу особенностей своего правового положения в уголовном процессе не является подсудимым (обвиняемым) по основному уголовному делу и в то же время как обвиняемый по выделенному уголовному делу, в силу заключенного им досудебного соглашения о сотрудничестве, связанный обязательством сообщать сведения, изобличающие других соучастников преступления, по своему процессуальному статусу не является свидетелем по основному уголовному делу (ч. 1 п. 1).

И далее, исходя из этого, устанавливает, что на обвиняемого по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при его допросе в судебном заседании по основному уголовному делу в целях получения показаний в отношении других соучастников преступления не распространяются требования ст. 307 и 308 УК Российской Федерации об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и, соответственно, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации правила о предупреждении допрашиваемых лиц о такой ответственности (ч. 2 п. 1).

В описанных ситуациях участник уголовного процесса с одним статусом (либо вовсе без такового) обретает элементы не характерного для него статуса другого участника процесса. В этом усматривается появление нового правового инструмента правового регулирования – определение внестатусного статуса отдельных участников уголовного производства. Внестатусность означает выход за пределы статуса, определяемого обычно в соответствии с функциями участника уголовного процесса.

Причины возникновения внестатусных ситуаций разные. Это может быть появление новых институтов, не вполне вписанных в действующую систему права (третья ситуация), либо значительный рост стандартов защиты прав и законных интересов граждан, требующий соответствующего правового механизма (первая и вторая ситуации).

Перспективы дальнейшего развития правового оформления внестатусных ситуаций представляются многовекторными. Прежде всего, многие из них находят необходимое отражение в решениях Конституционного Суда. Конституционный Суд Российской Федерации, усматривая в означенных ситуациях очевидную пробельность в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного производства, наделенный полномочиями, формулирует соответствующие правовые позиции, способные восполнить пробелы в правовом регулировании. Одновременно он предписывает сделать это Федеральному законодательству.

Далее рассмотренные Конституционным Судом ситуации должны быть надлежащим образом урегулированы федеральным законодательством. Мы наблюдаем это на практике. Характерным примером является Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9], которым в УПК РФ внесены многочисленные изменения, направленные на отражение конституционно-

правового смысла правовых положений, сформулированных в указанном выше Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П.

В настоящее время Минюст России разработал законопроект «О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка допроса обвиняемого, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве» (с текстом которого и материалами к нему можно ознакомиться на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (ID: 01/05/10-16/00055867) [10]), которым уточняется порядок допроса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в соответствии с правовыми позициями, изложенными в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П.

В связи с внесением в статус соответствующих участников уголовного процесса внестатусных элементов логичным является дальнейшее усложнение архитектуры нормативно-правового регулирования статуса соответствующих участников уголовного процесса.

Возможным вариантом дальнейшего развития законодательного регулирования статуса отдельных участников уголовного процесса является ликвидация сложных нормативно-правовых иерархий за счет предоставления гражданам безусловных правовых возможностей, не связанных тем или иным конкретным статусом. Так произошло, например, с проблемой определения момента допуска защитника в уголовный процесс, и предлагается решить проблему момента признания лица подозреваемым [11. С. 41–46].

Наконец, нельзя исключать ликвидацию несистемных институтов, благодаря чему возникшие проблемы с внестатусным статусом отдельных участников уголовного процесса отпадут сами собой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2027.
2. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4559.
3. Григорьев В.Н., Победин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2008. 816 с.
4. Уголовный процесс : учеб. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. Вступ. ст. В.Д. Зорькина. 6-е изд., перераб. М. : Норма: ИНФРА-М, 2015. 736 с.
5. Зайцев О.А. Современная уголовно-процессуальная политика Российской Федерации // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко (Москва, 19–20 мая 2016 г.) / отв. ред. Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., проф. О.А. Зайцев, д.ю.н., проф. А.Г. Волеводз. М. : МГИМО МИД России; МАЭП, 2016. С. 17–24.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (2). Ст. 4698.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2014 г. № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью “Аврора малоэтажное строительство” и граждан В.А. Шевченко и М.П. Эйслена» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 44. Ст. 6128.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2016 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 31. Ст. 5088.
9. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 27. Ст. 3981.
10. Паспорт проекта федерального закона «О внесении изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка допроса обвиняемого, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=55867> (дата обращения: 01.11.2016).
11. Григорьев В.Н. Обретение лицом уголовно-процессуального статуса подозреваемого: в чем проблемы? // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–46.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 ноября 2016 г.

A NEW INSTRUMENT OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 413, 205–209.

DOI: 10.17223/15617793/413/32

Viktor N. Grigoryev, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russian Federation); Moscow Academy of Economics and Law (Moscow, Russian Federation). E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

Oleg A. Zaitsev, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russian Federation); Moscow Academy of Economics and Law (Moscow, Russian Federation). E-mail: oleg@mael.ru

Keywords: participants of criminal proceedings; status of participant of criminal proceedings; gaps in legal regulation; system of criminal procedural law; instruments of legal regulation.

The legal status is determined by the function of the participant of criminal proceedings and cannot violate its borders. The article notes a number of situations in the practice of legal regulation of the status of some participants in criminal proceedings where the legal regulation gaps are filled by giving elements of the status of one participant to another participant. So, the legislator transfers the rights of the suspect, the accused (defendant) to his close relatives at the termination of a criminal case due to the death of the accused, the suspect to protect their legitimate interests. Part 8. Art. 42 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation establishes a similar provision to the deceased victim. Moreover, when persons who are not suspects, the accused or civil defendants in a criminal case, but owners of arrested property, have no sufficient rights to protect their legitimate interests, the legislator gives the owners procedural rights to protect property rights against unwarranted or excessively long limitations. Finally, the authors define the third situation of legal regulation of the participant's status, when the accused in a criminal case, allocated in a separate proceeding in connection with the pre-trial cooperation agreement, participates in criminal proceedings, and is not the defendant (accused) in the main criminal case and, at the same time, this person has an obligation to report information exposing other participants in the offense, but s/he is not a witness. The legislator does not apply to the accused the requirements of Articles 307 and 308 of the Criminal Code of the Russian Federation about criminal responsibility for the refusal of testimony and perjury and, appropriately, the rules of the Code of Criminal Procedure of Russian Federation during questioning at the court hearing in a criminal case allocated in separate proceedings in connection with the pre-trial cooperation agreement. The participant of criminal proceedings with one status (or without it) obtains elements of the status of another participant of criminal proceedings in the above situations. It indicates the emergence of a new instrument of legal regulation. It is the determination of the specific status of several participants in criminal proceedings. The specificity means going beyond the status usually determined in accordance with the functions of the participant in criminal proceedings. The article notes the causes of the emergence of the specific status and prospects for its further development.

REFERENCES

1. Russian Federation. (2002) Federal'nyy zakon ot 29 maya 2002 g. № 58-FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law 58-FZ of May 29, 2002 "On Amendments and Addenda to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 22. Art. 2027.
2. Russian Federation. (2016) Federal'nyy zakon ot 6 Iulya 2016 № 375-FZ "O vnesenii izmeneniy v Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nykh mer protivodeystviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti" [Federal Law 375-FZ of July 6, 2016 "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation to establish additional measures to counter terrorism and ensure public safety"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 28. Art. 4559.
3. Grigor'ev, V.N., Pobedkin, A.V. & Yashin, V.N. (2008) *Uголовный protsess* [Criminal procedure]. 2nd ed. Moscow: Eksmo.
4. Smirnov, A.V. (ed.) (2015) *Uголовный protsess* [Criminal procedure]. 6th ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
5. Zaitsev, O.A. (2016) [Modern criminal procedure policy of the Russian Federation]. *Uголовное sudoproizvodstvo: sovremennoe sostoyanie i osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya* [Criminal proceedings: the current state and the main directions of development]. Proceedings of the international conference dedicated to the 50th anniversary of Doctor of Law, Professor A.V. Grinenko. Moscow. May 19–20, 2016. Moscow: MGIMO MID Rossii; MAEP. pp. 17–24. (In Russian).
6. Russian Federation. (2011) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14 iyulya 2011 g. № 16-P "Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy punkta 4 chasti pervoy stat'i 24 i punkta 1 stat'i 254 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan S.I. Alexandrin i Yu.F. Vashchenko" [Decision of the Constitutional Court 16-P of 14 July 2011 "On the case of verification of constitutionality of the provisions of Paragraph 4 Part 1 of Article 24 and Paragraph 1 of Article 254 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints of citizens S.I. Alexandrin and Yu.F. Vashchenko"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30 (2). Art. 4698.
7. Russian Federation. (2014) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 oktyabrya 2014 g. № 25-P "Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy chastei tret'ey i devyatoy stat'i 115 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Avrora maloetazhnoe stroitel'stvo" i grazhdan V.A. Shevchenko i M.P. Eydlena" [Decision of

- the Constitutional Court 25-P of October 21, 2014 “On the case of verification of constitutionality of the provisions of Parts 3 and 9 of Article 115 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaints of the limited liability company Avrora maloeta-zhnoe stroitel'stvo and citizens V.A. Shevchenko and M.P. Eyden”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 44. Art. 6128.
8. Russian Federation. (2016) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 20 iyulya 2016 goda № 17-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chastey vtoroy i vos'moy stat'i 56, chasty vtoroy stat'i 278 i glavy 40.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina D.V. Usenko” [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation 17-P of July 20, 2016 “On the case of verification of constitutionality of the provisions of Parts 2 and 8 of Article 56, Part 2 of Article 278 and Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaint of citizen D.V. Usenko”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 31. Art. 5088.
  9. Russian Federation. (2015) Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2015 g. № 190-FZ “O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law 190-FZ of June 29, 2015 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 3981.
  10. Regulation.gov.ru. (c. 2016) *Pasport proekta federal'nogo zakona “O vnesenii izmeneniya v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasty ustanovleniya poryadka doprosa obvinyaemogo, v otnoshenii kotorogo ugolovnoe delo vydeleno v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem dosudebnogo soglashiya o sotrudnichestve”* [The passport of the draft federal law “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with regard to establishing the order of questioning of the accused, against whom a criminal case is separated in connection with the pre-trial cooperation agreement”]. [Online] Available from: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=55867>. (Accessed: 01st November 2016).
  11. Grigor'ev, V.N. (2016) Obretnenie litsom ugolovno-protsessual'nogo statusa podozrevaemogo: v chem problemy? [A person acquires the criminal procedure status of a suspect: what is the problem?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 41–46.

Received: 11 November 2016

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРОСОВА Светлана Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: androsova_s@mail.ru

АФАНАСОВА Елена Николаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения. E-mail: lebeden81@mail.ru

АХМЕДШИНА Наталия Владимировна – доцент кафедры уголовного права Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: dana74@mail.ru

БАДИКОВ Роман Андреевич – аспирант кафедры «Отечественная и зарубежная история» Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: badikov.roman@gmail.com

БАЖЕНОВА Яна Вячеславовна – магистрант кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: 54955594@mail.ru

БАНКОВА Татьяна Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: tatabank@mail.ru

БЕЛЛО Самюэль Эдмундо Лопес – доцент Федерального университета Риу Гранди ду Сул (г. Порту-Алегри, Бразилия); доцент Университета Люмьер Лион 2 (г. Лион, Франция). E-mail: Samuelbello40@gmail.com

БРУММ Константин Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры социологии, политологии и экономики Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Kas-1294@yandex.ru

БУРНАКОВ Артас Алексеевич – науч. сотр. сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Абакан). E-mail: artas_burnakov@mail.ru

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); ст. науч. сотр. лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: venariy@ngs.ru

ГЕРГИЛЕВ Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

ГИЛЛЕСПИ Дэвид Чарльз – PhD, д-р философии по филологии, профессор русского языка и культуры Университета г. Бат (г. Бат, Великобритания); профессор кафедры английской филологии, иностранный работник лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: d.c.gillespie@bath.ac.uk

ГЛАДУН Елена Федоровна – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета. E-mail: efgladun@yandex.ru

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич – д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского психолого-социального университета. E-mail: grigorev.viktor@gmail.com

ГУРАЛЬ Светлана Константиновна – д-р пед. наук, канд. филол. наук, зав. кафедрой английской филологии, зав. лабораторией социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: svetlana.gural@mail.ru; sguseva_s@mail.ru

ГУСЕВА Светлана Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: sguseva_s@mail.ru

ДЕМЕШКИНА Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета Томского государственного университета. E-mail: demeta@rambler.ru

ДЕРКАЧ Светлана Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: svetich_d2000@mail.ru

ДМИТРИЕНКО Надежда Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: vassa.mv@mail.ru

ДУРЕЕВА Наталья Сергеевна – канд. филос. наук, доцент кафедры глобалистики и геополитики Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: natalya-nsd@yandex.ru

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акишевич – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Астана, Казахстан). E-mail: ermekjaras@mail.ru

ЗАЙЦЕВ Олег Александрович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московской академии экономики и права. E-mail: oleg@mael.ru

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: olga.hazarova@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ИСАКОВА Анна Алексеевна – соискатель кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета. E-mail: annatelem@gmail.com

КИЧЕРА Виктор Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина). E-mail: vkichera@ukr.net

КЛАДОВА Ксения Юрьевна – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета. E-mail: ks-klad@mail.ru

КОЧЕТОВ Роман Михайлович – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: k0chetov@ya.ru

КУЗНЕЦОВА Екатерина Михайловна – канд. пед. наук, зав. кафедрой романских языков Томского государственного университета. E-mail: evoinel@gmail.com

МАКАРОВА Наталья Алексеевна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. E-mail: makarovaifsin@mail.ru

МАТВЕЕВА Елена Викторовна – д-р полит. наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета. E-mail: mev.matveeva@yandex.ru

МИНАКОВА Людмила Юрьевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, сотр. лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: ludmila_jurievna@mail.ru

МОРОЗОВ Станислав Вацлавович – д-р ист. наук, профессор кафедры социологии и философии Новокузнецкого института-филиала Кемеровского государственного университета. E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru; roland60@mail.ru

МОРОЗОВА Ольга Николаевна – канд. филол. наук, зав. кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: morozova_olga06@mail.ru

ОБДАЛОВА Ольга Андреевна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, сотр. лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: o.obdalova@mail.com

ПИЮК Алексей Валерьевич – канд. юрид. наук, председатель Мегионского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. E-mail: avaleks2@yandex.ru; megiion.hmao@sudrf.ru

РЕНЬЕ Жан-Клод – профессор Университета Люмьер Лион 2 (г. Лион, Франция); иностранный работник лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: jean-claude.regnier@univ-lyon2.fr

СКОЧИЛОВА Вероника Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: veronassk@gmail.com

СМИРНОВА Елизавета Александровна – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). E-mail: cmelizaveta@yandex.ru

СОБОЛЕВА Александра Владимировна – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, сотр. лаборатории социокогнитивной лингвистики и обучения иноязычному дискурсу Томского государственного университета. E-mail: alex_art@sibmail.com

ТАТАРИНОВ Сергей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры международного и конституционного права Томского государственного университета. E-mail: cafedra206@mail.ru

УГРЮМОВА Мария Михайловна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: maria_ugr@mail.ru

ХАМИНОВ Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: khaminov@mail.ru

ХРАМЦОВ Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЦЫДЕНОВА Дарима Цыденовна – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета. E-mail: ruta22@rambler.ru

ШАШКОВА Ярослава Юрьевна – д-р полит. наук, зав. кафедрой политологии, руководитель Центра политического анализа и технологий Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: yashashkova@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2016 № 413 Декабрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20 декабря 2016 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 22. Тираж 250 экз.
Заказ № 2324. Цена свободная.
Дата выхода в свет 30 декабря 2016 г.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru